К76 4/123

К 76 4/123

Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія
въ память
Императора Александра III.
На средства фонда имени графа П. С. Строганова и И. П. Хрущова.

СБОРНИКЪ

ЧТЕНІЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка.

Подъ редакціей
И. П. Хрущова.
(† 25 іюня 1904 г.).

3245

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907.

К76 4/123

Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія
ВЪ ПАМЯТЬ
Императора Александра III.
На средства фонда имени графа П. С. Строганова и И. П. Хрущова.

К76 4/123

СБОРНИКЪ

ЧТЕНІЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка.

Подъ редакціей
И. П. Хрущова.
(† 25 іюня 1904 г.).

3945/II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 8908
26 VI 1932

Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Каменный вѣкъ	1
Черноморье	16
Скиѳы и сарматы	23
Готы и гунны	34
Хазары и болгары	54
Финны	63
Восточные славяне	78
Варяги и Русь	90
Договоры русскихъ съ греками	106
Новгородъ и Кіевъ	114
Крещеніе Руси	122
Свв. Борисъ и Глѣбъ	132
Русская Правда	138
Князь Кіевской Руси	147
Князья и дружина Кіевской Руси	155
Св. Ѳеодосій Печерскій	160
Владиміръ Мономахъ	170
Половцы	182
Андрей Боголюбскій	202
Татары	214
Александръ Невскій	229
Удѣльныя княжества Сѣверо-восточной Руси	236
Великое княжество Московское	246
Преп. Сергій Радонежскій	256
Куликовская битва	267
Великое княжество Литовское	275
Москва и Тверь	288
Москва и Новгородъ	300
Москва и татары	315
Иванъ III и Софія Палеологъ	329

стр.
Успенскій соборъ въ Москвѣ 339
Служилые люди Московскаго государства 349
Крестьяне и холопы до XV вѣка 361
Мѣстное управленіе въ Московскомъ государствѣ 373
Судебникъ Ивана III 380
Іосифъ Санинъ и Волоколамскій монастырь 390
Московская земля въ началѣ XVI вѣка 406

Покойный И. П. Хрущовъ, предсѣдательствовавшій въ Издательскомъ Отдѣленіи Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, предполагалъ издать въ трехъ выпускахъ Сборникъ чтеній по русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до конца XIX вѣка. Онъ подробно разработалъ планъ перваго выпуска, подобралъ для него матеріалы, успѣлъ отчасти проредактировать ихъ и сдать въ печать, но смерть прервала его работу, когда готовилась вторая половина книги.

По мысли И. П. Хрущова, Сборникъ долженъ былъ послужить и пособіемъ для изученія исторіи въ школѣ, и средствомъ для удовлетворенія интересовъ тѣхъ читателей, которымъ по разнымъ причинамъ недоступны труды извѣстнѣйшихъ ученыхъ или первоисточники. Въ виду того, что многіе изъ этихъ трудовъ и особенно—источники не даютъ возможности приводить изъ нихъ «избранныя мѣста» безъ нѣкоторой обработки, составитель Сборника счелъ болѣе цѣлесообразнымъ прибѣгнуть къ изложенію ихъ, стараясь однако держаться ближе къ подлинному тексту и избѣгать вольной его передачи тамъ, гдѣ не было въ этомъ прямой необходимости.

Совѣтъ Общества, зная, сколь горячо желалъ покойный довести свой послѣдній трудъ до конца, опредѣлилъ издать настоящій выпускъ, какъ онъ былъ задуманъ и подготовленъ И. П. Хрущовымъ.

КАМЕННЫЙ ВѢКЪ.

(По соч. *Л. Нидерле* «Человѣчество въ доисторическія времена». Пер. съ чешскаго Ѳ. Волкова, подъ редакціей Д. Анучина. Спб., 1898 и *И. Тейлора* «Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ». М., 1897).

I.

Европа до появленія человѣка. Великій сѣверный ледникъ. Наносы и отложенія въ пещерахъ.

До появленія человѣка въ Европѣ прошло три продолжительныхъ эпохи. Въ началѣ послѣдней изъ нихъ (третичной) произошло преобразованіе прежняго небольшого материка въ подобіе нынѣшняго. Климатъ быстро сдѣлался чрезвычайно теплымъ, не было вовсе зимы. Огромное море разлилось по всему югу Европы и придало ей африканскій характеръ: кокосовыя и другія пальмы покрывали нынѣшнія среднеевропейскія страны, а между млекопитающими преобладали толстокожія, близкія къ нынѣшнимъ тапирамъ. Затѣмъ произошло новое наступаніе моря, на этотъ разъ на сѣверѣ. Когда море на югѣ убыло, новое сѣверное море разлилось до самой средины материка. Измѣненіе морей имѣло своимъ естественнымъ послѣдствіемъ значительное пониженіе температуры; тропическія формы животныхъ и растеній начали исчезать. Но сѣверное море опять отступило назадъ, весь европейскій материкъ вышелъ изъ подъ воды, и явился рядъ большихъ средиземныхъ морей со множествомъ прѣсноводныхъ озеръ. Климатъ оставался по прежнему влажнымъ и очень равномѣрно теплымъ по всей Европѣ; растительность вообще была вполнѣ одинакова на протяженіи всего материка—на сѣверѣ такая же, какъ на югѣ; изъ млекопитающихъ преобладали еще толстокожія. Далѣе произошли новыя измѣненія: средиземныя моря осушились и исчезли, за то одно обширное море покрыло часть нынѣшней Франціи, Швейцаріи, Австріи и распространилось оттуда далеко на востокъ, чрезъ Малую Азію, къ рѣкѣ Евфрату и озеру Урміи. Южная Европа превратилась въ группу острововъ, на которыхъ растительность развилась въ необыкновенныхъ

размѣрахъ. Зима была постоянно мягкая. Тамъ, гдѣ нынѣ Швейцарія, росли деревья, какія встрѣчаются теперь лишь гораздо южнѣе—у береговъ Африки. Даже островъ Исландія былъ покрытъ богатой растительностью. Поверхность земли постоянно подвергалась, однако, измѣненіямъ, пока весь этотъ періодъ не закончился образованіемъ альпійской горной системы. Млекопитающія дошли въ это время до своего высшаго развитія. Появились новые виды гигантскихъ толстокожихъ, напр., мастодонтъ, носорогъ и др. Становятся извѣстными и такъ называемыя «человѣкоподобныя» обезьяны.

Въ послѣдній періодъ третичной эпохи поверхность и границы Европы сдѣлались уже очень подобными нынѣшнимъ; температура начала понижаться и разные виды растеній и животныхъ отодвинулись къ югу. Изъ млекопитающихъ въ это время преобладаютъ травоядныя, которыя размножались безчисленными стадами по берегамъ большихъ соленыхъ озеръ, оставшихся послѣ громаднаго моря: то были, главнымъ образомъ, разные виды антилопъ и оленей, затѣмъ—гиппаріоны, предки нашей лошади, а также большія толстокожія и новые виды обезьянъ; въ концѣ періода исчезаетъ мастодонтъ, но вмѣсто него появляются слоны, а наконецъ и лошадь; можетъ быть, въ это время появился въ Европѣ и первый человѣкъ.

Главнымъ явленіемъ слѣдующей (четвертичной) эпохи было измѣненіе климата въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія: громадное количество снѣга и льда покрыло тогда значительную часть Европы, особенно ея сѣверныя части. Этотъ ледниковый періодъ, съ холоднымъ и влажнымъ климатомъ, былъ, повидимому, очень продолжителенъ. Ледники мы находимъ и теперь въ Европѣ — въ Альпахъ, на Кавказѣ, въ Пиренеяхъ, на Скандинавскихъ горахъ; но размѣры ихъ значительно уступаютъ прежнимъ: нѣкогда они покрывали и такія горы, на которыхъ теперь ихъ нѣтъ вовсе. Болѣе того: ледники Скандинавскихъ горъ, слившись въ общій потокъ, выдвинулись впередъ и не только захватили всю Скандинавію и все Сѣверное море, но, соединившись съ ирландскими и шотландскими ледниками, заняли почти всю Англію до самой Темзы. Голландію до Рейна, сѣверовостокъ Германіи до Гарца и до Рудныхъ горъ, весь сѣверо-востокъ ея, весь сѣверозападъ Россіи, Финляндію, и даже значительную часть средней Россіи. Всѣ эти обширныя европейскія страны и нынѣшнія моря Балтійское и Сѣверное покоились тогда подъ однимъ общимъ ледянымъ покровомъ, подобно тому, какъ до сихъ поръ поръ лежитъ подъ нимъ Гренландія. На этомъ ледяномъ пространствѣ человѣкъ, понятно, не могъ жить.

Въ теченіе многихъ вѣковъ сѣверные ледники попеременно то

отступали назадъ, то выдвигались впередъ, и лишь послѣ ледниковаго періода мало-по-малу установился умѣренный климатъ. Таяніе льда повлекло за собой образованіе многихъ озеръ; мощныя рѣки образовались вновь или проложили себѣ новые пути. Среднеевропейскія равнины и долины, ранѣе лишенныя цвѣтковой растительности, стали превращаться въ травянистыя степи, въ пастбища для травоядныхъ животныхъ, смѣнявшіяся кое-гдѣ лѣсными островами; наконецъ, растительная и животная жизнь постепенно вошли въ шумную колею—Европа вступила въ умѣренный климатъ, въ которомъ мы живемъ и до сихъ поръ.

Человѣкъ былъ уже свидѣтелемъ всѣхъ этихъ перемѣнъ. Онъ не могъ жить на ледникахъ, но жилъ на ихъ окраинахъ, въ мѣстностяхъ, болѣе теплыхъ и не покрытыхъ льдомъ. По мѣрѣ отступленія ледниковъ, онъ слѣдовалъ за ними и заселялъ менѣе гостепріимныя страны сѣверной Европы.

Обильные потоки водъ образовали въ эту пору такъ называемые рѣчные наносы и морскія отложенія. Изъ нихъ наибольшее значеніе для исторіи человѣка имѣютъ отложенія въ известковыхъ пещерахъ. Вода, проникая въ толщу известковыхъ пластовъ, образовывала въ нихъ сначала пустоты, а потомъ и гроты. Вслѣдствіе размыва рѣками своихъ долинъ, эти гроты открывались наружу болѣе или менѣе значительнымъ отверстіемъ. Временами, въ періодъ половодья, рѣка иногда заливала эти гроты и отлагала въ нихъ наносы, съ которыми попадали нерѣдко и трупы или кости различныхъ животныхъ; а иногда, наоборотъ, потоки воды могли размывать отчасти содержаніе пещеръ и выносить его наружу. Впослѣдствіи, съ уменьшеніемъ водности рѣкъ или съ углубленіемъ ими своихъ руслъ, такія пещеры перестали заливаться водою; ими нерѣдко пользовались различныя хищныя животныя для устройства въ нихъ своего логовища, а иногда и человѣкъ, избиравшій ихъ временной стоянкой или постояннымъ жилищемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ пещерѣ должны были накопляться различные отбросы, въ родѣ утерянныхъ или поломанныхъ издѣлій, костей отъ съѣденныхъ животныхъ и т. п., и это тѣмъ болѣе, что первобытные люди не отличались чистоплотностью и оставляли вокругъ себя какъ остатки своей трапезы, такъ и образцы своихъ подѣлокъ изъ камня, кости и рога, и отбросы отъ ихъ фабрикаціи.

II.

«Каменный вѣкъ». Издѣлія и занятія европейцевъ въ эпоху неполированнаго камня (палеолитическую). Слѣды «каменнаго вѣка» въ Европейской Россіи.

На основаніи вещественныхъ памятниковъ, найденныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ человѣкъ, можно представить себѣ складъ и обстановку его доисторической жизни. Главные виды растеній были тѣ же, что и теперь; но степи и лѣса были еще не тронуты, изобиловали травой и деревьями. Изъ животныхъ въ Европѣ въ ту пору встрѣчались пещерный медвѣдь, пещерная гіена, пещерный левъ, мамонтъ, носорогъ, мускусный овцебыкъ, гиппопотамъ, гигантскій и сѣверный олень, лось, дикая лошадь, бизонъ или зубръ, туръ или дикій быкъ, рысь, россомаха, волкъ, лисица, куница, бобръ и разные другіе грызуны, серна, кабанъ, сайга, сусликъ, тушканчикъ. Эти формы животныхъ не всѣ появились одновременно и были не одинаково распространены въ продолженіи ея: въ началѣ эпохи преобладалъ, напр., пещерный медвѣдь, а во второй половинѣ ея—сѣверный олень. Несомнѣнныхъ слѣдовъ домашнихъ животныхъ не встрѣчается; даже собака, повидимому, еще отсутствовала, хотя прирученіе ея и возможно отнести къ концу этой эпохи.

Человѣкъ того времени употреблялъ въ качествѣ матеріала для своихъ издѣлій прежде всего камень, главнымъ образомъ, кремень, и затѣмъ—дерево, кость и рогъ. Употребленіе камня для приготовленія орудій и оружія продолжалось, впрочемъ, и послѣ, когда стали извѣстны металлы. Весь этотъ періодъ жизни человѣчества, когда камень служилъ главнымъ матеріаломъ для орудій и инструментовъ, названъ *каменнымъ вѣкомъ*. Орудія изъ камня дѣлятся на два главныхъ вида: одни обработаны грубо, не полированы и не просверлены; другія, напротивъ, отдѣланы болѣе тщательно, отполированы и просверлены — поэтому каменный вѣкъ принято дѣлить на два періода: палеолитическій (отъ греч. *палаіо́съ — древній*, и *литосъ — камень:* древне-каменный) и неолитическій (отъ греч. *не́осъ—новый* и *литосъ—камень:* новокаменный).

Въ первомъ періодѣ человѣкъ велъ почти такой же образъ жизни, какъ многія изъ первобытныхъ племенъ, еще и нынѣ живущихъ на далекомъ сѣверѣ (напр., эскимосы) или на югѣ (напр., пешересы). Спачала онъ обходился несомнѣнно безъ одѣянія, спалъ подъ деревьями или подъ открытымъ небомъ и только во время непогоды или въ холодную пору, особенно когда климатъ Европы

сталъ болѣе суровымъ, онъ началъ искать себѣ убѣжища подъ кровомъ пещеръ и сталъ одѣваться въ звѣриныя шкуры. Въ пещерахъ именно находятся орудія, вполнѣ пригодныя для обработки и очистки шкуръ. Древнѣйшія изъ каменныхъ орудій еще очень грубо обдѣланы, однако, они уже носятъ на себѣ несомнѣнные признаки работы рукъ человѣческихъ: таково, напр., клинообразное орудіе, имѣющее болѣе или менѣе миндалевидную форму, оббитое съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ въ эпоху пещернаго медвѣдя, густошерстнаго носорога и мамонта—появляется кремневое скребло, пригодное для обработки звѣриныхъ шкуръ, именно для очистки отъ нихъ мездры. Нѣсколько позже, когда исчезъ носорогъ и явились огромныя стада дикихъ лошадей и сѣверныхъ оленей, скребла смѣнились скребками, меньшаго размѣра и болѣе тщательной отдѣлки. Тогда же человѣкъ дошелъ до искусства сшивать шкуры при помощи острыхъ костяныхъ иголокъ и нитокъ изъ оленьихъ жилъ. Далѣе, по мѣрѣ того, какъ размножались стада оленей, человѣкъ началъ оставлять кремень, предпочитая ему звѣриныя кости и оленьи рога. Изъ кости и рога выдѣлывались въ большомъ количествѣ иглы, стрѣлы, шилья, гарпуны, ножи, кинжалы, а съ помощью ихъ—даже первыя украшенія: просверленные звѣриные зубы и раковины, подвѣски изъ камней и проч.

Главнымъ занятіемъ и главнымъ средствомъ существованія человѣка въ эту эпоху была охота. Лѣса, долины и степи тогдашней Европы изобиловали множествомъ крупной дичи. Пока ея было достаточно, человѣкъ не сознавалъ еще потребности приручать животныхъ, а можетъ быть еще и не додумался до этого. Воздѣлываніе земли было также неизвѣстно. Охотились люди, повидимому, на все, что попадалось подъ руку. Большихъ звѣрей, для которыхъ копье съ кремневымъ наконечникомъ, стрѣла, деревянная палица или грубый каменный молотъ оказывались ненадежными, человѣкъ одолѣвалъ съ помощью хитрости. Для ловли мамонтовъ и носороговъ устраивались, вѣроятно, большія ямы, въ которыхъ не трудно было уже убить разъ попавшее туда животное. Ухитрялись ловить также рыбъ съ помощью копья, удочки или гарпуна. Очень возможно, что на какихъ-нибудь первобытныхъ челнокахъ, на выдолбленныхъ посредствомъ огня однодеревкахъ человѣкъ отваживался уже пускаться довольно далеко отъ берега въ открытое море. Мясо употреблялось въ пищу, повидимому, большей частью сырымъ, хотя попадающіяся иногда обожженныя кости показываютъ, что человѣкъ умѣлъ уже поджаривать мясо на огнѣ или на плоскихъ, раскаленныхъ на угольяхъ, камняхъ. Онъ не только уже былъ знакомъ съ огнемъ, но умѣлъ и пользоваться имъ для домашнихъ потребностей; остатки очаговъ попадаются часто въ от-

ложеніяхъ палеолитической эпохи. Огонь добывался или ударами кремней другъ о друга—причемъ сильной искры было достаточно, чтобы зажечь сухой мохъ—или, что вѣроятнѣе, быстрымъ треніемъ двухъ сухихъ кусковъ дерева одинъ о другой.

Главными орудіями человѣка въ эту эпоху, кромѣ деревянной дубины и нижней челюсти медвѣдя, служили различнымъ образомъ обдѣланные камни. Они употреблялись обыкновенно безъ всякой рукоятки; но каменныя острія или наконечники копій и стрѣлъ, разумѣется, должны были прикрѣпляться къ древкамъ. Прикрѣпленіе это дѣлалось посредствомъ тонкихъ ремешковъ, лыка, а также разнаго рода смолы.

Мѣстами человѣкъ палеолитической эпохи зналъ и гончарное искусство.

Удивительной для той эпохи степени развитія достигъ человѣкъ въ рѣзьбѣ: встрѣчаются на издѣліяхъ изъ кожи и рога не только украшенія въ видѣ правильно расположенныхъ полосокъ, но и удачныя подражанія природѣ, главнымъ образомъ, въ видѣ изображеній животныхъ—мамонта, оленя, лошади.

Надо полагать также, что въ эту эпоху европеецъ обладалъ нѣкоторымъ религіознымъ вѣрованіемъ и владѣлъ рѣчью. Общественное устройство не шло, конечно, дальше простѣйшаго общиннаго и семейнаго быта.

Что касается Европейской Россіи, то поверхность ея тогда была совершенно не такою, какъ теперь. Сѣверная часть ея была покрыта ледниками, слѣды которыхъ мы находимъ теперь въ видѣ мощныхъ валунныхъ отложеній, холмистыхъ грядъ, многочисленныхъ озеръ и болотъ. Эта ледяная пустыня, лишенная какъ растительной, такъ и животной жизни, занимала всю сѣверную Россію и бо́льшую часть средней, выдвигаясь къ югу двумя языками въ долины Днѣпра и Дона. Ея южныя границы указываются распространеніемъ сѣверныхъ (финляндскихъ) валуновъ. Внутри этихъ границъ совмѣстное существованіе человѣка и мамонта не доказано еще вполнѣ, но за предѣлами ихъ слѣды такого существованія довольно многочисленны. По мѣрѣ отступленія къ сѣверу и сѣверо-западу великаго ледника подвигались вслѣдъ за нимъ, въ томъ же направленіи, и животныя, и человѣкъ. Къ концу четвертичнаго періода они достигли уже Финляндіи и Прибалтійскаго края. Затѣмъ крупныя млекопитающія этого періода исчезли на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, продолжая еще существовать въ сѣверо-восточной ея части и Сибири. Человѣкъ, въ свою очередь, подвинулся до ступени, соотвѣтствующей неолитическому

періоду, началъ выдѣлывать себѣ орудія изъ полированнаго камня, приготовлять изъ глины посуду.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что на громадномъ пространствѣ нынѣшней Россійской имперіи человѣкъ появился очень рано и, если справедливо, что колыбелью человѣчества была Азія, то въ Россіи вообще мы должны найти болѣе древніе слѣды человѣка, чѣмъ въ Западной Европѣ, такъ какъ человѣкъ прежде, чѣмъ появиться на западѣ Европы, долженъ былъ пройти черезъ нынѣшнюю Россію. Наиболѣе замѣчательныя находки древнѣйшихъ орудій—близъ села Карачарова, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи; возлѣ села Костенокъ, на берегу Дона, въ Воронежской губерніи; на южномъ побережьѣ Ладожскаго озера; въ окрестностяхъ Мурома, у села Волосова, на берегу рѣки Велетьмы и на рѣкѣ Окѣ.

III.

Стоянки въ эпоху полированнаго камня (неолитическую). Очаги и ямы. Городища. Свайныя постройки. Могилы и курганы.

Главные признаки неолитической эпохи—болѣе тщательная отдѣлка орудій и умѣнье просверливать ихъ для укрѣпленія рукояти. Въ эту эпоху человѣкъ уже былъ знакомъ съ гончарнымъ искусствомъ, даже занимался земледѣліемъ и разведеніемъ домашнихъ животныхъ.

Послѣ того, какъ крупныя животныя были отчасти истреблены охотой, отчасти же, соотвѣтственно измѣненію климата, отступили къ сѣверу и востоку, человѣку грозилъ недостатокъ пищи; чтобы обезпечить себя, онъ долженъ былъ ловить животныхъ, но не убивать ихъ и заботиться объ ихъ размноженіи. Такъ началось мало-по-малу прирученіе животныхъ. Подобнымъ же образомъ человѣкъ могъ быть приведенъ и къ хлѣбопашеству, т. е. къ искусственному разведенію хлѣбныхъ растеній про запасъ.

Въ эту эпоху пещеры перестаютъ быть единственнымъ убѣжищемъ людей. Тамъ и сямъ на поверхности земли или въ почвѣ попадаются обширныя мѣста, покрытыя кремневыми осколками и орудіями, костями домашнихъ и дикихъ животныхъ, черепками посуды, пепломъ и угольями. Такія мѣста принято называть неолитическими стоянками, а если они служили центрами выдѣлки каменныхъ орудій въ большомъ количествѣ, то—мастерскими каменныхъ орудій. Въ нѣкоторыхъ странахъ эти стоянки служили, повидимому, постояннымъ мѣстопребываніемъ людей, въ другихъ же только вре-

менным, лѣтним. Человѣкъ жилъ здѣсь подъ открытымъ небомъ, сюда онъ тащилъ убитыхъ въ окрестностяхъ звѣрей, приготовлялъ ихъ мясо на огнѣ и здѣсь же, если оказывалось по близости достаточно матеріала, выдѣлывалъ свои орудія и оружіе.

Подобнаго рода стоянки встрѣчаются повсемѣстно въ Европѣ; онѣ весьма многочисленны и у насъ въ Россіи: близъ Бѣлаго моря и Онежскаго озера, у Ильменя озера и у рѣки Волхова, на берегахъ Оки и Волги, въ Кіевской и Волынской губерніяхъ.

Неолитическій человѣкъ не пренебрегалъ удобнымъ убѣжищемъ отъ непогоды, которое доставляли ему пещеры; въ нихъ жили люди и въ послѣдующіе вѣка, живутъ и теперь. Однако, въ эпоху полированнаго камня, среди пещеръ уже было много искусственныхъ; притомъ одни служили для жилья, другія — для погребенія, иныя—для той и другой цѣли вмѣстѣ; всего чаще люди жили въ пещерѣ, а потомъ въ ней же и были погребаемы.

Постоянное жительство подъ открытымъ небомъ въ теченіе неолитической эпохи въ большей части Европы было невозможнымъ: зимнее время и непогода заставляли тогдашнихъ обитателей ея искать надежнаго убѣжища, а такъ какъ населеніе размножалось и пригодныхъ для жилья пещеръ было немного, то пришлось прибѣгнуть къ устройству искусственныхъ жилищъ. Чаще всего долженъ былъ служить убѣжищемъ сдѣланный изъ дерева, хвороста, соломы или кожи шалашъ или юрта съ землянкой. Подобныя жилища не могли сохраниться; но слѣды ихъ остались, благодаря очагамъ и отбросамъ человѣческой трапезы. Надъ ямой ставилась хижина, сдѣланная изъ дерева, прутьевъ или камыша, съ соломенной крышей, или—шалашъ, покрытый кожами, на подобіе чума или юрты азіатскихъ кочевниковъ. Часто такія хижины бывали обмазаны глиной; иногда стѣнки землянки состояли, можетъ быть, изъ одной только глины; внутри былъ очагъ, а дымъ выходилъ сквозь отверстіе въ крышѣ или черезъ двери. Слѣды подобнаго рода убѣжищъ, очаги или ямы, разсѣяны по всей Европѣ. Въ нихъ, среди земли, пепла и угля, находятъ кости животныхъ, орудія, оружіе, утварь, иногда даже человѣческія кости и цѣлые скелеты. Отсюда видно, что многія изъ землянокъ служили также для погребенія труповъ, съ которыми клали въ могилу умершаго разные предметы, служившіе ему при жизни; иногда погребали вмѣстѣ съ господиномъ его слугъ, съ мужемъ — жену и, главное, какъ-бы предоставляли покойнику для дальнѣйшаго жительства его собственную хижину.

Очаги и ямы встрѣчаются или порознь, или довольно большими группами, заставляющими думать, что эти жилища составляли селенія. Иногда эти поселенія охранялись отъ непріятелей особыми сооруженіями, въ родѣ валовъ, и становились *городищами*: такъ назы-

вается доисторическое укрѣпленіе, защищенное валомъ и сдѣланное изъ земли (глины) или камня, вокругъ какого нибудь мѣста, которое нуждалось въ охранѣ и защитѣ. Если такое мѣсто расположено въ открытой равнинѣ, низменности, то оно обыкновенно окружено однимъ или нѣсколькими кольцами насыпи; если же оно примыкаетъ съ одной стороны къ естественной преградѣ, выдается, напр., высокимъ мысомъ въ рѣку или озеро, то валомъ защищены только наиболѣе доступныя его стороны. Чаще всего при постройкѣ городищъ уже заранѣе обращалось вниманіе на то, чтобы мѣстность представляла собой естественную защиту; поэтому большая часть городищъ расположена на возвышенностяхъ, главнымъ образомъ, на высокихъ обрывахъ, причемъ одна или нѣсколько сторонъ ихъ защищены отвѣснымъ неприступнымъ скатомъ, а то мѣсто, гдѣ возвышенность примыкаетъ къ другой возвышенности или представляетъ пологій спускъ, ограждено валомъ. Доступъ въ городище чрезъ проходъ въ валу и является часто защищеннымъ изнутри и извнѣ особыми башнями. На самыхъ валахъ устраивались, вѣроятно, частоколы изъ заостренныхъ бревенъ. Городища сооружались, однако, не для одной только защиты. Повидимому, часть ихъ имѣла и другое, религіозное назначеніе, служила для охраны священныхъ мѣстъ. Изъ городищъ, предназначенныхъ для защиты, только нѣкоторыя были постоянно обитаемы, т. е. заключали въ себѣ селенія, другая же часть городищъ являлась только временнымъ убѣжищемъ для жителей открытыхъ равнинъ: отступая предъ непріятелемъ, они должны были спасать себя и свое имущество въ укрѣпленіи.

Въ этотъ періодъ возникли также свайныя или озерныя постройки, прежде всего—въ Швейцаріи, затѣмъ—въ сѣверной Италіи, и въ другихъ странахъ. Естественно, что свайныя постройки могли возникать только тамъ, гдѣ была вода и притомъ вода, сравнительно спокойная; онѣ не могли бы выдержать, напр., прибой открытаго моря. Вслѣдствіе этого мы встрѣчаемъ свайныя постройки, главнымъ образомъ, на озерахъ и болотахъ. Между европейскими странами наиболѣе пригодной въ этомъ отношеніи была богатая озерами Швейцарія. Берега швейцарскихъ озеръ и тогда уже манили къ себѣ поселенцевъ. Рыбы и дичи было изобиліе, а потому и неудивительно, что уже въ неолитическую эпоху Швейцарія была населена довольно густо и притомъ именно на самыхъ озерахъ, не на берегахъ ихъ, но прямо надъ водою. Можетъ быть, для бо̀льшаго удобства рыбной ловли, для огражденія себя отъ отъ дикихъ звѣрей, а также для лучшей защиты отъ непріятеля, люди предпочитали здѣсь селиться надъ водой, вдали отъ берега. Разъ было найдено на озерѣ подходящее мѣсто, хорошо защищен-

ное отъ вѣтра и волнъ, на немъ прежде всего вбивали въ дно потребное количество свай; на сваи настилался помостъ изъ бревенъ, а на немъ становились хижины изъ прутьевъ и соломы, обмазанныхъ глиной. Судя по многочисленнымъ находкамъ на днѣ озеръ — а здѣсь попадаются всѣ виды каменныхъ топоровъ, пожей, шильевъ, копій, долотъ, дубовыхъ палицъ, деревянныхъ луковъ, множество черепковъ и сосудовъ болѣе ранней и поздней отдѣлки, звѣриныя и человѣческія кости, куски грубыхъ тканей, гребни, бичевки, наконецъ, зерна хлѣбныхъ растеній, пшеницы, ячменя и проса, даже ленъ и разные фрукты—можно сказать, что древнѣйшіе обитатели Швейцаріи были народомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ, хотя и не знали еще овса, ржи, гороха, чечевицы и другихъ овощей. Изъ животныхъ они питались по преимуществу мясомъ оленей, быковъ и свиней; въ числѣ прирученныхъ животныхъ являются собака, свинья, коза, овца, крупный рогатый скотъ и, можетъ быть, лошадь, которая въ эту эпоху была, впрочемъ, очень рѣдка. Главнымъ занятіемъ служило рыболовство. Человѣкъ ловилъ рыбу или дома, просто съ постройки, или спускался по лѣсенкѣ въ челнокъ, выдолбленный изъ ствола, и ловилъ рыбу посреди̇нѣ озера. Кромѣ рыболовства онъ занимался также охотой на сушѣ, воздѣлывалъ свое поле на берегу и тамъ же, повидимому, хоронилъ своихъ мертвыхъ. Человѣческія кости на днѣ озеръ представляютъ большую рѣдкость, да и тѣ, которыя были найдены, относятся по бо̀льшей части къ позднѣйшимъ временамъ.

Много свайныхъ построекъ найдено и у насъ въ Россіи, напр., въ Припетьскихъ болотахъ Полѣсья. На далекомъ востокѣ и юго-востокѣ Европы онѣ были извѣстны уже Геродоту, греческому историку, жившему въ V вѣкѣ до Р. Х.

Геродотъ такъ описываетъ образъ жизни племени пэоновъ во Ѳракіи, на Празійскомъ озерѣ: «Посреди озера находится укрѣпленный на высокихъ сваяхъ помостъ, къ которому ведетъ съ суши узкій ходъ по единственному мосту. Сваи, находящіяся подъ этимъ помостомъ, были укрѣплены давнымъ давно всѣми обитателями сообща, но съ того времени прибавляются новыя: приносятъ ихъ съ горы, называемой Орбелосъ, и каждый разъ, когда кто нибудь женится, онъ долженъ вбить три сваи, а каждый беретъ тамъ много женъ. Живутъ же они такъ: у каждаго на помостѣ есть хижина, въ которой онъ живетъ, и подъемная дверь, открывающаяся къ водѣ. Малыхъ дѣтей привязываютъ веревочкой за ногу, чтобы они не свалились въ воду. Лошадямъ и рогатому скоту даютъ въ пищу рыбу. Рыбы же тамъ столько, что когда кто нибудь откроетъ дверь и спуститъ на веревкѣ въ озеро пустую вершу, то черезъ очень короткое время вытаскиваетъ ее наполненную рыбою».

На югѣ Европы встрѣчаются также сооруженія изъ каменныхъ глыбъ и плитъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, съ ведущимъ наверхъ винтообразнымъ корридоромъ, въ который открываются болѣе просторныя комнаты безъ оконъ. Такія постройки называютъ *циклопическими* и къ нимъ относятъ также остатки древнѣйшихъ городовъ, возникшихъ въ концѣ неолитической эпохи. Впрочемъ, эти города стоятъ на рубежѣ между каменнымъ и металлическимъ вѣкомъ. Тѣ и другія сооруженія очень рѣдки. За то повсемѣстно встрѣчаются гробницы изъ огромныхъ камней или такъ называемые мегалитическіе памятники (отъ греч. *мéгасъ*—большой и *литосъ*—камень). Изъ нихъ особенно замѣчательны дольмены. Въ дольменахъ Швеціи находили по 50, по 100 и даже болѣе человѣческихъ скелетовъ. Въ нихъ покойники погребались или въ сидячемъ положеніи, на корточкахъ, или прислоненными къ стѣнѣ, или же, наконецъ, въ лежачемъ положеніи. Плиты, изъ которыхъ сложены такія гробницы, по бо́льшей части не отдѣланы и лишь слегка притесаны каменными орудіями, украшенія встрѣчаются очень рѣдко. Дольмены въ восточной Европѣ многочисленны только на южныхъ окраинахъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются цѣлые ряды каменныхъ глыбъ, иногда же круги изъ камней или такъ называемые кромлехи: возможно, что это были ограды какихъ-либо священныхъ мѣстъ, своего рода храмовъ или мѣстъ торжественныхъ собраній. Какъ люди могли справляться съ такими глыбами, не зная ни металловъ, ни механическихъ приспособленій? Для передвиженія такихъ тяжестей, очевидно, люди пользовались тогда простѣйшими орудіями—рычагами, круглыми бревнами, обрубками стволовъ. Когда, напр., стѣны дольмена были установлены, ихъ до верху засыпали землей и по образовавшейся наклонной плоскости втаскивали вверхъ каменныя глыбы для кровли. Глыбы отламывались отъ скалъ посредствомъ сухихъ деревянныхъ клиньевъ, разбухавшихъ потомъ отъ воды.

Кромѣ мегалитическихъ памятниковъ, многочисленны также плоскія могилы и насыпные холмы или курганы. Изъ нихъ особенно замѣчательны русскіе курганы, возникшіе въ концѣ каменнаго вѣка. Таковы, напр., курганъ возлѣ деревни Коломцы, Новгородскаго уѣзда, возлѣ мѣстечка Смѣлы, въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, на лѣвомъ берегу рѣки Орели, и мн. др. Во всѣхъ этихъ могильникахъ находятся, конечно, кости животныхъ и людей, орудія, или оружіе изъ камня, рога и кости, глиняная утварь грубой или тщательной отдѣлки. Самый обрядъ погребенія, напримѣръ, съ головой покойника, обращенной къ востоку или къ западу, съ трупосожженіемъ или безъ него, свидѣтельствуетъ о различіи пле-

менъ, населявшихъ Россію въ доисторическія времена. Каждое племя имѣло свои погребальные обычаи и по этимъ обычаямъ можно иногда опредѣлить его разселеніе или прослѣдить его передвиженія.

IV.

Охота и рыболовство. Земледѣліе и скотоводство. Издѣлія изъ камня, глины и волокнистыхъ веществъ. Начатки семейной и общественной жизни. Древнѣйшій центръ славянскихъ поселеній въ Европѣ.

Населеніе Европы и въ эпоху полированнаго камня жило постоянно охотой. Западная и средняя части материка въ это время несомнѣнно были покрыты еще густыми лѣсами, въ которыхъ звѣрь водились въ огромномъ количествѣ, а потому въ остаткахъ неолитическихъ поселеній постоянно встрѣчаемся со многими видами дикихъ животныхъ, главнымъ образомъ: оленей, серн, кабановъ, зайцевъ. За то всѣ почти большія животныя, характерныя для палеотической эпохи, уже исчезли къ этому времени, остался только сѣверный олень, отступавшій постепенно къ сѣверу, да зубръ и туръ, которые удержались въ русскихъ лѣсахъ до позднѣйшихъ временъ.

Кромѣ охоты на звѣрей и птицъ (преимущественно водяныхъ—лебедей, дикихъ утокъ, пеликановъ), человѣкъ жилъ также и рыболовствомъ, особенно въ мѣстностяхъ, расположенныхъ по близости къ водѣ или даже надъ самой водой, какъ напр., въ свайныхъ поселеніяхъ. Разъѣзжая на лодкахъ, выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ, онъ ловилъ рыбу при помощи каменныхъ, костяныхъ или сдѣланныхъ изъ раковинъ рыболовныхъ крючковъ и грубо сплетенныхъ сѣтей, снабженныхъ каменными или глиняными грузилами.

Появляются, впрочемъ, и два новыхъ способа добыванія пищи—скотоводство и земледѣліе. Прежде другихъ стала домашнимъ животнымъ, вѣроятно, собака. Въ началѣ преобладала некрупная порода, называемая «болотною», ибо кости ея найдены главнымъ образомъ въ слояхъ торфа. При помощи собаки человѣкъ приручилъ и другихъ животныхъ: быка, овецъ, козъ и свиней. Лошадь въ это время была очень рѣдка.

Лучшее доказательство существованія хлѣбопашества представляютъ обуглившіяся зерна хлѣбныхъ растеній, находимыя въ свайныхъ постройкахъ, а также ручныя мельницы или плоскіе, иногда углубленные, камни для раздавливанія зеренъ и, наконецъ, остатки

настоящаго «хлѣба» въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. Изъ хлѣбныхъ растеній воздѣлывались пшеница, ячмень, просо, горохъ, чечевица, ленъ; овса и ржи до сихъ поръ еще не найдено; за то разводились другія плодовыя растенія, какъ, напр., виноградъ въ Италіи, и употреблялись въ пищу плоды дико растущихъ растеній—яблони, груши, лѣсного орѣха, водяного орѣха и другихъ.

Всѣ работы при постройкахъ изъ дерева производились при помощи каменныхъ орудій. Орудія изъ кости и рога занимаютъ второстепенное мѣсто; но каменныя орудія этой эпохи отличаются уже болѣе тонкой, искусной отдѣлкой. Появляются прекрасные длинные и тонкіе ножи и наконечники копій, весьма ловко отбитые однимъ ударомъ отъ ядрица, а также искусно отточенные по краямъ обоюдоострые кинжалы. Прежнія издѣлія миндалевидной или листовидной формы замѣняются новыми, весьма похожими на металлическія: кусокъ, отбитый отъ ядрища рядомъ повторныхъ мелкихъ ударовъ или нажимовъ крѣпкою костью, оббивался по краямъ, а затѣмъ оттачивался посредствомъ другого камня, главнымъ образомъ, песчаника, служившаго брускомъ. Приготовлять каменныя орудія крупныхъ размѣровъ было дѣломъ не легкимъ. Опытомъ дознано, что для шлифовки обыкновеннаго топора средняго размѣра требовалось не менѣе пяти часовъ работы, а между тѣмъ попадаются экземпляры, до такой степени превосходно отшлифованные, что поверхность ихъ и до сихъ поръ еще блеститъ, какъ стекло.

Долго полагали, что просверливаніе дыръ въ камняхъ возможно лишь при помощи металлическихъ инструментовъ и что, слѣдовательно, всѣ каменные топоры и молотки съ дырами—позднѣйшаго происхожденія. Но по нѣкоторымъ находкамъ можно судить, какъ производилась эта работа въ неолитическую эпоху. Было три способа сверленія: 1) или сверломъ служилъ круглый предметъ, напр., древесный сукъ, подъ который при вращеніи подсыпали смачиваемый водою песокъ, 2) или дыры получались отъ усиленнаго вращенія рогового сверла, 3) или онѣ продалбливались или вырѣзывались какимъ нибудь острымъ инструментомъ, напр., изъ кремня. Встрѣчаются въ находкахъ и самыя рукояти каменныхъ топоровъ и молотковъ—онѣ дѣлались изъ дерева или изъ рога.

Владѣя такими инструментами, какъ молотъ, топоръ, ножъ, долото, человѣкъ могъ приготовлять разнообразные предметы изъ дерева, а также изъ горныхъ породъ, какъ то—утварь и украшенія.

Большіе успѣхи замѣтны и въ гончарномъ дѣлѣ. Хотя въ эту эпоху еще встрѣчаются сосуды грубой работы отъ руки, шарообразной или котловидной формы, съ толстыми стѣнками, безъ усиковъ, грубо обожженные и безъ всякихъ украшеній—но они служили, очевидно, уже для кухонныхъ надобностей. Другую группу

составляютъ погребальные сосуды; они сдѣланы гораздо искуснѣе но все еще отъ руки, а не на гончарномъ кругѣ; это—горшечки, кружки, чашечки, амфоры, и т. д. Наконецъ, появилась посуда тонкой работы небольшихъ размѣровъ и красивой формы съ гладкой блестящей поверхностью и украшенная особаго рода желобкомъ; встрѣчается даже расписная посуда. Эти издѣлія приближаютъ насъ уже къ металлической эпохѣ.

Началась обработка и волокнистыхъ веществъ: найдены не только остатки ручного плетенья изъ льна и соломы, но и куски грубыхъ настоящихъ тканей. Часть этихъ тканей приготовлялась посредствомъ простого плетенья руками, часть была уже соткана на первобытномъ станкѣ. Шерстяныя ткани стали извѣстны людямъ также въ теченіе каменнаго вѣка, хотя и въ эту эпоху продолжали служить для одежды звѣриныя шкуры.

Быть по прежнему господствовалъ кочевой, пастушескій. Даже въ древнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ преобладаютъ кости дикихъ животныхъ, а изъ прирученныхъ попадаются кости собаки и быка, но баранъ крайне рѣдокъ.

Богатство этихъ первобытныхъ народовъ состояло почти цѣликомъ въ ихъ стадахъ. Самое названіе скота, общее во многихъ европейскихъ языкахъ, было впослѣдствіи источникомъ множества производныхъ словъ, означавшихъ собственность и деньги: еще въ XI вѣкѣ по Р. Х. слова *скотьникъ* и *скотьница* значили на Руси—казначей и казна.

Любопытно, что нѣтъ въ древнѣйшемъ языкѣ европейцевъ слова, означающаго осень; будучи пастухами, они различали лишь два времени года: зиму, когда нужно было загонять стада въ закутъ, и лѣто, когда стада уходили на пастбища. Древній европеецъ перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто вслѣдъ за своими стадами по мѣрѣ того, какъ они истребляли подножный кормъ. Можетъ быть, тогда же была изобрѣтена первая повозка, построенная безъ металла: въ ней колеса и ось дѣлались изъ одного куска, изъ древеснаго ствола, толщина котораго въ серединѣ была уменьшена, чтобы образовать ось, а широкіе концы ея служили колесами.

Наконецъ, европейцы стали соединяться въ союзы, прежде всего—въ семейные. Во всѣхъ вѣтвяхъ ихъ языка встрѣчаются одинаковыя слова, означающія ближайшихъ родственниковъ—мать, брата, свекровь; въ большинствѣ языковъ Европы одинаковы по корню и по звуку имена отца, мужа, сына, дочери, сестры, зятя. Стало быть, уже существовала какая-то форма брака. Но едва-ли въ эти первобытныя времена различались отдѣльные народы; можетъ быть, обширные общественные союзы возникли во время раздѣленія и разселенія европейцевъ по тѣмъ странамъ, гдѣ застаетъ ихъ исторія.

* * *

Среди ископныхъ обитателей Европы позже всѣхъ становятся извѣстными въ исторіи славяне. Между тѣмъ какъ исторія грековъ, италиковъ, кельтовъ, германцевъ уходитъ далеко въ глубь вѣковъ *до* Р. Х., древнѣйшія извѣстія о славянахъ относятся лишь къ I-му вѣку, *по* Р. Х., а самое имя славянъ впервые упоминается только въ VI-мъ вѣкѣ. До распаденія всей расы европейцевъ на отдѣльные народы славяне, конечно, раздѣляли ихъ общую участь и были свидѣтелями указанныхъ выше перемѣнъ на материкѣ Европы; но гдѣ и какъ жили славяне съ тѣхъ поръ, какъ они отдѣлились въ особый народъ, остается неяснымъ; иначе говоря, пельзя указать съ точностію древнѣйшую родину славянъ и нельзя отчетливо описать ихъ бытъ до разселенія по тѣмъ странамъ, гдѣ застаетъ ихъ исторія.

Полагаютъ, что древнѣйшимъ центромъ славянскихъ поселеній въ Европѣ были сѣверо-восточные склоны Карпатъ и правый берегъ Вислы. Отсюда, можетъ быть, съ конца II-го вѣка по Р. Х., началось разселеніе славянъ на западъ—къ берегамъ Балтійскаго моря и Дупая, и на востокъ — въ область сѣверныхъ русскихъ озеръ и Днѣпра.

Однако, всюду, гдѣ появлялись славяне, раньше нихъ обитали другіе народы, осѣдлые и кочевые, европейскаго и азіатскаго происхожденія. Новымъ пришельцамъ предстояло поэтому вступать съ древнѣйшими поселенцами въ мирныя или враждебныя отношенія—оттѣснять или подчинять ихъ своей власти, или, напротивъ, самимъ уступать и становиться отъ нихъ въ зависимость.

Борьба съ природой и людьми въ эпоху разселенія была главнымъ условіемъ тѣхъ перемѣнъ, какія наступили въ жизни славянъ вслѣдъ за «каменнымъ вѣкомъ»: съ *металлическимъ* мечемъ и топоромъ въ рукахъ прокладывали себѣ путь и наши предки среди рѣкъ и лѣсовъ Восточно-европейской равнины.

ЧЕРНОМОРЬЕ.

(По соч. гр. *И. Толстого* и *Н. Кондакова* «Русскія древности». В. I. Спб., 1889).

I.

Греческія колоніи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря.

Пантикапея.

Задолго до разселенія славянъ южно-русскія степи по нижнему теченію Буга, Днѣпра и Дона были заняты скиѳами, а къ югу отъ нихъ, на берегахъ Чернаго моря, обитали греки. Скиѳы занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ; одни были осѣдлые пахари, другіе — пастухи-кочевники; но тѣ и другіе вели торговлю съ греками, а по временамъ притѣсняли и грабили ихъ богатые города. Главнымъ занятіемъ грековъ на Черномъ морѣ была торговля; поэтому они иногда становились въ зависимость отъ воинственныхъ скиѳовъ и платили имъ дань; иногда, напротивъ, они сами поднимали оружіе противъ безпокойныхъ сосѣдей, угоняли ихъ въ глубь страны и уводили толпы плѣнниковъ, которыхъ продавали въ рабство. Въ свою очередь скиѳы, сталкиваясь и сближаясь съ греками, подчинялись ихъ вліянію, усваивали ихъ обычаи, нравы, вѣрованія и превращались, такимъ образомъ, въ полугрековъ. Исторія совмѣстной жизни того и другого народа началась въ VII вѣкѣ до Р. Х.,— съ тѣхъ поръ, какъ греки начали строить свои города на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря,—и кончилась въ VI в. по Р. Х., когда въ южно-русскихъ степяхъ явились дружины готовъ и полчища гунновъ.

Среди греческихъ колоній наиболѣе выгодное положеніе занимали *Ольвія* и *Пантикапея*. Первая была основана (въ 645 г. до Р. Х.) на берегу р. Буга: она служила средоточіемъ всей хлѣбной торговли на сѣверо-западномъ побережьѣ, причемъ близость воднаго пути по Днѣпру и отъ его верховьевъ къ Волхову облегчала сношенія съ Балтійскими рынками. Вторая была основана (въ VI в. до Р. Х.) на Керченскомъ проливѣ: она держала въ своихъ рукахъ всю хлѣбную

торговлю сѣверо-восточнаго побережья, а близость Дона и Волги способствовала сношеніямъ съ народами сѣверныхъ и восточныхъ странъ. Пантикапея даже стала столицей царства, простиравшагося въ эпоху высшаго своего могущества отъ горъ Тавриды до р. Дона и Кавказскаго хребта.

Въ 438 г. (до Р. Х.) нѣкто Спартокъ, можетъ быть, князекъ одного изъ варварскихъ племенъ, соединивъ подъ своей властью оба берега Боспора,—такъ назывался у грековъ Керченскій проливъ,—положилъ начало Боспорскому царству. Потомки Спартока называли себя царями только варварскихъ народцевъ, а въ греческихъ же городахъ они не нарушали свободы и довольствовались званіемъ правителей. При царяхъ этой династіи «Боспоръ» достигъ высшей степени своего процвѣтанія; но въ концѣ II в. (до Р. Х.) царство пришло въ такой упадокъ, что добровольно подчинилось воинственному Митридату Евпатору. Послѣдній Владыка, послѣ долгой и упорной войны съ внѣшними и внутренними врагами, къ числу которыхъ принадлежалъ его-же сынъ Фарнакъ, окончилъ жизнь самоубійствомъ. Однако, и Фарнакъ погибъ отъ руки измѣнившаго ему полководца. Этотъ послѣдній сталъ царемъ Боспора и поднялъ на время его былое могущество. По смерти этого царя Боспоръ сталъ добычей варваровъ: вожди сарматовъ Аспурганъ, подчинивъ азіатскую часть царства, овладѣлъ и европейской и положилъ начало новой династіи: господство ея кончилось съ годъ смерти Константина Великаго (337 по Р. Хр.). Лѣтъ 30 спустя Боспоръ входилъ еще въ составъ Римской имперіи—послѣдній ударъ нанесли ему гунны во время великаго переселенія народовъ.

Греческій географъ Страбонъ (I в. по Р. Хр.) даетъ намъ краткое описаніе самаго города Пантикапея: «Пантикапея—не что иное, какъ холмъ, со всѣхъ сторонъ заселенный; онъ имѣетъ окружности 20 стадій (около 3-хъ верстъ). На восточной сторонѣ его лежитъ гавань и пристань почти для тридцати кораблей; онъ имѣетъ акрополь».—Холмъ этотъ, прозванный Митридатовой горой, есть окончаніе цѣпи холмовъ, перерѣзывающихъ сѣверный край Таврическаго полуострова. На акрополѣ стояли, вѣроятно, храмы божествъ, почитаемыхъ въ городѣ. Отъ храмовъ этихъ дошли до насъ только обломки. Но и обломки своимъ изяществомъ и пышностью свидѣтельствуютъ о богатствѣ Пантикапеи: источникомъ его служила торговля.

Главнымъ предметомъ вывоза былъ хлѣбъ. «За исключеніемъ горъ, тянущихся вдоль моря до Ѳеодосіи, весь полуостровъ,—говоритъ Страбонъ,—представляетъ плодоносную равнину, почва которой особенно хороша для произрастанія хлѣба: поле здѣсь, вспаханное любымъ землекопомъ, даетъ самъ-тридцать». Эти слова на-

ходятъ себѣ подтвержденіе въ городскихъ монетахъ: на нихъ часто встрѣчаются изображенія сошника и колоса. Иногда на монетахъ колосъ замѣняется рыбой — и Страбонъ упоминаетъ о ловлѣ рыбы. «Въ этомъ мѣстѣ (т. е. въ проливѣ) — говоритъ онъ, — изъ подо льда ловятъ рыбу такъ называемой гангамой или неводомъ, преимущественно осетровъ, по величинѣ не уступающихъ дельфинамъ». Степи, прилегающія къ Азовскому морю, представляли отличныя пастбища для скота кочующихъ народовъ. На торговлю скотомъ указываютъ, быть можетъ, и весьма частыя на монетахъ изображенія головъ быковъ, лошадей, барановъ.

II.

Ольвія. Танаида. Херсонесъ Таврическій.

Второе мѣсто послѣ Пантикапеи по богатству и развитію торгово-промышленной дѣятельности принадлежало Ольвіи. Первоначально ей не грозила внѣшняя опасность. Во времена Геродота (V в. до Р. Х.) сосѣдними племенами были скиѳы; но эти скиѳы, говоритъ онъ, вели осѣдлый образъ жизни и занимались хлѣбопашествомъ, настолько подчиняясь греческому вліянію, что ихъ можно назвать эллино-скиѳами. Въ III в. (до Р. Х.) Ольвія бѣдствовала: на скиѳовъ напали новыя варварскія племена, быть можетъ, воинственные сарматы. Непрерывныя войны привели къ упадку земледѣлія и торговли. Сильнѣйшимъ ударомъ для Ольвіи было взятіе и разореніе ея гетами (лѣтъ за 50 до Р. Х.). Греческій историкъ Діонъ Хризостомъ (I в. по Р. Х.) говоритъ, что возстановленіе Ольвіи совершилось по желанію скиѳовъ, нуждавшихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ греками, которые послѣ разрушенія города перестали пріѣзжать туда, не находя своихъ соплеменниковъ, а сами скиѳы завести торговлю по образцу греческой не умѣли. Но возстановленный городъ былъ меньшихъ размѣровъ, постройки его были бѣднѣе, и само населеніе было смѣсью эллиновъ съ варварами. Этотъ греко-скиѳскій періодъ тянется до III в. по Р. Х. и затѣмъ городъ исчезаетъ съ лица земли подъ напоромъ нахлынувшихъ варваровъ.

Предметы ольвійскаго вывоза были тѣ-же, что и въ Боспорскомъ царствѣ: хлѣбъ, скотъ, рыба, медъ, воскъ, соль, мѣха, шкуры, строевой лѣсъ. Велась также торговля рабами; здѣсь нанимались и скиѳскіе отряды, исполнявшіе въ Аѳинахъ полицейскія обязанности. Предметами ввоза служили масло, вино, шерстяныя ткани, изящная глиняная посуда и ювелирныя издѣлія.

Торговля грековъ съ варварами, по свидѣтельству Страбона, сосредоточивалась еще въ двухъ пунктахъ: въ Танаидѣ, при устьѣ Дона, и на восточномъ берегу Керченскаго пролива, въ окрестностяхъ Фанагоріи. Вотъ что читаемъ у Страбона о Танаидѣ: «Городъ (этотъ) служилъ общимъ мѣстомъ торговли для азіатскихъ и европейскихъ кочевниковъ, съ одной стороны, и для народовъ, прибывающихъ на судахъ (въ Азовское море) изъ Боспора,—съ другой. Первые доставляютъ рабовъ, кожи и другіе предметы для кочевниковъ, вторые привозятъ для обмѣна платье, вино и прочіе предметы, свойственные нашему образу жизни». Подниматься по Дону вверхъ кочевники греческимъ торговцамъ не позволяли; поэтому они сами были посредниками въ торговлѣ мѣхами и золотомъ, привозимыми съ дальняго сѣверо-востока. Изъ предметовъ художественной промышленности греки привозили ткани, золотыя и серебряныя вещи, глиняную расписную посуду и различныя украшенія. На ряду съ привозными вещами, нѣкоторыя издѣлія тако-же рода приготовлялись, быть можетъ, и на мѣстѣ.

Въ концѣ VI в. на небольшомъ мысу близъ нынѣшняго Севастополя возникъ Херсонесъ Таврическій (русскіе называли его Корсунь). Это имя распространили древніе и на окрестныя земли плодороднаго полуострова. Городъ окруженъ былъ стѣною, имѣлъ акрополь и нѣсколько храмовъ. Жители его занимались земледѣліемъ, винодѣліемъ и солевареніемъ; кромѣ того, вели торговлю съ сосѣдними варварскими племенами скиѳовъ и тавровъ. Въ эпоху римскаго владычества Херсонесъ достигъ высшаго расцвѣта. Императоръ Константинъ В. за помощь, оказанную ему херсонесцами противъ скиѳовъ, пожаловалъ городу разныя привилегіи, свою золоченую статую и много оружія. Такимъ образомъ Херсонесъ сталъ приморскою крѣпостью — онъ сохранилъ за собой это значеніе до позднѣйшихъ временъ. Христіанство утвердилось въ Херсонесѣ при Константинѣ В., когда епископъ Эѳерій построилъ тамъ первую церковь; здѣсь-же приняли мученическую смерть святые Климентъ, Василій, Ефремъ, Елпидій и Агаѳодоръ.

III.

Курганы, могилы и катакомбы близъ Керчи.

Постоянные набѣги варваровъ ослабили мало-по-малу силы греческихъ колоній и, наконецъ, привели ихъ къ полному паденію. На мѣстѣ цвѣтущихъ городовъ—нынѣ обширные пустыри. Единственными памятниками древнихъ поселеній остались могильные

курганы, которые рядами высятся въ ихъ окрестностяхъ. Между греческими курганами размѣстились и скиѳо-сарматскіе, но по преимуществу въ долинахъ. Тѣ и другіе даютъ намъ богатый матеріалъ для изученія отжившей старины.

Курганы у грековъ, какъ и у другихъ народовъ, являются древнѣйшею формою почетнаго погребенія. Керченскіе курганы насыпались изъ земли, которая бралась тутъ-же: вотъ почему нерѣдко около нихъ замѣчаются большія ямы. При насыпкѣ иногда вмѣстѣ съ землею употреблялся и камень, которымъ въ нѣсколько поясовъ обсыпался и заваливался склепъ, чтобы предохранить его отъ разграбленія. Морская трава или «камка», смѣшанная съ ракушками, слоями покрываетъ основанія кургановъ на побережьѣ. Нерѣдко курганы у подошвы опоясывались даже стѣною, предназначаемой для укрѣпленія скатовъ. Стѣны эти дѣлались или очень грубо изъ едва отесанныхъ камней, или весьма тщательно изъ правильныхъ прямоугольныхъ плитъ, иногда украшенныхъ выступами съ наружной стороны.

Число гробницъ въ курганѣ разнообразно: отъ одной до десяти; въ одномъ и томъ же курганѣ попадаются гробницы разныхъ родовъ и разныхъ эпохъ. Часто замѣчаются особыя присыпи къ первоначальному кургану, съ позднѣйшими могилами. Обычный способъ устройства могилъ съ курганной насыпью слѣдующій: выровнявъ площадь, рыли въ материкѣ большую яму и въ ней возводили гробницу, или одно основаніе склепа, поднимавшагося надъ уровнемъ площади. Въ сторонѣ устраивали иногда женскій склепъ и гробницы рабовъ. На томъ же уровнѣ справляли тризну и все мѣсто засыпали землею, возводя курганъ, въ насыпи котораго помѣщали тѣла убитыхъ лошадей. Въ случаѣ сожженія яму на днѣ тризнища заполняли перегорѣвшими остатками, среди которыхъ находимъ кости, уголь, золу, черепки отъ простыхъ и расписныхъ сосудовъ, куски желѣза и мѣди, мѣдные гвоздики, истлѣвшіе куски дерева, простого и съ позолотой, обломки золоченыхъ украшеній и перстни, которые, въ знакъ печали, бросали въ огонь. Въ большинствѣ могилъ остовы лежатъ головой на востокъ, т. е. лицомъ къ западу, гдѣ, по вѣрованію древнихъ, находилась страна мертвыхъ. Стѣны гробницъ обыкновенно обмазывались известью и красились иногда въ красный, иногда—въ бѣлый цвѣтъ; выкладывались стѣны и сырцовымъ кирпичемъ—но въ въ позднѣйшую эпоху; обширныя и богатыя гробницы воздвигались изъ каменныхъ плитъ. Въ подобныхъ гробницахъ и склепахъ находятъ роскошные саркофаги изъ рѣзного, точенаго и раскрашеннаго дерева. Въ саркофагахъ, кромѣ праха, убраннаго золотыми украшеніями, помѣщались сосуды для благоуханій, плетеная корзинка изъ прутьевъ

и ларчикъ; вокругъ ставили росписныя вазы, иногда прекрасной работы.

Въ окрестностяхъ Керчи, равно какъ и на азіатской сторонѣ пролива, находятъ очень много надгробныхъ плитъ, украшенныхъ изображеніями покойнаго то воиномъ на конѣ, то среди семьи, то на пиру, имѣющемъ, повидимому, значеніе «тризны» или погребальной трапезы.

Особымъ и весьма замѣчательнымъ видомъ погребенія являются такъ называемыя катакомбы—близъ Керчи и въ Херсонесѣ. Если онѣ устраивались на скалистыхъ склонахъ холмовъ, въ каменной ихъ толщѣ, то мало отличались отъ простыхъ каменныхъ гробницъ. Но встрѣчаются катакомбы подъ землею, вырытыя въ слоѣ материковой глины, иногда на глубинѣ двухъ, трехъ и нѣсколько болѣе сажень отъ поверхности. Входы въ такія гробницы устраивались, какъ и въ склепахъ кургановъ, въ видѣ галлереи, иногда выложенной по всѣмъ сторонамъ плитами мѣстнаго известняка, и образуютъ нынѣ глубокіе колодцы, засыпанные землею; входъ въ камеру закрытъ плитою. На особыхъ лежанкахъ, высѣченныхъ изъ того-же слоя глины, клались покойники на подстилкѣ изъ лубка и травы, или же въ деревянныхъ гробахъ; камера наполнялась множествомъ сосудовъ и разныхъ предметовъ утвари, которые ставились въ особыхъ нишахъ.

Катакомба, открытая въ 1841 году, содержала въ себѣ двѣ погребальныя камеры, богато расписанныя въ два пояса рядомъ сценъ со множествомъ фигуръ. Мы видимъ здѣсь послѣдній пиръ домохозяина съ семьею, среди богатой обстановки, передъ отъѣздомъ его на войну съ варварами. Вотъ отряды пантикапейской конницы и варваровъ столкнулись надъ грудою павшихъ тѣлъ: очевидно, въ этой битвѣ и погибъ умершій. Такія же картины воинскаго быта, изображавшія жизнь и подвиги неизвѣстнаго пантикапейскаго предводителя, находятся на стѣнахъ керченской катакомбы, открытой въ 1872 году: онѣ даютъ намъ ясное понятіе о тѣхъ народностяхъ, какія нѣкогда встрѣчались и боролись между собою въ предѣлахъ Боспорскаго царства. Наконецъ, катакомба, открытая въ 1877 году, изображаетъ намъ обыденную жизнь, протекавшую по обычаямъ туземцевъ: жилищемъ служитъ тутъ войлочный шатеръ; рядомъ съ шатромъ подъ открытымъ небомъ сидитъ хозяйка съ дѣтьми, въ сторонѣ пасутся кони; хозяинъ возвращается изъ степи домой; оружіемъ ему служитъ скіоскій лукъ.

* * *

Всѣ эти памятники искусства, промышленности и кипучей общественной жизни на Черноморскомъ побережьѣ относятся, конечно, къ исторіи грековъ и варваровъ. Однако, они имѣютъ большую цѣну и для русской исторіи: они указываютъ, какъ рано рѣки южной Руси получили значеніе бойкихъ торговыхъ путей и какія произведенія служили предметомъ ввоза и вывоза въ торговлѣ древнѣйшихъ обитателей восточно-европейской равнины съ государствами Балканскаго полуострова; а то обстоятельство, что всѣ эти памятники найдены въ развалинахъ и могилахъ, ярко свидѣтельствуетъ, какъ много зла толпы азіатскихъ кочевниковъ причиняли въ теченіе долгихъ вѣковъ и предпріимчивымъ грекамъ, и пахарямъ скиѳамъ, и впослѣдствіи русскимъ славянамъ.

СКИѲЫ И САРМАТЫ.

(По соч. гр. *И. Толстого* и *Н. Кондакова* «Русскія древности». В. II. Спб. 1889).

I.

Скиѳія Геродота: ея границы, рѣки и климатъ.

Скиѳами Геродотъ (V в. до Р. Х.) называетъ племена, населявшія южную Русь. До грековъ болѣе глубокой древности доходили только глухіе слухи о народахъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря. По Гомеру, Зевсъ, обозрѣвая землю, выше оракіянъ—«наѣздниковъ конныхъ», и мизянъ—«бойцовъ рукопашныхъ», созерцалъ «дивныхъ мужей гиппемолговъ, бѣдныхъ, питавшихся только млекомъ, справедливѣйшихъ смертныхъ». Позднѣйшіе писатели повторяли поэтическіе вымыслы о такихъ народахъ, какъ «абіи» (лишенные средствъ къ жизни), «агавы» (славные), «гиппемолги» (доители кобылицъ), «галактофаги» (питающіеся молокомъ). Лишь Страбонъ (I в. по Р. Х.) понялъ, что нѣкоторыя изъ этихъ именъ означаютъ разныя черты быта кочевниковъ и назвалъ послѣднихъ скиѳами и сарматами; но, подобно Геродоту, онъ все же не далъ ни точной карты, ни вполнѣ достовѣрной исторіи Скиѳіи.

Скиѳія, по словамъ Геродота, представляла собой четыреугольникъ длиною въ 20 дней пути отъ Истра (Дуная) до Меотиды (Азовскаго моря) и въ 20 дней пути шириною, т. е. вглубь страны. Этому четыреугольнику нынѣ соотвѣтствуютъ приблизительно слѣдующія губерніи: Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская, часть Таврической, Подольская, Полтавская, почти вся Кіевская, нѣкоторыя части Черниговской, Курская и Воронежская. «Такому широкому распространенію скиѳовъ, говоритъ Геродотъ, благопріятствуетъ самая земля и помогаютъ рѣки, а именно: земля у нихъ ровная, изобилуетъ травою и хорошо орошена; число протекающихъ черезъ Скиѳію рѣкъ развѣ немного только меньше числа ка-

наловъ въ Египтѣ». Далѣе историкъ подробно описываетъ восемь рѣкъ, въ томъ числѣ Бугъ, Днѣпръ и Донъ съ Донцомъ. Вотъ что пишетъ онъ о Днѣпрѣ: «Борисѳенъ, т. е. Днѣпръ,—изъ скиѳскихъ рѣкъ послѣ Истра (Дуная) наибольшая и, по нашему мнѣнію, самая богатая полезными предметами не только между скиѳскими рѣками, но между всѣми вообще, кромѣ, впрочемъ, египетскаго Нила; съ этимъ послѣднимъ не можетъ идти въ сравненіе никакая другая рѣка. Но изъ прочихъ рѣкъ Борисѳенъ наиболѣе прибыленъ: онъ доставляетъ прекраснѣйшія и роскошнѣйшія пастбища для скота, превосходнѣйшую рыбу въ большомъ изобиліи, вода его на вкусъ очень пріятна, чиста, тогда какъ рядомъ съ нимъ текущія рѣки имѣютъ мутную воду; вдоль его тянутся превосходныя пахатныя поля или растетъ очень высокая трава въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не засѣвается хлѣбъ; у устья рѣки сама собою собирается соль въ огромномъ количествѣ; въ Борисѳенѣ водятся огромныя рыбы, идущія на соленіе, и многое другое достойное вниманія. До мѣстности герровъ *), куда сорокъ дней плаванія, Борисѳенъ течетъ, какъ извѣстно, съ сѣвера; страны, черезъ которыя онъ протекаетъ выше этого пункта, никому невѣдомы; несомнѣнно только, что до области скиѳовъ-земледѣльцевъ онъ протекаетъ черезъ пустыню, а скиѳы эти живутъ вдоль его на десять дней плаванія. Не только я, но, кажется, и никто изъ эллиновъ не можетъ опредѣлить истоковъ только Борисѳена да Нила».

Климатъ Скиѳіи Геродотомъ описывается кратко: для него, какъ и для большинства послѣдующихъ писателей, наибольшій интересъ представлялъ скиѳскій холодъ: «Вся осмотрѣнная нами страна, говоритъ онъ, отличается столь суровымъ климатомъ, что въ теченіе восьми мѣсяцевъ здѣсь стоитъ нестерпимый холодъ, а пролитая въ это время на землю вода не дѣлаетъ грязи, развѣ разведешь огонь. Замерзаетъ море и весь Киммерійскій Боспоръ (Керченскій проливъ), такъ что живущіе по сю сторону рва (т. е. пролива) скиоы толпами переходятъ по льду и переѣзжаютъ по немъ въ повозкахъ на другой берегъ». Ближе всѣхъ къ Геродоту описаніе климата Скиоіи, данное врачемъ Гиппократомъ (конца V—нач. IV в. до Р. Х.). Скиѳія, говоритъ онъ, питаетъ мало животныхъ, да и тѣ малаго размѣра, такъ какъ лежитъ (она) подъ самымъ сѣверомъ, откуда дуетъ борей (холодный вѣтеръ). Когда солнце вступаетъ въ лѣтній періодъ, бываетъ, наконецъ, не надолго тепло, но не слишкомъ. Вѣтры, дующіе изъ теплыхъ странъ, не достигаютъ Скиѳіи или бываютъ рѣдко и слабые; постоянно дуютъ съ сѣвера вѣтры, холодные отъ снѣга и льдовъ, и частыхъ дождей... Равнины

*) Близъ Никополя въ Екатеринославской губерніи.

окутываетъ днемъ густой туманъ и въ этой сырости живутъ люди».—Жалобъ на суровый климатъ Скиѳіи много въ произведеніяхъ Овидія (I в. по Р. Х.). «Что хуже скіоскаго мороза? Лежу я, покинутый, на пескахъ края земли, гдѣ земля засыпана постоянно снѣгомъ... Гдѣ ходили плоты, ходятъ теперь на ногахъ, и волны, затвердѣвшія отъ стужи, ударяетъ конское копыто... Сила раздраженнаго вѣтра такова, что онъ равняетъ съ землею высокія башни и срываетъ кровли. Шубами и шароварами напрасно защищаются жители отъ холода, оставляя открытымъ изъ всего тѣла только лицо. Часто встряхнутые волосы звенятъ отъ висящаго на нихъ льда и бѣлѣетъ борода отъ насѣвшаго инея». Такова природа Скиѳіи—о населеніи ея Геродотъ говоритъ: «Съ переходомъ черезъ Борисѳенъ (Днѣпръ) вступаемъ мы въ ближайшую отъ моря землю Гилею: выше ея живутъ скиѳы-земледѣльцы, которыхъ живущіе у рѣки Гипаниса (Буга) эллины называютъ борисѳенитами (подиѣпровцами)... Эти скиѳы — земледѣльцы занимаютъ пространство къ востоку на три дня пути... и на сѣверъ вверхъ по теченію Борисѳена на одиннадцать дней. Надъ ними простирается обширная пустыня. За пустыней обитаетъ... народъ особенный, вовсе не скіоскій. Еще выше лежитъ настоящая пустыня: не живетъ тамъ, насколько мы знаемъ, ни одинъ народъ». Гилеей, т. е. лѣсной страной, называлась лѣвая сторона въ низовьяхъ Днѣпра, заросшая въ тѣ времена лѣсомъ. Другой писатель Валерій Флаккъ (I в. по Р. Х.) такъ отзывается объ изобиліи и высотѣ деревьевъ Гилеи: «Нигдѣ лѣсъ не роститъ болѣе высокихъ и густыхъ деревъ: стрѣлы, потерявъ силу, падали назадъ прежде, чѣмъ достигали вершины деревьевъ».—«Къ востоку отъ скиѳовъ-земледѣльцевъ—по словамъ Геродота —обитаютъ скиѳы кочевники, не сѣющіе ничего и не пашущіе. Вся эта страна, за исключеніемъ Гилеи, безлѣсна. Кочевники занимаютъ область къ востоку на 14 дней пути... Далѣе находятся такъ называемыя царскія владѣнія и живутъ храбрѣйшіе и многочисленнѣйшіе скиѳы, почитающіе прочихъ скиѳовъ своими рабами... владѣнія ихъ частью доходитъ до р. Танаиса (Дона). Земли, лежащія къ сѣверу отъ царственныхъ скиѳовъ, заняты народомъ особымъ, не скиѳскимъ. Выше его, насколько намъ извѣстно, лежатъ озера и безлюдная пустыня. По ту сторону Танаиса (Дона) нѣтъ болѣе Скиѳіи».

До сихъ поръ неизвѣстно съ точностію, какія это были не скиѳскія племена; ясно лишь, что они занимали мѣста на сѣверъ и востокъ отъ Днѣпра, Дона и Волги.

II.

Образъ жизни скиѳовъ.

Скиѳы интересовали грековъ своимъ образомъ жизни и своими обычаями, столь разнившимися отъ греческихъ; но извѣстія Геродота и другихъ древнихъ писателей о бытѣ скиѳовъ относятся по преимуществу къ кочевникамъ.

«Скиѳы, говоритъ Геродотъ, не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣпленій, но передвигаютъ свои жилища съ собою, и всѣ они—конные стрѣлки изъ лука; пропитаніе себѣ скиѳы добываютъ не земледѣліемъ, а скотоводствомъ и жилища свои устраиваютъ на повозкахъ». Подробнѣе описываетъ бытъ кочевниковъ Гиппократъ. «Скиѳы, по его словамъ, называются номадами (кочевниками), такъ какъ у нихъ нѣтъ домовъ и живутъ они въ повозкахъ. Повозки бываютъ самыя малыя о четырехъ колесахъ, другія —шестиколесныя, обтянуты войлокомъ; устраиваются и кибитки на подобіе домовъ, двойныя и тройныя, и служатъ защитой отъ дождя, отъ снѣга и отъ вѣтровъ.... Въ этихъ повозкахъ живутъ женщины съ дѣтьми, а сами мужчины всегда верхомъ. Слѣдомъ идутъ стада мелкаго скота, волы и лошади. На одномъ и томъ же мѣстѣ остаются скиѳы, пока хватаетъ корма скоту, и на это время не переходятъ уже въ другое мѣсто. Они питаются жареным мясомъ, пьютъ кобылье молоко и ѣдятъ сыръ, сдѣланный изъ него,—пользуясь одной и той же пищей и одной и той-же одеждой зимой и лѣтомъ».

Не имѣя ни городовъ, ни укрѣпленій, скиѳы не строили и храмовъ своимъ богамъ. Боги эти носятъ у Геродота греческія и скіоскія имена; то были: Гестія—богиня домашняго очага, Зевсъ—отецъ боговъ, Гея или Земля—его супруга, Аполлонъ—богъ солнца, Афродита Небесная—луна, Посейдонъ—богъ моря, Арей—богъ войны. Очевидно, подобно другимъ народамъ, скиѳы поклонялись животворящимъ силамъ природы; но мы не знаемъ точно, въ чемъ заключались ихъ вѣрованія, каковы были особенности ихъ религіи: Геродотъ отмѣтилъ только поклоненіе богу войны (Арею) и своеобразные похоронные обряды скиѳовъ.

«Въ каждомъ скиѳскомъ царствѣ, говоритъ онъ, ставятся по околоткамъ святилища Арея такимъ образомъ: складывается куча хворосту длиною стадіи въ три и столько же шириною, высота кургана меньше, наверху сдѣлана четыреугольная площадка, три стороны которой отвѣсны, а къ четвертой есть доступъ. Ежегодно свозится полтораста возовъ хворосту, потому что отъ непогоды

кучи постоянно осѣдаютъ. На каждой такой насыпи водружается желѣзный старинный мечъ, который и составляетъ кумиръ Арея. Этому-то мечу ежегодно приносятся въ жертву рогатый скотъ и лошади, какъ и прочимъ божествамъ, а сверхъ того совершается еще слѣдующее: въ честь его умерщвляется каждый сотый мужчина изъ всего числа взятыхъ въ плѣнъ враговъ, и умерщвляется не такъ, какъ скотъ, но инымъ способомъ: сдѣлавши предварительно возліяніе на головы людей, ихъ рѣжутъ надъ сосудомъ, потомъ кровь убитыхъ относятъ на кучу хвороста и льютъ ее на мечъ. Только кровь относится наверхъ; внизу у святилища всѣмъ убитымъ людямъ отсѣкаютъ правыя плечи вмѣстѣ съ руками и бросаютъ въ воздухъ; покончивъ съ приношеніемъ въ жертву остальныхъ животныхъ, удаляются. Руки оставляются тамъ, гдѣ упали, а трупы лежатъ отдѣльно».

Такой почетъ богу войны и такая суровая расправа съ плѣнниками указываютъ намъ на воинственность скиѳовъ. Желая представить ихъ какъ можно воинственнѣе, Геродотъ описываетъ и такіе звѣрскіе обычаи скиѳовъ, какъ обдираніе труповъ или выдѣлываніе изъ непріятельскихъ череповъ чашъ для питья. Эти вымыслы повторяютъ и другіе историки. Зато весьма правдиво изображаетъ Геродотъ, какъ заключали скиѳы договоръ побратимства: «Если скиѳы заключаютъ съ кѣмъ либо клятвенный договоръ, говоритъ онъ, то поступаютъ при этомъ такъ: въ большую глиняную чашу наливается вино, къ нему примѣшивается кровь договаривающихся, причемъ послѣднимъ дѣлаютъ уколы шиломъ или небольшіе разрѣзы ножомъ на тѣлѣ, потомъ погружаютъ въ чашу мечъ, стрѣлы, сѣкиру и метательное копье. По совершеніи этого они долго молятся, засимъ пьютъ смѣсь какъ сами договаривающіеся, такъ и знатнѣйшіе изъ присутствующихъ».

Свой разсказъ о скиѳскихъ религіозныхъ и военныхъ обычаяхъ Геродотъ кончаетъ описаніемъ похоронъ и связанныхъ съ ними очистительныхъ обрядовъ.

«Послѣ смерти царя тотчасъ выкапывается большая четыреугольная яма; по изготовленіи ея принимаются за покойника и покрываютъ его тѣло воскомъ, предварительно разрѣзавъ ему животъ, который вычищаютъ и наполняютъ толченымъ куперомъ, ладаномъ, сѣменами сельдерея и аниса, потомъ сшиваютъ и везутъ въ повозкѣ къ другому народу. Тотъ народъ, къ которому привозятъ покойника, дѣлаетъ то-же самое, что и царственные скиѳы: и тамъ люди отрѣзываютъ себѣ часть уха, стригутъ кругомъ волосы, дѣлаютъ себѣ на рукахъ порѣзы, распарываютъ лобъ и носъ, а лѣвую руку прокалываютъ стрѣлами. Отсюда перевозятъ трупъ царя къ другому подвластному имъ народу, между тѣмъ какъ тотъ

народъ, къ которому они приходили раньше, слѣдуетъ за покойникомъ. Объѣхавши такимъ образомъ всѣ народы, царскіе скиѳы являются въ землю отдаленныхъ герровъ, гдѣ находится ихъ кладбище. Здѣсь трупъ хоронятъ въ могилѣ на соломенной подстилкѣ, по обѣимъ сторонамъ трупа вбиваютъ копья, сверху кладутъ брусья и все покрываютъ рогожей. Въ остальной обширной части могилы хоронятъ одну изъ его наложницъ, предварительно задушивши ее; а также виночерпія, повара, конюха, приближеннаго слугу, вѣстовщика, наконецъ, лошадей, первенцовъ всякаго другого скота и золотыя чаши; послѣ этого всѣ вмѣстѣ устраиваютъ большую земляную насыпь, прилагая особенное стараніе къ тому, чтобы она вышла какъ можно больше».

«Что касается прочихъ скиѳовъ, то, въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ нихъ, ближайшіе родственники кладутъ покойника въ повозку и везутъ къ его друзьямъ. Каждый изъ нихъ устраиваетъ для спутниковъ покойника обильный пиръ, причемъ отъ всѣхъ угощеній удѣляется часть и покойнику. Частныхъ лицъ возятъ такимъ образомъ въ теченіе сорока дней, а потомъ хоронятъ. Послѣ похоронъ скиѳы очищаютъ себя слѣдующимъ образомъ: умащаютъ, а потомъ обмываютъ себѣ волосы; для очищенія тѣла ставятъ три шеста, наклоненныхъ одинъ къ другому, натягиваютъ на нихъ войлоки, плотно между собой связанные; посреди шатра ставится ванна, въ которую бросаютъ раскаленные до красна камни».

«Въ Скиѳіи произрастаетъ конопля, очень похожая на ленъ, только гораздо толще и выше его. Она тамъ засѣвается, но растетъ также и въ дикомъ состояніи... Съ сѣменами конопли въ рукахъ скиѳы входятъ подъ войлокъ шатра и тамъ бросаютъ сѣмена на раскаленные камни, отъ этого поднимается такой дымъ и паръ, что никакая эллинская баня не превзойдетъ въ этомъ отношеніи скиѳской. Скиѳы наслаждаются такой баней и вопятъ отъ удовольствія. Это замѣняетъ для нихъ купанье».

Очевидно, простую баню Геродотъ принялъ за особый очистительный обрядъ.

«Численности скиѳовъ, говоритъ великій историкъ древняго міра, я не могу узнать съ точностью, но слышалъ два разныхъ сужденія: по одному—ихъ очень много, по другому собственно-скиѳовъ—мало».

Слѣдовательно, во времена Геродота, скиѳами называли пеструю смѣсь племенъ, населявшихъ южно-русскія степи—среди нихъ были и такіе, которыхъ нельзя было назвать собственно-скиѳами.

Вопросъ о происхожденіи этихъ народовъ не рѣшенъ и новѣйшими учеными. Всего вѣроятнѣе, что скиѳы принадлежали къ иранской вѣтви и были родственны европейцамъ или арійцамъ;

всего труднѣе доказать, что они были монголы; но какого-бы происхожденія они ни были, свидѣтельства древнихъ писателей о Скиѳіи и предметы, найденные въ ея могилахъ и курганахъ, даютъ намъ ясное понятіе о бытѣ кочевыхъ и осѣдлыхъ племенъ, населявшихъ южно-русскія степи задолго до появленія нашихъ предковъ славянъ въ Поднѣпровьѣ.

Въ теченіе семи вѣковъ до Р. Х. и затѣмъ вплоть до великаго переселенія народовъ (въ IV в. по Р. Х.) земледѣлію и торговлѣ грековъ и скиѳовъ-пахарей угрожали кочевники-скиѳы; та-же опасность со стороны степи грозила и русскому населенію на великомъ водномъ пути «изъ варягъ въ греки» въ IX—XII в. Нельзя доказать, да и нѣтъ нужды доказывать, что скиѳы были предками русскихъ славянъ; но легко понять, что тѣ и другіе поставлены были въ одинаковыя условія природой страны и движеніемъ кочевниковъ изъ глубины Азіи въ западную Европу.

III.

Сарматы.

Первой волной, которая прокатилась по Геродотовой Скиѳіи раньше другихъ, была орда сарматовъ. Греческіе и римскіе писатели не усматриваютъ, коренной разницы между скиѳами и сарматами. Впрочемъ, принадлежность сарматовъ къ европейской или арійской расѣ не подлежитъ сомнѣнію, между тѣмъ какъ среди скиѳовъ возможно предполагать кочевыя племена, чуждыя европейцамъ.

Краткія извѣстія древнихъ писателей о сарматахъ позволяютъ намъ прослѣдить ихъ движеніе изъ-за Дона на западъ: при Геродотѣ они жили за Дономъ, при Гиппократѣ уже вокругъ Меотиды, т. е. близъ Азовскаго моря, по сю сторону Дона; Овидій говоритъ о сарматахъ на Дунаѣ, Діонъ Хрисостомъ—о сарматской крѣпости на р. Бугѣ. Сохранилось даже описаніе одного сарматскаго укрѣпленія: описывая войну римлянъ съ Митридатомъ, Тацитъ (I в. по Р. Х.) говоритъ, что въ трехъ дняхъ пути отъ Танаиса (Дона) былъ городъ Успе, «лежащій на возвышенномъ мѣстѣ и снабженный стѣнами и рвами, но стѣны построены не изъ камня, а изъ плетня и прутьевъ съ насыпанной въ серединѣ землею». Это—единственное упоминаніе древнѣйшаго «городища» въ южной Россіи. Наконецъ, значительное число городовъ въ Сарматіи насчитываетъ писатель II в. по Р. Х.—Птолемей. Главное занятіе сарматскихъ племенъ составлялъ уходъ за стадами и конскими табу-

нами. Описывая жителей Таврическаго полуострова, Страбонъ замѣчаетъ: «называются они земледѣльцами въ отличіе отъ живущихъ выше (сарматовъ) кочевниковъ, питающихся мясомъ, какъ конскимъ, такъ и инымъ, конскимъ сыромъ, молокомъ и кумысомъ. Кочевники преданы скорѣе войнѣ, чѣмъ разбою, а воюютъ они изъ-за платы (т. е. дани). Отдавая свою землю для обработки желающимъ, они довольствуются взиманіемъ опредѣленной умѣренной платы, не ради корысти, но ради насущныхъ необходимыхъ потребностей жизни. Если же имъ не платятъ, то они идутъ войной».

Тѣмъ труднѣе уловить различіе между скиѳами и сарматами, что писатели, близкіе ко времени Р. Х., постоянно употребляютъ одно имя вмѣсто другого и за Скиѳіей постепенно утверждается названіе Сарматіи. Какую смѣсь представляли собой племена, жившія на Дунаѣ въ I в. по Р. Х., можно видѣть изъ свидѣтельства Страбона: «Вся страна между Борисѳеномъ (Днѣпромъ) и Истромъ (Дунаемъ)—говоритъ онъ—(составляетъ) сперва пустыню гетовъ, затѣмъ (лежатъ земли) тиригетовъ, за которыми (живутъ) сарматы-азиги, такъ называемые басиліи (т. е. царственные) и урги; большинство ихъ номады (кочевники), немногіе занимаются земледѣліемъ, они-же, говорятъ, обитали и на Истрѣ, часто по обѣ его стороны. Въ срединѣ-же материка живутъ бастарны, сосѣдніе съ тиригетами и германцами, и сами, будучи, вѣроятно, германскаго рода, распадаются на много племенъ; нѣкоторые называются атмонами и сидонами, а населяющіе истрійскій островъ Певку—певкинами, самые сѣверные—роксоланы, населяющіе равнины между Танаидой и Борисѳеномъ. Живетъ-ли кто надъ роксоланами, мы не знаемъ».

IV.

Курганъ Куль-Оба.

Такую же картину волненій кочевого моря даютъ намъ и другіе историки древняго міра: широко и бурно разливаясь по степи, оно поглощало и нивы, и селенія; но на днѣ его остались могилы и курганы, во множествѣ разсѣянные отъ устьевъ Дуная и Днѣстра вверхъ по Бугу до Могилева, по Днѣпру и его притокамъ до Смѣлы и Роменъ, по Таврическому полуострову, по Дону и берегамъ Азовскаго моря, по Кубани и ея притокамъ до Каспійскаго моря. Значительная часть этихъ кургановъ, видимо, сосредоточена около мѣстностей древнихъ становищъ, путей и перевозовъ, множество расположено поясами около древнихъ греческихъ

городовъ и колоній, много разбросано среди кургановъ и могилъ другихъ кочевниковъ, выступившихъ позднѣе въ исторіи южной Россіи.

Внимательное изслѣдованіе найденныхъ въ нихъ памятниковъ обогатило науку обильнымъ запасомъ свѣдѣній о бытѣ скиоо-сарматскихъ племенъ. Наиболѣе замѣчательнымъ изъ скиоскихъ кургановъ считается Куль-Оба—въ шести верстахъ къ западу отъ Керчи. Погребальный склепъ этого кургана былъ квадратный, но большого размѣра, съ крышею, сведенною изъ ряда выступающихъ внутрь плитъ. Стѣны были увѣшаны, по обычаю кочевниковъ, одеждами, совершенно истлѣвшими; отъ нихъ сохранилось множество золотыхъ бляшекъ, которыми одежды эти были украшены; этими бляшками былъ усѣянъ полъ склепа.

Направо отъ входа, вдоль стѣны, въ два ряда стояли сосуды: у самой стѣны—четыре греческихъ амфоры изъ-подъ вина. У дверей стоялъ большой бронзовый котелъ, на ножкѣ, съ двумя ручками; въ немъ лежали овечьи кости. Далѣе стояла серебряная позолоченная лохань и въ ней 4 серебряныхъ сосуда: круглая ваза безъ ручекъ, гладкая чашка и два ритона, одинъ съ головою барана. Далѣе за двумя рядами сосудовъ лежало два наконечника копій по 9 вершковъ длиною. Въ юго-западномъ углу въ полу находилось углубленіе въ полъ-аршина глубиною, въ которомъ были сложены лошадиныя кости, бронзовыя поножи и шлемъ; головою къ этому углубленію, на полу вдоль южной стѣны, лежалъ скелетъ, вѣроятно раба, быть можетъ, конюха.

Слѣва отъ головы раба лежали ножи съ кривыми лезвіями: шесть изъ нихъ съ рукоятками изъ слоновой кости и одинъ съ ручкой, обложенной золотыми листами. Посреди склепа лежалъ головою къ югу скелетъ женщины небольшого роста. Остовъ женщины находился на полу, но около него валялись доски, украшенныя живописью, и 4 круглыхъ точеныхъ ножки, вѣроятно, отъ саркофага. Направо отъ женскаго остова почти все пространство склепа, вплоть до восточной стѣны, занято было саркофагомъ изъ кипарисоваго дерева; сторона его, обращенная къ женскому остову, была открыта. Саркофагъ низкой перегородкой раздѣленъ былъ на двѣ части: въ одной лежалъ остовъ царя, въ другой, меньшей, сложено было его оружіе. Здѣсь лежали: желѣзный мечъ съ рукояткой, покрытой золотымъ листомъ съ изображеніемъ двухъ животныхъ, золотая пластина, украшавшая ножны этого меча, золотой круглый поддонъ или вѣрнѣе средина церемоніальнаго щита, рукоятка нагайки, обвитая золотой лентой, ножъ, зеленый точильный камень, или мусатъ, въ золотой оправѣ, украшенной орнаментомъ. Въ томъ отдѣленіи, гдѣ покоился самъ

царь, у головы его лежало четыре золотыхъ пластинки, вѣроятно, отъ кожанаго башлыка, съ изображеніемъ скиѳа, пятая представляла двухъ скиѳовъ братановъ. На головѣ царя былъ скиѳскій остроконечный башлыкъ изъ тонкаго войлока, украшенный двумя обручами листового золота. На шеѣ царя была большая золотая гривна съ изображеніями конныхъ скиѳовъ. На правой рукѣ, выше локтя, надѣто было золотое кольцо, около дюйма шириною. На запястьяхъ обѣихъ рукъ — массивные золотые браслеты. Внѣ саркофага, вдоль по сѣверной стѣнѣ склепа стояло три бронзовыхъ сосуда: два греческіе и одинъ варварскій котелъ на ножкѣ. Въ двухъ изъ этихъ сосудовъ лежали бараньи кости. Въ томъ же ряду противъ дверей стояла бронзовая тарелка. По всему склепу разсѣяны были золотыя и электровыя бляшки разной величны и формы, нѣсколько золотыхъ флаконовъ со втулками, пуговицы съ финифтью, нѣсколько сотъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, копій и дротиковъ. Кромѣ того, при просѣваніи земли найдены были обломки тонкихъ костяныхъ пластинокъ отъ лиры, или иного музыкальнаго инструмента.

Изслѣдованіе склепа не было еще закончено, какъ почью грабители не только раскопали неизслѣдованныя еще мѣста, но выворотили даже огромныя плиты пола и нашли у сямаго входа въ склепъ подъ поломъ могилу, выкопанную прямо въ материкѣ. Голова остова была обращена къ западу, на шеѣ надѣта была большая гривна изъ литой бронзовой проволоки, обложенная золотымъ листомъ съ львиными головами, украшенными эмалью на концахъ; тамъ же найдена была и золотая бляха въ видѣ оленя, украшавшая налучье, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вкладываютъ стрѣлы; здѣсь же найдено было значительное количество наконечниковъ копій и стрѣлъ. Все остальное изъ этой могилы безслѣдно пропало.

Гробница Куль-Оба, несомнѣнно, служила мѣстомъ погребенія какого-либо варварскаго царя или князя, судя по варварскому обычаю хоронить съ господиномъ его рабыню, раба и лошадь, а также по множеству украшеній отчасти варварской работы, отчасти приноровленныхъ къ варварскому вкусу, и, наконецъ, по многочисленнымъ изображеніямъ варваровъ на уборахъ, по варварскимъ котламъ, одеждѣ и оружію.

* * *

Среди народовъ Скиѳіи и Сарматіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, должно искать и нашихъ предковъ—славянъ. Однако, едва-ли это мнѣніе можетъ быть оправдано научными доказательствами. Правда, по нѣкоторымъ чертамъ осѣдлаго земледѣльческаго быта, по своей одеждѣ и обычаямъ, такое, напримѣръ, племя, какъ скиѳы-пахари, близко подходитъ къ нашему представленію о славянахъ восточно-европейской равнины; но есть много основаній, чтобы считать этихъ скиѳовъ народностью не индо-европейской или арійской, а родственною персамъ—иранской. Можетъ быть, одно только племя, упоминаемое Геродотомъ въ описаніи древней Скиѳіи, а именно «невры»—были славяне: такъ думалъ уже давно большой знатокъ славянства Шафарикъ, такъ полагаютъ и нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ. Судьба этого племени тѣсно связана съ исторіей готскаго владычества въ предѣлахъ южной Россіи.

ГОТЫ и ГУННЫ.

Но соч. *Ѳ. Брауна.* «Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній». I. Спб. 1899.—*Ф. Бруна* «Черноморье». Ч. 1 и 2. Одесса. 1879—1880.—*В. Васильевскаго.* «Житіе Іоанна Готскаго». Ж. М. Н. П. ч. CXCV, отд. 2, стр. 86—154.—*И. Забѣлина* «Исторія русской жизни. Т. I. М. 1876. — *К. Иностранцева* «Хунъ-ху и гунны». Жив. Ст. 1900, вып. III, стр. 353—386; вып. VI, стр. 525—564.—*А. Погодина* «Изъ исторіи славянскихъ передвиженій». Спб. 1901.

I.

Южно-русскія степи въ концѣ I-го вѣка до Р. Х.

Послѣднимъ проявленіемъ скиѳскаго могущества на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря была борьба царя Аѳіи противъ Филиппа Македонскаго. Она кончилась страшнымъ пораженіемъ скиѳовъ (339 до Р. Х.). Съ тѣхъ поръ извѣстія о Скиѳіи становятся все рѣже и рѣже; вновь она дѣлается невѣдомой страной, какъ это было до Геродота. Черезъ два столѣтія исторія проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на южно-русскія степи; но къ этому времени мѣсто скиѳовъ заняли уже сарматскія народности.

Когда и какъ произошелъ этотъ переворотъ, неизвѣстно; около Р. Х. онъ былъ вполнѣ законченъ: на всемъ протяженіи южно-русскихъ степей господствовали одни сарматы; ихъ главныя полчища состояли изъ языговъ и роксолановъ; отъ скиѳовъ осталось только имя; по привычкѣ его употребляли позднѣйшіе писатели, но прилагали къ народностямъ не скиѳскаго происхожденія.

Въ половинѣ I-го вѣка по Р. Х. язиги успѣли перекочевать дальше на западъ, на средній Дунай, а за ними продвинулись ближе къ Дунаю и роксоланы; въ степяхъ же явились новыя орды, среди которыхъ первое мѣсто занимали аланы. Родина алановъ— сѣверный Кавказъ, гдѣ до нашихъ дней сохранились прямые ихъ потомки— осетины. Сильный толчекъ, перебросившій сарматовъ черезъ Донъ, коснулся и алановъ: они заняли прежнія сарматскія кочевья. Съ III-го вѣка по Р. Х. аланы оказались близкими сосѣдями германцевъ и такъ сжились съ ними, что не отстали отъ нихъ и впослѣдствіи; принявъ участіе въ «великомъ переселеніи

народовъ», они, вмѣстѣ съ вандалами, дошли до Африки, а затѣмъ, оторванные отъ родной почвы и окруженные иноплеменниками, скоро потеряли свою самобытность.

Господство сарматовъ надъ южно-русскими степями не исключало, конечно, присутствія въ этихъ краяхъ народностей не сарматскихъ. Съ запада и съ сѣверо-запада, со стороны Дуная и Карпатскихъ горъ, сюда вторгались бастарны, скиры, галаты, бритолаги, карпы—все мелкія племена германцевъ, кельтовъ и даковъ. Но не эти вторженія оставили замѣтный слѣдъ въ исторіи края; новый періодъ въ жизни степей наступилъ съ появленіемъ готовъ.

II.

Готы на нижней Вислѣ.

Готы были крайнимъ и главнымъ изъ племенъ восточной Германіи. Одни историки готовъ полагаютъ, что часть ихъ переправилась нѣкогда на Скандинавскій полуостровъ и впослѣдствіи вернулась назадъ черезъ Балтійское море; другіе отрицаютъ это переселеніе въ Скандинавію и обратно, считая его позднѣйшимъ вымысломъ; но тѣ и другіе согласно утверждаютъ, что уже въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. готы занимали обширную область на нижнемъ теченіи рѣки Вислы и далѣе на востокъ, можетъ быть, до рѣки Прегеля. Ихъ сосѣдями были германскія и лито-латышскія племена, венеды, т. е. славяне, и финны.

Этотъ глухой и суровый край становится извѣстнымъ съ того времени, когда сюда проникли римскіе купцы; при императорѣ Неронѣ, въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., начались прямыя торговыя сношенія Италіи съ Балтійскимъ побережьемъ отъ Мемеля до Кенигсберга. Здѣсь римскіе купцы получали янтарь, который сталъ тогда въ Римѣ модянымъ и дорогимъ товаромъ. Съ итальянскаго юга въ область Одера и Вислы вели два пути: первый чрезъ Моравію и сѣверо-восточную Богемію, пересѣкая по долинѣ р. Нейссы Судетскія горы; второй шелъ къ верховьямъ Вислы по р. Моравѣ, либо по р. Ваагъ. По обѣимъ дорогамъ ходили римскіе купцы и обѣ были извѣстны такимъ писателямъ, какъ Плиній, Тацитъ и Птолемей, которые несомнѣнно пользовались итинераріями или путеводителями торговыхъ каравановъ. Плиній сохранилъ любопытное извѣстіе о посольствѣ на нижнюю Вислу, которое было снаряжено при Неронѣ, можетъ быть, съ цѣлью обезпечить свободное сообщеніе Италіи со страною янтаря; а Птолемей на своей картѣ вѣрно отмѣтилъ мѣстоположеніе города Калисіи, нынѣшняго Ка-

лиша, откуда торговая дорога къ морю развѣтвлялась на четыре пути.

Въ торговыхъ дѣлахъ Рима готы едва-ли принимали участіе: подобно другимъ германскимъ племенамъ, они вели бродячую и воинственную жизнь, предоставляя хозяйственныя заботы старикамъ, женщинамъ и рабамъ. По крайней мѣрѣ Тацитъ засталъ у готовъ сильную королевскую власть, а такая власть развивалась именно у племенъ, отличавшихся своей воинственностью. Какъ-бы то ни было, вполнѣ достовѣрно, что готы имѣли значительный перевѣсъ надъ сосѣдями и оказали сильное вліяніе на разрозненныя племена славянъ и финновъ. Слѣды этого вліянія отчетливо выступаютъ и нынѣ въ языкѣ того и другого народа: такія, напр., слова, какъ *буки* (у насъ *букъ* и *буква*), *дума*, *думати*, *хлѣбъ*, *хлѣвъ*, *хоругы*, (у насъ—*хоругвь*), *хызъ* (у насъ *хижина*), перешли къ славянамъ отъ готовъ. Весьма вѣроятно, что и самое имя *Русь* проникло къ славянамъ изъ готскаго языка при посредствѣ финскаго.

Вслѣдствіе-ли обратнаго переселенія готовъ изъ Скандинавіи черезъ Балтійское море, или же вслѣдствіе движенія германцевъ въ областяхъ Одера и Вислы, или, наконецъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ раздоровъ и борьбы съ сосѣдями—во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. главная масса готовъ двинулась широкой волной отъ нижней Вислы къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря. Уже въ самомъ началѣ III-го вѣка, при императорѣ Каракаллѣ, произошло первое столкновеніе готовъ съ римлянами на Дунаѣ. Въ III-мъ вѣкѣ они постепенно распространяютъ свои владѣнія отъ нижняго Дуная до береговъ Дона. Здѣсь, раздѣляемые Днѣстромъ, они распадались на два главныя племени: къ востоку отъ Днѣстра жили остготы или грейтунги, т.-е. «степные жители»; на западъ расположились вестготы или тервинги, т.-е. «лѣсные жители».

III.

Морскіе походы готовъ.

Въ половинѣ III-го столѣтія готы, а вслѣдъ за ними и подъ ихъ руководствомъ также другіе сосѣдніе народы, начинаютъ громить азіатскіе берега Чернаго моря: ихъ смѣлые и удалые набѣги напоминаютъ намъ многими чертами позднѣйшіе походы руссовъ, и еще болѣе—казацкіе походы XVII-го вѣка.

Первый морской походъ готовъ, въ которомъ важную роль играли нѣсколько загадочные бораны, относится къ 255 г. Видно,

что уже ранѣе эти бораны и готы дѣлали попытку проникнуть отъ устьевъ Дона чрезъ Азовское море и Керченскій проливъ къ Черноморскимъ берегамъ. «Однако, говоритъ историкъ Зосимъ (V-го вѣка) до тѣхъ поръ, пока въ фамиліи боспорскихъ царей соблюдался правильный порядокъ наслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ держалась дружба съ римлянами и оставалось сознаніе торговыхъ выгодъ, до тѣхъ поръ попытка скиѳовъ (т.-е. готовъ) перейти въ Азію встрѣчала отпоръ. Но вотъ въ государствѣ, владѣвшемъ обоими берегами Боспора киммерійсскаго, произошелъ переворотъ: прежняя династія была низвергнута; власть досталась въ руки людей недостойныхъ, которые, изъ опасенія за свои собственные интересы, не только дали свободный пропускъ скиѳамъ (т. е. готамъ), а даже перевезли ихъ на собственныхъ судахъ, куда имъ было желательно.

Слова Зосима объ истребленіи царскаго рода неточны, но внутреннія смуты и борьба за престолъ разныхъ соперниковъ были дѣйствительно, причиной успѣха готовъ: они проникли на восточный берегъ Чернаго моря и бросились на городъ Питіунтъ (нынѣ Пицунда). Впрочемъ, благодаря крѣпкимъ стѣнамъ и гарнизону, тамъ стоявшему, а всего болѣе благодаря энергіи Сукцессіона, его начальника, нападеніе варваровъ было отбито и они, захвативъ мѣстныя суда взамѣнъ воротившихся назадъ кораблей боспорскихъ, торопливо оставили берегъ. Вѣроятно, въ числѣ этихъ мѣстныхъ судовъ находились и тѣ «камары», которыя издавна служили для плаванія и морского разбоя прикавказскимъ туземцамъ, а время отъ времени появлялись также на боспорскихъ пристаняхъ, гдѣ выгодно сбывали добычу гражданамъ Пантикапеи и Фанагоріи. Эти камары, описанныя Страбономъ и Тацитомъ, и могли служить первообразомъ готскихъ «однодеревокъ».

Всѣ думали, что дерзкіе варвары, потерпѣвъ неудачу, не осмѣлятся вновь потревожить предѣлы имперіи, но надежда эта не оправдалась. Достойный защитникъ Питіунта Сукцессіонъ былъ скоро отозванъ для болѣе высокаго сана и болѣе почетнаго порученія, а вслѣдъ затѣмъ готы появились у города Фазиса (близъ нынѣшняго Поти) опять на боспорскихъ судахъ, которымъ они теперь не позволили уплыть обратно. Однако имъ не удалось захватить храмъ Артемиды, богатства котораго ихъ привлекали. Тогда они въ другой разъ направили свое нападеніе на Питіунтъ и легко имъ завладѣли; затѣмъ, обративъ плѣнниковъ въ гребцовъ и пользуясь морскимъ затишьемъ, они приплыли къ Трапезунту (на разстояніи около 380 верстъ отъ позднѣйшаго Севастополя, невдалекѣ отъ Сухумъ-Кале). Городъ былъ укрѣпленъ и его охранялъ гарнизонъ, хотя значительный по числу, но крайне распущенный и безпечный. Готы успѣли приблизиться незамѣтно и ночью неболь-

шими отрядами взобрались на стѣны, гарнизонъ и жители не сдѣлали даже попытки къ сопротивленію. Множество плѣнныхъ, богатая добыча, всякаго рода сокровища достались варварамъ, которые и воротились домой, вполнѣ довольные результатомъ набѣга. Такъ кончился походъ, который считается первымъ морскимъ походомъ готовъ.

Повтореніе не заставило себя долго ждать. Но главными героями второго похода были уже другіе, хотя и сосѣдніе, но болѣе западные готы. Важно и то, что на этотъ разъ, при помощи плѣнныхъ и пришлыхъ торговыхъ людей были построены готами собственныя суда—вѣроятно, на Днѣпрѣ или же на Днѣстрѣ. Рѣшено было избрать не тотъ путь, которымъ ходили бораны, а болѣе западный, и двинуться въ одно время сухимъ путемъ и моремъ. Готская флотилія, держась берега и не удаляясь отъ сухопутнаго отряда, достигла Филеатской бухты, къ сѣверозападу отъ города Византіи (будущаго Константинополя). Здѣсь готы узнали, что мѣстные рыбаки скрываются со своими лодками въ топкихъ и болотистыхъ пространствахъ, прилегающихъ къ бухтѣ. Войдя съ ними въ соглашеніе, готы воспользовались ихъ судами, посадили свою пѣхоту и всѣми силами устремились въ узкій проливъ между Европой и Азіей, называвшійся тогда Боспоромъ Ѳракійскимъ. Рядъ богатыхъ колоній сталъ жертвой этого нашествія. Императоръ Валеріанъ, занятый войной съ персами, узналъ объ этихъ событіяхъ въ Антіохіи и рѣшился самъ выступить противъ готовъ; но было уже поздно и онъ не настигъ варваровъ, возвратившихся домой съ богатой добычей. Такъ кончился второй морской походъ готовъ.

Три года спустя готы одновременно грабили юго-восточныя страны Европы и сосѣднія области Малой Азіи: тутъ они разрушили знаменитый храмъ Ефесской Артемиды. Въ слѣдующемъ году готы снова хозяйничали въ Малой Азіи. Прошло еще три года и они уже на пятистахъ судахъ выплыли изъ Азовскаго моря въ Черное, пришли въ устье Дуная и опустошили прибрежье этой рѣки. Императоръ Галліенъ опасался за Византію и спѣшилъ принять мѣры для возстановленія поврежденныхъ укрѣпленій, запиравшихъ проходъ въ Боспорѣ Ѳракійскомъ; опасенія его оправдались и дѣло дошло до борьбы съ готами на водѣ и на сушѣ; несмотря на понесенное пораженіе, готы высадились на азіатскомъ берегу, ограбили и разорили все, что попадалось подъ руку. Затѣмъ—не извѣстно, тѣ-же-ли самые, или какіе другіе готскіе отряды—посѣтили Грецію, напали на Аттику, ограбили и выжгли важнѣйшіе города. При этомъ случаѣ аоиняне еще разъ поднялись и напомнили прежніе свои подвиги, разбивъ отряды варваровъ и очистивъ отъ нихъ священную почву Аттики; разсѣянныя готскія

шайки надѣлали еще много хлопотъ императору и его вождямъ, но всетаки ускользнули отъ полнаго истребленія.

Въ слѣдующемъ году варвары при устьяхъ Днѣстра построили уже нѣсколько тысячъ судовъ и снова опустошили Черноморское прибрежье вплоть до береговъ Малой Азіи. Въ этомъ походѣ приняли участіе, кромѣ готскихъ племенъ, еще кельты, не менѣе загадочные, чѣмъ бораны перваго похода. Нѣкоторые ученые напрасно считаютъ борановъ славянами; другіе правильно видятъ въ нихъ германское племя, родственное готамъ. Подъ кельтами же, дѣйствительно, византійцы иногда разумѣли славянъ. Во всякомъ случаѣ участіе славянъ въ какомъ-либо изъ готскихъ походовъ дѣло вполнѣ возможное.

Лѣтъ черезъ восемь готы наводнили еще разъ своими толпами берега Малой Азіи, но уже подъ предлогомъ дружбы къ римлянамъ и въ качествѣ ихъ союзниковъ: императору пришлось оружіемъ отдѣлываться отъ непрошенныхъ и необузданныхъ гостей.

Съ тѣхъ поръ мы не слышимъ болѣе о морскихъ подвигахъ готскаго племени. Однако, это временное господство на Черномъ морѣ открыло готамъ дорогу на Таврическій полуостровъ; здѣсь болѣе тысячи лѣтъ прожили они, сохраняя свой языкъ и свою народность, несмотря на владычество чужеземцевъ.

IV.

Дори и Тмутаракань. Православная церковь въ Тавридѣ.

О готахъ въ Крыму пишетъ историкъ Прокопій (VI-го вѣка, въ сочиненіи «О постройкахъ Юстиніана): «Есть тамъ одна страна на морскомъ побережьѣ, называемая Дори; въ ней издавна живутъ готы, которые не были увлечены королемъ Теодорихомъ въ Италію, а добровольно остались здѣсь и еще при мнѣ продолжаютъ быть союзниками римлянъ, вмѣстѣ съ ними ходятъ на войну противъ ихъ враговъ, когда этого пожелаетъ императоръ. Число ихъ простирается до 3.000; они прекрасные воины, а также дѣятельные и искусные земледѣльцы, отличаются наибольшимъ гостепріимствомъ между всѣми людьми. Самая область Дори лежитъ высоко, однако не слишкомъ дика и сурова, напротивъ—пріятна и богата прекрасными плодами. Въ этой странѣ императоръ нигдѣ не строилъ ни города, ни крѣпости, потому что тамошніе жители не терпятъ, чтобы ихъ запирали въ стѣнахъ, но всего болѣе любятъ жить въ поляхъ; только въ тѣхъ пунктахъ, которые казались легко доступными для непріятеля, онъ заградилъ входы

длинными стѣнами и освободилъ готовъ отъ всякихъ опасностей относительно нашествія». Эта страна Дори, — вѣроятно, по готскому выговору слова Таврія—простиралась по южному берегу Крыма отъ Балаклавы до Сурожа (нынѣ Судака), а внутри полуострова ограничивалась Чатыръ-Дагомъ и другими горами на южномъ побережьѣ. Готы заняли также и Таманскій полуостровъ нѣсколько выше города Анапы и ближе къ Керченскому проливу, гдѣ впослѣдствіи сдѣлалась знаменитой Тмутаракань, любимое мѣсто русскихъ князей-изгоевъ. Въ отличіе отъ крымскихъ или таврическихъ готовъ древніе историки называли готовъ Таманскаго полуострова тетракситами; вѣроятно, отъ нихъ получила свое имя и Тмутаракань; о нихъ-же, можетъ быть, вспоминалъ и пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», когда говорилъ: «Вотъ готскія красныя дѣвы воспѣли на берегу синему морю, звеня русскимъ златомъ».

Готскія племена, утвердившись на полуостровѣ въ III-мъ столѣтіи, уже въ слѣдующемъ вѣкѣ захватили въ свои руки владѣнія Боспорскихъ князей и разрушили ихъ государства, оставивъ свободнымъ развѣ только одинъ городъ Пантикапею. Затѣмъ, когда сюда проникли гунно-болгарскія полчища, готы принуждены были очистить предъ ними все пространство между Боспоромъ и Херсонесомъ (т. е. Корсунемъ) и частью перешли на другую сторону Киммерійскаго пролива, частью удержались на самомъ югѣ полуострова подъ прикрытіемъ горныхъ кряжей. Они были, такимъ образомъ, отрѣзаны не только отъ западныхъ готовъ (тервинговъ), которые въ 376 году, спасаясь отъ тѣхъ же самыхъ гунновъ, ушли за Дунай въ предѣлы Римской имперіи, но и отъ ближайшихъ своихъ сородичей—готовъ восточныхъ (грейтунговъ). Можетъ быть, благодаря именно этому отчужденію отъ остальныхъ вѣтвей готскаго племени, они удержали и свое православіе, которое принесли къ нимъ на сѣверные берега Чернаго моря благочестивые плѣнники изъ Малой Азіи. Уже въ концѣ IV-го вѣка крымскіе готы имѣли своего епископа; такъ возникла церковная связь съ Византіей. Великій учитель восточной церкви Іоаннъ Златоустъ считалъ близкимъ дѣломъ души своей вопросы, касавшіеся православной общины готовъ. Аѳанасій Великій въ сочиненіи, писанномъ въ двадцатыхъ годахъ IV-го вѣка, упоминаетъ также о готахъ въ числѣ народовъ, къ которымъ уже достигла проповѣдь христіанства и, когда онъ описываетъ ея дѣйствіе на дикую и грубую натуру варваровъ, какъ они, принося жертвы своимъ идоламъ, яростно враждуютъ другъ противъ друга и даже одного часа не могутъ остаться безъ оружія, а, внявъ ученію Христа, тотчасъ вмѣсто войны обращаются къ земледѣлію,—изображеніе это всего скорѣе имѣетъ въ виду упомянутыхъ имъ готовъ. Уже въ IV-мъ вѣкѣ они

отправляли богослуженіе и читали св. писаніе на родномъ языкѣ. Есть полное основаніе думать, что «русскія» письмена, которыми были написаны найденныя св. Кирилломъ въ Корсуни Евангеліе и Псалтырь, были именно готскія письмена: на этотъ разъ слово «русскій» замѣнило собой «готскій», какъ это замѣчается и въ другихъ случаяхъ.

Въ VI-мъ вѣкѣ на Таврическомъ полуостровѣ и по сосѣдству съ нимъ хозяйничали гунно-болгарскія племена. Однако, Боспоръ Киммерійскій находился еще подъ защитой Византійскаго императора и по прежнему его столица служила очагомъ образованности для окрестнаго населенія. Здѣсь производилась мирная торговая мѣна между варварами и мѣстными купцами изъ грековъ или евреевъ, такъ какъ эти послѣдніе тоже распространялись здѣсь съ древнѣйшихъ временъ. При императорѣ Юстиніанѣ городъ получилъ новыя укрѣпленія и упроченъ былъ за имперіей надолго. Вообще Юстиніанъ не выпускалъ изъ виду сѣверовосточныхъ предѣловъ имперіи. Подчинивъ своей власти всю прибрежную полосу Чернаго моря съ прилежащими горными провинціями почти до теченія рѣки Кубани, онъ старался также упрочить христіанство между лазами и абхазами. Для того онъ основалъ епархію и церковь Лазо-абхазскую, центромъ и каѳедрой которой долженъ былъ сдѣлаться великолѣпный храмъ Богородицы, выстроенный имъ на берегу Чернаго моря въ городѣ Пицундѣ. Учрежденіе этой новой духовной провинціи въ землѣ абхазовъ и подало поводъ закубанскимъ ихъ сосѣдямъ, готамъ - тетракситамъ, заявить со своей стороны о желаніи имѣть особаго епископа. Такъ возникла рѣчь о замѣщеніи Фанагорійской каѳедры, которая существовала впослѣдствіи уже подъ именемъ Тмутараканской (т. е. тетракситской). Издавна вѣрные союзники и хорошіе христіане—готы таврическіе, въ свою очередь, пользовались покровительствомъ и защитой имперіи: горные проходы, ведущіе въ область Дори, были заграждены особаго рода засѣками и укрѣпленіями.

V.

Борьба съ кочевниками. Авары. Хазары. Покореніе Крыма татарами и турками.

Еще при жизни Юстиніана на окраинахъ Чернаго и Азовскаго морей, между Дономъ и Волгой, обнаружилось новое движеніе среди восточныхъ племенъ: аварская орда, оставившая такую тяжелую память въ славянской исторіи, придвинулась, въ

числѣ 20.000 человѣкъ, къ Киммерійскому проливу. Въ 558 г., когда Юстиніанъ въ первый разъ принималъ посольство аварскаго кагана, искавшаго дружбы и союза, а также и земли для поселенія въ предѣлахъ имперіи, весь городъ сбѣжался смотрѣть на новый образчикъ варварства, способный удивить даже давно привыкшую къ такого рода зрѣлищамъ столицу. «Были обры (авары) тѣломъ высоки и умомъ горды», замѣчаетъ русская лѣтопись и, дѣйствительно, они поражали своимъ видомъ византійцевъ, когда во время пріема ихъ «громадные члены» наполняли императорскій дворецъ и ихъ «косматыя головы» повергались ницъ на постланныхъ предъ тропомъ коврахъ.

Вскорѣ греки познакомились какъ съ коварствомъ, такъ и съ высокомѣріемъ и дерзостью ихъ новыхъ союзниковъ. Считаясь союзниками имперіи и получая ежегодные подарки, впрочемъ въ болѣе скромномъ размѣрѣ, чѣмъ другіе мнимые друзья, авары не долго оставались въ своихъ новыхъ жилищахъ. Двигаясь отъ Боспора Киммерійскаго, они усилились присоединеніемъ родственныхъ племенъ, разгромили на пути славянъ, и ушли далѣе на югъ и на западъ. Турецко-хазарскій каганъ, считавшій аваровъ своими вѣрными рабами, говорилъ, что если онъ пошлетъ свою лошадиную плеть, то при видѣ ея они готовы будутъ бѣжать на край свѣта. Эти авары дали поводъ къ первому знакомству и обмѣну посольствами между «восточными турками», т. е. хазарами, и византійцами. Вскорѣ затѣмъ турко-хазары начинаютъ распространять свои завоеванія на западъ отъ Каспійскаго моря и угрожаютъ захватомъ греческихъ владѣній на берегахъ Боспора киммерійскаго и въ Тавридѣ. Уже въ концѣ VI-го вѣка имперія вступаетъ съ ними въ дружелюбныя сношенія съ цѣлью найти въ нихъ союзниковъ противъ персовъ. Но во время самыхъ переговоровъ съ византійскимъ посольствомъ хазары овладѣли Боспоромъ и угрожали Херсонесу, хотя не успѣли взять его.

Впрочемъ въ слѣдующемъ столѣтіи, во время борьбы императора Ираклія съ персами и аварами, хазары были лучшими союзниками византійцевъ. Вотъ какое впечатлѣніе, по словамъ древнихъ армянскихъ историковъ, произвели они своимъ появленіемъ по ту сторону Кавказа: «Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицей толпы, которая въ образѣ женщинъ, съ распущенными волосами, устремилась на нихъ, жители пришли въ содроганіе, особенно при видѣ меткихъ и сильныхъ стрѣлковъ, которые какъ бы сильнымъ градомъ одождили ихъ или, какъ хищные волки, потерявшіе стыдъ, на нихъ бросились». Такими хазары казались во время войны; вотъ въ какомъ видѣ изображаются они при мирныхъ переговорахъ, когда дѣло шло о при-

пятіи выкупа и подарковъ: «Тамъ мы видѣли ихъ сидящими, поджавши колѣна, какъ ряды тяжело навьюченныхъ верблюдовъ; каждый имѣлъ при себѣ тазъ, наполненный нечистымъ мясомъ, при нихъ же сосуды съ соленой водой, куда они обмакивали мясо, когда ѣли. Тѣми же нечистыми, неумытыми, жирными (деревянными) ковшами, изъ одной и той же чаши, двое или трое изъ нихъ выливали въ желудки свои, какъ въ надутые бурдюки, чистое вино или молоко верблюдовъ и лошадей».

Когда въ половинѣ VII-го вѣка Персидское царство смѣнилось Арабскимъ халифатомъ, хазары тотчасъ вступили въ ожесточенную борьбу съ мусульманской державой и попрежнему оставались союзниками Византіи. Въ то же время они прочно утвердились на обѣихъ сторонахъ Керченскаго пролива и стояли твердой ногой въ сосѣдствѣ съ независимой пока Готіей. Въ VIII-мъ вѣкѣ союзъ съ Византіей былъ скрѣпленъ выдачей замужъ собственной дочери кагана за наслѣдника византійскаго престола, а потомъ императора, и это дало хазарамъ возможность обратить вниманіе на борьбу съ аравитянами, которые со своей стороны стремились утвердиться на Кавказѣ. Кровавая борьба затянулась до конца столѣтія и, благодаря ей, повидимому, готамъ удалось до извѣстной степени отстоять свою независимость: подобно славянамъ, они ограничивались уплатой небольшой хазарской дани, пока въ X-мъ вѣкѣ новыя орды кочевниковъ-печенѣговъ и дружины русскихъ князей не сломили могущества хазаръ въ южно-русскихъ степяхъ.

Съ X-го по XIII-й вѣкъ готы считались подданными императора, но на самомъ дѣлѣ готскіе топархи — такъ назывались начальники Византійскихъ областей — достигли полной самостоятельности. Это было тревожное время въ исторіи Тавриды: съ сѣвера ей угрожали печенѣги, а вслѣдъ за ними половцы; на побережьѣ утвердились генуэзцы и венеціане; наконецъ, татары, появившіеся съ Крыму впервые въ 1223 г., сдѣлали и готовъ своими данниками. Въ концѣ XV-го вѣка турки овладѣли и Генуэзскими колоніями, и землею готовъ. Народность готская пережила паденіе независимости, долго сохраняя свой языкъ, обычаи и вѣру предковъ, но уже въ XVII-мъ вѣкѣ перестаетъ звучать готская рѣчь; послѣдніе готы отатарились, сохранивъ, впрочемъ, православіе. Наконецъ, въ 1768 году, гонимые турками, они обратились къ Россіи и, подъ предводительствомъ послѣдняго готскаго митрополита Игнатія, поголовно выселились на берега Азовскаго моря, основавъ здѣсь городъ Маріуполь и 24 деревни; потомки ихъ говорили по-татарски и по-гречески.

VI.

Остготы и вестготы въ южно-русскихъ степяхъ.

Иная участь ожидала готовъ, обитавшихъ на востокѣ и на западѣ отъ Днѣстра: послѣдніе уже въ III-мъ вѣкѣ овладѣли римскими провинціями на нижнемъ Дунаѣ, Дакіей и Мизіей (заняли, иначе говоря, позднѣйшія Трансильванію, Румынію, Молдавію и Бессарабію); а первые поселились въ степяхъ между Днѣстромъ и Дономъ, достигая на югѣ до Крымскаго полуострова. Морскіе походы на берега Чернаго моря и непрерывныя войны съ римлянами въ Дакіи и Мизіи сдѣлали готовъ грозными врагами имперіи. Въ IV-мъ вѣкѣ они приняли христіанство по ученію Арія, и первый ихъ епископъ, Ульфила († 380), перевелъ на готскій языкъ библію. Будучи аріанами, они, казалось-бы, не могли слиться ни съ другими германскими племенами, принявшими христіанство, ни съ римлянами. Тѣмъ не менѣе уже въ концѣ IV-го вѣка они принуждены были изъ заклятыхъ враговъ имперіи обратиться въ ея защитниковъ. Причиной тому было нашествіе гунновъ.

Ко времени этого нашествія среди готскихъ племенъ наивысшаго могущества достигли грейтунги или остготы. Ихъ король Эрманрихъ подчинилъ своей власти множество народностей, разсѣянныхъ по долинамъ Дона, Днѣпра, Днѣстра, Буга и Вислы отъ Чернаго до Балтійскаго моря. Если вѣрить повѣствованію древняго историка готовъ, Іордана, Эрманриху повиновались, кромѣ готскихъ племенъ, язиги и роксоланы, веневды (т. е. славяне), прибалтійскіе айсты (лито-латышскаго происхожденія), наконецъ, финны—чудь, мордва, весь, меря, черемисы. Весь этотъ союзъ распался, когда гунны (около 372-го года) разбили алановъ близъ рѣки Танаиса (Дона). Прежде всѣхъ возстали роксоланы, обитавшіе тогда при Азовскомъ морѣ; аланы-же частью искали убѣжища на Кавказѣ, а другіе присоединились къ гуннамъ и вмѣстѣ съ ними двинулись дальше на западъ. Эрманрихъ, отчаявшись въ судьбѣ государства, самъ лишилъ себя жизни. Родной сынъ его и бо́льшая часть остготовъ покорились гуннамъ и даже помогали имъ въ борьбѣ съ тѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые пытались имъ сопротивляться: Вестготы, прикрытые Днѣстромъ, надѣялись остановить гунновъ, но гуннская конница вдали отыскала бродъ черезъ рѣку и король вестготовъ, Атанарихъ, рѣшилъ покинуть боевую линію—сначала онъ искалъ убѣжища за высокой стѣною, тянувшейся между Дунаемъ и Серетомъ, а затѣмъ продвинулся

дальше на западъ. Между тѣмъ главныя силы вестготовъ, подъ начальствомъ другого короля, Фритигерна, спѣшили къ Дунаю съ намѣреніемъ пробраться на правый берегъ рѣки. Императоръ Валентъ находился въ Антіохіи, когда къ нему обратились послы вестготовъ съ просьбой дозволить имъ переселеніе во Ѳракію. Валентъ согласился, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы вестготы предварительно выдали свое оружіе и оставили дѣтей знатнѣйшихъ лицъ въ качествѣ заложниковъ. Первое изъ этихъ условій не было исполнено по корыстолюбію римскихъ чиновниковъ: готы подкупили ихъ и сохранили оружіе. Но тѣ же чиновники, по переходѣ черезъ Дунай 200.000 готовъ съ семействами и рабами, не давали имъ средствъ пропитанія иначе, какъ за огромную цѣну. Доведенные до отчаянія, готы возмутились и начали опустошать страну, а тутъ еще присоединились къ нимъ отряды племенъ, бѣжавшихъ изъ-за Дуная отъ натиска гунновъ. Два года тянулась упорная борьба: военная дисциплина римлянъ, ихъ крѣпости и склады оружія давали полководцамъ Валента возможность противостоять врагамъ; но послѣ блистательной побѣды при Адріанополѣ (въ 378-мъ году) готы проникли до окрестностей Византіи и затѣмъ безпрепятственно опустошали весь полуостровъ, раздѣлившись на два отряда. Тогда какъ вестготы устремились въ южную Грецію, остготы съ аланами хозяйничали на сѣверѣ, пока, наконецъ, первые не получили жилищъ во Ѳракіи, а вторые въ Панноніи и верхней Мизіи. Около 20 лѣтъ не прерывались съ тѣхъ поръ дружественныя отношенія между римлянами и вестготами: въ качествѣ союзниковъ имперіи они вѣрно служили въ римскомъ войскѣ и, по свидѣтельству современнаго писателя, оказались «столь же отличными домоводами, какъ прежде воинами».

По удаленіи тервинговъ изъ областей между Дунаемъ и Днѣстромъ грейтунги постепенно придвигались на западъ, находясь до смерти короля гунновъ Аттилы († 453) въ зависимости отъ нихъ и отчасти даже слившись съ ними. Слѣды этого сліянія замѣтны и въ томъ, что потомки королевскаго дома, къ которому принадлежалъ Эрманрихъ, занимали важныя мѣста въ гуннскомъ войскѣ, и въ томъ, что многіе готы стали называться гуннскими именами. Было и наоборотъ: не безъ основанія нѣкоторые ученые считаютъ готскими даже имена Аттилы, его отца и дядей.

По смерти Аттилы распалась его держава и готы, подобно другимъ народамъ, ему подвластнымъ, отложились отъ гунновъ и даже приняли участіе въ знаменитой битвѣ при Нетадѣ, гдѣ было окончательно сокрушено гуннское царство. Тогда готы, съ согласія римскаго императора, переселились къ своимъ собратіямъ въ Паннонію, а затѣмъ—въ нижнюю Мизію и, наконецъ, въ Италію.

Между тѣмъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря появляются анты, можетъ быть, потомки тѣхъ славянъ которые, подъ верховной властью Эрманриха, обитали къ югу отъ покоренныхъ имъ же финновъ и литовцевъ. Жилища антовъ находились въ приморскомъ краѣ между Дунаемъ и Днѣстромъ. Имъ въ 545-мъ году былъ отданъ императоромъ Юстиніаномъ городъ Турисъ (нынѣ Аккерманъ) съ областью, лежащей къ сѣверу отъ Дуная, чтобы они защищали границу имперіи отъ другихъ варваровъ.

VII.

Нашествіе гунновъ. Столица Аттилы.

«Гдѣ находились гунны, откуда они вышли, какъ пробѣжали всю Европу и оттѣснили скиѳскій (готскій) народъ, о томъ никто не сказалъ ничего яснаго»—замѣчаетъ историкъ Эвнапій, (347—414).

Этотъ вопросъ о происхожденіи гунновъ донынѣ остается безъ опредѣленнаго отвѣта. Въ одномъ согласны новѣйшіе ученые,—въ томъ, что гунны были не арійское и не иранское, а тюрко-монгольское племя. Трудно сказать, къ какой вѣтви монголовъ они принадлежали: къ угро-финнской, тюрко-татарской, или къ собственно-монгольской; но нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что они были арійцы и, тѣмъ болѣе, славяне.

Весьма вѣроятно, что извѣстія китайскихъ лѣтописей о народѣ хун-ну относятся именно къ гуннамъ. Впервые этотъ народъ появился на сѣверо-западѣ слишкомъ за 2.000 лѣтъ до Р. Х. въ правленіе древнѣйшей китайской династіи Хіа. Послѣ паденія этой династіи, приблизительно въ XIII-мъ вѣкѣ до Р. Х., потомокъ ея Шуньвей бѣжалъ къ гуннамъ и положилъ у нихъ основаніе княжескому дому. Отъ этого Шуньвея прошло, по словамъ лѣтописца, до князя Тіумана 1000 лѣтъ: «о событіяхъ этого времени мы ничего не знаемъ». Но въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. въ исторіи гунновъ произошелъ крупный переворотъ. Около 207-го года въ Средней Азіи возвысился князь Маотунъ. Онъ перебилъ знать и сильнѣйшихъ людей племени, не исключая близкихъ родственниковъ, объединилъ ихъ владѣнія, покорилъ сѣверо-восточную Азію и угрожалъ Китаю. Послѣ его смерти государство, простиравшееся отъ Тибета до Кореи, распалось, и возникли два царства, сѣверное и южное. Тогда же изъ сѣверной его половины двинулись гунны на западъ и заняли области около Аральскаго моря, гдѣ нынѣ кочуютъ киргизы. Потомъ, во II-мъ вѣкѣ до Р. Х., они устремились дальше

къ Каспійскому морю и разбили алановъ. Далѣе исторіки замолкаютъ о гуннахъ вплоть до борьбы ихъ съ готами. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о наружности, бытѣ и войнахъ гунновъ даютъ Амміанъ Марцеллинъ (IV-го вѣка), Прискъ (V-го вѣка) и Іорданъ (VI-го вѣка).

«О гуннахъ лѣтописи едва упоминаютъ,—говоритъ первый изъ нихъ,—и то развѣ какъ о дикомъ и невообразимо свирѣпомъ племени. Всѣ они растутъ и старѣются безбородыми, отвратительные и безобразные на видъ, какъ евнухи. Однако, у всѣхъ у нихъ коренастый станъ, члены сильные, шея толстая, голова огромная; спина такъ сутуловата, что придаетъ строенію ихъ тѣла что-то сверхъестественное. Я сказалъ-бы скорѣе, что это — двуногія животныя, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные въ образъ человѣка, которые выставляются на мостахъ. При человѣческомъ, хотя и непривлекательномъ образѣ, они остаются столь грубыми, что не нуждаются ни въ огнѣ, ни въ приготовленной пищѣ, они питаются кореньями дикихъ травъ и полусырымъ мясомъ животныхъ, которое они дѣлаютъ теплымъ посредствомъ недолгаго согрѣванія между своими бедрами и спиною лошади. У нихъ нѣтъ никакихъ зданій, служащихъ кровомъ; они отвращаются отъ нихъ, какъ отъ гробницъ, отдѣленныхъ для общаго пользованія. У нихъ нельзя встрѣтить даже шалаша, покрытаго тростникомъ. Какъ кочевники, бродя по лѣсамъ, они съ колыбели привыкаютъ переносить холодъ, голодъ и жажду. Даже на пути они безъ крайней необходимости не входятъ въ попавшееся жилье, потому что не считаютъ себя безопасными подъ кровлею. Они носятъ одежду въ родѣ туники изъ холста или изъ мѣха и, разъ продѣвши въ нее голову, не спускаютъ ея съ плечъ, пока сама не свалится лохмотьями. Голову покрываютъ мѣховыми шапками съ опушкою, и свои волосатыя ноги обертываютъ козлиной шкурой. Такая обувь, конечно, затрудняетъ ходьбу, отчего они вообще не способны сражаться на ногахъ пѣшими. За то на своихъ лошадяхъ, нескладныхъ, но крѣпкихъ, они точно прикованы; исправляютъ на ихъ спинѣ всякаго рода дѣла, иногда сидя по-женски. День и ночь они живутъ на лошади, на ней продаютъ и покупаютъ, не слѣзая ни напиться, ни поѣсть; такъ и спятъ, прилегши только къ сухопарой шеѣ своего копя и грезятъ тамъ преспокойно. На лошадяхъ же они разсуждаютъ сообща о всякихъ своихъ дѣлахъ. Царской власти они не знаютъ, но подчиняются избраннымъ вождямъ».

«Начиная битву, они раздѣляются на отряды и, поднимая ужасный крикъ, бросаются на врага. Разсыпавшись или соединившись, съ быстротою молніи они и нападаютъ, и обращаются въ

бѣгство. Однако, при своей подвижности, они безсильны противъ укрѣпленнаго лагеря».

«Но вотъ что особенно дѣлаетъ ихъ напстрашнѣйшими воинами на свѣтѣ: это, во-первыхъ, ихъ мѣткіе, хотя бы и на далекомъ разстояніи, удары стрѣлами, у которыхъ вмѣсто желѣза прикрѣплены очень искусно заостренныя кости; во-вторыхъ, когда въ схваткѣ одинъ на одинъ, встрѣтятся мечами, они съ необыкновенной ловкостью въ одно мгновеніе накидываютъ на врага ремень (арканъ) и тѣмъ лишаютъ его всякаго движенія».

«Хлѣбопашествомъ гунны не занимаются и никто изъ нихъ не дотрогивается до плуга. Всѣ они, безъ крова, безъ отчизны, безъ всякой привычки къ осѣдлому быту, блуждаютъ въ пространствѣ, какъ будто все бѣгутъ дальше, перевозя за собой свои повозки, гдѣ ихъ жены работаютъ имъ одежду, родятъ и воспитываютъ ихъ дѣтей. Если спросить гунна: гдѣ ты родился? онъ затруднится дать отвѣтъ, потому что перекочевывая съ мѣста на мѣсто, не помнитъ своей настоящей родины, какъ и мѣста своего воспитанія».

«Непостоянные и вѣроломные въ договорахъ, гунны тотчасъ перемѣняютъ свой образъ дѣйствій, какъ скоро почуютъ, гдѣ прибыль. Они не больше звѣрей понимаютъ, что честно и что безчестно. Самый разговоръ они ведутъ двусмысленно и загадочно. Никакая религія не связываетъ ихъ ни съ чѣмъ; они ни во что не вѣрятъ и поклоняются одному золоту. Нравы ихъ такъ непостоянны и сварливы, что въ одинъ и тотъ же день они безъ всякаго повода и ссорятся и мирятся».

Такими же чертами изображаетъ бытъ гунновъ историкъ Зосимъ, жившій въ концѣ V-го вѣка. Вѣрнаго онъ ничего не знаетъ объ этомъ народѣ. «Неизвѣстно, говоритъ онъ, слѣдуетъ-ли называть ихъ (по Геродоту) скиѳами царскими, или они тѣ люди, что живутъ вдоль Дуная, курносые и не слишкомъ храбрые? Пришли-ли они въ Европу изъ Азіи?—Вѣрно только одно, что они напали на скиѳовъ (готовъ), живущихъ за Дунаемъ. Живя вѣчно на лошадяхъ, они едва могли ходить по землѣ и потому вовсе не умѣли биться пѣшими, стоя твердо на ногахъ.»

Вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ описаніямъ наружность самого Аттилы, какъ его изображаетъ Іорданъ. Аттила, по его словамъ, имѣлъ малый ростъ, широкую грудь, большую голову, маленькіе глаза, рѣдкую бороду, волосы съ просѣдью, приплюснутый носъ, темное лицо. Въ другомъ мѣстѣ Іорданъ такъ выражается о гуннахъ: «У нихъ лицо устрашающей черноты и похоже болѣе, если можно такъ выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя точками вмѣсто глазъ. Самоувѣренность и мужество свѣтятся въ ихъ ужасномъ взглядѣ. Они малы ростомъ, но ловки въ движе-

піяхъ и проворны на конѣ, широкоплечи, вооружены лукомъ и стрѣлами, съ толстымъ затылкомъ, всегда гордо поднятымъ вверхъ. По своей свирѣпости это звѣрь въ образѣ людей».

Можетъ быть, страхъ, какой внушали гунны германцамъ, римлянамъ и грекамъ, вызвалъ нѣсколько преувеличенные разсказы современниковъ объ ихъ безобразіи и жестокости, подобно тому, какъ нашъ лѣтописецъ, со своей христіанской точки зрѣнія, считалъ звѣрскими и скотскими обычаи славянъ-язычниковъ; однако, вполнѣ достовѣрно, что гунны были кочевники; а между тѣмъ уже Тацитъ различалъ въ I-мъ вѣкѣ сарматовъ и венедовъ именно на томъ основаніи, что венеды умѣли строить жилища и ходили на врага пѣшимъ строемъ, сарматы же сражались на коняхъ и жили въ повозкахъ. Вотъ почему нельзя гунновъ считать славянами, какъ это иногда дѣлаютъ историки, не желающіе признать гунновъ монголами: каково бы ни было ихъ происхожденіе, гунны вели кочевой образъ жизни, а славяне съ незапамятныхъ временъ воздѣлывали землю, строили дома и были, какъ выражается Тацитъ, отличными пѣшеходами.

Впрочемъ, во времена Аттилы появились постройки и въ столицѣ гунновъ, находившейся къ сѣверу отъ Дуная, гдѣ-то въ нынѣшней Венгріи, можетъ быть, у береговъ рѣки Тейсы, подъ Карпатскими горами. Въ половинѣ V-го вѣка эти мѣста посѣтилъ и описалъ Прискъ, участникъ посольства, снаряженнаго къ Аттилѣ отъ византійскаго императора.

Прискъ велъ подробный дневникъ своего путешествія. Еще вдалекѣ отъ столицы онъ встрѣтилъ впервые Аттилу въ одномъ изъ многочисленныхъ шатровъ, раскинутыхъ по долинѣ Дуная.

«Мы вошли, говоритъ Прискъ, въ шатеръ Аттилы, охраняемый толпой варваровъ. Аттила сидѣлъ на деревянной скамьѣ. Мы стали нѣсколько поодаль, а посолъ, подойдя къ варвару, привѣтствовалъ его и, вручивъ грамоты, сказалъ, что императоръ желаетъ ему здоровья и всѣмъ его домашнимъ». Представившись, послы отправились вслѣдъ за Аттилою дальше къ сѣверу. На дорогѣ Аттила своротилъ въ одно селеніе, въ которомъ намѣревался вступить въ бракъ съ дочерью Эскамы; онъ имѣлъ много женъ, но хотѣлъ теперь жениться на этой дѣвицѣ, согласно съ закономъ скиоскимъ (т. е. гуннскимъ).

Послы на своемъ пути переѣхали нѣсколько значительныхъ рѣкъ. Черезъ рѣки ихъ перевозили береговые жители на однодеревкахъ и на плотахъ. Въ селеніяхъ отпускали имъ въ пищу, вмѣсто пшеницы — просо, вмѣсто вина — такъ называемый у туземцевъ — медосъ. Служители пословъ получали также просо и питье, которое варвары называютъ камосъ.

Въ одномъ мѣстѣ, близъ какого-то озера, послов застигла буря, такъ что среди наставшаго мрака подъ ливнемъ люди разбрелись, кто-куда, отыскивая съ крикомъ другъ друга. Всѣ однако сошлись въ селеніи. Изъ хижинъ выбѣжали скиѳы (гунны) и стали зажигать камыши, которые они употребляютъ для разведенія огня. При свѣтѣ камышей объяснилось, въ чемъ дѣло. Жители звали посольскихъ людей къ себѣ, приняли въ свои домы и, подкладывая много камышу, согрѣли путниковъ. Оказалось, что владѣтельницею селенія была одна изъ женъ брата Аттилы. Она прислала посламъ купанье съ красивыми женщинами. Это знакъ уваженія. Послы провели ночь въ хижинахъ; на утро собрали свои вещи и весь день прожили въ селеніи, обсушивая пожитки. Отправляясь въ путь, послы пошли къ царицѣ, привѣтствовали ее и въ благодарность за гостепріимство принесли ей взаимно въ подарокъ три серебряныя чаши, нѣсколько красныхъ кожъ, перцу изъ Индіи, финиковыхъ плодовъ и другихъ сластей, которыя очень цѣнятся варварами, потому что тамъ ихъ не водится.

Послы ѣхали дальше и повстрѣчали другое посольство къ Аттилѣ отъ повелителя «западныхъ римлянъ», посланное для укрощенія его гнѣва за какіе-то золотые священные сосуды, которые Аттила почиталъ своею собственностью, такъ какъ они составляли принадлежность завоеваннаго имъ города. Оба посольства остановились въ этомъ мѣстѣ и ожидали, пока Аттила проѣдетъ впередъ, а потомъ продолжали путь за нимъ вмѣстѣ со множествомъ народа.

«Переѣхавъ черезъ нѣкоторыя рѣки — продолжаетъ Прискъ — мы прибыли въ одно огромное селеніе, въ которомъ былъ дворецъ Аттилы. Этотъ дворецъ, какъ увѣряли насъ, былъ великолѣпнѣе всѣхъ дворцовъ, какіе имѣлъ Аттила въ другихъ мѣстахъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ, и обнесенъ деревянною оградою, болѣе служащею къ украшенію, нежели къ защитѣ. Послѣ дома царскаго, самый отличный былъ домъ Онигисіевъ, также съ деревянною оградою; но ограда эта не была украшена башнями, какъ Аттилина. Недалеко отъ ограды была большая баня, построенная Онигисіемъ, имѣвшимъ послѣ Аттилы величайшую силу между скиѳами (гуннами). Онъ перевезъ для этой постройки каменья изъ земли Неонской (отъ Савы и Дравы), ибо у варваровъ, населяющихъ здѣшнюю страну, нѣтъ ни камня, ни лѣса; этотъ матеріалъ употребляется у нихъ привозный».

«При въѣздѣ въ селеніе, Аттила былъ встрѣченъ дѣвами, которыя шли рядами подъ тонкими бѣлыми покрывалами. Подъ каждымъ изъ этихъ длинныхъ покрывалъ, поддерживаемыхъ руками

стоящихъ по обѣимъ сторонамъ женщинъ, было до семи и болѣе дѣвъ; а такихъ рядовъ было очень много. Эти дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли скноскія (гуннскія) пѣсни. Когда Аттила былъ подлѣ дома Онигисія, мимо котораго пролегала дорога, ведущая къ царскому дворцу,—супруга Онигисія вышла изъ дому со многими служителями, изъ которыхъ одни несли кушанье, а другіе вино. Это у скноовъ (гунновъ) знакъ отличнѣйшаго уваженія. Хозяйка привѣтствовала Аттиллу и просила его вкусить того, что ему подносила, въ изъявленіе своего почтенія. Въ угодность женѣ своего любимца, Аттила, сидя на конѣ, ѣлъ кушанья съ серебрянаго блюда, высоко поднятаго служителями. Вкусивъ вина изъ поднесенной ему чаши, онъ поѣхалъ въ царскій домъ, который былъ выше другихъ и построенъ на возвышеніи».

Послы остановились въ домѣ Онигисія, были приняты его женою и отличнѣйшими изъ его сродниковъ и обѣдали у него. Самъ Онигисій былъ у Аттилы и не имѣлъ времени съ ними обѣдать.

Пообѣдавши, послы раскинули свои шатры близъ дворца Аттилы, чтобы быть поближе къ мѣсту совѣщаній.

«На другой день—продолжаетъ Прискъ—я пошелъ ко двору Аттилы съ подарками для его супруги. Аттила имѣлъ отъ нея трехъ дѣтей».

«Внутри ограды было много домовъ; одни выстроены изъ досокъ, красиво соединенныхъ, съ рѣзною работою; другіе изъ тесаныхъ и выровненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ брусья, образующіе круги; начинаясь съ пола, они поднимались до нѣкоторой высоты».

«Здѣсь жила супруга Аттилы. Я впущенъ былъ стоявшими у дверей варварами и засталъ царицу лежащей на мягкой постелѣ. Полъ былъ устланъ шерстяными коврами, по которымъ ходили. Вокругъ царицы стояло множество рабовъ; рабыни, сидя на полу противъ нея, испещряли разными красками полотняныя покрывала, носимыя варварами поверхъ одежды для красы. Подошедъ къ ней, я привѣтствовалъ ее, подалъ ей подарки и вышелъ. Я пошелъ къ другимъ палатамъ, гдѣ имѣлъ пребываніе Аттила. Я увидѣлъ, что идетъ толпа; на томъ мѣстѣ произошелъ шумъ и тревога, въ ожиданіи выхода Аттилы. Онъ выступилъ изъ дому и шелъ, важно озираясь въ разныя стороны».

«Когда Аттила остановился на крыльцѣ дома, многіе просители, имѣвшіе между собою тяжбы, подходили къ нему и слушали его рѣшенія. Онъ возвратился потомъ въ свой домъ, гдѣ принималъ пріѣхавшихъ къ нему варварскихъ посланниковъ».

Въ оградѣ Аттилина дворца Приск встрѣтилъ и пословъ отъ «западныхъ римлянъ».

Въ тотъ же день всѣ послы были приглашены Аттилою на пиршество, которое назначалось въ 9 часовъ дня (считая съ восхода солнца).

«Въ назначенное время—говоритъ Прискъ—пришли мы и посланники «западныхъ римлянъ» и стали на порогѣ комнаты, противъ Аттилы. По обычаю страны намъ подали чашу. Вкусивъ изъ нея, мы пошли къ сѣдалищамъ. Скамьи стояли у стѣнъ комнаты по обѣ стороны. Въ самой серединѣ сидѣлъ на ложѣ Атилла; позади его было другое ложе, за которымъ нѣсколько ступеней вели къ его постели. Она была закрыта тонкими и пестрыми занавѣсами, для красы, подобными тѣмъ, какіе въ употребленіи у римлянъ и эллиновъ для новобрачныхъ».

«Первымъ мѣстомъ для обѣдающихъ почиталась правая сторона отъ Аттилы; вторымъ—лѣвая, на которой сидѣли мы».

«Когда всѣ разсѣлись по порядку, кравчій поднесъ Аттилѣ чашу съ виномъ. Аттила взялъ ее и привѣтствовалъ перваго въ ряду. Послѣ того, какъ всѣмъ была оказана честь привѣтствія, кравчіе вышли. Подлѣ стола Аттилы поставлены были столы на троихъ, четверыхъ и большее число гостей, такъ, чтобъ каждый могъ брать изъ положеннаго на блюдѣ кушанья, не выходя изъ ряда сѣдалищъ».

Когда наложенныя на первыхъ блюдахъ кушанья были съѣдены, мы всѣ встали, и всякій изъ насъ не прежде пришелъ къ своей скамьѣ, какъ выпивъ поднесенную ему полную чару вина и пожелавъ Аттилѣ здравія. Изъявивъ ему такимъ образомъ почтеніе, мы сѣли, а на каждый столъ поставлено было второе блюдо, съ другими кушаньями. Всѣ брали съ блюда, вставали по прежнему, потомъ, выпивъ вино, садились»....

«Поздно вечеромъ, такъ какъ пированье затянулось на ночь, мы вышли, не желая болѣе бражничать».

«На другой день Аттила опять пригласилъ насъ на пиръ. Мы пришли къ нему и пировали по прежнему. Во все время пиршества Аттила обращалъ къ намъ ласковыя слова.... Мы вышли изъ пиршества ночью».

По прошествіи трехъ дней послы были отпущены.

На возвратномъ пути они остановились въ одномъ селеніи. «Тутъ былъ пойманъ лазутчикъ, пришедшій изъ римской земли въ варварскую. Аттилла велѣлъ посадить его на колъ. На другой день, когда мы, говоритъ Приск, ѣхали другими селеніями, два человѣка, бывшіе у скиѳовъ (гунновъ) въ неволѣ, были приведены со связанными назади руками за то, что убили своихъ господъ, владѣвшихъ ими по праву войны. Обоихъ распяли, положивъ голову на два бруса, съ перекладинами».

При сравненіи этихъ разсказовъ Приска съ картиной, какую рисуетъ Амміанъ Марцеллинъ, замѣтна большая перемѣна въ образѣ жизни гунновъ (по Приску — скиѳовъ). Но не слѣдуетъ забывать при этомъ, что рѣчь идетъ о половинѣ V-го вѣка, о времени, когда Аттила прошелъ всѣ европейскія страны и объединилъ подъ своей властью множество кочевыхъ и осѣдлыхъ племенъ.

* * *

Господство гунновъ въ степяхъ южной Россіи имѣло большое значеніе для исторіи славянскихъ племенъ, разселившихся по Дунаю и Днѣпру. Во первыхъ, гунны положили конецъ владычеству готовъ, которые незадолго до гуннскаго нашествія подчинили себѣ славянъ. Во вторыхъ, они задержали дальнѣйшее движеніе славянскихъ племенъ къ югу, которое началось одновременно съ переселеніемъ готовъ отъ береговъ Вислы къ Дунаю, Днѣстру и Черному морю. Можетъ быть, они увлекли за собой часть славянъ въ стремительномъ и бурномъ потокѣ вглубь Западной Европы и вмѣстѣ съ тѣмъ оттѣснили славянъ на сѣверъ отъ долинъ Дуная и Днѣпра. Наконецъ, гунны нанесли тяжелый, «послѣдній» ударъ населенію сѣверныхъ береговъ Чернаго моря: богатые, цвѣтущіе города обратились въ развалины, оживленныя торговыя связи сѣвернаго Черноморья съ южными странами Европы прекратились надолго, вся степная полоса отъ устьевъ Дуная до береговъ Каспійскаго моря перешла въ руки азіатскихъ кочевниковъ. Не менѣе четырехъ вѣковъ прошло со смерти Аттилы прежде, чѣмъ ожила торговля между Византіей и Поднѣпровьемъ. — Къ этому времени въ предѣлахъ Восточно-европейской равнины образовались древнѣйшія волости и княжества славянъ.

ХАЗАРЫ и БОЛГАРЫ.

По соч. *Н. Ашмарина* «Болгары и чуваши». Казань, 1902. — *К. Бестужева-Рюмина* «Русская исторія». Спб., 1872, т. I. — *А. Гаркави* «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ». Спб., 1870. — *В. Григорьева* «Россія и Азія». Спб., 1876. — *Д. Хвольсона* «Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и русскихъ, Абу Али Ахмеда Бенъ Омаръ Ибнъ-Даста, арабскаго писателя начала X вѣка». Ж. М. Н. П., 1868, ч. CXL, кн. 12.

I.

Древнѣйшія извѣстія о хазарахъ. Столица хазарской земли — Итиль. Власть кагана.

На восточной окраинѣ русской равнины, по теченію Волги, жили два племени: хазары и болгары. О хазарахъ дошли до насъ извѣстія уже отъ II-го вѣка по Р. Х. Въ то время, какъ на западъ отъ Дона и Днѣпра поселились готы, на востокѣ, по нижнему теченію Волги господствовали хазары; они проникли также и къ отрогамъ Кавказа, и на берега Крыма. Происхожденіе ихъ довольно темно; вѣроятно, это былъ народъ, смѣшанный изъ разныхъ племенъ, но главную часть его составляли тюрки.

Въ V-мъ вѣкѣ хазары покорились гуннамъ; но, съ паденіемъ власти послѣднихъ, хазары освободились и сами стали покорять своихъ сосѣдей. Ихъ нападенія на Персію принудили въ VI-мъ вѣкѣ персидскаго царя Кобада оградить сѣверную границу его владѣній на Кавказѣ большимъ валомъ; сынъ его Хозрой построилъ здѣсь стѣну.

Съ VI-го вѣка начинаются болѣе тѣсныя, то враждебныя, то дружескія, сношенія хазаръ съ Византійской имперіей; въ VII-мъ вѣкѣ они покорили болгаръ на Волгѣ и овладѣли частью Крымскаго полуострова; наконецъ, они вели упорную борьбу съ мусульманскими калифами. Благодаря этой продолжительной борьбѣ, они завязали сношенія съ арабами, и арабскіе писатели оставили намъ нѣсколько описаній хазарской земли, правовъ, занятій и образа жизни ея обитателей. Въ послѣдствіи, въ VIII-мъ и IX-мъ вѣкахъ, хазары вошли въ соприкосновеніе съ племенами славянъ, населявшихъ русскую равнину; поэтому важно знать, кто были эти во-

сточные сосѣди славянъ, долгое время бравшіе съ нихъ дань. Извѣстія арабскихъ писателей проливаютъ свѣтъ на этотъ вопросъ; они являются главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о хазарахъ; вотъ что говорятъ они объ этомъ народѣ.

«Хазаръ есть названіе страны, столица которой называется Итиль»—такъ повѣствуетъ одинъ арабскій писатель. «Итиль,—говоритъ онъ дальше,—есть также имя рѣки, текущей изъ Руси и Булгара». Не трудно узнать въ этой рѣкѣ Волгу, городъ Итиль находился почти на самомъ устьѣ ея, близко отъ того мѣста, гдѣ теперь находится Астрахань. Онъ состоялъ изъ трехъ частей: двѣ по обѣимъ сторонамъ рѣки и третья—на островѣ; здѣсь жилъ самъ царь хазарскій со своими вельможами и слугами. Этотъ царь носилъ названіе кагана; но рядомъ съ нимъ было другое лицо — намѣстникъ кагана; греческіе и арабскіе писатели называютъ его пехъ или бегъ. Кагану принадлежала высшая духовная, религіозная власть надъ хазарами; управленіе же лежало на обязанности пеха. Если страну хазаръ посѣщало какое-нибудь бѣдствіе, голодъ, моръ и т. п., то виновнымъ считался каганъ, и хазары приходили къ пеху требовать смерти его; слѣдовательно, особая милость божества должна была проявляться въ каганѣ. Каганъ рѣдко показывался народу и доступъ къ нему имѣлъ только его намѣстникъ и нѣкоторые вельможи; намѣстникъ приходилъ къ нему босикомъ, держа въ рукахъ лучину, и, когда она сгорала, садился съ нимъ рядомъ; другіе при входѣ ложились на землю и не вставали, пока каганъ не позволитъ говорить. При похоронахъ кагана старались скрыть мѣсто его погребенія; строили зданіе въ 20 комнатъ, въ одной рыли могилу и потомъ убивали тѣхъ, которые хоронили, чтобъ неизвѣстно было, въ которой комнатѣ его погребли. Управленіе и войско находились въ завѣдываніи пеха; войско состояло изъ наемниковъ и ополченій. На обязанности пеха лежалъ дѣлежъ добычи и распоряженіе податями. Подати состояли изъ пошлины, взимавшейся съ проѣзжихъ, и изъ десятины съ товаровъ, привозимыхъ сухимъ путемъ и водою. Платились онѣ натурою, ибо хазары не знали монеты.

II.

Образъ жизни хазаръ. Войны съ Византіей и арабами. Паденіе царства хазаръ.

Внутренній бытъ хазаръ сложился подъ вліяніемъ природы страны, которую они занимали. Степныя пространства нижней Волги представляли широкое раздолье для передвиженій съ мѣста

на мѣсто, а великая рѣка, пересѣкавшая ихъ страну, давала имъ возможность вступать въ торговыя сношенія съ окрестными народами. Благодаря этимъ двумъ условіямъ хазары были полуосѣдлымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торговымъ народомъ. Зимою мѣстное населеніе,— говоритъ одинъ изъ арабскихъ писателей,— живетъ въ городахъ, съ наступленіемъ же весны выходитъ изъ нихъ въ степи, гдѣ и остается до приближенія зимы. Это переселеніе совершалось въ апрѣлѣ, когда степи покрываются травой. У хазаръ было сильно развито скотоводство, хлѣбопашество же находилось на низкомъ уровнѣ. Близость Волги и Каспійскаго моря привлекала хазаръ къ рыбнымъ промысламъ и рыба, вмѣстѣ съ рисомъ и лошадинымъ мясомъ, составляла главный предметъ ихъ пищи; остальные продукты привозились къ нимъ сосѣдними племенами. Вслѣдствіе своего полукочевого быта хазары не имѣли большихъ городовъ, кромѣ одного Итиля, и не строили себѣ постоянныхъ жилищъ; большинство населенія жило въ кибиткахъ, разсѣянныхъ по степи, и воздѣлывало землю въ размѣрахъ, необходимыхъ для полученія пропитанія. Одинъ каганъ жилъ въ высокихъ кирпичныхъ хоромахъ, а самые богатые хазары въ Итилѣ обитали въ небольшихъ глиняныхъ мазанкахъ.

Въ одеждѣ и образѣ жизни хазары отличались большой нечистоплотностью; хотя они мылись каждый день, но употребляли для этого и грязную воду. До насъ дошло мало извѣстій о домашней жизни хазаръ, ихъ семейномъ бытѣ и занятіяхъ. Можно полагать, что хазары на половину оставались кочевниками и, пребывая еще въ варварскомъ состояніи, не привыкли добывать себѣ трудомъ пропитанія, а предпочитали дѣлать съ этой цѣлью набѣги на сосѣднія племена.

Какъ народъ, обитавшій на большомъ торговомъ пути, который шелъ по Волгѣ къ Каспійскому морю, хазары приходили въ соприкосновеніе со многими племенами. Мимо нихъ проходили арабскіе купцы съ юга, русы, славяне и болгары съ сѣвера. Городъ Итиль былъ постояннымъ мѣстомъ обмѣна товаровъ и стоянки торговыхъ судовъ. Сами хазары мало принимали участія въ этомъ торговомъ движеніи; они взимали пошлину съ купцовъ, проѣзжавшихъ мимо ихъ земли и служили посредниками между торгующими сторонами.

Въ Итилѣ всегда было большое скопленіе всякаго рода товаровъ; изъ Греціи, Персіи и странъ кавказскихъ привозились сюда драгоцѣнныя ткани, въ которыя одѣвались хазары; съ сѣвера шли продукты пушного и рыбнаго промысловъ.

Положеніе царства хазарскаго на большомъ торговомъ пути повліяло и еще на одну сторону быта хазаръ, на ихъ религіозныя

вѣрованія. Черезъ землю хазаръ проходили разные народы, нѣкоторые оставались у нихъ и вносили къ нимъ свою вѣру. Въ VIII-мъ вѣкѣ каганъ принялъ еврейскую вѣру; большинство же хазаръ исповѣдывало магометанство, но были среди нихъ и христіане. Это разнообразіе вѣроисповѣданій выразилось въ учрежденіи особыхъ судей для людей каждой вѣры; въ Итилѣ, разсказываетъ одинъ арабскій писатель, установлено семь судей: двое для магометанъ, двое для христіанъ, двое для хазаръ, держащихся закона Моисеева, и одинъ для славянъ, руссовъ и другихъ язычниковъ. Изъ этого перечисленія племенъ видно, насколько разнороденъ былъ составъ населенія въ столицѣ хазарскаго царства.

Высшаго расцвѣта хазарское царство достигло въ VIII-мъ вѣкѣ; тогда господство хазаръ простиралось отъ Каспійскаго моря до береговъ Днѣстра и отъ Чернаго моря до Оки и Камы. Но уже въ IX-мъ столѣтіи эта громадная держава распалась; съ востока ее тѣснили печенѣги, съ сѣверо-запада—русскіе князья; послѣдній ударъ былъ нанесенъ хазарамъ въ XI-мъ вѣкѣ соединенными силами византійцевъ и русскихъ, подъ предводительствомъ Мстислава Удалого.

III.

Болгары. Извѣстія арабскихъ писателей. Торговля, промышленность и образъ жизни болгаръ.

Къ сѣверу отъ хазаръ, по среднему теченію Волги и по Камѣ, обитали болгары или булгары—племя тюркскаго происхожденія, но съ примѣсью финновъ. Неизвѣстно, когда и откуда появились болгары на берегахъ Волги; но вполнѣ достовѣрно, что они обитали здѣсь съ очень давняго времени. Часть болгаръ утвердилась на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ углу, образуемомъ Дунаемъ и Днѣстромъ, откуда стала тревожить Византійскую имперію и тѣснить славянъ. Въ VI-мъ вѣкѣ болгары покорились аварамъ, но около 635 года болгарскій князь Кувратъ освободилъ свой народъ отъ этого ига и выгналъ аварскія войска, стоявшія въ его странѣ. Новый періодъ болгарской исторіи начинается съ княземъ Исперихомъ или Аспарухомъ, при которомъ болгары перешли черезъ Дунай, и утвердились на правомъ его берегу; кочевали же они по Дунаю много раньше VII-го вѣка; уже остготскому королю Теодориху Великому въ концѣ V-го вѣка приходилось сражаться съ болгарами. Между тѣмъ единоплеменники ихъ оставались на Волгѣ; одно изъ племенъ ихъ, хвалисы, проникло даже на берега

Каспійскаго моря, которое и получило поэтому въ русскихъ лѣтописяхъ и былинахъ названіе Хвалисскаго или Хвалынскаго. Первое по времени извѣстіе о болгарахъ относится къ сравнительно поздней эпохѣ, къ началу X-го вѣка. Оно принадлежитъ арабскому писателю Ибнъ-Фодлану, посѣтившему болгаръ въ 922 г. во главѣ посольства отъ абасидскаго калифа Муктедира. Поводомъ къ посольству послужило письмо болгарскаго царя Алмуса, просившаго прислать ему такого человѣка, который могъ бы обучить его вѣрѣ, наставить въ законахъ ислама и построить ему мечеть. Съ тѣхъ поръ многіе арабы посѣщали страну болгаръ и оставили намъ кое-какія свѣдѣнія о нихъ.

Болгары занимали среднее теченіе Волги съ ея притоками, приблизительно мѣстность нынѣшнихъ Казанской, Самарской, Симбирской, Саратовской и части Астраханской губерній. Въ различное время границы ихъ владѣній простирались отъ Уральскаго хребта до рѣкъ Суры и Оки, отъ Вятки и Камы до истоковъ Дона, Хопра и Самары. Но на всемъ этомъ пространствѣ на ряду съ болгарами, вѣроятно, жили и другія народности, которыя частью живутъ въ этомъ краю и до сихъ поръ. Весьма вѣроятно, что одна изъ этихъ народностей, племя чувашей, находится въ ближайшемъ родствѣ съ древними болгарами: доказательствомъ этого родства служитъ то, что дошедшія до насъ слова древнихъ болгаръ всего лучше объясняются изъ чувашскаго языка. Какъ бы то ни было, болгары долго оставались сосѣдями хазаръ, финновъ и славянъ. Страна, которую они занимали, состояла изъ болотистыхъ мѣстностей и дремучихъ лѣсовъ. Дѣлились они на нѣсколько племенъ, объединенныхъ подъ властью одного царя. Объ остаткахъ кочевой жизни волжскихъ болгаръ сохранилось извѣстіе X-го вѣка, что они въ лѣтнее время покидали свои зимнія жилища и расходились по войлочнымъ юртамъ. Подобно имъ, и хазары съ наступленіемъ весны выходили изъ городовъ въ степь, гдѣ и оставались до приближенія зимы. Однако, въ странѣ, которую занимали волжскіе болгары, было нѣсколько городовъ. Главный городъ болгаръ носилъ въ русскихъ лѣтописяхъ названіе Великаго города; вѣроятно, на развалинахъ его, при рѣчкѣ Биляркѣ, притокѣ Черемшана, построенъ нынѣшній пригородъ Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи Билярскъ. Недалеко отсюда лежалъ и другой болгарскій городъ, Суваръ, гдѣ какъ и въ первомъ, находилась мечеть; дома тамъ были деревянные и служили зимними жилищами; число жителей въ обоихъ городахъ простиралось до 10.000 человѣкъ. Въ персидскихъ рукописяхъ и въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается еще нѣсколько городовъ; имена нѣкоторыхъ изъ нихъ сходны съ названіями нынѣшнихъ селеній чувашей.

Ко времени, когда писалъ о болгарахъ Ибнъ-Фадланъ, они представляли собой уже сильный народъ и занимали обширное пространство. Во главѣ ихъ находился царь, которому платили подать и который собиралъ пошлины съ купеческихъ судовъ. Ему же удѣлялась часть военной добычи. Царь былъ окруженъ особымъ уваженіемъ, въ которомъ, однако, не было такого низкопоклонства, какъ у хазаръ; выѣзжалъ онъ одинъ, безъ свиты; всякій встрѣчный кланялся ему въ поясъ, снимая шапку, также кланялись и тѣ, кто къ нему входилъ; садиться передъ царемъ можно было только по его приглашенію и опускаясь предварительно на колѣни. Царю подчинялись владыки отдѣльныхъ болгарскихъ племенъ.

Народъ болгарскій жилъ, какъ и хазары, полу-осѣдлой, полукочевой жизнью. Лѣтомъ онъ обиталъ въ юртахъ, зимою же стекался въ города. Земледѣліе было развито среди болгаръ, и они воздѣлывали разные хлѣба: пшеницу, ячмень, просо и другіе. Но особенно процвѣталъ у нихъ пушной промыселъ. Мѣхъ составлялъ главный предметъ торговли волжскихъ болгаръ; соболь, горностай, бѣлка и въ особенности куница—таковы тѣ пушные звѣри, которые особенно имп цѣнились. Куній мѣхъ замѣнялъ для нихъ монету. Кромѣ мѣха, болгары торговали медомъ и воскомъ, выдѣланной кожей, шерстью, орѣхами. Торговля ихъ была оживленна, благодаря положенію ихъ на волжскомъ торговомъ пути. Чрезъ болгарскія владѣнія шли всѣ товары изъ мусульманскихъ земель на сѣверъ Европы и обратно; Кама и Вятка служили для нихъ удобными путями для торговыхъ сношеній съ различными финскими народностями, жившими на востокъ и на сѣверъ отъ ихъ страны, тогда какъ на Волгѣ они сносились съ племенами, занимавшими побережья Каспійскаго моря, а также съ западными и сѣверо-западными областями Руси. Кромѣ того, между Болгаромъ, Ховарезмомъ (нынѣ Хивой) и Хорасаномъ (въ Персіи) производилась постоянная торговля при посредствѣ каравановъ. Арабъ Мукадесси, говоря о Ховарезмѣ, перечисляетъ слѣдующіе предметы вывоза изъ этой страны и привоза туда изъ волжской Болгаріи: мѣха соболи, бѣличьи, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые, заячьи; козьи шкуры, воскъ, стрѣлы, крупную рыбу, шапки, бѣлужій клей, рыбьи зубы, (то есть мамонтовые или морковые клыки), янтарь, нефть, медъ, орѣхи лѣсные и грецкіе, мечи, кольчуги, березовый лѣсъ, невольниковъ изъ славянъ, овецъ и рогатый скотъ. Часть этихъ товаровъ привозилась въ Болгаръ изъ Руси, изъ земли финскихъ племенъ—веси и перми, изъ страны буртасовъ, обитавшихъ по теченію Волги. Наконецъ, арабамъ было извѣстно, что болгары вели на крайнемъ сѣверѣ торговлю съ финскимъ на-

родомъ—югрою, вымѣнивая мѣха на желѣзные товары. Кромѣ кожаныхъ издѣлій, которыя подъ именемъ «болгарскихъ» славились по всему Востоку и даже въ западной Европѣ, пользовались извѣстностью металлическія издѣлія болгаръ; имъ были хорошо извѣстны плавка мѣди и ковка желѣза; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Болгаріи до нашего времени сохранились слѣды древнихъ рудниковъ.

Помимо земледѣлія и торговли болгары, какъ всякій полукочевой народъ, занимались и скотоводствомъ; скотоводство служило подспорьемъ въ одной изъ главныхъ отраслей ихъ промышленности—въ кожевенномъ производствѣ. Особенно развито было у нихъ, повидимому, коневодство; каждый болгаринъ имѣлъ лошадей; подать царю платилась лошадьми, а также бычачьими кожами; всякій, кто женился, обязанъ былъ подарить царю лошадь. Кромѣ того болгары занимались рыболовствомъ, такъ какъ жили по берегамъ большихъ рѣкъ, Волги и Камы, съ ихъ притоками.

Въ противоположность завоевателямъ - хазарамъ, болгары были народъ миролюбивый, склонный къ мирнымъ занятіямъ: торговлѣ, земледѣлію и различнымъ ремесламъ. Они отличались честностью, и воровство у нихъ каралось, какъ и распутство, очень жестоко: виновнаго и виновную привязывали за руки и за ноги къ четыремъ столбамъ, которые вколачивали въ землю, затѣмъ топоромъ разсѣкали тѣло сверху до-низу и каждую половину тѣла вѣшали на дерево. Миролюбіе болгаръ сказывалось и въ томъ, что они рѣдко сами нападали на сосѣдей, а больше оборонялись отъ нашествій извнѣ.

IV.

Принятіе ислама. Борьба съ русскими князьями. Паденіе болгарскаго царства.

До X-го вѣка Болгары были язычниками; но въ 922 г. они приняли магометанскую вѣру. Поводомъ къ принятію ея послужило, по преданію, чудо, совершенное однимъ мусульманиномъ, посѣтившимъ ихъ страну, надъ больными царемъ и царицей. Было наряжено посольство въ Персію къ калифу Муктедиру отъ царя болгарскаго Алмуса, съ просьбой прислать людей, свѣдущихъ въ мусульманскомъ законѣ. Калифъ отправилъ въ Болгарію двухъ посланниковъ, которымъ поручилъ привести болгаръ въ магометанскую вѣру. Распространеніе ея, повидимому, совершилось довольно быстро; въ болгарскихъ селеніяхъ завелись ме-

чети и училища, въ которыхъ преподавали мусульманскіе священники. Но часть болгаръ продолжала держаться язычества долго спустя послѣ принятія мусульманства. Переходъ въ новую религію послужилъ для болгаръ, кромѣ того, поводомъ вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ Персіей, Аравіей и Малой Азіей. Отъ арабовъ они пріобрѣли различныя полезныя познанія: научились строить каменныя зданія, воздвигли нѣсколько крѣпостей для защиты отъ враговъ, стали чеканить монету.

Со времени принятія болгарами магометанской религіи, т. е., съ половины X-го вѣка, начинаютъ попадаться извѣстія о нихъ и въ русскихъ лѣтописяхъ. Въ 968 г. на болгаръ напалъ Святославъ и опустошилъ ихъ земли, мстя имъ за помощь, которую они оказали хазарамъ въ борьбѣ съ русскими. Этимъ набѣгомъ руссовъ ученые объясняютъ переселеніе части приволжскихъ болгаръ-мусульманъ въ Венгрію (около 970 года). Тамъ имъ были отведены мѣста поселенія на лѣвомъ берегу Дуная, гдѣ они и основали городъ Пештъ. Переселившіеся изъ Болгаріи мусульмане назывались въ Венгріи *билерами*, то есть болгарами; они играли въ Венгріи важную роль въ качествѣ откупщиковъ и продержались тамъ до половины XIV вѣка. Послѣ набѣга Святослава все чаще встрѣчаются извѣстія о походахъ кіевскихъ князей на болгаръ. Владиміръ Святой ходилъ на нихъ вмѣстѣ съ тюрками, разбилъ ихъ и принудилъ заключить миръ. Набѣги, однако, не мѣшали торговымъ сношеніямъ Руси съ Болгаріей: такъ въ 1024 г., когда въ Суздальской землѣ свирѣпствовалъ голодъ, болгары доставили русскимъ большое количество хлѣба; они пропускали также торговые караваны русскихъ купцовъ къ волжскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Но уже съ половины XII-го вѣка все чаще встрѣчаются извѣстія о вооруженныхъ столкновеніяхъ русскихъ и болгаръ. Въ 1164 г. князь Андрей Боголюбскій овладѣлъ ихъ городомъ Бряхимовымъ; четыре года спустя сынъ Андрея, Мстиславъ, снова воевалъ съ ними, но потерпѣлъ неудачу; въ 1183 г. великій князь Всеволодъ вторгся въ Болгарскую землю, чтобы отомстить болгарамъ за ихъ нападеніе на Муромъ и Рязань; черезъ три года былъ новый походъ на болгаръ; и такъ борьба тянулась до нашествія татаръ.

Въ 1236 г. болгары покорены были монголами; съ этого времени они окончательно утратили независимость и перестали существовать какъ отдѣльный народъ. Повидимому, городъ ихъ, Булгаръ, сдѣлался на время столицей хановъ Золотой Орды. Въ то же время болгары не переставали подвергаться нападеніямъ и со стороны русскихъ; особенно часто приходилось имъ обороняться отъ новгородской вольницы, которая спускалась на ладьяхъ по Волгѣ и грабила ихъ страну. Когда усилились московскіе князья,

они также пытались покорить болгаръ. Въ 1389 г. сынъ великаго князя Василія Дмитріевича, Юрій, овладѣлъ болгарскими городами Булгаромъ, Жукотинымъ, Казанью и Кременчукомъ, опустошилъ страну и вернулся съ богатой добычей. Окончательно перешла Болгарская земля во владѣніе московскихъ государей при Іоаннѣ Грозномъ, въ одно время съ паденіемъ Казанскаго царства; но уже дѣдъ Грознаго, Іоаннъ III, носилъ титулъ «государя Болгаріи». Въ нынѣшнемъ императорскомъ титулѣ Государь Императоръ именуется также «княземъ Болгарскимъ».

* * *

Дѣятельныя торговыя сношенія болгаръ съ далекими рынками не прошли безслѣдно для славянъ: подобно тому, какъ Днѣпръ въ глубокой древности сталъ бойкой торговой дорогой, связывавшей балтійскіе и черноморскіе рынки, такъ и Волга съ незапамятныхъ временъ была широкимъ торговымъ путемъ, который велъ отъ побережья сѣверныхъ морей въ глубь Азіи, къ предѣламъ Хивы, Персіи, Аравіи, Индіи. Кромѣ того, хазары и болгары не только прокладывали путь русскимъ купцамъ въ азіатскія страны: они создавали селенія и города, заводили промышленность и торговлю въ предѣлахъ восточно-европейской равнины, гдѣ утвердились въ послѣдствіи славяне. Наконецъ, слѣды болгарскаго вліянія замѣтны въ жизни финскихъ племенъ, занимавшихъ первоначально тѣ именно области, гдѣ окрѣпло въ теченіе вѣковъ государство русскаго народа.

ФИННЫ.

По соч. *Ѳ. Брауна* «Розысканія въ области готославянскихъ отношеній». I. Спб., 1899.—*М. Веске* «Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань, 1890. (Изв. Общ. арх., ист. и эти. при Имп. Каз. Унив., т. VIII, вып. 1)—*І. Корсакова* «Меря и Ростовское княжество». Казань, 1872.—*Л. М.* «О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка». Рэзб. соч. *А. Альквиста* «Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen». «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1877, ч. CXCI, іюнь, стр. 260—282; ч. CXCII, іюль, стр. 155—198; г. CXCV, декабрь, стр. 240—280.—*П. Смирнова* «Черемисы». Казань, 1889.—Его-же «Вотяки». Казань, 1890.—Его-же «Пермяки». Казань. 1891. (Изв. Общ. арх., ист. и эти. при Имп. Каз. Унив., т. VII; т. VIII, вып. 2; т. IX, вып. 2).

I.

Финскія народности въ предѣлахъ Россіи.

Шпрокую полосу вѣковыхъ лѣсовъ отъ средней Волги до верхняго Днѣпра съ ихъ притоками занимали въ глубокой древности финско-угорскія племена. Ихъ сосѣдями на востокѣ были болгары и хазары, на западѣ—германцы, литовцы и славяне; на югѣ границу ихъ поселеній составляла степь, гдѣ, смѣняя другъ друга, господствовали скиѳы, сарматы, готы и гунны; на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ жилища финновъ простирались до береговъ Ледовитаго океана и за Уральскія горы до рѣкъ Оби и Енисея.

Вѣроятно, многія изъ племенъ, которыхъ знали на сѣверѣ Скиѳіи Геродотъ и Птолемей, были финскаго происхожденія,—такъ, напримѣръ, въ андрофагахъ новѣйшіе ученые видятъ предковъ мордвы; будиновъ считаютъ предками вотяковъ, пермяковъ и зырянъ; въ іиркахъ признаютъ югру или угровъ, т. е. венгровъ или мадьяръ, а въ аорсахъ—вѣтвь мордовскаго племени—эрзь. Лучшимъ доказательствомъ широкаго распространенія финновъ служатъ названія рѣкъ, урочищъ и населенныхъ мѣстъ. Извѣстно, напримѣръ, что окончанія *ва*, *ма*, *нга* и *га* въ именахъ рѣкъ и селеній принадлежатъ финскимъ нарѣчіямъ пермяковъ, вотяковъ и лопарей; не только наше слово *Волга*, но ея древнѣйшее названіе *Ра*—финскаго происхожденія; отъ финскаго же слова *йоки* (рѣка) произошло названіе Оки. Въ числѣ народовъ, покоренныхъ готами, историкъ ихъ Іорданъ называетъ сѣверныя племена, въ которыхъ не трудно угадать Чудь, Весь, Мерю, Мордву, Черемису.

Въ «полунощныхъ странахъ» помѣщаетъ и наша древняя лѣтопись финскіе народцы, «свой языкъ имуще»: «На Бѣлѣозерѣ—говоритъ лѣтопись—сѣдять Весь, а на Ростовьскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же; по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома—языкъ свой, а Черемиси—свой языкъ, Моръдва — свой языкъ. Се бо токмо Соловѣпескъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, (зане сѣдоша по Бугу), послѣ же Велыпяне. А се суть инїи языцы, иже дань дають Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Моръдва, Пермь, Печера, Ямь»... Это—наиболѣе опредѣленныя изъ древнѣйшихъ извѣстій о финнахъ. Очевидно, что ко времени образованія русскихъ княжествъ финско-угорское племя, распадавшееся на множество мелкихъ народцевъ, продвинулось далеко на сѣверъ и стало въ нѣкоторую завимость отъ славянъ. На основаніи другихъ данныхъ, а именно, изучая языки финскихъ племенъ и предметы, найденные въ могилахъ, можно возстановить черты ихъ древнѣйшаго быта; повидимому, нѣкоторые изъ финновъ, напримѣръ, вогулы, даже въ настоящее время ведутъ такой же образъ жизни, какой господствовалъ на всемъ русскомъ сѣверѣ за много вѣковъ до Р. Х.

Населеніе сѣверной и средней Россіи было нѣкогда сплошь финское. Русское населеніе постоянно вступало въ земли, занятыя финнами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и финскія парѣчія постепенно уступали мѣсто русскому языку. Предѣломъ этого передвиженія было такъ называемое Заволочье, т. е. страна, которая простирается отъ Бѣлаозера до Бѣлаго моря и до Сѣверной Двины, а по нижнему теченію этой рѣки—еще далѣе на востокъ. На этомъ пространствѣ, за исключеніемъ его южныхъ частей, финское населеніе (Заволоцкая чудь) жило сплошь до 1400 года и даже еще долѣе. Русскіе, переселяясь изъ южныхъ странъ на сѣверъ и большею частью мирно уживаясь среди туземцевъ, усвоили отъ нихъ названіе такихъ предметовъ и явленій, какихъ они не знали въ мѣстахъ своего прежняго обитанія, между тѣмъ, какъ туземцы мало-по-малу усвоили языкъ пришлаго населенія. Между тѣмъ, какъ финны, говорившіе нѣкоторое время на двухъ языкахъ, постепенно забывали свой собственный,—финскія слова, заимствованныя пришлымъ русскимъ населеніемъ, сохранились въ русскомъ языкѣ до настоящаго времени.

Примѣрами могутъ служить Нӱрнаволок (первоначальное названіе города Архангельска) отъ фин. *пӱр*.—мятель и рус. *наволокъ*; Двина (рѣка) отъ фин. *віэна*—тихій, спокойный; Каргозеро и Каргополь (озеро и городъ) отъ фин. *каргу*—медвѣдь; Холмогоры (городъ) отъ фин. *колмэ*—три; Пинега и Онега (рѣки) отъ фин. *йоки*

или *його*—рѣка и *піени*—малый, въ противуположность *упо*—большой.

Далеко на востокъ отъ Онежскаго озера встрѣчается много названій мѣстъ, указывающихъ, что здѣсь нѣкогда было финское населеніе; но въ области того-же озера по рѣкѣ Вытегрѣ, въ Вытегорскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, финскихъ названій почти не существуетъ во многихъ мѣстностяхъ; зато *озера* и *рѣки*, лежащія къ востоку отъ обширныхъ, иногда покрытыхъ лѣсами, болотъ между истоками рѣки Вытегры и изгибомъ рѣки Андомы, носятъ финскія названія, а *деревни* той же мѣстности—русскія. Все это—признаки, по которымъ можно прослѣдить и разселеніе славянъ среди финновъ, и предѣлы, въ которыхъ обитало нѣкогда финское племя.

Въ настоящее время финскія народности объединяютъ, на основаніи сходства въ ихъ языкахъ, въ четыре главныхъ группы: къ первой относятся западные финны, т. е. финляндцы, эсты, ливы, чудь, весь и лопари; ко второй—зыряне и пермяки; къ третьей—мордва и черемисы; къ четвертой—вогулы, вотяки и угры, т. е. венгры или мадьяры.

II.

Древнія жилища финновъ.

Обиліе воды и лѣса въ томъ краю, гдѣ долго лежалъ ледяной покровъ и гдѣ съ такимъ трудомъ могъ проложить себѣ дорогу человѣкъ, было причиной того, что главными занятіями финновъ съ незапамятныхъ временъ были охота и рыболовство. Во времена Тацита, т. е. въ I вѣкѣ по Р. Х., финны находились на первоначальной ступени развитія. «Это,—говоритъ Тацитъ, народъ очень дикій и бѣдный до крайности—они не имѣютъ ни оружія, ни лошадей, и у нихъ нѣтъ даже опредѣленныхъ жилищъ».

Съ этимъ описаніемъ финновъ соглашается и позднѣйшій ихъ историкъ Альквистъ. Что они были бѣдны, питались охотой, жили въ шалашахъ, одѣвались въ звѣриныя шкуры и т. д., все это—говоритъ онъ—особенности, которыя, вѣроятно, были свойственны нашимъ предкамъ во времена Тацита. Кто путешествовалъ по сѣверной Финляндіи,—пишетъ онъ далѣе—тотъ не могъ, конечно, не замѣтить одно небольшое строеніе, непремѣнно встрѣчающееся какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго крестьянина. Это строеніе имѣетъ обыкновенно коническую форму и состоитъ изъ очищенныхъ отъ коры еловыхъ или сосновыхъ кольевъ, длиной отъ 8 до

12 аршинъ каждый. Тонкіе концы кольевъ сходятся къ верху и чѣмъ-нибудь скрѣпляются, но такъ, что остается отверстіе для дыма. Подъ этимъ отверстіемъ, посрединѣ постройки, находится очагъ, по бо́льшей части изъ плоскаго камня; на него кладутся дрова, между тѣмъ, какъ надъ огнемъ вѣшается чугунный котелъ. Съ боку находится входъ съ дверью изъ тонкихъ досокъ. Такое строеніе финны называютъ *кота* и служитъ оно теперь лишь кухней или прачешной. Между тѣмъ, это—древнѣйшій видъ жилища, въ которомъ финны укрывались отъ непогоды, какъ о томъ свидѣтельствуетъ народная поговорка: «Древнѣйшей ловушкой было брюхо, древнѣйшей посудой—горсть, древнѣйшимъ жильемъ—кота». Немудрено было придумать такое незатѣйливое жилище: вѣроятно, сначала просто прислоняли колья къ древесному стволу, какъ намекаетъ на то пѣвецъ Калевалы: «Сырой холмъ былъ древнѣйшей землею, какъ ива—первымъ деревомъ, а древесныя вѣтви—первымъ покровомъ». Съ теченіемъ же времени финны стали строить отдѣльно стоящія жилища. Разумѣется, въ шалашѣ нельзя было бы жить зимой, если бы стѣны его не покрывались снаружи шкурами и если бы снизу не окружала его высокая снѣжная насыпь. На лѣто финны переселялись въ другую, болѣе обширную и прохладную коту, устроенную изъ тонкихъ жердей и покрытую берестомъ. Между тѣмъ какъ зимой звѣриный промыселъ побуждалъ жителей избирать мѣсто обитанія въ лѣсу, лѣтомъ рыбная ловля привлекала ихъ на берега рѣкъ и озеръ, гдѣ сооружались берестовыя коты. Рыбные ловы, вслѣдствіе обилія рыбы, производились сообща нѣсколькими семьями, которыя жили въ одномъ мѣстѣ; а зимнія коты, напротивъ, стояли уединенно въ лѣсу, такъ какъ каждой семьѣ для охоты необходима была значительная площадь лѣса. Тутъ-же за котой и начинался дремучій лѣсъ. Входъ въ нее для бо́льшаго тепла и для защиты отъ сѣвернаго вѣтра былъ всегда обращенъ къ югу. Предъ входомъ было открытое мѣсто, заросшее крапивой, изъ волоконъ которой приготовлялась пряжа. По сторонамъ находились кладовыя, устроенныя на высокихъ столбахъ для того, чтобы сохранять тамъ вяленое мясо, сушеную рыбу и мѣха большихъ и малыхъ хищныхъ звѣрей.

Остатки такого рода построекъ существуютъ понынѣ у самаго просвѣщеннаго изъ финскихъ племенъ, у жителей Финляндіи; такія же коты были у остяковъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. О нихъ говоритъ очевидецъ: «Остяки живутъ въ маленькихъ четырехъугольныхъ шалашахъ, сложенныхъ изъ вѣтвей, и покрываютъ ихъ берестой въ защиту отъ дождя и снѣга. Вдоль стѣнъ есть особо устроенныя помѣщенія, гдѣ они спятъ. Посрединѣ устраивается очагъ, на которомъ жгутъ хворостъ. Они переносятъ свои дрянные шалаши съ мѣста на мѣсто

и столь часто, какъ имъ вздумается». Если это описаніе, составленное въ началѣ XVIII-го вѣка, почти буквально сходно съ показаніями путешественниковъ позднѣйшаго времени, то тѣмъ легче допустить, что въ глубокой древности финскія жилища имѣли то же устройство. Слѣды древнихъ финскихъ жилищъ сохранились, наконецъ, и у тѣхъ изъ финскихъ племенъ восточной Россіи, которыя, подъ русскимъ вліяніемъ, окончательно перешли къ осѣдлому земледѣльческому быту и живутъ въ избахъ. У вотяковъ, напримѣръ, встрѣчается въ числѣ построекъ, окружающихъ дворъ, шалашъ или куала. Эта куала въ лѣтнее и осеннее время имѣетъ значеніе кухни: въ ней почти цѣлый день горитъ огонь; но куала вмѣстѣ съ тѣмъ считается мѣстомъ священнымъ, потому здѣсь совершается домашнее моленіе и приносятся иногда жертвы; вотякъ крѣпко убѣжденъ, что оскверненіе куалы влечетъ за собою мщеніе боговъ. По внѣшнему виду куала—въ полномъ смыслѣ шалашъ, безъ потолка, съ земляянымъ поломъ; свѣтъ проходитъ сюда черезъ дверь и отверстіе въ крышѣ, которое служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для выхода дыма; кругомъ лавки, а по угламъ нары; въ срединѣ висптъ котелъ, въ которомъ варится пища.

Кромѣ котъ, древніе финны жили еще въ зимнее время въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ, надъ которыми на поверхности земли возвышалась только крыша, съ отверстіемъ въ родѣ волокового окна. Подобныя жилища до позднѣйшаго времени уцѣлѣли у остяковъ и лопарей; они встрѣчаются во множествѣ также въ нынѣшней Вологодской губерніи; здѣсь съ этими ямами связаны преданія о какомъ-то поганомъ, то есть языческомъ, народѣ, жившемъ подъ землею; преданіе близъ города Никольска прямо указываетъ, что тотъ народъ назывался «чудь бѣлоглазая».

III.

Главныя занятія. Домашній и общественный бытъ.

Меньшую цѣну, чѣмъ охота и рыболовство, имѣло въ хозяйственной жизни финновъ скотоводство. Еще менѣе распространено, но уже знакомо имъ было и земледѣліе, по крайней мѣрѣ, въ его простѣйшей формѣ. Правильнаго ухода за скотомъ древніе финны не знали; скотъ у нихъ зиму и лѣто бродилъ безъ всякаго надзора по лѣсу и самое слово «пастухъ» они заимствовали изъ литовскаго языка; запасовъ сѣна они не дѣлали; слова, означающія косу и стогъ, въ финскихъ нарѣчіяхъ или поздняго происхожденія, или заимствованы у другихъ народовъ.

Небольшой запасъ травы, собранной на берегахъ рѣкъ и озеръ, финны заготовляли только для корма телятъ и овецъ или на пропитаніе скоту, когда чрезмѣрный холодъ и глубокій снѣгъ не дозволяли отпускать его вдаль отъ человѣческаго жилья. Такъ это дѣлается до сихъ поръ въ сѣверной Финляндіи и частію въ сѣверной Россіи.

Лѣсной характеръ страны сообщилъ земледѣлію видъ подсѣчнаго или лядиннаго хозяйства. Въ наше время еще выжигаютъ въ Финляндіи лѣсъ, чтобы расчистить лядину подъ посѣвъ. На такихъ полянахъ или паляхъ, какъ ихъ зовутъ въ Россіи, года два-три бываетъ хорошій урожай, а затѣмъ, когда урожай оскудѣетъ, земледѣлецъ бросаетъ старую подсѣку и очищаетъ новую. Для самаго понятія о воздѣлываніи земли, а также для снопа, копны, цѣпа, топора, существуютъ коренныя финскія слова; но правильно обработанное поле или пашня, плугъ, соха, борона и другія земледѣльческія орудія называются словами, заимствованными у сосѣдей— у германцевъ, литовцевъ, славянъ и болгаръ. Точно также названія пшеницы, ржи, овса, гороха, бобовъ, картофеля, моркови и другихъ овощей берутъ свое начало въ языкахъ сосѣднихъ народовъ; за то коренными финскими словами называются ячмень и рѣпа. Какъ у древнихъ германцевъ первоначально высѣвались только яровые хлѣба, а разведеніе озимыхъ явилось позже, такъ и древнимъ финнамъ, въ странѣ долгихъ морозовъ и короткаго лѣта, не свойственно было воздѣлываніе ржи или овса. Что же касается рѣпы, то воздѣлываніе ея, можетъ быть, древнѣе хлѣбопашества: она особенно хорошо родится на золѣ выжженныхъ лѣсовъ; въ Олонецкой губерніи, и теперь, когда расчистятъ новую подсѣку, высѣваютъ прежде всего рѣпу; «рѣпища» издревле существовали и въ Новгородской области.

Природа края побуждала финновъ селиться въ уединенныхъ шалашахъ или бревенчатыхъ хижинахъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, осѣненныхъ дремучими лѣсами. Предоставленный себѣ самому, житель глухого поселка долженъ былъ самъ припасать все необходимое для семейнаго обихода. Мужчина заботился о томъ, что нужно для охоты и рыбной ловли, а женщина выдѣлывала шкуры убитыхъ мужемъ пушныхъ звѣрей, сушила рыбу на зиму и обшивала всю семью. Такимъ образомъ ограниченныя потребности удовлетворялись домашними средствами. Только нѣкоторыя орудія, напримѣръ, топоры и ножи, сперва каменные, а потомъ желѣзные, да шейныя металлическія иглы, шерстяныя ткани и грубое полотно житель лѣсовъ вымѣнивалъ на мѣха и сушеную рыбу, посѣщая для этого отдаленный рынокъ или ярмарку; при этомъ, если доставало товаровъ, онъ закупалъ себѣ и хлѣба. Такъ живутъ до

сихъ поръ соплеменные финнамъ вогулы; такъ жили на всемъ сѣверо-востокѣ Европы древніе финны, пока не распространилось у нихъ земледѣліе.

Изъ ремеслъ они рано овладѣли кузнечнымъ: финскіе мечи прославлялись въ сагахъ (или сказаніяхъ) Скандинавіи, и финскихъ кузнецовъ считали чародѣями, которые могли сообщать мечамъ волшебную силу. Едва-ли однако у древнихъ финновъ были особыя помѣщенія для кузнечнаго производства: кузнечество было, повидимому, бродячимъ промысломъ и кузнецы ходили по малонаселенной странѣ, нося съ собой необходимые инструменты и припасы, не исключая горшка съ угольями, замѣнявшаго горнъ. Первымъ металломъ, которымъ сталъ пользоваться человѣкъ, была мѣдь: она встрѣчается на поверхности земли въ чистомъ видѣ и легче плавится, чѣмъ желѣзо. Поэтому и древнѣйшее кузнечное искусство финновъ заключалось въ обработкѣ мѣди: недаромъ пѣвецъ Калевалы говоритъ, что таинственное и для всѣхъ желанное сокровище Сампо замкнуто въ мѣдной горѣ; и маленькій человѣкъ, срубившій большой дубъ, по словамъ Калевалы, былъ одѣтъ въ мѣдь съ ногъ до головы—его шляпа, кушакъ, рукавицы и даже топоръ, которымъ онъ работалъ, были изъ мѣди. Самое открытіе желѣза народъ въ своихъ сказаніяхъ приписывалъ вѣчному кузнецу Ильмаринену, выросшему на пустырѣ, покрытомъ угольями, съ клещами въ одной рукѣ и съ мѣднымъ молотомъ въ другой. Позже финны стали добывать и желѣзо, но не горную руду, а болотную, скрытую, по словамъ народной пѣсни, въ болотахъ, трясинахъ, ключахъ и озерахъ. Значительно позже и при посредствѣ сосѣдей финны ознакомились съ другими металлами: золото, свинецъ, олово называются у нихъ словами, взятыми изъ чужихъ языковъ.

Охота, кузнечество и земледѣліе были мужскимъ дѣломъ; главнымъ занятіемъ хорошей хозяйки считались пряденье и ткачество. Пряжа и ткани изготовлялись по преимуществу изъ волокнистыхъ растеній, донынѣ распространенныхъ на русскомъ сѣверѣ,—изъ льна и конопли, но часто, за непмѣніемъ ихъ, пользовались также дико растущей крапивой. Одинъ изъ путешественниковъ XVIII вѣка говоритъ объ остякахъ: «Такъ какъ въ странѣ остяковъ ленъ не родится, и женщины не могутъ его прясть, то онѣ выдѣлываютъ особымъ способомъ крапиву; изъ нея приготовляютъ нѣчто въ родѣ ткани, служащей имъ у постели пологомъ; пологъ этотъ защищаетъ ихъ отъ мошекъ, которыя сильно безпокоятъ лѣтомъ въ лѣсахъ. Хотя эта ткань очень жестка, изъ нея дѣлаютъ и рубахи, и платки, окрашенные по краямъ разными цвѣтами».

Красильное искусство издревле было извѣстно финнамъ и до сихъ поръ принадлежитъ къ числу обычныхъ въ народѣ отраслей

труда. Красильныя вещества были просты и добывались по преимуществу изъ коры деревьевъ, корней и самыхъ растеній: въ Калевалѣ говорится, что герои ея, Вейнемейненъ вмѣстѣ съ Ильмариненомъ, связали мочальную сѣть можжевельникомъ, покрасили ее ивовымъ сокомъ и приправили ивовой корой. Этими веществами красили въ сѣрый и темный цвѣтъ; для окрашиванія въ желтый цвѣтъ употребляли березовый листъ, въ красный и черный цвѣтъ красили ольховой корой, въ бурый — той же корой и нѣкоторыми мхами. Умѣли красить не только ткани, но подкрашивали также мѣха. Это, забытое теперь, искусство было нѣкогда однимъ изъ главныхъ занятій охотника-звѣролова. Самую одежду первоначально шили не изъ холщевой или шерстяной ткани, а изъ мѣха, для шитья же пользовались костяной или деревянной иглой; бѣлья древніе финны не употребляли, — даже лѣтомъ они носили одежду изъ звѣриныхъ шкуръ; рубаха и до сихъ поръ считается предметомъ роскоши у народовъ сѣверной Сибири — они надѣваютъ прямо на тѣло плотно прилегающую къ нему шубу шерстью внутрь.

Неприхотлива была и кухня финновъ. «Камни, говоритъ пѣвецъ Калевалы, были первыми котлами. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что раскаленный кусокъ камня служилъ въ древности сковородой, а если въ немъ было углубленіе, то и котелкомъ. При описаніи свадьбы въ Похьолѣ пѣвецъ Калевалы упоминаетъ о блюдахъ и чашахъ, въ которыхъ подавалось кушанье; каждый бралъ себѣ твердую пищу руками съ помощью ножа, а жидкую хлебалъ поочередно изъ общей посудины; чтобъ очистить губы и пальцы, употреблялись длинныя и тонкія стружки, изготовленныя передъ обѣдомъ изъ свѣжаго еловаго дерева. Такіе «рукотеры» и теперь изготовляются у вогуловъ. «Зимой, — говоритъ очевидецъ-путешественникъ, — въ большіе морозы, когда молодыя сосны и ели имѣютъ чрезвычайно твердую древесину, вогулы нарѣзаютъ вѣтки, и еще не успѣвшія оттаять палки стругаютъ острымъ широкимъ ножемъ; древесина легко расщепляется на тонкія ленточки, которыя потомъ вываріваются и замѣняютъ наши полотенца.

Первобытная простота сказывается и въ томъ, что одно и тоже строеніе служило нѣкогда финну жилищемъ, баней, и сушильней: свѣтъ проникалъ въ него, вѣроятно, чрезъ дымовое отверстіе да открытую дверь: названія окна и печи взяты финнами у славянъ; заимствованными словами называется и большая часть хозяйственныхъ построекъ.

Напротивъ, финскіе языки богаты коренными словами для означенія дороги и тропы. Искусственныхъ дорогъ въ древности не было; лѣтомъ финны передвигались пѣшкомъ, верхомъ или въ лодкахъ, зимою — на лыжахъ или въ саняхъ на оленяхъ; въ старину оленьи

стада, содержимыя финнами, были, по всей вѣроятности, многочисленнѣе и встрѣчались южнѣе, чѣмъ теперь. Запряжка лошади въ сани, повидимому, изобрѣтена финнами. Была-ли и дуга финскимъ изобрѣтеніемъ, трудно сказать; по ее знали финны съ древнѣйшихъ временъ. Она часто описывается и въ Калевалѣ: такъ, напримѣръ, Юкагайненъ спдѣлъ у воротъ своего дома и дѣлалъ узорныя вырѣзки на красивой дугѣ; Вейнемейненъ же до того шибко ѣхалъ со своей богатырской поѣздки домой, что «громко гремѣли сани и трещала дуга», а на дугѣ Ильмаринена были изображены «весело покрикивающіе» рябчики и кукушки. Лѣтнихъ повозокъ долгое время финны вовсе не знали и всѣ ихъ названія заимствовали у другихъ народовъ.

До разселенія своего по берегамъ Балтійскаго и Бѣлаго моря финны не видали другихъ большихъ водъ, кромѣ рѣкъ и озеръ; поэтому у нихъ нѣтъ самобытныхъ словъ для обозначенія моря. За то названія рѣчного берега и частей суши, соприкасающихся съ водой, или водныхъ пространствъ, ограниченныхъ сушей, у нихъ много и нѣкоторыя изъ такихъ названій вошли въ русскій языкъ. Суда ихъ имѣли простѣйшее устройство: подобно всѣмъ первобытнымъ народамъ, древніе финны пользовались для плаванія по рѣкамъ и озерамъ выдолбленными стволами деревьевъ и кормовыми веслами.

Всѣ эти черты быта ясно показываютъ, что до своей встрѣчи съ германцами, литовцами, славянами и болгарами финны вели бродячій образъ жизни и не имѣли ни городовъ, ни государственныхъ учрежденій. Правда, русская лѣтопись упоминаетъ, что въ XIII-мъ вѣкѣ у мордвы въ глубинѣ ея лѣсовъ были какія-то «тверди», служившія убѣжищами отъ непріятельскихъ нападеній; знаетъ и Калевала искусственныя и даже изъ камня построенныя укрѣпленія; но такія города-убѣжища и ебыли центрами ни торговли, ни управленія.

Самобытныхъ словъ для означенія торговли, товара, купца, денегъ въ финскихъ нарѣчіяхъ не имѣется; финны вели мѣновой торгъ и главнымъ средствомъ для него служили мѣха, особенно—бѣлчьи; и теперь во многихъ финскихъ нарѣчіяхъ копѣйка называется тѣмъ же словомъ, что бѣлка. Писанныхъ законовъ и собственно судей у финновъ также не было, какъ не было наслѣдственныхъ князей и правильнаго государственнаго устройства.

Семейный бытъ сложился, однако, въ глубокой древности, до раздѣленія финновъ на мелкія племена. Изъ семейныхъ общинъ возникали и болѣе крупные союзы: такъ, напримѣръ, у вотяковъ образовались мэры и эли; первые были союзами нѣсколькихъ деревень, связанныхъ общими жертвоприношеніями; вторые—состояли изъ лицъ, связанныхъ общимъ происхожденіемъ отъ одного родоначальника.

IV.

Вѣрованія финновъ.

Кровный союзъ связывалъ иногда въ одно цѣлое всѣхъ жителей деревни. Членами такого союза считались, кромѣ живыхъ родичей, также усопшіе. Духу покойника воздавались у нѣкоторыхъ племенъ, напримѣръ, у черемисовъ, божескія почести; духи предковъ считались божествами и по вѣрованіямъ вотяковъ. Вообще у финновъ за главными богами, свѣтлыми и темными, шелъ длинный рядъ второстепенныхъ божествъ, населявшихъ землю и воду, обитавшихъ въ лѣсахъ и на горахъ.

Природа страны положила свою печать на вѣрованія финновъ: даже въ подземномъ мірѣ — вѣруютъ иные изъ нихъ — свѣтитъ солнце и течетъ вода, растутъ лѣса, а въ нихъ водятся медвѣди, волки и змѣи; только самые искусные и могущественные волшебники-шаманы могли проникнуть въ эту мрачную и опасную страну смерти. Волхвы или шаманы издревле пользовались у финновъ почетомъ и властью.

И шаманизмъ, и другія основныя черты религіи финновъ ярко отразились на слѣдующемъ разсказѣ русской лѣтописи: «Приключилось—говоритъ лѣтописецъ (подъ 1071 г.) — нѣкоему новгородцу придти въ землю чуди, и пришелъ онъ къ кудеснику, желая волхованья отъ него; тотъ же, по обычаю, началъ призывать бѣсовъ въ храмину свою. Пока новгородецъ сидѣлъ на порогѣ храмины, кудесникъ лежалъ, оцѣпенѣвъ, и ударилъ имъ бѣсъ; кудесникъ-же, вставъ, сказалъ новгородцу: «боги не смѣютъ придти; нѣчто имѣешь на себѣ, чего они боятся». Новгородецъ, вспомнивъ на себѣ крестъ и отойдя, положилъ его прочь (въ сторонѣ) отъ храмины той; а тотъ началъ опять призывать бѣсовъ, бѣсы же трясли его и повѣдали, чего ради пришелъ новгородецъ. Затѣмъ началъ онъ спрашивать кудесника: «чего ради боятся боги, что носимъ мы на себѣ крестъ»? А тотъ сказалъ: «это знаменье небеснаго Бога, его наши боги боятся».—Какіе же ваши боги, гдѣ живутъ?—спросилъ новгородецъ. А тотъ сказалъ: «въ безднахъ; суть же образомъ (съ виду) черны, крылаты, хвосты имѣютъ, восходятъ же и подъ небо, слушаясь вашихъ боговъ; ваши ангелы на небесахъ находятся; если кто умретъ изъ вашихъ людей, то его возносятъ на небо, а если изъ нашихъ кто умираетъ, его относятъ къ нашимъ богамъ въ бездну».

Есть также извѣстіе лѣтописца о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области. Туда (въ томъ-же 1071 г.) посланъ былъ княземъ Святославомъ для сбора дани Янъ Вышатичь съ небольшой

дружиной. Яну донесли, что волхвы избиваютъ женщинъ въ Поволжьѣ, обвиняя ихъ въ томъ, будто онѣ «жито держатъ» и вызываютъ голодъ въ этихъ краяхъ. Мало того: двое волхвовъ, собравъ себѣ послѣдователей до 300 человѣкъ, отправились по Шекснѣ на Бѣлоозеро, куда направился и Янъ съ дружиной. Здѣсь они встрѣтились, и волхвы, «ставши, исполчились» противъ Яна и велѣли сказать ему, чтобы онъ лучше не ходилъ на вѣрную смерть. Янъ велѣлъ убить говорившихъ съ нимъ и пошелъ съ 12-ю дружинниками на встрѣчу. Кто-то изъ толпы замахнулся на Яна топоромъ; тотъ успѣлъ отразить ударъ и самъ ударилъ врага обухомъ. Произошла схватка. У Яна былъ убитъ его священникъ, а волхвы убѣжали въ лѣсъ. Тогда Янъ пригрозилъ бѣлозерцамъ, что если не выдадутъ ему волхвовъ, то онъ пробудетъ у нихъ цѣлое лѣто. Бѣлозерцы переловили волхвовъ и представили ихъ Яну. На вопросъ: «зачѣмъ они губятъ столько народу?» волхвы сказали, будто имъ извѣстно, кто причиняетъ голодъ и «обилье держитъ». Янъ отвѣтилъ, что все это ложь одна— «сотворилъ Богъ человѣка отъземли, составленъ онъ костьми и жилами отъ крови, и нѣтъ въ немъ ничего другого, и никто ничего не знаетъ, одинъ Богъ все вѣдаетъ». А тѣ сказали: «а мы знаемъ, какъ человѣкъ сотворенъ». Янъ спросилъ: «какъ?» Волхвы отвѣчали: «Богъ мылся въ банѣ и вспотѣлъ, отерся ветошью и бросилъ ее съ неба на землю: и заспорилъ сатана съ Богомъ, кому сотворить человѣка? и сотворилъ дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ него вложилъ; поэтому, если умретъ человѣкъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу». На это возразилъ имъ Янъ: «Попстинѣ прельстилъ васъ бѣсъ; какому Богу вы вѣруете? гдѣ онъ? «Волхвы сказали: «антихристу; сидитъ онъ въ безднѣ». Замѣтивъ, что истинный Богъ сидитъ на небесномъ престолѣ, а ихъ боги ложные, Янъ выдалъ волхвовъ своимъ «повозникамъ», доставившимъ его по Шекснѣ на Бѣлоозеро. Такъ какъ повозники сообщили, что волхвами убиты у одного мать, у другого—жена, а у иного—дочь, то Янъ сказалъ имъ: «мстите своихъ». Тѣ извѣстили волхвовъ, убили ихъ и повѣсили на дубѣ.

Изъ этихъ извѣстій видно, какъ встрѣчались въ Поволжьѣ язычники и христіане и, главное, какъ близки стали впослѣдствіи эти *черные боги* финновъ *вражьей силѣ* русскаго простонародья.

V.

Финны, славяне и болгары.

Случаи вооруженной борьбы славянъ съ финнами были сравнительно рѣдки: по бо́льшей части тѣ и другіе уживались такъ же мирно, какъ тѣсно сливались ихъ вѣрованія, обычаи и нравы.

Всматриваясь въ названія теперешнихъ поселеній въ Ярославской или Костромской губерніи, мы видимъ очень много такихъ деревень, какъ Боръ, Гарь, Горѣлое, Жары, Ожигино, Палы, Пенье, Пеньки, Раменье. Названія эти указываютъ и на характеръ мѣстности, и на самый способъ заселенія края. Очевидно, славяне пробирались сквозь вѣковой боръ, выжигали его и на выжженныхъ мѣстахъ основывали свои поселенія. Всѣ эти «гари», «огневики» и «опали» вспахивались и засѣвались хлѣбомъ, а на вырубкахъ, гдѣ оставалось только «пенье», возникали деревни. Черезъ нѣсколько лѣтъ поселенцы двигались дальше, новыя мѣста выжигались подъ пашню, а старыя, запущенныя пашни впослѣдствіи покрывала хвойная поросль — раменье. Не весь лѣсъ выжигался только для очистки мѣстности и не всѣ деревья срубались только для постройки жилищъ: съ теченіемъ времени поселенцы обратились, кромѣ землепашества, къ другимъ промысламъ, обычнымъ въ лѣсистыхъ краяхъ — они стали жечь уголь, гнать смолу и деготь; на это указываютъ такія имена, какъ Деготино, Дегтярка, Смолино, Смольнево, Углецы, Угольники.

Многочисленные починки, поселки, выселки, деревни, села и города славянъ врѣзывались вглубь финскихъ поселеній: слѣдствіемъ этой встрѣчи былъ переходъ финновъ отъ охоты и кочевой жизни къ земледѣлію и осѣдлому быту; въ финскія нарѣчія проникли новыя слова; языческія вѣрованія уступали мѣсто христіанству.

Кромѣ славянъ, на западѣ финны подчинялись вліянію германцевъ и литовцевъ, а на востокѣ — тюрко-татарскихъ племенъ, особенно болгаръ. На слѣдующемъ примѣрѣ можно отчетливо прослѣдить, какъ складывалась жизнь финскихъ племенъ подъ вліяніемъ восточныхъ сосѣдей. Вотъ что говоритъ о черемисахъ изслѣдователь ихъ исторіи и быта Н. И. Смирновъ:

До сближенія съ болгарами черемисы жили въ той-же котѣ, которая является у всѣхъ финновъ древнѣйшимъ видомъ жилища; подъ болгарскимъ вліяніемъ явилась у нихъ курная изба съ очагомъ и дымовымъ окномъ; около избы помѣстились погребъ, баня

и хлѣвъ для скотины; вокругъ всѣхъ этихъ построекъ явилась изгородь съ воротами. Осѣвшій на одномъ мѣстѣ черемисинъ обзавелся не только рогатымъ скотомъ, какъ это было въ старину, но лошадьми и овцами; онъ сталъ цѣнить не одни лѣса, но и луга, научился устраивать для скота въ лѣсу и на лугахъ изгороди, почувствовалъ необходимость собирать скотину въ стадо и охранять ее при помощи пастуха. Болгары же научили черемисина приготовлять кислое молоко и сыръ. Для ухода за скотиной въ зимнее время онъ заимствовалъ у сосѣдей корыто.

За скотоводствомъ черемисинъ сталъ обучаться у болгарина и земледѣлію, отдѣлилъ отъ пастбища пашню, познакомился съ орудіями земледѣльческаго труда, съ сохой, косой, вилами, съ нѣкоторыми видами злаковъ, преимущественно съ овсомъ, научился дѣлить поля на полосы, оставлять между ними межи, научился косить сѣно, складывать его въ стога, обратилъ вниманіе на солому и навозъ. Около двора возникъ огородъ, на которомъ черемисинъ садилъ лукъ, чеснокъ, рѣдьку; здѣсь же, если позволяло мѣсто, онъ сажалъ яблоню. Изъ овса, по примѣру болгаръ, стали черемисы приготовлять лепешки и похлебку. Для перевозки хлѣба имъ пришлось заимствовать у сосѣдей телѣгу и упряжь, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—познакомиться съ цѣпями, веревками, гвоздями и крючками.

Подъ болгарскимъ вліяніемъ измѣнилась и домашняя обстановка черемисина—въ избѣ явились полати, скамьи, стулья.

Живя рядомъ съ сосѣдями, къ которымъ пріѣзжали гости изъ далекихъ азіатскихъ странъ, черемисинъ узналъ, что лишняя для собственнаго употребленія вещь можетъ не валяться дома, а быть промѣнена, что есть мѣста, гдѣ люди мѣняются вещами, что вывезенныя на промѣнъ вещи называются товаромъ, что иногда вмѣсто вещей даютъ кусочки металла, деньги, на которыя въ обмѣнъ можно пріобрѣсть всякую вещь, что обмѣнъ иногда приноситъ прибыль, иногда убытокъ и въ зависимости отъ этого люди становятся богатыми или бѣдными, что бѣднякъ можетъ взять у богатаго денегъ на время въ долгъ съ обязательствомъ уплатить, что деньги, наконецъ, можно пріобрѣсти не только за товаръ, но и за трудъ, и есть у сосѣдей цѣлый классъ такихъ людей, которые называются работниками, люди же, дающіе имъ деньги, называются хозяевами.

У этихъ богатыхъ, сравнительно съ нимъ, людей звѣроловъ-охотникъ увидалъ многое, о чемъ онъ и не грезилъ въ своихъ лѣсахъ: здѣсь мылись мыломъ, спали на перинахъ и подушкахъ, защищаясь занавѣсками или пологами отъ мухъ и комаровъ, между тѣмъ какъ онъ не умывалъ по цѣлымъ недѣлямъ лица, спалъ на

мху или на земляномъ полу своей коты и терпѣливо поилъ-кормилъ своей кровью цѣлыя тучи насѣкомыхъ. Кое-что изъ всѣхъ этихъ вещей онъ усвоилъ, иное лишь запомнилъ по названію. Жена лѣсовика тоже присматривалась къ житью-бытью своихъ сосѣдокъ и нашла у нихъ не мало вещей, новыхъ для нея и полезныхъ. Сосѣдки были запасливыя хозяйки: у нихъ были кадки и корыта; онѣ пряли нитки на прялкахъ и на нихъ же расшивали цвѣтной шерстью и шелкомъ свои рубашки. Одѣвались сосѣдки красиво: носили вышитыя рубашки, голову покрывали сзади длиннымъ и узкимъ расшитымъ полотенцемъ, которое придерживалось на передней части головы узкой вышитой лентой, а сверхъ всего этого высокой, унизанной деньгами повязкой въ видѣ шапки, съ лентой, спускавшейся сзади до пояса и также унизанной деньгами; съ шеи на грудь спускалось у нихъ своеобразное ожерелье, состоявшее изъ длиннаго ремня, унизаннаго деньгами, къ нему прикрѣплялся широкій кусокъ кожи, покрытый монетами. Черемиска понемногу переняла и одежду сосѣдокъ, и домъ свой устроила такъ, чтобы не стыдно было передъ ними.

Присмотрѣвшись попристальнѣе къ житью-бытью сосѣдей, черемисы увидали, что они не по одной обстановкѣ и по занятіямъ отличаются отъ послѣднихъ. Въ то время, какъ каждый черемисинъ зналъ только самого себя, сосѣди жили вмѣстѣ по нѣскольку семей: у нихъ были деревни, города, прорѣзанные улицами. Черемисинъ былъ воленъ въ своихъ поступкахъ, сосѣди жили, подчиняясь порядкамъ, правиламъ, налагаемымъ общежитіемъ; у нихъ были люди, наблюдавшіе за порядками—судьи, начальники, облеченные властью наказывать и миловать. Къ нимъ обращались съ жалобами обиженные, имъ уплачивалась подать.

Черемисинъ зналъ одно божество—*юму*, или многихъ юмъ, завѣдывавшихъ отдѣльными областями природы; онъ просилъ у нихъ помощи въ своихъ предпріятіяхъ, приносилъ имъ жертвы и этимъ ограничивались его отношенія къ божеству. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что такое представляетъ собою знаніе бога, какъ назвать тѣ мольбы, съ которыми онъ обращается къ богамъ. Сосѣди же его научились отъ арабскихъ миссіонеровъ называть познаніе бога *впрой;* тѣ же миссіонеры разсказали имъ, что у бога есть пророкъ и ангелы, между которыми есть мѣсто и ангелу смерти. Сосѣди, кромѣ того, знали, что боговъ нельзя только призывать и просить о помощи, но что имъ нужно угождать поведеніемъ, что есть поступки, непріятные имъ—грѣхи, за которые загробный судья повергаетъ въ бездну. Причину зла въ мірѣ они признавали дѣломъ особыхъ духовъ. Сосѣди научили черемисина вообще разбираться въ окружающихъ его явленіяхъ.

Они повѣдали ему, что для обозначенія всего, окружающаго человѣка, есть особое слово—міръ, что Богъ и небо не одно и то же, что нельзя въ одномъ словѣ смѣшивать понятія: человѣкъ, душа, духъ, дыханіе. Отъ сосѣдей же черемисинъ узналъ, что союзъ мужчины и женщины съ ихъ дѣтьми составлялъ что-то особое, что называлось семьей, что женщина, связавшая свою жизнь съ жизнью мужчины, называлась его товарищемъ, спутникомъ, и что родители, давъ свое согласіе на такой союзъ, брали за него выкупъ. Всѣ эти новыя явленія постепенно вошли и въ черемисскій семейный строй.

Легко понять, что съ теченіемъ и времени финскія племена оставили свой слѣдъ въ жизни славянъ: тѣхъ и другихъ, не смотря на глубокое различіе въ происхожденіи, тѣсно сближала природа, а также общая борьба съ врагами, наступавшими со стороны степи и съ побережья Балтійскаго моря.

Борьба съ врагами не только дала толчокъ къ разселенію славянъ изъ ихъ древнѣйшаго гнѣзда на сѣверо-восточныхъ склонахъ Карпатъ—она указала и главные пути этого разселенія. Восточнымъ славянамъ внѣшняя опасность грозила съ двухъ сторонъ: съ запада ихъ тѣснили германцы въ область Днѣпра и Волхова, съ юга тюрко-татарскія племена отодвигали ихъ въ область Оки и верхней Волги. Такъ средоточіемъ славянскихъ населеній сталъ рѣчной узелъ, гдѣ сходятся верховья величайшихъ рѣкъ русской равнины. Отсюда съ незапамятныхъ временъ вели бойкіе торговые пути къ балтійскимъ, каспійскимъ и черноморскимъ рынкамъ. Здѣсь-же, въ дремучихъ лѣсахъ по берегамъ многоводныхъ рѣкъ и озеръ въ изобиліи встрѣчались блага природы, необходимыя для удовлетворенія насущныхъ потребностей и пригодныя для мѣновой торговли съ народами восточныхъ и западныхъ странъ. Хозяйственныя выгоды были, такимъ образомъ, второй и притомъ важнѣйшей причиной разселенія славянъ въ Поднѣпровьѣ и верхнемъ Поволжьѣ.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ.

По соч.: *К. Бестужева-Рюмина* «Русская исторія». Т. I. Спб., 1872. — *И. Забѣлина* «Исторія русской жизни», Т. I, М. 1876.—*В. Ключевскаго* «Пособіе по русской исторіи». М., 1899.—*П. Милюкова* «Разселеніе славянъ», «Древнѣйшій бытъ славянъ», «Религія славянъ» въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ», подъ ред. П. Виноградова. В. I. М. 1896.—*С. Соловьева* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Т. I. М., 1874.

I.

Разселеніе.

«Спустя много времени послѣ Вавилонскаго столпотворенія, сѣли славяне по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись по землѣ племена и прозвались своими именами, гдѣ которое племя сѣло на какомъ мѣстѣ: одни пришли и сѣли на рѣкѣ именемъ Морава и прозвались моравами, другіе назвались чехами; а вотъ тоже славяне—хорваты бѣлые, сербы и хорутане». Такъ описываетъ русская начальная лѣтопись древнѣйшее событіе въ исторіи славянскаго племени. Неизвѣстно, когда пришли славяне изъ Азіи въ Европу; неизвѣстно также, когда они отдѣлились отъ арійцевъ или европейцевъ въ особый народъ; исторія застаетъ ихъ уже на сѣверо-восточныхъ склонахъ Карпатъ, на Вислѣ и Дунаѣ.

Разсказавъ о поселеніи славянъ на Дунаѣ, лѣтопись продолжаетъ: «Когда волохи, напавъ на славянъ дунайскихъ, поселились среди нихъ и начали насильничать, то *тѣ* славяне (моравы и чехи) двинулись, сѣли на Вислѣ-рѣкѣ и прозвались ляхами, а отъ ляховъ прозвались поляне (поляки); къ племени же ляховъ принадлежатъ лутичи, мазовшане и поморяне; также и *эти* славяне (хорваты, сербы и хорутане) двинулись и сѣли по Днѣпру».

Такимъ образомъ, нападеніе сильнаго врага заставило славянъ перемѣнить мѣсто жительства и переселиться на востокъ, въ нынѣшнюю Польшу и юго-западную Россію. Но византійскіе и латинскіе писатели VI-го и VII-го вѣковъ по Р. Х. указываютъ, что славяне не прямо перешли съ Дуная на Вислу и Днѣпръ.

Они дѣлятъ славянъ на двѣ вѣтви: на антовъ, которые жили по побережью Чернаго моря, и на славянъ собственно, обитавшихъ къ сѣверу отъ Дуная вплоть до верхней Вислы и къ востоку отъ Днѣстра. Согласно съ этими извѣстіями, славяне оказываются обитателями Карпатскихъ горъ съ ихъ восточными отрогами. Карпаты были общеславянскимъ гнѣздомъ, изъ котораго славяне и разошлись въ разныя стороны. Отсюда они нападали на Византійскую имперію, часто переходя за нижній Дунай и постепенно разселяясь на Балканскомъ полуостровѣ. Остававшаяся же на Карпатахъ часть славянъ передвигалась на востокъ и разселялась по Вислѣ и Днѣпру съ ихъ притоками. Такъ раздѣлились славяне на западныхъ и восточныхъ. И тѣ, и другіе подверглись въ VI-мъ вѣкѣ нападенію внѣшнихъ враговъ. На Дунаѣ появились болгары и основали свое государство среди юго-западныхъ славянъ. На восточныхъ же напали обры (авары) и стали владѣть ими; въ это время среди славянскихъ племенъ выдавались дулѣбы, господствовавшіе надъ всѣми остальными. Авары недолго удержали свою власть надъ восточными славянами; лѣтопись разсказываетъ, что Богъ истребилъ ихъ всѣхъ, такъ что на Руси осталась даже поговорка: «погибоша аки обры».

Разселяясь по русской равнинѣ, славянскія племена прежде всего достигли Днѣпра. На среднемъ его теченіи расположилось племя полянъ; сѣвернѣе — по притокамъ Припети, въ дремучихъ лѣсахъ, поселились древляне; къ востоку отъ полянъ по другой сторонѣ Днѣпра и его восточнымъ притокамъ жили сѣверяне; въ сосѣдствѣ съ ними по притоку Днѣпра, Сожу, сидѣли радимичи; крайнимъ племенемъ на востокѣ, въ верховьяхъ Оки, были вятичи; на истокахъ Днѣпра, Западной Двины и Волги обитали кривичи, а между Западной Двиной и Припетью—дреговичи; къ сѣверу отъ нихъ, по Западной Двинѣ поселились полочане, а еще далѣе на сѣверъ, близъ озера Ильменя и по рѣкѣ Волхову—славяне новгородскіе.

Такъ расположились славяне на русской равнинѣ, по теченію главныхъ рѣкъ ея западной половины. Время и ходъ разселенія трудно опредѣлить; можно только сказать, что племена, раньше пришедшія, населяли ближайшія мѣста, а тѣ, которыя двинулись позднѣе, принуждены были искать поселенія далѣе на сѣверѣ и востокѣ. Поэтому первыми насельниками русской равнины можно считать полянъ и древлянъ; за ними явились дреговичи, потомъ полочане на Двинѣ и наконецъ, славяне новгородскіе; отъ полочанъ отдѣлились кривичи, занявшіе верховья Днѣпра, Двины и Волги; потомъ уже пришли сѣверяне и поселились на восточномъ берегу Днѣпра; послѣдними явились племена, занявшія крайнія восточныя области—радимичи и вятичи.

II.

Родовой бытъ.

На древнѣйшей родинѣ славяне жили кровными союзами, отдѣльныя племена еще не составляли обширныхъ общественныхъ союзовъ, а подраздѣлялись на много мелкихъ группъ, родовъ, связанныхъ общимъ происхожденіемъ. Во главѣ каждаго рода находился родовой старѣйшина, имѣвшій неограниченную власть надъ всѣми членами рода; онъ завѣдывалъ родовымъ имуществомъ, которымъ весь родъ владѣлъ нераздѣльно; старѣйшина былъ и судьей, и жрецомъ всего рода, представителемъ и заступникомъ его передъ богами. Единая власть родового старѣйшины, нераздѣльное общее имущество и общее богослуженіе, состоявшее главнымъ образомъ въ почитаніи умершихъ предковъ — таковы главныя черты родового быта.

Византійскіе писатели VI-го вѣка повѣствуютъ, что славяне и анты не повинуются единодержавной власти, а издревле держатъ управленіе народное и о своихъ пользахъ и нуждахъ совѣщаются сообща, всенародно; живутъ они по уставамъ, какіе у нихъ существуютъ изстари, и управляются родовыми старѣйшинами и князьями племенъ. Обитаютъ они въ худыхъ разбросанныхъ хижинахъ и часто переселяются; живутъ они въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ, въ мѣстахъ неприступныхъ. Въ жилищахъ устраиваютъ многіе выходы для разныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ; необходимыя вещи зарываютъ въ землю, ничего излишняго не оставляютъ наружи и живутъ какъ разбойники.

Родовой строй жизни перенесли славяне и на новыя мѣста, занятыя ими въ предѣлахъ русской равнины. Лѣтопись такъ изображаетъ ихъ бытъ: «Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ».

Во главѣ рода находились родоначальники, носившіе различныя названія: старцевъ, владыкъ, князей и проч.; по смерти родоначальника, власть переходила къ старшему послѣ него родичу. Однако, родовой бытъ не долго сохранился среди русскихъ славянъ. Самое разселеніе ихъ по рѣкамъ и лѣсамъ русской равнины ослабляло родовую связь; они селились разбросанными дворами; власть старѣйшины не могла одинаково простираться на далекое пространство, на уединенные дворы и поселки. Каждый выбиралъ для поселенія мѣсто, удобное для лова и пашни, а это необходимо отдаляло членовъ рода другъ отъ друга. На новыхъ мѣстахъ они встрѣчались съ членами другихъ родовъ, входили съ ними въ сно-

шенія, забывая свою связь съ кровными родичами; родство замѣнялось сосѣдствомъ. Такъ распадался подъ вліяніемъ новыхъ условій старый родовой бытъ и на смѣну его выступалъ иной порядокъ.

III.

Города и волости.—Торговля.

Первоначально восточные славяне разсѣялись по широкому пространству отъ Ильменя озера до средняго Днѣпра, отъ береговъ Вислы до верховьевъ Оки и Волги; между ихъ поселками не было тѣсной связи; уже Тацитъ замѣтилъ, что «болота и лѣса служили имъ вмѣсто городовъ». Такъ же продолжали они жить и на русской равнинѣ. Но такая разрозненная жизнь не могла тянуться долго. На новой своей родинѣ славяне стали обзаводиться хозяйствомъ: ихъ главными занятіями были тогда рыболовство, охота, земледѣліе. Съ развитіемъ хозяйства возникъ и торгъ. Начали создаваться сборные пункты для обмѣна товаровъ—погосты: *гостить* въ старину значило торговать, *гостемъ* назывался купецъ. Нѣкоторые изъ этихъ погостовъ, благодаря своему удобному положенію, вскорѣ пріобрѣли особенное значеніе въ цѣломъ округѣ. Такія мѣста могли служить и для общихъ сходокъ округа; они могли получить и укрѣпленія, хотя бы самыя простыя, въ родѣ земляного вала и высокаго частокола изъ заостренныхъ бревенъ. Такъ образовались торговые города. Постепенно жители промышленной области (или *волости*, какъ говорили въ старину) привыкали видѣть въ городѣ свой главный оплотъ и верховную власть, привыкали повиноваться рѣшенію городской сходки или *вѣча* (самое слово волость означало также *власть*).

Эти города, какъ центры промышленныхъ областей, образовались уже долго спустя послѣ разселенія славянъ по русской равнинѣ. Первоначально «городомъ» называлось всякое огороженное и укрѣпленное мѣсто, «ограда». Въ этомъ смыслѣ древніе писатели говорятъ о множествѣ городовъ въ славянской землѣ; у скандинавовъ земля восточныхъ славянъ называлась даже «царствомъ городовъ». Эти города не были еще средоточіями торговли и промышленности; это были только укрѣпленныя мѣста для обороны отъ нападеній; тамъ, гдѣ сама природа представляла достаточную оборону, можно было обойтись и безъ такихъ укрѣпленій, какъ земляной валъ или бревенчатый частоколъ; но они были необходимы въ мѣстахъ болѣе открытыхъ; безъ нихъ славяне не могли бы вовсе продвигаться на новыя земли среди окружавшихъ ихъ не-

пріятелей. Множество остатковъ древне-славянскихъ укрѣпленій мы и теперь находимъ на всемъ пространствѣ южной и средней Россіи. Величина этихъ окоповъ или «городищъ», какъ ихъ нынѣ называютъ, самая различная; отъ 150 — 300 шаговъ въ окружности до 2 квадратныхъ верстъ. Одни изъ нихъ служили пограничными сторожевыми пунктами или временными убѣжищами родичей на случай непріятельскаго набѣга; другіе были правительственными и военными центрами для цѣлыхъ племенъ. Возлѣ такихъ центровъ начинало мало-по-малу осѣдать торгово-промышленное населеніе. Изъ нихъ-то возникли большіе города, въ которыхъ началась государственная жизнь русскаго народа. Конечно, не всѣ крупные города древнѣйшаго времени получили въ послѣдствіи значеніе главныхъ городовъ для цѣлыхъ областей: значеніе это выпало на долю тѣхъ только, въ которыхъ, благодаря ихъ выгодному положенію на бойкихъ торговыхъ путяхъ, то есть на большихъ рѣкахъ, сосредоточивалась торгово-промышленная дѣятельность цѣлой округи.

Промышленность славянъ, создавшая городскіе центры и раздѣлившая всю занятую ими страну на нѣсколько областей, вытекала изъ природныхъ условій, въ которыхъ они оказались. Исторія застаетъ славянъ народомъ осѣдлымъ, а не кочевымъ. Поселяясь отдѣльными дворами, они спѣшили расчистить лѣсъ, осушить болото, распахать землю, использовать лѣсное или рѣчное угодье. Славяне были народомъ земледѣльческимъ; до насъ дошли извѣстія о томъ, что они сѣяли рожь, пшеницу, просо. Но значительная часть занятой ими страны была лѣсиста; по этому особенное развитіе среди нихъ получили лѣсные промыслы, звѣроловство и пчеловодство. Одинъ арабскій писатель разсказываетъ, что у славянъ нѣтъ ни виноградниковъ, ни пашенъ, но въ лѣсахъ есть улья на подобіе кувшиновъ; каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ десять кружекъ меду.

Одно обстоятельство способствовало особенному развитію этихъ промысловъ. Въ VII-мъ вѣкѣ восточныя и южныя племена русскихъ славянъ — поляне, сѣверяне и вятичи — были покорены хазарами. Хазарское иго было не тяжело для славянъ и даже принесло имъ нѣкоторую выгоду: оно дало имъ возможность вступить въ оживленныя торговыя сношенія съ волжскими и прикаспійскими рынками. По Дону и Волгѣ пошла бойкая торговля изъ Поднѣпровья. Арабскій писатель IX-го вѣка замѣчаетъ, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленныхъ краевъ своей страны къ Черному морю въ греческіе города, что они спускаются также по Волгѣ къ хазарской столицѣ Итилю, выходятъ въ Каспійское море, достигаютъ береговъ Персіи и провозятъ

свои товары на верблюдахъ до самого Багдада. Главнымъ предметомъ вывоза являлись мѣхъ, медъ и воскъ. Съ береговъ Днѣпра и Волхова по Дону, Окѣ и Волгѣ, съ ихъ притоками, возили славяне свои товары, а въ обмѣнъ на нихъ получали вина, пряности, драгоцѣнные металлы, ткани и наиболѣе цѣнныя издѣлія востока и юга—оружіе и утварь. Свидѣтельствомъ этихъ оживленныхъ сношеній славянъ съ заморскими странами служатъ многочисленные клады съ арабскими монетами въ области Днѣпра и Волхова. Главными торговыми путями были, конечно, судоходныя рѣки, перерѣзывающія русскую равнину въ разныхъ направленіяхъ. Вдоль рѣкъ зародились первые зачатки гражданственности среди славянскихъ племенъ, возникли первые города и завелась торговля.

IV.

Нравы.

Посмотримъ теперь, какъ сложился внутренній бытъ славянъ при тѣхъ новыхъ условіяхъ жизни, которыя они встрѣтили на русской равнинѣ. Мирный, земледѣльческій характеръ славянъ придавалъ ихъ нравамъ значительную мягкость; объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ писавшіе о славянахъ. Славяне своими нравами производили выгодное впечатлѣніе: «въ нихъ нѣтъ ни зложелательства, ни коварства, говоритъ одинъ византійскій писатель, они любятъ свободу, не выносятъ ига рабства и повиновенія, соблюдаютъ цѣломудріе и исполнены мужества и кротости; честность ихъ такова, что имъ вовсе неизвѣстны воровство и обманъ». Въ особенности хвалятъ древніе историки гостепріимство славянъ: когда къ нимъ является иностранецъ, они провожаютъ его изъ одного мѣста въ другое и, если случится, что странникъ потерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отмстить за странника; о сѣверо-западныхъ славянахъ разсказываютъ, что у нихъ считалось дозволительнымъ даже украсть для угощенія. Съ плѣнными славяне обращались кротко; они не были рабами цѣлый свой вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но по прошествіи извѣстнаго срока вольны были или возвратиться къ своимъ, давши выкупъ, или остаться жить между славянами. Родителямъ славяне оказывали почтеніе, заботились о нихъ въ старости.

Писавшіе о славянахъ византійцы указывали также на ихъ мужество въ бою. Вступая въ бой, они выходили на непріятеля пѣшіе, неся въ рукахъ щиты и копья, безъ панцыря, даже безъ

плаща и рубашки; они любили сражаться въ мѣстахъ трудно проходимыхъ, узкихъ, представляющихъ защиту. Они употребляли военныя хитрости, между которыми особенно замѣчателенъ ихъ обычай прятаться въ водѣ, выставляя для дыханія тростникъ; если-же славяне сражались въ полѣ, то окружали себя укрѣпленіемъ изъ телѣгъ, ставя по срединѣ женщинъ и дѣтей. Но они избѣгали выходить въ открытое поле; природа ихъ страны давала имъ уже достаточный оплотъ противъ враговъ. Такъ какъ селенія ихъ всегда лежали при рѣкахъ,—которыя такъ часты, что между ними не остается значительнаго пространства—то идущіе на нихъ войною принуждены бывали останавливаться у самаго предѣла ихъ страны; между тѣмъ славяне, почуявъ приближеніе враговъ, мгновенно укрывались отъ нападенія. Съ другой стороны, мирный земледѣльческій бытъ славянъ мѣшалъ имъ обратиться въ завоевателей. Отмѣчаютъ византійскіе историки и частые раздоры среди славянскихъ племенъ: «между ними, говоритъ одинъ писатель—господствовали постоянно различныя мнѣнія; ни въ чемъ они не были между собой согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому». Такое поведеніе вытекало изъ разрозненности быта по родамъ, изъ отсутствія сознанія общей народной связи.

Далеко не такъ снисходителенъ былъ къ нравамъ древнихъ славянъ русскій лѣтописецъ; какъ христіанинъ и монахъ, онъ съ омерзеніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало объ язычествѣ. Только о полянахъ отзывается онъ благосклонно, говоря, что они имѣли обычаи кроткіе и тихіе, были стыдливы передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, имѣли брачный обычай. Нравы другихъ славянскихъ племенъ лѣтописецъ изображаетъ, напротивъ, мрачными чертами: древляне жили по-скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и, вмѣсто брака, похищали дѣвицъ; радимичи, вятичи и сѣверяне имѣли одинакій обычай—жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами; браковъ у нихъ также не было, но происходили игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены; если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ и, собравши кости, складывали въ малый сосудъ, который ставили въ столпѣ, на распутіи.

V.

Брачные и погребальные обычаи.

Вѣрный понятіямъ своего времени, лѣтописецъ преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные нравы и обычаи племенъ, въ нихъ полагаетъ главное различіе между народностями. Основа семьи, узелъ ея—бракъ; отсюда понятно, какъ важно было различіе во взглядѣ на бракъ у разныхъ племенъ. Одни поляне, по мнѣнію лѣтописца, совершали бракъ, какъ слѣдуетъ, то есть съ согласія родственниковъ невѣсты; у остальныхъ брака не было, они похищали себѣ женъ, «умыкали» ихъ. Умыканіе женъ являлось у славянъ остаткомъ древняго родового быта, когда каждый родъ жилъ отдѣльно и враждебно относился къ другимъ; если въ роду не оставалось незамужнихъ женщинъ, приходилось силой добывать ихъ въ другомъ роду; отсюда—столкновенія и кровавыя распри между родами. Слѣды этихъ столкновеній до сихъ поръ сохранились въ нѣкоторыхъ русскихъ свадебныхъ обычаяхъ и пѣсняхъ. Родственники похищенной преслѣдовали похитителя; для рода невыгодно было выпустить отъ себя работницу; начиналась борьба между двумя родами. Но тутъ возможна была сдѣлка между враждующими; увезшіе предлагаютъ выкупъ за похищенную дѣвушку. Такимъ путемъ насильственное похищеніе превращается въ полюбовное соглашеніе, устанавливается обычай купли и продажи невѣстъ. Такой бракъ и господствовалъ у полянъ, по словамъ лѣтописца; онъ говоритъ, что на слѣдующій день послѣ брака приносилось родителямъ ушедшей дѣвицы «вѣно» отъ жениха; «вѣномъ» же называлась цѣна дѣвушки, платимая женихомъ ея роднымъ, за выводъ ея изъ семьи. Память объ этомъ обычаѣ доселѣ сохранилась въ нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядахъ среди крестьянъ. Вознагражденіе за женщину не могло быть малымъ у славянъ, потому что число женщинъ не могло быть велико; кромѣ того, среди славянъ было въ обычаѣ многоженство; лѣтописецъ говоритъ, что они брали по двѣ и по три жены; у князя Владиміра, до принятія имъ христіанства, было пять «водимыхъ,» то есть законныхъ женъ. Дѣвушки у славянъ, повидимому, пользовались полной свободой; онѣ сходились съ молодыми людьми чужихъ родовъ на игрищахъ, имѣли возможность сговариваться съ женихами объ «умычкѣ». Что касается до положенія жены, то едва-ли она пользовалась большимъ уваженіемъ при первобытной грубости нравовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ основанія думать, чтобы женщина

была осуждена на вѣчное униженіе, въ виду важнаго значенія, которое она имѣла, какъ работница и какъ продолжательница рода. Мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ котораго женщина ждала любви и покровительства; умралъ мужъ—положеніе жены становилось горько. Поэтому иностранные писатели обращали особенное вниманіе на привязанность славянскихъ женщинъ къ мужьямъ, за которыми онѣ слѣдовали въ могилу: по смерти мужа жена сжигалась вмѣстѣ съ нимъ на кострѣ; многія женщины, по словамъ одного византійскаго писателя, сами себя убивали, не желая влачить вдовьей жизни.

У славянъ были въ обычаѣ два рода похоронъ: одинъ изъ нихъ заключался въ погребеніи, то есть, зарываніи мертвеца въ землю; другой, болѣе распространенный, состоялъ въ сожиганіи трупа. Славяне вѣрили, что огонь погребальнаго костра отдѣлялъ душу отъ тѣла и отправлялъ ее въ райскія жилища. Радимичи, вятичи, сѣверяне, кривичи и поляне совершали тризну надъ покойникомъ, потомъ сожигали тѣло, а кости собирали въ большой сосудъ, который ставили на столбѣ при дорогѣ. Подъ именемъ тризны разумѣлись вообще поминки и борьба въ честь умершаго; съ поминками соединялся веселый, пьяный пиръ, также плачъ и царапаніе лица въ знакъ печали. Зарывали мертвеца въ могилу рѣже, чѣмъ сожигали; трупъ, собственно говоря, даже не зарывали, а клали на землю, и затѣмъ насыпали надъ нимъ холмъ или кургапъ. Арабскій писатель Ибнъ-Даста разсказываетъ, что черезъ годъ по смерти славянина семья его справляла поминки по немъ; для этого приносили на могилу медъ и разную ѣду, пили, ѣли и затѣмъ расходились. Если у покойника было три жены, и одна изъ нихъ говорила, что особенно любила его, то для нея готовили висѣлицу у могилы мужа, она становилась на скамью подъ висѣлицей и надѣвала на шею веревку; скамью отнимали, и женщина оставалась повисшею; когда она умирала, тѣло ея сожигали вмѣстѣ съ тѣломъ мужа.

Души усопшихъ пользовались у славянъ особеннымъ почитаніемъ. Славяне вѣрили въ загробную жизнь и думали, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода; такимъ образомъ, у каждаго рода были свои духи-покровители, носившіе названіе «рода» и «рожаницъ». Въ значеніи «рода», какъ божества-покровителя, является «щуръ» или «чуръ», т. е. дѣдъ, прадѣдъ; донынѣ употребляется это слово въ производномъ отъ него—пращуръ. Умершій предокъ становился домашнимъ божествомъ, охранителемъ семьи и рода. Можно полагать, что «чуръ» и «родъ» одно и то же; позднѣе чуръ» превратился въ «домового». Въ первобытныя языческія времена народъ не могъ пони-

мать духовнаго существованія за гробомъ; души праотцевъ, по его вѣрованіямъ, претерпѣвали всѣ земныя ощущенія. Зиму онъ считалъ порою ночи, мрака и покоя для усопшихъ; а въ первый праздникъ поворожденнаго солнца мертвые вставали изъ гробовъ и устрашали живыхъ. Масляница, весенній праздникъ солнца, былъ вмѣстѣ и недѣлей поминовенія: живые здоровались съ усопшими, посѣщали ихъ могилы. Праздникъ «красной горки» соединялся съ «радуницей», праздникомъ солнца и свѣта для умершихъ: покойники, поднявшись изъ могилъ, раздѣляли поминовенную тризну съ живыми. Въ связи съ этимъ вѣрованіемъ возникъ праздникъ русалокъ. Русалки—это души умершихъ, выходящія весною насладиться ожившей природой; до зеленаго праздника (позднѣе до Троицына дня) онѣ живутъ въ водахъ; на берега выходятъ только поиграть; послѣ Троицына дня онѣ обитаютъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ. У славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ былъ «семикъ»; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы русалокъ. Одинъ византійскій историкъ упоминаетъ, что славяне поклонялись рѣчнымъ божествамъ, русалкамъ и нѣкоторымъ другимъ духамъ (щуру, домовому и проч.), которымъ также приносили жертвы, и при томъ гадали о будущемъ.

VI.

Божества природы и праздники.

Такъ населяли славяне природу божествами, которымъ поклонялись, почитая въ нихъ покойниковъ. Но въ религіозныхъ вѣрованіяхъ славянъ была другая сторона — поклоненіе божествамъ самой природы; среди нихъ главное мѣсто принадлежало божеству молніи, Перуну. Изъ явленій природы самое поразительное — гроза, молнія, громъ; не мудрено, что человѣкъ далъ ему первое мѣсто.

Уже византійскіе писатели отмѣтили, что славяне вѣровали въ творца молніи, какъ въ единаго бога, создателя міра; въ жертву ему они приносили воловъ и всякихъ другихъ животныхъ; судьбы же они совсѣмъ не признавали и не приписывали ей никакой власти надъ людьми; если въ болѣзни или на войнѣ предвидѣли близкую смерть, то давали обѣтъ богу молніи принести за спасеніе жертву и вѣрили, что этою жертвою сохранили жизнь. Божество неба у славянъ носило названіе Сварога; солнце и огонь считались его сыновьями — Сварожичами. Поклоненіе солнцу было сильно распространено между славянами, и божество солнца носило у нихъ различныя названія—Дажьбога, Лада,

Хорса, Волоса, котораго также именовали «скотьимъ богомъ». Обоготворялись также мѣсяцъ и звѣзды, вода и воздухъ.

Праздники въ честь своихъ боговъ славяне пріурочивали къ перемѣнамъ во временахъ года и, по связи съ ними, къ сельскохозяйственнымъ работамъ.

Первый праздникъ ихъ относился къ концу декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; этотъ праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носилъ названіе «коляды». Второй праздникъ торжествовался въ началѣ весны; а съ тѣхъ поръ, какъ принято было христіанство и церковь установила весною великій постъ, празднованіе «коляды» перенесено было на конецъ святокъ—на масляницу и отчасти на Свѣтлое Воскресеніе. Первоначально и масляница была языческимъ весеннимъ праздникомъ; весну встрѣчали обыкновенно на «красной горкѣ»: тутъ водили хороводы въ честь солнца, обновителя природы. Наконецъ, третій праздникъ язычниковъ-славянъ приходился на нынѣшній Ивановъ день и сталъ извѣстенъ подъ именемъ «Ивана Купалы». Можно полагать, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ — къ водѣ и къ обоимъ Сварожичамъ, солнцу и огню. Соотвѣтственно этому, ночь на Ивана Купала сопровождалась собираніемъ травъ, купаньемъ, зажиганіемъ костровъ и прыганьемъ черезъ нихъ. Солнце, дающее жизнь и ростъ всему, должно было являться силой, возбуждающей желанія; поэтому празднество Купалы было соединено съ празднествомъ Ярилы, божества лѣтняго солнца, высшаго развитія силъ природы.

Всѣ эти вѣрованія славянъ не воспрепятствовали однако быстрому распространенію христіанства: они не составляли стройной религіозной системы; общественное богослуженіе не получило широкаго развитія, и сословіе жрецовъ не имѣло власти. Храмовъ славяне не воздвигали — на открытыхъ мѣстахъ они ставили изображенія боговъ и передъ этими идолами совершали нѣкоторые обряды и приносили «требы» или жертвы. Такъ, въ Кіевѣ на холмѣ стоялъ идолъ Перуна, передъ которымъ князь Игорь принесъ клятву въ соблюденіи заключеннаго съ греками договора. Владиміръ, утвердившись въ Кіевѣ въ 980 году, поставилъ здѣсь на холмѣ идолы Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога и другихъ боговъ, которымъ князь и народъ приносили жертвы. Принятіе христіанства разрушило основы языческой религіи; поставленные въ Кіевѣ и другихъ городахъ идолы были ниспровергнуты, но язычество долго еще держалось въ обычаяхъ и нравахъ народа, въ обрядахъ и празднествахъ, которыя пріурочились къ церковнымъ обрядамъ и торжествамъ.

* * *

Такъ, подъ вліяніемъ природы сложился древнѣйшій бытъ восточныхъ славянъ. Въ IX-мъ и X-мъ вѣкахъ этотъ бытъ значительно измѣнился. Волости и города славянскихъ племенъ стали русскими княжествами; ими, по очереди старшинства, владѣли потомки Рюрика. Въ составѣ населенія яснѣе обозначились общественные классы — княжихъ мужей, простонародья и холоповъ. Развитіе землевладѣнія, въ связи съ рабовладѣніемъ, было новымъ явленіемъ хозяйственной жизни. Принятіе христіанства внесло великую перемѣну въ складъ жизни духовной. Рядомъ съ гражданскимъ обществомъ возникла церковь.

ВАРЯГИ и РУСЬ.

По соч. *Гаркави* «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ». Спб., 1870.—*С. Гедеонова* «Варяги и русь». Ч. 1—2. Спб. 1876.—*А. Котляревскаго* «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ». Соч., т. III. Спб., 1893.—*А. Куника* (и бар. *В. Розена*) «Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о руси и славянахъ». Ч. 1—2. Спб., 1878 — 1903.—*М. Погодина* «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи», т. II. М. 1846.—Его-же. «Норманскій періодъ русской исторіи.» М. 1859.—*В. Томсена* «Начало русскаго государства». Три чтенія. Пер. Н. Аммона. М. 1891.

I.

«Повѣсть о началѣ Русской земли».

«Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуда Русская земля стала есть. Се начнемъ повѣсть сію. По потопѣ тріе сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ»...

Такъ начинается древнѣйшій списокъ русской лѣтописи.

Далѣе идетъ рѣчь о раздѣлѣ земли между сыновьями Ноя, о разсѣяніи народовъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія, о разселеніи славянъ по Дунаю и Восточно-европейской равнинѣ. «Повѣсть» содержитъ въ себѣ и мѣстныя преданія и выписки изъ иноземныхъ источниковъ, всего болѣе изъ греческаго «лѣтописанья» Георгія Амартола. Разсказавъ далѣе о хожденіи апостола Андрея по великому водному пути отъ «Русскаго» или Чернаго моря къ «Варяжскому» или Балтійскому и оттуда въ Римъ, о нападеніи «обровъ» или аваровъ на славянское племя дулѣбовъ, объ основаніи Новгорода и Кіева, о столкновеніи полянъ съ хазарами, «которыми владѣютъ русскіе до днешняго дня», лѣтописецъ замѣчаетъ:

«Въ лѣто (отъ сотворенія міра) 6360, индикта (въ) 15 день, наченшу Михаилу царствовати (въ Византіи), *начася прозывати Русская земля*. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ царѣ приходиша русь на Царьгородъ, яко-же пишется въ лѣтописаньѣ греческомъ. Тѣмъ-же отселѣ почнемъ и числа положимъ».

Первое появленіе руси у стѣнъ Византіи послужило для составителя «Повѣсти» событіемъ, отъ котораго онъ повелъ свое лѣтосчисленіе. «Повѣсть» свою онъ началъ отъ потопа, годы-же сталъ высчитывать отъ Адама до потопа, затѣмъ отъ потопа до

Авраама и такъ далѣе до смерти великаго князя кіевскаго Святополка Изяславича (умершаго въ 1114 году). Окончивъ этотъ подсчетъ, лѣтописецъ говоритъ: «но мы на прежнее возвратимся и скажемъ, что произошло въ эти годы»...

Слѣдуютъ пять лѣтъ безъ событій и лишь подъ 6366-мъ годомъ описывается походъ императора Михаила на болгаръ. Затѣмъ лѣтописецъ продолжаетъ:

«Въ 6367-мъ (т. е. въ 859-мъ году отъ Р. Х.) брали дань варяги изъ заморья съ чуди и славянъ, съ мери, веси и кривичей, а хазары брали (дань) съ полянъ, сѣверянъ и вятичей»... Снова слѣдуютъ два «пустыхъ» года, а къ 862-му отнесенъ разсказъ о призваніи князей:

«Изгнали (славяне и чудь) варяговъ за море и не дали имъ дани и стали управляться сами собою; но не было у нихъ правды, и возсталъ родъ на родъ, и были у нихъ усобицы, и воевать начали другъ противъ друга. И порѣшили между собой: «Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву». И пошли за море къ варягамъ, къ руси, ибо такъ назывались тѣ варяги— русь, какъ вотъ иные зовутся свеи (шведы), иные—урмане (норманны), англяне (англы), иные—готы, такъ и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами. И избрался три брата съ родами своими и взяли съ собой всю русь, и пришли. Старѣйшій, Рюрикъ, сѣлъ княжить въ Новгородѣ, другой Синеусъ,—на Бѣломъ-озерѣ, а третій, Труворъ—въ Изборскѣ. И отъ тѣхъ варяговъ прозвалась Русская земля, новгородцы, тѣ суть люди новгородскіе отъ рода варяжскаго, а прежде были славяне».

Не трудно понять, какъ рѣшилъ свою задачу составитель «Повѣсти». Восточно-европейскую равнину, думаетъ онъ, искони населяли славяне и финны; ихъ западными заморскими сосѣдями были варяги; одно изъ многочисленныхъ племенъ называлось русью; отъ него получила свое имя Русская земля, когда варяжскіе князья съ ихъ дружинами стали владѣть и судить по праву среди восточныхъ славянъ и финновъ; впервые же сдѣлались извѣстными эти князья въ царствованіе греческаго императора Михаила: въ 865-мъ году они появились у стѣнъ Византіи, а незадолго передъ тѣмъ утвердились на бойкихъ торговыхъ путяхъ по Днѣпру, Волхову и верхней Волгѣ. Точное указаніе на время этихъ событій лѣтописецъ нашелъ въ письменныхъ источникахъ; отсюда онъ и повелъ свое лѣтосчисленіе.

II.

Походы русскихъ князей на грековъ.

«Черезъ два года (послѣ призванія князей), повѣствуетъ лѣтопись, умерли Синеусъ и Труворъ, и принялъ власть Рюрикъ, и роздалъ мужамъ своимъ города: кому Полоцкъ, кому Ростовъ, иному Бѣлоозеро. По тѣмъ городамъ находники (пришельцы) варяги, а первые посельники въ Новгородѣ—славяне, въ Полоцкѣ—кривичи, въ Ростовѣ—меря, въ Бѣломъ-озерѣ—весь, въ Муромѣ—мурома, и всѣми ими обладалъ Рюрикъ. Было у него двое мужей, не племени его, но бояре, и отпросились они къ Царюгороду съ родомъ своимъ. Пошли по Днѣпру и, мимо идя, увидѣли городокъ на горѣ и спросили: «Чей это городокъ»? Имъ сказали: «Было трое братьевъ—Кій, Щекъ, Хоривъ, они построили городокъ и погибли, и мы сидимъ, платя дань хазарамъ»... Аскольдъ и Диръ остались въ городѣ семъ, собрали много варяговъ и начали владѣть землею полянъ. Между тѣмъ какъ Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ, (въ 865-мъ году) пошли Аскольдъ и Диръ на грековъ въ 14-й годъ царствованія Михаила. Императоръ былъ въ походѣ противъ агарянъ; его извѣстили, что русь идетъ на Царьградъ; Михаилъ возвратился. Русскіе съ двумя стами кораблей, обступили городъ и перебили много христіанъ. Царь и патріархъ Фотій обратились съ мольбою къ Богородицѣ и погрузили ризу ея чудотворной иконы въ воду: поднялась буря съ великими волнами и привела въ смятеніе корабли безбожной руси, повергла ихъ на берегъ и разбила, такъ что мало ихъ избѣгли бѣды и возвратились назадъ»...

«Въ 879-мъ году умеръ Рюрикъ и передалъ княженіе Олегу, изъ его же рода, отдавши ему на руки своего сына Игоря, ибо онъ былъ еще очень юнъ»...

«Въ 882-мъ году пошелъ Олегъ, забравъ много войска: варяговъ, чудь, славянъ, мерю, весь, кривичей, пришелъ къ Смоленску съ кривичами, взялъ городъ и посадилъ мужей своихъ. Оттуда пошелъ онъ внизъ (по Днѣпру), и взялъ Любечъ и посадилъ мужей своихъ. Когда пришли къ горамъ Кіевскимъ, узналъ Олегъ, что здѣсь княжили Аскольдъ и Диръ. Спряталъ онъ часть войска въ ладьяхъ, другую-же оставилъ позади, а самъ пошелъ и понесъ ребенка Игоря... и послалъ сказать Аскольду и Диру: «Я торговый человѣкъ («гость»), идемъ мы въ греки отъ Олега и Игоря княжича; идите къ намъ съ родомъ своимъ». Аскольдъ и

Диръ пришли. Тогда выскочили всѣ прочіе воины изъ ладьи, и сказалъ Олегъ Аскольду и Диру: «вы не князья и не княжескаго рода, а я рода княжескаго». Тутъ вынесли Игоря: «А вотъ сынъ Рюриковъ»! Убили Аскольда и Дира и погребли ихъ на горѣ... Олегъ же сѣлъ княжить въ Кіевѣ и сказалъ: «се буди мати градомъ русскимъ». И были у него варяги и славяне, и прочіе, прозывавшіеся русью. Олегъ началъ строить города и установилъ дани славянамъ, кривичамъ, и мери, установилъ также давать варягамъ, ради мира, отъ Новгорода 300 гривенъ въ годъ дани, которую платили до смерти Ярослава (въ 1054 году)»...

«Въ 907-мъ году пошелъ Олегъ на грековъ, оставивъ Игоря въ Кіевѣ. Онъ взялъ съ собою множество варяговъ, славянъ, чуди, кривичей, мери, древлянъ, радимичей, полянъ, сѣверянъ, вятичей, хорватовъ, дулѣбовъ и тиверцевъ.—Съ ними со всѣми пошелъ Олегъ на коняхъ и на корабляхъ; число же кораблей достигало 2.000. Греки заперли со стороны моря доступъ къ городу; Олегъ-же, высадившись на берегу, началъ воевать; множество грековъ были убиты, многія палаты разрушены, церкви сожжены; изъ взятыхъ въ полонъ однихъ рубили, другихъ мучили, иныхъ разстрѣливали, иныхъ бросали въ море, и много другого зла причинили русскіе грекамъ... Олегъ велѣлъ своимъ воинамъ сдѣлать колеса и поставить на нихъ корабли; попутный вѣтеръ надулъ паруса и войска двинулись къ городу. Видя это, греки устрашились, и согласились выдать на 2000 кораблей по 12 гривенъ на человѣка, а въ кораблѣ было по 40 мужей. Цари Леонъ и Александръ заключили съ Олегомъ мирный договоръ, скрѣпленный клятвою съ той и другой стороны. Когда миръ былъ утвержденъ, Олегъ сказалъ: сшейте паруса изъ паволокъ руси, а славянамъ крапивныя. Такъ и сдѣлали. Повѣсилъ Олегъ свой щитъ на вратахъ, въ знакъ побѣды, и пошелъ отъ Царяграда. Подняли русь паруса изъ паволокъ, а славяне крапивныя, и разодралъ ихъ вѣтеръ, и сказали славяне: «примемся за свои холстины, не годятся славянамъ паруса крапивныя... Пришелъ Олегъ въ Кіевъ и привезъ золото, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье. И прозвали Олега вѣщимъ, ибо люди были поганые (язычники) и невѣжественные».

Сходными чертами изображаетъ лѣтописецъ и другіе походы русскихъ князей на грековъ; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны два похода Игоря.

Первый состоялся въ 941-мъ году и былъ направленъ главнымъ образомъ на малоазіатское побережье Чернаго моря; онъ окончился очень несчастливо: императорскій флотъ напалъ на Игоря и въ особенности «греческій огонь» причинилъ много вреда

судамъ и впушилъ ужасъ воинамъ Игоря; немногіе вернулись на родину, чтобы повѣдать землякамъ объ исходѣ предпріятія.

Желая отомстить за пораженіе, Игорь собралъ многочисленное войско изъ подвластныхъ племенъ и наемныхъ кочевыхъ ордъ; въ 944-мъ году снова появился у греческихъ береговъ русскій флотъ; на этотъ разъ побѣда досталась ему легко. Лишь только греки получили извѣстіе о приближеніи русскаго войска, они сложили оружіе и купили дорогою цѣною миръ, подтвержденный новымъ договоромъ.

Въ теченіе слѣдующаго столѣтія русь предпринимала еще нѣсколько походовъ противъ Византійской имперіи, но безъ большого успѣха; послѣ 1043 года нападенія руси прекращаются.

Въ половинѣ XI-го вѣка, по смерти Ярослава, новгородцы перестаютъ платить дань варягамъ; въ то-же время прекращаются и походы кіевскихъ князей на Византію; такимъ образомъ, около двухъ вѣковъ варяги были главной, хотя и не единственной, вооруженной силой страны. Лѣтопись различаетъ въ составѣ княжескихъ дружинъ варяговъ и славянъ, и первымъ даетъ обыкновенно имя руси; однако, чѣмъ большее участіе князья и дружины варяговъ принимали въ жизни славянскихъ городовъ и областей, тѣмъ шире становилось значеніе слова «русь», тѣмъ меньше становилась разница между исконными жителями страны и заморскими пришельцами.

Эти пришельцы были хорошо извѣстны въ IX-мъ вѣкѣ на далекомъ западѣ подъ именемъ норманновъ или дановъ; они служили также въ войскахъ Византійской имперіи въ качествѣ постояннаго наемнаго корпуса «варанговъ» или, какъ у насъ писали въ старину, варѧговъ (ѧ читали прежде какъ *ен*); ихъ знали хорошо и восточные писатели—евреи и арабы, сохранившіе драгоцѣнныя извѣстія о древнѣйшихъ обитателяхъ Поволжья. Восточные писатели называли варяговъ русами и одинъ изъ нихъ, Ибрагимъ, «сынъ Якуба израильтянинъ», говоритъ почти согласно съ нашей лѣтописью: «Страны славянъ тянутся (отъ Сирійскаго моря) къ сѣверу; и завладѣли племена сѣвера (мы бы сказали норманны или варяги) нѣкоторыми изъ нихъ и обитаютъ по сіе время между ними (славянами)... и производятъ свои набѣги русы на корабляхъ съ запада.—Славяне-же вообще люди смѣлые и наступательные и, еслибъ не было разрозненности ихъ вслѣдствіе многочисленныхъ развѣтвленій ихъ колѣнъ и разбросанности ихъ племенъ, то не сравнялся бы съ ними въ силѣ ни одинъ народъ въ мірѣ. Они занимаютъ страны богатѣйшія обиталищами и жизненными припасами. Они усердствуютъ въ земледѣліи и въ добываніи себѣ пропитанія и превосходятъ въ этомъ всѣ народы сѣ-

вера. И доходятъ товары ихъ моремъ и сушею до русовъ и до Константинополя... Главнѣйшія изъ племенъ сѣвера (т. е. изъ норманновъ или варяговъ) говорятъ по славянски, потому что смѣшались съ ними»...

III.

Русь и славяне.

Благодаря смѣшенію варяговъ и славянъ, получило различныя значенія слово «русь». Какъ это имя проникло къ славянамъ, трудно сказать. Весьма вѣроятно, что такъ называли варяговъ финны, ихъ ближайшіе сосѣди на берегахъ Балтійскаго моря; отъ финновъ-же это слово было усвоено, въ свою очередь, ихъ ближайшими сосѣдями — славянами. Какъ бы то ни было, многочисленныя свидѣтельства латинскихъ, греческихъ и восточныхъ писателей, и особенно нашей лѣтописи, убѣдительно доказываютъ, что «русью» назывались нѣкогда варяги или скандинавы. Таковъ первоначальный смыслъ этого имени въ нашей лѣтописи: это — варяжское племя, называвшееся русью, какъ иныя, также варяжскія племена, назывались шведами, готами. Но лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ взялъ съ собой *всю* русь. Въ этомъ случаѣ «русь» — дружина Рюрика; изъ нея вышли Аскольдъ и Диръ и другіе мужи или бояре. Отсюда выясняется второе значеніе слова «русь», уже не племенное, а сословное. Это — не племя, а войско, въ которомъ главное мѣсто принадлежало находникамъ — варягамъ. Русью называетъ лѣтопись и Русскую землю, всего чаще — Кіевскую область, гдѣ издревле обитали поляне и, со временъ Олега, въ наибольшемъ количествѣ сосредоточивались варяги. Это третье значеніе слова «русь» уже не племенное и не сословное, а государственное: Русью считается и самая земля кіевская, и возникшее въ ней княжество. Наконецъ, и самая рѣчь славянская стала русской.

Описавъ разселеніе славянъ, лѣтописецъ замѣтилъ, «тако разидеся словеньскій языкъ, (народъ) тѣмъ же и грамота прозвася словеньская». А далѣе, разсказавъ объ апостольской проповѣди славянъ, подъ 898-мъ годомъ, уже послѣ призванія князей и первыхъ походовъ на Византію лѣтописецъ, какъ-бы предупреждая всякія сомнѣнія, указалъ: «А словеньскій языкъ и русскій одно есть, отъ варягъ бо прозвашася русью, первое бѣша словене».

Это первоначальное различіе между русскимъ и славянскимъ языкомъ было замѣтно еще въ IX и X вѣкахъ.

Такъ, и въ лѣтописи, и въ памятникахъ древне-русскаго

права славянскія имена чередуются съ «русскими», среди коренныхъ славянскихъ словъ встрѣчаются во множествѣ слова варяжскаго или скандинавскаго корня.

Всего насчитывается около 90 именъ, выдающихъ болѣе или менѣе свое скандинавское происхожденіе. Между ними на первомъ планѣ стоятъ имена древнѣйшихъ князей: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ, Олегъ, Игорь; въ первомъ договорѣ Игоря нѣтъ ни одного славянскаго имени, во второмъ не болѣе трехъ; всѣ остальныя имена, безспорно, скандинавскія: таковы, напримѣръ, Адунъ, Акунъ, Бернъ, Гунарь, Иворъ, Карлъ, Руалдъ, Свѣнъ, Стиръ, Фарлофъ, Фростѣнъ, Фруди, Шихбернъ; а между тѣмъ оба списка уполномоченныхъ начинаются словами: «Мы отъ рода русска». По скандинавски звучатъ и древнерусскія слова: гридь (младшій дружинникъ), луда (плащъ), тивунъ или тіунъ (дворецкій изъ холоповъ), ябетникъ или ябедникъ (мелкій судебный чиновникъ). На то-же различіе между русскимъ и славянскимъ языкомъ указываетъ Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ описаніи великаго воднаго пути «изъ варягъ въ греки»:

«Люди, прибывающіе въ Константинополь изъ внѣшней Руси (т. е. изъ странъ, лежащихъ за Кіевомъ), говоритъ онъ, идутъ, частью изъ Новгорода, гдѣ пребываетъ Святославъ, сынъ Игоря, князь Руси, частью изъ города Смоленска, изъ Любеча, Чернигова и Вышегорода. Всѣ они плывутъ внизъ по Днѣпру и сходятся у города Кіева, называемаго также Самватосъ. Славяне-же, платящіе дань руси, такъ называемые кривичи, лучане и другіе, рубятъ у себя въ горахъ древесные стволы въ зимнее время, обтесываютъ ихъ, и весною, какъ только ледъ растаетъ, свозятъ въ ближайшія озера (болота). Спустивши суда въ Днѣпръ, они отправляются внизъ по рѣкѣ и плывутъ къ Кіеву. Здѣсь они вытаскиваютъ ладьи на берегъ и продаютъ ихъ русамъ. Послѣдніе покупаютъ только самыя суда, которыя снабжаются веслами, скамьями для гребцовъ и прочими снастями отъ старыхъ ладей. Въ іюнѣ мѣсяцѣ они (русы) пускаются въ плаваніе по Днѣпру и ѣдутъ до Витичева города, находящагося подъ властью русовъ. Здѣсь они собираются въ теченіи двухъ или трехъ дней; когда-же соберутся всѣ ладьи, они отправляются далѣе и плывутъ внизъ по Днѣпру. И сперва они приплываютъ къ первому порогу, называемому Есупи, что значитъ по русски и по славянски «не спи». Хотя этотъ порогъ на столько узокъ, что имѣетъ только ширину циканистеріона (одного зданія въ Византіи), но посреди его возвышаются крутыя, высокія скалы, имѣющія видъ острововъ. Когда волны приливаютъ къ нимъ, онѣ высоко подымаются и низвергаются (со скалъ) внизъ съ сильнымъ ревомъ. По этому русы не

рѣшаются плыть прямо между скалами, но, остановившись вблизи ихъ, высаживаютъ людей, оставляя все на ладьяхъ. Раздѣвшись, они идутъ въ воду, ощупывая ногами дно, чтобы не наткнуться на какой-нибудь камень, причемъ одни двигаютъ впередъ шестами носъ, другіе среднюю часть, третьи корму судовъ. Такъ они минуютъ со всевозможною осторожностью этотъ первый порогъ, обходя его уголъ и держась около берега рѣки. Прошедши этотъ порогъ, они снова забираютъ остальныхъ (высаженныхъ) съ берега и плывутъ далѣе къ второму порогу, называемому по русски Ульворси, по славянски Островунпрахъ, что значитъ «островъ порога». Онъ также опасенъ и труденъ для проѣзда, какъ и первый; и они опять высаживаютъ людей, и тащатъ ладьи, какъ и въ первый разъ. Такимъ образомъ проходятъ они къ третьему порогу, по имени Геландри, что значитъ по славянски «шумъ порога». Затѣмъ они подходятъ къ четвертому, большому порогу, называемому по русски Айфоръ, по славянски Неаситъ, потому что пеликаны гнѣздятся на камняхъ этого порога. У этого порога всѣ суда останавливаются. Люди, выбранные для того, чтобы стоять на стражѣ, выходятъ и отправляются на свои мѣста: эту стражу они отбываютъ очень внимательно по причинѣ (близости) печенѣговъ. Остальные вытаскиваютъ грузъ, имѣющійся въ ладьяхъ, выводятъ оттуда также скованныхъ невольниковъ и ведутъ ихъ по сушѣ на протяженіи 6000 шаговъ, пока не минуютъ порога. Такимъ же образомъ они или тащатъ за собою, или несутъ на плечахъ свои ладьи, пока не придутъ по ту сторону порога. Тамъ они спускаютъ ихъ опять на воду, нагружаютъ снова свои мѣха и сами садятся въ ладьи. Достигнувъ пятаго порога, называемаго по русски Варуфоросъ, по славянски Вульнипрахъ, потому что онъ образуетъ большой водоворотъ, они опять проводятъ суда, держась берега рѣки, какъ у перваго и и второго пороговъ. Затѣмъ они приходятъ къ шестому, который называется по русски Леанти, а по славянски Верутци, т. е. бурленіе воды. Подобнымъ же образомъ они минуютъ и его, и плывутъ отсюда къ седьмому порогу, называемому по русски Струкунъ, по славянски Напрези, что означаетъ «малый порогъ». И они прибываютъ къ такъ называемому Крарійскому перевозу, у котораго херсониты переправляются изъ Руси, а печенѣги въ Херсонъ. Этотъ перевозъ имѣетъ ширину ипподрома, и высота (берега), которую видитъ глазъ снизу, такова, что пущенная оттуда стрѣла какъ разъ попадаетъ въ нихъ (плывущихъ). Поэтому печенѣги приходятъ сюда и нападаютъ на руссовъ. Прошедши это мѣсто, они пристаютъ къ острову, называемому именемъ св. Григорія; на этомъ островѣ они совершаютъ свое жертвоприношеніе такъ какъ на немъ стоитъ очень высокій дубъ. Они приносятъ въ

жертву живыхъ пѣтуховъ. Они также втыкаютъ въ землю кругомъ стрѣлы, другіе (кладутъ) хлѣбъ и мясо и что каждый изъ нихъ вообще имѣетъ при себѣ, сообразно съ ихъ обычаемъ. О пѣтухахъ они бросаютъ жребій, рѣзать-ли и ѣсть ихъ, или оставить живыми. Прошедши этотъ островъ, руссы не боятся болѣе печенѣговъ, пока наконецъ они приплываютъ въ рѣку Селину».

Изъ этого описанія славянскихъ и русскихъ судовъ на Днѣпрѣ видно, что варяги были не только воины, но и купцы. Вотъ почему Олегъ, вызывая къ себѣ изъ Кіева Аскольда и Дира, назвался «гостемъ», направлявшимся «изъ варягъ въ греки отъ Олега и Игоря княжича», а въ договорахъ русскихъ съ греками рѣчь идетъ по преимуществу о торговыхъ дѣлахъ. Варяжскіе князья съ ихъ дружинами явились въ городахъ и волостяхъ Восточно-европейской равнины, можетъ быть, и ранѣе половины IX вѣка, но съ этого времени усилился ихъ наплывъ, такъ какъ для защиты товарныхъ складовъ и торговыхъ путей потребовались значительныя вооруженныя силы.

IV.

Славяне и руссы на Волгѣ.

Константинъ Багрянородный подробно описалъ торговый путь варяговъ и славянъ по Днѣпру-Волхову. Яркую картину русской торговли и русскихъ походовъ по Волгѣ даютъ восточные писатели. По ихъ свидѣтельству, руссы—народъ въ высшей степени дѣятельный, неутомимый и до безумія отважный: они рвутся, наперекоръ опасностямъ и препятствіямъ, въ отдаленныя страны Востока и являются то мирными купцами, то кровожадными воинами, нападаютъ съ быстротой молніи и совсѣмъ неожиданно грабятъ, убиваютъ и уводятъ плѣнниковъ. Въ отличіе отъ другихъ воинственныхъ племенъ, наводившихъ ужасъ на своихъ сосѣдей, руссы никогда не передвигались по сушѣ, но всегда по водѣ, и для перевозки имъ служили единственно ладьи. Изъ области волжскихъ истоковъ они спускались внизъ по рѣкѣ и торговали съ болгарами; иногда они попадали на Волгу изъ Чернаго и Азовскаго морей, поднимаясь по Дону, и далѣе проникали на Каспійское побережье. Эти области русь посѣтила впервые въ концѣ IX-го вѣка: въ теченіе слѣдующихъ ста лѣтъ неоднократно предпринимались походы въ Прикаспійскія страны, часто большими полчищами: такъ, по словамъ Масуди, въ 913-мъ году русь появилась на Каспіи цѣлымъ флотомъ изъ 500 судовъ, по 100 человѣкъ на каждомъ кораблѣ.

Другой арабъ, Ибнъ-Даста, такъ описываетъ нравы и обычаи древнихъ руссовъ: «Руссы производятъ набѣги на славянъ, подъѣзжаютъ къ нимъ на ладьяхъ, высаживаются, забираютъ ихъ въ плѣнъ, отвозятъ къ хозарамъ и болгарамъ и продаютъ тамъ... пашенъ они не имѣютъ, а питаются лишь тѣмъ, что привозятъ изъ земли славянъ. Когда у кого изъ нихъ родится сынъ, отецъ беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его предъ новорожденнымъ и говоритъ: «не оставлю тебѣ въ наслѣдство никакого имущества, а будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечомъ». Единственный промыселъ ихъ — торговля соболыми, бѣличьими и другими мѣхами; плату же, получаемую деньгами, завязываютъ накрѣпко въ свои пояса. Одѣваются они неопрятно; мужчины у нихъ носятъ золотые наручники. Съ рабами обращаются хорошо... Гостямъ оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ ихъ покровительства. Когда нуждается въ помощи который либо изъ ихъ родовъ, выступаютъ въ поле всѣ; между ними нѣтъ розни, но воюютъ единодушно противъ врага, пока не побѣдятъ его. Если кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ царю (князю), предъ которымъ и препираются; когда тотъ произнесетъ приговоръ, исполняется его велѣніе. Если же обѣ стороны приговоромъ царя (князя) недовольны, то по его приказанію должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ. На борьбу эту родственники (обоихъ бойцовъ) приходятъ вооруженными и (на ней) присутствуютъ. Соперники вступаютъ въ бой, и тотъ, кто одолѣетъ противника, выигрываетъ дѣло».

«Они (руссы) мужественны и храбры. Напавши на другой народъ, они не отстаютъ, пока не уничтожатъ его совсѣмъ; насилуютъ побѣжденныхъ и обращаютъ ихъ въ рабство. Они высокорослы, имѣютъ красивую наружность и выказываютъ смѣлость въ нападеніяхъ; но смѣлость эту проявляютъ не на конѣ, а совершаютъ всѣ свои набѣги и походы на корабляхъ (ладьяхъ)... Они носятъ широкіе шаровары... Надѣвая такіе шаровары, собираютъ ихъ у колѣнъ и тамъ подвязываютъ... Всѣ постоянно имѣютъ при себѣ мечи, ибо мало довѣряютъ другъ другу—коварство между ними дѣло обыкновенное...»

«Когда умираетъ у нихъ кто-либо изъ знатныхъ, выкапываютъ ему могилу въ видѣ большого дома, кладутъ они туда покойника и вмѣстѣ съ нимъ одежду и золотые наручники которые онъ носилъ. Затѣмъ опускаютъ туда съѣстные припасы, сосуды съ напитками и деньги. Наконецъ, кладутъ въ могилу живою любимую жену умершаго. Отверстіе могилы закладываютъ, и жена умираетъ въ заключеніи.»

Подробнѣе описываетъ бытъ и погребальные обычаи руси другой арабъ—Ибнъ-Фадланъ. Въ первой четверти X-го вѣка онъ былъ отправленъ къ волжскимъ болгарамъ въ качествѣ посла отъ халифа Муктадира и, во время своего пребыванія въ болгарской столицѣ, часто имѣлъ случаи видѣть руссовъ, пріѣзжавшихъ внизъ по Волгѣ для торговли съ болгарами.

«Я видѣлъ руссовъ,—пишетъ Ибнъ-Фадланъ,—когда они пришли со своими товарами и расположились на рѣкѣ Итилѣ (Волгѣ). Я не встрѣчалъ людей болѣе развитыхъ по тѣлосложенію, (они стройны) какъ пальмовыя деревья; они рыжи; не носятъ ни куртокъ, ни кафтановъ; мужчины надѣваютъ грубую ткань, которую накидываютъ съ одного боку, и одну руку выпускаютъ изъ подъ нея. Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ неразлучно мечъ, ножъ и сѣкиру. Мечи же ихъ широки, волнообразны, съ клинками франкской работы; на одной сторонѣ ихъ, отъ острія до рукояти, изображены деревья и различныя фигуры. Женщины носятъ привязаннымъ на груди маленькій ящичекъ (ковчежецъ) изъ желѣза, мѣди, серебра или золота, смотря по состоянію мужа... На ящичкѣ находится кольцо, а на немъ ножъ, также точно прикрѣпленные на груди. На шеѣ онѣ носятъ золотыя и серебряныя цѣпи. Именно, если мужъ имѣетъ десять тысячъ диргемъ (серебряныхъ монетъ), то дѣлаетъ онъ женѣ цѣпь; если онъ имѣетъ двадцать тысячъ, то дѣлаетъ ей двѣ цѣпи, и такимъ образомъ, каждый разъ, какъ у него прибавляется десять тысячъ диргемъ, жена его получаетъ новую цѣпь...»

«Лучшее украшеніе у нихъ—зеленыя стеклянныя бусы изъ тѣхъ, какія бываютъ на корабляхъ. Руссы стараются всячески достать ихъ, покупаютъ одну бусинку по диргемѣ и нанизываютъ изъ нихъ ожерелье своихъ женъ... Они—грязнѣйшія твари Божіи и не совершаютъ очищеній.» Точно также за неопрятность въ одеждѣ осуждалъ руссовъ Ибнъ-Даста; очевидно, грязь язычниковъ-руссовъ поражала чистоплотныхъ магометанъ.

«Руссы приходятъ изъ своей страны и бросаютъ якорь въ Итилѣ—это большая рѣка—и строятъ на берегу большіе деревянные дома. Въ одномъ домѣ собирается ихъ человѣкъ по десяти, двадцати, также менѣе или болѣе. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою скамью, на которой сидитъ онъ самъ и съ нимъ служанки и красавицы, предназначенныя для продажи... Какъ только ихъ корабли прибудутъ на мѣсто якорной стоянки, каждый изъ нихъ выходитъ на берегъ, имѣя при себѣ хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и горячій (опьяняющій) напитокъ, направляется къ высокому врытому въ землю столбу (идолу), имѣющему подобіе человѣческаго лица и окруженному малыми истуканами, за которыми врыты еще

другіе высокіе столбы (идолы). Онъ подходитъ къ большому идолу, простирается предъ нимъ и говоритъ: «О, мой господинъ! я пришелъ издалека, со мной столько-то дѣвушекъ и столько-то собольихъ мѣховъ». Затѣмъ, перечисливъ все, что онъ привезъ съ собой изъ своего товара, говоритъ: «Эти дары принесъ я тебѣ», и оставляетъ принесенное предъ идоломъ, со словами: «Я желаю, чтобы ты доставилъ мнѣ купца съ динарами и диргемами, который купилъ бы у меня все, что желаю продать, и не прекословилъ бы мнѣ ни въ чемъ, что я ему ни скажу». Послѣ того онъ удаляется. Если продажа идетъ плохо и затягивается на долго то онъ возвращается съ другими дарами во второй, въ третій разъ, и если всетаки встрѣчаются затрудненія къ достиженію желаемаго, то онъ приноситъ дары одному изъ малыхъ истукановъ и проситъ его о ходатайствѣ, говоря: «Это жены и дочери господина нашего», причемъ онъ не пропускаетъ ни одного изображенія, котораго не просилъ бы и не молилъ бы о ходатайствѣ, и которому онъ не кланялся-бы униженно. Но часто продажа идетъ легко; тогда онъ говоритъ: «Господинъ мой исполнилъ мое желаніе, должно вознаградить его за то» и, взявъ извѣстное число рогатаго скота и овецъ, онъ убиваетъ ихъ, часть мяса раздаетъ бѣднымъ, остальное же приноситъ и кладетъ предъ большимъ истуканомъ и малыми, его окружающими, головы же развѣшиваетъ на столбахъ (идолахъ)—когда настаетъ ночь, приходятъ собаки и съѣдаютъ, а сдѣлавшій приношеніе говоритъ: «Мой господинъ соблаговолилъ ко мнѣ и съѣлъ мои дары».

«Когда одинъ изъ руссовъ заболѣваетъ, они разбиваютъ въ отдаленіи палатку, кладутъ больного туда и ставятъ рядомъ съ нимъ немного хлѣба и воды, но не приближаются къ нему, не говорятъ съ нимъ, даже не посѣщаютъ его во все время болѣзни, особенно если онъ бѣднякъ или невольникъ. Когда же больной выздоравливаетъ и встаетъ, онъ возвращается къ своимъ. Если же онъ умретъ, его сожигаютъ; но если это рабъ, то оставляютъ его въ такомъ положеніи, пока не съѣдятъ его собаки и хищныя птицы.»

«Поймавъ вора или разбойника, приводятъ его къ высокому, толстому дереву, накидываютъ ему на шею крѣпкую веревку, вѣшаютъ его на дерево и оставляютъ висѣть, пока онъ, отъ долгаго пребыванія на вѣтру и на дождѣ, не распадется на куски...»

«Я пожелалъ присутствовать (при похоронахъ), когда узналъ про смерть знатнаго у нихъ человѣка. Они положили покойника въ могилу и накрыли ее крышкой на десять дней, пока не кончили кроить и шить ему одежду. Это дѣлается такъ: бѣдному человѣку дѣлаютъ небольшую лодку, кладутъ его туда и сжигаютъ, при смерти же богатаго собираютъ его имущество и дѣлятъ его на три

части—треть даютъ семьѣ, на другую треть кроятъ одежду, и за треть покупаютъ горячій (опьяняющій) напитокъ, который они пьютъ въ тотъ день, когда дѣвушка его убиваетъ себя и подвергается сожженію вмѣстѣ со своимъ господиномъ... Они же предаются употребленію вина, упиваются имъ днемъ и ночью, такъ что иной умираетъ съ кружкой въ рукѣ... Когда умираетъ у нихъ вождь, то семья его говоритъ дѣвушкамъ и мальчикамъ (невольницамъ и невольникамъ): «Кто изъ васъ умретъ съ нимъ»? Кто-нибудь изъ нихъ говоритъ: «я»! Когда онъ такъ скажетъ, это уже обязательно для него, ему не позволяется взять слово назадъ, и, еслибъ онъ даже желалъ, это не допускается; большею частію дѣлаютъ это (соглашаются на смерть) дѣвушки (рабыни).»

«Поэтому, когда умеръ тотъ человѣкъ, о которомъ упомянуто выше, сказали его рабынямъ: «Кто умретъ съ нимъ»? и одна изъ нихъ отвѣтила: «я»! Тогда назначили двухъ рабынь, которыя бы стерегли ее и были бы съ ней, куда бы она ни пошла; иногда онѣ даже моютъ ей ноги своими руками. Затѣмъ онѣ занялись покойникомъ, принялись кропить ему платье и приготовлять все потребное (для похоронъ). Невольница-же пила каждый день и пѣла, веселясь и радуясь.»

«Когда же наступилъ день для сожженія господина и рабыни, я пошелъ къ рѣкѣ, гдѣ стояла ладья; и вотъ она уже была вытащена (на берегъ) и для нея сдѣлали четыре подпоры изъ дерева халенджъ и другого дерева, а вокругъ большіе деревянные истуканы, на подобіе людей. Ладью потащили на эти столбы и начали ходить взадъ и впередъ, произнося непонятныя мнѣ слова, а мертвецъ все еще былъ въ своей могилѣ, и его еще не вынимали. Затѣмъ принесли скамью, поставили ее на ладью и покрыли вышитыми коврами, греческими золотыми матеріями и подушками изъ такой же матеріи. Затѣмъ пришла старая женщина, которую называютъ ангеломъ смерти и разостлала на скамьѣ матеріи; она же завѣдуетъ шитьемъ (платья) и приготовляетъ его, она также убиваетъ невольницу; и я видѣлъ ее мрачную, толстую, съ лютымъ видомъ.»

«Когда люди пришли къ могилѣ, они сняли землю съ деревянной крыши могилы, равно какъ и самую крышку, и вынули мертвеца въ саванѣ, въ которомъ онъ умеръ. Тутъ я увидѣлъ, какъ онъ совершенно почернѣлъ отъ холода этой страны. Они раньше положили съ нимъ въ могилу горячій напитокъ, плоды и музыкальный инструментъ; теперь все это было вынуто. Покойникъ, кромѣ цвѣта кожи, ни въ чемъ не измѣнился. На него надѣли шаровары, онучи, сапоги, куртку и кафтанъ изъ золотой ткани съ золотыми пуговицами, на голову же златотканную шапку

съ собольей опушкой. Потомъ понесли его въ находившуюся на на кораблѣ палатку, посадили его на коверъ и подперли подушками, принесли горячій напитокъ, плоды и благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо и лукъ и бросили передъ нимъ; привели также собаку, разрубили ее пополамъ и бросили въ ладью. Затѣмъ, принесли все его оружіе и положили о бокъ съ нимъ; взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, затѣмъ разрубили ихъ мечами и мясо бросили въ ладью; потомъ приведены были два быка, они были также разрублены и брошены въ корабль; наконецъ, принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали и бросили ихъ туда-же. Дѣвушка же, долженствовавшая умереть, ходила взадъ и впередъ по шатрамъ»...

«Въ пятницу по полудни рабыню повели нарочно къ чему-то, напоминающему дверь. Она стала ногами на ладони мужчинъ, посмотрѣла черезъ эту дверь внизъ, сказала что-то на своемъ языкѣ и спустилась на землю. Затѣмъ подняли ее вторично; она сдѣлала то же самое, что въ первый разъ, и ее спустили; подняли ее въ третій разъ, и она вела себя, какъ въ два первые раза. Потомъ подали ей курицу, она отрубила ей голову и бросила прочь; курицу же взяли и бросили въ ладью. Я спросилъ толмача о томъ, что она дѣлала, и онъ мнѣ отвѣтилъ: «Въ первый разъ она сказала — «вотъ вижу отца моего и мать мою»! во второй разъ:—«вотъ вижу всѣхъ умершихъ родственниковъ сидящими!» въ третій же разъ сказала она: — «вотъ вижу моего господина сидящимъ въ раю, а рай прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ находятся взрослые мужчины и отроки, онъ зоветъ меня, поэтому ведите меня къ нему». Ее повели къ ладьѣ, она сняла запястья, бывшія на ней, и подала ихъ старой женщинѣ, называемой ангеломъ смерти— эта женщина убиваетъ ее. Затѣмъ сняла она пряжки, бывшія на ея ногахъ, и отдала ихъ двумъ дѣвушкамъ, прислуживавшимъ ей—это дочери ангела смерти. Потомъ ее подняли на корабль, но не ввели въ палатку. Тутъ подошли мужчины со щитами и палками и подали ей кружку съ хмѣльнымъ напиткомъ; она пѣла надъ нею и выпила ее; толмачъ же сказалъ мнѣ, что это она прощается со своими подругами. Затѣмъ дали ей другую кружку, которую она взяла, а потомъ запѣла длинную пѣсню. Старуха же торопила ее выпить кружку и войти въ палатку, гдѣ ея господинъ. Я видѣлъ ея нерѣшительность — она желала войти въ палатку, но просунула (только) голову между палаткой и ладьей; старуха же взяла ее за голову, ввела ея въ палатку и сама вошла съ ней. Мужчины начали стучать палками по щитамъ для того, чтобы не слышны были звуки ея криковъ и чтобъ это не удержало другихъ дѣвушекъ отъ желанія въ свою очередь

когда либо умереть съ господиномъ. Потомъ вошли въ палатку шесть человѣкъ—и положили дѣвушку рядомъ съ покойникомъ; двое схватили ее за ноги и двое за руки, а старуха, называемая ангеломъ смерти, обвила ей вокругъ шеи веревку, концы дала тянуть двумъ мужчинамъ, сама же подошла съ большимъ широкимъ ножемъ и стала вонзать его рабынѣ между ребрами и вынимать его; а тѣ двое мужчинъ душили ее веревкой, пока она не умерла. Затѣмъ подошелъ ближайшій родственникъ покойнаго, взялъ кусокъ дерева, зажегъ его и пошелъ, пятясь назадъ, къ кораблю, держа въ одной рукѣ дерево, а другую руку за спиной, пока не зажегъ того дерева, которое разложили подъ ладьей, послѣ того уже, какъ положили умерщвленную дѣвушку подлѣ ея господина. Затѣмъ подошли и остальные съ лучинами и дровами; каждый несъ зажженный кусокъ дерева и бросалъ его на костеръ. Огонь скоро охватилъ дрова, а затѣмъ и корабль, и палатку съ мертвецомъ, дѣвушкой и со всѣмъ, что тутъ находилось. Потомъ подулъ грозный вѣтеръ, пламя огня усилилось, и все болѣе бушевала его неукротимая сила.

Подлѣ меня стоялъ кто-то изъ руссовъ и я слышалъ, какъ онъ разговаривалъ съ толмачомъ, находившимся около него. Я спросилъ у толмача, о чемъ тотъ говорилъ съ нимъ, и толмачъ отвѣтилъ, что руссъ сказалъ ему: — «Вы, арабы, глупый народъ, ибо вы берете самаго любимаго и почтеннаго у васъ человѣка и бросаете въ землю, гдѣ его пожираютъ гады и черви. Мы же сжигаемъ его въ огнѣ въ одно мгновеніе, и онъ тотчасъ вступаетъ въ рай.» Затѣмъ онъ захохоталъ во все горло и прибавилъ: «Господь по любви къ нему послалъ вѣтеръ, который въ мигъ его унесетъ». И, дѣйствительно, не прошло часа, какъ ладья, костеръ, мертвецъ и невольница обратились въ пепелъ. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ вытащенный изъ рѣки корабль, насыпали они возвышеніе, подобное круглому холму, врыли въ средину его большое дерево холенджъ (букъ или березу), на которомъ написали имя усопшаго вмѣстѣ съ именемъ русскаго царя (князя), и удалились».

* * *

Не всѣ ученые согласны, что свидѣтельства Ибнъ-Даста, Ибнъ-Фадлана и другихъ восточныхъ писателей относятся къ варягамъ или норманнамъ, хотя они сами говорятъ, что описываютъ бытъ и нравы русп. Многіе полагаютъ, что подъ русью надо разумѣть славянъ, что арабы не умѣли отличить эти племена отъ варяговъ. Именно обычай сожженія покойниковъ встрѣчается у южныхъ и западныхъ сла-

вянъ, и слѣды его часто попадаются въ степяхъ южной Россіи. Весьма вѣроятно, что на Волгѣ въ IX-мъ и особенно въ X-мъ вѣкѣ появлялись одновременно славянскіе и варяжскіе купцы, уже въ то время извѣстные подъ общимъ именемъ «руси». Однако, въ извѣстіяхъ арабовъ ясно указаны именно тѣ черты, какія по словамъ латинскихъ и греческихъ писателей, а также нашей лѣтописи, отличали норманновъ: варягъ и на Волгѣ былъ такимъ же вооруженнымъ купцомъ-викингомъ (или витяземъ), какимъ знали его на Днѣпрѣ и на побережьяхъ Балтійскаго и Чернаго моря; и на Волгѣ онъ больше грабилъ, чѣмъ торговалъ; главной же статьей его торговли были плѣнники; наконецъ, онъ лучше правилъ ладьей, чѣмъ конемъ.

ДОГОВОРЫ РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ.

По соч. *М. Владимірскаго-Буданова* «Обзоръ исторіи русскаго права». Изд. 3-е. Кіевъ. 1900.—*Его-же* «Христоматія по исторіи русскаго права. В. 1. Изд. 2-е. Кіевъ. 1898.—*Н. Карамзина* «Исторія государства россійскаго». Т. I. Изд. 5-е. Спб. 1842.—*С. Соловьева* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I. Изд. 5-е. М. 1874.—*Эверса* «Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи», перев. съ нѣм. Спб. 1835.

I.

Общія замѣчанія.

До насъ дошло всего четыре договора русскихъ съ греками: два договора Олега, одинъ—Игоря и одинъ—Святослава.

Въ 907 г. Олегъ пошелъ на грековъ, собравши множество варяговъ, славянъ ильменскихъ, чуди, кривичей, мери, полянъ, сѣверянъ, древлянъ, радимичей, хорватовъ, дулѣбовъ и тиверцевъ. Побѣдивъ грековъ, онъ заставилъ ихъ заплатить единовременный выкупъ по числу своихъ воиновъ и затѣмъ заключилъ мирный договоръ съ царями Львомъ и Александромъ.

Главные пункты договора заключались: 1) въ обязательствѣ грековъ платить дань русскимъ на каждый изъ старшихъ городовъ, въ которыхъ сидѣли князья—подручники Олега; 2) въ обязательствѣ давать кормъ тѣмъ русскимъ, которые приходятъ въ Царьградъ, а гостямъ русскимъ—мѣсячное содержаніе. Греки же со своей стороны потребовали: 1) чтобы русскіе останавливались въ одномъ изъ предмѣстій Царьграда—«у св. Мамы» (монастырь св. Мамонта), и 2) чтобы они входили въ городъ только одними воротами въ сопровожденіи императорскаго чиновника. Содержаніе этого договора вошло въ нашу лѣтопись. Но здѣсь же находится и другой договоръ Олега, дошедшій до насъ въ полномъ видѣ: въ немъ устанавливается порядокъ отношеній по суду между греками и русскими, находящимися въ Византіи, причемъ русскіе обязываются возвращать имущество грекамъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, устанавливается взаимный выкупъ и возвращеніе на родину рабовъ и плѣнниковъ, говорится о случаяхъ смерти русскихъ въ Византіи и указывается, какъ поступать тогда съ ихъ имуществомъ.

Въ 944 г. пошелъ на Царьградъ Игорь почти со всѣми подвластными племенами и союзниками. Греки заранѣе приготовились къ бою и походъ кончился неудачно для русскихъ. Въ слѣ-

дующемъ году былъ заключенъ новый договоръ съ греками: въ него вошли статьи прежнихъ договоровъ, но внесены были также поправки и дополненія, не выгодныя для русскихъ.

Княгиня Ольга жила съ греками въ мирѣ, но сынъ ея Святославъ возобновилъ войны съ Восточной имперіей. Походъ 971 года кончился для него не удачно, греки остались побѣдителями, и Святославъ въ особомъ договорѣ поклялся «имѣть миръ и совершенную любовь со всякимъ великимъ царемъ Греческимъ... до конца вѣка».

Договоры были написаны на греческомъ языкѣ и тогда-же, въ копіи, назначенной для русскихъ, переведены на славянское нарѣчіе. Переводъ былъ сдѣланъ неискусно и поэтому осталось много темныхъ мѣстъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ.

Всѣ эти договоры являются древнѣйшею записью стараго русскаго закона и обычая. Изъ нихъ мы узнаемъ, напр., каковы были наказанія, какъ наслѣдовались имущества, какъ устроены были управленіе и судъ въ древне-русскихъ княжествахъ; богатый матеріалъ даютъ договоры для характеристики торговыхъ сношеній древней Руси съ греками; здѣсь-же находимъ и древнѣйшее свидѣтельство о распространеніи христіанства въ Русской землѣ.

II.

Договоръ Олега въ 911 году.

«Въ лѣто 6420—говоритъ лѣтопись—послалъ Олегъ мужей своихъ устроить миръ и положить рядъ между греками и Русью»...

Послы говорили:

«Мы отъ рода русскаго—Карлы, Инегелдъ, Фарлафъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемиръ,—посланы отъ Олега, великаго князя Русскаго, и отъ всѣхъ, находящихся подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ, къ вамъ—Льву, Александру и Константину, великимъ о Бозѣ самодержцамъ, царямъ Греческимъ—для укрѣпленія любви, бывшей много лѣтъ между христіанами и Русью, по желанію и повелѣнію нашихъ князей и всѣхъ, кто изъ русскихъ подъ рукою Олега. Мы, наша свѣтлость, болѣе другихъ, желающихъ о Бозѣ укрѣпить такую любовь, бывшую между христіанами и Русью, неоднократно справедливымъ считали утвердить такую любовь по вѣрѣ и по закону нашему не только словесно, но и письменно, съ твердою клятвой, поклявшись оружіемъ»...

Затѣмъ послы установили то, что они считали прежде всего обязательнымъ для обѣихъ договаривающихся сторонъ:

«По первому слову да умиримся съ вами, греки, да любимъ другъ друга отъ всей души и изволенья, и не дадимъ, насколько это отъ насъ зависитъ, быть какому соблазну или винѣ отъ находящихся подъ рукою нашей князей свѣтлыхъ, но постараемся, по мѣрѣ силъ, о сохраненіи на прочіе годы и навсегда не превратной и не постыдной любви съ вами, греки, утвержденной устно и письменно клятвою. Такъ-же и вы, греки, храните такую же любовь къ нашимъ свѣтлымъ князьямъ русскимъ и ко всѣмъ, кто подъ рукою свѣтлаго князя нашего, безъ соблазна и непреложно, всегда и на всѣ годы»...

Далѣе слѣдуютъ статьи о томъ, какъ должно поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаружится какое-нибудь преступленіе:

1) При каждомъ преступленіи должно основываться на ясныхъ показаніяхъ; но при заподозрѣніи свидѣтельства пусть сторона подозрѣвающая клянется въ томъ, что свидѣтельство ложно; пусть всякій клянется по своей вѣрѣ и пусть приметъ казнь, если клялся ложно.

2) Если русинъ убьетъ христіанина, то-есть грека, или христіанинъ русина, то преступникъ пусть умретъ на мѣстѣ; если-же убѣжитъ и оставитъ имѣніе, то оно отдается родственникамъ убитаго, за исключеніемъ той части, которая, по закону, слѣдуетъ женѣ убійцы; если же преступникъ убѣжитъ, не оставивъ имѣнія, то считается подъ судомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ пойманъ и казненъ смертію.

3) За ударъ мечемъ или чѣмъ бы то ни было виноватый платитъ пять литръ серебра по русскому закону; если будетъ не въ состояніи заплатить означенной суммы, то пусть дастъ, сколько можетъ, пусть скинетъ съ себя то самое платье, которое на немъ, и клянется по обрядамъ своей вѣры, что не имѣетъ никого, кто бы могъ заплатить за него,—и тогда искъ прекращается.

4) Если русинъ украдетъ что-либо у христіанина, или христіанинъ у русина, и воръ будетъ пойманъ на кражѣ, то, въ случаѣ сопротивленія, хозяинъ украденной вещи можетъ убить его безнаказанно и взять свое назадъ. Если же воръ отдается безъ сопротивленія, то его должно связать и взять съ него втрое за похищенное.

5) Если кто изъ христіанъ или русскихъ начнетъ мучить, допытываясь, гдѣ имущество, и насиліемъ явно возьметъ что-нибудь, то долженъ заплатить втрое противъ взятаго.

6) Если корабль греческій будетъ выброшенъ вѣтромъ на чужую землю, и случится при этомъ кто-нибудь изъ русскихъ, то они должны охранять корабль съ грузомъ, отослать его назадъ въ землю христіанскую, провожать его чрезъ всякое страшное мѣсто,

пока достигнетъ мѣста безопаснаго; если-же противные вѣтры или мели задержатъ корабль на одномъ мѣстѣ, то русскіе должны помочь гребцамъ и проводить ихъ съ товарами по-здорову, если случится близко тутъ земля Греческая; если же бѣда приключится близъ земли Русской, то корабль проводятъ въ послѣднюю, грузъ продается, и вырученное русь принесетъ въ Царьградъ, когда придетъ туда для торговли или посольствомъ; если же кто на кораблѣ томъ будетъ прибитъ или убитъ русью, или пропадетъ что-нибудь, то преступники подвергаются вышеозначенному наказанію.

7) Если въ какой-нибудь странѣ будутъ держать русскаго или греческаго невольника, и случится въ той странѣ кто-нибудь изъ русскихъ или изъ грековъ, то послѣдній обязанъ выкупить невольника и возвратить его на родину, за что получитъ искупную цѣну или общую цѣну невольника; военноплѣнные также возвращаются на родину; плѣнившій получаетъ общую цѣну невольника.

8) Тѣ изъ русскихъ, которые захотятъ служить императору Греческому, вольны это сдѣлать.

9) Если случится, что русскіе невольники придутъ на продажу изъ какой-нибудь страны къ христіанамъ, а христіанскіе невольники въ Русь, то они продаются по 20 золотыхъ и отпускаются на родину.

10) Если рабъ будетъ украденъ изъ Руси, или уйдетъ самъ, или будетъ насильственно проданъ, и если господинъ раба начнетъ жаловаться, и справедливость жалобы будетъ подтверждена самимъ рабомъ, то послѣдній возвращается въ Русь; также гости русскіе, потерявшіе раба, могутъ искать его и взять обратно; если же кто не позволитъ у себя дѣлать обыска, то этимъ самымъ уже проигрываетъ свое дѣло.

11) Если кто изъ русскихъ, служащихъ христіанскому царю, умретъ, не распорядившись имѣніемъ, и не будетъ около него никого изъ родныхъ, то имѣніе отсылается къ ближнимъ его въ Русь. Если же распорядится, то имѣніе идетъ къ назначенному въ завѣщаніи наслѣднику, который получитъ его отъ своихъ земляковъ, ходящихъ въ Грецію.

12) Если взявшійся доставить это имѣніе, утаитъ его и не возвратится съ нимъ въ Русь, то, по жалобѣ русскихъ, возвращается насильно въ отечество. Такъ точно должны поступать и русскіе относительно грековъ.

Для вѣрнаго исполненія этихъ условій греками и русью рѣшено было написать ихъ на двухъ хартіяхъ. Царь Греческій скрѣпилъ ихъ своею рукою, клялся честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единаго истиннаго Бога и далъ хартію русскимъ посламъ; а тѣ дали ему другую хартію и клялись въ свою очередь по закону и по обычаю своего народа не преступать ни имъ, ни кому либо изъ ихъ страны установленныхъ главъ мира и любви.

Императоръ одарилъ русскихъ пословъ золотомъ, дорогими тканями, платьемъ и, по обычаю, приставилъ къ нимъ людей, которые должны были водить ихъ по церквамъ цареградскимъ, показывать богатство ихъ, также страсти Христовы, мощи святыхъ, причемъ—излагать ученіе вѣры.

Послы возвратились къ Олегу въ 912 году.

III.

Договоръ Игоря въ 945 году.

«Въ лѣто 6453—говоритъ лѣтопись—прислали Романъ, Константитъ и Стефанъ пословъ къ Игорю утвердить прежній миръ. Игорь говорилъ съ ними о мирѣ и послалъ мужей своихъ къ Роману. Романъ же созвалъ бояръ и сановниковъ. Привели русскихъ пословъ и велѣли говорить и писать рѣчи той и другой стороны на хартіи».

Послы говорили:

«Мы отъ рода Русскаго послы и гости—Иворъ, посолъ Игоря великаго князя русскаго, и другіе послы: Вуефастъ—Святослава, сына Игорева; Искусеви—Ольги княгини; Слуды—Игоря, племянника великаго князя отъ сестры; Улѣбъ—Владислава; Каницаръ—Предславинъ. Шихбернъ—Сфандры, жены Улѣбовой; Прастѣнъ—Турдовъ; Либіаръ—Фостовъ; Гримъ—Сфирновъ; Прастѣнъ—Акуна, племянника Игорева отъ сестры; Кары—Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріевлисковъ, Вонковъ; Истръ—Аминодовъ; Прастѣнъ—Берновъ; Ятвягъ—Гунаревъ; Шибридъ—Алдановъ, Колклековъ, Стегіетоновъ, Сфирковъ; Алвадъ—Гудовъ; Фудри—Туадовъ; Мутуръ—Утинъ; купецъ Адунь, Адулбъ, Илвладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурстенъ. Брупы, Роальдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Игельдъ, Турбенъ, Моны, Руальдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьксарь, Вузмѣвъ, Синко, Боричь—посланы отъ Игоря великаго князя Русскаго и отъ всякаго княжья и отъ всѣхъ людей Русской земли. Отъ нихъ заповѣдано (намъ) обновить съ давнихъ лѣтъ ветхій миръ, разорить (козни) ненавидящаго добро и

враждолюбца діавола, и утвердить любовь между греками и русью. Великій князь нашъ Игорь и бояре его и всѣ люди русскіе послали насъ къ Роману и Константину и Стефану, къ великимъ царямъ Греческимъ, сотворить любовь съ самими царями, со всѣмъ боярствомъ и со всѣми людьми греческими на всѣ годы, доколѣ сіяетъ солнце и весь міръ стоитъ».

«Если кто помыслитъ изъ земли Русской разрушить такую любовь, то принявшіе крещеніе да примутъ месть отъ Бога Вседержителя, осужденіе на погибель во весь вѣкъ и въ будущій; а кто не крещенъ, тѣ да не имутъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щитами своими и да посѣчены будутъ мечами своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего и да будутъ рабами во весь вѣкъ и въ будущій».

Далѣе слѣдуютъ статьи договора:

Во первыхъ, великій князь Русскій и бояре его посылаютъ къ великимъ царямъ Греческимъ корабли, сколько хотятъ, съ послами и гостями, какъ постановлено.

Прежде послы носили печати золотыя, а гости серебряныя; теперь же они должны показать грамоту отъ князя своего, въ которой онъ долженъ написать, что послалъ столько-то кораблей; поэтому греки и будутъ знать, что русь пришла съ миромъ. А если придутъ безъ грамоты, то греки будутъ держать ихъ до тѣхъ поръ, пока не обошлются съ княземъ Русскимъ; если же русскіе будутъ противиться задержкѣ вооруженною рукою, то могутъ быть перебиты, и князь не долженъ взыскивать за это съ грековъ; если же убѣгутъ назадъ въ Русь, то греки отпишутъ объ этомъ къ Русскому князю, и онъ поступитъ съ бѣглецами, какъ ему вздумается.

Затѣмъ, послѣ повторенія Олеговыхъ условій о мѣстѣ жительства и содержаніи русскихъ пословъ и гостей прибавлена слѣдующая статья:

Къ русскимъ будетъ приставленъ человѣкъ отъ правительства греческаго, который долженъ разбирать спорныя дѣла между русскими и греками. Русскіе купцы, вошедши въ городъ, имѣютъ право покупать паволоки дороже 50 золотниковъ: всѣ купленныя паволоки должны показывать греческому чиновнику, который кладетъ на нихъ клеймо...

Такой статьи нѣтъ въ договорѣ Олега. Точно также, по новому договору, русскіе не могли болѣе зимовать у св. Мамы.

О бѣглыхъ рабахъ было сказано:

Если убѣжитъ рабъ изъ Руси, или отъ русскихъ, живущихъ у св. Мамы, и если найдется, то владѣльцы имѣютъ право взять его назадъ; если же не найдется, то русскіе должны клясться, христіане и не христіане—каждый по своему закону,—что рабъ

дѣйствительно убѣжалъ въ Грецію, и тогда, какъ постановлено прежде, возьмутъ цѣну раба—двѣ паволоки.

Если рабъ греческій уйдетъ къ русскимъ съ покражею, то должно возвратить и раба, и принесенное имъ въ цѣлости, за что возвратившіе получаютъ два золотника въ награду.

Въ случаѣ покражи, воръ съ обѣихъ сторонъ будетъ строго наказанъ, по греческому закону, и возвратитъ не только украденное, но и цѣну его; если же украденная вещь найдется въ продажѣ, то и цѣну должно отдать двойную.

Если русскіе приведутъ плѣнниковъ христіанъ, то за юношу или дѣвицу добрую платятъ имъ 10 золотниковъ, за среднихъ лѣтъ человѣка 8, за старика или дитя 5; своихъ плѣнниковъ выкупаютъ русскіе за 10 золотниковъ; если же грекъ купилъ русскаго плѣнника, то беретъ за него цѣну, которую заплатилъ, цѣлуя крестъ въ справедливости показанія.

Князь Русскій не имѣетъ права воевать область Корсунскую и ея города: эта страна не покоряется Руси.

Въ случаѣ нужды съ обѣихъ сторонъ обязываются помогать войскомъ.

Если русскіе найдутъ греческій корабль, выброшенный на какой-нибудь берегъ, то не должны обижать находящихся на немъ людей, въ противномъ случаѣ преступникъ повиненъ закону русскому и греческому.

Русскіе не должны обижать корсунцевъ, ловящихъ рыбу въ устьѣ Днѣпровскомъ; русскіе не могутъ зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ и у Св. Еѳерія; но когда придетъ осень, должны возвращаться домой въ Русь. Греки хотятъ, чтобы князь русскій не пускалъ Черныхъ (Дунайскихъ) болгаръ воевать страну Корсунскую.

Если грекъ обидитъ русскаго, то русскіе не должны самоуправствомъ казнить преступника; наказываетъ его греческое правительство.

Дальнѣйшія статьи о томъ, какъ поступать въ уголовныхъ случаяхъ, сходны съ условіями Олегова договора.

И этотъ договоръ былъ написанъ на двухъ хартіяхъ: одна предназначалась для царей Греческихъ; другую, имп подписанную, послы должны были доставить великому князю Русскому Игорю и людямъ его.

Послы Игоревы пришли домой вмѣстѣ съ послами греческими, Игорь призвалъ послѣднихъ къ себѣ и спросилъ: «Что вамъ говорилъ царь?» Тѣ отвѣчали:» Царь послалъ насъ къ тебѣ. Онъ радъ миру, хочетъ имѣть любовь съ княземъ Русскимъ. Твои послы во-

дили нашихъ царей къ присягѣ, а цари послали насъ привести къ присягѣ тебя и мужей твоихъ». Игорь обѣщалъ имъ это. На другое утро онъ призвалъ пословъ и повелъ ихъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ; здѣсь русскіе поклали оружіе свое, щиты, золото, и такимъ образомъ присягалъ Игорь и всѣ люди его, сколько было не крещеной руси; христіанъ-же приводили къ присягѣ въ церкви Св. Иліи: это была «соборная» церковь, потому что многіе варяги уже были христіане. Игорь отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, рабами и воскомъ.

НОВГОРОДЪ И КІЕВЪ.

По соч. *К. Бестужева-Рюмина* «Русская исторія». Т. I. Спб., 1872.—*В. Ключевскаго* «Боярская дума древней Руси». Изд. 3-е. М. 1902.—*С. Соловьева* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Т. I. М., 1874.

I.

Города и земли по пути изъ варягъ въ греки.

Когда славяне, разселившіеся по русской равнинѣ, еще находились подъ властью хазаръ, у нихъ возникли первые города. Положеніе этихъ городовъ на рѣчныхъ путяхъ ясно показываетъ, что они создались благодаря давнему торговому движенію. По великому водному пути «изъ Варягъ въ Греки» размѣстились города: Ладога, Новгородъ, Смоленскъ, Любечь, Кіевъ; на востокъ отъ нихъ расположились Ростовъ, Черниговъ, Переяславль южный, какъ передовые посты русскаго торговаго движенія на Волгу и на Донъ. Каждый изъ этихъ городовъ былъ средоточіемъ большого промышленнаго округа и служилъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, отправлявшихся на далекіе приморскіе рынки.

До IX-го вѣка русская торговля могла безопасно развиваться подъ покровомъ хазарской власти: но уже въ началѣ этого столѣтія владычество хазаръ стало колебаться подъ напоромъ новыхъ кочевниковъ, печенѣговъ; они стали отрѣзывать Русь отъ приморскихъ рынковъ, загораживать торговые пути по Днѣпру, Дону и Волгѣ. Русскимъ городамъ пришлось думать о собственной защитѣ; они начали вооружаться, опоясываться укрѣпленіями, стягивать къ себѣ боевыя силы, выдвигать ихъ на окраины страны, охранять ими свои торговые караваны. Такимъ образомъ торговый городъ сталъ укрѣпленнымъ мѣстомъ; онъ сталъ и политическимъ центромъ, подчинивъ себѣ окружавшую его промышленную область. Эти области старинныхъ большихъ городовъ послужили впослѣдствіи основаніемъ дѣленія Руси на отдѣльныя «земли». Онѣ создались на развалинахъ древнихъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ, не совпадая однако съ ними. На сѣверѣ образовалась земля Новгородская изъ племени ильменскихъ славянъ съ вѣтвью кривичей; далѣе находилась земля Полоцкая изъ части кривичей и дрегови-

чей; еще южнѣе—земля Смоленская, также состоявшая изъ кривичей и вѣтви радимичей, и земля Черниговская — изъ части сѣверянъ, радимичей и большинства вятичей; на среднемъ теченіи Днѣпра находилась земля Переяславская, въ составъ которой входили сѣверяне, и, наконецъ, земля Кіевская, состоявшая изъ полянъ, древлянъ и части дреговичей. Не было ни одной области, которая состояла бы изъ одного цѣльнаго славянскаго племени; большинство ихъ составилось изъ частей разныхъ племенъ, объединенныхъ вокругъ большихъ торговыхъ городовъ.

Но для того, чтобы городу можно было удержать власть надъ подчиненною ему областью, охранять свои торговые интересы и оберегать торговые пути отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ, ему нужна была военная сила. Такую силу славянскія поселенія по рѣчной дорогѣ Волхова—Днѣпра нашли въ лицѣ варяговъ; съ появленіемъ варяговъ въ русскихъ городахъ эта дорога и получила въ лѣтописи названіе «пути изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ». Уже въ началѣ IX-го вѣка появились на Руси эти пришельцы, охранявшіе сношенія Руси съ Византіей.

II.

Новгородъ и его земля.

На двухъ концахъ пути «изъ Варягъ въ Греки» расположены были два города, судьба которыхъ тѣсно связана съ первыми вѣками русской исторіи. То были Новгородъ и Кіевъ. Древнѣйшая исторія ихъ окутана мракомъ; сохранились въ русскихъ лѣтописяхъ лишь отрывочныя преданія объ ихъ первоначальной судьбѣ. Новгородъ, по словамъ лѣтописца, былъ сооруженъ послѣ призванія варяжскихъ князей на мѣстѣ какого-то «стараго» города; въ отличіе отъ послѣдняго онъ и былъ названъ «новымъ». Построенъ онъ былъ Рюрикомъ. По смерти братьевъ Рюрикъ оставилъ Ладогу, гдѣ было поселился первоначально, и пришелъ къ озеру Ильменю, срубилъ надъ Волховомъ «новый» городъ и сѣлъ тутъ княжить. Но вскорѣ послѣ того въ Новгородѣ начались смуты и распри между пришельцами-варягами и туземцами-славянами; много новгородскихъ мужей бѣжало отъ Рюрика въ Кіевъ. Такъ уже первыя извѣстія лѣтописи о Новгородѣ указываютъ на связь его съ Кіевомъ. Изъ Новгорода пошло движеніе варяговъ на югъ: они утвердились въ Кіевѣ, который скоро пріобрѣлъ значеніе главнаго города южной Руси, особенно съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь основался «столъ» великаго князя. Тогда и Кіевъ, въ свою очередь, сталъ

вліять на судьбу Новгорода, посылая въ него своихъ князей на княженіе.

Земля, лежавшая вокругъ озера Ильменя, населена была особымъ племенемъ, сохранившимъ названіе славянъ. Можно предположить, что и до прихода варяговъ главный городъ Славянской земли имѣлъ довольно большое значеніе: недаромъ лѣтопись ставитъ его во главѣ союза, призвавшаго первыхъ князей. Что славяне были коренными жителями города, видно изъ того, что одна изъ частей его долго носила названіе «Славенскаго конца». Весь Новгородъ дѣлился на пять «концовъ»: Славенскій и Плотницкій на правой или «Торговой» сторонѣ Волхова—Неревскій, Загородный и Гончарный, или Людинъ, на лѣвой, «Софійской» сторонѣ рѣки. Здѣсь же находился «дѣтинецъ», въ которомъ въ послѣдствіи воздвигнутъ былъ соборный храмъ св. Софіи. Первоначально концы новгородскіе составляли отдѣльныя поселенія, слободы, а мѣстомъ первой крѣпости было, вѣроятно, «городище» на островкѣ, образуемомъ Волховомъ и его рукавомъ, малымъ Волховцемъ. Только въ послѣдствіи отдѣльныя части слились вмѣстѣ, и построенъ былъ дѣтинецъ. За предѣлами Новгорода начиналась земля Новгородская или земля св. Софіи. Въ ближайшихъ къ Новгороду волостяхъ находились «пригороды», признававшіе надъ собою главенство старшаго города, какъ торговаго и государственнаго центра. Пригородами Новгорода были: Псковъ, Изборскъ, Великіе Луки, Старая Руса, Торжокъ, Бѣжичи. Собственно Новгородская земля дѣлилась на пять «пятинъ», по числу концовъ въ Новгородѣ; къ сѣверо-западу отъ Новгорода находились пятины Водская (между рѣками Волховомъ и Лугою и по Ладожскому озеру) и Обонежская (по обѣ стороны Онежскаго озера до Бѣлаго моря); на востокѣ расположена была пятина Бѣжецкая (до Мсты), на юго-востокъ—пятина Деревская (между рѣками Мстой и Ловатью); наконецъ, на юго-западѣ—пятина Шелонская (между рѣками Ловатью и Лугою). Пятины, въ свою очередь, дѣлились на погосты. За пятинами простирались такъ называемыя волости Новгородскія: Заволочье или Двинская земля (по обѣимъ сторонамъ Сѣверной Двины), Тре (Новгородская Лапландія), Пермь (по Вычегдѣ и Камѣ), Печора (по Уралу и Печорѣ) и Югра (по ту сторону Уральскаго хребта). Такимъ образомъ Новгородъ въ эпоху наивысшаго могущества, въ XII—XIII вѣкахъ, имѣлъ въ своей власти почти всю сѣверную Россію.

III.

Первые князья въ Кіевѣ.

Въ то время какъ на берегу озера Ильменя зарождался могущественый городъ, которому суждено было подчинить себѣ огромныя земельныя пространства, на среднемъ теченіи Днѣпра возникалъ другой центръ древне-русской жизни. Древняя лѣтопись сохранила сказаніе, будто Кіевъ основанъ былъ тремя братьями: Кіемъ, (отъ котораго онъ и получилъ свое названіе), Щекомъ и Хоривомъ; они построили городокъ на высокомъ берегу Днѣпра; потомки ихъ платили дань хазарамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первыми поселенцами Кіева были славяне изъ племени полянъ. Другое преданіе передаетъ, что апостолъ Андрей Первозванный, проходя славянскими землями, остановился на высотахъ надъ Днѣпромъ, водрузилъ на нихъ крестъ и предсказалъ, что на этомъ мѣстѣ будетъ великій городъ, и много церквей воздвигнется, и благодать Божія возсіяетъ на горахъ этихъ.

Достовѣрныя историческія извѣстія о Кіевѣ относятся къ первымъ годамъ послѣ призванія варяговъ: вслѣдствіе смутъ въ Новгородѣ при Рюрикѣ многіе оттуда перебѣжали въ Кіевъ; здѣсь постепенно утверждалось новое варяжское княжество. Уже Аскольдъ и Диръ, по свидѣтельству лѣтописи, собрали около себя много варяговъ и начали владѣть землею полянъ; окрестные жители должны были подчиниться имъ; они стали воевать съ печенѣгами, древлянами и дунайскими болгарами. Мало по малу въ Кіевъ, въ это искони сборное мѣсто для варяговъ, снаряжавшихся въ Черное море, стали стекаться варяжскія дружины въ такомъ числѣ, что Аскольдъ и Диръ могли произвести свой вооруженный набѣгъ на Византію. Извѣстно, что попытка ихъ не удалась: буря разбила русскія суда.

Владѣніе, основанное первыми варяжскими выходцами въ Кіевѣ, не могло имѣть однако надлежащей прочности: оно основано было сбродною шайкой искателей приключеній, которые не могли утвердить устойчивый порядокъ до временъ Олега.

IV.

Княженіе Олега въ Кіевѣ.

Первые три года по смерти Рюрика Олегъ пробылъ въ Новгородѣ, но затѣмъ двинулся внизъ по Днѣпру и овладѣлъ Кіевомъ. Такимъ образомъ два конца великаго воднаго пути соединились подъ одной властью. Изъ Кіева Олегъ не пошелъ дальше на югъ; этому способствовало всего болѣе мѣстоположеніе Кіева: онъ находился тамъ, гдѣ Днѣпръ, принявъ самые большіе притоки свои справа и слѣва, Припеть и Десну, поворачиваетъ на востокъ въ степи, жилища кочевыхъ народовъ. Здѣсь должна была утвердиться главная защита новаго владѣнія со стороны степей; здѣсь же собирались и русскія суда, отправлявшіяся въ Черное море съ торговой и военной цѣлью. Такъ,первая русская государственная область образовалась по берегамъ главнаго рѣчного пути, опираясь на два его конца, сѣверный въ Новгородѣ и южный въ Кіевѣ. Отсюда понятна постоянная, тѣсная связь между Новгородомъ и Кіевомъ, понятно, почему Новгородъ всегда доставался въ послѣдствіи въ удѣлъ старшему князю, сыну или брату великаго князя Кіевскаго.

Утвердившись въ Кіевѣ, Олегъ сталъ строить острожки вокругъ города для защиты со стороны степей и для укрѣпленія своей власти въ странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему нужно было опредѣлить свои отношенія къ племенамъ, жившимъ на покинутомъ имъ сѣверномъ концѣ воднаго пути; онъ наложилъ дань на славянъ новгородскихъ, кривичей и мерю; новгородцы, кромѣ того, обязаны были платить ежегодно 300 гривенъ для содержанія наемной дружины изъ варяговъ.

Выросшіе на великомъ водномъ пути большіе торговые города нуждались въ защитѣ отъ нападеній со стороны внѣшнихъ враговъ. Въ виду этого они принуждены были обзавестись стражей для себя и своихъ торговыхъ каравановъ. Варяжскіе гарнизоны славянскихъ городовъ скоро оказались однако сильнѣе туземнаго населенія. Наибольшаго значенія они достигли въ княженіе Олега. Олегъ захватилъ города по всему рѣчному пути Волхова-Днѣпра, кончая главнымъ изъ нихъ—Кіевомъ. Такимъ образомъ, помощь, которую ожидали славяне отъ варяговъ, обратилась противъ нихъ-же самихъ; торговые центры славянскихъ земель, охраняемые варяжскими гарнизонами, сдѣлались опорными пунктами господства варяжскихъ князей, предводителей этихъ гарнизоновъ по всей окрестной странѣ.

Это новое значеніе городовъ и выразилось особенно ярко въ дѣятельности Олега, послѣ того какъ онъ прочно утвердился въ

Кіевѣ. Построивъ города и установивъ дани у племенъ сѣверныхъ, онъ сталъ покорять себѣ другія славянскія племена, жившія къ востоку и западу отъ Днѣпра. Прежде всего Олегъ идетъ на древлянъ, у которыхъ давно шла вражда съ полянами; древляне не поддались добровольно Русскому князю; ихъ нужно было «примучить», чтобъ заставить платить дань — по черной куницѣ съ жилья. Въ слѣдующемъ году Олегъ пошелъ на сѣверянъ, побѣдилъ ихъ и наложилъ на нихъ дань. До тѣхъ поръ они дань платили хазарамъ, но Олегъ велѣлъ имъ сказать: «я врагъ хазарамъ, а вовсе не вамъ», и наложилъ на нихъ легкую дань, чтобъ показать имъ выгоду русской зависимости передъ хазарскою. Точно также поступилъ онъ съ радимичами, которымъ послалъ сказать: «Не давайте дани хазарамъ, а давайте лучше мнѣ». Радимичи не оказали Олегу сопротивленія и стали платить ему тѣ же два шляга отъ рала, которые давали хазарамъ. Не такъ легко было справиться съ племенами, которыя прежде были независимы и никому дани не платили; однако Олегу удалось покорить дулѣбовъ, хорватовъ и тиверцевъ. Когда такимъ образомъ подъ властью Олега соединились многочисленныя славянскія племена, онъ предпринялъ походъ на Царьградъ и заключилъ съ имперіей договоръ, который обезпечилъ права русскихъ купцовъ.

V.

Управленіе Кіева и Новгорода при первыхъ князьяхъ.

Таковы были ближайшія послѣдствія господства варяговъ на великомъ водномъ пути. Захватъ этого пути совершался постепеннымъ завоеваніемъ одного города за другимъ: сначала варяги утвердились въ Ладогѣ, затѣмъ въ Новгородѣ съ его пригородами, далѣе въ Смоленскѣ, въ Любечѣ, наконецъ—въ Кіевѣ. Такъ изъ города сѣвернаго они спускались въ южный, пока не дошли до Кіева. Повсюду князья оставляли свою стражу и одного или нѣсколько «мужей» во главѣ, возлагая на нихъ обязанность оберегать города и приводить въ покорность окрестное населеніе. Такъ городовыя волости обращались въ княжества. Но въ старшихъ городахъ варяжскія дружины находили уже туземное исконное управленіе. Еще до прихода варяговъ каждый городъ получилъ важное государственное и торговое значеніе; вслѣдствіе этого въ немъ имѣлъ особый вѣсъ классъ вооруженныхъ купцовъ и промышленниковъ, стоявшихъ во главѣ управленія. Все вооруженное населеніе города дѣлилось на десять ротъ или «сотенъ», изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на «десятки»; такимъ образомъ весь городъ

составлялъ полкъ или «тысячу». Этой тысячей командовалъ «тысяцкій», какъ военный управитель города; ему подчинены были предводители частей тысячи, «сотскіе» и «десятскіе». Только главные города старинныхъ областей образовали полныя тысячи; младшіе города или пригороды не были такими цѣльными полками или тысячами, хотя дѣлились на сотни, подобно старшимъ. Тысяцкіе, сотскіе и десятскіе выбирались на городскомъ вѣчѣ мѣстной военно-купеческой старшины, которая имѣла въ своихъ рукахъ управленіе городомъ и его областью. Эту торговую знать городовъ лѣтопись называетъ «нарочитыми мужами», а выходившихъ изъ ея среды городскихъ управителей—«старцами градскими» или «старѣйшинами по всѣмъ градомъ». Подъ предсѣдательствомъ ихъ собиралось «вѣче», собраніе всѣхъ горожанъ; обязанность собирать вѣче и руководить имъ впослѣдствіи лежала на «посадникѣ»; но выборный посадникъ появился уже послѣ того, какъ въ городахъ утвердились варяжскіе князья; первоначально онъ назначался княземъ и былъ его намѣстникомъ. Посадникъ дѣлилъ свою власть съ тысяцкимъ, исконнымъ главою города.

Такъ выразилось новое положеніе города, созданное господствомъ первыхъ русскихъ князей. До утвержденія велико-княжескаго стола въ Кіевѣ городъ былъ вольной общиной, находившейся подъ управленіемъ мѣстной военно-промышленной знати. Но съ появленіемъ князей положеніе измѣнилось. Пришлые князья съ ихъ дружинами получили перевѣсъ надъ прежнимъ правительственнымъ классомъ въ городѣ, городъ сталъ военнымъ княжествомъ. Особенно замѣтно это на судьбѣ Кіева, гдѣ издавна скоплялось много варяговъ; здѣсь былъ исходный пунктъ смѣлыхъ предпріятій на востокъ и на югъ, сюда сходились главныя рѣчныя дороги Руси; князь, занимавшій Кіевъ, держалъ въ своихъ рукахъ нити русской промышленности. Отсюда понятно соперничество между князьями за этотъ городъ: Олегъ погубилъ за него Аскольда и Дира, Владиміръ, двинувшись изъ Новгорода, истребилъ Полоцкаго князя Рогволода съ сыновьями и убилъ собственнаго брата, Кіевскаго князя Ярополка. Понятно также, какимъ образомъ потомки Владиміра, пользуясь важнымъ торгово-промышленнымъ значеніемъ Кіева, постепенно стянули въ свои руки разрозненныя части Русской земли. Въ этомъ отношеніи и оказала помощь князьямъ военно-торговая знать городовъ. Этотъ классъ сталъ собираться подъ знаменами Кіевскаго князя, видя въ немъ оплотъ своихъ торговыхъ интересовъ, охранителя торговыхъ путей. Но, содѣйствуя усиленію Кіевскаго князя, военно-торговая знать сама становилась въ зависимость отъ него, вступала на службу въ его дружину, образуя новое сословіе «княжихъ мужей» и теряя свою прежнюю самостоятельность вольной городо-

вой старшины. Такимъ образомъ, во главѣ города постепенно стали два правящихъ класса: княжеская дружина съ «княжими мужами» и «боярами», и прежняя военно-торговая знать, «нарочитые мужи» съ представителями ихъ — «старцами градскими», тысяцкимъ и другими должностными лицами. Въ «думѣ», совѣтѣ Кіевскаго князя, засѣдали представители обоихъ классовъ, княжи мужи и старцы градскіе. На этомъ все-таки дѣло не остановилось: княжеская дружина понемногу стала получать перевѣсъ надъ городскою знатью. Уже въ XI-мъ вѣкѣ тысяцкій пересталъ избираться горожанами, а назначался княземъ; городскіе старѣйшины либо теряли свой вѣсъ въ правительствѣ, либо переходили на службу князя; выдвигался классъ «бояръ», членовъ княжеской дружины, занявшихъ мѣста городской знати въ управленіи городомъ. Городовая старѣйшина сохранила свое значеніе только на вѣчѣ; она руководила вѣчемъ и являлась посредницей между нимъ и княземъ.

Такимъ образомъ, отъ прежняго устройства городского управленія къ XII-му вѣку осталась княжеская «боярская «дума» и народное собраніе—«вѣче». Дальнѣйшая судьба обоихъ учрежденій была различна въ двухъ центрахъ древне-русской жизни, въ Новгородѣ и Кіевѣ. Въ Новгородѣ вѣче получило первостепенное значеніе; князь являлся въ Новгородъ по договору, оставался въ немъ не по-долгу, и потому «дума» его не могла имѣть большого вліянія на городскія дѣла; самое пребываніе князя въ городѣ находилось въ зависимости отъ рѣшенія вѣча. Напротивъ того, въ Кіевѣ, стольномъ городѣ великаго князя, «дума» боярская получила рѣшающее значеніе на ходъ городскихъ дѣлъ; вѣче собиралось рѣдко, въ наиболѣе важныхъ случаяхъ; оно часто созывалось не горожанами, а самимъ княземъ.

* * *

На судьбѣ городского управленія Новгорода и Кіева отразилось ихъ значеніе въ государственной и хозяйственной жизни страны: Новгородъ былъ торговымъ городомъ, и управленіе его осталось въ рукахъ торговой знати: онъ сохранилъ до конца своего самостоятельнаго существованія черты вольной купеческой общины. Кіевъ былъ военнымъ княжествомъ на окраинѣ степи, потому и управленіе его сосредоточилось въ рукахъ военныхъ людей—князя съ его дружиной, оберегавшихъ отъ нападеній извнѣ зависимое отъ нихъ торговое населеніе города.

КРЕЩЕНІЕ РУСИ.

По соч. *В. Васильевскаго* «Русско-Византійскіе отрывки», II: «Къ исторіи 976—986 годовъ», Ж. М. Н. П. 1876, ч. CLXXXIV, отд. 2, стр. 117—187;—*Е. Голубинскаго* «Исторія Русской Церкви», т. I, 1-я половина, М. 1880;—*С. Соловьева* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». т. I, М. 1874.

I.

Христіанство на Руси до Владиміра.

Великій князь Владиміръ, принявъ крещеніе, въ 988 году крестилъ въ Кіевѣ всѣхъ русскихъ и сдѣлалъ христіанство общей вѣрой во всей странѣ. Но еще прежде, чѣмъ стать вѣрой господствующей, христіанство довольно долгое время, не менѣе полувѣка, существовало на Руси рядомъ съ язычествомъ. Уже при Игорѣ было среди варяговъ не мало христіанъ. Изъ лѣтописи мы узнаемъ, что послы греческіе, прибывшіе изъ Константинополя въ Кіевъ, послѣ заключенія договора 944 года, приводили къ присягѣ Игоря и его бояръ, причемъ крещеные изъ нихъ ходили на «роту» (т. е. на присягу) въ церковь св. Иліи; по этому поводу лѣтописецъ замѣчаетъ: «мнози бо быша варязи хрестьяни». Въ самомъ договорѣ варяги, давая обязательство соблюдать заключаемый миръ, подраздѣляются на язычниковъ и на тѣхъ, которые «пріяли крещенье». Можетъ быть, благодаря этимъ варягамъ-христіанамъ и появилась тогда на Руси грамотность. До 944 года—узнаемъ мы изъ договора—послы и купцы русскіе, приходя въ Константинополь, приносили съ собой вмѣсто грамотъ (паспортовъ) печати; а при заключеніи новаго договора греки потребовали, чтобъ на будущее время послы и купцы русскіе приходили съ грамотами и чтобъ въ этихъ грамотахъ обозначалось, сколько кораблей пришло въ караванѣ. Если русскіе приняли это условіе, ясно, что такія грамоты они могли получать отъ своихъ князей и что поэтому въ Кіевѣ были люди, умѣвшіе писать.

Распространенію христіанства среди варяжской дружины Игоря способствовало несомнѣнно то обстоятельство, что многіе изъ дружинниковъ, служившихъ Русскому князю, побывали въ Царьградѣ,

гдѣ и познакомились съ новой вѣрой. Очень возможно, что и самъ Игорь въ концѣ своего княженія стоялъ на сторонѣ христіанъ, и если не принялъ открыто христіанства, опасаясь негодованія своихъ дружинниковъ-язычниковъ, то былъ въ душѣ христіаниномъ. Въ этомъ отношеніи могла вліять на него и жена его Ольга, по смерти его открыто принявшая христіанство.

Крещеніе Ольги слѣдуетъ приписать примѣру тѣхъ же варяговъ-христіанъ. Постоянно приходя съ ними въ соприкосновеніе, Ольга не могла не обратить на нихъ вниманія. Какъ женщина съ умомъ выдающимся, она ясно сознала все преимущество и высоту христіанскаго ученія передъ язычествомъ и видѣла, что христіанство есть вѣра почти всѣхъ народовъ Европы, и во всякомъ случаѣ—лучшихъ между ними.

Ѣздила-ли Ольга въ Константинополь для того, чтобы креститься (какъ говоритъ наша лѣтопись), или приняла христіанство въ Кіевѣ до своей поѣздки въ Царьградъ, этотъ вопросъ трудно рѣшить; но важенъ самый фактъ проникновенія христіанства въ семью варяжскихъ князей, владѣвшихъ Русью. Посѣянное Ольгой сѣмя возросло не въ кратковременное княженіе сына ея Святослава, который былъ слишкомъ занятъ своими походами и набѣгами, чтобъ заботиться о религіи, а при внукѣ ея, Владимірѣ. Святославъ не подвергалъ христіанъ гоненію, оставлялъ имъ полную свободу, но при этомъ не оказывалъ имъ расположенія. Преемникъ его Ярополкъ, старшій сынъ его, не успѣлъ ничего сдѣлать ни во вредъ христіанству, ни въ пользу его: онъ былъ убитъ братомъ своимъ Владиміромъ, которому и выпало на долю ввести христіанство на Русь и тѣмъ сдѣлать свой народъ членомъ семьи европейскихъ народовъ.

II.

Крещеніе Владиміра.

Крещеніе Владиміромъ Руси сдѣлалось, съ самаго появленія русской письменности, однимъ изъ любимыхъ предметовъ описанія для древне-русскихъ книжниковъ: о немъ повѣствуютъ монахъ Іаковъ, составитель похвалы князю Владиміру, и митрополитъ Иларіонъ, писавшій поученія и проповѣди, и составитель сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ; обширное сказаніе о принятіи Владиміромъ христіанства и крещеніи Руси было включено также въ начальную лѣтопись. Это сказаніе, служитъ главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ описываемомъ событіи, хотя многое оно представляетъ

не въ достовѣрномъ видѣ и во во многомъ не сходится съ другими показаніями.

Вотъ какъ описываетъ сказаніе событія, предшествовавшія крещенію Владиміра:

Въ 986 году пришли къ Владиміру болгары вѣры Магометовой и стали склонять его принять ихъ вѣру. Когда они объяснили, въ чемъ она состоитъ и сказали между прочимъ, что законъ ихъ запрещаетъ имъ пить вино, Владиміръ не захотѣлъ ихъ слушать, сказавъ: «Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти». Потомъ пришли нѣмцы, присланные папой, и стали также убѣждать Владиміра перейти въ ихъ вѣру. Но Владиміру не по душѣ пришлась ихъ вѣра. Слыша объ этомъ, явились къ нему жиды хазарскіе и пытались склонить его къ своей вѣрѣ; но когда Владиміръ услыхалъ, что Богъ прогнѣвался на нихъ, расточилъ ихъ по разнымъ землямъ, а ихъ землю предалъ христіанамъ, то отвѣтилъ имъ: «Какъ же вы другихъ учите, когда сами отвержены Богомъ и расточены? Или вы хотите, чтобъ и съ нами случилось тоже?»

Такъ, по словамъ сказанія, отвергъ Владиміръ всѣ предложенныя ему вѣры. Тогда-то явился къ нему «философъ», посланный греками, и пространно изложилъ ему догматы православія, священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, а въ заключеніе показалъ ему картину, на которой были изображены муки грѣшниковъ въ аду и блаженство праведниковъ въ раю. Владиміръ сказалъ: «Добро симъ одесную, горе же симъ ошую». «Аще хощеши одесную съ праведными стати, то крестися», сказалъ проповѣдникъ. Владиміръ обѣщалъ подумать и отпустилъ его съ честью великой. Послѣ того созвалъ Владиміръ бояръ своихъ и старцевъ градскихъ и сталъ съ ними совѣтоваться о выборѣ вѣры. Бояре и старцы предложили ему послать мужей, чтобъ испытать службу каждаго изъ приходившихъ, какъ они служатъ Богу. Владиміръ послѣдовалъ этому совѣту и отрядилъ десять мужей сначала къ болгарамъ, потомъ къ нѣмцамъ, и наконецъ —къ грекамъ. У болгаръ и у нѣмцевъ не понравилось посланнымъ, но когда они пришли въ Царь-градъ, императоръ велѣлъ убрать церковь и совершить въ ней богослуженіе съ особой торжественностью. Патріархъ созвалъ весь свой причтъ, велѣлъ зажечь множество свѣчей и служить, какъ это обычно въ праздники. Послы Владиміра дивились благолѣпію греческой службы и, вернувшись въ Кіевъ, разсказали своему князю и дружинѣ его все, что они видѣли у другихъ народовъ. Изо всѣхъ службъ они похвалили только греческую, говоря, что, находясь въ церкви, не знали, на небѣ они были или на землѣ, ибо на землѣ нельзя видѣть зрѣлища такой красоты. Выслушавъ пословъ, бояре сказали Владиміру: «Еслибъ худъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка

твоя Ольга, которая была мудрѣйшею изъ всѣхъ людей». Владиміръ спросилъ: «Такъ гдѣ крестимся?» «Гдѣ любо тебѣ», отвѣчали бояре.

Въ 988 году Владиміръ пошелъ на греческій городъ Корсунь и обложилъ его. Корсуняне долго не хотѣли сдаваться. Наконецъ, одинъ илъ жителей Корсунскихъ, по имени Анастасъ, далъ знать Владиміру, какъ можно принудить городъ къ сдачѣ. Онъ посовѣтовалъ перекопать водопроводы и отвести воду изъ города. Владиміръ воспользовался совѣтомъ, причемъ далъ обѣтъ принять крещеніе въ случаѣ удачи. Средство подѣйствовало: корсуняне, изнемогая отъ жажды, принуждены были сдаться. Владиміръ съ дружиною вступилъ въ городъ и послалъ сказать Греческимъ царямъ Василію и Константину, что если они не отдадутъ за него свою сестру Анну, то онъ возьметъ и Константинополь. Но цари не могли согласиться выдать сестру свою за язычника, и требовали, чтобъ Владиміръ крестился. Владиміръ велѣлъ отвѣчать царямъ, что онъ крестится, ибо вѣра ихъ ему люба. Тогда цари умолили сестру свою отправиться въ Корсунь, хотя она и противилась этому браку, говоря: «Иду какъ бы въ полонъ, лучше мнѣ здѣсь умереть». Но братья возражали ей: «Черезъ тебя Богъ обратитъ Русскую землю къ покаянію, а Греческую избавитъ отъ лютой войны; не видишь-ли ты, сколько зла сотворили русскіе грекамъ? И теперь, если ты не пойдешь, такое же зло сдѣлаютъ они и намъ». Анна съ трудомъ согласилась отправиться въ Корсунь. По прибытіи ея, у Владиміра разболѣлись глаза, и онъ ослѣпъ. Тогда Анна послала ему сказать, что если онъ хочетъ исцѣлиться, то долженъ креститься немедленно. Владиміръ согласился и былъ окрещенъ епископомъ Корсунскимъ; когда епископъ возложилъ на него руки, онъ вдругъ прозрѣлъ. Пораженный Владиміръ воскликнулъ: «Теперь я позналъ Бога истиннаго». Въ крещеніи наречено было ему имя Василій.

Такъ разсказываетъ лѣтописная повѣсть о принятіи Владиміромъ христіанства. Въ этой повѣсти, составленной много лѣтъ спустя послѣ крещенія Руси, въ началѣ XII вѣка, далеко не все можно признать достовѣрнымъ. Прежде всего, неправдоподобенъ разсказъ о пріѣздѣ въ Кіевъ проповѣдниковъ разныхъ вѣръ и объ отправленіи Владиміромъ пословъ для испытанія этихъ вѣръ. Объ этомъ ничего не знаютъ ни митрополитъ Иларіонъ, ни монахъ Іаковъ, ни преподобный Несторъ Печерскій, а между тѣмъ они были ближе къ событію, чѣмъ составитель вставленнаго въ лѣтопись сказанія. Митрополитъ Иларіонъ, напротивъ, отмѣчаетъ, что Владиміръ принялъ христіанство по внутреннему побужденію, не бывъ никѣмъ къ нему призываемъ. То же самое говоритъ Іаковъ въ своей «Похвалѣ князю Владиміру», указывая только, что на него особенно повліялъ примѣръ бабки его Ольги.

Если даже предположить, что къ Владиміру приходили проповѣдники разныхъ вѣръ, то является непонятнымъ, почему тогда понадобилось Владиміру посылать своихъ пословъ для испытанія вѣръ; необходимо думать, что не убѣжденный ни однимъ изъ проповѣдниковъ другихъ народовъ, онъ былъ убѣжденъ проповѣдникомъ греческимъ, послѣ чего и совершилось, безъ всякаго выбора вѣръ, припятіе имъ вѣры православной.

Относительно похода Владиміра на Корсунь, такъ мало вяжущагося съ желаніемъ Владиміра принять христіанство, слѣдуетъ также допустить возможность ошибки или вымысла со стороны автора сказанія. Изъ византійскихъ и арабскихъ писателей мы узнаемъ, что походъ этотъ произошелъ не въ 988 году, а два или три года спустя; тоже говоритъ монахъ Іаковъ. Бракъ Владиміра на греческой царевнѣ и его крещеніе сопровождались сближеніемъ между Византіей и Русью; въ то время Византія была со всѣхъ сторонъ тѣснима врагами, и Владиміръ, породнившись съ Греческимъ императорскимъ домомъ, оказалъ Византіи помощь въ ея борьбѣ съ болгарами (Дунайскими). Въ бракѣ Владиміра съ Византійской царевной играли роль политическія причины; руссы были врагами императора, когда онъ принужденъ былъ обратиться къ ихъ помощи; Владиміръ и обусловилъ эту помощь бракомъ съ сестрой императора Василія, который въ свою очередь потребовалъ, чтобы Русскій князь принялъ христіанство. Такимъ образомъ, бракъ Владиміра на Аннѣ является, согласно извѣстіямъ византійцевъ и арабовъ, не заключительнымъ событіемъ въ исторіи крещенія Владиміра, а исходной его точкой.

Можно предполагать, что Владиміръ былъ вообще расположенъ къ христіанству съ самаго начала своего княженія, и что крещенъ онъ былъ кѣмъ-нибудь изъ варяговъ-христіанъ, которыхъ много было въ Кіевѣ. Примѣръ Игоря и Ольги подѣйствовалъ на него, хотя подобно послѣдней, онъ, вѣроятно, не сразу рѣшился открыто объявить себя христіаниномъ. Мы знаемъ также, что среди женъ Владиміра-язычника было много христіанокъ. Бракъ его съ царевной Анной далъ ему возможность открыто объявить себя христіаниномъ. Но на этомъ остановиться нельзя было, нужно было довершить начатое дѣло, т. е. обратить въ христіанство и весь народъ русскій. Владиміръ и стремился къ этому, ибо вполнѣ сознавалъ превосходство христіанскаго ученія надъ язычествомъ.

III.

Крещеніе Руси.

Язычество среди русскихъ славянъ никогда не принимало опредѣленныхъ формъ, не достигало широкаго развитія. Мы знаемъ, что это было преимущественно поклоненіе силамъ природы, но славяне не олицетворяли ихъ въ яркіе образы; всѣ ихъ боги, кромѣ быть можетъ одного Перуна, являются туманными, расплывчатыми воплощеніями отдѣльныхъ силъ природы, и въ разныхъ мѣстностяхъ русской равнины носятъ разныя имена. Въ язычествѣ славянъ не было единства, не было и выработанной религіозной системы. Вслѣдствіе этого, почва для принятія христіанства была благопріятна, и распространеніе его не стоило тѣхъ усилій, какія потребовались для того же въ другихъ странахъ.

Вотъ какъ повѣствуетъ о крещеніи Руси сказаніе, которое внесено въ начальную лѣтопись: Послѣ того какъ Владиміръ крестился въ Корсуни, онъ отправился въ Кіевъ съ царицею и съ Анастасомъ, предавшимъ ему городъ, и со священниками. Корсунь онъ возвратилъ грекамъ, какъ «вѣно» за свою жену. Прибывъ въ Кіевъ, онъ велѣлъ прежде всего уничтожить идоловъ; однихъ разбивали, другихъ сжигали. Идолъ Перуна, стоявшій на горѣ, привязанъ былъ къ хвосту лошади, и 12 человѣкъ толкали его съ горы въ Днѣпръ. Народъ плакалъ, смотря на поруганіе своего кумира. Владиміръ же велѣлъ своимъ людямъ отталкивать отъ берега плывущій по рѣкѣ идолъ, чтобъ какъ нибудь онъ не прибылъ. Въ тотъ же день онъ оповѣстилъ по всему городу, чтобъ на слѣдующее утро являлись всѣ креститься на Днѣпръ. Утромъ пришелъ Владиміръ на берегъ рѣки съ духовенствомъ; народу сошлось безъ числа; люди съ радостью шли креститься, говоря: «еслибы въ этомъ не было добра, то князь и бояре не приняли бы крещенія». Всѣ вошли въ воду, кто по шею, кто по грудь, дѣтей держали на рукахъ; священники читали молитвы на берегу. Когда таинство было окончено, народъ разошелся по домамъ. Владиміръ же дѣятельно принялся за распространеніе христіанскаго ученія: началъ строить церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли языческіе кумиры, поставилъ въ Кіевѣ церковь св. Василія на томъ самомъ холмѣ, гдѣ находился идолъ Перуна, воздвигъ церкви и въ другихъ городахъ, сталъ приводить людей къ христіанству по всѣмъ городамъ и селамъ, велѣлъ брать у родителей дѣтей для обученія ихъ грамотѣ; только въ первое время матери ихъ, еще не утвердившіяся въ но-

вой вѣрѣ, плакали по нимъ, какъ по мертвымъ. Такъ сбылось въ русской землѣ пророчество: «во оны дни услышатъ глухіе словеса книжныя и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ».

Разсказъ о крещеніи Руси, какъ и все сказаніе, внесенное въ начальную лѣтопись, не можетъ быть цѣликомъ принятъ на вѣру. Мы уже видѣли, что ставить крещеніе въ связь съ походомъ Владиміра на Корсунь нельзя, ибо это событіе произошло послѣ принятія христіанства. Неправдоподобнымъ представляется и то, что Кіевляне съ радостью шли креститься; нѣтъ сомнѣнія, что были между ними и такіе, которые дѣлали это не по внутреннему убѣжденію, а изъ страха наказанія; недаромъ народъ плакалъ, когда сбросили въ Днѣпръ Перуна, недаромъ также оплакивали матери своихъ дѣтей, когда ихъ отдавали въ христіанскія школы. На сказаніе о крещеніи Руси, вообще говоря, слѣдуетъ смотрѣть какъ на преданіе и какъ на памятникъ древней литературы, или книжности: въ немъ допущены многочисленныя отступленія отъ истиннаго хода событій, и узнать этотъ послѣдній нѣтъ возможности за отсутствіемъ другихъ данныхъ.

Арабскій писатель, разсказывая о принятіи Владиміромъ христіанства, говоритъ, что немедленно послѣ того «царь Руссовъ» пошелъ со всѣмъ своимъ войскомъ на помощь къ императору Василію и соединился съ нимъ. Объ этомъ походѣ ничего не знаетъ сказаніе и повѣствуетъ о крещеніи народа въ Кіевѣ вслѣдъ за разсказомъ о взятіи Корсуни и крещеніи Владиміра.

IV.

Распространеніе христіанства на Руси.

Въ 991 году прибылъ въ Кіевъ первый митрополитъ изъ Византіи Леонъ, вмѣстѣ съ епископами и прочимъ духовенствомъ. Такъ положено было начало самостоятельному существованію Русской церкви подъ главенствомъ Константинопольскаго патріарха. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибытіе духовенства дало возможность Владиміру дѣятельно приняться за распространеніе православной вѣры въ другихъ областяхъ Русской земли. Можно полагать, что Владиміру удалось окрестить всю собственную Русь, т. е. ту часть ея, которая населена была славянскимъ племенемъ; крещеніе же инородцевъ произошло при преемникахъ Владиміра. Собственную Русь составляли: Новгородскіе славяне, вся часть Руси Заднѣпровской, начиная съ кривичей и кончая частью тиверцевъ, сидѣвшихъ на Днѣстрѣ, и Русь, лежащая по правую сторону Днѣпра, т. е.

сѣверяне и древляне. Только два славянскихъ племени не вошли въ число окрещенныхъ при Владимирѣ племенъ, вятичи и радимичи; но расположенные вдали отъ Днѣпровскаго воднаго пути и окруженные почти со всѣхъ сторонъ инородцами, они остались въ сторонѣ отъ того просвѣтительнаго движенія, которое изъ Кіева пошло вверхъ по Днѣпру; кромѣ того, благодаря сосѣдству съ инородцами, эти два племени долгое время мало сознавали себя принадлежащими къ одной съ другими племенами семьѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Владимиръ лично принималъ дѣятельное участіе въ крещеніи большей части русскихъ областей и заботился о водвореніи въ нихъ христіанства. Нельзя думать, что крещены были всѣ до одного человѣка; были и такіе, которые уклонялись отъ крещенія и которыхъ разыскивать не было возможности. Но важно то, что язычество, благодаря введенію христіанства, становилось вѣрой запрещенной, такъ что уже нельзя было явно его придерживаться.

Пріѣздъ митрополита и епископовъ на Русь сопровождался раздѣленіемъ Русской земли на епархіи, во главѣ которыхъ поставлены были епископы, подчиненные митрополиту. Число епархій, учрежденныхъ при Владимирѣ, неизвѣстно въ точности; мы знаемъ только, что, кромѣ Переяславля, мѣстопребыванія митрополита, были епископы въ Новгородѣ, Черниговѣ, Ростовѣ, Владимирѣ Волынскомъ и Бѣлгородѣ. Можетъ быть, ко времени Владимира относится также открытіе епархій Туровской, Полоцкой и Тмутараканской, хотя положительныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется. На первыхъ порахъ главной задачей епископовъ стало распространеніе христіанской вѣры среди населенія. Наши лѣтописи сохранили нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о томъ, что проповѣдь христіанства, несмотря на внутреннее безсиліе язычества, не обошлась безъ столкновеній съ приверженцами старой религіи.

Первое столкновеніе язычества съ христіанствомъ произошло въ Новгородѣ, куда явился дядя Владимира, Добрыня, съ епископомъ Іоакимомъ. Новгородцы рѣшили на вѣчѣ не пускать ихъ въ городъ и разломали мостъ. Добрыня пробовалъ ихъ уговаривать, но, подстрекаемые своимъ главнымъ жрецомъ Богомиломъ, прозваннымъ за краснорѣчіе соловьемъ, Новгородцы упорно отказывались креститься. Епископъ Іоакимъ стоялъ на Торговой сторонѣ и тутъ окрестилъ нѣсколько сотъ человѣкъ; но на Софійской сторонѣ народъ буйствовалъ, разорилъ домъ Добрыни, убилъ его жену. Тогда тысяцкій Владимира, Путята, ночью на лодкахъ перевезъ 500 человѣкъ ростовцевъ и напалъ на мятежниковъ; противъ него собралась толпа въ 5000 человѣкъ, началась злая сѣча, и

Путята погибъ бы, если бы Добрыня не пришелъ утромъ къ нему на помощь. Онъ поджегъ нѣсколько домовъ. Новгородцы бросились тушить пожаръ, и сѣча прекратилась. Тогда самые знатные люди пришли просить у Добрыни мира. Добрыня велѣлъ сокрушить идолы; послѣ того многіе пошли креститься на Волховъ; кто упорствовалъ, тѣхъ воины тащили насильно. Путята вернулся въ Кіевъ послѣ крещенія новгородцевъ. Объ этомъ событіи сохранилась память въ бранной для новгородцевъ пословицѣ: «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ».

Другое столкновеніе язычества съ христіанствомъ произошло, уже по смерти Владимира, въ Ростовской землѣ. Первые ростовскіе епископы принуждены были бѣжать изъ своей епархіи отъ ярости язычниковъ. Преемникъ ихъ, св. Леонтій, не покинулъ своей паствы, старался распространять новое ученіе среди дѣтей, но былъ замученъ язычниками. Главными поборниками язычества являлись волхвы (жрецы). Въ Ростовской землѣ явились два волхва, въ то время какъ тамъ свирѣпствовалъ голодъ. Въ этомъ бѣдствіи они обвиняли лучшихъ женщинъ въ каждомъ погостѣ и заставляли убивать ихъ. Но на Бѣло-озерѣ они встрѣтили Яна, сына Вышаты, воеводу князя Святослава, который схватилъ ихъ и повѣсилъ.

Какъ слабо еще было вкоренено христіанство на сѣверѣ, лучшимъ доказательствомъ служитъ разсказъ лѣтописца о томъ, какъ въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ Святославичѣ, одинъ волхвъ сталъ выдавать себя за бога и прельстилъ почти весь городъ. Жители раздѣлились на-двое; сторонники волхва хотѣли даже убить епископа, и только присутствіе духа князя Глѣба, убившаго топоромъ волхва на глазахъ всего народа, спасло новгородское духовенство и церкви отъ поруганія. Особенно медленно распространялось христіанство въ землѣ вятичей; одинъ кіевопечерскій инокъ, св. Кукша, принялъ отъ нихъ мученическую смерть. Есть преданіе, что жители города Мценска, лежавшаго въ древней области вятичей, окончательно приняли христіанство только въ XV вѣкѣ.

Однимъ изъ условій, затруднявшихъ распространеніе христіанства, было то, что принесено оно было на Русь греками, мало знакомыми съ языкомъ и нравами своей паствы; всѣ первые митрополиты и епископы на Руси были греками, и прошло немало времени, пока проповѣдники и обращаемые научились понимать другъ друга. Но это же обстоятельство способствовало развитію просвѣщенія на Руси, заставивъ князей особенно заботиться о распространеніи образованія, прежде всего для того, чтобы имѣть своихъ туземныхъ, а не иноплеменныхъ церковно-служителей. Лѣтопись говоритъ, что Владиміръ роздалъ грекамъ на обученіе дѣтей своихъ бояръ и лучшихъ гражданъ, что онъ приказывалъ заводить по го-

родамъ училища. Особенное же вниманіе на распространеніе просвѣщенія обратилъ сынъ Владимира, Ярославъ.

Такимъ образомъ, крещеніе Руси было главною причиною насажденія просвѣщенія въ духѣ христіанской вѣры. Новая вѣра и просвѣщеніе явились поэтому важнѣйшими событіями въ исторіи древней Руси; тѣмъ русскій народъ былъ введенъ въ семью другихъ европейскихъ народовъ, ранѣе его принявшихъ христіанство и новыя начала, внесенныя въ его жизнь, открыли ему путь къ обще-человѣческой образованности.

Отличіемъ Руси отъ западныхъ народовъ явилось то обстоятельство, что Русь получила христіанство изъ Византіи, тогда какъ народы западной Европы приняли его отъ Рима. Пользуясь языками народными только для первоначальной проповѣди, Римская церковь преподавала всѣмъ племенамъ священное писаніе и богослужебныя книги на языкѣ латинскомъ; народы, получившіе христіанство отъ Византіи, разумѣли слово истины на языкахъ отечественныхъ.

По принятіи христіанства Владимиромъ, въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ византійскимъ зодчествомъ, иконописью и стройнымъ церковнымъ пѣніемъ, появились книги, писанныя на вразумительномъ для русскихъ языкѣ славянскомъ—труды Болгарскихъ просвѣтителей.

Вѣра восточная, православная придала особый складъ русскому христіанскому просвѣщенію, и Русь, съ паденіемъ Царяграда, сдѣлалась хранилищемъ православія.

СВ. БОРИСЪ и ГЛѢБЪ.

По соч. *И. Хрущова.* «О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. XI XII столѣтіе». Кіевъ, 1878. Глава вторая.

I.

Кончина св. Владиміра.

Богатъ и славенъ былъ Кіевъ во времена св. Владимира; но слава и богатство его кололи глаза дальнему Новгороду: новгородцы были недовольны тѣмъ, что великій князь Кіевскій бралъ съ нихъ ежегодную дань. Въ Новгородѣ княжилъ сынъ Владимира, Ярославъ. Онъ пересталъ высылать обычную дань въ Кіевъ, началъ готовиться къ войнѣ и призвалъ на помощь варяговъ. Въ свою очередь Владиміръ сталъ собирать войско, приказалъ чинить дороги и мостить мосты и самъ намѣревался вести войско на Новгородъ; но среди этихъ приготовленій онъ занемогъ и скончался 15-го мая 1015 года, въ любимомъ селѣ Берестовѣ, невдалекѣ отъ Кіева. Приближенные, бывшіе съ Владиміромъ въ Берестовѣ, хотѣли утаить кончину князя до тѣхъ поръ, пока не возвратится его сынъ, Борисъ, любимый отцомъ и кіевлянами. Борисъ былъ въ то время въ степи съ отцовской дружиною и съ земскимъ ополченіемъ, разыскивая печенѣговъ; а въ Кіевѣ жилъ тогда старшій изъ сыновей Владимира, Святополкъ, къ которому кіевляне относились непріязненно. Однако смерть Владимира не могла остаться тайною: люди стали стекаться въ Десятинную церковь Богородицы, куда тайно принесено было тѣло усопшаго князя: по рыданіямъ и воплямъ народа Святополкъ догадался, что отца уже не стало. Зная, что народъ и дружина любятъ Бориса, Святополкъ поспѣшилъ объявить себя княземъ Кіевскимъ, созвалъ горожанъ и началъ раздавать имъ подарки изъ казны княжеской. Кіевляне принимали подарки, но не выказывали особаго усердія къ Святополку, такъ какъ ихъ же братья стояли въ степи съ княземъ Борисомъ и были ему преданы. Святополкъ замѣтилъ эту непріязнь народа и ночью бѣжалъ въ Вышгородъ (въ 15-ти верстахъ отъ Кіева), гдѣ былъ по-

садникомъ его приверженецъ Путьша. Собравъ тамъ старѣйшихъ мужей, Святополкъ сказалъ имъ: «будете-ли мнѣ пріятели отъ всего сердца»? Путьша и бояре отвѣчали: «готовы за тебя и головы положить». Тогда Святополкъ сказалъ: «не говоря никому ни слова, подите и убейте брата моего Бориса». Тѣ обѣщали исполнить приказаніе и пошли искать Бориса.

II.

Убіеніе св. Бориса.

Борисъ, не встрѣтивши печенѣговъ въ степи, возвращался домой, какъ пришла къ нему вѣсть о смерти отца. Опечаленный, онъ дошелъ до рѣки Альты и остановился. Тутъ преданные ему люди стали говорить: «при тебѣ отцовская дружина и войско, иди и княжи въ Кіевѣ на отцовскомъ престолѣ». На это Борисъ отвѣчалъ: «я не подыму руки на старшаго брата». Тогда дружина и войско разошлись, и Борисъ остался въ шатрѣ со своими слугами.

Былъ день субботній. Борисъ, отслушавъ вечерню, принесъ Богу горячую молитву наединѣ, въ своей палаткѣ; онъ плакалъ горькими слезами, вздыхалъ и стоналъ, и, наконецъ, легъ спать. Но сонъ его былъ неспокоенъ: сердцемъ онъ чувствовалъ опасность и помышлялъ о томъ, какъ бы ему вѣру соблюсти и принять вѣнецъ отъ руки Вседержителя. Проснувшись рано и замѣтивъ, что пора пѣть заутреню,—то былъ воскресный день,—онъ сталъ будить находившагося при немъ священника: «встань, начни заутреню»! Самъ-же, обувъ ноги и умывъ лицо, началъ молиться Господу Богу. Посланные отъ Святополка приблизились къ шатру Борисову еще ночью и слышали, какъ князь пѣлъ заутреню. Среди шестопсалмія князю говорятъ, что кто-то бродитъ около шатра, а онъ продолжаетъ пѣть: «Господи, что ся умножиша стужающіи ми, мнози возстаютъ на мя»; и послѣ псалмовъ поетъ канонъ, и вновь молится передъ иконою, проситъ Іисуса Христа сподобить его принять мученическую смерть. И послышался топотъ около шатра, и затрепеталъ Борисъ, и лилъ слезы, и молился. Священникъ и отрокъ, увидавъ его смущеніе, горько заплакали и умильно взывали: «милый господинъ нашъ, дорогой! Ты не хотѣлъ противиться брату ради любви Христовой». Наконецъ увидали они идущихъ къ шатру: блистало оружіе, гремѣли мечи. Убійцы тремя копьями пронзили тѣло Бориса. Отрокъ, прислужникъ князя, бросился къ своему господину и возопилъ: «я не отстану отъ тебя, господинъ дорогой мой»! Его также пронзили копьями. Тяжело раненый Борисъ вы-

скочилъ изъ шатра. И стали говорить между собою убійцы: «что стоимъ да смотримъ? окончимъ повелѣнное намъ»! Услыхавъ это, князь испросилъ себѣ еще малое время для послѣдней молитвы. Въ ней Борисъ излилъ свою душу предъ Богомъ и громко исповѣдалъ, что не пошелъ съ преданными ему воинами въ Кіевъ, гдѣ его ожидалъ съ нетерпѣніемъ весь народъ, только потому, что не хотѣлъ идти противу заповѣди Божіей. Онъ излилъ свою скорбь о томъ, что умираетъ не отъ врага отчизны, а отъ родного брата, и просилъ Бога не поставить этого во грѣхъ обидчику. По окончаніи молитвы онъ сказалъ: «братіе, скончайте службу вашу и буди миръ брату моему и вамъ, братіе».

Убитаго Бориса обернули въ полотно его собственной палатки и положили на телѣгу. Дорогой замѣтили, что князь еще живъ, и тогда мечемъ прокололи ему сердце.

III.

Убіеніе св. Глѣба.

Борисъ имѣлъ единоутробнаго и единокровнаго брата Глѣба. Оба они были рождены уже послѣ принятія отцомъ ихъ крещенія, оба были дѣти матери христіанки и воспитаны въ благочестіи. До Глѣба дошла иная вѣсть, чѣмъ до Бориса: Святополкъ послалъ сказать ему, что отецъ боленъ и зоветъ его къ себѣ. Глѣбъ былъ тогда въ Муромѣ, гдѣ онъ княжилъ по волѣ отца.

Глѣбъ былъ очень молодъ, всего тринадцати лѣтъ. Достигнувъ на конѣ города Смоленска, Глѣбъ сѣлъ въ лодку и поплылъ Днѣпромъ къ Кіеву. Тогда передали ему вѣсть отъ брата Ярослава: «не иди въ Кіевъ, отецъ умеръ, а братъ Борисъ убитъ отъ Святополка». Глѣбъ сталъ плакать объ отцѣ и любимомъ братѣ: «увы мнѣ! Лучше бы мнѣ было умереть съ тобою, братъ и господинъ мой Борисъ. Что буду дѣлать я, одинокій и сирота? О милый братъ мой, моли Бога о горѣ моемъ и возьми меня къ себѣ»!

Но вотъ, на встрѣчу лодкѣ Глѣба показалась другая, плывшая изъ Кіева: то былъ посланный Святополкомъ злодѣй Горясѣръ съ дружиною. Увидѣвъ кіевскихъ воиновъ, утѣшился простодушный отрокъ и не замѣтилъ ихъ суроваго вида: онъ ждалъ отъ нихъ привѣта и дружескихъ объятій. Лишь только поровнялись лодки, какъ злодѣи стали перескакивать въ княжескую лодку и обнажили мечи. У гребцовъ Глѣбовыхъ выпали весла изъ рукъ и всѣ они отъ страха помертвѣли.

Тогда юный князь понялъ, что его хотятъ убить, и посмотрѣлъ на враговъ своихъ умильными глазами; обливаясь слезами, онъ жа-

лобно взывалъ: «не губите меня! чѣмъ обидѣлъ брата моего и васъ? Если я сдѣлалъ что нибудь дурное, ведите меня къ вашему князю, а моему брату и господину. Помилуйте юность мою; будьте господами моими, а я стану служить вамъ. Не пожинайте колоса, еще не зрѣлаго, не порѣжьте лозы, еще не выросшей. Это не убійство, а бойня. Я не жалуюсь: если хотите крови моей, я въ рукахъ вашихъ»... Они между тѣмъ схватили князя, а тотъ взывалъ къ отцу, къ матери, къ братьямъ Борису и Ярославу, къ милой дружинѣ своей, потомъ опять къ отцу, и молился. Горясѣръ думалъ, какъ-бы казнить его. На это дѣло, желая угодить злодѣямъ, вызвался поваръ Глѣбовъ. Онъ былъ не русскій. Измѣнникъ взялъ поварской ножъ и закололъ своего господина, «яко агнца незлобиваго. «И принесеся Господеви жертва чиста и свята и благовонна, и взыде въ небесныя обители къ Богу»...

Такъ изображается кончина—сперва Бориса, а потомъ—Глѣба, въ сказаніи Іакова монаха о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ.

IV.

Борьба Ярослава и Святополка.

Ярославъ, получивъ отъ сестры своей Предиславы вѣсть объ убіеніи Бориса и Глѣба, собралъ новгородцевъ и сталъ говорить имъ, заливаясь слезами: «любезная моя дружина! отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ и избиваетъ братьевъ». Новгородцы, любившіе Ярослава, княжившаго у нихъ съ дѣтства, простили ему незадолго передъ тѣмъ нанесенныя имъ обиды и въ одинъ голосъ отвѣчали: «не печалься, княже, мы постоимъ за тебя, поколѣ мочи нашей хватитъ»,—и тутъ же порѣшили, во что бы то ни стало, поддерживать Ярослава противъ Святополка; собрали 40.000 воиновъ; къ нимъ Ярославъ присоединилъ 1.000 варяговъ и отправился въ походъ на Святополка. Передъ отправленіемъ въ походъ, призвавъ имя Божіе, Ярославъ сказалъ: «не я почалъ избивать братью, но Святополкъ,—да будетъ Богъ мститель крови моихъ братьевъ, онъ безъ вины пролилъ кровь братьевъ моихъ Бориса и Глѣба; не ждать же мнѣ, чтобы и со мной сдѣлалъ тоже».

Святополкъ, получивши вѣсть о походѣ Ярослава, собралъ многочисленное войско, составленное изъ русскихъ и печенѣговъ и двинулся на встрѣчу; оба войска сошлись у Любеча, на Днѣпрѣ, и стали другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ рѣки. Ни тотъ ни другой не рѣшался перейти рѣку, и такъ простояли они три мѣсяца; но однажды Святополковъ воевода, старый Владиміровъ

дружинникъ, Волчій Хвостъ, разъѣзжая по своему берегу, сталъ кричать новгородцамъ: «ей, вы плотники! зачѣмъ пришли со своимъ хромцомъ-то? вотъ мы васъ поставимъ рубить хоромы»! Князь Ярославъ хромалъ съ дѣтства. Новгородцы этимъ очень обидѣлись и сказали Ярославу: «княже, готовься! завтра же чѣмъ свѣтъ мы перевеземся къ нимъ, а кто съ нами не пойдетъ, того сами убьемъ».

Были уже заморозки. Святополкъ стоялъ между двумя озерами и всю ночь пилъ съ дружиною, не ожидая нападенія. Новгородцы же съ Ярославомъ, какъ сказали, чѣмъ свѣтъ перевезлись черезъ Днѣпръ и, вышедши на берегъ, оттолкнули лодки, чтобы и не думать объ отступленіи, и тутъ же на берегу начали страшную сѣчу. Они не дали сроку печенѣгамъ, стоявшимъ за озеромъ, соединиться со Святополкомъ, притиснули дружину Святополка къ озеру и тѣмъ принудили ее вступить на ледъ, который проломился. Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ безпрепятственно занялъ стольный Кіевъ.

Не спокойно и не долго княжилъ Ярославъ въ Кіевѣ: весной слѣдующаго года явились печенѣги, ворвались въ самый Кіевъ, и битва съ ними продолжалась цѣлый день; только къ вечеру Ярославу удалось одолѣть врага. Затѣмъ въ Кіевѣ былъ страшный пожаръ, истребившій множество домовъ и церквей; а еще черезъ годъ пришли вѣсти, что Болеславъ, король Польскій, тесть Святополка, идетъ съ большимъ войскомъ, чтобы посадить зятя на Кіевскій престолъ. Ярославъ не успѣлъ ополчиться и, разбитый на голову, бѣжалъ въ Новгородъ, а Болеславъ и Святополкъ овладѣли Кіевомъ. Король развелъ свое войско по городамъ на покормъ; и начали поляки, нѣмцы и венгры, ихъ союзники, вездѣ буйствовать, грабить и тѣснить народъ. Эти насилія привели къ тому, что русскіе начали избивать чужеземцевъ. Самъ Святополкъ измѣнилъ своему союзнику и руководилъ возстаніемъ. Болеславъ, захвативъ имущество Ярослава, какое оставалось въ Кіевѣ, его бояръ и даже сестру княжескую, удалился въ Польшу. А между тѣмъ Ярославу, когда тотъ хотѣлъ уйдти за море, сказали новгородцы: «мы еще хотимъ биться съ Болеславомъ и Святополкомъ». Затѣмъ они пополнили казну денежными сборами, наняли варяговъ, вооружили войско и пошли на Кіевъ, подъ предводительствомъ Ярослава.

На этотъ разъ Святополкъ не рѣшился защищать Кіевъ и бѣжалъ за помощью къ печенѣгамъ. Онъ уже велъ ихъ полки съ собою, а Ярославъ пошелъ къ нему на встрѣчу и остановился на рѣкѣ Альтѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Приготовившись къ битвѣ, Ярославъ поднялъ руки къ небу и обратился къ Господу: «кровь

брата моего вопіетъ къ Тебѣ, Владыко. Мсти крови праведнаго сего! какъ мстилъ крови Авелевой, положивъ на Каинѣ стенаніе и трясеніе, такъ положи и на семъ»! Помолясь, онъ воскликнулъ: «братья мои, хотя вы уже отошли отъ насъ тѣломъ, но молитвою помогите мнѣ на этого гордаго убійцу». Съ этими словами онъ бросился въ битву. Все поле покрылось войскомъ и началась сѣча, какой еще не бывало до того на Руси. Рубились въ рукопашную; три раза сходились и расходились; кровь текла ручьями по полю и лишь къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ.

Во время бѣгства на Святополка напало разслабленіе и объялъ его ужасъ; онъ не могъ сидѣть на конѣ; вѣрные отроки несли его на носилкахъ и принесли къ Берестью (нынѣшній городъ Брестъ Литовскъ). Ему все казалось, что за нимъ гонятся; онъ безпрестанно кричалъ: «бѣгите, насъ нагоняютъ, охъ мнѣ!» и не хотѣлъ нигдѣ остановиться; такъ, никѣмъ не гонимый, пробѣжалъ онъ Русскую и Польскую землю, и погибъ въ пустынѣ между Польшею и Чешской землею, и прозвали его «окаяннымъ».

По смерти Святополка Ярославъ прочно утвердился на Кіевскомъ престолѣ, и «утеръ потъ со своей дружиной, показавъ побѣду и трудъ великъ». Такъ заключаетъ лѣтописецъ свой разсказъ о мести Ярослава и гибели Святополка.

* * *

Сказаніе о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ служило однимъ изъ любимѣйшихъ чтеній для нашихъ предковъ; оно сохранилось во множествѣ древнихъ списковъ и существовало отдѣльно, независимо отъ лѣтописи. Въ этомъ отдѣльномъ сказаніи излагаются и первыя чудеса мучениковъ. Составителемъ его считаютъ черноризца Кіево-печерскаго монастыря Іакова, писавшаго немного лѣтъ спустя послѣ св. Владиміра. Позднѣйшіе переписчики во многомъ измѣняли и даже искажали подлинникъ; поэтому не всѣ списки согласны между собою. Нѣкоторые изъ нихъ, однако, весьма замѣчательны и по своимъ подробностямъ, и по своему языку, и, наконецъ, по рисункамъ. Такъ, напримѣръ, одинъ списокъ XIV-го вѣка особенно богатъ многочисленными изображеніями; по нимъ можно судить о томъ, какъ жили въ старину князья, какъ вооружалась дружина, какія существовали тогда одежды, какая употреблялась утварь.

РУССКАЯ ПРАВДА.

По соч. *М. Владимірскаго-Буданова* «Обзоръ исторіи русскаго права», изд. 3-е, К. 1900.— *И. Дювернуа* «Источники права и судъ въ древней Россіи», М. 1869;— *Н. Калачева* «Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды», вып. 1, изд. 2-е, Спб., 1880;—*В. Ключевскаго* «Курсъ русской исторіи», ч. 1, М., 1904;—*А. Попова* «Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву», М. 1841;—*Д. Прозоровскаго* «Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія», Спб., 1865.

«Русской Правдой» называются краткіе и пространные сборники, составленные частными лицами (можетъ быть, церковными судьями) на основаніи княжескихъ уставовъ, судебныхъ обычаевъ и частью—византійскихъ законовъ. Эти сборники дошли до насъ во множествѣ рукописей; древнѣйшая изъ нихъ относится къ XIII вѣку. Въ разныхъ спискахъ наименованіе памятника, порядокъ и число статей различны: то изложены лишь уставы князя Ярослава и его сыновей; то уставы упомянутыхъ князей дополнены позднѣйшими постановленіями, впрочемъ, не позже XIII вѣка; наконецъ, нѣкоторые сборники представляютъ собой простое сокращеніе пространныхъ.

Въ составѣ «Русской Правды» различаютъ: 1) «Правду» Ярослава, 2) «Правду» Ярославичей и 3) «Правду» простанную. Пространная «Правда» можетъ быть раздѣлена на двѣ половины: первая закончена, по всей вѣроятности, при Владимірѣ Мономахѣ; вторая-же служитъ дополненіемъ къ ней и содержитъ позднѣйшія приписки, мѣстами въ видѣ цѣлыхъ уставовъ.

«*Судъ Ярослава Володимировича*». «*Правда Русская*»: такое заглавіе носитъ памятникъ въ его древнѣйшемъ спискѣ.

Если убьетъ мужъ мужа, то мстить брату за брата, либо отцу, или сыну, либо двоюродному брату, или племяннику; а если некому будетъ мстить за него, то положить за голову 80 гривенъ, коли будетъ (убитъ) княжой мужъ или тіунъ княжой; если же (убитъ) будетъ русинъ, или гридь, либо купецъ, либо тіунъ боярскій, либо мечникъ, либо изгой, или словенинъ—то 40 гривенъ положить за него.

Послѣ же Ярослава опять собрались сыновья его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, и отмѣнили убіеніе за голову, но (установили) выкупаться кунами (т. е. деньгами); а иное все, какъ Ярославъ судилъ, такъ и сыновья его уставили.

Это—первыя статьи «Правды», въ переводѣ на современный языкъ, съ сохраненіемъ словъ и оборотовъ древняго списка, находящагося въ библіотекѣ Троицкаго Сергіева монастыря; а этотъ списокъ вполнѣ сходенъ съ древнѣйшимъ «Синодальнымъ» спискомъ во всемъ, кромѣ расположенія статей.

Что-же даютъ намъ эти первыя статьи?

Вопервыхъ, ясно, что, хотя весь сборникъ и называется «Судомъ Ярослава Владиміровича», однако, уже во второй статьѣ идетъ рѣчь объ уставѣ князей Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода. Значитъ, составитель «Правды» собиралъ въ одно цѣлое уставы нѣсколькихъ князей и отмѣчалъ различія между ними. Притомъ, онъ разсказываетъ, какъ именно одинъ уставъ замѣнялся другимъ: вотъ—уставъ Ярослава, говоритъ онъ, а вотъ что постановили его сыновья на съѣздѣ, когда опять собрались вмѣстѣ Это—пріемъ повѣствователя, а не законодателя.

Во вторыхъ, въ тѣхъ-же статьяхъ ясно выступаетъ и коренное различіе двухъ уставовъ: при Ярославѣ мстили за убитаго его родичи, и лишь въ томъ случаѣ, когда некому было мстить, полагалась *вира* или денежное вознагражденіе въ пользу князя—80 гривенъ за княжого мужа и 40 гривенъ за простого свободнаго человѣка. Ярославичи отмѣнили месть за убійство и установили только денежный выкупъ.

Далѣе—изъ этихъ статей видно, на какіе классы распадалось русское общество XI — XII вѣка. За княжого мужа и тіуна княжого (такъ назывался прикащикъ, вѣдавшій какую-либо часть управленія или хозяйства) взималась вира въ 80 гривенъ; много ниже «княжихъ мужей» стояли просто свободные люди, не находившіеся на службѣ у князей, или занимавшіе низшія должности; то были: русинъ—всякій свободный человѣкъ русскаго происхожденія, словенинъ—новгородецъ; гридь—изъ младшей дружины княжеской; купецъ; боярскій тіунъ; мечникъ—вооруженный мечемъ человѣкъ, исполнявшій, можетъ быть, какія-нибудь полицейскія обязанности; наконецъ, изгой — человѣкъ, находившійся въ вѣдѣніи церкви и подъ ея покровительствомъ вслѣдствіе потери своего прежняго званія, напримѣръ, разорившійся купецъ или холопъ, выкупившійся на волю.

Наконецъ, изъ тѣхъ-же статей ясно, какой денежный счетъ существовалъ на Руси при Ярославѣ и его сыновьяхъ: тогда счи-

тали «на гривны кунъ»; слово «гривна» означало въ старину фунтъ, а «куны»—то-же, что деньги. Гривна кунъ дѣлилась на части: на 20 ногатъ, 25 кунъ, и 50 рѣзанъ, а рѣзана дѣлилась на болѣе мелкія части—векши. Гривна кунъ была металлическимъ денежнымъ знакомъ, хотя первоначально деньгами служили именно мѣха-куны. Въ одной статьѣ «Правды» ясно указано, что металлическіе и мѣховые знаки употреблялись одновременно: Вотъ, говоритъ эта статья, наклады (т. е. расходы сверхъ пени въ пользу князя): отроку 2 гривны и 20 кунъ; а судьѣ ѣхать съ отрокомъ на двухъ коняхъ, и сыпать имъ на кормъ овесъ, а мяса дать барана или полоть, а прочаго корма, сколько чрево возьметъ; писцу—10 кунъ; перекладного (т. е., при перепряжкѣ лошадей) 5 кунъ, на мѣхъ 2 ногаты.—Значитъ, если въ 2 ногатахъ было 5 кунъ, то одна мѣховая ногата равнялась $2^1/_2$ металлическимъ серебрянымъ кунамъ.

Изъ другихъ мѣстъ «Правды», а также изъ другихъ памятниковъ, извѣстно, что гривна кунъ измѣнялась въ вѣсѣ, смотря по цѣнѣ серебра на Руси: она вѣсила и $^1/_3$ фунта, и $^1/_2$ фунта и еще меньше—$^1/_4$ фунта. Зная, когда былъ тотъ или другой вѣсъ гривны кунъ, можно опредѣлить ея цѣну, высчитать размѣръ штрафовъ за преступленія и судить о стоимости рабовъ, скота, пчелъ и разныхъ предметовъ хозяйства отъ Ярослава до Владимира Мономаха и позже—до половины XIII вѣка.

Вотъ нѣсколько статей «Правды», отвѣчающихъ на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

За княжого отрока, или конюха, или повара—40 гривенъ (за голову).

За сельскаго тіуна княжого или земледѣльческаго—12 гривенъ; за рядовича (наемнаго рабочаго)—5 гривенъ; столько-же и за боярскаго (тіуна и рядовича).

За ремесленника и ремесленницу—12 гривенъ.

За смерда (простолюдина) и за холопа—5 гривенъ; за рабу—6 гривенъ.

За кормильца (дядьку) 12 гривенъ; столько-же и за кормилицу, будетъ-ли это холопъ или раба.

Если кто ударитъ кого батогомъ, либо чашей, либо рогомъ, либо тыльной (тупой) стороной меча, то 12 гривенъ; а если (обиженный), не стерпѣвъ того, ударитъ мечемъ (обидчика), то вины ему въ томъ нѣтъ.

Если кто поранитъ другому руку и рука отпадетъ или отсохнетъ, или поранитъ ногу, глазъ или носъ, то платитъ полувирье, 20 гривенъ, а потерпѣвшему за увѣчье 10 гривенъ.

Кто отрубитъ другому какой-либо палецъ—3 гривны продажи (т. е. пени князю), а самому потерпѣвшему—гривну кунъ.

Если толкнетъ мужъ мужа, либо (рванетъ) къ себѣ, либо (оттолкнетъ) отъ себя, либо по лицу ударитъ, или жердью ударитъ, а явятся двое свидѣтелей, то 3 гривны продажи; если-же обвинять будутъ варяга или колбяга (т. е. дружинника), то должно выставить полное число свидѣтелей (противъ обидчика) и принести присягу.

Урочная плата за покражу скота: за кобылу — 60 кунъ, за вола—гривну, за корову—40 кунъ, за трехлѣтку (лошадь или корову—30 кунъ, за двухлѣтку — полгривны, за теленка—5 кунъ, за свинью—5 кунъ, за поросенка — ногату, за овцу—5 кунъ, за барана—ногату, за жеребца неѣзженнаго—гривну кунъ, за жеребенка — 6 ногатъ, за коровье молоко — 6 ногатъ. Это — урочныя цѣны (или платежи потерпѣвшему за покражу) для смердовъ, которые (въ случаѣ воровства) платятъ продажу (или пеню) князю.

Если выбьютъ у кого зубъ, а кровь увидятъ у него во рту и явятся свидѣтели, то 12 гривенъ продажи, а за зубъ потерпѣвшему гривна.

Если кто украдетъ бобра, то 12 гривенъ.

Если кто уничтожитъ хозяйскіе знаки на борти—12 гривенъ.

Если кто перерубитъ межу бортную, или распашетъ межу пахотную, или дворовую межу тыномъ перегородитъ, то 12 гривенъ продажи.

Если кто подрубитъ дубъ со знакомъ или межевой, то 12 гривенъ продажи.

Если кто ладью украдетъ, то 60 кунъ продажи, а ладью пусть возвратитъ лицомъ; за морскую ладью—3 гривны, а за набойную (съ набойными бортами)—2 гривны; за челнъ—20 кунъ, а за стругъ — гривну.

Если кто подрубитъ веревку въ перевѣсѣ (для ловли птицъ или звѣрей), то 3 гривны продажи, а хозяину за веревку—гривну кунъ.

Если кто украдетъ въ чьемъ-либо перевѣсѣ ястреба или сокола, то продажи 3 гривны, а хозяину—гривну.

За голубя—9 кунъ, за курицу—9 кунъ, за утку—30 кунъ.

За гуся — 30 кунъ, за лебедя — 30 кунъ, за журавля — 30 кунъ.

А за сѣно и дрова — 9 кунъ, хозяину-же (глядя по тому), сколько возовъ будетъ украдено, брать за возъ по 2 ногаты.

По этимъ и другимъ статьямъ «Правды» можно отчетливо представить себѣ хозяйственный бытъ городского и сельскаго люда.

Изъ нихъ можно видѣть также, что судъ обращалъ главное вниманіе на имущественный или хозяйственный вредъ, причиняемый обидчикомъ потерпѣвшему: гривна кунъ служила основой для опѣнки человѣческой жизни, свободы, чести и собственности. Судъ временъ «Правды» каралъ преступника матеріальнымъ убыткомъ и въ самомъ преступленіи видѣлъ прежде всего матеріальный вредъ. Въ старину господствовалъ обычай кровавой мести—со временъ Ярослава даже за убійство полагалось денежное взысканіе; старое правило: «кровь за кровь» или «око за око» уступило мѣсто новому: «гривна за гривну»; судъ билъ преступника по карману и требовалъ, чтобы убійца платилъ *виру* въ пользу князя и *головничество* въ пользу родственниковъ убитаго, или *продажу*, т. е. пеню въ пользу князя, и *урокъ*, т. е. вознагражденіе потерпѣвшему, если обидчикъ не былъ убійцей и не причинилъ увѣчья.

Тѣ же статьи показываютъ, что за одни преступленія взималась и пеня въ пользу князя, и плата за обиду или убытокъ потерпѣвшему, а за другія — лишь плата потерпѣвшему; значитъ, «Правда» различала преступленія, грозившія цѣлому обществу, (какъ-бы дѣла уголовныя), и—грозившія только отдѣльнымъ лицамъ, (какъ-бы дѣла гражданскія).

Она обращала вниманіе и на характеръ преступленія, давала ему нравственную оцѣнку: такъ, напримѣръ, за убійство въ «свадѣ» т. е. въ ссорѣ, безъ злого умысла, она полагаетъ меньшее наказаніе, чѣмъ за убійство въ разбоѣ. Любопытно, что весьма тяжкое наказаніе полагалось за поджогъ и конокрадство, даже болѣе тяжкое, чѣмъ за увѣчье или убійство.

Если зажгутъ гумно—говоритъ «Правда» — то на потокъ и разграбленіе домъ его (т. е. преступникъ выдается головой со всѣмъ имуществомъ); напередъ платить убытокъ хозяину, а остальное отдается на волю князя; та-же расплата и для того, кто дворъ зажжетъ. Если кто по злобѣ зарѣжетъ коня или скотину, то 12 гривенъ продажи, а хозяину за убытокъ платить урочную цѣну.

Стоитъ сравнить эти статьи съ тѣми, которыя устанавливаютъ наказаніе за увѣчье или убійство, напримѣръ, наемнаго рабочаго, смерда или холопа: ясно, что «Правда» высоко цѣнила движимую и особенно недвижимую собственность.

Уже изъ первыхъ статей «Правды» видно, насколько различались между собою княжи мужи и смерды: за однихъ взималась вира въ 80 гривенъ, за другихъ—въ 40. Дальнѣйшія статьи по-

казываютъ, что общество того времени распадалось на классы не только въ зависимости отъ службы или занятій отдѣльныхъ лицъ, но глядя по ихъ достатку или богатству. Такъ, высшій слой княжихъ мужей состоялъ изъ *бояръ*, владѣвшихъ землей и рабами; среди простонародья или свободныхъ людей выдѣлялись *гости* и *купцы*, какъ высшій слой, и *закупы* или *наймиты*, какъ низшій классъ, близкій къ холопамъ: если земледѣлецъ жилъ на княжеской или государственной землѣ, его называли *смердомъ*; если сельскій рабочій воздѣлывалъ чужую землю и получалъ плату или ссуду отъ хозяина, его называли *наймитомъ* или *ролейнымъ закупомъ* (ролья—пашня); наконецъ, ниже всѣхъ были *холопы:* за нихъ по суду отвѣчали хозяева, ихъ нельзя было брать въ качествѣ свидѣтелей, за ихъ увѣчье или убійство отъ руки господина не полагалось наказанія.

Рабовладѣніе и торговля невольниками издавна служили однимъ изъ главныхъ источниковъ и видовъ богатства: вотъ почему въ «Правдѣ» много статей о холопахъ. Другой причиной ея вниманія къ холопамъ было стремленіе церкви взять рабовъ подъ свое покровительство и облегчить ихъ участь въ новомъ христіанскомъ обществѣ. Хотя «Русская Правда» смотритъ на холоповъ какъ на полную собственность господъ, приравнивая ихъ къ рабочему скоту и хозяйственнымъ орудіямъ, однако и въ ней встрѣчаются статьи, измѣнявшія старинный языческій взглядъ на раба; такъ, напримѣръ, въ одной статьѣ говорится:

Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка, да убѣжитъ въ хоромы, а господинъ его не выдастъ, то платить за него господину 12 гривенъ; а затѣмъ, если гдѣ тотъ обиженный встрѣтитъ своего обидчика, который его ударилъ, то Ярославъ установилъ было убить холопа, а сыновья его, по смерти отца, уставили денежный выкупъ, взять съ господина гривну кунъ за соромъ, либо разложить холопа и побить (но не убить).

Такъ какъ торговля была главнымъ источникомъ богатства не только для купцовъ и гостей, но для бояръ и князей, то «Русская Правда» содержитъ рядъ статей о долгахъ, займахъ и процентахъ на капиталъ. Таковы, напримѣръ, статьи:

Если кто отдастъ куны въ рѣзъ (т. е. въ ростъ), или медъ въ наставъ, или жито въ присыпъ (т. е. съ процентами), то слѣдуетъ ему ставить послуховъ (или свидѣтелей): какъ онъ уговаривался, такъ ему и взять ростъ.

Мѣсячный рѣзъ за малое время брать по уговору; а если зайдутъ куны за годъ (и не послѣдуетъ въ этотъ срокъ уплаты), то взять заимодавцу куны въ треть (т. е. за двѣ куны — третью, или 50 процентовъ), а мѣсячный рѣзъ не считать; если-же не бу-

детъ послуховъ, а кунъ будетъ три гривны, то идти заимодавцу за свои куны къ присягѣ; а если было больше кунъ, то сказать ему такъ: промахнулся, коли не поставилъ (въ свое время свидѣтелей).

Если кто изъ купцовъ пойдетъ куда-либо съ чужими кунами, да потонетъ, или война его настигнетъ, или пожаръ, то не чинить ему насилья и не продавать его (въ рабство, какъ поступали со злостными неплательщиками); но какъ станетъ по годамъ платить, такъ и брать, потому что та бѣда отъ Бога, а самъ онъ не виноватъ; если же кто пропьется или пробьется (объ закладъ), или въ безумьѣ чужой товаръ испортитъ, то, какъ любо тѣмъ, чей тотъ товаръ, (такъ и поступятъ)—подождутъ-ли за нимъ, продадутъ-ли его (въ рабство), своя имъ воля.

Если кто многимъ будетъ долженъ, а придетъ гость изъ иного города или чужеземецъ, да, не вѣдая, запуститъ за него товаръ, а тотъ не станетъ платить гостю кунъ, а первые (кредиторы, которымъ онъ долженъ) начнутъ ему запрещать и не дадутъ ему долгъ платить, то вести его на торговую площадь, продать его (въ рабство) и отдать прежде всего куны гостю, а земляки пусть тѣмъ подѣлятся, сколько кунъ останется; если-же будутъ княжія куны, то прежде взять ихъ, а прочее въ дѣлежъ; если кто много рѣза бралъ (съ такого должника), тому не платить.

Въ другихъ статьяхъ «Правда» опредѣляетъ, какъ наслѣдуется имущество, какая часть выдѣляется женѣ, дѣтямъ и другимъ родственникамъ, въ какихъ случаяхъ является наслѣдникомъ князь, кто разбираетъ на судѣ споры о наслѣдствѣ.

Наконецъ, «Правда» указываетъ, какъ совершался судъ и кому принадлежала судебная власть.

Судьею былъ князь. Онъ назначалъ также посадниковъ, тысяцкихъ, сотскихъ, тіуновъ, отроковъ, дѣтскихъ, поручая имъ разборъ судебныхъ дѣлъ и сборъ судебныхъ пошлинъ. Самъ судья, если это не былъ князь, получалъ отъ тяжущихся, отъ истца или отвѣтчика, «помочное», ему выдавался кормъ, его коню засыпали овесъ, онъ бралъ также перекладныя или ссадныя куны — мелкія пошлины при разъѣздахъ, напр., при перепряжкѣ лошадей, или по пріѣздѣ на мѣсто разбирательства.

Видно, что судъ отличался подвижностью: часть дѣлъ разбиралась во дворѣ князя или посадника, но во многихъ случаяхъ всѣ эти вирники, отроки и дѣтскіе объѣзжаютъ волость и воочію убѣждаются въ порчѣ межи или клейменаго дуба, въ кражѣ

жита, въ поджогѣ гумна и хоромъ, наконецъ, въ слѣдахъ убійства, разбоя и побоища.

Вотъ какъ изображается въ «Правдѣ» опросъ свидѣтелей и розыскъ покраденнаго:

Если придетъ на дворъ (т. е. въ судъ) человѣкъ въ крови или въ синякахъ, то свидѣтеля ему не искать, а обидчикъ пусть платитъ продажу—3 гривны; если же не будетъ на потерпѣвшемъ знаковъ, то пусть приведетъ свидѣтелей и пусть они покажутъ слово въ слово съ истцомъ, и тогда зачинщикъ заплатитъ обиженному 60 кунъ; а если придетъ въ крови, да самъ окажется зачинщикомъ и это подтвердятъ свидѣтели, то вмѣнить ему въ платежъ (т. е. во взысканіе) то, что его побили.

Кто купитъ на рынкѣ что-либо краденое, коня, одежду или скотину, тотъ пусть приведетъ въ свидѣтели двухъ свободныхъ мужей или мытника (мытъ—пошлина, которая взималась въ таможнѣ); если онъ станетъ говорить, что не знаетъ, у кого купилъ вещь, то идти за него тѣмъ свидѣтелямъ къ присягѣ; истцу взять свою вещь, а съ тѣмъ, что съ той вещью пропало, проститься; отвѣтчику же проститься со своими кунами, потому что не знаетъ у кого купилъ; а если впослѣдствіи онъ узнаетъ, у кого купилъ, то пусть возьметъ свои куны; продавецъ же пусть заплатитъ хозяину вещи за то, что съ ней пропало, да продажу князю.

«Правда» отмѣчаетъ также живое участіе въ судебныхъ дѣлахъ и цѣлой общины или, какъ тогда говорили «верви». Община должна была искать преступника и отвѣчать за убійство на ея землѣ, если преступника нельзя было найти.

Если кто убьетъ княжого мужа въ разбоѣ, говоритъ «Правда», а убійцу не будутъ искать, то виру платитъ той верви, въ чьей лежитъ убитый: за княжого мужа 80 гривенъ, за простолюдина 40 гривенъ.

Изъ каждой статьи «Правды» видно, что судебное разбирательство въ тѣ времена отличалось величайшей простотой.

Яркими чертами изображенъ древній судъ въ слѣдующемъ разсказѣ лѣтописи:

Въ 1169 году—говоритъ она—началъ князь Владиміръ Мстиславичъ «думать» на Мстислава. Былъ тамъ въ ту пору мужъ князя Давыда, Василь Настасьичъ. По пріѣздѣ къ Давыду Василь разсказалъ своему князю объ умыслѣ Владиміра, а тотъ передалъ брату Мстиславу. Владиміръ, узнавъ, что Мстиславу извѣстна его дума, пожелалъ оправдаться. Когда Мстиславъ пріѣхалъ въ Печерскій монастырь, за нимъ явился туда и Владиміръ. Одинъ оста-

новился въ кельѣ эконома, другой—у игумена. Мстиславъ послалъ сказать Владиміру: «Братъ, зачѣмъ ты пріѣхалъ? я за тобой не посылалъ». Владиміръ прислалъ дьячка Имормыжа съ отвѣтомъ: «Братъ, слышалъ я, что на меня наговариваютъ злые люди». Мстиславъ сказалъ: «Это повѣдалъ мнѣ братъ Давыдъ». Тогда послали въ Вышгородъ къ Давыду, а тотъ отправилъ на тяжбу Василя, да приставилъ къ нему Радила тысяцкаго и Василья Волковича. Переждавъ три дня, Мстиславъ опять пріѣхалъ въ Печерскій монастырь, а Владиміръ прислалъ мужей своихъ Рагуйла и Михаля. Начали они «спираться» съ Васильемъ и выступилъ свидѣтелемъ со стороны Василья Давыдъ Борыничъ. Мстиславъ же положился на Бога и велѣлъ сказать Владиміру: «Братъ, ты вѣдь крестъ цѣловалъ, и уста твои еще не обсохли; вѣдь это отцовъ и дѣдовъ нашихъ утвержденье и, кто нарушитъ присягу, Богъ тому судья; цѣлуй-же мнѣ крестъ, что ты на меня не думалъ и не ищешь мнѣ зла». Владиміръ отвѣчалъ: «Радъ, братъ, цѣлую; а все то на меня ложь». И поцѣловалъ крестъ. Тогда Мстиславъ отпустилъ его въ Котельничъ. Такъ примирились князья.

Многія дѣла кончались присягой и по «Русской Правдѣ». Присягали и сами тяжущіеся—истецъ и отвѣтчикъ, цѣловали крестъ и свидѣтели — видоки и послухи.

* * *

Кромѣ «закона русскаго» (въ договорахъ съ греками) и «Русской Правды», до насъ дошли и другіе памятники древне-русскаго права: это—церковные уставы князей и сборники византійскихъ церковныхъ законовъ въ славянской или русской передѣлкѣ. Такіе памятники, какъ «Церковный Уставъ» Ярослава, «Законъ судный людемъ», «Мѣрило праведное или древняя «Кормчая», дополняютъ и разъясняютъ «Русскую Правду»: они показываютъ, напримѣръ, какъ разрушался языческій бытъ и, вмѣстѣ съ нимъ, языческій законъ «Правды»; какъ на ряду съ княжескимъ судомъ сталъ дѣйствовать судъ церковный; какъ родовой бытъ уступилъ мѣсто семейному; какъ взамѣнъ денежныхъ штрафовъ вводились тѣлесныя наказанія. Ни лѣтопись, ни «Правда» сами по себѣ не даютъ точнаго и полнаго изображенія общественнаго строя древней Руси, ея управленія, суда и хозяйства; но лѣтопись, договоры, «Правда» и современные имъ памятники русскаго права и русской письменности, взятые вмѣстѣ, являются какъ бы кусками одного зеркала, въ которомъ ярко и вѣрно отразилась древне-русская жизнь.

КНЯЗЬЯ КІЕВСКОЙ РУСИ.

По соч. *В. Ключевскаго* «Курсъ русской исторіи», ч. 1, М. 1904;—*С. Соловьева* «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», М., 1847.—*Его-же* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. XIII, изд. 3-е, М. 1878.

I.

Сыновья Ярослава.

Довольно трудно сказать, какой порядокъ княжескаго владѣнія существовалъ на Руси при предшественникахъ Ярослава, и даже существовалъ ли какой-либо опредѣленный порядокъ. Иногда власть какъ будто переходила отъ одного князя къ другому по старшинству. Такъ, преемникомъ Рюрика былъ не малолѣтній сынъ его Игорь, а родственникъ Олегъ, по преданію, племянникъ Рюрика. Иногда всею землею правилъ одинъ князь; но это было, по видимому, тогда, когда не оставалось на лицо другихъ взрослыхъ князей.

Какъ скоро у князя подростало нѣсколько сыновей, каждый, обыкновенно, еще при жизни отца, получалъ какую-нибудь область въ управленіе. Внукъ Рюрика Святославъ, собираясь въ свой второй походъ на Дунай противъ болгаръ, роздалъ волости на Руси тремъ своимъ сыновьямъ; такъ же поступилъ и Владиміръ святой. При отцѣ сыновья правили областями въ качествѣ его посадниковъ, т. е. намѣстниковъ, и платили, какъ посадники, дань со своихъ областей великому князу—отцу. О Ярославѣ, напримѣръ, лѣтопись замѣчаетъ, что онъ, правя при отцѣ Новгородомъ, давалъ Владиміру ежегодную урочную дань по 2000 гривенъ. «Такъ,—прибавляетъ лѣтописецъ,—и всѣ посадники новгородскіе платили».

По смерти Ярослава случаи единовластія не повторяются: никто изъ потомковъ Ярослава не принимаетъ «власть русскую всю», не становится «самовластцемъ Русской земли». Это происходитъ отъ того, что родъ Ярослава съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе разростался, и власть надъ Русской землей дробилась между подраставшими князьями.

Послѣ Ярослава осталось пять сыновей и одинъ внукъ, Ростиславъ, сынъ старшаго сына Ярославова Владиміра, умершаго еще при жизни отца. Были въ то время на Руси и еще князья Рюрикова племени — потомки старшаго брата Ярославова, Изяслава сына Владиміра св. отъ Рогнѣды. Но они обособились совсѣмъ отъ потомковъ Ярослава и княжили въ землѣ Полоцкой. Въ дѣлежъ земли послѣ смерти Ярослава имъ вступаться не приходилось.

Въ лѣтописи разсказывается, какъ Ярославъ, лежа на смертномъ одрѣ, призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и сказалъ имъ:

«Вотъ я отхожу отъ этого міра, дѣти мои! Любите другъ друга; вѣдь вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами; онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ вашихъ, и будете вы жить въ мирѣ. Если же станете ненавидѣть другъ друга и ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую пріобрѣли они трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, заботясь другъ о другѣ. Свой столъ — Кіевъ поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ меня слушались; пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня»... Поручивъ остальныя волости другимъ сыновьямъ, Ярославъ наказалъ имъ не выступать изъ указанныхъ областей, а потомъ, обратясь къ старшему сыну, Изяславу, прибавилъ: «Если кто захочетъ обидить брата, то помогай обиженному».

Братья подѣлились по завѣту отца. Старшій Ярославичъ, Изяславъ сѣлъ въ Кіевѣ, присоединивъ къ нему и Новгородскую волость: такимъ образомъ, въ его рукахъ сосредоточились оба конца рѣчного пути «изъ Варягъ въ Греки». Второму сыну Ярослава, Святославу, досталась область Десны — притока Днѣпра, земля Черниговская съ примыкавшей къ ней по Окѣ Муромо-Рязанской окраиной. Къ Святославу же отошла и отдаленная Тмутаракань. Третій Ярославичъ, Всеволодъ, сѣлъ въ Переяславлѣ (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи); къ нему же отошла Суздальская область и Бѣлозерскій край по верхнему Поволжью.

Четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, сѣлъ въ Смоленскѣ; пятый, Игорь — на Волыни, гдѣ стольнымъ городомъ былъ построенный при Владимірѣ св. городъ Владиміръ-Волынскій (на рѣкѣ Лугѣ, притокѣ Западнаго Буга). Сирота племянникъ, Ростиславъ, получилъ въ княженіе отдѣльный Ростовскій край.

Братья Ярославичи, очевидно, распредѣляли между собой области такъ, чтобы каждому, безъ обиды, достались и земли старыя, близкія къ Кіеву, лежавшія въ далекѣ отъ «матери городовъ», и новыя, отдаленныя отъ этого средоточія Русской земли. Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ волость его была богаче. Еще въ договорахъ съ

греками города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль слѣдуютъ другъ за другомъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ распредѣлялись они между Ярославичами, а въ договорахъ эти города распредѣлены явно по своему могуществу и богатству.

Получивъ то, что досталось каждому по раздѣлу, Ярославичи не сдѣлались постоянными владѣльцами доставшихся имъ областей. Вскорѣ по смерти Ярослава скончался четвертый его сынъ—Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ. Сынъ этого Вячеслава не остался княжить въ Смоленскѣ: старшіе Ярославичи перевели сюда съ Волыни младшаго брата—Игоря, а на его мѣсто перевели изъ Ростова своего племянника—Ростислава (это былъ сынъ самаго старшаго изъ братьевъ—Владиміра, умершаго еще при жизни Ярослава). Черезъ три года умеръ Игорь, и послѣ него остались сыновья; однако братья Ярославичи не отдали Смоленска ни этимъ сыновьямъ, ни сыну Вячеслава, ни Ростиславу.

Ростиславъ счелъ себя обиженнымъ, такъ какъ думалъ, что онъ долженъ теперь перемѣститься съ Волыни въ Смоленскъ. Онъ убѣжалъ въ Тмутаракань и сталъ тамъ собирать войска. А между тѣмъ Святославъ и Всеволодъ Ярославичи заподозрили брата Изяслава въ какихъ-то козняхъ и выгнали его изъ Кіева. Тогда въ Кіевѣ сѣлъ Святославъ Ярославичъ, а въ Черниговъ перешелъ на его мѣсто изъ Переяславля Всеволодъ. Спустя три года, Святославъ умеръ; въ Кіевъ, на его мѣсто, перешелъ изъ Чернигова Всеволодъ. Но тутъ вернулся Изяславъ Ярославичъ. Всеволодъ добровольно уступилъ ему Кіевъ, какъ старшему, а самъ пошелъ въ Черниговъ. Тогда сыновья Святослава затѣяли борьбу съ дядей Изяславомъ, добиваясь себѣ городовъ, указывая на то, что отецъ ихъ былъ великимъ княземъ. Изяславъ палъ въ бою съ ними и Всеволодъ, единственный изъ сыновей Ярослава, оставшійся въ живыхъ, снова перемѣстился въ Кіевъ. По смерти Всеволода на кіевскій столъ сѣлъ не его сынъ, а племянникъ—Святополкъ Изяславичъ, сынъ старшаго Ярославича.

II.

Родовой порядокъ княжескаго владѣнія.

Изъ этихъ перемѣщеній со стола на столъ видно, какой порядокъ владѣнія установился у Ярославичей. Князья-родичи не были постоянными, неподвижными владѣльцами областей, доставшихся имъ по раздѣлу. Какъ только умираетъ кто-либо изъ князей въ составѣ княжескаго рода, наступаетъ передвижка: младшіе родичи,

слѣдовавшіе за умершимъ, передвигаются изъ волости въ волость, съ младшаго стола на старшій. Ярославичи княжили, слѣдовательно, не раздѣляясь, а передѣляясь, чередуясь по старшинству, княжили всѣмъ родомъ, занимая по очереди старшинства города Русской земли.

На Руси тѣхъ временъ не было, очевидно, ни единоличной верховной власти, ни наслѣдованія въ княженіи сына отцу. Весь княжескій родъ, всѣ князья образовали по очереди старшинства одну лѣствицу. Всѣ города Русской земли тоже были какъ бы расположены въ извѣстной лѣствицѣ по своей доходности и значенію. Каждой степени старшинства въ княжескомъ родѣ соотвѣтствовала степень въ лѣствицѣ городовъ.

На верху лѣствицы лицъ стоялъ самый старшій изъ наличныхъ князей. На верху лѣствицы городовъ стоялъ самый богатый и значительный городъ тогдашней Руси—Кіевъ.

Старшій или «великій» князь всегда занималъ Кіевскій столъ. Кромѣ обладанія самой богатой и сильной областью въ странѣ, старшій князь имѣлъ не мало и другихъ преимуществъ передъ младшими. Онъ былъ имъ всѣмъ «въ отца мѣсто», и всѣ младшіе князья должны были «ходить въ послушаніи» старшему.

Великій князь распредѣлялъ владѣнія между младшими родичами, «надѣлялъ» ихъ, разбиралъ ихъ споры и судилъ ихъ, заботился объ ихъ осиротѣлыхъ семьяхъ, онъ «думалъ—гадалъ» о всей Русской землѣ, о чести своей и своихъ родичей.

Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ великій князь дѣйствовалъ не одинъ, а собиралъ князей на общій совѣтъ и затѣмъ заботился объ исполненіи того, что рѣшалось на этомъ родственномъ совѣтѣ, вообще дѣйствовалъ какъ представитель и исполнитель воли всего державнаго княжескаго рода.

Такой порядокъ княжескаго владѣнія въ Русской землѣ называютъ родовымъ или очереднымъ, въ отличіе отъ порядка наслѣдственнаго или удѣльнаго, установившагося въ XIII и XIV вѣкахъ.

III.

Споры князей о старшинствѣ.

При первыхъ Ярославичахъ, когда княжескій родъ былъ не великъ, легко было установить и старшинство, и очередь отдѣльныхъ князей. Но во второй половинѣ XII-го вѣка, когда многочисленные князья стали далекими родственниками между собою, вести счетъ старшинства и устанавливать очередь владѣнія становилось уже трудно.

Старшинство опредѣлялось обыкновенно тѣмъ, какъ доводился тотъ или иной князь великому князю: братомъ, племянникомъ, внукомъ или болѣе далекимъ родственникомъ. Кромѣ того, старшинство опредѣлялось возрастомъ князей. Пока княжеская семья была не велика, оба эти старшинства совпадали, т. е. старшій по родству былъ старше и по годамъ. Но когда княжеская семья разрослась, это совпаденіе того и другого старшинства стало нарушаться. Такъ, у сына Всеволода Ярославича, Владиміра Мономаха, было восемь сыновей; пятый изъ нихъ, Вячеславъ, разъ сказалъ шестому—Юрію Долгорукому: «Я былъ уже бородатъ, когда ты родился!» Старшій сынъ этого «бородатаго» брата могъ родиться прежде своего дяди Юрія Долгорукаго. Въ подобныхъ случаяхъ возникалъ вопросъ: кто выше на лѣствицѣ старшинства—младшій-ли возрастомъ дядя, или младшій по родству, но старшій годами племянникъ? Бо́льшая часть княжескихъ усобицъ XI и XII вѣковъ вызвана была именно спорами старшихъ лѣтами племянниковъ и младшихъ по возрасту дядей.

Возникавшіе между князьями споры о старшинствѣ и порядкѣ владѣнія разрѣшались или «рядами», т. е. договорами князей, или усобицами, т. е. войнами. Усобицы были такими же «судами Божіими», какіе допускались въ то время для разрѣшенія споровъ по дѣламъ частныхъ лицъ. «Богъ промежи насъ будетъ», или «Богъ насъ разсудитъ»—говорили обыкновенно князья, подымая оружіе одинъ на другого. Благодаря такому обычаю, иной князь становился старшимъ не по родству и не по возрасту своему, а только потому, что его соглашались признать старшимъ другіе князья, вынужденные къ тому оружіемъ, или считавшіе это для себя выгоднымъ по договору.

Значитъ, можно было и пріобрѣсть старшинство. Сдѣлавшись старшимъ внѣ очереди, по вынужденному или добровольному согласію другихъ князей, такой князь поднималъ на болѣе высокую ступень и своихъ дѣтей: они ставили себя выше другихъ потому, что ихъ отецъ былъ великимъ княземъ, или потому, что другіе признавали его старше, чѣмъ онъ былъ въ родѣ и по годамъ. Дѣти стало быть, должны были идти въ порядкѣ отцовъ. Мѣсто въ цѣпи родичей, которое они получали отъ отца, было ихъ *отчиной*, и каждый изъ сыновей старался достичь того, чтобы повторить путь своего отца по лѣствицѣ старшинства. Съ каждымъ поколѣніемъ установившіяся прежде отношенія путались, сыновьямъ приходилось пересаживаться изъ города въ городъ не въ порядкѣ отцовъ, а это окончательно путало и сбивало родовые расчеты. Сынъ, желавшій повторить путь своего отца, обыкновенно добивался лишь одного: тѣхъ волостей, которыя принадлежали отцу. Если князьямъ

становилось трудно распутать взаимные счеты и ссоры, они рѣшали: «каждый да держитъ отчину свою», т. е. пусть княжитъ каждый тамъ, гдѣ княжилъ его отецъ. Такое постановленіе припято было, напримѣръ, на съѣздѣ внуковъ Ярослава въ Любечѣ (въ 1097 году). Съѣздъ въ Любечѣ не дробилъ Русской земли на отдѣльныя княженія; князья еще твердо помнили свое родство и считались «братьями»; но при дальнѣйшихъ распряхъ они все чаще и чаще обращались къ раздѣлу, какой установилъ Ярославъ: Святославичи, напримѣръ, тяготѣли къ Чернигову, Мономаховичи къ Кіеву и Переяславлю.

IV.

Князья изгои. Вмѣшательство городовъ.

Былъ въ родовыхъ отношеніяхъ и еще одинъ обычай, порождавшій споры и усобицы. Дѣло въ томъ, что достигнуть старшинства надъ всѣми князьями и занять Кіевскій столъ могъ лишь тотъ изъ князей, чей отецъ умеръ на великомъ княженіи и занималъ его по праву старшинства, признанному всѣми князьями. Тотъ же князь, чей отецъ умиралъ, не достигнувъ по лѣствицѣ старшинства великаго княженія, никогда не могъ княжить въ Кіевѣ. Такой князь становился сиротой или, какъ тогда говорили, *изгоемъ*.

Такихъ князей, лишившихся отцовъ еще при жизни дѣдовъ, старшіе родичи выдѣляли изъ своей среды, давали имъ извѣстныя волости въ постоянное владѣніе и лишали ихъ участія въ общемъ родовомъ распорядкѣ, выкидывали изъ очереди. Эти князья-сироты становились отрѣзанными ломтями въ княжескомъ родѣ. Такимъ изгоемъ былъ, напримѣръ, внукъ Ярослава — Ростиславъ. Дядья Ярославичи еще дали ему города на краю Русской земли — на Волыни, но уже дѣти Ростислава части въ ней не имѣли. Они собрали дружину, отняли у Польши Червонные города и основали тамъ свое особое княжество. Въ XII вѣкѣ и на Руси образовалось три изгойскихъ княжества: Муромо-Рязанское, Турово-Пинское и Городенское (Гродненское), да со временъ Владиміра св. продолжало существовать отдѣльно княжество Полоцкое. Были и другія условія, нарушавшія очередной порядокъ. Это, во-первыхъ, — доблести отдѣльныхъ князей, ихъ удаль и молодечество, позволявшія забывать всякіе родовые расчеты. Однимъ изъ такихъ князей былъ отважный внукъ Мономаха — Изяславъ. Во время усобицы онъ бралъ столы съ бою, «головой добывалъ» ихъ, не по

очереди старшинства, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на свою военную добычу. «Не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту»,—говаривалъ этотъ князь.

Затѣмъ много путаницы вносило въ родовые счеты князей вмѣшательство городовъ, которымъ много вредили княжескіе раздоры. Среди усобицъ у городовъ закрѣплялись свои связи съ нѣкоторыми князьями; иногда города наперекоръ княжескимъ счетамъ призывали на свои столы любимыхъ князей помимо очередныхъ. Подобное вмѣшательство городовъ въ княжескія отношенія началось также вскорѣ по смерти Ярослава. Такъ, однажды кіевляне выгнали отъ себя великаго князя Изяслава и на его мѣсто посадили князя-изгоя, Вячеслава Полоцкаго, котораго Ярославичи держали въ тюрьмѣ. Затѣмъ, по настоянію кіевлянъ долженъ былъ сѣсть на Кіевское княженіе Владиміръ Мономахъ помимо князя Давида Святославича. Особенно живо чувствовалъ тяжелыя послѣдствія княжескихъ споровъ Великій Новгородъ. Здѣсь княжилъ обыкновенно старшій сынъ или другой ближайшій родственникъ великаго князя кіевскаго. При частыхъ смѣнахъ князей въ Кіевѣ, князья часто мѣнялись и въ Новгородѣ. Не прошло и пятидесяти лѣтъ со смерти Ярослава, какъ въ Новгородѣ смѣнилось шесть князей; новгородцы стали думать о своемъ постоянномъ князѣ. Въ самомъ началѣ XII вѣка тамъ княжилъ посаженный еще въ дѣтствѣ и «вскормленный» Новгородомъ сынъ Владиміра Мономаха—Мстиславъ. Когда великимъ княземъ сталъ Святополкъ, то, поговоря съ отцомъ Мстислава, Владиміромъ Мономахомъ, онъ рѣшилъ вывести Мстислава изъ Новгорода и посадить туда своего сына. Узнавъ объ этомъ, новгородцы послали въ Кіевъ сказать великому князю: «Послалъ насъ Новгородъ и вотъ что говорятъ новгородцы: не хотимъ Святополка, ни сына его; если у твоего сына двѣ головы, то пошли его въ Новгородъ; Мстислава далъ намъ Всеволодъ, мы для себя его вскормили». Великій князь много препирался съ послами, но тѣ стояли на своемъ, взяли Мстислава и уѣхали съ нимъ въ Новгородъ.

Князья не всегда подчинялись вмѣшательству городовъ, но не могли пренебрегать имъ въ своихъ собственныхъ интересахъ.

* * *

Порядокъ княжескаго владѣнія Русской землей держался на исконномъ обычаѣ и не былъ опредѣленъ какимъ-либо закономъ. Обычны были и нарушенія этого порядка. Вотъ почему и трудно сказать, существовалъ ли онъ на Руси въ томъ видѣ, какъ его

приходится описывать. Нѣтъ сомнѣнія, что князья отъ времени до времени обращались къ завѣту Ярослава — жить въ мирѣ между собой, чтить старшаго «въ отца мѣсто», «думать-гадать» сообща о Русской землѣ и владѣть ею, соблюдая очередь старшинства. Но по разнымъ причинамъ возникали непрерывно распри и усобицы; княжества не въ очередь переходили изъ рукъ въ руки то по волѣ самихъ князей, то по волѣ городовъ, при чемъ все больше увеличивалось число изгоевъ и количество обособленныхъ княжествъ. Уже въ XII вѣкѣ многіе князья стремились передать свои отчины сыновьямъ и внукамъ, изъять ихъ изъ общаго владѣнія и превратить въ наслѣдственные удѣлы.

КНЯЗЬЯ И ДРУЖИНА КІЕВСКОЙ РУСИ.

По соч. *В. Ключевскаго* «Боярская дума древней Руси», изд. 3-е, М., 1902; — *Его-же* «Курсъ русской исторіи», ч. 1-я. М., 1904.—*В. Сергѣевича* «Русскія юридическія древности». Т. I, Спб., 1890.

I.

Составъ дружины и ея связь съ княземъ.

«Бѣ Володиміръ любя дружину и съ нею думая объ устроеньѣ земли, о ратяхъ и объ уставѣ земли». Изъ этихъ словъ лѣтописи видно, что дружину князя составляли тѣ люди, съ которыми князь дѣлилъ труды по управленію землей и по ея защитѣ.

Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Первая состояла изъ «княжихъ мужей» или «бояръ», вторая—изъ «отроковъ» или «дѣтскихъ». Младшую дружину называли тогда еще варяжскимъ словомъ «гридь», потомъ это названіе замѣнили словами «дворъ» или «слуги».

Старшимъ дружинникамъ, княжимъ мужамъ, князь поручалъ «посадничество» и «тіунство», т. е. намѣстничество и судъ, по городамъ и волостямъ, а такъ же и начальство въ войскѣ. Младшіе дружинники составляли военную силу князя, это были его воины и слуги.

Такъ какъ князья передвигались по очереди старшинства съ одного княжескаго стола на другой, то и дружинники ихъ отличались такой-же подвижностью. Они были постоянными сотрудниками и слугами всего русскаго княжья. Какъ вольные, свободные люди, они вступали въ дружину того или иного князя, какого хотѣли, по уговору съ нимъ. Дружинникъ обязывался помогать князю въ его предпріятіяхъ и служить ему извѣстную службу, и князь долженъ былъ платить дружиннику жалованье или давать ему доходную должность.

При переходахъ князей изъ волости въ волость вольные слуги могли переходить отъ князя къ князю, могли слѣдовать за однимъ или, оставаясь на мѣстѣ, вступать въ дружину другого.

Садясь на кіевскій столъ, новый великій князь «бралъ рядъ» съ братіей, дружиной и горожанами. Дружина князя-отца, переходя на службу къ сыну, цѣловала ему крестъ. Случалось, что при переходахъ княженія отъ одного князя къ другому дружинники вмѣшивались въ распри князей и своимъ вмѣшательствомъ рѣшали дѣло вопреки княжеской очереди. Когда князья цѣловали крестъ другъ другу, ихъ клятва скрѣплялась кресто-цѣлованіемъ ихъ бояръ, обѣщавшихся «между князьями добра хотѣть, честь ихъ стеречь и не ссорить ихъ другъ съ другомъ». На княжескихъ съѣздахъ бояре были обычными участниками совѣщаній, вступали съ князьями въ пренія, и считалось невозможнымъ рѣшить какое-либо дѣло соглашеніемъ однихъ князей безъ согласія ихъ бояръ. Если князь не совѣтовался со своими боярами, если онъ «думы не любилъ съ мужами своими», то его считали недобрымъ княземъ. Успѣхи князя, его добрыя или враждебныя отношенія къ другимъ князьямъ часто зависѣли отъ того, каковы были его совѣтники. «Съ мудрымъ думцею, говорили на Руси, князь высокаго стола додумается, а съ лихимъ думцею и малаго стола лишенъ будетъ».

Вотъ почему князь долженъ былъ «являть» дружинѣ свою думу. Бояре считали себя въ правѣ отказать князю въ содѣйствіи, если дѣло было задумано безъ ихъ вѣдома. Князь самъ выбиралъ себѣ совѣтниковъ, но остаться совсѣмъ безъ совѣтниковъ не приходило въ голову ни одному князю, и глубокимъ убѣжденіемъ всѣхъ было, что лишь тѣхъ князей «полки крѣпки и города тверды», у которыхъ «дума добра».

Спорили разъ два князя—Мстиславъ и Владиміръ. Владиміръ безъ вѣдома своей дружины сталъ подымать на Мстислава черныхъ клобуковъ, дикихъ степныхъ кочевниковъ. Черные клобуки обѣщали свое содѣйствіе Владиміру, и тогда Владиміръ явилъ боярамъ это свое дѣло. Но дружина сказала ему:

«Ты это, князь, самъ собою замыслилъ, такъ не ѣдемъ за тобой: мы того не вѣдали».

Тогда князь взглянулъ на свою младшую дружину, на дѣтскихъ, и сказалъ боярамъ:

«Ну, такъ вотъ эти будутъ моими боярами» — и поѣхалъ съ ними къ чернымъ клобукамъ.

Но черные клобуки встрѣтили Владиміра враждебно.

«Ты обманулъ насъ,—сказали они ему,—пріѣхалъ безъ братіи и безъ мужей своихъ!»

Съ этими словами они принялись стрѣлять въ князя и перебили всѣхъ его дѣтскихъ.

Въ дружинѣ князя встрѣчались также люди изъ городской знати и даже изъ простонародья. Владиміръ св. сдѣлалъ «велп-

кимъ мужемъ» Никиту кожемяку, т. е. простого скорняка за то, что онъ одолѣлъ въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря. У потомка Владиміра св., у князя Андрея Боголюбскаго, былъ одинъ дружинникъ, пришедшій къ этому князю безъ куска хлѣба, весь оборванный. Сначала онъ кололъ дрова на княжомъ дворѣ, а потомъ достигъ того, что сталъ управлять всѣмъ дворомъ. Въ дружинѣ князей XI и XII вѣковъ встрѣчаемъ людей изъ финновъ, угровъ, половцевъ, хазаръ, поляковъ, торковъ, печенѣговъ. Но это были случайныя явленія; основу княжеской дружины составляли все-таки единоплеменники самихъ князей—варяги. Старые исконные дружинники любили указывать на свое варяжское происхожденіе. Они-то по преимуществу и называются въ лѣтописи боярами или мужами «лѣпшими», т. е. лучшими.

II.

Участіе дружины въ управленіи и судѣ; ея содержаніе.

Дружинники были не только совѣтниками и воинами князя; при ихъ посредничествѣ шло все управленіе княжествомъ.

Въ старинныхъ областяхъ кіевской Руси при княжескихъ дворахъ XII и XIII вѣковъ находился довольно значительный кругъ сановниковъ, то были: *тысяцкій* съ *сотскими* — начальникъ городского ополченія, *дворскій* или *дворецкій*, *печатникъ*, *стольникъ*, *меченоша*, *мечники*, *конюшій*, *сѣдельничій*, *покладникъ* или *постельничій*, *ловчій*, *ключники* и *тіуны* разныхъ родовъ, *осменникъ* и *мытники*, *бирючи*, *подвойскіе*.

Частію это были, очевидно, дворцовые слуги невысокаго чина; иные, напротивъ, составляли при князѣ высшее правительство. Тысяцкій и дворскій принадлежали къ «великимъ боярамъ», и въ разсказахъ лѣтописцевъ иногда они являются самыми видными и вліятельными сановниками. Значительными лицами были также дворецкій, стольникъ, мечникъ, печатникъ.

Тіуны у князей, какъ у бояръ, служили по хозяйству во дворцѣ и въ загородныхъ селахъ; въ лѣтописи они всегда отличаются отъ «мужей». Но были еще правительственные тіуны, которымъ князь поручалъ судъ и расправу въ городахъ своего княжества, даже въ столицѣ: они считались также въ числѣ важныхъ сановниковъ съ большою властью.

Свой дворъ, свою дружину князь содержалъ преимущественно тѣмъ, что онъ получалъ какъ правитель и защитникъ земли. Это были разныя дани, судебныя и другія пошлины. Сѣвъ на новомъ

столѣ, князь спѣшилъ размѣстить по городамъ и волостямъ княжества своихъ мужей и дѣтскихъ, оставляя нѣкоторыхъ при себѣ для разныхъ правительственныхъ и дворцовыхъ надобностей. Свою дружину князь старался удовольствовать всѣмъ, чѣмъ могъ: богато одѣвалъ, кормилъ, угощалъ веселыми пирами, тѣшилъ охотой; держалъ онъ себя съ дружинниками по товарищески. Въ лѣтописи сохранился любопытный разсказъ о томъ, какъ однажды зашумѣли подвыпившіе дружинники Владиміра св. и заявили ему, что не хотятъ ѣсть деревянными ложками, а требуютъ серебряныхъ. Владиміръ исполнилъ эту прихоть и замѣтилъ: «Серебромъ и золотомъ я не добуду дружины, а съ дружиной добуду и серебро и золото». Отецъ Владиміра Святославъ братски дѣлилъ съ дружиной всѣ невзгоды походной жизни. Немудрено, что и дружина платила такому князю искренней привязанностью. «Гдѣ твоя голова, князь, ляжетъ, тамъ и мы наши сложимъ»!—отвѣчали дружинники Святослава на его призывъ биться мужественно съ врагами, лечь костьми и не посрамить земли Русской.

Имѣть много дружины считалось честью и славой для князя. Иной князь, благодаря умѣнью ладить съ дружинниками и жить съ ними по душѣ, собиралъ вокругъ себя много мечей, дѣлался сильнымъ и грознымъ. «Такой князь—всѣмъ отецъ»,—по выраженію одного писателя тѣхъ временъ,—«многіе отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ».

Слишкомъ кратки указанія письменныхъ памятниковъ, чтобы по нимъ можно было ясно представить себѣ ежедневную дѣятельность князя съ его дружинниками.

Если Владиміръ Мономахъ самъ поступалъ такъ-же, какъ въ своемъ «Поученіи» совѣтовалъ поступать своимъ дѣтямъ, то, обыкновенно, встрѣтивъ молитвою восходъ солнца, сходивъ въ церковь, онъ садился «думать съ дружиной» и «оправливалъ» людей, т. е. судилъ. Преподобный Ѳеодосій, по разсказу его древняго жизнеописателя, разъ на зарѣ, возвращаясь въ Печерскій монастырь отъ великаго князя Изяслава, встрѣтилъ по пути бояръ, которые уже ѣхали къ князю.

Но князь часто думалъ со своими мужами и въ полѣ на походѣ или въ станѣ подъ осажденнымъ городомъ. Походъ обыкновенно сопровождался рядомъ совѣщаній съ боярами; князь не дѣлалъ шага, не размысливъ съ дружиною, не повѣдавъ мужамъ думы своей и не спросивъ ихъ совѣта.

Предметами совѣщаній, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись, чаще всего служили военныя дѣла и отношенія князя къ братіи,

къ другимъ князьямъ. Какъ оборонить землю Русскую отъ поганыхъ, предпринять ли походъ въ степь или въ другую русскую волость противъ соперника, какой идти дорогой, мириться ли съ врагами, какъ подѣлиться волостями—всѣ эти вопросы князья рѣшали, «сгадавъ съ мужи своими».

Въ присутствіи бояръ князь творилъ судъ и расправу, по совѣту съ ними заключалъ договоры съ иноземцами, издавалъ новые законы, дѣлалъ предсмертныя распоряженія о своемъ княжествѣ, измѣнялъ порядокъ княжескаго преемства.

Лѣтопись иногда отчетливо изображаетъ ходъ этихъ совѣщаній князя съ дружиной, описываетъ поднимавшіяся на нихъ пренія, передаетъ рѣчи, какія держали бояре къ князьямъ и князья къ боярамъ, излагаетъ возраженія, какія вызывалъ князь со стороны думцевъ своимъ предложеніемъ. Князь или соглашался съ боярами, или же ему «было не любо» то, что говорила дружина, и онъ поступалъ по своему.

Иногда совѣтъ раздѣлялся и высказывались различныя мнѣнія; князь выслушивалъ обѣ стороны и рѣшалъ вопросъ, присоединяясь къ одной изъ нихъ. Въ совѣщанія князя съ дружиной вмѣшивалось иногда городское вѣче, духовенство и разные союзники-иноплеменники. Въ особо важныхъ случаяхъ присутствовалъ въ боярскомъ совѣтѣ мѣстный епископъ или его намѣстникъ.

* * *

Въ обычной дѣятельности боярскаго совѣта, какъ изображаетъ ее лѣтопись, не видать особаго, строго установленнаго порядка; за то въ ней много шума, говора, движенія. Если княжія и боярскія рѣчи переданы лѣтописцемъ вѣрно, то легко представить себѣ, какъ откровенно высказывались князья и бояре, какъ они свыклись съ гласнымъ обсужденіемъ дѣлъ, какіе они были охотники и мастера поговорить. Но можно замѣтить также, что эта шумная и говорливая дѣятельность была довольно поверхностна; князь и бояре шли за текущими дѣлами, обращались къ случайнымъ вопросамъ и интересамъ и не касались по существу того порядка, который съ трудомъ поддерживали. Когда, по разнымъ причинамъ, разрушился этотъ порядокъ, измѣнилась и дѣятельность князей — въ своихъ сѣверныхъ удѣлахъ они были заняты множествомъ дѣлъ и заботъ, о которыхъ они всего меньше «думали-гадали» на югѣ. Важнѣйшія изъ этихъ дѣлъ и заботъ были на югѣ — военныя, а на сѣверѣ—хозяйственныя.

СВ. ѲЕОДОСІЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

По нар. чтенію: «Богомольцы у святынь Кіева» *П. Хрущова.* Спб., изд. 5-е, 1897.

I.

Постриженіе Ѳеодосія.

Во времена князя Владиміра, близъ Кіева, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь проходитъ крѣпостной валъ, было загородное село, по названію Берестовое. У князя былъ тутъ свой теремъ и дворъ. Онъ любилъ это мѣсто и часто пріѣзжалъ сюда. Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ построилъ близъ своего двора каменную церковь во имя Спаса, и другую во имя святыхъ апостолъ. Старшимъ пресвитеромъ былъ поставленъ нѣкто Иларіонъ, человѣкъ строгой жизни, благочестивый и книжный. За селомъ Берестовымъ начинались тогда дремучіе лѣса и тянулись на много десятковъ верстъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуются большія и малыя церкви лавры, въ то время былъ одинъ сплошной лѣсъ.

Пресвитеръ Иларіонъ имѣлъ обычай удаляться въ лѣсъ, на крутой берегъ Днѣпра, и тамъ молиться Богу и пѣть псалмы. Онъ ископалъ себѣ въ этомъ лѣсу малую пещеру въ двѣ сажени длины и часто уединялся въ ней. Но не долгое время оставался Иларіонъ въ Берестовомъ: князь Ярославъ, сынъ Владиміра св., отозвалъ его въ Кіевъ и вскорѣ поставилъ митрополитомъ всей земли Русской. Митрополитъ Иларіонъ сталъ жить въ Кіевѣ, при храмѣ святой Софіи. Въ пещеркѣ его на берегу Днѣпра черезъ нѣкоторое время поселился новый жилецъ, по имени Антоній, который проводилъ время въ уединеніи и молитвѣ. Но скоро слухъ о его строгой, святой жизни сталъ разноситься между окрестными жителями: одни приходили къ нему—просить молитвъ и благословенія, другіе приносили ему потребное для жизни, иные желали остаться съ нимъ навсегда. Антоній не возбранялъ приходящимъ и нѣкоторыхъ принималъ въ свою пещеру. Первый изъ нихъ былъ священникъ Никонъ, за нимъ появился второй—23-хъ лѣтній Ѳеодосій, а потомъ и другіе

сподвижники. Когда около Антонія собралась небольшая братія, иноки выкопали еще пещерку, въ которой, устроивъ церковь, стали отправлять богослуженіе.

Самъ Антоній былъ родомъ изъ Черниговской земли, города Любеча. Съ юныхъ лѣтъ возлюбилъ онъ жизнь монашескую. Встрѣтившись однажды съ монахами, пришедшими изъ Греціи, молодой Антоній заслушался разсказовъ о Царѣградѣ, о горѣ Аѳонской, о строгости иноческаго житья и пожелалъ посѣтить эти мѣста. Труденъ и далекъ былъ путь, но никакія трудности не могли удержать юношу. Онъ дошелъ до Константинополя, а оттуда поплылъ моремъ ко горѣ Аѳонской. Здѣсь нашелъ онъ жизнь строгую, благочестивую, поистинѣ христіанскую, остался въ одной изъ обителей, и принялъ отъ игумена постриженіе. Прошло нѣсколько лѣтъ. По преданію, самъ игуменъ, призвавъ подвижника, сказалъ ему: «Антоній, иди обратно на Русь, и да будетъ надъ тобою благословеніе святой горы Аѳонской, ибо отъ тебя имѣютъ произойти многіе черноризцы».

Антоній возвратился въ Кіевъ; но ему, послѣ строгой жизни на Аѳонѣ, послѣ безмолвія и тишины, кіевскіе монастыри, устроенные мірскими людьми, были не по душѣ; въ нихъ не находилъ онъ ни строгаго устава, ни общежительнаго порядка. Тогда Антоній началъ ходить по горамъ и дебрямъ кіевскимъ, и вотъ—на крутомъ берегу Днѣпра, въ лѣсу, обрѣлъ онъ пещерку Иларіонову. Ему полюбилось это мѣсто, онъ сотворилъ молитву и поселился тутъ.

Ѳеодосій былъ уроженецъ города Василёва. Онъ происходилъ изъ родовитой семьи. Дѣтство свое онъ провелъ въ Курскѣ, куда отецъ его былъ переведенъ на службу. Съ дѣтства онъ былъ молчаливъ и задумчивъ, чуждался сверстниковъ и удалялся отъ игръ. Какъ только научили его грамотѣ, онъ сталъ просить родителей, чтобы они давали ему въ ученіе божественныя книги. Когда умеръ отецъ его, Ѳеодосій остался при матери, женщинѣ нрава крутого и горячаго. Ей не по душѣ были наклонности сына—его смиреніе и, какъ думала она, излишнее благочестіе. Отрокъ Ѳеодосій часто уходилъ изъ дому вмѣстѣ съ работниками и трудился въ полѣ наравнѣ съ ними. При этомъ онъ носилъ худую одежду и ничѣмъ не отличался отъ рабовъ своихъ. Мать укоряла его за это. Но Ѳеодосій стоялъ на своемъ, продолжалъ уходить со слугами и трудиться, какъ они, «и паче изволи быти, яко единъ отъ убогихъ». Мать еще больше гнѣвалась и даже била сына.

Случилось, что черезъ Курскъ проходили чужеземцы. Они плѣнили юношу разсказами объ Іерусалимѣ, о мѣстахъ, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель, и куда они направлялись. Ѳеодосій

ушелъ съ ними тайно отъ матери. Но мать догнала его. Въ ярости она схватила его за волосы и жестоко била. Вернувъ домой сына, она держала его въ оковахъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не далъ ей обѣщанія не убѣгать изъ дому.

Получивъ свободу, Ѳеодосій еще болѣе сталъ прилежать къ церковной службѣ и занялся печеніемъ просфоръ для церкви, въ которыхъ была нужда. Онъ покупалъ пшеницу, мололъ самъ на ручныхъ жерновахъ, пекъ просфоры и продавалъ ихъ въ церковь, на вырученныя деньги опять покупалъ пшеницы и вновь продолжалъ свое занятіе.

Мать негодовала на сына и говорила, что не пристала ему грубая работа, что всѣ будутъ смѣяться надъ нимъ. Ѳеодосій отвѣчалъ ей: «и надъ Спасителемъ, нашимъ Богомъ, люди не только смѣялись, но и ругались и били Его. Неужели-же намъ не выносить насмѣшекъ? Дѣло-же мое считаю самымъ почетнымъ, ибо изготовляю хлѣбы для великаго таинства причащенія».

Необыкновенная кротость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и твердость духа въ юношѣ привлекли къ нему вниманіе воеводы города Курска. Онъ узналъ его и полюбилъ, взялъ къ себѣ въ домъ, приставилъ къ своей церкви и одѣвалъ въ нарядное свѣтлое платье. Ѳеодосій, поносивъ нарядное платье день или два, отдавалъ его бѣднымъ, а самъ облекался опять въ скромную худую одежду. Мало того, втайнѣ отъ матери, съ помощью кузнеца, Ѳеодосій приготовилъ себѣ вериги съ зазубринами на желѣзѣ и наложилъ ихъ себѣ на тѣло. Вериги эти терзали тѣло его въ кровь, но никто и не замѣчалъ страданій подвижника.

Какъ то, въ большой праздникъ, воевода устроилъ пиръ и пригласилъ всѣхъ старѣйшихъ людей города, а Ѳеодосію было указано прислуживать знатнымъ гостямъ. По просьбѣ матери, онъ согласился надѣть чистую праздничную одежду, но при этомъ мать увидала на его сорочкѣ кровь. Она захотѣла узнать причину и открыла, что сынъ носитъ вериги. Она съ гнѣвомъ сняла эти вериги; юноша покорился и отправился въ домъ воеводы, гдѣ исполнилъ свою обязанность.

Постоянно читалъ Ѳеодосій Евангеліе, и ему запали въ душу слова Спасителя: «Иже любитъ отца или матерь паче Мене— нѣсть Мене достоинъ». И другія слова «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененіи и Азъ упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ». Наконецъ онъ рѣшился оставить домъ родительскій навсегда. Когда матери его необходимо было отлучиться на нѣсколько дней въ деревню, Ѳеодосій восполь-

зовался случаемъ и ушелъ изъ дому; онъ слыхалъ, что въ Кіевѣ есть монастыри и туда желалъ направить путь свой.

Путь былъ не короткій; дороги Ѳеодосій не зналъ. Вышедъ изъ города, онъ остановился; не зналъ, куда идти дальше. Тогда онъ сталъ молиться, чтобы Господь не оставилъ его. И вотъ видитъ онъ: идетъ по дорогѣ обозъ съ товарами. Онъ подошелъ къ обозникамъ и спросилъ, куда они держатъ путь?

— На Кіевъ—былъ отвѣтъ.

Такъ, слѣдомъ за купцами дошелъ онъ до Кіева. Тамъ обошелъ онъ монастыри, просилъ принять его въ число братіи. Но ему отказывали, видя его простоту и худую одежду. Лишь Антоній согласился исполнить его просьбу, онъ призвалъ жившаго съ нимъ священника Никона и благословилъ Ѳеодосія принять иноческій постригъ. Скоро новый инокъ превзошелъ всѣхъ другихъ любовью къ подвигамъ.

II.

Свиданіе Ѳеодосія съ матерью.

Между тѣмъ, мать Ѳеодосія, вернувшись изъ деревни, узнала, что сынъ ея ушелъ изъ дому и не возвращался. Она стала искать его по всей окрестности и обѣщала большую награду тому, кто откроетъ его убѣжище или кто приведетъ его къ ней. Но три года прошло, и напрасны были ея поиски; лишь на четвертый годъ получила она извѣстіе, что сына ея видѣли ходившимъ по монастырямъ кіевскимъ и искавшимъ постриженія. Услыхавъ это, мать немедленно отправилась въ Кіевъ—узнать, живъ-ли еще Ѳеодосій?

Прибывъ въ Кіевъ, она стала ходить по монастырямъ, разыскивая сына, но не могла найти его. Наконецъ кто-то указалъ ей на отшельника Антонія. Отыскала она пещерку Антоніеву и пожелала видѣть самого старца.

— Скажите преподобному Антонію,—просила она нѣкоторыхъ изъ братіи, чтобы онъ вышелъ ко мнѣ. Многотрудный и далекій путь я совершила, чтобы поклониться его святынѣ.

Антоній вышелъ къ ней. Сначала она не повѣдала ему настоящей причины своего прихода и повела бесѣду объ иномъ. Антоній милостиво разговаривалъ съ нею.

Потомъ она рѣшилась открыть ему правду и разсказала, съ какою цѣлью пришла и кого разыскиваетъ.

— Молю тебя, отче святый,—говорила она Антонію,—не утаи

отъ меня, если съ тобою живетъ сынъ мой. Много горя и скорби вынесла я ради его, такъ какъ думала, что онъ уже умеръ.

Старцу стало жаль матери и онъ сказалъ ей:

— Сынъ твой здѣсь; не плачь и не тоскуй о немъ: онъ живъ.

Она обрадовалась и сказала:

— Отчего-же я не вижу его при тебѣ? Хотѣла-бы я повидать его.

Антоній отвѣчалъ ей:

— Если хочешь его видѣть, то сегодня уйди отсюда, завтра же приходи вновь. Сынъ твой живетъ въ пещерѣ и никого не видитъ. Я же уговорю его выйти къ тебѣ.

Мать такъ и сдѣлала. Ѳеодосій, узнавъ, что пришла его мать, сильно смутился, просилъ старца не принуждать его выходить изъ пещеры. На другой день пришла мать, какъ ей было сказано, и Антоній опять вышелъ къ ней одинъ. Огорчилась мать, узнавъ, что сынъ ея отказался выйти къ ней. Она твердила, что не уйдетъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ Ѳеодосія, и скорѣе наложитъ на себя руки передъ дверьми этой самой пещеры, чѣмъ согласится вернуться домой, не повидавъ сына.

Антоній снова сошелъ въ пещерку и сталъ вторично уговаривать Ѳеодосія выйти къ матери.

Наконецъ Ѳеодосій внялъ увѣщаніямъ старца и послѣдовалъ за нимъ туда, гдѣ ожидала мать.

Мать едва узнала сына; такъ измѣнилось лицо его и такъ исхудалъ онъ. Съ горькими слезами обняла она Ѳеодосія и просила, чтобы онъ возвратился домой. Она обѣщала ему, что дома онъ будетъ жить, какъ пожелаетъ, и что никто ни въ чемъ не будетъ прекословить ему; «я же не могу жить,—замѣтила она,—не видя тебя; когда похоронишь меня, возвратишься снова въ это мѣсто». Но просьбы ея остались напрасными.

— Если хочешь видѣть меня,—сказалъ Ѳеодосій,—останься въ Кіевѣ и поселись въ женскомъ монастырѣ. Если поступишь такъ, то спасешь душу свою и внидешь въ царствіе небесное. Мнѣ же невозможно оставить мѣста сего: я постриженъ.

Послѣ того мать каждый день приходила къ сыну, и Ѳеодосій убѣждалъ ее послушаться его совѣта, а она не соглашалась съ нимъ и звала его къ себѣ. Когда же она уходила, то онъ горячо и подолгу молился Богу, чтобы Богъ просвѣтилъ его мать и направилъ ее на путь спасенія.

Прошло много дней. И вотъ однажды мать приходитъ къ Ѳеодосію и говоритъ ему: «сынъ мой, я рѣшилась исполнить желаніе твое. Я не вернусь болѣе въ свой городъ; останусь здѣсь и конецъ дней своихъ проведу въ монастырѣ. Слова твои вразумили меня».

Услыхавъ это, Ѳеодосій пошелъ къ своему старцу и разсказалъ ему о случившемся. Антоній вышелъ къ матери Ѳеодосія, долго бесѣдовалъ съ нею и наставлялъ ее. Затѣмъ Антоній далъ знать о ней княгинѣ Кіевской и ее приняли въ Никольскій женскій монастырь, гдѣ она была пострижена и провела остальные дни своей жизни.

III.

Возникновеніе монастыря Печерскаго.

Число братіи, собравшейся около Антонія, возросло до 16 человѣкъ. Всѣ они жили въ подземныхъ кельяхъ, ископанныхъ близъ пещеры Антонія. Тутъ же подъ землею устроена была церковь и общая пещера для братской трапезы. Жизнь иноковъ была убога: ѣли они сухой хлѣбъ и пили одну воду, разрѣшая себѣ сочиво по субботнымъ, воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; часто же, вмѣсто сочива, по недостатку его, довольствовались винными ягодами и овощами; на одежду свою сами пряли шерсть; когда оставался излишекъ, то они продавали пряжу и покупали жита, дѣлили между собою по ровну, и каждый долженъ былъ смолоть свою долю самъ ручнымъ жерновомъ; утромъ, до обѣдни иноки работали на огородѣ или въ саду; отъ труда переходили они къ молитвѣ, отъ молитвы къ труду.

Однажды Антоній созвалъ братію и сказалъ имъ: «вотъ, братія, Богъ собралъ васъ около меня и стали вы иноками: живите теперь безъ меня. Я же поставлю вамъ игумена, а самъ удалюсь и буду опять жить одинъ, какъ жилъ прежде. И онъ назначилъ имъ игуменомъ Варлаама, такъ какъ старѣйшій изъ иноковъ Никонъ ушелъ въ это время въ городъ Тмуторакань—на берегу Азовскаго моря, гдѣ основалъ монастырь. Самъ же Антоній послѣ того удалился отъ братіи и затворился въ келіи. Потомъ онъ ушелъ на другой холмъ, ископалъ себѣ новую пещеру и безмолствовалъ въ одиночествѣ.

Братія между тѣмъ жили со своимъ игуменомъ въ пещерѣ, и, когда ихъ стало много, они задумали поставить монастырь внѣ пещеры. Антоній благословилъ ихъ и послалъ сказать великому князю Изяславу: «Княже мой, вотъ Богъ умножилъ братію, а мѣсто малое. Далъ бы ты намъ ту гору, что надъ пещерою». Изяславъ согласился. Иноки заложили большую деревянную церковь, обнесли мѣсто монастыря тыномъ, поставили келіи и, окончивъ церковь, украсили ее иконами. Такъ зачался Печерскій мо-

настырь. Назвался онъ Печерскимъ потому, что братія прежде жили въ пещерахъ.

Въ это время кіевскій князь Изяславъ, во святомъ крещеніи Димитрій, строилъ въ Кіевѣ каменный храмъ во имя тезоименитаго ему великомученика Димитрія и при церкви основалъ монастырь. Онъ призвалъ къ себѣ игумена Печерскаго и удержалъ его въ новосозданномъ монастырѣ. Печерская братія осталась безъ игумена. Они собрались къ преподобному Антонію и просили поставить имъ игуменомъ Ѳеодосія.

IV.

Ѳеодосій игуменомъ.

Когда Антоній благословилъ его на игуменство, Ѳеодосій сталъ еще строже къ себѣ: онъ первымъ приходилъ въ церковь, послѣднимъ уходилъ изъ нея, и во все время богослуженія неподвижно простаивалъ на одномъ мѣстѣ; по прежнему работалъ онъ въ пекарнѣ и самъ мѣсилъ хлѣбъ; на тѣлѣ носилъ власяницу, а сверху власяницы худую свитку и ничѣмъ не отличался отъ простого инока. У него не было никакой собственности; случалось, что ему приносили въ даръ кое-что лишнее, онъ бросалъ эти дары въ печь: «запасы дѣлать—говорилъ онъ—не дѣло монашеское». Священноинокъ Никонъ, ушедшій было въ Тмуторакань, возвратился въ Печерскій монастырь во время игуменства Ѳеодосія. Подвижники стали жить вмѣстѣ, въ согласіи и дружбѣ; часто видали ихъ за одною работою; между прочимъ, Никонъ сшивалъ и переплеталъ рукописныя книги—онъ былъ весьма искусенъ въ этомъ дѣлѣ; игуменъ-же сидѣлъ подлѣ старца и прялъ нитки, потребныя для переплета.

Наконецъ число братіи дошло до ста. Ѳеодосій началъ обдумывать, какой уставъ ввести ему въ свой монастырь. Онъ посовѣтовался объ этомъ дѣлѣ съ преподобнымъ Антоніемъ и затѣмъ отправилъ одного инока на гору Аѳонскую за уставомъ монастыря Студійскаго. Инокъ списалъ уставъ и, возвратясь, вручилъ его игумену. Тогда Ѳеодосій, собравъ всю братію, прочиталъ имъ уставъ Студійской обители и ввелъ его въ своемъ монастырѣ. Изъ Печерской обители этотъ уставъ перешелъ и во всѣ другіе русскіе монастыри. Поэтому Кіево-Печерскій монастырь и считается первымъ уставщикомъ монастырей на Руси.

Требуя отъ братіи строгой жизни и удаленія отъ міра, Ѳеодосій самъ соприкасался съ мірскими людьми дѣлами милосердія: онъ устроилъ близъ монастыря дворъ для увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ,

и давалъ на нихъ десятую часть монастырскихъ доходовъ, а по субботамъ посылалъ хлѣбъ въ темницы. Монастырь все болѣе и болѣе разростался и получалъ вклады. Многіе бояре жертвовали имѣнія и села. «И приношаху ему князья и бояре отъ имѣній своихъ, на утѣшеніе братіи и на устроеніе монастыря». Но хотя въ монастырь и поступали частыя приношенія, Ѳеодосій не копилъ богатства, а тратилъ достатокъ на добро и пользу другихъ и дѣлился всѣмъ съ неимущими. Нерѣдко бывали дни, когда монастырь находился въ большой скудости.

Къ игумену обращались мірскіе люди съ просьбою о заступничествѣ предъ судьями и князьями, и онъ помогалъ имъ, такъ какъ судьи и князья уважали голосъ Ѳеодосія.

Долго не было въ обители каменнаго храма; игумену же хотѣлось при жизни своей воздвигнуть каменную церковь въ честь Успенія Пресвятой Богородицы. Старецъ Антоній благословилъ его на это; но не хватало средствъ на сооруженіе; ее заложили, при помощи добрыхъ людей, только въ 1073 году, т. е. лѣтъ черезъ 11 или 12 послѣ устроенія монастыря надъ пещерой.

Игуменъ Ѳеодосій съ братіею ежедневно трудился при постройкѣ, помогая мастерамъ наравнѣ съ прочими рабочими. Старецъ Антоній не дожилъ до конца постройки—онъ скончался въ томъ же 1073 г.. А на слѣдующій годъ, когда едва было выведено основаніе Великой церкви, Ѳеодосій сильно разнемогся и почувствовалъ приближеніе смерти. Пять дней пролежалъ онъ на одрѣ болѣзни и къ вечеру пятаго дня велѣлъ вынести себя изъ келіи подъ открытое небо. Его положили противъ церкви. Чувствуя приближеніе смертнаго часа, онъ пожелалъ проститься съ братіею и уставить порядокъ въ обители на будущее время.

Ударили въ било. Иноки стали собираться, и всѣ окружили одръ игумена. «Отцы, братія и чада,—сказалъ имъ Ѳеодосій,—вотъ я отхожу отъ васъ. Кого вы желаете имѣть у себя игумена послѣ меня? Я бы благословилъ его на игуменство».—Ты намъ отецъ,—отвѣчали иноки,—кого назначишь, пусть тотъ и будетъ у насъ игуменомъ, и мы будемъ повиноваться ему, какъ тебѣ.

Но Ѳеодосій повелѣлъ имъ подумать и сотворить совѣтъ между собою.

На другой день братія вновь собрались около своего болящаго игумена и сказали ему, что они избрали преемникомъ ему Стефана: «онъ на твоихъ глазахъ выросъ, тобой постриженъ».

Преподобный исполнилъ волю братіи и благословилъ Стефана на игуменство. Затѣмъ, оставшись съ нимъ наединѣ, долго бесѣдовалъ съ нимъ, наставлялъ и поучалъ его.

Вѣсть о болѣзни Ѳеодосія дошла до великаго князя Свято-

слава Ярославича и онъ пришелъ къ болящему съ сыномъ своимъ Глѣбомъ. Ѳеодосій, благословивъ князя, сказалъ: «я отхожу отъ свѣта сего и поручаю монастырь твоему храненію; игуменомъ послѣ себя оставляю Стефана; не давай его въ обиду».

Въ седьмой день своей болѣзни Ѳеодосій призвалъ Стефана съ братіею и преподалъ имъ послѣднее благословеніе. «Богъ, сотворивый все единымъ словомъ своимъ и мудростію—такъ говорилъ онъ имъ—да благословитъ и да соблюдетъ въ васъ вѣру твердую и непоколебимую и да пребудете въ единомысліи и любви до послѣдняго вашего вздоха, и да пошлетъ вамъ благодать работать Ему безъ порока. Будьте совершенны, какъ и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть; Господь да будетъ съ вами».

По кончинѣ Ѳеодосія иноки перенесли тѣло его въ пещеру, куда онъ уходилъ молиться и безмолвствовать.

Стефанъ ревностно продолжалъ строеніе Великаго храма; однако ему пришлось оставить Печерскій монастырь: онъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа города Владиміра Волынскаго.

Послѣ Стефана игуменомъ былъ избранъ древній Никонъ, первый сподвижникъ преподобнаго Антонія, другъ и духовный отецъ великаго игумена Ѳеодосія. При немъ въ 1089 году было окончено построеніе Великой церкви во имя Успенія Пресвятой Богородицы.

V.

Иноки монастыря Ѳеодосіева.

Печерскіе иноки жили сообразно заповѣдямъ и уставамъ Ѳеодосія. Всѣ они трудились во имя Божіе, всѣ были одинаково бѣдны, своего ничего не имѣли и содержались общимъ монастырскимъ продовольствіемъ.

Если братъ впадалъ въ какое нибудь прегрѣшеніе, другіе утѣшали его и раздѣляли наложенную на брата эпитимію; если который нибудь изъ нихъ покидалъ монастырь, вся братія печалилась о томъ; возвратившагося въ монастырь радостно принимали опять въ свою среду и просили игумена отпустить ему вину. Были между иноками крѣпкіе постники, молитвенники, трудолюбцы, люди ученые и учители; были цѣлители и врачи безмездные, которые ходили за страждущими. Иные занимались списаніемъ божественныхъ книгъ; другіе писали иконы и украшали живописью церковныя стѣны. Изъ художниковъ-иконописцевъ болѣе всѣхъ прославился Алимпій.

Онъ научился искусству писать иконы отъ греческихъ художниковъ, пришедшихъ украшать стѣны Печерской церкви. Научился же онъ этому искусству не для прибыли, а Бога ради. Надъ писаніемъ иконъ онъ работалъ столько, что ихъ всѣмъ было довольно: и игумену, и братіи. Часто просилъ онъ друзей своихъ, что если они увидятъ гдѣ въ церкви обветшалыя иконы, то приносили бы ему; онъ обновлялъ ихъ и ставилъ на свои мѣста. Алимпій любилъ свое искусство и цѣлый день работалъ. Заработанныя деньги онъ употреблялъ на святыя иконы, на краски и милостыню. И такъ дѣлалъ онъ всегда; ночью упражнялся въ пѣніи молитвъ, днемъ садился за работу.

Здѣсь же, въ печерской обители, составилъ житіе Ѳеодосія преп. Несторъ.

Въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, еще при Ѳеодосіи, пришелъ Несторъ въ Печерскую обитель и въ святыхъ ея стѣнахъ научился многому. Здѣсь онъ составилъ лѣтопись свою, «повѣсть о томъ, какъ началась Русская земля, кто первоначально княжилъ въ Кіевѣ», какъ Владиміръ просвѣтилъ Русь крещеніемъ, какъ убиты младшіе сыновья Владиміра, дѣти христіанки матери, Борисъ и Глѣбъ, отъ Святополка Окаяннаго. Описывалъ онъ и времена княженія Ярослава, сына Владиміра Святого, и годы княженія сыновей этого Ярослава. Онъ описалъ, какъ началась обитель Печерская, какъ жилъ Ѳеодосій.

Изъ Печерской обители вышли многіе пастыри, просвѣтившіе Русскую землю. Какъ любили иноки свою обитель, можно видѣть изъ словъ епископа Суздальскаго Симона. «Истинно говорю—писалъ онъ—сейчасъ всю эту славу и честь за ничто вмѣнилъ бы, лишь бы торчать за воротами, валяться соромъ въ Печерскомъ монастырѣ, чтобы люди попирали меня, или сдѣлаться однимъ изъ убогихъ, просящихъ милостыню у вратъ честной Лавры. Лучше желалъ бы я провести одинъ день въ дому Божіей Матери, гдѣ просіяли блаженнѣйшіе отцы, чѣмъ жить много лѣтъ въ селеніяхъ грѣшничихъ».

Въ концѣ XII вѣка, т. е. немного болѣе ста лѣтъ спустя по кончинѣ Ѳеодосія, монастырь былъ обнесенъ каменной стѣной; но въ 1240 году онъ былъ разрушенъ татарами и долго оставался въ запустѣніи. Нынѣшнія каменныя стѣны Лавры построены въ 1698 г. Мазепой; почти всѣ другія зданія построены еще позже—въ XVIII и XIX вѣкахъ.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

По соч. *И. П. Хрущова.* «Владиміръ Мономахъ, великій князь Кіевскій, правнукъ Владиміра святаго, и его завѣщаніе», изд. 5-е, Спб. 1900.—*Его-же* «Сказаніе о Василькѣ Ростиславичѣ». Жур. Мин. Нар. Просв. 1873.

I.

Мужество Мономаха; его смиреніе и любовь къ родинѣ.

По смерти Ярослава трое его сыновей, одинъ за другимъ, княжили въ Кіевѣ. У младшаго изъ нихъ, Всеволода, отъ брака его съ Греческой царевной, родился сынъ Владиміръ, получившій, по роду матери, прозваніе Мономаха.

Съ 13-ти лѣтняго возраста Владиміръ сталъ ходить съ отцомъ своимъ на войну и на ловлю дикихъ звѣрей. Въ тѣ времена близъ Кіева были дремучіе лѣса и привольныя пастбища; въ нихъ водились дикіе звѣри; охота на нихъ была не забавой, а промысломъ: шкурами и мѣхами русскіе вели обширный торгъ съ сосѣдями.

Владиміръ Мономахъ отличался храбростью на охотѣ и жизнь свою не разъ подвергалъ опасности. Дикихъ коней, какъ повѣствуетъ онъ самъ, вязалъ онъ живыхъ своими руками. Быкъ лѣсной металъ его на рога, олень бодалъ, лось топталъ ногами, вепрь (кабанъ) однажды ему на боку мечъ оторвалъ, медвѣдь прокусилъ одежду, волкъ повалилъ вмѣстѣ съ лошадью.

«Дѣти! не бойтесь ни рати, ни звѣря—говоритъ Мономахъ въ завѣщаніи дѣтямъ своимъ,—дѣлайте мужское дѣло, ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ. Божье блюденье лучше человѣческаго».

Привыкнувъ съ дѣтства къ трудамъ и лишеніямъ на охотѣ, Мономахъ легко переносилъ и опасности войны. Въ то время мѣстность, гдѣ нынѣ Харьковская и Воронежская губерніи и земля Войска Донского, находилась за предѣлами Русской земли. Тамъ, въ привольныхъ степяхъ, кочевали азіатскіе народы—половцы и другія племена. У нихъ были свои укрѣпленныя стоянки, но вели они жизнь бродячую, то и дѣло хищнически нападая на русскіе города и села.

Однажды ночью половцы приблизились къ самому Кіеву и

ворвались въ Печерскую обитель, въ часъ, когда монахи, послѣ всенощной, отдыхали по кельямъ. Они разорили церкви и многихъ иноковъ увели въ плѣнъ. Половцы уводили въ плѣнъ мирныхъ жителей деревень; ловили крестьянъ во время работъ на пашнѣ и угоняли съ собою ихъ скотъ. Нагіе, босые, истомленные возвращались русскіе изъ половецкаго плѣна и разсказывали о томъ, какъ земляки ихъ становились рабами невѣрныхъ. Князья же русскіе, вмѣсто того, чтобы собраться съ силами и ослабить врага, вели усобицы и забыли общую опасность: иные призывали на помощь толпы кочевниковъ-половцевъ и тѣмъ сами губили Русскую землю.

Самымъ сильнымъ изъ князей того времени былъ Олегъ, двоюродный братъ Владиміра. Олегъ и Мономахъ съ юности были друзьями. Молодыми людьми они, помогая королю Польскому, совершили вмѣстѣ походъ на землю Чешскую. Олегъ былъ крестнымъ отцомъ двухъ старшихъ сыновей Владиміра. Когда, по смерти отца Олегова, другіе двое князей притѣснили Олега, онъ нашелъ ласку и пріютъ у своего дяди, Всеволода, и у сына его, Владиміра Мономаха. Но Олегъ вскорѣ бѣжалъ отъ дяди и двоюроднаго брата и, нанявъ половцевъ, ихъ же обоихъ изгналъ изъ Чернигова, гдѣ они княжили. Потомъ Олегъ былъ и самъ побѣжденъ и изгнанъ изъ Русской земли. Послѣ того Всеволодъ возстановилъ порядокъ и тишину между князьями

Когда великій князь Кіевскій Всеволодъ скончался, сыну его, Владиміру Мономаху, шелъ сорокъ первый годъ, и княжилъ онъ въ Черниговѣ. Во время смерти отца и погребенія онъ находился въ Кіевѣ, гдѣ его любили такъ же, какъ и въ его области, Черниговѣ. Не трудно было ему сдѣлаться великимъ княземъ; но онъ, согласно обычаю, уступилъ первенство двоюродному брату Святополку-Михаилу, сыну старшаго дяди, а самъ пошелъ на свое прежнее княженіе въ Черниговъ.

По смерти Всеволода, Олегъ опять началъ смуту, опять привелъ половцевъ разорять отечество и осадилъ Мономаха въ Черниговѣ. Мономахъ нѣсколько дней оборонялся, но наконецъ, не желая проливать болѣе кровь, сказалъ: «да не радуются враги отечества нашему разоренію» — и добровольно уступилъ свое княженіе Олегу; самъ же переѣхалъ въ Переяславль. Половцы продолжали свирѣпствовать въ Черниговской области.

Тогда многіе города опустѣли; церкви, дома, житницы пылали, жители гибли позорною смертью или становились плѣнниками. Не видно было на лугахъ ни стадъ, ни коней; нивы заросли травою, и дикіе звѣри появились тамъ, гдѣ жили христіане.

Страшное горе принесъ съ собою Олегъ, и это долго помнили

на Руси, и даже прозвали его Олегомъ «Горпславичемъ». Но Владиміръ вновь одержалъ побѣду надъ половцами и ободрилъ народъ.

Русскіе рѣшили тогда искать враговъ въ ихъ собственной землѣ и пошли въ степь къ нимъ на встрѣчу. На первый же разъ взяли большое число плѣнниковъ и множество скота, верблюдовъ, коней,—и возвратились благополучно. Олегъ, не смотря на данное имъ ранѣе обѣщаніе, все-таки не ходилъ съ двоюродными братьями на половцевъ.

Возвратившись къ себѣ, послѣ побѣды надъ невѣрными, великій князь Святополкъ-Михаилъ и Владиміръ Мономахъ стали сзывать всѣхъ князей въ Кіевъ на съѣздъ. Олегъ не захотѣлъ явиться на съѣздъ и гордо отвѣтилъ: «я—князь, и не хочу совѣтоваться ни съ монахами, ни съ чернью».

Вскорѣ послѣ того Олегъ повелъ войну со своимъ крестникомъ Изяславомъ, вторымъ сыномъ Мономаха. Изяславъ палъ въ бою и, не смотря на то, Мономахъ искалъ примиренія съ Олегомъ, не думая мстить за смерть сына. Лѣтопись сохранила посланіе Владиміра къ Олегу:

«Долго печальное мое сердце боролось съ закономъ христіанскимъ, повелѣвающимъ прощать и миловать. Богъ велитъ братьямъ любить другъ друга... Дерзнемъ-ли въ самомъ дѣлѣ отвергнуть примѣръ Божественной кротости, данный намъ Спасителемъ? Нынѣ въ чести и славѣ — завтра въ могилѣ, и другіе раздѣлятъ наше богатство. Попомнимъ, братъ мой, отцовъ своихъ: что они взяли съ собою, кромѣ добродѣтели?... Убивъ моего сына и твоего собственнаго крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный увядшій цвѣтъ, ты не пожалѣлъ о немъ; не хотѣлъ прислать мнѣ утѣшительной грамотки, не хотѣлъ отослать ко мнѣ его вдову, мою бѣдную сноху; не далъ мнѣ поплакать вмѣстѣ съ нею о мужѣ ея, взамѣнъ того, что я не видалъ ихъ радостнаго брака и не слыхалъ ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣсенъ... Ради Бога, отпусти ее; пусть сѣтуетъ, какъ горлица, въ дому моемъ; а меня утѣшитъ Отецъ небесный. Не укоряю тебя безвременною кончиною сына: и славные люди находятъ смерть въ битвахъ. Онъ искалъ чужого и ввелъ меня въ стыдъ и печаль, обманутый корыстными слугами своими... Если имѣешь совѣсть, если захочешь успокоить мое сердце и съ посломъ или священникомъ напишешь ко мнѣ грамоту безъ всякаго лукавства, то возьмешь добрымъ порядкомъ область свою обратно, и мы будемъ жить дружелюбнѣе прежняго. Не боязнь и не крайность заставляютъ меня говорить такъ, но совѣсть и душа, которая мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе».

Олегъ послѣ того обманомъ напалъ на другого своего племян-

ника и такъ-же крестника, на старшаго сына Мономахова. Однако на этотъ разъ онъ былъ побѣжденъ и лишенъ княженія. Долго скитался Олегъ, но побѣдившій его племянникъ, Мстиславъ Владиміровичъ, примирилъ его съ прочими князьями.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Олегъ пріѣхалъ на съѣздъ князей въ городъ Любечъ, на берегу Днѣпра, гдѣ князья утверждали общій миръ. Князья подѣлили города и поклялись успокоить Русскую землю. Миръ былъ однако не продолжителенъ.

II.

Святополкъ, Давидъ и Василько: отношенія къ нимъ Мономаха.

Одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Владиміра Мономаха, князь Давидъ, имѣлъ въ Волынской землѣ удѣлъ въ сосѣдствѣ съ удѣломъ двоюроднаго-же своего племянника, по имени Василька. Юный князь Василько доблестями походилъ на Мономаха. Храбрый, благочестивый, прямой, онъ не имѣлъ никакихъ корыстныхъ замысловъ противъ другихъ князей и думалъ только о томъ, какъ бы доставить славу и честь Русской землѣ и защитить ее отъ враговъ. Давидъ, подозрительный, завистливый и корыстный, думалъ только о личныхъ выгодахъ и готовъ былъ на всякое злодѣйство. Давидъ давно намѣревался напасть на своего сосѣда, князя Василька, но не рѣшался на это, страшась Владиміра и всѣхъ другихъ князей, только что заключившихъ между собою общій миръ въ Любечѣ. Давидъ сталъ наговаривать великому князю Кіевскому на Василька, увѣряя, что этотъ князь, вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ, злоумышляетъ на него и на другихъ князей. Святополкъ долго не вѣрилъ наговору, подъ конецъ-же смутился духомъ. Давидъ твердилъ великому князю: «если мы не схватимъ Василька, ни тебѣ не будетъ великаго княженія, ни мнѣ на Волыни не княжить».

Случилось такъ, что Василько, 4 ноября, подошелъ со своей дружиной къ Кіеву; онъ возвращался изъ похода въ свою Волынскую землю. Оставивъ войско на берегу Днѣпра, недалеко отъ Выдубецкаго монастыря, Василько отправился въ эту обитель, помолился тамъ, поужиналъ съ игуменомъ и братьею и къ ночи возвратился въ станъ свой, гдѣ и почевалъ съ воинами. На другой день поутру великій князь прислалъ звать его къ себѣ на именины. Это было 5-го ноября, а 8-го Святополкъ-Михаилъ былъ именинникъ. Давидъ, гостившій у Святополка, прислалъ и отъ своего имени къ Василько просить его пріѣхать въ городъ, не про-

тивиться волѣ Святополка и пробыть до именинъ его. Но Василько спѣшилъ домой и не соглашался гостить въ Кіевѣ. «Видишь-ли— сказалъ Давидъ великому князю, — онъ презираетъ тебя въ твоей области; что же будетъ, когда пріѣдетъ въ свою землю, гдѣ ему такъ легко захватить и тѣ города, которые тебѣ принадлежатъ? Вели схватить его и отдать мнѣ. Ты вспомнишь совѣтъ мой, но тогда будетъ поздно!».

Святополкъ вторично послалъ сказать Василько, чтобы тотъ заѣхалъ къ нему хоть на самое короткое время—обнять своихъ дядей и побесѣдовать съ ними. Тогда Василько сѣлъ на коня и поѣхалъ по берегу Днѣпра въ Кіевъ съ большимъ числомъ слугъ. При въѣздѣ въ городъ его повстрѣчалъ одинъ изъ дружинниковъ и уговаривалъ не ѣздить; онъ прослышалъ, что готовится что-то не доброе. Но князь не повѣрилъ слуху и сказалъ въ отвѣтъ отроку: «Мы цѣловали крестъ и клялись стоять другъ за друга». При этомъ онъ перекрестился и, прибавивъ: «Воля Господня да будетъ!»— быстро повернулъ коня ко двору великокняжескому. Святополкъ встрѣтилъ его съ честью и усадилъ въ своей лучшей горницѣ. Вскорѣ пришелъ къ нимъ и Давидъ. Хозяинъ сталъ упрашивать гостя остаться до Михайлова дня. «Не могу, братъ, остаться— отвѣчалъ Василько,—я уже приказалъ своимъ двинуться въ путь, а отстать мнѣ отъ нихъ нельзя». — Такъ останься по крайности хоть до утра!—просилъ Святополкъ.

Василько согласился переночевать. Тогда Святополкъ вышелъ распорядиться объ угощеньѣ. Давидъ же остался наединѣ съ Васильковъ. Василько сталъ разговаривать; Давидъ не слушалъ и не отвѣчалъ. Наконецъ Давидъ спросилъ: «гдѣ-же братъ нашъ Святополкъ?» Ему отвѣтили, что великій князь въ сѣняхъ. «Пойду къ нему, а ты, братъ, посиди немного». Съ этими словами Давидъ вышелъ. Только онъ вышелъ, какъ вбѣжали люди и оковали Василька въ двойныя оковы, заперли двери горницы и приставили къ нимъ стражу. На другой день по утру Святополкъ созвалъ бояръ и гражданъ на совѣтъ; онъ обвинялъ Василька въ измѣнѣ, ссылаясь на Давида. «Если Давидъ правду сказалъ, то пусть Василько будетъ наказанъ, и ты, князь, долженъ беречь свою голову. Но если Давидъ говоритъ не право, то приметъ онъ месть отъ Бога»—отвѣчали кіевляне своему князю. Игумены кіевскихъ монастырей собрались къ Святополку и молили его объ освобожденіи Василька; Святополкъ дѣлалъ видъ, что отпуститъ Василька, однакоже не отпускалъ. Давидъ не переставалъ стращать Святополка тѣмъ, что онъ лишится престола, и наконецъ принудилъ великаго князя дать согласіе на свой замыселъ.

Лишь только настала ночь, скованнаго Василька посадили на телѣгу и повезли въ Бѣлгородъ, верстъ за 20 отъ Кіева (нынѣ мѣстечко Бѣлгородка). Тамъ ссадили его съ телѣги и ввели въ малую избу. Лишь только сѣлъ Василько, какъ увидѣлъ, что овчаръ Святополка «торчинъ» (изъ племени кочевниковъ торковъ) точитъ ножъ. Князь догадался, что его хотятъ ослѣпить и возопилъ къ Богу съ плачемъ великимъ и стенаніемъ. Тогда вошли въ избу Сновидъ, конюхъ Святополка, и Дмитръ, конюхъ Давида, и начали разстилать коверъ. Разостлавъ, схватили Василька и хотѣли повалить его на земь, но молодой, сильный князь долго съ ними боролся. Наконецъ пришли другіе люди, повалили князя, связали его и, взявъ доску съ печи, положили ему на грудь, на оба конца сѣли по человѣку, но удержаться они не могли. Тогда еще другіе двое положили вторую доску и такъ сдавили князя, что грудь его затрещала. А между тѣмъ торчинъ, держа ножъ, хотѣлъ ударить въ глазъ, но промахнулся и порѣзалъ князю лицо. Рана эта на всю жизнь оставила слѣдъ на лицѣ Василька. Потомъ торчинъ ткнулъ въ оба глаза и вынулъ зѣницы. Василько обезпамятѣлъ отъ боли. Его тотчасъ вмѣстѣ съ ковромъ, на которомъ лежалъ онъ, положили въ телѣгу и повезли по дорогѣ къ Волыни. Проѣхавъ 20 верстъ, остановились въ другомъ маломъ городкѣ— въ домѣ священника. Тутъ стражники сняли съ Василька его окровавленную сорочку и велѣли ее вымыть. Когда сорочка была готова и попадья стала надѣвать ее на Василька, начала она плакать и громко причитать, какъ по умершемъ. Стражники въ это время обѣдали. Отъ этого плача очнулся Василько и спросилъ: «гдѣ-же я»? Ему отвѣтили: въ Здвижнѣ городѣ. Онъ попросилъ воды; ему дали; онъ испилъ и пришелъ въ себя и, пощупавъ сорочку, сказалъ: «зачѣмъ снимали ее съ меня»? Лучше бы мнѣ умереть въ кровавой сорочкѣ и предстать такъ на судъ передъ Богомъ». Побѣдавъ, стражники снесли князя на телѣгу и повезли во Владиміръ-Волынскій, главный городъ Давидова княженія.

Тяжко было страдальцу совершить этотъ путь: былъ мѣсяцъ ноябрь, земля мерзлая — безъ снѣгу, и колотье. На шестой день доѣхали до мѣста и посадили Василька подъ стражу; 30 человѣкъ стерегли его и два отрока ему прислуживали.

Давидъ вскорѣ прибылъ туда, какъ будто охотникъ за своей добычей.

У Василька совсѣмъ не было и мысли идти противъ братьевъ-князей и отнимать у нихъ города: онъ копилъ войско на ляховъ. Сидя подъ стражей, онъ высказалъ всю правду о своихъ замыслахъ одному доброму человѣку книжному, который и записалъ

этотъ разсказъ о взятіи князя въ плѣнъ и его страданіяхъ. «Я много о себѣ думалъ,—смиренно замѣтилъ Василько,—и Богъ покаралъ меня за гордость».

Когда вѣсть объ ослѣпленіи Василька дошла до Мономаха, ужаснулся Владиміръ, горько заплакалъ и сказалъ. «Сего не бывало въ Русской землѣ ни при дѣдахъ нашихъ, ни при отцахъ!»

Думавшій только о мирѣ между князьями, Мономахъ теперь самъ сталъ звать къ себѣ на помощь другихъ князей. «Братья,— послалъ онъ сказать имъ—надо поправить зло. Если же этого зла не поправимъ и братъ брата начнетъ губить, то погибнетъ Русская земля, враги наши половцы придутъ, возьмутъ нашу землю».

Князья собрались къ Владиміру съ войскомъ, и онъ послалъ мужей своихъ къ великому князю съ такими словами: «Что ты сдѣлалъ? Зачѣмъ ножъ бросилъ во всѣхъ насъ? Зачѣмъ ты ослѣпилъ своего и нашего брата? Если за нимъ была вина, зачѣмъ не обличилъ передъ нами? Повѣдай, чѣмъ повиненъ онъ?»

Святополкъ отвѣчалъ: «мнѣ сказалъ Давидъ, что покойный родной братъ мой, убитый на пути неизвѣстнымъ человѣкомъ, погибъ по волѣ Василька, и что Василько хочетъ меня убить и взять мои города на Волыни. Не я ослѣпилъ, а Давидъ — и увезъ къ себѣ».

— Тебѣ въ томъ нѣтъ извиненія—отвѣчали послы Владиміра— не въ городѣ Давида, а въ твоемъ городѣ Василько взятъ и ослѣпленъ.— Съ этими словами они удалились.

На другой день по утру войско Владиміра Мономаха и другихъ князей стало переправляться черезъ Днѣпръ къ Кіеву, а Святополкъ собирался бѣжать, но граждане не пустили его и послали къ Владиміру проживавшую въ Кіевѣ мачиху его, вдову великаго князя Всеволода, и съ нею митрополита Николу съ такими рѣчами: «молимъ тебя, князь, и братьевъ твоихъ, не губите Русскую землю на радость врагамъ!»

Услыхавъ эти слова, Владиміръ сказалъ: «по правдѣ отцы наши и дѣды соблюдали Русскую землю, а мы хотимъ губить ее». Такъ не захотѣлъ Владиміръ ослушаться ни княгини, которую чтилъ какъ мать, ни митрополита, почитая его святительскій санъ. Великій князь обязался идти вмѣстѣ съ прочими князьями наказать Давида.

Почти три года продолжалась война противъ Давида, въ нее вмѣшались и венгры, и половцы. Во время этой войны великій князь Кіевскій Святополкъ, сражаясь на Волыни противъ Давида, вдругъ обратилъ оружіе противъ Василька, намѣреваясь отнять у него наслѣдственные города. Слѣпой Василько явился на мѣстѣ битвы и громко кричалъ Святополку, высоко поднимая передъ

собою крестъ: Видишь-ли мстителя, клятвопреступникъ? Лишивъ меня зрѣнія, хочешь отнять и жизнь мою!» — Святополкъ потерпѣлъ пораженіе. При счастіи Василько ни разу не воспользовался возможностью овладѣть чужимъ городомъ. Онъ только стоялъ за свое и соблюдалъ свою клятву не брать чужого. Давидъ былъ усмиренъ князьями и по общему ихъ суду лишенъ главнаго своего города и княженія.

III.

Походъ Владиміра Мономаха на половцевъ.

Лишь только успокоились междоусобія, Владиміръ созвалъ всѣхъ князей подъ Кіевъ и сталъ предлагать войну противъ половцевъ. Отцы духовные благословляли эту брань съ невѣрными. Князья сошлись въ раскинутомъ шатрѣ и расположились на коврѣ; вокругъ стояли дружинники. Владиміръ сталъ предлагать на весну походъ въ землю Половецкую. Дружинники Святополка отвѣчали: — «Какъ идти въ походъ весною? наберемъ мы лошадей, оторвемъ отъ пашни и нечѣмъ будетъ пахать крестьянамъ и пашню мы погубимъ». — Дивно мнѣ, отвѣчалъ Владиміръ, вы жалѣете лошадей, а не подумаете о томъ, что лишь только начнетъ крестьянинъ пахать, какъ половчинъ неожиданно пуститъ въ него стрѣлу и лошадь его возьметъ и, въѣхавъ въ село, захватитъ въ плѣнъ и жену его, и дѣтей, и все его имѣніе!—Ничего не могли на это отвѣтить Владиміру. Тогда и великій князь Кіевскій сказалъ: — «Я готовъ идти!» Владиміръ отвѣтилъ: «Великое добро сотворишь ты, братъ, землѣ Русской!»

Владиміръ понималъ, что великое зло надо пресѣчь силою, но не всѣ князья объ этомъ мыслили одинаково съ нимъ.

Со славою и богатою добычею вернулся Мономахъ изъ похода. Черезъ нѣсколько времени онъ вновь собралъ полки и повелъ ихъ въ тѣ же степи.

Съ молитвою вступали князья въ землю враговъ: священники впереди на коняхъ пѣли псалмы, канонъ Животворящему Кресту и Пресвятой Богородицѣ; это была не корыстная война, а борьба съ лютыми врагами язычниками за всю землю Русскую. Когда половцы, собравъ свои полки, окружили князей, русскіе не устрашились. «Братья, станемъ крѣпко»! говорили князья, возводя очи на небо и призывая Бога Вышняго.

Это былъ капунъ Благовѣщенія, и вмѣстѣ Лазаревой субботы. Въ молитвѣ и спокойствіи провели князья два великихъ праздника,

а въ понедѣльникъ на страстной половцы опять обступили русскихъ. Новую побѣду одержалъ Мономахъ, и слава его далеко разнеслась за предѣлы родины, до самаго Царьграда.

IV.

Княженіе Мономаха въ Кіевѣ.

По смерти великаго князя Святополка-Михаила, кіевскій столъ перешелъ къ Владиміру Мономаху.

Подобно Ярославу его набожный внукъ усердно заботился о русской церкви: онъ строилъ новые храмы и поощрялъ церковную письменность. Строгій блюститель искошныхъ обычаевъ Владиміръ Мономахъ дѣятельно поддерживалъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія, установленный Ярославомъ: при немъ ни одинъ князь не выходилъ изъ послушанія старшему: Кіевъ, Переяславль, Смоленскъ, Суздаль, Ростовъ, Владиміръ и самый Новгородъ были во власти великаго князя.

Заботы Мономаха объ устройствѣ земли отразились и на «Русской Правдѣ»—ему принадлежитъ извѣстная статья о «рѣзѣ», который взимали съ должниковъ заимодавцы.

Побѣды надъ половцами обезпечили Мономаху мирную дѣятельность: при немъ поднялось значеніе старинныхъ городовъ и возникли новые, въ томъ числѣ Владиміръ на Клязьмѣ въ далекомъ отъ Кіева Суздальскомъ краѣ. Наконецъ, Мономахъ вступилъ въ дружескія и родственныя связи съ европейскими государями: его первая жена была дочь Англійскаго короля, его старшій сынъ Мстиславъ, былъ женатъ на дочери Шведскаго короля; одна изъ его дочерей была замужемъ за Венгерскимъ королемъ, другая—за Греческимъ царевичемъ.

Скончался Владиміръ Мономахъ въ глубокой старости, близъ любимой своей церкви, построенной на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ св. князь Борисъ. Дѣти его, внуки и многіе другіе князья похоронили его, при всенародномъ плачѣ, въ кіевской соборной церкви Софіи-Премудрости-Божіей. «О немъ плакалъ народъ, говоритъ лѣтописецъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери. Свѣтился онъ въ Русской землѣ какъ солнце, пуская лучи. Слухъ о немъ прошелъ по всѣмъ странамъ. Врагамъ онъ былъ страшенъ, а дома братолюбецъ и нищелюбецъ, и добрый страдалецъ за землю Русскую». Въ этихъ словахъ вся заслуга Мономаха. Примирять князей, оберегать отечество, о благѣ его думать и не щадить трудовъ своихъ—было дѣломъ всей его жизни. «Чему поучать такого князя—писалъ Мо-

помаху при жизни его русскій митрополитъ Никифоръ,—который больше на сырой землѣ спитъ, платье свѣтлое отвергаетъ, сиротинскую одежду носитъ? Что говорить о воздержаніи тому, кто другимъ любитъ готовить обильные обѣды, а самъ довольствуется малою пищею, самъ прислуживаетъ гостямъ своимъ и смотритъ, чтобы они ѣли до сыта?»

V.

Завѣщаніе Мономаха.

Владиміръ Мономахъ оставилъ обширное поученіе или завѣщаніе дѣтямъ своимъ.

«Дѣти,—говоритъ онъ—не осудите писанія моего, не посмѣйтесь ему: я собралъ въ немъ любимыя мѣста изъ псалмовъ Давида, которыми утѣшался въ печали, и многія другія мысли и слова. А вы примите въ сердце, дѣти мои».

Вслѣдъ затѣмъ онъ приводитъ изреченія объ упованіи на Бога, о помощи праведнику. Онъ какъ бы молится вслухъ и молитву свою завѣщаетъ дѣтямъ и ею-же поучаетъ ихъ на добродѣтель. Онъ говоритъ просто, выбирая трогательныя слова писанія: месть надо предоставить Богу, гордость и злобу изгнать изъ сердца, надо печись о бѣдныхъ, защищать вдовъ и сиротъ, оказывать помощь притѣсненнымъ. Можно спастись покаяніемъ, молитвою и милостыней.

Отъ такихъ совѣтовъ Мономахъ переходитъ къ прославленію Бога: «Великій Господь и чудны дѣла Твоя; разумъ человѣческій не можетъ повѣдать чудеса Твои»! Вслѣдъ затѣмъ онъ указываетъ дѣтямъ на могущество Творца и премудрость Его творенія—окружающаго насъ міра, всей природы земной.

«Послушайте меня, дѣти,—продолжаетъ онъ—если не все примите, то хотя половину».

«Если Богъ умягчитъ сердце ваше, плачьте о грѣхахъ своихъ и твердите: какъ блудницу, разбойника и мытаря помиловалъ, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй. И въ церкви молитесь такъ—и дома, ложась спать. Ночью, когда проснетесь, не забывайте хоть разъ сдѣлать земной поклонъ съ молитвою. Въ дорогѣ, на конѣ и среди людей, когда недосугъ стоять на молитвѣ, твердите въ тайнѣ: Господи помилуй! Главное—не забывайте убогаго, но по силѣ накормите, надѣлите сироту и сильнымъ не давайте сдѣлать вредъ человѣку».

«Ни праваго, ни виноватаго не казните смертною казнью. Если

кто и повиненъ смерти — не губите души христіанской. Цѣлуйте крестъ (присягайте), подумавши, если въ силахъ соблюсти клятву».

«Старыхъ почитайте, какъ отцовъ, молодыхъ считайте за братьевъ».

«Въ дому своемъ не лѣнитесь, не надѣйтесь ни на кого, а сами смотрите, какъ идетъ дѣло — и тогда будетъ порядокъ, и приходящіе не посмѣются ни дому вашему, ни обѣду вашему. Вышедъ на войну, не лѣнитесь, не полагайтесь на воеводъ, не проводите много времени за ѣдою и спаньемъ. Сами наряжайте стражу и ночью спите около воиновъ и раньше всѣхъ вставайте. На походѣ въ своихъ и чужихъ земляхъ не давайте слугамъ вашимъ дѣлать вредъ кому бы то ни было».

«Если гдѣ остановитесь въ жильѣ—напойте, накормите хозяина, а не обижайте его. Гостя почтите, откуда бы онъ ни пришелъ: будь онъ простой человѣкъ, будь онъ знатный, или посолъ. Если не можете одарить, такъ почтите брашномъ и питьемъ. Больного посѣтите; надъ мертвецомъ пойте и молитесь: яко вси мертвеннии есмы. Никогда не обойдите человѣка, не привѣтствовавъ его, не сказавъ ему добраго слова».

«Женъ своихъ любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Вотъ мой отецъ, сидя дома, изучилъ пять чужихъ языковъ. Въ этомъ честь отъ всѣхъ земель. Лѣность всему злу мать. Лѣнивый, что и зналъ, то забудетъ, а чего не знаетъ, тому никогда не научится».

«Да не застанетъ васъ солнце въ постели. Отецъ мой и другіе добрые люди встрѣчали солнце съ молитвою и по восходѣ солнца прославляли Бога съ радостью, говоря: «Просвѣти очи мои, Христе Боже»—и «далъ ми еси свѣтъ Твой красный», и еще: «Господи, приложи мнѣ годъ къ году, чтобы я очистился отъ грѣховъ моихъ, и оправдай жизнь мою предъ Тобою, чтобы я тѣмъ восхвалилъ Тебя».

«Помолившись, начинайте дѣлать свои дѣла, или созовите дружину на совѣтъ, или рѣшайте дѣла судныя. Послѣ того или поѣзжайте на охоту, или такъ поѣздите, а потомъ и лечь спать можно. Въ полдень и звѣри, и птицы, и человѣки отдыхаютъ: Богомъ такъ установлено».

Далѣе Мономахъ разсказываетъ дѣтямъ своимъ о трудахъ своихъ и о походахъ, которыхъ не сосчитать. Онъ говоритъ, что всѣхъ походовъ большихъ совершилъ 83, а малыхъ и не упомнитъ. «Съ коня много разъ падалъ, голову дважды разбилъ, и руки и ноги повредилъ; не берегъ жизни своей, не щадилъ головы своей. Что надо было дѣлать слугѣ, то дѣлалъ самъ на войнѣ и на

охотѣ, ночью и днемъ, во время зноя и во время стужи, спокоя не зналъ».

«Все дѣлалъ, что нужно было, и въ дому своемъ держалъ порядокъ, смотрѣлъ и за ловчими, и за конюхами, заботился и о церковномъ порядкѣ, и о службѣ. Я не хвалюсь, дѣти, но хвалю Бога, что сдѣлалъ меня способнымъ на всѣ человѣческія дѣла. Читая грамотицу эту, почтитесь на всѣ добрыя дѣла, славя Бога и святыхъ Его. Смерти не бойтесь, дѣти, ни войны, ни звѣря, но мужеское творите дѣло. Кто можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ. А если отъ Бога назначена смерть, никто не можетъ отъ нея уберечь: ни отецъ, ни мать, ни братья. Божье блюденье лучше человѣческаго».

ПОЛОВЦЫ.

По соч. *П. Голубинскаго* «Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в.в. Кіевъ, 1884.—*И. Хрущова* «Бесѣды по древне-русской литературѣ».

I.

Набѣги половцевъ.

Въ IX—X вѣкахъ изъ внѣшнихъ враговъ Руси всѣхъ опаснѣе были печенѣги. Борьба съ ними къ началу XI вѣка достигла большого напряженія; для защиты земли князья то предпринимали походы въ степь, то устраивали линіи укрѣпленныхъ городовъ. Наконецъ, великій князь Ярославъ нанесъ (въ 1036 году) печенѣгамъ столь тяжелое пораженіе, что десять лѣтъ граница со степью оставалась безопасной. Къ югу отъ Кіева, по западному притоку Днѣпра, по рѣкѣ Росп появились на ряду съ русскимъ населеніемъ мирные инородцы—торки, берендѣи и даже печенѣги, «свои поганые», какъ называли ихъ на Руси. По смерти Ярослава, придвинулись ближе къ Днѣпру куманы или половцы.

Первое нападеніе половцевъ, по свидѣтельству лѣтописи, было въ 1061 году. Съ тѣхъ поръ въ XI и XII в., можно сказать, года не проходило, когда бы не горѣли русскіе села и города. Пользуясь и раздробленностью Руси, и своею многочисленностью, половцы въ одно и тоже время появляются на разныхъ пунктахъ, не даютъ возможности собрать силъ для защиты населенія. Въ 1092 г. они разными отрядами являются въ одно время и на Удаѣ, гдѣ берутъ гор. Прилуки, и у Днѣпра, гдѣ той-же участи подвергаются гор. Переволочна и Песочепъ. Въ 1096 году, въ маѣ мѣсяцѣ, Бонякъ разорилъ окрестности Кіева, Куря-Переяславля, а Тугорханъ вслѣдъ затѣмъ осадилъ самый Переяславль. Въ 1172 году половцы явились у Песочнаго и Корсуня. Пока князь Глѣбъ Юрьевичъ договаривался о мирѣ со стоявшими на лѣвой сторонѣ Днѣпра, половцы отъ Корсуня двинулись быстро къ Кіеву и ограбили все кругомъ его. Въ 1184 г. въ одно и то же время Кончакъ напалъ на Переяславль, а Кза на Посемье. Въ 1187 г. часть половцевъ грабила Поросье, а другая Черниговскую область. Не было такимъ образомъ никакой возможности предупредить набѣги и принять ка-

кія-либо мѣры для защиты страны. Быстрота, съ какой дѣлались половецкіе набѣги, прекрасно отмѣчена византійскимъ писателемъ XII в., Евстафіемъ Солунскимъ... «Въ одинъ мигъ — говоритъ онъ — половецъ близко, и вотъ уже нѣтъ его. Сдѣлалъ наѣздъ и стремглавъ, съ полными руками, хватается за поводья, понукаетъ коня ногами и бичемъ, и вихремъ несется далѣе, какъ бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успѣли увидѣть, а онъ уже скрылся изъ глазъ».

Русскіе князья, сознавая свое безсиліе предупредить вторженія, стараются только отбить плѣнныхъ и награбленное имущество. Рѣдко удавалось князьямъ настичь половцевъ въ прямомъ преслѣдованіи, а потому они употребляли другой способъ. Если половцы грабили на Сулѣ, то ближайшіе русскіе отряды, не показываясь врагамъ, переходили рѣку гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, или шли къ рѣкѣ Пслу и старались незамѣтно перерѣзать имъ обратную дорогу. Этотъ способъ защиты населенія и спасенія жителей отъ тяжкаго плѣна былъ самый дѣйствительный. Такъ, когда половцы разграбили окрестности Кіева въ 1172 г., то Михалко, съ берендѣями, двинулся имъ навстрѣчу съ Поросья. Вскорѣ онъ встрѣтилъ враговъ и разбилъ ихъ, отнявъ весь полонъ. Въ 1174 г. Игорь Святославичъ, узнавъ, что половцы грабили у Переяславля, переправился черезъ Ворсклу у Лтавы, встрѣтилъ ихъ и заставилъ бросить плѣнныхъ. Въ 1179 г. Кончакъ опустошалъ окрестности того же несчастнаго Переяславля. Узнавъ объ этомъ, Святославъ Всеволодовичъ, стоявшій у Триполя, двинулся отсюда быстро за Сулу и сталъ напротивъ Лукомскаго городища. Половцы бѣжали.

Русскимъ помогало то, что враги шли съ множествомъ скота и плѣнныхъ безъ всякаго боевого порядка: вотъ почему половцевъ такъ часто побивали или, по крайней мѣрѣ, отбивали у нихъ плѣнниковъ; вѣдь главная цѣль вторженій именно въ томъ и состояла, чтобы захватить какъ можно болѣе плѣнныхъ. Однако кочевники пользовались всякимъ случаемъ, чтобы какъ можно болѣе расчистить себѣ дорогу для своихъ дальнѣйшихъ предпріятій — поэтому они, кромѣ грабежа, ставили цѣлью походовъ жечь города и села. Года не проходило, чтобы какая нибудь мѣстность на Руси не была обращена въ пустыню. Въ 1092 г. половцы, взявъ Прилуки, Песочепъ и Переволоку, сожгли множество селъ по обѣимъ сторонамъ р. Сулы. Въ 1093 г. они сожгли Торческъ; въ 1095 г. подвергли той-же участи Юрьевъ, хотя и оставленный жителями; въ 1096 г. сожгли Устье, а въ 1110 г. много селъ у Переяславля; въ 1138 г. они выжгли Курскую область — и такъ изъ года въ годъ до конца XII вѣка, пока сами не отступили предъ

новымъ нашествіемъ еще болѣе многочисленныхъ и грозныхъ кочевниковъ — татаръ.

Насколько Русь терпѣла уронъ въ людяхъ, уводимыхъ въ плѣнъ или избиваемыхъ половцами, показываютъ слѣдующія свидѣтельства лѣтописи: взявши г. Торческъ въ 1093 году, половцы раздѣлили всѣхъ его жителей и повели въ свои вежи; во время взятія Олегомъ Чернигова «много хрестьянъ изгублено бысть, а другое полонено бысть, и расточено по землямъ». Много плѣнныхъ вывели кочевники изъ Курской области въ 1139 году; въ 1171 г. они увели много жителей, хотя и неизвѣстно, изъ какой области. Въ 1172 г. половцы около Кіева «взяша села безъ счета, съ людьми и съ мужи и съ женами, и коней, и крупный рогатый скотъ и овцы». То-же самое произошло и въ 1179 г.: «Кончакъ, пріѣхавши къ Переяславлю, за грѣхи наши, много зла сотвори христіанамъ, иныхъ плѣниша, а иныхъ избиша, множайшихъ-же избиша младенцевъ». Въ 1210 г. половцы снова вывели много плѣнныхъ изъ Переяславской области.

Мы упомянули о главныхъ столкновеніяхъ, но остается еще множество извѣстій о набѣгахъ, которые нѣтъ нужды описывать. Всѣхъ набѣговъ, совершенныхъ половцами самостоятельно, безъ княжескихъ приглашеній, произошло, въ періодъ отъ 1061 г. по 1210 г.—*46*. Но не должно забывать, что рядомъ съ такими не зависимыми предпріятіями половцевъ стояли ихъ походы въ русскія области по призыву того или другого князя, сопровождавшіеся не менѣе тяжкими опустошеніями.

II.

Бѣдствія народныя. Плѣнники.

Вотъ какъ современникъ разсказываетъ о народныхъ бѣдствіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ: «Сотворися плачъ великъ въ землѣ нашей и опустѣша села наши и города наши, и быхомъ бѣгающе предъ враги нашими... Лукавіи сынове Измаилове пожигаху села и гумна, и многи церкви запалиша огнемъ... оные ведутся полоненными, а другіе посѣкаемы бываютъ, еще другіе на месть отдаваемы бываютъ, и горькую долю пріемлюще, другіе трепещутъ, зряще убиваемыхъ, другіе гладомъ умориваемы и водною жаждою... иные связаны и пятами пихаемы, и на морозѣ держимы и мучимы зимою, и оцѣпляемы въ алчбѣ и въ жаждѣ, и въ бѣдѣ поблѣднѣвши лицами и почернѣвши тѣлесами; незнаемою страною, съ языкомъ испаленнымъ, наги ходяще и босы, ноги имуще избодены терніемъ. Со слезами отвѣщеваху

другъ - другу, глаголюще: азъ бѣхъ сего города, а другіе: азъ сего села; и тако совопрошахуся со слезами, родъ свой повѣдающе... Согрѣшихомъ и казнимы есмы, яко согрѣшихомъ, тако и страждемъ: и грады всѣ опустѣша, и перендемъ поля, идѣже пасомы быша стада, кони, овцы и волове, се все тще (т. е. пусто) нынѣ видимъ, нивы поросши (лѣсомъ) стоятъ, звѣрямъ жилищами быша»... Все это множество плѣннаго христіанскаго люда или обращалось въ рабовъ въ вежахъ половецкихъ или, какъ товаръ, шло по разнымъ странамъ юга и востока. Писатель X вѣка, Ибнъ-Гаукаль, разсказываетъ, что Джурджанъ (на берегу Каспійскаго моря) былъ рынкомъ живого товара, въ составъ котораго входили и славянскіе рабы. Эта дорога, по которой шли русскіе люди, навсегда покидая родную землю, не измѣнилась, конечно, и во времена господства въ степяхъ половцевъ. Этимъ путемъ снабжались русскими рабами рынки центральной Азіи. Другая дорога вела въ Крымъ, гдѣ главными пунктами торговли подобнымъ товаромъ служили Судакъ и Херсонесъ; въ послѣднемъ городѣ покупкой рабовъ занимались евреи.

Выкупить плѣннаго считалось богоугоднымъ дѣломъ и потому частныя лица являлись иногда въ вежи и освобождали своихъ земляковъ отъ тяжкаго рабства. Мы видимъ примѣръ такого великодушія въ стараніи нѣкоего христолюбца выкупить инока Никона, который, надо полагать, былъ освобожденъ потомъ своими родственниками или отбитъ какимъ-нибудь русскимъ отрядомъ. Цѣнность выкупа соразмѣрялась съ общественнымъ положеніемъ плѣнника на Руси. Такъ, по разсказу лѣтописи, за какого-то Шварна, захваченнаго за Переяславлемъ, половцы «взяша искупа множество». Конечно, болѣе знатные и богатые плѣнники были долѣе удерживаемы въ вежахъ, а тѣ, на выкупъ которыхъ половцы не могли скоро надѣяться, или если онъ ожидался въ незначительномъ размѣрѣ, шли на рынки и разсѣевались по лицу земли на югѣ и востокѣ, а, можетъ быть, и на западѣ.

Положеніе плѣнныхъ было крайне тяжкое: многіе изъ нихъ не выносили постоянныхъ передвиженій за вежами въ оковахъ; отъ жажды, зноя или холода они умирали въ большомъ числѣ. Такъ, изъ пятидесяти плѣнныхъ, захваченныхъ однажды половцами въ Кіевѣ, чрезъ десять дней остался только одинъ инокъ Евстратій. Надо, однако, сказать, что русскіе не уступали нисколько своимъ врагамъ въ обращеніи съ попавшимися къ нимъ въ руки. Даже тѣхъ, на выкупъ которыхъ можно было надѣяться, держали въ оковахъ, какъ это видно изъ сказанія о чудѣ святителя Николая о плѣнномъ половчинѣ. Рабы покупались на золото; такимъ-же образомъ, кажется, русскіе выкупали и своихъ земляковъ; но половчинъ

приносилъ за свое освобожденіе товаръ, который дорого цѣнился на Руси: онъ пригонялъ табунъ лошадей, а, можетъ быть, и другого скота. Иногда случалось, впрочемъ, что русскіе отряды, при нападеніяхъ на вежи половецкія, освобождали соотечественниковъ; но это было не часто. Количество выкупаемыхъ или случайно освобождаемыхъ русскими отрядами было каплей въ морѣ сравнительно съ числомъ продаваемыхъ въ рабство—бѣдствія народныя отъ этого не облегчались.

III.

Борьба русскихъ съ половцами.

Кромѣ борьбы оборонительной, русскіе вели съ половцами и борьбу наступательную. Они сами предпринимали походы въ глубь степей половецкихъ. Но долго и упорно борьбу наступательную Русь вести не могла, всѣ походы въ глубь степей были безполезны; разбитые на голову кочевники разсыпались въ разныя стороны на необъятномъ пространствѣ степей, бѣгали съ своими вежами въ глубь ихъ; преслѣдовать ихъ было безполезно, догнать ихъ не было возможности. «Со славою и честію великою» возвращаются русскія ополченія изъ похода, а кочевники въ глубинѣ степей собираются съ силами, вновь придвигаются къ границамъ Руси, и ихъ летучіе отряды снова грабятъ, жгутъ, убиваютъ, уводятъ въ плѣнъ. Они сторицею вознаграждали себя за потери, понесенныя ими при походѣ князей.

Трудно сказать, какъ смотрѣло населеніе Руси на эти смѣлыя предпріятія своихъ князей. Мы знаемъ лишь мнѣнія лѣтописцевъ, но это еще не есть голосъ народа. Они смотрятъ на эти походы съ религіозной точки зрѣнія, какъ на подвиги, предпринимаемые во славу Бога для сокрушенія враговъ его, «поганыхъ». «Вложи Богъ въ сердце Русскимъ княземъ мысль благу», говоритъ лѣтописецъ по поводу похода 1103 г. Знаменья небесныя предшествуютъ походамъ; чудеса способствуютъ побѣдамъ князей. Какъ подвигъ на пользу христіанства разсматривали эти походы и князья съ болѣе пылкимъ, воинственнымъ характеромъ. «Не дай Богъ, говоритъ Игорь Святославичъ, отказываться отъ похода на поганыхъ: они намъ всѣмъ общій врагъ». Молодые дружинники полные отваги, стремились положить свои головы за христіанъ православныхъ и подбивали князей на смѣлыя предпріятія. Напали половцы въ 1093 г. на Поросье, и идетъ совѣтъ у князя съ дружиной. Говорятъ князю старшіе, опытные дружинники: «не покушайся на нихъ

ударить, ибо у тебя мало силъ». «У меня восемь сотъ отроковъ, которые могутъ стать противъ нихъ». отвѣчаетъ князь. А эти молодые дружинники усиленно подбиваютъ князя: «пойди, князь!» На новомъ совѣтѣ молодежь снова торжествуетъ, и костьми ложится на берегахъ Стугны. «А мы, дружина», говорятъ дружинники князю Святославу, «жадны веселія». Такъ кратко и такъ сильно выражаютъ они свою готовность идти на борьбу и вмѣстѣ увѣренность въ своей побѣдѣ.

Половцы были врагами отдѣльныхъ земель, напримѣръ, Переяславской или Черниговской, и не считались обще-русскими врагами. Обще-русскіе интересы были торговые. Кочевники иногда захватывали въ свои руки торговые пути, которые имѣли названія: Греческаго, Залознаго и Соленого.

Въ 1170 г. Мстиславъ Изяславичъ призвалъ на совѣтъ князей: «Братья, пожальтесь о Русской земли!» говорилъ онъ, «половцы у насъ и Греческій путь отнимаютъ, и Соленой, и Залозный». Тогда князья единодушно согласились принять участіе въ походѣ, чтобы «поискати отецъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести». Въ этомъ предпріятіи участвовали князья почти всей Южной Руси. Побивши половцевъ на р. Орели, князья затѣмъ вышли къ Каневу, и стояли тамъ, пока не прибыли купцы по Греческому и Залозному пути.

Знаменитый походъ Игоря Святославича стоитъ совершенно отдѣльно. Это не было предпріятіе, вызванное общими интересами Руси. Оно не имѣло цѣлью даже и защиту Русской земли. Оно было результатомъ отваги молодыхъ сѣверныхъ князей, ихъ стремленія «поискати» древняго Тмутараканя, долго сохранявшаго значеніе торговаго пункта на Азовскомъ морѣ.

IV.

Половцы и русскіе князья.

На примѣрѣ Игоря Святославича видно, какъ держали половецкіе ханы русскихъ князей въ своихъ кочевьяхъ. Игорь былъ плѣнникъ; половцы для безопасности только окружили его почетной стражей изъ 20 человѣкъ, въ числѣ которой было 5 изъ высшаго сословія, но эта стража безпрекословно исполняла всѣ приказанія Игоря. Ему позволено было имѣть при себѣ пять или шесть русскихъ слугъ. Съ ними и со своей стражей онъ ѣздилъ свободно, куда хотѣлъ, тѣшился охотой. Ему разрѣшено было имѣть при себѣ священника. Тѣмъ больше радушія и гостепріимства должны были

оказывать половцы князьямъ, являвшимся къ нимъ добровольно. Были князья, которые всю свою жизнь провели въ степи среди своихъ половецкихъ родственниковъ. Таковъ, напримѣръ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Кончака по матери, племянникъ Юрія Кончаковича.

Уже изъ того обстоятельства, что половцы были въ родственныхъ связяхъ со всѣми почти княжескими родами Руси, можно видѣть, что они не давали возможности вполнѣ восторжествовать какой-либо одной изъ княжескихъ семей: они какъ-бы уравновѣшивали силы князей. Однако сосѣдство ихъ съ Русью имѣло другія болѣе важныя послѣдствія. Поддерживая отдѣльныхъ князей и уравновѣшивая ихъ силы, половцы тѣмъ самымъ способствовали ослабленію Южной Русской земли. Ведя съ ними постоянную борьбу и занятое постоянно защитой жизни, имущества и своихъ пепелищъ, населеніе Южной Руси направляло все свое вниманіе на южныя границы, не имѣло ни времени, ни возможности осмотрѣться и обратить свой взглядъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ; на югѣ не могло сложиться никакого прочнаго порядка. Понятно, что только на сѣверѣ, удаленномъ и защищенномъ отъ кочевниковъ, должны были собираться силы; здѣсь, подъ шумъ борьбы, которую велъ югъ со степью, слагался новый государственный порядокъ; князья сѣвера спокойно могли слѣдить за ходомъ политическихъ дѣлъ на югѣ Руси и не тратили своихъ силъ на распространеніе своей власти по всей Русской землѣ. А силы на сѣверъ должны были прибывать постоянно. Населеніе юга, спасаясь отъ опаснаго сосѣдства кочевниковъ, должно было уходить, искать болѣе спокойныхъ мѣстъ для своихъ земледѣльческихъ занятій. Это дало возможность князьямъ сѣвера дѣятельно вести колонизацію, строить новые города.

Радушно принимали половцы русскихъ князей, которые въ своихъ домашнихъ невзгодахъ искали себѣ пріюта въ ихъ кочевьяхъ. Вообще постоянная борьба нисколько не уничтожала дружественныхъ отношеній между двумя народами. Торговля не прекращалась. Въ 1184-мъ году, разсказываетъ лѣтопись, двинулся Кончакъ на Русь. Русскіе князья пошли ему на встрѣчу, перешли Сулу и встрѣтили гостей, шедшихъ изъ «земли половецкой» и «повѣдаша имъ, яко половци стоятъ на Хоролѣ». Изъ этого извѣстія видно, 1) что гости-купцы проѣхали мимо половцевъ, ибо знали, гдѣ они; 2) что половцы не тронули гостей, хотя шли воевать Русскую землю. Слѣдовательно, эти кочевники отдѣляли войну и торговлю и, сознавая выгоды этой послѣдней, не препятствовали ея развитію. Это сообщеніе нашей лѣтописи стоитъ въ полномъ согласіи съ извѣстіемъ арабскаго писателя Ибнъ-эль-Атира, который утверждаетъ, что при половцахъ велась обширная торговля,

и только нашествіе татаръ въ 1223 г. на нѣкоторое время прервало ее.

Нѣкоторые изъ хановъ половецкихъ носили даже христіанскія имена. Встрѣчаются, напримѣръ, Данило Кобяковичъ, Юрій Кончаковичъ, Глѣбъ Тиріевичъ, Романъ Кзичъ; попадаются съ христіанскими именами и кочевники не княжескихъ родовъ. Таковъ Василій, явившійся изъ степей въ 1147 г. на помощь Святославу Ольговичу.

V.

Обычаи и бытъ половцевъ.

Постоянная война съ сосѣдями, дѣлала кочевника съ малолѣтства лихимъ воиномъ. Кочевникъ какъ бы родился на лошади. Лошадь возитъ половца на войну и кормитъ его; она пріучена къ разнымъ неожиданнымъ быстрымъ движеніямъ. Съ крикомъ и воемъ бросались кочевники въ атаку; непріятельская конница двигается на нихъ — половцы тотчасъ поворачиваютъ коней, несутся назадъ, осыпая непріятеля стрѣлами; непріятель, разстроившій погоней свои ряды, продолжаетъ ихъ преслѣдовать; вдругъ съ боковъ и съ тыла бросаются свѣжіе отряды—и сабли, и арканы свистятъ надъ шеями непріятелей. Засада приготовлялась заранѣе; иногда она состояла изъ двухъ отрядовъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой и заманивали враговъ; все приходило въ смятеніе, все сбивалось «въ мячъ», какъ выражается наша лѣтопись.

Кочевники имѣли особый строй. «Наученные не изъ книгъ, а по обычаю своихъ отцовъ», они сзади перваго строя ставили резервы. Первый строй состоялъ изъ отдѣльныхъ отрядовъ, построенныхъ клиньями; между ними ставились телѣги, занятыя женами и дѣтьми. Когда сраженіе не удавалось или предъ половцами были большія непріятельскія силы, которыхъ они не надѣялись одолѣть, ими устраивались подвижныя укрѣпленія. Они ставили въ кругъ свои телѣги, покрывали ихъ бычачьими шкурами, сажали на нихъ женъ и дѣтей и отбивали приступы. Трудно было разбить эти преграды; страшныхъ потерь стоило разбить телѣги и проникнуть въ средину этого своеобразнаго укрѣпленія. Когда непріятель рѣшался ихъ осаждать, они видоизмѣняли нѣсколько способъ защиты: раздвигали немного телѣги, и дѣлали между ними извилистые проходы; часть воиновъ занимала телѣги; изъ проходовъ выносились неожиданно ихъ отряды, нападали на непріятеля и снова скрывались внутри круга; иногда дѣлали и окопы, за которыми отби-

вались отъ осаждавшихъ ихъ враговъ. Этому искусству они, вѣроятно, научились у грековъ.

Вооруженіе степняка состояло изъ лука, колчана со стрѣлами, висящаго на плечѣ, сабли, аркана; нѣкоторые употребляли и копья. Лукомъ они владѣли превосходно, убивая любую птицу на лету. Какъ заимствованіе, у нихъ являются и шлемы. Меткости ихъ стрѣльбы способствовала ихъ дальнозоркость. Путешественникъ XII вѣка раввинъ Петахья, утверждаетъ, что половцы могли различать предметы, если позволяла мѣстность, на день пути. Никакое движеніе, стало быть, не могло укрыться отъ степняковъ. Въ своихъ движеніяхъ они не останавливались ни предъ какими преградами; для европейскихъ войскъ нуженъ былъ мостъ, или плоты. Европейская конница не всегда рѣшалась броситься въ рѣку; половцы переправлялись очень легко. Они брали десятокъ лошадиныхъ или другихъ шкуръ, сшивали ремнями ихъ края. Этотъ мѣшокъ набивался сѣномъ; его привязывали къ хвосту лошади; кочевникъ садился на мѣшокъ, гналъ лошадь въ рѣку и благополучно являлся на другой ея сторонѣ. Но по большей части кочевники для своихъ набѣговъ выбирали зимнее время, когда рѣки покрывались льдомъ. Главное богатство степняка—стада, доставляющія ему пищу, питье, кожи для палатки, для одежды; это—главный его товаръ. При передвиженіяхъ своихъ они гнали за собой и стада. Лѣтопись при каждомъ удачномъ походѣ русскихъ замѣчаетъ, что они «взяша тогда скоты и овцы, и кони, и верблюды». Отсюда видно, какихъ животныхъ разводили половцы; благодаря скотоводству, они передвигались съ одного мѣста на другое, большія перекочевки совершались съ перемѣною временъ года.

Когда наступалъ лѣтній зной и солнце выжигало степь, кочевники съ своими стадами подвигались къ сѣверу; зимой они толпились на берегахъ моря. Но тяжко приходилось степнякамъ въ суровыя зимы; много скота гибло; трудно было существовать въ переносныхъ палаткахъ; глубокіе снѣга мѣшали движенію. «И бысть же тогда зима люта, отмѣчаетъ лѣтописецъ въ 1204-мъ году, и бысть половцемъ тягота велика». Скотъ былъ главнымъ товаромъ у кочевника; лошади, отправлялись въ Индію, въ одномъ караванѣ ихъ бывало до шести тысячъ, иногда болѣе, иногда менѣе. Если кочевнику нужно было выкупиться изъ плѣна — онъ пригонялъ скотъ. Однако, ханъ половецкій Бельдузъ предлагалъ (въ 1103 г.) за свое освобожденіе «злато и серебро, и коней и скотъ». Откуда же у степняка золото и серебро? Онъ доставалъ его въ своихъ набѣгахъ грабежомъ; онъ бралъ иногда большіе выкупы за плѣнныхъ; наконецъ, онъ велъ торговлю. Еще о печенѣгахъ арабы разсказываютъ, что они богатые, что у нихъ

есть вьючный скотъ, стада, утварь изъ золота и серебра, оружіе, пояса, богато украшенные, и знамена. Богатая добыча доставалась русскимъ князьямъ, когда они грабили половецкія кочевья. Доставались имъ золото, паволоки, аксамиты, серебряныя древки знаменъ; ортьмами и япанчами, одеждами и узорочьями половецкими русскіе иногда «мосты мостили» и «топкія мѣста заваливали». Въ числѣ добычи встрѣчались и рабы.

Вообще въ жизни кочевникъ былъ не прихотливъ. Пища его состояла главнымъ образомъ изъ мяса, молока, проса. Не извѣстно, сѣялось ли просо самими кочевниками; можетъ быть, это былъ единственный продуктъ ихъ собственнаго земледѣльческаго труда. Просо бросалось въ кипящую воду; затѣмъ, изрѣзавъ мясо на кусочки, клали его въ этотъ отваръ. Иногда-же мясное кушанье приготовлялось гораздо проще: брали кусокъ сырого мяса, клали его подъ сѣдло лошади и гоняли ее до тѣхъ поръ, пока не вспотѣетъ, а лежащій подъ сѣдломъ кусокъ не сдѣлается горячимъ. Въ такомъ видѣ они употребляли его въ пищу. Вѣроятно, какъ лакомство, приготовляли рисъ, сваренный въ молокѣ, и сыръ.

Сдѣлавъ удачный набѣгъ, нагрузивъ свою добычу на лошадь, степнякъ возвращался въ свою ставку и праздновалъ удачу предпріятія. Въ этомъ случаѣ первое мѣсто занималъ кумысъ. Любили кочевники выпить, и кумысъ дѣйствовалъ на нихъ опьяняюще. Пили они кумысъ; раздавались въ это время звуки ихъ незамысловатыхъ музыкальныхъ инструментовъ, и пѣлись пѣсни, прославлявшія ихъ героевъ, ихъ знаменитыхъ хановъ, стараго Шаруканя и Буса, и Боняка, и его сына Севенча Боняковича, и знаменитаго Кончака. И сильно дѣйствовали эти пѣсни старины на кочевника, возбуждали его на новые подвиги, воспламеняли его любовь къ роднымъ безграничнымъ степямъ. Тяжело иногда приходилось половцамъ, и тогда-то пѣсни имѣли ободряющее вліяніе. Сильно стѣснилъ половцевъ Мономахъ своими походами, и вотъ отъ этой тяжелой эпохи сохранились воспоминанія о загадочныхъ ханахъ Отрокѣ и Сырчанѣ.

Загналъ Владиміръ Отрока во Обезы (на Кавказъ), а Сырчанъ остался у Дону и рыбою только поддерживалъ свою жизнь. Остался у него только одинъ пѣвецъ (гудецъ), по имени Оревъ. И посылаетъ его Сырчанъ въ Обезы сказать Отроку: «воротись, братъ, пойди въ свою землю: умеръ Владиміръ!» И наказываетъ онъ Ореву: «пой ты ему пѣсни половецкія, а если ихъ слушать не будетъ, траву дай понюхать, евшанъ»! Не захотѣлъ ханъ возвратиться и слушать не хотѣлъ. И Оревъ далъ траву ему нюхать. Понюхалъ Отрокъ и заплакалъ. «Лучше костями въ землѣ своей лечь, чѣмъ славному быть на чужбинѣ»! сказалъ онъ и въ степи свои возвра-

тился. Отъ него и родился Кончакъ, ходившій пѣшкомъ, носившій котелъ за плечами.

Этотъ отрывокъ цѣликомъ вошелъ въ нашу лѣтопись и заимствованъ ею изъ народныхъ устъ. Благодаря близкимъ сношеніямъ русскихъ съ половцами, пѣсни половецкія переходили и къ русскимъ.

Повѣсть «О плѣнномъ половчинѣ», показывающая, какъ отражались религіозныя вѣрованія русскихъ на половцахъ, не только рисуетъ отношенія русскихъ и половцевъ, но показываетъ также, что св. Николай пользовался глубокимъ уваженіемъ среди половцевъ. Вѣковая борьба съ кочевниками породила множество преданій, занесенныхъ въ лѣтопись и въ житія святыхъ русской церкви. Но еще больше отразилось вліяніе этой борьбы на русскихъ «былинахъ» или «старинкахъ».

VI.

Сказанія о побѣдахъ надъ невѣрными.

Въ лѣтописныхъ сводахъ мы встрѣчаемъ рядъ сказаній о побѣдахъ князей надъ невѣрными. Особо выдѣляется сказаніе о походѣ Мономаха, окончившемся славною побѣдою на рѣкѣ Сальницѣ. Это сказаніе можно назвать героическимъ: въ немъ идетъ рѣчь о явленіи огненнаго столпа въ Печерскомъ монастырѣ и объ ангелѣ, въ рѣшительную минуту ниспосланномъ помогать русскимъ полкамъ. Подобно крестоносцамъ, Владиміръ и прочіе князья идутъ въ походъ съ пѣньемъ тропарей, съ духовенствомъ впереди полковъ. Сказаніе оканчивается воздаяніемъ хвалы Богу и возглашеніемъ славы побѣдителямъ. «Слава пошла по всей Русской землѣ— и по всѣмъ странамъ дальнимъ».

Черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ побѣды на Сальницѣ, когда великое междоусобіе пріутихло, Кіевъ потерялъ прежнее значеніе, окрѣпъ Суздаль и усилился Галичъ, ратное движеніе принимаетъ вновь характеръ наступательной борьбы съ невѣрными: начинаются походы за рубежъ Русской земли—въ кочевье половцевъ, и въ письменности появляются повѣствованія объ этихъ походахъ, причемъ воскресаетъ духъ сказаній времени Мономаха. Тотъ или другой князь идетъ на половцевъ потому, что «Богъ вложилъ ему мысль благу о Русской землп».

Идти на половцевъ значило: «хотѣть блага Русской землѣ», любить ее всѣмъ сердцемъ. Подвигъ такого похода выпалъ на долю Сѣверскаго князя, Игоря Святославича—о немъ появилось два

отдѣльныхъ сказанія на сѣверѣ и на югѣ—въ Суздальской землѣ и на Волыни, и вслѣдъ затѣмъ—«Слово о Полку Игоревѣ», писанное «старыми словесы», т. е. не книжнымъ и общепринятымъ въ письменности того времени складомъ, а вольнымъ языкомъ свѣтскихъ пѣсенъ.

Южное, волынское сказаніе, наиболѣе подробное, писано по горячимъ слѣдамъ событія, съ чуткостью къ военному дѣлу. По духу оно принадлежитъ къ религіозной письменности. Авторъ заставляетъ Игоря каяться предъ христіанами въ прежнемъ грѣхѣ своемъ: онъ былъ въ союзѣ съ половцами и съ помощью ихъ взялъ городъ Глѣбовъ; Игорь самъ считаетъ свою бѣду карой отъ Бога по дѣломъ. Это покаяніе возвышаетъ Игоря, и онъ промысломъ Божіимъ чудесно убѣгаетъ изъ плѣна.

Плѣнъ отважнаго князя и удачное бѣгство изъ половецкаго стана возбудили къ Игорю особый интересъ современниковъ. Въ сказаніи о немъ преобладаетъ духъ дружинный. Главною добродѣтелью Игоря поставлено его желаніе дѣлить участь съ дружиною. На сторонѣ дружины опытность и правда—не даромъ она видѣла худое предзнаменованіе въ случившемся передъ походомъ солнечномъ затменіи. Тысяцкій и конюшій убѣждаютъ Игоря спастись бѣгствомъ, смиряя его новые гордые или смѣлые замыслы.

Сѣверное повѣствованіе объ Игоревомъ походѣ отличается обычными свойствами суздальскаго творчества; сухостью, краткостью и наставительнымъ характеромъ. Въ немъ ярко выступаетъ недружелюбное чувство къ южнымъ князьямъ, предпринявшимъ походъ яко-бы съ гордостью и самоувѣренностью; въ немъ встрѣчаются и нѣкоторыя живыя подробности о походѣ,—ихъ нѣтъ въ волынскомъ повѣствованіи, но онѣ повторены въ Словѣ о полку Игоревѣ; оно появилось послѣ этихъ двухъ сказаній и не ранѣе, какъ черезъ три года по возвращеніи Игоря изъ плѣна.

VII.

Слово о Полку Игоревѣ.

Первое существенное отличіе «Слова» отъ южнаго сказанія въ томъ, что авторъ не объясняетъ съ христіанской точки зрѣнія обстоятельствъ счастливыхъ или неблагопріятныхъ. Первая побѣда Игоря, потомъ его пораженіе, плѣнъ и бѣгство изъ плѣна—все это становится въ связь съ таинственными силами природы.

Событіе возпроизведено бѣгло и размашисто; многія подробности сказаній отсутствуютъ здѣсь; вовсе не упоминаются находив-

шіеся въ плѣну съ Игоремъ духовникъ, конюшій и тысяцкій. Особый подвигъ князя, когда онъ, раненый, снявъ шлемъ, возвращаетъ союзныхъ ковуевъ на поле битвы, переданъ однимъ намекомъ: «Игорь полки заворачаетъ». Есть даже неправдоподобныя свѣдѣнія, указывающія на нѣкоторую отдаленность автора отъ мѣста дѣйствія. Ясно, что пѣснопѣвецъ Игоря не участникъ его похода.

Участь князя занимаетъ автора болѣе, чѣмъ самое событіе. Основная мысль—прославить походъ на невѣрныхъ и изречь строгій судъ надъ княжеской усобицей.

Игорь Святославичъ предпринялъ походъ на половцевъ и двинулся на сѣверо-востокъ, черезъ нынѣшнюю Курскую губернію по направленію къ Воронежской.

Никто изъ сильныхъ князей русскихъ не былъ съ нимъ заодно; онъ шелъ во главѣ ополченія и дорогой набиралъ себѣ въ помощь полки. Въ Рыльскѣ присоединился къ нему племянникъ его, въ Путивлѣ онъ захватилъ своего юнаго сына Владиміра и тамъ же простился съ супругой своею, Ольгою Ярославною, которая долго стояла на городской стѣнѣ, провожая съ причитаньемъ мужа въ страшный походъ, въ невѣдомыя Половецкія страны. Потомъ подошла новая помощь отъ тестя Игорева, Ярослава. Полки подвигались тихо по направленію къ Донцу. Тогда случилось солнечное затменіе, которое отмѣчено и въ лѣтописи, и въ астрономическихъ таблицахъ западной Европы. Затменіе застало Игоря въ то время, какъ онъ приближался къ Донцу, гдѣ долженъ былъ соединиться съ нимъ братъ его Всеволодъ со своими курянами.

Игорь и дружина смотрѣли на затменіе и съ ужасомъ видѣли, что солнце безъ лучей стало похоже на мѣсяцъ, тьма падала на дружину. Игорь посмотрѣлъ на солнце и обратился къ дружинѣ съ вопросомъ: «что значитъ это знаменіе?» Мужи его поникли головами. «Княже, не къ добру это знаменіе», сказали они ему въ отвѣтъ; но онъ не смутился предвѣщаніемъ. «Какъ знать»,—онъ сказалъ—«на добро пли ча зло это знаменіе»! — «Братья и дружина»! говоритъ онъ въ Сказаніи, «никто не знаетъ тайны Божіей».—«Братья и дружина»! говоритъ онъ въ Словѣ, «лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену. А всядемъ, братіе, на своихъ борзыхъ копей и посмотримъ на Синій Донъ». Вначалѣ походъ оказался успѣшнымъ, несмотря на грозныя предзнаменованія. «Преградили русичи багряными щитами широкія поля, ища себѣ чести, а князю славы... разбили они половецкіе нечестивые полки», досталась имъ большая добыча и «далеко залетѣло» храброе русское войско. «Не родилось оно терпѣть обиды ни отъ сокола, ни отъ кречета, ни отъ тебя, злой воронъ, поганый половчинъ».

Но вслѣдъ за счастливою битвою пропсходитъ другая. Новыя

предзнаменованія на небѣ, тучи и молнія, указываютъ на страшную сѣчу:

Быть то грому, дождичку пролиться,
Каленымн вылиться стрѣлами,
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы половчанъ поганыхъ.

Со всѣхъ сторонъ подступаютъ многочисленные враги и упорно держатся наши. Чудеса храбрости дѣлаетъ буй-туръ Всеволодъ: «Камо Туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкія.... Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя (булатныя) въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкія».

Бились день, бились другой. Стрѣлки половецкіе не подпускали русскихъ къ водѣ—наши изнемогали безводьемъ въ зноѣ и въ тугѣ, въ полѣ безводнѣ они мучимы жаждою, зной стянулъ ихъ луки, туга заткнула имъ колчаны, т. е. привела въ бездѣйствіе. На третій день къ полудню Игорь сдался—«ему жалко стало мила брата Всеволода».

Игорь попалъ въ плѣнъ. Половцы—говоритъ южное сказаніе—съ честью обращались съ нимъ. Приставивъ къ нему 20 сторожей, они дозволяли ему ѣздить на охоту съ ястребомъ. Сторожи прислуживали ему, исполняли его желанія. При немъ находились и свои: духовникъ, сынъ тысяцкаго, конюшій и нѣкоторые другіе изъ русскихъ. Мужи княжи совѣтовали ему бѣжать; онъ долго не хотѣлъ идти этимъ неславнымъ путемъ, но наконецъ рѣшился.

Однажды, когда половцы напились кумыса, и Игоревы люди увѣрили сторожей, что князь спитъ, онъ, позднимъ часомъ, вышелъ изъ шатровъ половецкихъ, пробрался къ рѣкѣ, переплылъ ее, и на другомъ берегу сѣлъ на коня, приготовленнаго ему Лавромъ, крещенымъ половчиномъ, при помощи котораго онъ и предпринялъ бѣгство. Такъ передаетъ южное сказаніе. Слово о Полку Игоревѣ относитъ къ самому Игорю первую мысль о бѣгствѣ: онъ слышитъ призывный голосъ своей Ярославны, и Богъ ему указываетъ путь изъ земли Половецкой въ землю Русскую, къ отцовскому златому столу. Горе горькою кукушкою, какъ въ народныхъ скорбныхъ причитаніяхъ, жалобно поетъ княгиня, и ей бы хотѣлось птицею полетѣть на рѣку Каялу — отереть раны мужа на «жестоцѣмъ» его тѣлѣ. Она взываетъ къ солнцу, къ вѣтру и къ Днѣпру «славутному», и въ ея воззваніяхъ пѣвецъ обрисовываетъ бѣды, переносимыя княземъ, и тутъ же воспоминаетъ о послѣднемъ передъ тѣмъ походѣ на половцевъ, походѣ Святослава Ольговича.

Причитанье Ярославны обращено, вмѣсто Донца, къ Дунаю и Днѣпру—эти имена, очевидно, связаны съ иною, быть можетъ, давнею пѣснью. Обращеніе къ свѣтлому солнцу очень близко къ народнымъ заклинаніямъ языческой поры.

Мольбу Ярославны, вмѣсто «Днѣпра славутнаго», исполняетъ тихоструйный Донецъ, «а летѣть къ мужу птицею» она хотѣла бы по Дунаю.

Ты-ли Днѣпръ, мой, ты мой Днѣпръ Славутичъ,
По землѣ прошелъ ты Половецкой,
Пробивалъ ты каменныя горы,
Ты ладьи лелѣялъ Святослава,
До земли Кобяковой носилъ ихъ!..
Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ тобой
По сырымъ зарямъ на сине море!

Днѣпръ тутъ является не у мѣста, но это не ошибка въ имени, это — настоящій Днѣпръ; онъ названъ славутнымъ, пробившимъ каменный горы (Днѣпровскіе пороги) и доносившимъ по волнамъ своимъ русскія лодки для побѣдоносныхъ цѣлей; и вотъ онъ теперь можетъ донести въ свою землю изъ туманной дали плѣннаго князя. Рѣка есть лучшій путь среди невѣдомыхъ полей: она приведетъ отъ пустыннаго низовья къ верховью, въ отечество, въ родной городъ.

Далѣе слѣдуетъ въ «Словѣ» обращеніе къ солнцу и вѣтру:

Рано-рано ужъ она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Свѣтлое, тресвѣтлое ты, Солнце,
Ахъ, для всѣхъ красно, тепло ты, Солнце!
Что-жъ ты, Солнце, съ неба устремило
Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
Сушишь-гнешь не смоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы»...
Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
Что ты вѣешь? что на легкихъ крыльяхъ
Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
Въ небесахъ, подъ облаки бы вѣялъ,
По морямъ кораблики лелѣялъ,
А то вѣешь, вѣешь-развиваешь
На ковыль траву мое веселье..

Ночное бѣгство по степи и приближеніе утра художественно изображены въ «Словѣ»:

«Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію

поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Конь готовъ; Овлуръ (Лаворъ) свистнулъ за рѣкою и велитъ князю разумѣть».

Вѣтеръ воетъ, проносясь по степи
И шатаетъ вежи половецки;
Шелеститъ-шуршитъ ковыль высокій,
И шумитъ-гудитъ земля сырая...
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь Игорь,
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряетъ,
На быстра добра коня садится;
По лугамъ Донца, что волкъ несется;
Что соколъ летитъ въ сырыхъ туманахъ...
Что соколъ летитъ князь свѣтлый Игорь,
Что сѣръ волкъ Овлуръ за нимъ несется,
Студену росу съ травы стряхая.
Ужъ лихихъ коней они давно загнали.

Зловѣщія птицы, напѣвшія Игорю столько бѣдъ предъ битвою, теперь молчатъ:

Вранъ не каркнетъ, галчій стихнулъ говоръ,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
Дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ казуютъ...

Путешествіе Игоря по теченію извилистаго Донца, который не разъ надо было переплывать, обрисовано въ разговорѣ князя съ гостепріимною рѣкою:

Отвѣчалъ Донцу князь свѣтлый Игорь:
«Донче, Донче, ты ли тихоструйный!
И тебѣ да будетъ величанье,
Что меня ты на волнахъ лелѣялъ,
Зелену траву мнѣ стлалъ въ постелю
На своемъ серебряномъ побрежьѣ;
Теплой мглою на меня ты вѣялъ,
Подъ густой, зеленою ракитой;
Сѣрой уткой сторожилъ на руслѣ,
На струяхъ-вѣтрахъ—чиркомъ, да чайкой».

Игорь достигъ благополучно Русской земли. «Слово» объ его походѣ оканчивается радостными восклицаніями и воспѣваніемъ славы самому Игорю, его брату и сыну, и старцу Святославу Ольговичу Черниговскому. «Вамъ на здравіе, князи и дружина— христіанъ поборцы на поганыхъ! Слава князьямъ и дружинѣ! Аминь».

Въ «Словѣ» есть замѣчательныя отдѣльныя части, какъ напримѣръ, вѣщій сонъ Святослава, его воззваніе къ князьямъ русскимъ и, наконецъ, обращеніе пѣвца къ былымъ временамъ.

Событіе этого похода совпало съ затменіемъ солнца. По народнымъ языческимъ вѣрованіямъ это знаменіе было не къ добру. Всколыхнулись языческія, стародавнія вѣрованія, ожилъ Дивъ, кличущій на верху дерева, пронеслась дѣва-Обида съ лебедиными крылами, и пѣвецъ, находясь подъ впечатлѣніемъ этихъ вѣрованій, признаетъ себя и «Русичей» племенемъ Дажьбога (дажьбожи внуци). Все это излагается просто, безъ враждебности къ христіанству. Раздѣляя суевѣрный страхъ дружины во время солнечнаго затменія, пѣвецъ чувствовалъ свое сродство съ окружающею таинственною природою, языкъ которой разгадывали вѣщіе старцы, слагавшіе пѣсни о Стрибогѣ и Вѣтрахъ—его внукахъ, о великомъ Хорсѣ, а сами себя называвшіе внуками Велеса.

Сочувствіе къ подвигу храбраго князя граничитъ съ негодованіемъ на князей, не подавшихъ ему руку помощи.

Преданія о князьяхъ живы въ памяти составители Слова, и онъ недаромъ хочетъ начать свою пѣсню «отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря». Онъ помнитъ пѣсни Бояна о первыхъ Владиміровичахъ; мѣткимъ словомъ онъ напоминаетъ о Мономахѣ, останавливается на Всеславѣ Полоцкомъ—и, наконецъ, на Олегѣ Черниговскомъ, при которомъ «въ княжихъ крамолахъ погибала жизнь русскихъ людей». Вотъ что говоритъ онъ о Всеславѣ Полоцкомъ:

Любъ ему былъ Кіевъ, что дѣвица,
О него онъ жеребій и кинулъ,
Перегнулся на сѣдлѣ, помчался,
Да лишь древкомъ копія доткнулся
До его престола золотого!
Въ ночь утекъ оттуда лютымъ звѣремъ,
Синей мглой изъ Бѣлграда поднялся,
Утромъ билъ ужъ стѣны въ Новѣградѣ,
Ярослава славу порушая...
Князь Всеславъ суды судилъ княжіе,
Раздавалъ князьямъ столы и грады,
По ночамъ же рыскалъ сѣрымъ волкомъ;
Поспѣвалъ въ Тмуторакань къ разсвѣту,
Ясну солнцу путь перебѣгая.

. . . . . .

А хоть былъ и съ вѣщею душою,
Хоть умѣлъ обертываться звѣремъ,
Все жъ бѣды терпѣлъ таки не мало!
Про него и спѣлъ Боянъ припѣвку:
Будь хитеръ-гораздъ, вертись хоть птицей,
Все суда ты Божьяго не минешь!

Современные сочинителю князья Смоленскіе, Волынскіе, Луцкіе, Полоцкіе очерчены такъ искусно, что видишь ихъ политику и характеръ. Изо всѣхъ князей, по силѣ и могучести, выдаются двое: на сѣверѣ Всеволодъ «Большое гнѣздо», крѣпко усѣвшійся въ своемъ Суздалѣ; на югѣ — Ярославъ «Остромыслъ» Галицкій. Первый «могъ бы Волгу веслами раскропить и Донъ шеломами вычерпать», второй «высоко сидитъ на своемъ златокованномъ престолѣ, подперъ горы Угорскія (Карпаты) своимъ желѣзными полками. Онъ рядитъ суды до Дуная; грозы его по землямъ текутъ»...

«Отъ усобицъ княжьихъ—гибель Руси»! восклицаетъ пѣвецъ, разумѣвшій политическое безсиліе разъединенныхъ земель—

Братья спорятъ: то мое и это!
Золъ раздоръ отъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами...
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе.

Описанія несчастливыхъ битвъ замѣчательны по красотѣ своей и вмѣстѣ съ тѣмъ по сродству съ народными пѣснями, гдѣ битва представляется то кровавымъ свадебнымъ пиромъ,—причемъ враги оказываются сватами, смерть невѣстою, русскіе воины женихами,—то жатвою или молотьбою.

У храбрыхъ Русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Напоили сватовъ, и костями
Полегли за отческую землю.
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали приклонились...
Не снопы то стелютъ на Нѣмигѣ.
Человѣчьи головы кидаютъ!
Не цѣпами молотятъ—мечами!
Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла.
Охъ, не житомъ сѣяны, костями
Берега кровавые Нѣмиги,
Все своими русскими костями...

Трогательно говоритъ пѣвецъ о кончинѣ Городенскаго князя Изяслава, умершаго на полѣ сраженія, вдали отъ близкихъ. Изрубленный, лежа на травѣ кровавой, этотъ князь съ истиннымъ великодушіемъ принимаетъ на себя всю вину неудачи и говоритъ самому себѣ:

«Вороньими крылами

Пріодѣлъ ты, князь, свою дружину,
Полизать звѣрямъ ея далъ крови»!

Вложивъ это горькое и честное сознаніе въ уста самому князю, пѣвецъ тѣмъ съ большею теплотою говоритъ объ его смерти:

И одинъ, безъ брата Брячеслава,
Безъ другого Всеволода брата,
Изронилъ жемчужную онъ душу,
Изронилъ одинъ, изъ храбра тѣла,
Сквозь свое златое ожерелье...
И поникло въ отчинѣ веселье,
Въ Городнѣ трубятъ печально трубы».

Обращаясь къ совершившимся за полъ-вѣка назадъ событіямъ, пѣвецъ Игоря съ укоромъ говоритъ о рѣкѣ Стугнѣ которая разлилась, затопила кусты, пожрала ручьи чужіе и на своихъ недобрыхъ волнахъ унесла юношу князя, Ростислава, брата Мономахова:

Плачетъ мать по юношѣ, по князѣ,
Пріуныли съ жалости цвѣточки,
Дерева съ печали приклонились.

Плачущія деревья, степная шумящая трава, тростникъ по сыпучимъ серебрянымъ берегамъ тихоструйныхъ рѣкъ—переносятъ насъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ въ южно-русскія степи. Клектъ орлиный, щекотъ соловья, тектъ дятловъ, черные вороны, говорливыя галки, ясные соколы и быстрые кречеты, стрекотъ сороки, шумъ отъ распущенныхъ по воздуху крыльевъ лебедей и плескъ ихъ по волнамъ,—все это отпечатлѣлось въ Словѣ.

Золотой шеломъ Всеволода, да красные щиты дружины, да бобровый рукавъ княгини—вотъ единственныя краски, оживляющія блѣдные человѣческіе образы. За то степь, полночь и тишина—«ночь меркнетъ, заря-свѣтъ запала, мгла поля покрыла, щекотъ соловьиный умолкъ, говоръ галокъ утихъ»,—гроза и буря, затменіе солнца—очерчены съ высокою художественностью.

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ ярко выразилась политическая сторона русской жизни.

Въ сильномъ броженіи находилась Русь въ тѣ времена; княжескія дружины искрещивали всю землю нашу; наполняясь пришельцами изъ разныхъ угловъ Руси, онѣ свободно переходили отъ одного княжескаго знамени къ другому; а сами князья вели непрерывную борьбу за старшинство, за города и волости.

Эта борьба и отразилась въ Словѣ о Полку Игоревѣ: пѣвецъ негодуетъ на усобицы и взываетъ къ князьямъ, проситъ ихъ встать

за обиду земли Русской, «за раны Игоря, буего Святославича» и идти на враговъ общаго отечества.

Борьба съ кочевыми народами была вторымъ, послѣ междоусобной вражды князей, явленіемъ того времени. Встрѣча русскихъ дружинъ съ кочевниками прекрасно изображена въ «Словѣ», проникнутомъ сочувствіемъ къ борьбѣ съ нехристіанскими народами:

Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли ужъ знамена плещутъ...
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ
И отъ Дона и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду.
Отовсюду бѣсово исчадье
Понеслося съ гиканьемъ и крикомъ,
Молча Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ.

По соч. *Н. Костомарова* «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», т. I, Спб., 1888.

I.

Княженіе Андрея въ Суздальской землѣ.

Во второй половинѣ XII вѣка въ Ростовско-Суздальской землѣ возникъ тотъ укладъ жизни, который сталъ господствовать въ русскомъ мірѣ во времена татарскаго ига. Съ незапамятныхъ временъ славянскія племена проникали въ сосѣднія съ ними страны, занятыя инородцами, и селились тамъ, основывая свои города. Туземцы, принимая христіанство, утрачивали вмѣстѣ съ язычествомъ свою народность и постепенно сливались съ русскими. Низкая степень образованности и отсутствіе самобытной государственной жизни дали возможность русскимъ легко подчинить ихъ своему вліянію и власти. Въ одной изъ такихъ странъ, Мери, населенной финскимъ племенемъ того же имени, образовалась новая вѣтвь славяно-русской народности, положившая начало велико-русскому народу; вѣтвь эта въ теченіе послѣдующей исторіи охватила всѣ другія народныя вѣтви въ Русской землѣ, поглотила многія изъ нихъ совершенно, а другія подчинила своему вліянію. Первый зачатокъ стремленія подчинить русскія земли первенству восточно-русской земли проглядываетъ уже въ исторіи борьбы сына Владиміра Мономаха, Юрія Долгорукаго, съ Изяславомъ Мстиславичемъ изъ-за обладанія Кіевомъ. Сынъ его Андрей уже не раздѣляетъ страсти отца къ Кіеву и все стремленіе его направлено къ тому, чтобы властвовать надъ Кіевомъ и прочими русскими княжествами, не покидая Суздальской земли.

Въ княженіе Андрея выступилъ на историческое поприще народъ великорусскій и начала обозначаться яркими чертами самобытность Суздальско-Ростовской земли. Въ этой землѣ Андрей родился и въ ней провелъ дѣтство и первую юность; его удѣломъ былъ небольшой суздальскій пригородъ—Владиміръ на Клязьмѣ; но судьба рано бросила Андрея въ омутъ безвыходныхъ междоусобій, господствовавшихъ въ южной Руси.

Младшій сынъ Владиміра Мономаха—Юрій Долгорукій, отецъ

Андрея, долго оспаривалъ свое право старшинства на кіевскій великокняжескій столъ у своего пземянника Изяслава Мстиславича. Дѣла запутывались такъ, что междоусобію, казалось, не будетъ конца.

Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ то въ руки Изяслава, то въ руки Юрія. Въ теченіе этой усобицы Андрей не разъ показывалъ храбрость въ битвахъ, но также не разъ пытался установить миръ между раздраженными спорившими сторонами; все было напрасно. Въ 1151 году, когда Изяславъ временно взялъ рѣшительный перевѣсъ, Андрей убѣждалъ отца удалиться въ Суздальскую землю и самъ прежде него поторопился уйти въ этотъ край. Но Юрій ни за что не хотѣлъ оставлять юга и опять началъ добиваться Кіева. Наконецъ, по смерти Изяслава, въ 1154 г. онъ овладѣлъ Кіевомъ и посадилъ Андрея въ Вышгородѣ, вѣроятно, желая имѣть его около себя, чтобы передать ему Кіевское княженіе. Съ этой цѣлью онъ назначилъ отдаленные отъ Кіева города Ростовъ и Суздаль меньшимъ своимъ сыновьямъ. Но Андрея уже не плѣняли никакія надежды въ южной Руси. Андрей былъ столько же храбръ, сколько и уменъ, столько же разсчетливъ въ своихъ намѣреніяхъ, сколько и рѣшителенъ въ исполненіи. Онъ былъ слишкомъ властоаюбивъ, чтобы поладить съ тогдашнимъ складомъ условій въ южной Руси, гдѣ судьба князя постоянно зависѣла и отъ покушеній другихъ князей, и отъ своенравія дружинъ и городовъ; притомъ сосѣдство половцевъ не давало и впередъ никакого ручательства на установленіе порядка въ южно-русскомъ краѣ. Андрей рѣшился самовольно бѣжать навсегда въ Суздальскую землю и утвердить въ ней средоточіе, изъ котораго должно было бы ворочать дѣлами Руси.

Хотя у Андрея было много сторонниковъ какъ въ Суздальской, такъ и въ Кіевской землѣ, тѣмъ не менѣе, дѣйствуя противъ воли отца, онъ долженъ былъ освятить свой поступокъ въ глазахъ народа какимъ нибудь правомъ, и онъ нашелъ это освященіе въ высшемъ благословеніи религіи.

Въ Вышгородѣ, въ женскомъ монастырѣ, находилась икона Богоматери, привезенная изъ Царьграда, писанная, какъ гласило преданіе, св. евангелистомъ Лукою; икона эта считалась чудотворною. Андрей рѣшился похитить ее и перенести въ Суздальскую землю, даровавъ ей святыню, уважаемую на Руси и показавъ такимъ образомъ, что надъ этою землею почіетъ особое благословеніе Божіе. Подговоривъ священника монастыря, Андрей ночью унесъ чудотворную икону и тотчасъ, вмѣстѣ съ княгиней и соумышленниками, бѣжалъ на сѣверъ. Въ головѣ Андрея созрѣлъ планъ поднять городъ Владиміръ выше старѣйшихъ городовъ, Суздаля и Ростова,

но онъ хранилъ его до поры до времени втайнѣ и потому проѣхалъ съ иконою мимо Владиміра. Но въ 10 верстахъ отъ Владиміра произошло чудо: лошади подъ иконою стали и не могли сдвинуть воза съ мѣста. Князь остановился; проведя здѣсь ночь, онъ объявилъ, что ему явилась во снѣ Божія Матерь съ хартіей въ рукѣ и приказала поставить Ея икону во Владимірѣ, а на мѣстѣ, гдѣ произошло видѣніе, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. Тогда на мѣстѣ видѣнія заложено было село, названное Боголюбовымъ, и сооружена богатая каменная церковь. Это село, сдѣлалось впослѣдствіи любимымъ мѣстопребываніемъ Андрея и усвоило ему въ исторіи прозвище Боголюбскаго.

По смерти отца, Андрей, несмотря на распоряженіе Юрія, отдавшаго Ростовъ и Суздаль меньшимъ сыновьямъ, единодушно былъ избранъ княземъ всей Ростовско-Суздальской земли. Очевидно, что онъ еще при жизни отца сумѣлъ заслужить общее расположеніе. Но Андрей не поѣхалъ ни въ Суздаль, ни въ Ростовъ, а основалъ свою столицу во Владимірѣ. Здѣсь онъ построилъ великолѣпную церковь Успенія Богородицы и поставилъ въ ней икону, которая съ тѣхъ поръ стала носить названіе Владимірской. Андрей очень хорошо понималъ, что старые города имѣли свои преданія и привычки, которыя ограничивали власть князя, ставя ее ниже вѣчевой власти. Основывая свою столицу во Владимірѣ, онъ надѣялся, что въ этомъ городѣ, обязанномъ ему своимъ возвышеніемъ, воля народная будетъ идти объ руку съ волею князя.

II.

Возвышеніе г. Владиміра.

Городъ Владиміръ, прежде малый и незначительный, сильно разросся при Андреѣ. Жители его состояли въ значительной степени изъ южно-русскихъ переселенцевъ. На это явно указываютъ названія урочищъ во Владимірѣ; тамъ были: рѣка Лыбедь, Печерный городъ, Золотыя врата съ церковью надъ ними, какъ въ Кіевѣ, и Десятинная церковь Богородицы; Андрей, изъ подражанія Кіеву, далъ построенной имъ во Владимірѣ церкви десятину отъ своихъ стадъ и отъ торга и, сверхъ того, городъ Гороховецъ и села. Онъ не жалѣлъ денегъ на построеніе и украшеніе церквей, понимая, что постройка каждой новой церкви была важнымъ событіемъ, возбуждавшимъ вниманіе и уваженіе народа къ ея строителю. Онъ сумѣлъ пріобрѣсти любовь духовенства, составлявшаго

тогда единственную умственную силу, и, дѣйствуя такимъ образомъ, укрѣпляя свою власть въ народѣ. Современники видѣли въ немъ набожнаго и благочестиваго человѣка.

Въ то время къ числу благочестивыхъ подвиговъ князя, составлявшихъ его славу, относились и войны его съ невѣрными. По сосѣдству съ волостью Андрея на Волгѣ было царство Болгарское. Андрей два раза воевалъ съ болгарами. Первый разъ онъ пошелъ на нихъ въ 1164 г., взявъ съ собою чудотворную икону Богородицы. Побѣда эта была приписана чудотворному дѣйствію иконы Богородицы и въ память ея было установлено празднество съ водоосвященіемъ, совершаемое до сихъ поръ 1-го августа.

Желая окончательно возвысить Владиміръ, Андрей рѣшился обратиться къ патріарху съ просьбою о посвященіи въ митрополиты во Владиміръ своего любимца Ѳеодора. Такимъ образомъ Владиміръ не только сталъ бы выше Суздаля и Ростова, но получилъ бы первенствующее значеніе въ ряду всѣхъ русскихъ городовъ. Но патріархи, слѣдуя давнему обычаю восточной церкви, не легко соглашались на всякія измѣненія въ порядкѣ церковнаго управленія. И на этотъ разъ патріархъ не допустилъ такой важной перемѣны, тѣмъ болѣе, что ростовскій епископъ Несторъ былъ еще живъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ однако въ 1168 г., любимецъ Андрея, Ѳеодоръ съѣздилъ въ Царьградъ, выхлопоталъ себѣ посвященіе, если не въ санъ митрополита, то въ санъ епископа ростовскаго и дозволеніе жить во Владимірѣ. Если Андрею и не удалось возвысить Владиміръ на степень митрополіи, то въ этомъ отношеніи онъ намѣтилъ то, что совершилось впослѣдствіи, при его преемникахъ.

III.

Борьба Андрея за единовластіе.

Андрей былъ посаженъ на княженіе всею землею, не взирая на права меньшихъ братьевъ. Рѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ предупредилъ всякія попытки съ ихъ стороны къ междоусобіямъ и выгналъ изъ Ростовской земли трехъ своихъ братьевъ: Мстислава, Василька и восьмилѣтняго Всеволода, которые вмѣстѣ съ матерью, греческою царевною, нашли пріютъ у греческаго императора Мануила. Бояръ, на преданность которыхъ онъ не разсчитывалъ, онъ также изгонялъ изъ своего княжества.

Такія мѣры сосредоточивали въ его рукахъ единую власть надъ всею Ростовско-Суздальской землею тѣмъ болѣе, что, будучи избавлена отъ междоусобій, она въ то же время не подвергалась

опасности внѣшняго вторженія. Но съ другой стороны эти же мѣры увеличивали число враговъ Андрея, готовыхъ при случаѣ погубить его всѣми возможными средствами.

Забравъ въ свои руки власть въ Ростовско-Суздальской землѣ, Андрей ловко пользовался всѣми обстоятельствами, чтобы показывать свое первенство во всей Руси. Онъ вмѣшивался въ междоусобія, происходившія въ другихъ русскихъ земляхъ и хотѣлъ разрѣшать ихъ по своему произволу. Главною и постоянною цѣлью его дѣятельности было унизить значеніе Кіева и утвердить старѣйшинство Владиміра, а вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить себѣ вольный и богатый Новгородъ. Онъ добивался того, чтобы по своему желанію отдавать эти два важнѣйшихъ города съ ихъ землями въ княженіе тѣмъ изъ князей, которыхъ онъ захочетъ посадить, и которые, въ благодарность за то, будутъ признавать его старшинство. Въ Новгородѣ уже нѣсколько лѣтъ происходила безурядица; призывали и выгоняли то тѣхъ, то другихъ князей. Еще при жизни Юрія тамъ княжилъ братъ Андрея, Мстиславъ. Въ 1158 г. новгородцы прогнали его и призвали сыновей Ростислава, Святослава и Давида: изъ нихъ перваго посадили въ Новгородѣ, а другого въ Торжкѣ; но и противъ нихъ скоро образовалась въ Новгородѣ враждебная партія. Разсчитывая на помощь этой партіи, Андрей послалъ сказать новгородцамъ, что онъ «будетъ искать Новгородъ добромъ или зломъ» и требуетъ, чтобъ новгородцы цѣловали ему крестъ, какъ своему князю. Такое требованіе усилило волненіе въ Новгородѣ: тамъ стали собираться бурныя вѣча; сперва Давидъ, а потомъ и Святославъ были изгнаны; перековали лицъ, составлявшихъ княжескую дружину, имѣніе ихъ разграбили, а потомъ послали просить у Андрея на княженіе его сына. Но Андрей отправилъ въ Новгородъ не сына, а племянника, Мстислава Ростиславича: ему было безразлично, какой князь будетъ княжить въ Новгородѣ, лишь бы только этотъ князь былъ посаженъ имъ и чтобы такимъ образомъ вошло въ обычай для новгородцевъ получать себѣ князей отъ суздальскаго князя.

Въ Кіевѣ въ то время княжили Андреевъ двоюродный племянникъ, Мстиславъ Изяславичъ волынскій. Кромѣ того, что этотъ князь былъ сынъ ненавистнаго Андрею Изяслава Мстиславича, съ которымъ очень упорно боролся отецъ его, Андрей лично ненавидѣлъ этого князя, да и Мстиславъ былъ не изъ такихъ, чтобы угождать кому бы то ни было, кто бы вздумалъ показать надъ нимъ власть. Андрей, считая себя старшимъ, выждалъ удобную минуту и послалъ на югъ съ сыномъ суздальское ополченіе, къ которому тамъ присоединились многіе полки другихъ князей, недовольныхъ Мстиславомъ. Всего было до 11 князей, съ ихъ дружинами и ратью.

Подручники Андрея съ войсками разныхъ русскихъ земель сошлись въ Вышгородѣ и въ началѣ марта 1169 года заложили станъ подъ Кіевомъ, близь Кирилловскаго монастыря, и, раздвигаясь, окружили весь городъ. Вообще кіевляне никогда и прежде не выдерживали осады и обыкновенно сдавались князьямъ, приходившимъ добывать Кіевъ силою. И теперь у нихъ достало выдержки только на три дня. Берендѣи и торки, стоявшіе за Мстислава Изяславича, склонны были къ измѣнѣ. Когда враги стали напирать въ тылъ Мстиславу, кіевская дружина сказала ему: «что, князь, стоишь? намъ ихъ не пересилить». Мстиславъ бѣжалъ въ Василевъ, не успѣвъ взять съ собою жену и сына. За нимъ гнались, по немъ стрѣляли. Кіевъ былъ взятъ 12 марта, въ среду на второй недѣлѣ поста, весь разграбленъ и сожженъ въ продолженіи двухъ дней. Не было пощады ни старымъ, ни малымъ, ни полу, ни возрасту, ни церквамъ, ни монастырямъ. Зажгли даже Печерскій монастырь. Вывезли изъ Кіева не только частное имущество, но и иконы, ризы и колокола. Такое свирѣпство станетъ понятнымъ, если вспомнить, какъ за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ кіевляне перебили у себя всѣхъ суздальцевъ послѣ смерти Юрія Долгорукаго; конечно, между суздальцами были люди, мстившіе теперь за своихъ родственниковъ; что же касается до черниговцевъ, то у нихъ уже была давняя вражда къ Кіеву, возраставшая отъ долгой вражды между Мономаховичами и Ольговичами.

Взявъ Кіевъ, Андрей не поѣхалъ туда, но отдалъ его младшему брату, Глѣбу. Такъ достигъ Андрей своей цѣли. Древній Кіевъ потерялъ свое вѣковое старшинство. Нѣкогда богатый городъ, заслуживший отъ посѣщавшихъ его иностранцевъ названіе второго Константинополя, онъ уже и раньше началъ постепенно утрачивать свой блескъ вслѣдствіе княжескихъ междоусобій, а теперь былъ ограбленъ, сожженъ, лишенъ значительнаго числа жителей, перебитыхъ или отведенныхъ въ неволю, поруганъ и посрамленъ отъ другихъ русскихъ земель, которыя какъ будто мстили ему за прежнее господство надъ ними.

Раздѣлавшись съ Кіевомъ, Андрей захотѣлъ также раздѣлаться и съ Новгородомъ. Тѣ же князья, которые ходили съ нимъ на Кіевъ, съ тѣми же ратями, которыя уничтожили древнюю столицу Русской земли, двинулись на сѣверъ съ тѣмъ, чтобы приготовить ту же участь Новгороду. Но на этотъ разъ они ошиблись въ разсчетѣ и послѣ четырехдневнаго боя Андрей съ союзниками принужденъ былъ бѣжать. Чудотворное избавленіе Новгорода отъ рати Андрея приписывается иконѣ Божіей Матери, подъ именемъ Знаменской. Вскорѣ, однако, вражда остыла и новгородцы поладили съ

Андреемъ. Главною причиною примиренія явился голодъ, а новгородцамъ надо было получать хлѣбъ изъ суздальской волости.

Несмотря на пораженіе, нанесенное Кіеву, Андрею пришлось еще разъ посылать туда войско съ цѣлью удержать его въ своей власти. Посаженный имъ князь Глѣбъ умеръ. Съ согласія Ростиславичей Кіевъ захватилъ-было дядя ихъ Владиміръ Дорогобужскій, бывшій союзникъ Андрея, но тотъ приказалъ ему немедленно выѣхать и объявилъ, что уступаетъ Кіевъ Роману Ростиславичу, князю кроткаго и покорнаго нрава. «Вы назвали меня своимъ отцомъ,—приказалъ Андрей сказать Ростиславичамъ,—хочу вамъ добра и даю Роману, брату вашему, Кіевъ». Черезъ нѣсколько времени Андрей задумалъ прогнать Романа Ростиславича: былъ-ли онъ недоволенъ Ростиславичами, или-же просто намѣревался посадить въ Кіевъ брата и потому нужно было ихъ выгнать,—какъ-бы то ни было, только онъ придрался къ этимъ князьямъ, послалъ съ нимъ своего мечника Михна съ требованіемъ выдачи Григорія Хотовича и двухъ другихъ лицъ; «они—говорилъ Андрей—уморили брата моего Глѣба: они всѣ намъ враги». Ростиславичи, зная, что со стороны Андрея это не болѣе, какъ придирка, не рѣшились выдать людей, которыхъ считали невинновными, и дали имъ средства спастись. Этого только и нужно было Андрею. Онъ писалъ имъ такое грозное слово: «если не живете по моей волѣ, то ты, Рюрикъ, ступай вонъ изъ Кіева, а ты, Давидъ, ступай изъ Вышегорода, а ты Мстиславъ, изъ Бѣлагорода; остается вамъ Смоленскъ; тамъ себѣ дѣлитесь, какъ знаете». Романъ повиновался и уѣхалъ въ Смоленскъ. Андрей отдалъ Кіевъ брату Михаилу. Но не всѣ Ростиславичи были безгласны, какъ Романъ. Они отправили къ Андрею посла съ объясненіями; но Андрей не далъ отвѣта. Тогда они ночью вошли въ Кіевъ, овладѣли имъ и посадили на кіевскомъ столѣ одного изъ своей среды, Рюрика Ростиславича; самъ Михаилъ присталъ къ нимъ и отступилъ отъ Андрея.

Гордый Андрей призвалъ своего мечника Михна и сказалъ: «поѣзжай къ Ростиславичамъ, скажи имъ вотъ что: вы не поступаете по моей волѣ; за это ты, Рюрикъ, ступай въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчизну, а ты, Давидъ, ступай въ Берладь, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ; а Мстиславу скажи такъ: ты всему зачинщикъ, я не велю тебѣ быть въ Русской землѣ».

Михно передалъ Ростиславичамъ порученіе своего князя. Всѣхъ болѣе не стерпѣлъ этой рѣчи Мстиславъ. «Онъ—говоритъ современникъ—отъ юности своей не привыкъ бояться никого, кромѣ единаго Бога!» Онъ приказалъ остричь Михну волосы на головѣ и бородѣ и сказалъ: «ступай къ своему князю и передай ему отъ насъ вотъ что: мы тебя до сихъ поръ считали отцомъ своимъ и любили, ты же прислалъ къ намъ такія рѣчи, что считаешь меня

не княземъ, а подручникомъ и простымъ человѣкомъ; дѣлай, что замыслилъ. Богъ всему судья!»

Такъ впервые произнесено было новое слово «подручникъ», такъ отмѣчена была перемѣна, наступавшая въ отношеніяхъ князей другъ къ другу: былыя отношенія по старшинству уступали мѣсто зависимости отъ великаго князя наравнѣ съ простыми людьми.

Андрей пришелъ въ ярость, когда увидѣлъ остриженнаго Михна и услышалъ, что̀ сказалъ Мстиславъ. Большое ополченіе Суздальской земли—ростовцы, суздальцы, владимірцы, переяславцы, бѣлозерцы, муромцы и рязанцы, подъ главнымъ начальствомъ сына Андрея, Юрія, и боярина Жидиславича, пошло въ путь. Андрей, отправляя ихъ, говорилъ: «изгоните Рюрика и Давида изъ моей отчины, а Мстислава возьмите: ничего ему не дѣлайте и привезите ко мнѣ. По дорогѣ къ этому ополченію присоединились новгородцы и смольняне, а когда вся эта сила вступила въ Черниговскую землю, то тамъ къ ней примкнулъ Святославъ Всеволодовичъ съ братьями. Съ другой стороны, Андрей двинулъ на Кіевъ силы Полоцкой земли. Все ополченіе напирало главнымъ образомъ на Вышгородъ, чтобы взять Мстислава, какъ приказалъ Андрей. Девять недѣль простояло оно подъ Вышгородомъ. Большая часть союзниковъ не имѣла ни поводовъ, ни охоты продолжать упорную войну: смольняне завлечены были совершенно поневолѣ, новгородцы всегда безпокойные и перемѣнчивые, легко охладѣвали къ дѣлу, къ которому приступили мимоходомъ, а ратямъ полочанъ и бѣлорусскихъ городовъ было въ то время совершенно безразлично, кому будетъ принадлежать Кіевъ. Напуганные приближеніемъ галичанъ, спѣшившихъ на помощь Ростиславичамъ, союзники бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ. Мстиславъ воспользовался этимъ, сдѣлалъ вылазку, погнался за ними, овладѣлъ ихъ обозомъ и захватилъ плѣнныхъ. Эта побѣда надъ двадцатью князьями и силами столькихъ земель прославила Мстислава Ростиславича и дала ему названіе Храбраго.

Кіевъ былъ уступленъ Ростиславичами Ярославу Луцкому, который, какъ и слѣдовало ожидать, не долго просидѣлъ въ немъ, и бѣдная столица опять начала переходить изъ рукъ въ руки, но судьба ея уже зависѣла отъ воли суздальскихъ князей, какъ этого хотѣлось Андрею.

IV.

Кончина Андрея.

При всемъ своемъ умѣ, хитрости, изворотливости, Андрей не установилъ ничего прочнаго въ Русской землѣ. Единственнымъ побужденіемъ всей его дѣятельности было властолюбіе; ему хотѣлось создать около себя такое положеніе, въ которомъ онъ бы могъ перемѣщать князей съ мѣста на мѣсто, посылать ихъ съ дружинами туда и сюда, по своему, принуждать ихъ дружиться между собою и ссориться, и заставить ихъ всѣхъ признавать его старѣйшимъ и первенствующимъ. Для этой цѣли онъ довольно ловко пользовался вѣчными раздорами князей, рознью, изстари существовавшею между городами и землями, возбуждалъ и разжигалъ страсти партій. Кромѣ желанія лично властвовать надъ князьями, у Андрея едвали былъ какой-нибудь идеалъ новаго порядка для русскихъ земель. Онъ не создалъ новаго порядка и въ своей Ростовско-Суздальской волости; но правилъ онъ ей не по старому. Во-первыхъ, онъ предпочелъ старымъ вѣчевымъ городамъ — Ростову и Суздалю, маленькій пригородъ — Владиміръ. Во-вторыхъ, онъ пренебрегъ и старшей дружиной, служившей его отцу, и окружилъ себя, какъ ему казалось, болѣе преданными слугами, заполнявшими его новый дворъ и дворецъ въ Боголюбовѣ.

За свое пренебреженіе къ старинѣ и за стремленіе къ самовластію Андрей заплатилъ своей жизнью.

Былъ у Андрея любимый слуга Якимъ Кучковичъ. Князь приказалъ казнить его брата. Якимъ сталъ говорить своимъ пріятелямъ: «Сегодня того, другого казнилъ, а завтра казнятъ и насъ: раздѣлаемся-ка съ этимъ княземъ!» Въ пятницу 28 іюня 1175 года собрался совѣтъ въ домѣ Кучкова зятя, Петра. Было тамъ человѣкъ 20 и въ числѣ ихъ ключникъ Андрея Амбалъ, родомъ ясинъ (ясы — народъ кавказскаго племени; полагаютъ, что это — кабардинцы) и еврей, Ефремъ Монзикъ. Замѣчательно, что приближенными Андрея были иноземцы: чувствуя, что свои имѣютъ поводъ не любить его, Андрей, конечно, думалъ обезопасить себя этимъ средствомъ — и ошибся. На совѣтѣ рѣшили убить князя въ эту же ночь.

Андрей, по извѣстію одной лѣтописи, спалъ одинъ, заперши дверь, а по другимъ близъ него находился кощей (мальчикъ). Заговорщики, отправляясь на свое дѣло, зашли прежде въ медушу (погребъ), напились для смѣлости вина и потомъ направились къ ложницѣ (спальная) Андрея. Они выломали дверь и бросились на

князя; но тотъ былъ силенъ и началъ бороться съ ними. Въ потьмахъ убійцы ранили одного изъ своихъ, но потомъ, различивши князя, поражали его мечами, саблями и копьями. Думая, что уже покончили съ нимъ, они ушли, но князь, собравши послѣднія силы, выскочилъ за ними, спустился съ лѣстницы и спрятался подъ сѣни. Убійцы услышали его стоны. Они бросились назадъ къ ложницѣ, но князя тамъ не было.—«Мы погибли,—закричали они—ищите, скорѣе ищите его!» Зажгли поспѣшно свѣчи и по слѣдамъ крови на лѣстницѣ нашли князя; онъ сидѣлъ, прижавшись за лѣстничнымъ столбомъ и молился. Петръ Кучковичъ отсѣкъ ему правую руку. Князь успѣлъ проговорить: «Господи, въ руки Твои предаю духъ мой!»—и окончилъ жизнь.

Уже разсвѣтало. Убійцы нашли Прокопія, княжескаго любимца, и убили его. Оттуда опять взошли они на сѣни, набрали золота, драгоцѣнныхъ камней, жемчуга, разнаго имущества и отправили, взложивъ на коней, приготовленныхъ ихъ соумышленниками, а сами, надѣвъ на себя княжеское вооруженіе, собрали своихъ: «Что—говорили они—если на насъ пріѣдетъ дружина владимірская?»—«Пошлемъ во Владиміръ», рѣшили злоумышленники.

Они послали къ владимірцамъ, извѣщали о случившемся и велѣли сказать: «Если кто изъ васъ что-нибудь помыслитъ на насъ, то мы съ тѣми покончимъ. Не у насъ однихъ была дума; и ваши есть въ одной думѣ съ нами». Владимірцы отвѣчали: «Кто съ вами въ думѣ, тотъ съ вами пусть и будетъ, а наше дѣло сторона».

Весь домъ Андрея былъ разграбленъ. Обнаженное тѣло князя было выброшено въ огородъ. Отсюда одинъ изъ княжескихъ слугъ, кіевлянинъ Кузьмище, отнесъ тѣло убитаго въ церковь и положилъ его въ притворѣ. Два дня и двѣ ночи пролежало оно здѣсь. Духовенство не рѣшалось отпереть церковь и совершать панихиды, пока на третій день не пришелъ игуменъ монастыря Козьмы и Даміана и не убѣдилъ клирошанъ положить тѣло въ каменный гробъ и пропѣть надъ нимъ панихиду.

Между тѣмъ оказалось, что убійцы совершили поступокъ, угодный очень многимъ. Правленіе Андрея многимъ было ненавистно. Народъ, услыхавши, что князя убили, бросился не на убійцъ, а напротивъ, сталъ продолжать начатое ими. Боголюбовцы разграбили весь княжескій домъ, въ которомъ накоплено было много золота, серебра, дорогихъ одеждъ, перебили его дѣтскихъ и мечниковъ (посыльныхъ и стражу); досталось и мастерамъ, которыхъ собиралъ Андрей, заказывая имъ работу.

Вѣсть объ убіеніи Андрея скоро разошлась по землѣ: вездѣ народъ волновался, нападалъ на княжескихъ посадниковъ и тіуновъ—

ихъ дома грабили, а иныхъ и убили. Не ранѣе, какъ черезъ шесть дней по смерти князя, владимірцы, какъ бы опомнившись, порѣшили привезти тѣло убитаго. Народная толпа вышла изъ города. Когда похоронное шествіе стало приближаться, показалось княжеское знамя и послышалось погребальное пѣніе, тогда злоба уступила мѣсто печали, вспомнили, что за умершимъ были не одни дурныя дѣла, но были и добрыя, вспомнили его усердіе къ храмамъ, и оплакивали князя. Его погребли въ церкви Богородицы.

V.

Событія по смерти Андрея.

Ростовцы и суздальцы, въ особенности первые, были недовольны Андреемъ за предпочтеніе, оказываемое городу Владиміру, и чувство досады тотчасъ прорвалось послѣ смерти Андрея. Первые пригласили племянниковъ Андрея, Ростиславичей, которые, не смѣя явиться во владѣніяхъ дяди, проживали въ Рязанской землѣ, а владимірцы пригласили брата Андреева, Михаила, проживавшаго въ Черниговѣ. Дошло было дѣло до междоусобія; ростовцы взяли верхъ, принудили владимірцевъ принять одного изъ Ростиславичей, Ярополка, и отзывались о владимірцахъ такъ: «они наши холопы и каменьщики: мы ихъ городъ сожжемъ или посадника въ немъ отъ себя посадимъ». Но посаженные князья Ростиславичи, угождая однимъ ростовцамъ, вооружили противъ себя несправедливыми поборами и владимірцевъ, и всю землю. «Мы вольныхъ князей принимаемъ къ себѣ», говорили владимірцы. По этой причинѣ, когда владимірцы прогнали отъ себя Ярополка Ростиславича и снова пригласили къ себѣ Михаила, то вся земля была на сторонѣ города Владиміра. Михаилъ вскорѣ умеръ и владимірцы на вѣчѣ выбрали меньшого сына Юрія Долгорукаго, Всеволода. Ростовцы попытались подняться противъ него съ Ростиславичами, но неудачно. Озлобленіе владимірцевъ противъ Ростиславичей было такъ велико, что они покусились-было ослѣпить ихъ противъ воли Всеволода. Причина этого озлобленія объясняется тѣмъ, что Ростиславичи, вмѣстѣ съ рязанцами, навели на землю половцевъ. Съ тѣхъ поръ волненія надолго утихаютъ въ Ростовско-Суздальской землѣ. По всему видно, что и въ Ростовѣ партія, ненавидѣвшая городъ Владиміръ, искавшая власти и первенства надъ всею землею, состояла главнымъ образомъ изъ бояръ, которые не могли пріобрѣсти любви всего населенія и увлечь его за собою. Въ самомъ Ростовѣ жители вязали бояръ и отдавали ихъ Всеволоду. Послѣ того, какъ съ пораженіемъ рязанцевъ раз-

сѣяна была партія ростовскихъ бояръ, враждебная Всеволоду, Ростовъ оставался спокоенъ. Всеволодъ княжилъ долго и во многомъ продолжалъ политику Андрея, хотя поступалъ съ гораздо большею умѣренностью и мягкостью. Въ Ростовско-Суздальской землѣ онъ былъ вообще любимъ народомъ.

По смерти Всеволода произошло короткое междоусобіе, возбужденное главнымъ образомъ новгородцами. Но въ 1219 году, по смерти старшаго сына Всеволодова, Константина, посаженъ былъ во Владимірѣ на княженіе второй сынъ его, Юрій, и Ростовско-Суздальская земля до самаго татарскаго нашествія была избавлена отъ княжскихъ междоусобій.

Это былъ періодъ благосостоянія Восточной Руси. Земля населялась; строились церкви и монастыри; искусство поднялось на столько, что русскіе не нуждались болѣе въ иностранныхъ мастерскихъ: у нихъ были свои зодчіе и иконописцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось и книжное просвѣщеніе. Ростовскій владыка Кириллъ составилъ книгохранилище; подъ его руководствомъ переводились съ греческаго и переписывались разныя сочиненія. Нѣсколько рукописей, уцѣлѣвшихъ отъ этой эпохи, показываютъ, что искусство переписыванія доходило до значительнаго изящества. Княжна черниговская Евфросинія, дочь Михаила Всеволодовича, завела въ Суздалѣ училище для дѣвицъ, гдѣ учила грамотѣ, письму и церковному пѣнію.

Время Юрія было также періодомъ значительнаго расширенія Руси на сѣверо-востокъ. На мѣстѣ соединенія рѣкъ Сухоны и Юга построенъ былъ городъ Устюгъ, вскорѣ получившій важное торговое значеніе. Камскіе болгары было-завладѣли имъ, но Юрій разбилъ ихъ, заставилъ заключить миръ, отпустить всѣхъ плѣнниковъ, дать заложниковъ и утвердить миръ клятвою. Съ другой стороны, русскіе двигались по Волгѣ, вошли въ землю Мордовскую и при сліяніи Оки съ Волгою основали Нижній-Новгородъ. Управляемая многими князьками мордва не въ силахъ была устоять противъ натиска русскаго племени: тогда какъ одни мордовскіе князьки искали помощи болгаръ противъ русскихъ, другіе, захваченные врасплохъ, отдавались русскимъ князьямъ въ подручники и назывались «ротниками» (потому что приносили «роту», т. е. присягу). Эти событія ускоряли ходъ русской колонизаціи на востокѣ.

ТАТАРЫ.

По соч. *В. Григорьева:* «О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству» и «О мѣстоположеніи Сарая, столицы Золотой Орды» въ сборн. «Россія и Азія», Спб. 1876 г.—*Н. Костомарова:* «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», т. I, Спб. 1888, ст. «Кн. Мстиславъ Удалой».—*К. Бестужева-Рюмина:* «Русская исторія», т. I, Спб. 1872. —*С. Соловьева:* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. III, изд. 5, М. 1880.

I.

Монголо-татарское племя. Чингисъ-Ханъ.

Въ XII вѣкѣ степи средней Азіи выслали въ Европу новую завоевательную орду, которая явилась послѣднею волною переселенія народовъ, начавшагося въ глубокой древности. Это была орда монголо-татарская. Родиной монголовъ была горная окраина степи Гоби, лежащая за Байкаломъ, орошаемая источниками Амура, обильная лѣсомъ и пастбищами. Племя это дѣлилось на кочевья (орды); каждая орда имѣла свои знатныя семьи, или сословіе благородныхъ, а также свой княжескій или владѣльческій родъ, изъ котораго выбирались ханы. Власть ханская была ограничена собраніемъ знатныхъ, которое собиралось въ важныхъ случаяхъ и называлось «курилтаемъ». Этотъ курилтай выбиралъ самихъ хановъ или утверждалъ ихъ наслѣдственныя права.

Впрочемъ, ханъ могъ сосредоточить въ своихъ рукахъ и неограниченную власть надъ своимъ племенемъ. Не довольствуясь собственнымъ удѣломъ, онъ налагалъ дань на сосѣднихъ хановъ, силою уводилъ у нихъ людей или ловкою политикой переманивалъ въ свою орду. Такъ въ монгольской степи иногда слагалась могущественная монархія, которая могла выставить многіе десятки тысячъ вооруженныхъ людей, и тогда она становилась страшною для ближнихъ осѣдлыхъ государствъ. Но рѣдко такое могущество переживало своего основателя; со смертью его оно разбивалось между братьями и сыновьями, а потомъ падало вслѣдствіе ихъ распрей и междоусобій. Тѣмъ не менѣе постоянное занятіе охотою, почти безпрерывныя мелкія войны между ханами и частые набѣги на сосѣдей

ради добычи, развивали и поддерживали тѣлесную крѣпость и воинственный духъ въ монгольскихъ племенахъ.

Хитрый, острый умъ, находчивость и умѣніе пользоваться обстоятельствами для достиженія цѣли вырабатывались среди нихъ благодаря этой безпрерывной борьбѣ за преобладаніе и въ силу необходимости быть всегда на-сторожѣ.

Вотъ какъ описываетъ наружность и образъ жизни монголовъ древній китайскій писатель: «лицо у нихъ широкое, плоское, четвероугольное, съ выдавшимися скулами; глаза безъ верхнихъ рѣсницъ; волосъ на бородѣ и усахъ весьма мало; ихъ наружность отвратительна. Годъ по ихъ обычаю считается по выростанію травы; когда увидятъ, что луна округлилась, то считаютъ мѣсяцъ. Татары родятся и выростаютъ на сѣдлѣ и на лошади; они сами собою научаются сражаться, потому что вся жизнь ихъ круглый годъ проводится на охотѣ. Оттого у нихъ нѣтъ пѣхоты, а все конница; войска у нихъ можетъ набраться нѣсколько сотъ тысячъ. Письменныхъ дѣлъ у нихъ почти нѣтъ, но всѣ, начиная отъ главнокомандующаго до тысячника, сотника и десятника, командуютъ лично. Всякій разъ, когда они хотятъ взять большой городъ, они сначала нападаютъ на малыя мѣста, берутъ въ плѣнъ тамошнихъ жителей и гонятъ ихъ на осаду. При осадѣ не жалѣютъ десятковъ тысячъ народа, и оттого города всегда бываютъ взяты; по занятіи ихъ убиваютъ безъ пощады всѣхъ». «Нѣтъ народа болѣе способнаго завоевать міръ, какъ татары», писалъ объ нихъ въ XIII вѣкѣ венеціанецъ Марко Поло, «они храбры, они привычны ко всякаго рода лишеніямъ, они безчеловѣчны, хищны, противъ нихъ не можетъ устоять ни одно государство».

Среди этого воинственнаго народа въ началѣ XIII вѣка появился ханъ Темучинъ; опустошивъ часть Китайской имперіи и взявъ Пекинъ, онъ обратился на западъ и положилъ основаніе обширнѣйшей имперіи, когда-либо существовавшей въ Азіи. Онъ владѣлъ неизмѣримыми пространствами отъ Амура до Волги, повелѣвалъ множествомъ народовъ, составлявшихъ его военную силу, и былъ прозванъ Чингисъ-Ханомъ, т. е. великимъ ханомъ.

II.

Первое нашествіе татаръ на Россію. Битва при Калкѣ.

Завоевательныя движенія Чингисъ-Хана достигли земли половцевъ. Татары столкнулись съ половцами на восточномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ половцы были за одно съ аланами (жителями Дагестана). Чтобы отвлечь половцевъ отъ этого союза, предводи-

тели полчища, посланнаго Чингисъ-Ханомъ, сначала коварно сдружились съ ними, увѣривъ ихъ, что татары, будучи одного съ ними племени, не хотятъ дѣйствовать противъ нихъ враждебно. Половцы довѣрились имъ и отстали отъ алановъ; монголы же, раздѣлавшись съ аланами, покорили и половцевъ; половецкіе князья, уже крещенные, Юрій Кончаковичъ и Данило Кобяковичъ, были убиты. Татары гнались за ихъ товарищами до вала половецкаго, отдѣлявшаго землю половецкую отъ русской. Половецкій ханъ Хотянъ, тесть князя Мстислава Удалого, бѣжалъ въ Галичъ къ зятю со страшнымъ извѣстіемъ, что съ востока идетъ на русскую землю несмѣтная сила невѣдомыхъ завоевателей, которые уже покорили половецкую землю.

Мстиславъ разослалъ вѣстниковъ къ разнымъ русскимъ князьямъ, созывая ихъ для совѣта объ общемъ дѣлѣ въ Кіевѣ. Много князей съѣхалось туда. Между ними были: Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, Мстиславъ удалой Галицкій, Мстиславъ Черниговскій, Даніилъ Романовичъ Волынскій, Михаилъ Всеволодовичъ, сыновья Всеволода Чермнаго и многіе другіе. Только Суздальскій Юрій не пріѣхалъ на совѣтъ. Ханъ Хотянъ щедро одарилъ русскихъ князей конями, верблюдами, буйволами и невольницами, а другой князь половецкій Бастый принялъ св. крещеніе. Мстиславъ Удалой умолялъ рускихъ князей спѣшить на помощь половцамъ. Послѣ долгихъ совѣщаній князья рѣшили соединенными силами идти въ походъ, предпочитая встрѣтить врага на чужой землѣ.

Походъ въ степи, по обычаю, открылся весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Главное сборное мѣсто во время такихъ походовъ находилось у города Заруба на правомъ берегу Днѣпра и у такъ называемаго Варяжскаго острова. Здѣсь производилась переправа черезъ Днѣпръ, на пути изъ Кіева въ Переяславль, который лежалъ тутъ же по близости, на другой сторонѣ. Конница приходила сюда сухопутьемъ, а пѣхота приплывала на судахъ. По словамъ лѣтописи, судовъ набралось столько, что воины переходили по нимъ какъ по суху съ одного берега на другой. Здѣсь собрались князья кіевскіе, смоленскіе, черниговскіе, сѣверскіе, волынскіе и галицкіе, каждый со своей дружиною. Сюда же къ русскимъ князьямъ явились послы отъ татарскихъ военачальниковъ; они предлагали миръ, говоря, что пришли на холопей своихъ и конюховъ—половцевъ, а не на Русь, и русскихъ земель, городовъ и селъ не трогали. Но князья не хотѣли слушать льстивыхъ татарскихъ рѣчей и вмѣсто отвѣта перебили пословъ. Поступили они такъ потому, что знали, какъ коварно татары обманули половцевъ, предлагая имъ дружбу, чтобы разъединить съ аланами, а потомъ напали на нихъ самихъ. Отъ Заруба ополченіе двинулось внизъ по Днѣпру

и стало станомъ, не доходя Слешья. Татары снова прислали къ князьямъ пословъ, чтобы сказать, что русскіе сами предпочли войну. Князья на этотъ разъ отпустили пословъ невредимыми. Передовые татарскіе отряды стали появляться у Днѣпра. Мстиславъ Удалой перешелъ черезъ Днѣпръ съ 1000 воиновъ; съ нимъ пошли Данило Романовичъ, Мстиславъ Нѣмой, Олегъ Курскій и другіе молодые князья. Они разбили и обратили въ бѣгство сторожевой татарскій отрядъ. Между тѣмъ въ станѣ русскихъ на Днѣпрѣ толковали о томъ, каковы враги: одни говорили, что они отличные стрѣлки и воины, другіе увѣряли, что это народъ простой, хуже половцевъ. Молодые князья торопили старыхъ идти впередъ.

Во вторникъ 21-го мая русскіе снялись со стана и пошли въ степь. Они вскорѣ встрѣтились съ татарскимъ отрядомъ. Русскіе стрѣлки разсѣяли его, и имъ досталось въ добычу множество скота. Поощренные этою побѣдою, русскіе князья смѣло углубились въ степи. Татары все отходили назадъ и только сторожевые отряды время отъ времени затѣвали мелкія стычки. Послѣ 8 — 9 дней похода русская рать приблизилась къ берегамъ Азовскаго моря. Здѣсь татары прекратили отступленіе и расположились на удобномъ для себя мѣстѣ за рѣчкою Калкою. Первые успѣхи и отступленіе татаръ усилили и безъ того существовавшую у русскихъ людей излишнюю увѣренность въ своихъ силахъ и безпечность; они начали свысока относиться къ непріятелю, который очевидно уступалъ имъ и числомъ и вооруженіемъ. Это единодушіе князей было, однако, непродолжительно; уже во время похода возникли соперничество и разныя пререканія; общаго начальника не было; каждый изъ старшихъ князей распоряжался своими полками отдѣльно, не сообразуясь съ дѣйствіями другихъ.

Мстиславъ Удалой, опередивъ другихъ, приказалъ Данилѣ перейти Калку и самъ перешелъ за нимъ, какъ вдругъ показались татарскія полчища. Русскіе вынуждены были вступить въ бой. Храбро бились русскіе князья, но сила татарская одолѣла ихъ, и они обратились въ бѣгство. Между тѣмъ остальные князья перешли Калку, расположились станомъ и выслали впередъ Пруна съ половцами. Татары стремительно ударили на половцевъ. Половцы бросились назадъ, обратились на русскій станъ и смяли его. Русскіе еще не успѣли вооружиться, какъ уже началась страшная рѣзня; приведенные въ безпорядокъ половцами, они не выдержали и бѣжали.

Во время этого всеобщаго бѣгства русскихъ одинъ Мстиславъ Романовичъ не двигался съ мѣста, онъ сталъ на высокомъ каменистомъ берегу Калки съ зятемъ своимъ Андреемъ и Дубровицкимъ княземъ Александромъ. Большая часть татаръ преслѣдовала

бѣгущихъ, а одинъ отрядъ съ бродниками окружилъ трехъ храбрыхъ князей, которые огородили себя кольями и отбивались отъ нихъ неустанно три дня и три ночи. Татары, видя, что имъ не одолѣть ихъ силою, прибѣгли къ коварству. Нѣкто Плоскыня, воевода бродниковъ, уговорилъ князей сдаться татарамъ на выкупъ и цѣловалъ крестъ на томъ, что они останутся живы. Князья повѣрили и вышли, но Плоскыня тотчасъ связалъ ихъ и выдалъ татарамъ. Татары, взявши укрѣпленіе, перебили всѣхъ бывшихъ тамъ русскихъ воиновъ, а связанныхъ князей положили подъ доски и сами сѣли на доскахъ обѣдать. Такъ кончили жизнь свою несчастные князья.

Татары гнались за бѣгущими до самаго Днѣпра и по дорогѣ убили шестерыхъ князей, въ томъ числѣ Мстислава Черниговскаго. Мстиславъ Удалой избѣжалъ погони и, достигнувъ Днѣпра, истребилъ огнемъ и пустилъ по рѣкѣ стоявшія у берега ладьи, чтобы не дать возможности татарамъ переправиться черезъ рѣку, а самъ вернулся въ Галичъ.

Пораженіе князей при Калкѣ навело на Русь всеобщій ужасъ, который усиливался отъ внезапности появленія невѣдомаго врага. Впечатлѣніе, произведенное на умы этимъ событіемъ, наглядно отражается въ словахъ лѣтописца: «Пришли» — говоритъ онъ — «невѣдомые народы, о которыхъ никто хорошо не знаетъ, кто они такіе и откуда пришли, и какимъ языкомъ говорятъ, и какого они племени, и какая у нихъ вѣра; одни говорятъ, что ихъ зовутъ — татары, а иные—таурмены, а другіе —печенѣги».

Варвары однако не стали углубляться въ предѣлы Руси, а повернули назадъ въ половецкую степь. Затѣмъ они направились къ Волгѣ, прошли по землѣ камскихъ болгаръ, которымъ тоже успѣли нанести большое пораженіе, и уральскими степями, обогнувъ Каспійское море, воротились въ Азію къ своему повелителю. Такимъ образомъ, монгольскіе завоеватели на опытѣ извѣдали состояніе восточной Европы и тѣ пути, которые вели въ нее. И этимъ опытомъ они не замедлили воспользоваться.

III.

Татарскій погромъ.

Въ 1227 г. умеръ Чингисъ-Ханъ, ему наслѣдовалъ сынъ его, Угедей; старшій сынъ Чингиса умеръ при жизни отца и Чингисъ отдалъ западную часть своихъ владѣній, Кипчацкія степи (т. е. Киргизскую, Уральскую и при-Волжскую), сыну его, Батыю. Въ 1236 г. 300,000 татаръ подъ начальствомъ Батыя вторглись въ

землю болгарскую и опустошили ее; уцѣлѣвшіе отъ погрома жители бѣжали къ великому князю Юрію, прося мѣста для поселенія; Юрій приказалъ развести ихъ по городамъ поволжскимъ и другимъ. Въ слѣдующемъ году лѣсною стороною Волги татары съ востока проникли въ Рязанскую область. Ставъ на одномъ изъ притоковъ р. Суры, Батый послалъ къ князьямъ Рязанскимъ требовать десятины. Князья, не подпуская татаръ къ городамъ, отправились къ нимъ на встрѣчу въ Воронежъ и объявили, что все будетъ принадлежать татарамъ, когда никого изъ князей не останется въ живыхъ, а сами послали во Владиміръ объявить Юрію о бѣдѣ и просить помощи, но Юрій предпочелъ обороняться отдѣльно. Услыхавъ отвѣтъ князей Рязанскихъ, татары двинулись дальше и 16-го декабря осадили Рязань; пять дней спустя они взяли ее приступомъ и сожгли, истребивъ жителей. Выманивъ обманомъ Юрія и его жену, они убили обоихъ, опустошили всю землю Рязанскую и двинулись дальше къ Коломнѣ. Здѣсь дожидался ихъ сынъ Юрія, Всеволодъ; послѣ крѣпкой сѣчи великокняжеское войско потерпѣло пораженіе, а Всеволодъ Юрьевичъ успѣлъ спастись бѣгствомъ во Владиміръ съ малою дружиною. Татары пошли далѣе, взяли Москву, гдѣ убили воеводу и, захвативъ князя Владиміра Юрьевича, отправились съ нимъ къ городу Владиміру. Великій князь оставилъ здѣсь своихъ сыновей Всеволода и Мстислава, а самъ поѣхалъ на Волгу и сталъ на р. Сити. 3 февраля толпы татарскія, безчисленныя какъ саранча, подступили къ Владиміру и, выбравъ мѣсто, гдѣ имъ стать, пошли сперва къ Суздалю и сожгли его; потомъ, возвратившись къ Владиміру, начали ставить стѣнобитныя орудія. Князь Всеволодъ, увидавъ эти приготовленія, понялъ, что городъ ему не отстоять; 7-го февраля татары приступили къ городу, до обѣда взяли новый городъ и зажгли его. Всеволодъ и Мстиславъ и всѣ жители бѣжали въ старый или печерный городъ; Всеволодъ, думая умилостивить Батыя, вышелъ къ нему изъ города съ малою дружиною, неся дары, но былъ зарѣзанъ. Между тѣмъ епископъ Митрофанъ, великая княгиня съ дочерью, снохами и внучатами, бояре и простые люди заперлись въ Богородичной церкви, на полатяхъ. Татары отбили двери, ограбили церковь, потомъ наклали лѣсу въ церкви и зажгли ее; всѣ бывшіе на полатяхъ задохнулись отъ дыма; или сгорѣли, или были убиты. Изъ Владиміра татары пошли дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ; одни отправились къ Ростову и Ярославлю, другіе на Волгу и на Городецъ и поплѣнили всю страну поволжскую до самаго Галича; иные пошли къ Переяславлю, взяли его и другіе города: Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ, Тверь, гдѣ убили сына князя Ярослава. До самаго Торжка не осталось ни одно-

го мѣста, гдѣ бы они не воевали; въ одинъ мѣсяцъ они взяли 14 городовъ, кромѣ слободъ и погостовъ. Великій князь Юрій стоялъ на Сити, когда пришла къ нему вѣсть о сожженіи Владиміра и гибели его семейства. Онъ послалъ трехтысячный отрядъ разузнать о непріятелѣ и, провѣдавъ, что татары уже обошли русское войско кругомъ, 4-го марта выступилъ противъ враговъ. Но и ему не удалось преодолѣть напора дикихъ кочевниковъ; русскіе полки бѣжали, самъ онъ былъ убитъ, и множество войска погибло. Отъ Сити татары двинулись къ юго-западу, осадили Торжокъ и черезъ двѣ недѣли взяли его, истребивъ всѣхъ жителей. Отсюда они продолжали свое губительное шествіе Селигерскимъ путемъ, посѣкая людей какъ траву, но, не дойдя до Новгорода, остановились, боясь приближенія весенняго времени, разлива рѣкъ, таянія болотъ; богатый Новгородъ былъ спасенъ. Батый повернулъ обратно на юго-востокъ въ степь. На этой дорогѣ Батый былъ задержанъ семь недѣль у города Козельска, жители котораго рѣшили не сдаваться татарамъ. «Хотя князь нашъ и молодъ», сказали они, «но положимъ животъ свой за него; и здѣсь славу, и тамъ небесные вѣнцы отъ Христа Бога получимъ». Татары разбили наконецъ городскія стѣны и взошли на валъ, но и тутъ встрѣтили упорное сопротивленіе; горожане рѣзались съ ними ножами, а другіе вышли изъ города, напали на татарскіе полки и убили 4.000 непріятелей, пока сами всѣ не были истреблены. Что случилось съ Козельскимъ княземъ, Васильемъ, неизвѣстно: говорятъ, онъ утонулъ въ крови, потому что былъ еще молодъ. Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ лѣтописецъ, татары не называли Козельскъ настоящимъ его именемъ, а прозвали его «злымъ городомъ».

По взятіи Козельска, Батый двинулся въ степи, въ землю половецкую, и разбилъ здѣсь хана Кояна. Въ слѣдующемъ 1239 г. татарскія толпы снова явились на сѣверо-востокѣ, взяли землю Мордовскую, повоевали по Клязьмѣ и сожгли городъ Гороховецъ. Вѣсть о новомъ нашествіи татаръ нагнала такой ужасъ, что жители городовъ и селъ бѣжали, сами не зная куда. На этотъ разъ татары не пошли далѣе Клязьмы, но повернули путемъ половецкимъ къ югу и явились въ предѣлахъ южной Руси. Первой жертвой ихъ натиска былъ Переяславль южный: онъ былъ взятъ и сожженъ, половина жителей истреблена, другая отведена въ плѣнъ. Въ то же время Батый отправилъ отрядъ войска на Черниговъ, который подвергся той же участи. По взятіи Чернигова, племянникъ Батыя, Менгу-ханъ пріѣхалъ къ Песочному городку на лѣвый берегъ Днѣпра, противъ Кіева. Пораженный красотою и величественностью этого города, онъ отправилъ пословъ къ князю

Михаилу и гражданамъ, чтобъ уговорить ихъ сдаться добровольно, но тѣ не захотѣли объ этомъ и слышать и убили пословъ.

Зимою 1240 г. несмѣтная татарская сила, съ Батыемъ во главѣ, переправилась черезъ Днѣпръ, облегла Кіевъ и огородила его тыномъ. Отъ скрипа татарскихъ телѣгъ, рева верблюдовъ, звуковъ трубъ, ржанія коней и криковъ несмѣтнаго множества людей не могли Кіевскіе граждане слышать другъ друга: такъ велико было число монголовъ, осадившихъ древній, столичный городъ. Свои главные приступы татары устремили на западную сторону, которая имѣла наименѣе крѣпкое положеніе. Стѣнобитныя орудія, особенно сосредоточенныя противъ Лядскихъ воротъ, день и ночь били стѣну, пока не сдѣлали пролома. Татары ворвались въ городъ; кіевляне геройскою, хотя и безнадежною оборопою поддержали древнюю славу первопрестольнаго русскаго города. Кровь ихъ лилась какъ вода, тучи стрѣлъ омрачали дневной свѣтъ, бряцаніе щитовъ и копій заглушало стоны раненыхъ. Взятіе Кіева совершилось 6 декабря, въ самый Николинъ день. Отчаянная оборона ожесточила варваровъ; мечъ и огонь ничего не пощадили; жители были большею частью перебиты, а величественный городъ превратился въ одну груду развалинъ. Опустошивъ Кіевскую землю, татары двинулись въ Волынскую и Галицкую, взяли и разорили многіе города, въ томъ числѣ стольные Владиміръ Волынскій и Галичъ.

Весною 1241 г. Батый двинулся дальше къ западу чрезъ Карпатскія горы въ Венгрію и напалъ на Венгерскаго короля, который бѣжалъ въ Австрію, оставивъ на разореніе татарамъ свои владѣнія. Потомъ татары перешли Вислицу и вторглись въ нижнюю Силезію, опустошили Силезію и Моравію, но при осадѣ Оломуца потерпѣли пораженіе и удалились обратно въ Венгрію. Въ томъ же году они попытались сдѣлать набѣгъ въ Австрію, но здѣсь большое ополченіе подъ начальствомъ короля Чешскаго Вячеслава и герцоговъ Австрійскаго и Каринтійскаго, загородило имъ дорогу. Татары не рѣшились вступить въ бой и пошли назадъ, въ восточно-европейскую равнину. Западная Европа была спасена, но сосѣдняя со степями Русь, европейская украйна, надолго подпала вліянію татаръ. Въ іюлѣ 1242 г. Батый, собравъ свои разсѣянные полки, обремененные несмѣтною добычею, покинулъ Венгрію и отправился въ обратный путь долиною Дуная черезъ Болгарію и Валахію въ южно-русскія степи. Предоставивъ степи Таврическія и Азовскія во владѣніе одному изъ своихъ родственниковъ, самъ Батый съ сыномъ Сартакомъ и главною своею ордой расположился въ степяхъ Поволжскихъ и Подонскихъ. Отсюда онъ и преемники его стали распоряжаться судьбою Руси, которая съ той поры въ

теченіе почти двухъ съ половиною вѣковъ должна была считаться съ владычествомъ азіатскаго племени, чуждаго ей и по образу жизни и по вѣроисповѣданію, и по всему складу нравственныхъ и политическихъ воззрѣній. Началась эпоха «татарскаго ига».

IV.

Татарское иго.

Поселившись на нижнемъ теченіи Волги, Батый со своею ордой, которая получила названіе Золотой Орды, прежде всего озаботился основаніемъ столицы. Эта столица, Сарай, построена была имъ между 1242 и 1254 г. Находилась она на мѣстѣ и около нынѣшняго города Царева (Астраханской губ.), который въ самомъ названіи своемъ сохранилъ память о татарскомъ владычествѣ: русскіе не иначе называли хана, какъ «царемъ». Донынѣ вокругъ Царева видны курганы, насыпи, искусственные пруды и каналы, остатки прежнихъ сооруженій обширной ханской столицы. Самымъ цвѣтущимъ періодомъ существованія Сарая было время правленія хановъ Узбека и Джанибека, т. е. первая треть XIV столѣтія, когда Орда была сильна внутри и грозна извнѣ, когда черезъ ея земли лежалъ «индѣйскій путь» въ Европу, а порядокъ и благоустройство обезпечивали безопасность торговыхъ каравановъ. Тогда Сарай знакомъ былъ Западу и славился на Востокѣ. Разрушенный въ 1395 году Тамерланомъ онъ опустѣлъ и заглохъ окончательно въ концѣ XV столѣтія.

Образъ правленія у татаръ имѣлъ всѣ отличительныя черты восточной деспотіи. Пока Чингисъ-Ханово государство не распалось, верховная власть принадлежала Великому Хану. Путешественникъ Плано Карпини такъ характеризуетъ эту власть: «Императоръ татарскій имѣетъ удивительную власть надъ всѣми. Никто не смѣетъ жить нигдѣ, кромѣ того мѣста, которое онъ ему назначитъ. Что бы онъ ни приказалъ, въ какое бы время и гдѣ бы то ни было, идти на войну, на смерть ли, все это исполняютъ они безъ прекословія. Также если потребуетъ у кого незамужнюю дочь или сестру, безпрекословно отдаютъ ему». Жены и матери властвующихъ хановъ играли также значительную роль въ правленіи, имѣли огромное вліяніе на всѣ дѣла государственныя, на всѣ милости, исходившія отъ трона, наконецъ на самое избраніе государей. При возведеніи новаго хана на престолъ, вельможи, положа передъ нимъ мечъ, говорили: «мы хотимъ, просимъ, приказываемъ, чтобы ты владѣлъ всѣми нами». Тогда ханъ спрашивалъ: «если вы хотите, чтобъ я владѣлъ вами, то готовъ-ли каждый изъ васъ исполнить то, что я

прикажу, приходить, когда призову, идти туда, куда пошлю, убивать того, кого велю?» На это они отвѣчали: «готовы». «Если такъ», продолжалъ ханъ, «то впредь слово устъ моихъ да будетъ мечемъ моимъ».

Единственное, чего не могъ сдѣлать ханъ, это отмѣнить «ясы» Чингисъ-Хана. Такъ назывался сборникъ законовъ и правилъ, предписанныхъ великимъ завоевателемъ всему монгольскому племени. Сборникъ этотъ яркими чертами рисуетъ бытъ воинственнаго кочевого народа. Въ немъ перечисляются преступленія, за которыя назначена смертная казнь, повелѣвается охранять право собственности на раба и плѣннаго, требуется помощь товарищу на войнѣ, возбраняется ложь,—конечно, передъ своими,—запрещается помогать ссорѣ своихъ, чтобы не ослабить войска, предписывается, наконецъ, уважать духовенство всѣхъ религій.

Въ устройствѣ управленія татары многое заимствовали отъ китайцевъ. Какъ власть хана, не ограниченная ничѣмъ, кромѣ завѣтовъ основателя монгольской державы, походила на власть китайскаго императора, такъ и въ подраздѣленіи слугъ ханскихъ на многочисленные разряды должностей сказалось вліяніе китайскаго строя. Во главѣ управленія стояли «князья». Достоинство князя у татаръ было родовое, представители княжескихъ родовъ могли занимать разныя высшія должности и были первымъ служебнымъ классомъ при ханскомъ дворѣ. Вторымъ классомъ послѣ князей были «вельможи». Всѣ важныя должности раздѣлялись между князьями и вельможами. Первою должностью является должность «дорогъ». Такъ назывались главные сборщики даней; они должны были перечислять народъ, дѣлать раскладки податей и принимать съ подданныхъ хана присягу на вѣрность. Затѣмъ слѣдуютъ «баскаки». Это были въ эпоху татарскаго ига на Руси непосредственные главные начальники военныхъ монгольскихъ отрядовъ, размѣщенныхъ по важнѣйшимъ русскимъ городамъ для удержанія народа въ повиновеніи и для оказанія содѣйствія сборщикамъ дани и другимъ ханскимъ чиновникамъ, посылаемымъ въ Россію. Баскаки были такимъ образомъ по отношенію къ русскимъ князьямъ намѣстниками хана на Руси; поэтому они являлись очень важными для русскихъ должностными лицами, и князья, привлекши ихъ на свою сторону, могли дѣлать многое въ пользу своихъ владѣній. Но за то ссора съ баскакомъ могла имѣть худыя послѣдствія для князя, хотя есть извѣстія, что князья могли судиться съ баскаками передъ ханомъ. Кромѣ баскаковъ, являлись въ русскихъ княжествахъ съ отрядами татарскихъ войскъ послы ханскіе и гонцы, ближайшія по значенію къ баскакамъ должностныя лица. Низшими монгольскими чиновниками были: *данщики*, т. е. собственно сборщики даней; *писцы*,

которые производили перепись народа и согласно съ нею раскладывали подати; *таможники*, сборщики пошлинъ таможенныхъ или рыночныхъ; *заставщики и заказники*, т. е. сборщики мытныхъ или проѣздныхъ пошлинъ по дорогамъ и по мостамъ. Кромѣ того многочисленные служители ханской охоты имѣли право охотиться по всѣмъ лѣсамъ и рѣкамъ Русской земли и выгонять цѣлыя селенія на охоту для облавъ.

Всѣ эти чиновники кормились на счетъ русскаго населенія, грабили его безъ пощады, жестоко расправлялись съ непокорными, уводили въ степи рабовъ и рабынь—не столько зла и горя причиняли Русской землѣ сами ханы, сколько ихъ слуги, не знавшіе границъ для своего произвола; если гдѣ могъ русскій человѣкъ надѣяться на защиту отъ ханскихъ слугъ, такъ именно у хана, но путь въ Орду былъ далекъ и тяжелъ. Многое заимствовали татары отъ Китая и въ военномъ дѣлѣ, но все же они остались самобытными кочевниками, хоть и осѣли надолго въ Ордѣ. Кочевая жизнь пріучила ихъ постоянно быть на сторожѣ, развила въ нихъ хитрость, жестокость и смѣлость, заставила ихъ мириться съ самыми неприглядными условіями существованія, по вмѣстѣ съ тѣмъ научила ихъ жадности ко всему, что плохо лежало на ихъ пути. Постоянная и напряженная борьба пріучила ихъ къ нѣкоторому порядку и дисциплинѣ: по уставу Чингизъ-Хана надъ каждыми 10 человѣками былъ одинъ начальникъ—*десятникъ;* надъ 10-ю десятниками—*сотникъ;* надъ 10-ю сотниками—*тысячникъ:* наконецъ надъ десятью тысячниками стоялъ особый начальникъ, «*темникъ*», а число войска ему подчиненнаго называлось «тьмою» (10,000). Сторожевые отряды носили названіе «карауловъ» (отсюда это слово въ подобномъ же значеніи перешло и въ русскій языкъ).

Вступая въ непріятельскую землю, татары посылали впередъ особые отряды, которые ничего не опустошали, но старались только убивать людей, или обращать ихъ въ бѣгство; за ними шло цѣлое войско, которое, наоборотъ, все истребляло на пути своемъ. Если встрѣчалась большая рѣка, то они переправлялись, сидя на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пожитками и привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ. Завидя непріятеля, передовой отрядъ бросалъ въ него 3—4 стрѣлы, и если замѣчалъ, что не можетъ одолѣть его въ схваткѣ, обращался въ бѣгство, чтобъ заманить преслѣдующихъ въ засаду. Но съ другой стороны люди, бѣжавшіе съ поля битвы по своей волѣ, умерщвлялись; та же участь постигала тѣхъ, кто не выручалъ товарищей, попадавшихъ въ плѣнъ. Вступая въ открытый бой, татары высылали прямо противъ непріятеля отряды изъ покоренныхъ народовъ, а толпы храбрецовъ направляли въ

обходъ врагу, чтобъ неожиданно охватить его фланги. Если непріятель бился храбро, они обращались въ бѣгство и, убѣгая, поражали его стрѣлами. Вообще они уклонялись отъ рукопашныхъ схватокъ, но старались сперва перебить и перераннть какъ можно больше людей и лошадей стрѣлами, и тѣмъ ослабить непріятеля. Вожди не вступали въ битву, но стояли вдалекѣ, окруженные дѣтьми и женщинами на лошадяхъ. Иногда сажали на лошадей чучёла, чтобъ казалось больше войска. При осадѣ крѣпостей татары пользовались стѣнобитными машинами и не прекращали штурма ни днемъ, ни ночью, чтобъ не давать покоя осажденнымъ; сами же отдыхали, и одинъ отрядъ смѣнялся другимъ.

На крыши домовъ они бросали жиръ убитыхъ ими людей вмѣстѣ съ «греческимъ» огнемъ, который оттого лучше горѣлъ, отводили рѣки отъ городовъ, чтобы лишить ихъ воды, или наоборотъ наводняли города, вели подкопы подъ городскія стѣны. Осаду города татары обыкновенно начинали съ того, что обѣщаніями старались уговорить гражданъ сдаться; если тѣ соглашались, то они выбирали между ними лишь тѣхъ, кто зналъ какое-нибудь ремесло или кого хотѣли взять себѣ въ рабы, остальныхъ же убивали. По приказанію Чингизъ-Хана не должно было щадить имѣнія и жизни враговъ, потому что плодъ пощады—сожалѣніе, котораго татаринъ не долженъ вѣдать. Постоянная война—таковъ завѣтъ перваго повелителя монголовъ. Миръ слѣдуетъ заключать лишь съ тѣмъ, кто признаетъ господство татаръ и Чингисъ-Ханъ завѣщалъ имъ покорить всѣ народы.

Вооруженіе татаръ состояло изъ лука, колчана, наполненнаго стрѣлами, топора и веревокъ, чтобы тащить осадныя машины; богатые имѣли сверхъ того кривыя сабли, шлемы, брони; лошадей также защищали броней; эти брони иногда выдѣлывались изъ кожи, иные вооружались также копьями и хворостяными щитами; но главнымъ оружіемъ татаръ всегда оставалась стрѣла.

Татары не знали просвѣщенія и письменности; писцы у нихъ были по большей части изъ покоренныхъ народовъ, такъ же, какъ мастера и художники, украшавшіе зимовья ихъ хановъ. Въ ихъ роскоши не было изящества; вообще они сохранили привычки и нравы степняковъ Монголіи: грязь въ домашнемъ обиходѣ, грубость и жестокость въ обращеніи были ихъ отличительными чертами. Одна особенность выдѣляла ихъ изъ среды другихъ азіатскихъ завоевателей: даже припявъ магометанство, они не преслѣдовали христіанъ за вѣру. Чингисъ-Ханъ, хоть и признавалъ бытіе одного Высочайшаго Существа, боялся изъ суевѣрія всякихъ боговъ; желая ихъ задобрить, онъ выказывалъ полную вѣротерпимость и одинаково покровительствовалъ духовнымъ лицамъ всѣхъ религій; въ

этомъ ему послѣдовали его преемники. Съ цѣлью оградить русское духовенство отъ своихъ же слугъ ханы Золотой Орды выдавали церкви льготныя или жалованныя грамоты, которыя назывались «ярлыками». До насъ дошло нѣсколько такихъ ярлыковъ, очень сходныхъ по содержанію.

Вотъ что писалъ, напримѣръ, ханъ Узбекъ въ своемъ ярлыкѣ митрополиту Петру около 1313 года: «Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величествомъ и милостію его многою. Язбяково (Узбеково) слово всѣмъ нашимъ князьямъ, великимъ и среднимъ и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ и вельможамъ, и князьямъ нашимъ удѣльнымъ, и дорогамъ славнымъ и польскимъ, князьямъ высокимъ и нижнимъ, и книжникамъ, и уставодержальникамъ и учительнымъ людскимъ повѣстникамъ, и сбирателямъ, и баскакамъ, и посламъ нашимъ и гонцамъ, и данщикамъ, и писцамъ, и мимоѣздящимъ посламъ, и ловцамъ, и сокольникамъ, и пардусникамъ, и всѣмъ людямъ высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ и улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держитъ и слово наше владѣетъ. Да никто же не обидитъ на Руси соборную церковь митрополита Петра и его людей, и церковныхъ его; да никто же взимаетъ ни стяжаній, ни имѣній, ни людей. Да всѣ покоряются и повинуются митрополиту, всѣ его церковные причты по первымъ изначала законамъ ихъ, по первымъ грамотамъ нашимъ. Да не вступаются въ церковное и митрополичье никто же, занеже то Божіе все суть... ни въ волости ихъ, ни въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ улусы ихъ, ни въ лѣса ихъ, ни въ ограды, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ виногради ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ конныя, ни во всякія скотскія стада, но вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя и люди ихъ, и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенные старые отъ начала ихъ — то все вѣдаетъ митрополитъ, или кому прикажемъ... Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи безо всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены, и за наши дѣти, и за наше племя. И мы бо такоже управляемъ и жалуемъ, якоже и прежніе цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ».

Далѣе въ ярлыкахъ предписывалось, чтобы баскаки, таможники, данщики, поборщики, писцы не обижали людей и стяжаній митрополита, который свободенъ отъ всякихъ податей, со всѣмъ своимъ причтомъ. Татарскимъ чиновникамъ на Руси строго запрещалось разорять церкви, монастыри, часовни, хулить вѣру русскую. «А кто учнетъ вѣру хулити или осуждати, тотъ человѣкъ

не извинится ничѣмъ же и умретъ злою смертію». Заканчивается ярлыкъ призывомъ хана повиноваться митрополиту: «Такъ слово наше учинило, и дали есмя Петру митрополиту грамоту сію крѣпости ему для, да сію грамоту видяще и слышаще всѣ людіе, и всѣ церкви, и всѣ монастыри и всѣ причты церковные, да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушные ему будутъ по ихъ закону и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ митрополитъ правымъ сердцемъ безъ всякія скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ. А кто вступитъ въ церковное и въ митрополичье, и на того гнѣвъ будетъ Божій, а по нашему великому истязанію не извинится ничѣмъ же и умретъ злою казнью».

Какъ для духовенства, такъ и для князей полученіе ярлыка отъ хана являлось необходимымъ обезпеченіемъ его правъ; законно правящимъ княземъ былъ только тотъ, кому ханъ выдавалъ ярлыкъ. Добиваясь въ ордѣ ханской милости, князья не скупились на подарки и не были разборчивы въ средствахъ: при случаѣ, они не останавливались предъ клеветой, доносомъ, убійствомъ.

Такъ соперничество въ ханской ставкѣ подняло вражду между князьями, часто выдвигало впередъ наиболѣе ловкихъ и наименѣе доблестныхъ и вело къ измельчанію и упадку княжеской власти. Были однако и въ это мрачное время горячіе поборники правды и защитники родной земли: одни изъ нихъ погибали мученической смертью, другіе пользовались милостями хана на благо угнетеннаго населенія.

Наибольшее соревнованіе князей возбуждало полученіе отъ хана ярлыка на великое княженіе. Великій князь являлся передъ ханомъ главнымъ и отвѣтственнымъ представителемъ всей земли; это налагало на него особыя обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и давало ему особыя права: онъ могъ, опираясь на ханскій приказъ, вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ княженій; ему же ханы предоставляли сборъ дани или «ордынскаго выхода» со всей Русской земли; какъ главный и отвѣтственный сборщикъ дани, онъ неизбѣжно оказывалъ давленіе на всѣхъ другихъ князей.

Непрерывное дарованіе ханами Московскимъ князьямъ ярлыковъ на великое княженіе и было одной изъ главныхъ причинъ ихъ усиленія.

Татары видѣли свары и усобицы князей и не замѣчали, что самое существованіе князей подрываетъ на Руси значеніе ханской власти. Считая княжескія распри лишнимъ источникомъ дохода, они отдавали великое княженіе тому, кто платилъ больше дани, но тѣмъ самымъ они содѣйствовали усиленію его власти. Такимъ образомъ ордынскіе ханы, довѣряя сборъ дани и предоставляя господство среди

князей великому князю, не имѣли ни повода, ни желанія вмѣшиваться во внутреннія дѣла княжествъ. Отношенія князей къ населенію оставались прежними или измѣнялись безъ всякаго участія и воздѣйствія татарской власти. Остались, конечно, слѣды вліянія татаръ въ управленіи, судѣ, хозяйствѣ, особеннно въ обычаяхъ и нравахъ, но ощутительнымъ было не столько самое вліяніе татаръ, сколько ихъ владычество надъ Русской землей: оно вызвало раздѣленіе Руси на двѣ половины, на сѣверо-восточную или Московскую и на юго-западную или Литовскую; около двухъ вѣковъ иго задерживало ростъ русскихъ общественныхъ силъ; борьба съ татарами продолжалась и послѣ паденія Золотой орды: Казань, Астрахань, Крымъ въ XVI и XVII в. грозили не меньшей опасностью съ юга, чѣмъ поляки, нѣмцы и шведы съ запада.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

По чтенію *И. П. Хрущова* «Святый Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій». Спб., 1898.

I.

Борьба со шведами.

Черезъ сто лѣтъ по кончинѣ Владиміра Мономаха разгромили Русскую землю татары. Одинъ за другимъ были разорены лучшіе города русскіе, храбрѣйшіе изъ князей пали въ битвахъ. Орда татарская поселилась въ низовьяхъ Волги и изъ своего стана ханъ татарскій сталъ владѣть Русскою землею.

Кромѣ татаръ были и другіе враги, нападавшіе на Русь: шведы пошли походомъ на Новгородъ, въ намѣреніи поработить всю его область, нѣмцы изъ Ливоніи задумали крестить огнемъ и мечомъ Псковъ. И Псковъ и Новгородъ уцѣлѣли отъ татаръ, но имъ угрожала участь подпасть подъ другое, не менѣе тяжкое иноплеменное иго.

Защитникомъ русскихъ сталъ Александръ Ярославичъ, сынъ Владиміро-Суздальскаго великаго князя, Ярослава Всеволодовича, правнукъ Владиміра Мономаха. Александръ Ярославичъ во время татарскаго погрома княжилъ въ Новгородѣ—тамъ-же княжилъ первоначально и его отецъ; тамъ провелъ Александръ Ярославичъ свое дѣтство, именно въ тѣ годы, когда Новгороду приходилось переносить различныя бѣдствія. Нападенія сосѣдей на Новгородъ, безпрестанные походы отца, разсказы про воинскую удаль, отвагу и удачу пробудили въ юномъ князѣ ратный духъ, готовность отразить врага, отличиться воинственнымъ подвигомъ.

Былъ онъ высокъ ростомъ,—гласитъ житіе Александра—статенъ, сановитъ, лицо имѣлъ прекрасное, взглядъ ясный и быстрый, былъ благолѣпенъ, какъ Іосифъ прекрасный, силу имѣлъ Самсонову, голосъ его гремѣлъ, какъ труба, на народныхъ собраніяхъ. Добрая молва о его свѣтломъ разумѣ и добродѣтеляхъ дошла до нѣмцевъ и татаръ.

Впервые пришлось проявить Александру свою доблесть въ борьбѣ со шведами.

Шведское войско двинулось подъ начальствомъ знаменитаго полководца Биргера. Послѣ долгихъ сборовъ шведы сѣли на корабли и лѣтомъ 1240 года поплыли къ устью Невы, чтобы Невою пройти въ Ладожское озеро, а потомъ по Волхову до самаго Новгорода. Биргеръ считалъ уже побѣду своею. Дойдя до устья рѣки Ижоры, впадающей въ Неву, близъ нынѣшняго Петербурга, онъ остановился и послалъ въ Новгородъ сказать Александру: «Если можешь—сопротивляйся мнѣ, я уже на твоей землѣ и скоро покорю ее». Александръ не ждалъ нападенія, не былъ готовъ къ войнѣ, дружина его была малая, но терять времени было нельзя. Александръ быстро двинулся къ берегамъ Невы.

Здѣсь, по преданію, князя встрѣтилъ нѣкто Пелгусъ, одинъ изъ стражей, наблюдавшихъ за вражьимъ станомъ, и разсказалъ ему о своемъ видѣніи. «Простоявъ на стражѣ спокойно всю ночь—говорилъ онъ—передъ разсвѣтомъ слышу я шумъ какъ бы отъ плывущей лодки. Подумавъ, что это шведы, я подошелъ къ берегу, чтобы разсмотрѣть попристальнѣе. Смотрю, и вижу—показалась лодка. Гребцы были покрыты мглою, посреди же лодки стояли святые мученики Борисъ и Глѣбъ, въ червленыхъ одеждахъ. На челѣ у нихъ, что солнце, сіяли вѣнцы. И сказалъ Борисъ: «Брате Глѣбе, повели грести, да поможемъ сроднику своему Александру». Послѣ этихъ словъ святые угодники стали невидимы. Я затрепеталъ отъ страха и ладья скрылась изъ глазъ моихъ».

15-го іюля, въ день памяти св. Владиміра, Александръ ударилъ со своей дружиной на станъ шведскій. Шведы не ждали нападенія —они метались, искали оружіе и доспѣхи, а новгородскіе витязи топорами и мечами рубили оторопѣлыхъ непріятелей. Одинъ новгородецъ, Гаврило Олексичъ, погнался за бѣгущимъ сыномъ Биргера и такъ разогналъ коня, что вскочилъ на сходню, спущенную съ корабля на берегъ. Но тутъ его опрокинули, и онъ съ конемъ упалъ въ воду. Однакоже онъ выбрался изъ воды невредимъ, снова бросился на шведовъ, схватился съ однимъ воеводою шведскимъ и положилъ его на мѣстѣ; потомъ обратился на епископа шведскаго и его поразилъ. Другой новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ съ однимъ топоромъ ворвался въ толпу шведовъ и рубилъ ихъ направо и налѣво. Новгородецъ Миша пробрался къ судамъ и потопилъ три непріятельскихъ корабля. Отрокъ княжескій Савва сквозь густую толпу пробился къ златоверхому шатру Биргера, подрубилъ средній столбъ, на которомъ держался шатеръ; шатеръ осѣлъ и рухнулъ. Самъ Александръ, увидавъ бѣгущаго Биргера, нагналъ его и поразилъ въ самое лицо острымъ копь-

емъ—«возложилъ ему печать на лицо», какъ говоритъ лѣтопись. Бой продолжался весь день и только ночь спасла шведовъ. Собравъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ, они поспѣшно сѣли на корабли и отправились въ обратный путь. Александръ возвратился въ Новгородъ. За эту побѣду его стали звать «Невскимъ».

II.

Борьба съ нѣмцами и литовцами.

Александръ, подобно многимъ другимъ князьямъ, покинулъ Новгородъ, не поладивъ съ вѣчемъ. Онъ уѣхалъ къ отцу, въ Суздальскую землю. А между тѣмъ Новгороду стали грозить ливонскіе нѣмцы, жившіе по берегу Балтійскаго моря; они взяли Псковъ, появились въ 30-ти верстахъ отъ Новгорода, захватили въ плѣнъ проѣзжихъ купцовъ новгородскихъ и ограбили ихъ товары. Новгородцы послали къ Всеволоду въ Суздаль просить себѣ князя, и надѣялись, что къ нимъ пришлетъ великій князь Александра. Но тотъ послалъ другого своего сына, Андрея. Тогда новгородцы снарядили новое посольство и поручили владыкѣ и боярамъ просить Александра. Забывъ старые споры, князь вернулся въ Новгородъ, собравъ ратныхъ людей, ударилъ на нѣмцевъ и взялъ ихъ укрѣпленный городокъ, построенный на новгородской землѣ, сравнявъ его съ землею. Затѣмъ, дождавшись подмоги отъ отца, онъ пошелъ ко Пскову, возвратилъ его отъ нѣмцевъ и прогналъ враговъ въ Ливонію. Нѣмцы снова собрали большое войско, двинулись противъ Александра и потѣснили его передовую рать. Александръ отступилъ и расположился съ войскомъ на льду Чудского озера.

Былъ апрѣль въ началѣ; но въ этотъ годъ (1242) поздно наступила весна; ледъ на озерѣ былъ еще крѣпокъ и могъ выдержать ратниковъ. Дружина княжая—повѣствуетъ лѣтопись,—готова была къ бою. «Княже честной и дорогой, нынѣ настало время положить за тебя головы свои»,—говорили воины. «Суди меня, Боже,—сказалъ князь, поднявши руки къ небу—и разсуди мою распрю съ этимъ народомъ; помоги мнѣ, Господи, какъ помогъ Ты прародителю моему Ярославу противу окаяннаго Святополка»! Нѣмцы врѣзались въ русскіе полки и словно клиномъ раздѣлили Александрову рать на двѣ части. Въ русскомъ войскѣ произошло было замѣшательство, но Александръ приказалъ съ боковъ напасть на нѣмцевъ, а самъ съ запаснымъ полкомъ ударилъ сзади. Нѣмцы дрогнули и побѣжали. Русскіе кололи ихъ мечами и гнали ихъ

семь верстъ. Пятьсотъ нѣмецкихъ знатныхъ витязей пало въ этомъ бою, простыхъ воиновъ безъ счету. Эта битва извѣстна подъ именемъ Ледового побоища, потому что происходила на льду Чудского озера. Память о побѣдахъ Александра долго жила среди новгородцевъ. Въ продолженіи трехсотъ лѣтъ на ектеніяхъ, въ церквахъ новгородскихъ, поминали за упокой павшихъ въ битвѣ Невской и Ледовомъ побоищѣ.

Оставался третій врагъ—литовцы, въ области р. Нѣмана и его притоковъ. Вскорѣ послѣ Ледового побоища они напали на новгородскіе предѣлы со стороны Смоленска. Александръ пошелъ на нихъ и нѣсколько разъ разбивалъ ихъ. Но литовцы не унимались. Толпы ихъ появились въ новгородской землѣ, добрались до городовъ Торжка и Бѣжецка, пограбили ихъ окрестности, а на возвратномъ пути плѣнили городъ Торопецъ. Александръ напалъ на нихъ, отнялъ у нихъ назадъ Торопецъ и перебилъ много литвы: однихъ князей литовскихъ легло тутъ восемь человѣкъ. Новгородцы обрадовались такой удачѣ, думали, что наступилъ конецъ продолжительной борьбѣ, и вернулись домой. Иначе думалъ Александръ—онъ понималъ, что необходимо нанести болѣе рѣшительный ударъ врагу въ его собственной землѣ. Одинъ, лишь съ суздальской своей дружиной, безъ помощи новгородскаго войска, Александръ пошелъ въ Литовскую землю и двукратно побилъ литовцевъ.

III.

Александръ въ Ордѣ.

Послѣ погрома татарскаго всѣ князья поѣхали въ Орду съ поклономъ; не бывалъ тамъ одинъ Александръ Ярославичъ. Батый прислалъ сказать ему: «Знаешь-ли ты, что Богъ покорилъ мнѣ многіе народы? ты-ли одинъ не покоришься? Если хочешь соблюсти землю свою, то приходи поклониться мнѣ».

Александръ сознавалъ, что прекословіе хану навлечетъ на Русь новыя бѣдствія—онъ рѣшился смириться передъ Батыемъ и поѣхалъ въ Орду.

Ханъ, свѣдавъ о пріѣздѣ Александра, тотчасъ же велѣлъ привести его къ себѣ. Татары потребовали отъ князя, чтобы, идучи къ хану, онъ прошелъ между двухъ огней, поклонился бы солнцу. Александръ отказался исполнить это требованіе. «Я христіанинъ,—говорилъ онъ,—не подобаетъ мнѣ кланяться твари; кланяюся Отцу и Сыну и Святому Духу—Богу Единому, въ Троицѣ славимому,

создавшему небо и землю». Татары донесли объ этомъ хану; но Батый такъ желалъ видѣть Александра, что не велѣлъ нудить его и приказалъ съ подобающею честью привести къ себѣ. Александръ вошелъ, поклонился хану и сказалъ: «Тебѣ царю поклонюся, Богъ-бо почтилъ тебя царствомъ; твари же не поклонюся, такъ какъ она создана ради человѣка. Богу же Единому, Котораго я чту и Которому служу, Тому и кланяюся». Ханъ принялъ его милостиво, почтилъ его дарами и сказалъ ближнимъ людямъ: «Правду мнѣ сказали, нѣтъ подобнаго ему князя».

Отъ Батыя Александръ долженъ былъ ѣхать въ самую глубь Азіи къ великому хану, котораго татары признавали своимъ главою. Путь былъ трудный; надо было проходить страны неизвѣданныя, переносить лишенія и невзгоды и, что еще тяжелѣе, терпѣть униженія и обиды.

Когда послѣ всѣхъ испытаній князь вернулся на родину, ему пришлось вступить въ споръ съ братьями князьями изъ за престола велико-княжескаго. Ханъ назначилъ великимъ княземъ младшаго брата, Андрея—Александръ Ярославичъ покорился этому рѣшенію и снова поѣхалъ княжить въ Новгородъ. Вскорѣ однако Андрей навлекъ на себя ханскій гнѣвъ. Александръ отправился въ Орду умилостивлять татаръ и отъ сына Батыева, Сартака, получилъ званіе великаго князя.

Въ Новгородѣ замѣнилъ Александра его сынъ, Василій. Новгородцы были имъ недовольны и «указали ему путь изъ города». Александръ выступилъ противъ нихъ въ походъ, но, избѣгая междоусобной войны, остановился въ Торжкѣ и потребовалъ, чтобы новгородцы смирились и приняли назадъ его сына. Въ Новгородѣ была смута. Лучшіе и богатые люди хотѣли покориться великому князю; черный же людъ не хотѣлъ и слушать, чтобы отдаваться въ княжескую волю: онъ стоялъ за свои старыя права и вольности. Великій князь потребовалъ, чтобы новгородцы смѣнили посадника; новгородцы не послушались; тогда самъ посадникъ отказался, сложилъ съ себя власть, и Александръ вступилъ въ городъ.

Вскорѣ послѣ того ему пришлось, какъ въ прежніе годы, выступить на защиту Новгорода противъ внѣшнихъ враговъ: шведы съ финскими племенами напали на Новгородскую землю. Александръ спѣшно приготовился къ походу. Время было суровое, походъ былъ трудный, многіе новгородцы, дойдя до Копорья (въ нынѣшней Петербургской губерніи), вернулись назадъ. Однако Александръ рѣшилъ дѣло довести до конца. Дорога была незнакомая: вьюга и мятель не давали ходу; туманъ былъ такой, что нельзя было отличить дня отъ ночи; войско шло ощупью. Люди отъ трудовъ, лишеній и морозовъ на ходу падали и умирали. Но русскіе упорно

шли впередъ, неожиданно явились въ непріятельской странѣ и съ тѣхъ поръ на долго остановили шведскія нападенія на Русскую землю.

IV.

Кончина Александра Невскаго.

Едва кончился трудный походъ, какъ явилась новая забота: въ Ордѣ умеръ прежній ханъ, мѣсто его занялъ новый; надо было ѣхать къ нему на поклонъ и везти подарки. Мало того: новый ханъ рѣшилъ перечислить населеніе Русской земли и обложить его поголовною данью.

Перепись была произведена первоначально въ южной Руси, затѣмъ въ Суздальской землѣ—оставалась Новгородская область, гдѣ татары не бывали.

При первомъ появленіи татарскихъ полковъ новгородцы дружно воспротивились «числу». Какъ ни настаивали на своемъ ханскіе послы, новгородцы такъ и не дали имъ произвесть перепись, а принудили ихъ принять дары и удалиться изъ города. Лишь черезъ два года заставила ихъ согласиться на перепись вѣсть о приближеніи татарской рати.

Едва миновала эта опасность со стороны Орды, какъ возникла другая.

Первоначально татары сами собирали дань: ханскіе послы объѣзжали города и области, требуя отъ князей дани; но потомъ они отдали дань на откупъ иноземнымъ купцамъ; откупщики снимали дань съ наддачею и, въ сопровожденіи ханскихъ чиновниковъ или баскаковъ, съ толпами вооруженныхъ татаръ, нещадно обирали народъ. Народъ терпѣлъ насилія, но въ 1262 году, какъ будто по уговору, загудѣли по городамъ призывные колокола и русскіе поднялись на своихъ угнетателей.

Татары угрожали новымъ нашествіемъ. Зная, какъ велика была опасность и какъ незначительны были военныя силы русскихъ князей, Александръ поспѣшилъ въ Орду. Ханъ былъ гнѣвенъ. Татарская рать готовилась къ походу. Великій князь рѣшился перенести самыя тяжкія испытанія, лишь бы отвратить бѣду. Наконецъ, ханъ уступилъ и отказался отъ мести за избіеніе своихъ сборщиковъ. Зато Александръ безъ малаго годъ прожилъ въ Ордѣ. Его крѣпкое здоровье пошатнулось. Онъ заболѣлъ въ Ордѣ отъ тяжелыхъ заботъ и душевныхъ мукъ. Оправившись, великій князь поѣхалъ въ обратный путь. На дорогѣ онъ снова занемогъ и 14 ноября 1263 года, скон-

чался въ Городцѣ (нынѣ Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи) въ Ѳедоровскомъ монастырѣ; здѣсь онъ передъ смертью принялъ постриженіе въ иноки и схиму съ именемъ Алексія.

Вѣсть объ его кончинѣ пришла во Владиміръ, когда митрополитъ Кириллъ служилъ обѣдню. «Дѣти мои милыя, закатилось солнце земли Русской!».. — объявилъ митрополитъ народу и залился горькими слезами — «не стало Александра»! Князья, бояре и весь народъ на это скорбное извѣстіе отвѣчали однимъ восклицаніемъ: «погибаемъ!».

За десять верстъ отъ Владиміра встрѣчали тѣло Александра Невскаго. Митрополитъ ждалъ его въ Боголюбовѣ. Не слышно было пѣвчихъ отъ плача народнаго, и сами пѣвчіе умолкали отъ рыданій: казалось, земля стонала отъ народной горести.

Такъ лѣтописцы описали впечатлѣніе, вызванное кончиной великаго князя.

УДѢЛЬНЫЯ КНЯЖЕСТВА СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ.

(По соч. *В. Ключевскаго* «Боярская дума древней Руси». Изд. 3-е. М. 1902 и *его же* «Курсъ русской исторіи», Ч. 1. М. 1904).

I.

Природа страны; колонизація; хозяйство.

Въ широкомъ, медленномъ и разсѣянномъ движеніи, которое переносило поселенцевъ изъ юго-западной полосы Руси на сѣверо-востокъ въ XII—XIV вѣкахъ, можно различить два момента: въ первый изъ нихъ поселенцы скучивались въ треугольникѣ между Окой и верхней Волгой. То было время образованія и возвышенія владимірскаго края, возникновенія въ немъ первыхъ удѣловъ, время возрастанія Москвы и ея первыхъ успѣховъ: все это имѣло тѣсную связь съ колонизаціей той страны. Такое скопленіе населенія въ междурѣчьи Оки и Волги было въ значительной мѣрѣ насильственнымъ. Поселенцы, подвигавшіеся изъ-за Оки и Угры, здѣсь задерживались, потому что дальнѣйшій путь въ ту или другую сторону долго оставался закрытымъ. Востокъ и юго-востокъ былъ запертъ сперва мордвой и волжскими болгарами, а потомъ татарами; за Волгой къ сѣверу и сѣверо-востоку колонистамъ перебивало дорогу еще продолжавшееся напряженное движеніе изъ Новгорода. Второй моментъ наступаетъ по мѣрѣ устраненія этихъ задержекъ. Онъ совпадаетъ съ тѣми крупными шагами, какія стала дѣлать Москва съ половины XIV вѣка, расширяясь на востокъ и сѣверо-востокъ.

Заволжскій сѣверъ и сѣверо-востокъ и теперь не вездѣ доступенъ заселенію. Четыреста или пятьсотъ лѣтъ назадъ поселенецъ съ великимъ трудомъ искалъ здѣсь твердаго и чистаго мѣста, гдѣ бы можно было безопасно и съ нѣкоторымъ удобствомъ поставить ногу. Стоя на возвышенномъ холму у стѣны какого-нибудь сѣвернаго монастыря и разсматривая открывающійся передъ нами широкій видъ, мы часто удивляемся художественному чутью, которое указало основателю это мѣсто. При этомъ мы забываемъ, что четыре вѣка назадъ этой картины не было видно изъ за лѣса и во всей окрест-

ности этотъ холмъ былъ, можетъ быть, единственнымъ обитаемымъ пунктомъ.

Мѣстами, гдѣ прежде всего осаживалось населеніе, естественно становились нагорные берега рѣкъ и сухія рамени по окраинамъ вѣковыхъ непроходимыхъ лѣсовъ. Такъ вытягивались жилыя полосы, обитаемые острова среди дремучихъ, теперь исчезнувшихъ, лѣсовъ и заросшихъ или зарастающихъ болотъ. Первое поселеніе, возникавшее на такомъ островѣ, забиралось повыше, очищая окрестность, выжигая лѣсъ; новыя займища, выставки, выселки, починки на лѣсѣ, заводимые новыми пришельцами со стороны или выходцами изъ стараго поселенія, сползали пониже, садясь по окрестнымъ возвышеніямъ и образуя болѣе или менѣе правильную сѣть пролагаемыми между ними соединительными тропами. Пришлое населеніе, занимавшее эти полосы, было земледѣльческое; но въ каждой изъ нихъ была какая нибудь мѣстная природная особенность, открывалось какое-нибудь угодье, разработка котораго, служа подспорьемъ скудному хлѣбопашеству на верхневолжскомъ суглинкѣ, становилась основаніемъ хозяйственнаго быта всего округа, сообщала ему особый промышленный типъ. Такъ возникали разнообразные мѣстные промыслы бортниковъ, огородниковъ, садовниковъ, рыболововъ, звѣрогоновъ, лыкодеровъ и т. п. Эти промыслы издавна составляли своеобразную особенность центральной Великороссіи и только съ недавняго времени стали падать вслѣдствіе развитія фабричной промышленности. Такія промысловыя спеціальности дѣлали очень легкою задачу правителя, приходившаго въ край, облегчали дѣленіе его на станы и волости. Въ XV—XVI вв. встрѣчаемъ на всемъ пространствѣ тогдашняго Московскаго государства слѣды географическаго и промысловаго, кустарнаго происхожденія сельскихъ правительственныхъ округовъ, иногда отражавшагося въ самыхъ названіяхъ Загорья, Заболотья, Залѣсья, Замошья, Раменейца, Раменки, Суходола, Вышелѣса, Бортнаго стана, Соли и т. п. Развитіе мѣстныхъ промысловъ вызывало обмѣнъ; но мы ошиблись бы, если бы предположили, что уже въ первую пору колонизаціи обмѣнъ достигалъ въ этомъ краю той живости, какую дѣлаетъ возможной сѣть великорусскихъ рѣкъ при достаточной населенности страны. Первоначально хозяйственное общеніе въ сѣверномъ Заволжьи долго ограничивалось одними сосѣдними округами, наиболѣе удобно связанными другъ съ другомъ рѣками, рѣчками и лѣсными тропами: поселенія притоковъ тянули къ округу главной рѣки. Такъ изъ хозяйственныхъ округовъ отдѣльныхъ рѣкъ создавались обширныя области, цѣлые уѣзды.

Повидимому, уже въ начальную пору хозяйственнаго общенія стали появляться въ колонизуемомъ краѣ многочисленные удѣлы

княжескихъ линій ростовскихъ и ярославскихъ съ ихъ бѣлозерскими, заозерскими и другими отростками. Наибольшія рѣчныя области по берегамъ Суды, Кемы, Андоги, Ухтомы, Сити, Мологи, Кубены, Бохтюги представляли такіе недавно заселенные или только еще заселявшіеся острова, открытыя и сухія прогалины среди моря лѣсовъ и болотъ. Когда для счастливо размножавшихся князей упомянутыхъ линій понадобились отдѣльные участки, то эти рѣчные округа и области служили готовымъ основаніемъ для удѣльныхъ дѣленій и подраздѣленій. Такъ возникали въ XIV и XV вв. всѣ эти мелкія княжества — Кемское, Андожское, Ухтомское, Сицкое, Кубенское, Бохтюжское и многія другія, называвшіяся по имени рѣчекъ, по которымъ они раскинулись. Случалось, что на одной небольшой рѣкѣ возникало два-три такихъ княжества.

Большая часть удѣльныхъ княжествъ носила чисто сельскій характеръ, представляла міръ селъ и деревень и не имѣла жилого мѣста, которое можно бы было назвать городомъ. На рѣкѣ Андогѣ, среди тянувшихся по ней и ея притокамъ селъ, селецъ и деревень, не было ни одного городка; а между тѣмъ здѣсь находились стольныя мѣста (столицы) трехъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ: князей Андожскихъ, Шелешпанскихъ и Вадбольскихъ. Чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ проще и незначительнѣе становятся эти удѣлы. Въ духовныхъ грамотахъ Московскихъ князей XIV и XV вв. великокняжескія волости на Вологдѣ и Костромѣ обозначаются просто именами рѣкъ: завѣщатель отдаетъ наслѣдникамъ Обнору, Сяму, Пелшму, Комелу — знакъ, что эти волости состояли изъ разбросанныхъ деревень и починковъ, тянувшихъ къ какому-либо одному поселку покрупнѣе, расположившемуся на главной рѣкѣ округа. Не вездѣ, быть можетъ, возникали даже и такіе болѣе крупные поселки, къ которымъ тянули меньшіе. Великій князь Василій Темный подѣлилъ бывшее Заозерское княжество съ верейскимъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ: послѣдній получилъ половину Заозерья и еще сто деревень изъ другой половины,—деревень и ничего больше, ни одного села. Самая «столица» иного удѣльнаго князя въ этомъ краю имѣла видъ простой барской усадьбы, одинокаго большого двора при погостѣ. Въ житіи преп. Іосафа Каменскаго описывается такая столица его отца, заозерскаго Князя Димитрія Васильевича: на рѣкѣ Кубенѣ стоялъ его княжескій дворъ, подлѣ храмъ Св. Димитрія Солунскаго, вѣроятно, княземъ же Димитріемъ Васильевичемъ и построенный въ честь своего ангела, въ сторонѣ отъ княжескаго двора «весь» (деревня, село) Чиркова, которая вмѣстѣ съ нимъ служила приходомъ этого храма: «весь же зовома Чиркова, къ нему прихожане».

II.

Главныя черты удѣльнаго порядка.

Порядокъ княжескаго владѣнія въ старой Руси держался на очереди старшинства; земли, достававшіяся тѣмъ или другимъ князьямъ, обыкновенно называлось *волостями* или *надѣлками* въ смыслѣ временнаго владѣнія. Вся Русская земля считалась «отчиной и дѣдиной всего княжескаго рода; въ каждомъ поколѣніи она передѣлялась между князьями. На Сѣверѣ исчезаетъ очередной порядокъ и прекращаются эти передѣлы. Младшія волости, на которыя распалась Суздальская земля во Всеволодовомъ племени съ XIII вѣка, называются *вотчинами*, позднѣе—*удѣлами* въ смыслѣ отдѣльнаго владѣнія, постояннаго и наслѣдственнаго. Владѣльческая передвижка князей прекращается: они становятся осѣдлыми владѣльцами, постоянно живутъ и умираютъ въ своихъ удѣльныхъ городахъ, которыхъ не покидаютъ даже тогда, когда по очереди старшинства занимаютъ великокняжескій столъ. Измѣняется и порядокъ княжескаго наслѣдованія. Въ старой Кіевской Руси князь не могъ передавать волости по личному распоряженію даже своему сыну, если она не слѣдовала ему по очереди старшинства; сѣверный князь XIII—XIV в. постоянный владѣтель своей волости, передавалъ ее по личному распоряженію своимъ сыновьямъ и за отсутствіемъ сыновей могъ отказать ее женѣ или дочери, даже отдаленному родичу не въ очередь.

Уже по смерти Всеволода его вотчина распалась по числу его сыновей на 5 частей (княжество Владимірское, которое считалось общимъ достояніемъ Всеволодова племени, и 4 удѣла: Ростовскій, Переяславскій, Юрьевскій и Стародубскій); при внукахъ Всеволода она раздробилась на 12 частей (изъ Владимірскаго княжества выдѣлились 3 новыхъ удѣла—Суздальскій, Костромской и Московскій, изъ Ростовскаго 2—Ярославскій и Углицкій, изъ Переяславскаго 2—Тверской и Дмитрово-Галицкій; только княжества Юрьевское и Стародубское остались нераздѣльны, ибо первые ихъ князья оставили лишь по одному сыну). Дробленіе продолжалось и въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ Всеволодова племени.

Съ дробленіемъ удѣловъ связано было обѣднѣніе большей части измельчавшихъ князей и взаимное ихъ разобщеніе: каждый князь, замкнувшись въ своей вотчинѣ, привыкалъ дѣйствовать особнякомъ, во имя личныхъ выгодъ, вспоминая о сосѣдѣ-родичѣ лишь тогда, когда тотъ угрожалъ ему или когда представлялся случай поживиться на его счетъ. При отсутствіи общаго, объединяющаго интереса князь, переставая быть государемъ, оставался только землевла-

дѣльцемъ, простымъ хозяиномъ, а населеніе удѣла превращалось въ отдѣльныхъ временныхъ его обитателей, ничѣмъ кромѣ сосѣдства другъ съ другомъ не связанныхъ. Къ землѣ удѣльнаго княжества привязаны были только холопы князя; свободные обыватели имѣли лишь временныя личныя связи съ мѣстнымъ княземъ.

Они распадались на два класса: на *служилыхъ* и *черныхъ* людей. Служилыми людьми были *бояре* и *слуги вольные*, состоявшіе на личной службѣ у князя по уговору съ нимъ. Они признавали власть его надъ собой, пока ему служили; но каждый изъ нихъ могъ покинуть князя и перейти на службу къ другому. Это не считалось измѣной передъ княземъ. Какъ отношенія служилыхъ людей были лично-служебныя, такъ отношенія черныхъ были лично-поземельныя. Черный человѣкъ, городской или сельскій, признавалъ власть князя, платилъ ему дань, подчинялся его суду, только пока пользовался его землей; но и онъ могъ перейти въ другое княжество, когда находилъ мѣстныя условія пользованія землей неудобными, и тогда разрывались всѣ его связи съ прежнимъ княземъ. Значитъ, какъ служилый человѣкъ былъ военнонаемнымъ слугой князя, такъ черный человѣкъ былъ съемщикомъ его земли. Въ своемъ удѣлѣ князь былъ собственно не правитель, а владѣлецъ; его княжество было для него не обществомъ, а хозяйствомъ. Свободный человѣкъ служилый или черный, приходилъ въ княжество, служилъ или работалъ и уходилъ—князь не видѣлъ въ немъ своего подданнаго въ нашемъ смыслѣ слова, потому что и себя не считалъ государемъ въ этомъ смыслѣ.

Не будучи государемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, удѣльный князь не былъ однако и простымъ частнымъ землевладѣльцемъ даже въ тогдашнемъ смыслѣ. У него были извѣстныя державныя права, которыя достались ему отъ неудѣльныхъ предковъ того времени, когда каждый князь, не считая себя собственникомъ временно владѣемаго имъ княженія, былъ участникомъ въ принадлежавшей Ярославичамъ верховной власти надъ Русской землей. Удѣльнаго князя признавали носителемъ верховной власти по происхожденію, потому что онъ *князь*; но владѣлъ онъ своимъ удѣломъ по личной волѣ отца, брата или другого родственника, на правѣ собственности; поэтому его державная власть оперлась на это право и слилась съ нимъ; верховныя права князя-вотчинника разсматривались какъ доходныя статьи его вотчинскаго хозяйства и къ нимъ примѣняли одинаковые пріемы пользованія, дробили ихъ, отчуждали, завѣщали; правительственныя должности отдавались во временное владѣніе, въ *кормленіе* или на откупъ, продавались; въ этомъ отношеніи должность судьи сельской волости не отличалась отъ дворцовой рыбной ловли, тамъ находившейся.

Удѣльные князья и бояре.

III.

Представимъ себѣ теперь какого-нибудь удѣльнаго князя, который садился на новый еще не обсиженный столъ, среди населенія, большая часть котораго только что сѣла или садилась «ново», на «сыромъ корню». У него не было подъ руками ни думы, ни приказовъ, но былъ кругъ бояръ и слугъ, данныхъ ему отцомъ или вызвавшихся ему служить, съ которыми онъ будетъ думать или которымъ будетъ приказывать разныя дѣла. Онъ будетъ вмѣстѣ съ ними дѣлать эти дѣла; но не было нужды всѣмъ имъ вмѣстѣ дѣлать одно и то же дѣло. Однихъ бояръ князь посылалъ въ города и волости на кормленья, другихъ удерживалъ при себѣ для дворцовыхъ дѣлъ. Одному изъ нихъ поручалъ онъ вѣдать дворовыхъ слугъ и земли, отведенныя на содержаніе дворца, другому хранить домашній скарбъ, домовую казну, третьему править конюшнями съ приписанными къ нимъ слугами и лугами и т. п. Но все это кратковременныя порученія: черезъ годъ или меньше одни возвращаются съ кормленій, другіе ѣдутъ на ихъ мѣста покормиться послѣ дворцовой службы, и наличный штатъ бояръ то и дѣло измѣняется. Съ другой стороны казначея съ дворцовымъ дьякомъ назначаютъ въ посольскую поѣздку или на съѣздъ съ боярами сосѣдняго удѣла для улаженія пограничнаго спора, а управителю дворцовыхъ слугъ и земель поручаютъ разобрать тяжбу игумена изъ дальняго уѣзднаго города съ посадскими людьми. Этотъ игуменъ вмѣстѣ съ жалобой на отвѣтчиковъ положилъ передъ княземъ данную ему еще отцомъ послѣдняго *несудимую* грамоту, освобождавшую монастырь въ тяжбахъ со сторонними людьми отъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ княжескимъ; при этомъ настоятель, очутившійся подъ властью новаго правительства, просилъ сына подтвердить грамоту отца, подписать ее на свое имя. Въ грамотѣ поименованы два боярина, присутствовавшіе при ея написаніи, и одинъ изъ этихъ бояръ еще служитъ теперь при дворѣ князя-сына. Справка подтвердила дѣйствительность отцовскаго пожалованія. Но вотъ слуга вольный бьетъ челомъ о такой же жалованной грамотѣ на купленную имъ или данную княземъ вотчину, прося 5 лѣтъ льготы отъ дани, яма и всякой тягости для крестьянъ старожильцевъ и 10 лѣтъ для новоприходцевъ, которыхъ онъ перезоветъ къ себѣ «съ иныхъ сторонъ»; онъ проситъ при этомъ, чтобы въ «его

околицу» не въѣзжали ни за чѣмъ никакіе сборщики даней. Дѣло новое, рѣшить его надо подумавъ, потому что на это рѣшеніе будутъ ссылаться въ подобныхъ случаяхъ. Князь властенъ и одинъ разрѣшить это дѣло; но онъ предпочитаетъ позвать двухъ-трехъ бояръ, которымъ, по его мнѣнію, ближе другихъ, это дѣло вѣдомо, и рѣшаетъ, поговоривъ съ ними; имена этихъ бояръ прописываются въ самомъ рѣшеніи вмѣстѣ съ именемъ дьяка, писавшаго грамоту. Умретъ князь, давшій грамоту, и владѣлецъ ея станетъ просить подтвержденія ея у новаго князя; или если даже при жизни перваго князя его намѣстники нарочно или нечаянно нарушатъ тѣ права, которыя даетъ грамота ея владѣльцу—на кого тогда сослаться потерпѣшему въ своей жалобѣ, какъ не на лицъ, подписавшихъ грамоту. Самъ князь руки къ грамотамъ не прикладываетъ, это и не повелось, да и писать то онъ рѣдко умѣетъ, «книгамъ не ученъ бѣаше», а только «книги духовныя въ сердцѣ своемъ имяше».

Такой совѣтъ князя по какому-либо болѣе или менѣе важному дѣлу съ нѣсколькими изъ своихъ бояръ и былъ — боярской думой. Ни князь, ни бояре не настаивали на томъ, чтобы всѣ они, сколько ихъ есть на лицо при дворѣ, присутствовали при рѣшеніи повседневныхъ дѣлъ, возникавшихъ въ удѣлѣ.

Заболѣвъ тяжко, князь велитъ писать духовную. Частные люди въ этомъ случаѣ, какъ и въ сдѣлкахъ другъ съ другомъ, призывали свидѣтелей изъ лицъ имъ знакомыхъ. Князь собиралъ къ себѣ бояръ, съ которыми привыкъ дѣлать всякія дѣла, «веселился и скорбѣлъ, отчину соблюдалъ и укрѣплялъ, подъ которыми города держалъ и великія волости». Князь могъ желать, чтобы «туто было» возможно больше его сотрудниковъ. Въ его «душевной грамотѣ» описывается весь полуустроенный имъ правительственный и хозяйственный порядокъ, который поддерживать и довершать завѣщатель поручаетъ дѣтямъ. Бояре, какъ люди, вѣдавшіе правительственныя дѣла, должны были знать эти распоряженія и не только знать, но присутствіемъ своимъ обязаться исполнять ихъ, служа вдовѣ и дѣтямъ. «Припомните, говорилъ имъ князь при этомъ, на чемъ вы мнѣ дали слово нѣкогда—положить головы свои, служа мнѣ и дѣтямъ моимъ: и вы, братья мои бояре, послужите имъ отъ всего сердца, въ скорби не оставьте ихъ, напоминайте имъ, чтобы жили въ любви и княжили, какъ я въ грамотѣ душевной указалъ имъ, какъ раздѣлилъ между ними свою отчину». Такъ говорятъ, умирая, великіе князья Дмитрій Донской и Михаилъ Александровичъ Тверской въ составленныхъ современниками сказаніяхъ о нихъ.

Первый князь, умирая, вѣроятно, еще не могъ завѣщать дѣтямъ вполнѣ устроеннаго управленія; у него, вѣроятно, еще не совсѣмъ наладилось и общее управленіе всѣмъ его государствомъ, не опре-

дѣлились и отдѣльныя вѣдомства, подчиненныя главному управленію. При дворѣ его по утрамъ всегда можно было встрѣтить нѣсколько думныхъ людей, бояръ, которымъ давались временныя и случайныя порученія по текущимъ дѣламъ и изъ которыхъ составлялся совѣтъ князя по отдѣльнымъ случаямъ; но этотъ совѣтъ не имѣлъ ни опредѣленнаго круга дѣлъ, ни постояннаго состава. Притомъ и весь дворъ князя разбивался послѣ его смерти: старые бояре и слуги отца, съ раздѣленіемъ отчины между сыновьями, расходились по дворамъ молодыхъ князей. Но въ тѣхъ удѣльныхъ княжествахъ, на столѣ которыхъ уже смѣнялось нѣсколько князей и общій порядокъ управленія уже налаживался сравнительно давно, тамъ случайныя и измѣнчивыя порученія княжескихъ дѣлъ разнаго свойства однимъ и тѣмъ же людямъ, и одинаковыхъ дѣлъ разнымъ людямъ, превращались въ постоянные *приказы*, т. е. въ постоянныя должности. Тогда и бояринъ, которому доселѣ по обстоятельствамъ минуты поручались разныя дѣла, становился приказчикомъ князя по какому-либо одному разряду дѣлъ дворцоваго хозяйства. Военное управленіе стольнымъ городомъ, устроеннымъ *въ тысячу*, поручалось тысяцкому, въ другихъ дѣлахъ вѣдалъ столицу *намѣстникъ*. Съ развитіемъ бортнаго промысла въ дворцовыхъ лѣсахъ князя эти лѣса вмѣстѣ съ поселками бортниковъ выдѣлялись изъ круга дворцовыхъ земель въ особое вѣдомство, которое поручалось *чашнику*. Такъ при значительныхъ дворахъ складывался штатъ высшихъ должностныхъ лицъ по общему управленію: то были — *тысяцкій*, *намѣстникъ* столицы, *дворецкій*, *казначей*, *окольничій*, *конюшій*, *стольникъ*, *чашникъ*, *сокольничій*, *ловчій*. Сюда слѣдуетъ отнести и *печатника*, которымъ бывало иногда и духовное лицо, монахъ или бѣлый священникъ. При большихъ дворахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ сановниковъ бывало и по двое.

По дошедшимъ до насъ скуднымъ извѣстіямъ трудно представить себѣ обычное теченіе правительственнаго дворцоваго дѣлопроизводства въ его ежедневной обстановкѣ. Можно думать, что чѣмъ проще мы представимъ его себѣ, тѣмъ станемъ ближе къ дѣйствительности. Всѣ дѣла велись во дворцѣ, куда по утрамъ собирались правительственныя лица. Дьяки докладывали боярамъ текущія дѣла по вѣдомству каждаго и писали грамоты; у каждаго дьяка были свои «ларцы» для храненія судныхъ списковъ и другихъ грамотъ. Текущихъ дѣлъ не могло быть слишкомъ много, какъ и дѣлъ особо важныхъ, которыя не могли быть разрѣшены однимъ бояриномъ и докладывались самому князю. Докладъ и рѣшенія такого дѣла происходили при двухъ и болѣе боярахъ, которыхъ тутъ же приглашалъ къ себѣ для этого князь изъ числа присутствовавшихъ во дворцѣ. Частныя лица съ ихъ просьбами и жалобами допускались

не только въ дворцовыя палаты или «избы», гдѣ бояре съ дьяками творили судъ и расправу, но и къ самому князю съ его боярскимъ совѣтомъ. Сложнаго канцелярскаго дѣлопроизводства не замѣтно въ удѣльныхъ княжествахъ даже въ половинѣ XV вѣка.

При такой простотѣ дѣлопроизводства едва ли могли точно обозначиться предѣлы вѣдомства думы, и ея дѣловыя отношенія къ князю и другимъ учрежденіямъ. Она была высшимъ правительственнымъ мѣстомъ по дѣламъ дворцоваго хозяйства, высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, совѣтомъ князя по всѣмъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены низшими учрежденіями и восходили къ князю. Но по сохранившимся памятникамъ трудно разобрать, насколько точно было опредѣлено, какія дѣла должны восходить къ князю, какія онъ рѣшалъ одинъ и какія съ боярами. Видно только, что одни дѣла онъ поручалъ рѣшать своимъ боярамъ, одному или двоимъ, другія рѣшалъ самъ въ присутствіи одного, двухъ, или болѣе бояръ, а при рѣшеніи третьихъ вовсе незамѣтно присутствія бояръ. Въ дѣлахъ важныхъ или касавшихся церкви въ думу призывали церковныхъ іерарховъ. Но при великомъ князѣ Дмитріи Донскомъ самые важные вопросы церковнаго устройства и управленія рѣшались иногда безъ участія духовныхъ властей. Приговоры думы по текущимъ дѣламъ излагались въ грамотахъ, которыми рѣшались спорныя дѣла, утверждались за лицами или обществами пріобрѣтенныя права, жаловались имъ льготы или устанавливались ихъ обязанности къ правительству.

*
* *

Съ развитіемъ удѣльнаго порядка Сѣверная Русь дробилась все мельче; вслѣдствіе этого дробленія князья все болѣе бѣднѣли; бѣднѣя, замыкались въ своихъ вотчинахъ, отчуждались другъ отъ друга; отчуждаясь, превращались по своимъ понятіямъ и интересамъ въ частныхъ сельскихъ хозяевъ, теряли значеніе блюстителей общаго блага, а съ этой потерей падало въ нихъ и земское сознаніе.

Когда изъ среды обѣднѣвшихъ и измельчавшихъ удѣльныхъ князей поднялся одинъ сильный владѣлецъ, онъ, вопервыхъ, не встрѣтилъ со стороны удѣльныхъ князей дружнаго отпора своимъ объединительнымъ стремленіемъ, боролся съ ними одинъ на одинъ, пользуясь ихъ взаимнымъ отчужденіемъ, непривычкой дѣйствовать сообща; вовторыхъ, этотъ князь-объединитель встрѣтилъ и въ мѣстныхъ удѣльныхъ обществахъ полное равнодушіе къ своимъ измель-

чавшимъ и одичавшимъ властителямъ, съ которыми они были связаны столь слабыми нитями, и, убирая ихъ одного за другимъ, не вызывалъ въ этихъ обществахъ дружнаго возстанія въ пользу удѣльныхъ князей. Всѣмъ этимъ опредѣляется значеніе удѣльнаго порядка въ нашей государственной исторіи: онъ своими послѣдствіями облегчилъ собственное разрушеніе и сталъ переходной формой къ единству государственному. Исторія этого перехода есть исторія одного изъ удѣльныхъ княжествъ—Московскаго.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ.

По соч. *С. Соловьева* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Т. III, изд. 5-е. М. 1880.—*С. Платонова* «Лекціи по русской исторіи». Изд. 4-е. Спб. 1904.—*В. Ключевскаго* «Пособіе по русской исторіи». Изд. 3-е. М. 1903.

I.

Московское княжество въ XII—XIII в.

Татарское нашествіе особенно тяжело отразилось на судьбѣ южной Руси. Древніе города были разорены, плодородныя земли запустѣли, населеніе покинуло давно насиженныя мѣста. Но татарскій погромъ далъ лишь послѣдній толчокъ оскудѣнію южной Руси. Уже въ XII вѣкѣ на верхней Волгѣ Ростовско-Суздальское княжество быстро усилилось благодаря притоку населенія изъ Поднѣпровья. Этотъ притокъ не прекратился и тогда, когда на смѣну Суздаля возвысился его пригородъ—Владиміръ на Клязьмѣ. Населеніе бѣжало съ юга отъ половецкихъ набѣговъ и княжескихъ усобицъ, бѣжало отъ плѣна, нищеты и порабощенія.

Въ половинѣ XIII вѣка, когда надвинулось татарское иго, Суздальская земля находилась во власти потомковъ великаго князя Всеволода «Большое Гнѣздо»: въ Твери княжилъ его внукъ, Ярославъ Ярославичъ, въ Суздалѣ—другой внукъ, Андрей Ярославичъ, въ Ростовѣ—сынъ его, Константинъ Всеволодовичъ; княженіе Кіевское и Новгородъ находились во владѣніи Александра Невскаго; братъ его, Василій, сидѣлъ въ Костромѣ. Великокняжескій столъ во Владимірѣ не былъ занятъ особой династіей; онъ становился достояніемъ наиболѣе сильнаго изъ князей, умѣвшаго искуснѣе другихъ выманить у хана ярлыкъ на великое княженіе. Отсюда—распри между сѣверными князьями; каждымъ руководитъ желаніе увеличить свой удѣлъ, или захватить великокняжескій столъ.

Среди земель враждовавшихъ между собою Всеволодовичей,

на перепутьѣ между Тверской, Суздальско-Владимірской и Рязанской областью, поднимается въ это время новый, пока незначительный удѣлъ—Московскій. Въ 1147 году, по свидѣтельству лѣтописи, кн. Юрій Долгорукій встрѣтился со своимъ союзникомъ, княземъ Святославомъ Ольговичемъ Черниговскимъ, въ Москвѣ: это — первое о ней упоминаніе. Первопально она имѣла значеніе военнаго поста на югѣ Суздальско-Владимірской земли; за нею начинались владѣнія Черниговскихъ князей. Дорога во Владиміръ изъ Черниговской земли шла черезъ Москву; черезъ нее же пролегали пути между Тверью, Рязанью, и Суздалемъ. Такимъ образомъ, въ Москвѣ скрещивались разныя дороги, съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ; здѣсь встрѣчаютъ друзей и отражаютъ враговъ, идущихъ съ юга; сюда падаютъ первые удары непріятелей всей Суздальско-Владимірской земли; она же служитъ и сборнымъ мѣстомъ для войскъ сѣвернаго князя въ его дѣйствіяхъ противъ юга.

Кромѣ военнаго значенія Москва рано пріобрѣла и торговое: Московская область перерѣзывалась съ запада на юго-востокъ теченіемъ Москвы-рѣки, которая связывала область верхней Волги съ областью средней Оки. Новгородцы давно оцѣнили это значеніе Москвы-рѣки и построили на перевалѣ между нею и Волгой торговый пунктъ, Волокъ на рѣчкѣ Ламѣ—Волоколамскъ

Наконецъ, въ Московскомъ княжествѣ, какъ на первомъ своемъ привалѣ, густо осѣдали юго-западные переселенцы. Какъ маленькій и новый городокъ, Москва довольно поздно стала стольнымъ городомъ особаго княжества. Въ лѣтописи сохранилось извѣстіе, что въ половинѣ XIII вѣка княжилъ въ Москвѣ Михаилъ Ярославичъ, братъ Александра Невскаго; онъ носилъ прозвище «Хоробритъ» за то, что безъ всякаго права, благодаря одной своей смѣлости, свергъ своего дядю, вел. кн. Святослава Всеволодовича, и захватилъ въ свои руки великое княженіе. Въ Москвѣ онъ княжилъ, повидимому, недолго, и при немъ она еще не была «стольнымъ» городомъ. Князья смѣнялись въ Москвѣ, не засиживаясь въ ней по-долгу, пользуясь ея удобнымъ положеніемъ; она доставляла князьямъ особенныя выгоды въ военное время, но съ наступленіемъ мира ее покидали. Нашелся однако князь, который оцѣнилъ всѣ удобства ея положенія и рѣшилъ окончательно утвердиться въ ней.

Изъ четырехъ сыновей Александра Невскаго старшій, Димитрій, сидѣлъ въ Новгородѣ и Переяславлѣ, второй, Андрей, былъ княземъ Городецкимъ, третій, Василій, умеръ вскорѣ послѣ отца, наконецъ четвертый, Даніилъ, получилъ въ удѣлъ Москву. Великое княженіе досталось старшему изъ Александровичей, Димитрію; но

братья не жили между собою въ ладу; Андрей отнялъ великое княженіе у Димитрія, потомъ въ свою очередь былъ имъ свергнутъ, и только послѣ смерти старшаго брата безраздѣльно получилъ великое княженіе. Въ этихъ распряхъ принималъ участіе и Даніилъ московскій, то въ союзѣ съ Андреемъ, то противъ него. Для достиженія завѣтныхъ цѣлей Андрей прибѣгалъ къ гибельному средству: онъ призывалъ на помощь татаръ изъ Орды. Среди этихъ междоусобій создалось Московское княжество.

Даніилъ Александровичъ утвердился въ Москвѣ около 1283 г. Какъ городъ новый и окрайный, Москва досталась одной изъ младшихъ линій Всеволодова племени. Поэтому московскій князь не могъ питать надежды дожить до старшинства и занять великокняжескій столъ; кромѣ того, Даніилъ, какъ младшій братъ, и не могъ на него разсчитывать, пока живы были старшіе. Чувствуя себя безправнымъ среди родичей и не имѣя опоры въ обычаяхъ и преданіяхъ старины, онъ долженъ былъ дѣйствовать иными средствами, независимо отъ очереди старшинства. Даніилъ понялъ, что только личной ловкостью и умѣніемъ пустить въ ходъ всякія средства, могъ онъ достигнуть расширенія своего удѣла. И онъ сталъ «собирать» земли и цѣлые удѣлы вокругъ Москвы. Въ 1301 г. онъ врасплохъ напалъ въ Переяславлѣ на рязанскаго князя Константина Романовича и взялъ его въ плѣнъ «нѣкоей хитростью», т. е. обманомъ. Въ слѣдующемъ году умеръ князь переяславскій Иванъ Дмитріевичъ, племянникъ Даніила, и, будучи бездѣтнымъ отказалъ ему свой удѣлъ помимо старшихъ родичей; послѣдніе хотѣли было отобрать у Даніила переяславскую отчину, но Даніилъ съумѣлъ ее отстоять, причемъ значительно увеличилъ этимъ новымъ пріобрѣтеніемъ свои прежнія московскія владѣнія. Въ обоихъ случаяхъ, въ которыхъ проявилась дѣятельность перваго московскаго князя, обнаруживается одна черта: это — желаніе усилиться во что бы то ни стало. Вмѣстѣ съ тѣмъ Даніилъ проявилъ себя и въ другой области; всю жизнь онъ боролся съ родичами, стоявшими выше его по очереди родового старшинства, даже со старшимъ братомъ своимъ, вел. кн. Дмитріемъ Александровичемъ. Въ этой борьбѣ сказалось стремленіе московскаго князя, какъ младшаго родича, завоевать себѣ мѣсто среди другихъ князей, если не предъявленіемъ правъ на великое княженіе, которыхъ у него не было, то по крайней мѣрѣ силой и хитростью. Московскій князь — врагъ всякому великому князю, кто бы онъ ни былъ, врагъ старшинства въ княжескомъ родѣ, ибо старшинство принадлежитъ не ему, а другимъ.

II.

Иванъ Калита—великій князь.

Даніилъ Александровичъ умеръ 4 Марта 1303 г. Старшій сынъ его, Юрій, съ успѣхомъ продолжалъ политику отца. Онъ не уступилъ своему дядѣ, вел. кн. Андрею Александровичу, Переяславля, полученнаго Даніиломъ по завѣщанію, да и сами переяславцы хотѣли имѣть своимъ княземъ Юрія. Въ то же время онъ напалъ на князя можайскаго Святослава Глѣбовича, взялъ его въ плѣнъ и присоединилъ его удѣлъ къ Московскому. Кромѣ того, содержавшійся въ Москвѣ плѣнникъ отца его, кн. Константинъ рязанскій, былъ убитъ имъ, и Юрій присоединилъ къ своему удѣлу городъ Коломну при впаденіи Москвы-рѣки въ Оку. Въ 1304 г. началась многолѣтняя кровавая борьба Москвы съ Тверью,—Юрій Даниловичъ пошелъ дальше отца въ своихъ притязаніяхъ: онъ счелъ себя достаточно сильнымъ, чтобы владѣть великокняжескимъ столомъ. Эта борьба впервые столкнула московскаго князя и съ татарами.

Такъ постепенно расширялся кругъ дѣятельности московскаго князя; изъ мелкаго собственника удѣла онъ сталъ соперникомъ сильныхъ князей, и силою добился того, чего другіе достигали правомъ старшинства. Какъ младшіе родичи, московскіе князья могли надѣяться только на себя, на свою силу и ловкость; пользуясь обстоятельствами, нападая на слабыхъ и обороняясь отъ сильныхъ, они по клочкамъ собирали вокругъ себя земли и въ матеріальномъ благосостояніи видѣли главное средство къ возвышенію среди князей. Это «собираніе» земли принесло свои плоды уже при двухъ первыхъ московскихъ князьяхъ. Даніилъ Александровичъ еще не владѣлъ ближайшими къ Москвѣ городами, Можайскомъ, Клиномъ, Дмитровомъ, Коломной, а обладалъ лишь ничтожнымъ пространствомъ между этими городами по теченію Москвы-рѣки; но ему удалось присоединить Переяславскую волость къ своему удѣлу. Юрій Даниловичъ, взявъ Можайскъ на верховьяхъ Москвы-рѣки, и Коломну—на ея устьѣ, овладѣлъ всѣмъ теченіемъ главной рѣки своего княжества. Достигнувъ великаго княженія, Юрій, какъ главный представитель Русской земли передъ ханомъ, являлся и отвѣтственнымъ плательщикомъ дани со всей Руси; онъ собиралъ эту дань съ русскихъ князей, и отъ своего лица вносилъ ее въ ханскую казну. Эти сборы были для него выгодны: наибольшая часть дани шла съ другихъ княженій, а московскій

вносилъ меньшую долю. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь взималъ особые налоги и пошлины въ свою пользу. Поэтому великокняжескій столъ сдѣлался со времени татарскаго нашествія предметомъ особенно алчныхъ исканій со стороны русскихъ князей; матеріальный интересъ придавалъ этимъ исканіямъ характеръ беззастѣнчивости и жестокости; ни родственныя связи, ни уваженіе къ правамъ старшинства, ни простое человѣколюбіе не принимались въ разсчетъ при этой борьбѣ. Юрій Даниловичъ не постѣснился обвинить своего союзника, Михаила Тверского, передъ ханомъ и тѣмъ навлечь на него смерть, лишь бы достичь желанной цѣли — права на великокняжескій столъ.

Въ дѣятельности первыхъ двухъ московскихъ князей сказались главныя черты всей московской дальнѣйшей политики.

Такъ какъ ярлыкъ на великое княженіе выдавалъ татарскій ханъ, то со времени Юрія Даниловича московскіе князья стараются найти опору въ Ордѣ; притомъ нужно было ладить съ татарами, чтобы не навлечь погрома не на одну Москву, а на всю Русскую землю. Московскіе князья справились съ этой задачей. Они пріобрѣли милость и довѣріе хана. Въ тѣсную связь съ Ордой вошелъ преемникъ Юрія, младшій братъ его, Иванъ, по прозванію Калита (денежный мѣшокъ).

Юрій былъ убитъ въ Ордѣ. Иванъ еще при жизни брата управлялъ Московскимъ княжествомъ; занявъ княженіе, онъ вскорѣ заручился расположеніемъ хана. Поводъ къ снисканію ханской милости представился въ 1327 г., когда вел. кн. Александръ Михаиловичъ Тверской допустилъ убійство татарскаго посла Чолкана. Иванъ Даниловичъ воспользовался случаемъ, чтобы погубить соперниковъ въ глазахъ хана; онъ поспѣшилъ въ Орду, выпросилъ у хана войско и двинулся съ нимъ противъ Твери, которую взялъ и разорилъ. Александръ Михаиловичъ бѣжалъ. Ханъ, довольный исполненіемъ возложеннаго на Калиту порученія, далъ ему ярлыкъ на великое княженіе. Еще разъ покорнымъ исполнителемъ ханской воли явился Иванъ Калита въ концѣ своего княженія. Смоленскій князь Иванъ Александровичъ не хотѣлъ покориться хану; ханъ велѣлъ Калитѣ отправиться съ войскомъ въ Смоленскую землю. Какъ вѣрный исполнитель порученій хана, Калита пользовался полнымъ его довѣріемъ; ему поручено было собирать со всей Руси татарскую дань или «выходъ», и онъ широко пользовался этимъ правомъ для утвержденія своей власти въ русскихъ княжествахъ; онъ разсылалъ своихъ бояръ и намѣстниковъ по городамъ собирать дань, строго каралъ за невзносъ ея, наконецъ, самъ сталъ требовать дани, помимо татарскаго «выхода».

Усиленіе Московскаго княжества не прошло безслѣдно для

всей Русской земли. Раздѣленная княжескими усобицами на много враждебныхъ становъ, терзаемая извнѣ татарскими набѣгами, она при Калитѣ впервые почувствовала нѣкоторый покой: «и бысть оттолѣ тишина велія, — замѣтилъ лѣтописецъ подъ 1328 г. — на сорокъ лѣтъ, и преста татарове воевати Русскую землю». Какъ ни была унизительна политика постояннаго угодничества и раболѣпства передъ ханомъ, какъ ни были неразборчивы московскіе князья на средства для успленія своей власти, нельзя не замѣтить, что образованіе сильнаго княжества въ сѣверной Руси было первымъ шагомъ къ освобожденію отъ Орды.

III.

Содѣйствіе церкви возвышенію Москвы.

Политика московскихъ князей по отношенію къ Ордѣ была однимъ изъ средствъ возвышенія Московскаго княжества.

Счастливое стеченіе обстоятельствъ дало въ руки Московскаго князя еще другое средство, не менѣе важное по своимъ послѣдствіямъ. Въ 1299 году, повѣствуетъ лѣтопись, митрополитъ Кіевскій Максимъ, не стерпѣвъ насилія отъ татаръ, покинулъ Кіевъ со всѣмъ своимъ клиромъ и переѣхалъ во Владиміръ на Клязьмѣ. Но Владиміръ скоро потерялъ значеніе великокняжеской столицы— оно перешло къ Москвѣ. И самъ митрополитъ Максимъ, и преемникъ его, св. Петръ, часто навѣщали Москву, какъ главную стоянку на рубежѣ между сѣверной и южной Русью. Митр. Петръ по-долгу живалъ въ ней и сблизился съ Иваномъ Калитой; здѣсь онъ заложилъ вмѣстѣ съ княземъ соборный храмъ Успенія; здѣсь онъ и умеръ въ 1326 году. Смерть его въ Москвѣ и погребеніе въ недостроенномъ Успенскомъ соборѣ какъ бы закрѣпили навсегда связь архипастыря русской церкви съ будущей столицей Русской земли.

Примѣру митр. Петра послѣдовали его преемники. Митр. Ѳеогностъ окончательно покинулъ Владиміръ, желая остаться въ Москвѣ «у чудотворцева гроба». Этимъ совершилось перенесеніе въ Москву митрополичьяго престола. Что именно такъ поняли современники значеніе переселенія въ Москву митр. Ѳеогноста, видно изъ словъ лѣтописца, который, описавъ перенесеніе митрополичьей каѳедры изъ Владиміра, прибавляетъ: «Инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща». Митрополитъ, во время раздробленія всей Руси былъ одинъ, а великихъ князей было много, и въ церковныхъ дѣ-

лахъ всѣ княжества зависѣли отъ него. Соединяя судьбу своей каѳедры съ судьбой еще не окрѣпшаго мелкаго удѣльнаго княжества, митрополитъ тѣмъ самымъ показывалъ, какое значеніе онъ придавалъ этому княжеству и какую будущность онъ въ немъ усматривалъ. Переселеніе митрополита въ Москву сдѣлалось предметомъ зависти другихъ князей и потому, что благодаря ему Москва пріобрѣла значеніе церковной столицы Руси, задолго прежде, чѣмъ сдѣлалась столицей государственной.

Но и митрополитъ понималъ всю пользу, какую можетъ извлечь церковь изъ своего союза съ московскимъ княземъ. Центральное, хорошо защищенное положеніе Москвы, возрастающее могущество и богатство ея князя, осторожная и искусная политика послѣдняго по отношенію къ татарамъ—все это были условія, которыя могли обѣщать митрополичьему престолу защиту и спокойное пользованіе его духовной властью и богатыми матеріальными средствами. Церковь не имѣла въ своемъ распоряженіи орудій обороны отъ внѣвшихъ бурь; ей необходима была защита свѣтской власти. Митрополитъ, для удержанія за собой своей каѳедры, не могъ обойтись безъ помощи и покровительства того князя, въ городѣ котораго его каѳедра находилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему приходилось постоянно сталкиваться съ интересами этого князя; поэтому, для снисканія себѣ его покровительства, онъ долженъ было дѣйствовать согласно съ этими интересами. Вотъ почему митрополиты, съ самаго начала своего пребыванія въ Москвѣ, открыто становятся на сторону московскихъ князей и содѣйствуютъ имъ въ достиженіи ихъ государственныхъ цѣлей.

Содѣйствіе церкви успѣхамъ московскихъ князей выразилось во многихъ случаяхъ. Такъ, въ 1357 г. ханъ Бердибекъ сталъ грозить Руси войною въ случаѣ неуплаты наложенной имъ на всѣхъ русскихъ князей дани. Вел. князь Иванъ Ивановичъ, сынъ Калиты, упросилъ митр. Алексѣя отправиться въ Орду ходатайствовать передъ ханомъ за всю Русь; митрополиту удалось «смирить гнѣвъ» хана, и онъ вернулся въ Москву «миръ и благоденствіе землѣ своей принося», какъ сказано въ его «житіи». Всѣмъ памятна также помощь, оказанная Дмитрію Донскому прп. Сергіемъ. Сторону Димитрія, особенно въ годы его младенчества, держалъ и митроп. Алексѣй. По смерти кн. Ивана Ивановича онъ по просьбѣ послѣдняго, взялъ на себя опеку надъ малолѣтнимъ Дмитріемъ. Не случайно литовскій вел. князь Ольгердъ обвинялъ митр. Алексѣя, что онъ «благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови». и жаловался, что онъ для Москвы забылъ древній столъ митрополичій, Кіевъ. При участіи митр. Алексѣя схваченъ былъ пріѣхавшій въ Москву на третейскій судъ князь Михаилъ Александро-

вичъ Тверской; въ другой разъ митр. Алексѣй отлучилъ отъ церкви всѣхъ князей, воевавшихъ вмѣстѣ съ Ольгердомъ литовскимъ противъ Москвы. Въ XV вѣкѣ церковь стала на сторону Москвы въ борьбѣ Василія Темнаго съ Дмитріемъ Шемякою. Въ соборной грамотѣ 1447 г. русское духовенство возстало противъ притязаній Шемяки на великокняжескій столъ; оно напоминало ему, что отецъ его, Юрій Дмитріевичъ, несмотря на всѣ свои старанія, не получилъ великаго княженія, «чего ему не дано Богомъ, ни земскою изначала пошлиною», т. е. старинным обычаемъ русской земли. Такъ, наперекоръ исторіи, духовенство признало новый порядокъ наслѣдованія княжескаго престола «исконнымъ земскимъ обычаемъ».

IV.

Ростъ Московскаго княжества въ XIV—XV в. и новый порядокъ престолонаслѣдія.

Сильная поддержкой Орды и церкви Москва рано начала притягивать и служилыхъ, и тяглыхъ людей. Притокъ населенія увеличивалъ благосостояніе края и усиливалъ его оборону. Уже Иванъ Калита считался самымъ богатымъ изъ князей сѣверной Руси и недаромъ получилъ свое прозвище.

Кромѣ денегъ, московскіе князья были богаты деревнями, селами и городами. Вся исторія Московскаго княжества въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ представляетъ послѣдовательный рядъ земельныхъ захватовъ и пріобрѣтеній. Когда Калита сталъ великимъ княземъ, ему принадлежали, кромѣ Москвы, только два города, Можайскъ и Коломна, «примыслы» Юрія Данловича. Ему удалось скупить у бѣдныхъ князей нѣсколько городовъ съ удѣлами, Кострому, Галичъ, Бѣлозерскъ, Перемышль, Угличъ; близъ Москвы онъ пріобрѣлъ города Звенигородъ, Серпуховъ, Рузу. Московское княжество было раздѣлено на шесть уѣздовъ, въ которыхъ находились 51 сельская волость и 42 дворцовыхъ села, всего 500 квадр. миль. При Дмитріи Донскомъ были пріобрѣтены: Верея, Мещера, Калуга, Дмитровъ, Владиміръ. Сынъ его, Василій, по завѣщанію отца получаетъ Суздаль, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Городецъ, Тарусу, Боровскъ. Въ 1462 г. Василій Темный завѣщалъ своимъ сыновьямъ уже около 25 городовъ и до 15000 квадр. миль земли.

Какъ неуклонно расширялись предѣлы Московскаго княжества, легко видѣть изъ духовныхъ грамотъ князей, начиная съ Ивана Калиты.

Съ тѣхъ поръ какъ удѣлы стали закрѣпляться за однимъ какимъ-либо княжескимъ родомъ, установилась передача ихъ по наслѣдству въ нисходящей линіи и прекратился переходъ ихъ въ боковыя линіи старшимъ родичамъ. Сѣверный князь XIII—XIV в. «вѣдаетъ удѣлъ отца своего» и, получивъ его отъ отца, смотритъ на него какъ на свое личное достояніе, частную собственность или «отчину». Для укрѣпленія такихъ владѣній за наслѣдниками и писались духовныя грамоты или завѣщанія.

Московскіе князья на свое княжество смотрѣли, какъ на свое хозяйство; они старались увеличить доходность земель, расширить границы, заселить и обработать пустыри. Но при такой «хозяйской» заботливости о благосостояніи удѣла необходимо было точнѣе опредѣлить права и отношенія наслѣдниковъ—духовныя грамоты служатъ точными выраженіями воли князей-родителей, распредѣляющихъ между дѣтьми свое родовое и благопріобрѣтенное имущество.

Престолонаслѣдіе опредѣлялось въ нихъ каждый разъ завѣщаніемъ князя, который могъ завѣщать свои владѣнія кому хотѣлъ; главнымъ наслѣдникомъ становился обыкновенно старшій сынъ, который и получалъ званіе великаго князя. Ему завѣщалась наибольшая по размѣрамъ часть наслѣдства, притомъ все бо́льшая въ каждомъ поколѣніи. Дмитрій Донской далъ старшему изъ пяти сыновей $^1/_3$ всего имущества, Василій Темный — половину, а Иванъ III—$^3/_4$ всего наслѣдія. Такъ какъ доля старшаго постоянно увеличивалась сравнительно съ младшими, то это давало ему возможность все возраставшаго вліянія на младшихъ князей. Благодаря этому, изъ преобладанія чисто семейнаго мало по малу развилось преобладаніе государственное, иначе говоря, создалось единодержавіе въ княжествѣ. Свое имущество князья дѣлили между всѣми своими сыновьями, но не на равныя части, дѣлили движимость и частныя владѣнія и даже государственную территорію. Послѣдняя обыкновенно дѣлилась черезполосно; она была раздѣлена на нѣсколько участковъ, отличавшихся другъ отъ друга по хозяйственному значенію или по историческому происхожденію; различались пріобрѣтенія, «примыслы», отца, дѣда, прадѣда. Каждый наслѣдникъ получалъ долю въ каждомъ изъ этихъ участковъ. Даже городъ Москва подлежалъ такому же дѣлежу, причемъ старшему сыну достается однако участокъ бо́льшій противъ остальныхъ. Въ отношеніяхъ наслѣдниковъ между собой духовныя грамоты требуютъ сохраненія дружбы и уваженія къ старшему; онѣ настаиваютъ на томъ, чтобы братья «жили за одинъ», чтобы старшій держалъ младшихъ «въ братствѣ безъ обиды», а младшіе чтили и слушали старшаго «въ отца мѣсто». Кромѣ этихъ нравственныхъ

обязанностей, въ духовныхъ грамотахъ выражается необходимость невмѣшательства наслѣдниковъ въ дѣла другъ друга; онѣ требуютъ, чтобъ князья «не вступались» въ удѣлы одинъ другого, чтобы каждый князь былъ совершенно самостоятеленъ въ своемъ удѣлѣ.

Всѣ духовныя грамоты ясно указываютъ, что московскіе князья смотрѣли на княжества какъ на свою собственность, которою они могли распоряжаться по всей своей волѣ, на правахъ всякаго частнаго лица. Самая форма духовныхъ грамотъ та же, что и форма завѣщаній частныхъ лицъ; точно также онѣ совершаются при свидѣтеляхъ и по благословенію духовныхъ отцовъ. Въ одномъ только отношеніи духовныя грамоты столкнулись съ вопросомъ государственнаго порядка, но и его онѣ разрѣшили въ формѣ частноправового вопроса; то былъ вопросъ о передачѣ по наслѣдству великокняжескаго стола. Въ грамотахъ Ивана Калиты и его сыновей, Симеона Гордаго и Ивана, вопросъ этотъ обойденъ молчаніемъ; только на печати Симеона Гордаго, привѣшенной къ его духовной грамотѣ, онъ названъ «княземъ великимъ всея Руси». Зато въ духовной Дмитрія Донского прямо говорится: «благословляю сына своего кн. Василія своею отчиною великимъ княженіемъ». Эта передача великокняжескаго достоинства по наслѣдству является неслыханною прежде новостью; она нарушаетъ всѣ прежнія понятія о переходѣ великаго княженія въ очередномъ порядкѣ старшинства; вмѣстѣ съ тѣмъ великое княженіе настолько тѣсно связалось съ московскимъ княжескимъ родомъ, что Дмитрій считаетъ возможнымъ назвать его «отчиной». Съ тѣхъ поръ передача великокняжескаго стола по завѣщанію вошла въ обычай. Эта передача въ духовной грамотѣ Дмитрія Донского указываетъ и на громадный успѣхъ, сдѣланный Москвою со времени Калиты: московскій князь не считаетъ болѣе нужнымъ справляться съ волею хана въ вопросѣ о великомъ княженіи; другіе же князья, давніе соперники Москвы, болѣе не страшны ему, и онъ можетъ увѣренно завѣщать сыну свое великокняжеское достоинство вмѣстѣ со стольнымъ городомъ великаго князя, Владиміромъ.

ПРЕП. СЕРГІЙ РАДОНЕЖСКІЙ.

По соч. *Е. Голубинскаго* «Исторія русской церкви», т. I, 2-я полов., М. 1900; архіеп. *Макарія* «Исторія русской церкви», т. IV, Спб. 1866; *Д. Корсакова.* «Св. Сергій Радонежскій и основанный имъ Троицкій монастырь», Каз., 1894; *В. Ключевскаго* «Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства». Сергіевъ Посадъ, 1892.

Распространеніе монашества на Руси.

Преп. Антоній, возвратившись съ Аѳона въ Кіевъ, сначала «ходилъ по монастырямъ», и затѣмъ уже избралъ для своего подвига одинокую пещеру. Преп. Ѳеодосій «обошелъ всѣ монастыри» прежде, чѣмъ поселился вмѣстѣ съ Антоніемъ.

Изъ этихъ указаній лѣтописи ясно, что монастыри въ Кіевѣ возникли до основанія Печерской лавры и, можетъ быть, задолго до крещенія Руси кн. Владиміромъ.

Но то были особые, такъ сказать, не настоящіе монастыри: ихъ учреждали монахи-келейники. Два-три человѣка, искавшіе монашества, собирались вмѣстѣ, строили кельи, каждый самъ по себѣ, большей частью въ оградахъ приходскихъ церквей, и такой скитокъ— или слободка—становился монастыремъ. Нѣсколько позже этихъ первоначальныхъ монастырей явились обители, мужскія и женскія, построенныя на средства князей, бояръ, вообще людей состоятельныхъ.

У грековъ, по ископному обычаю, цари и вельможи учреждали такъ называемые ктиторскіе или вотчинные монастыри. На Руси этотъ обычай не получилъ столь широкаго распространенія, какъ въ Греціи, но все же въ «стольныхъ» городахъ, напримѣръ, въ Кіевѣ и Новгородѣ, благодаря очередному порядку часто смѣнявшіяся княжескія семьи давали значительныя средства на постройку монастырей. Въ Новгородѣ князьямъ подражали богатые горожане. Въ удѣлахъ, гдѣ «столы» переходили по наслѣдству, князья довольствовались одними и тѣми же монастырями: но съ размноженіемъ отеческихъ линій росло и число монастырей.

И въ этихъ готовыхъ монастыряхъ, и внѣ ихъ, то есть, въ слободкахъ или скитахъ, не было монашескаго общежитія. Въ одинокихъ кельяхъ, ютившихся поближе къ городу или къ селу, за монастырской или церковной оградой, для чернеца была возможность оставаться міряниномъ и довольствоваться одной перемѣной одежды. Перемѣнить одежду, не мѣняя ничего другого, было не трудно; а между тѣмъ такая перемѣна давала человѣку право кормиться на чужой счетъ, являться на пиры почетнымъ гостемъ, величаться отцомъ и молитвенникомъ за грѣшный міръ.

Исторія построенія княжескихъ или боярскихъ монастырей кратка и однообразна. Желалъ князь имѣть свой монастырь—онъ приказывалъ строить его и населялъ иноками. Точно также богатый въ міру человѣкъ давалъ средства на постройку обители, принималъ постриженіе и набиралъ братію. Впослѣдствіи благочестивые и щедрые люди надѣляли монастырь вкладами, записывали за нимъ села, деревни и вотчины съ лѣсными, полевыми и рѣчными угодьями.

Уставы и порядки въ такихъ монастыряхъ не удаляли монаховъ отъ міра, а втягивали ихъ въ мірскія дѣла и отношенія.

Величайшей заслугой преп. Ѳеодосія было введеніе въ Печерскій монастырь строгаго Студійскаго устава, которымъ изгонялось изъ обители все мірское. По этому уставу монахи, вполнѣ подчиняясь игумену, должны нести суровый подвигъ душевнаго спасенія, тяжкаго труда и великаго воздержанія. Монахи могутъ выходить за ограду только въ случаѣ неотложной «потребы» и не иначе, какъ съ разрѣшенія игумена. Для женщинъ, кромѣ царицы, входъ въ монастырь воспрещенъ, а на великій постъ врата обители затворяются вовсе. Въ работахъ всѣ монахи участвуютъ въ одинаковой степени, они должны быть сами своими слугами, ни въ чемъ не прибѣгая къ посторонней помощи. «Да не пріобрѣтешь раба—писалъ преп. Ѳеодоръ Студитъ одному изъ своихъ учениковъ—ни для собственной нужды, ни для ввѣреннаго тебѣ монастыря, ни для селъ твоихъ,—человѣка, созданнаго по образу Божію, ибо это дозволено только въ міру». Каждый шагъ монастырской жизни по Студійскому уставу опредѣленъ точными правилами о молитвѣ, работѣ, одеждѣ, пищѣ, имуществѣ братіи, опредѣленъ въ согласіи съ высшей цѣлью монашества—въ служеніи Богу искать душевнаго спасенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что преп. Ѳеодосій ввелъ этотъ уставъ въ Печерскомъ монастырѣ и осуществилъ его во всей полнотѣ, воодушевивъ своимъ примѣромъ покорную ему братію. Но нельзя сказать съ увѣренностью, что уставъ Ѳеодосія былъ принятъ во всѣхъ русскихъ монастыряхъ: вскорѣ по смерти преподобнаго истинное

общежитіе исчезло и въ самой Печерской лаврѣ. Искавшіе постриженія стали приносить съ собой въ монастырь деньги и удерживать ихъ при себѣ, какъ частную собственность; и послѣ постриженія иноки получили возможность дѣлать пріобрѣтенія; между ними различались богатые и бѣдные; за взаимныя услуги брали другъ съ друга плату—однимъ словомъ истинныя начала общежитія были нарушены. Съ XIII вѣка оно почти исчезаетъ изъ русскихъ монастырей и—надолго.

Въ 1240 году, по взятіи Кіева монголами, обитель преп. Ѳеодосія подверглась полному разоренію: окружавшая ее каменная стѣна и всѣ кельи были разрушены до основанія; соборная церковь ниспровергнута съ верху до половины и совершенно опустошена; большая часть иноковъ перебита; оставшіеся въ живыхъ разбѣжались. Подобную участь испытали многочисленные монастыри въ Суздальскомъ краѣ. Въ 1237 году татары опустошили города—Рязань, Москву, Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Ярославль, Переяславль, Тверь, Муромъ и другіе; вездѣ они разорили и монастыри—одни сожгли, иные ограбили, а братію частью умертвили, частью увели въ плѣнъ. Разгромъ повторялся нѣсколько разъ и впослѣдствіи. Сами князья, враждуя между собой, призывали на помощь татаръ. Только Новгородскія земли и отдаленный сѣверъ избѣгли общаго опустошенія.

Однако число монастырей во время монгольскаго владычества не только не уменьшилось, а еще болѣе увеличилось. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что самая значительная часть новыхъ обителей приходится на тѣ области, которыя всего меньше пострадали отъ татарскаго нашествія. Далѣе—постройки монастырей и въ это суровое время шли такъ же безпрепятственно, какъ и раньше. Инокъ, искавшій уединенія одинъ или съ товарищемъ, строилъ себѣ хижину или копалъ пещеру и начиналъ свой подвигъ. Когда онъ дѣлался извѣстнымъ, къ нему приходили одни за наставленіями или совѣтомъ, другіе съ просьбой поселиться вмѣстѣ съ нимъ. Онъ принималъ. Сами иноки строили деревянную церковь и кельи. Добрые люди дѣлали приношенія. Монастырь устроялся. Случалось, что тотъ же инокъ, оставивъ собранное братство, удалялся на новое мѣсто и тамъ устроялъ другую обитель и снова шелъ далѣе. Такъ, преп. Авраамій Галицкій основалъ 4 монастыря, Макарій Унженскій—3, Діонисій Глушицкій—3 и четвертый возстановилъ, Ѳерапонтъ Бѣлозерскій, Дмитрій Прилуцкій, Стефанъ Махрищкій—по 2. Всего же болѣе умноженію обителей способствовали своимъ нравственнымъ вліяніемъ, своими трудами и примѣромъ такіе великіе подвижники и святители, какъ преп. Сергій Радонежскій, Кириллъ Бѣлозерскій, Стефанъ Пермскій, Петръ и Алексій Московскіе.

II.

Св. Сергій и основаніе его обители.

Сынъ Ростовскаго боярина Кирилла и жены его Маріи, преп. Сергій, до монашества Варѳоломей, родился около 1320 года, въ предѣлахъ Ростовскаго княжества, гдѣ и его родителямъ, и лично ему, ребенку, привелось испытать много невзгодъ.

Ростовское княжество въ XIV вѣкѣ замѣтно утрачивало свое значеніе. Населеніе его возростало и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась нужда въ удобной для хлѣбопашества землѣ, а почва, и безъ того недостаточно плодородная, давала все болѣе скудные урожаи—частые недороды хлѣбовъ и голодовки подрывали благосостояніе вотчинниковъ и крестьянъ. Эти бѣдствія становились еще тяжелѣе вслѣдствіе частыхъ татарскихъ набѣговъ. Наконецъ, размноженіе мелкихъ удѣльныхъ князей сопровождалось ихъ обѣднѣніемъ—постепенно они превращались въ мелкихъ вотчинниковъ и средней руки князей. Въ Ордѣ, куда они нерѣдко наѣзжали отстаивать свои родовые счеты и искать защиты отъ баскаковъ, отъ татарскихъ ратей и сосѣднихъ князей—не только не обращали на нихъ вниманія, но отнимали у нихъ послѣднее достояніе. Бывали случаи, когда ихъ обирали въ Ордѣ до чиста и отпускали домой «нагими».

И для князей и для насельниковъ ихъ владѣній оставалось два выхода: «бѣжать отъ суеты мірской» въ тихое пристанище монастырской жизни или искать защиты у сильнаго князя московскаго. Ростовъ и его область издавна обилювали монастырями; новыя «киновіи» и «пустыни» были основаны въ дремучихъ лѣсахъ, почти сплошь покрывавшихъ среднюю и сѣверную Русь XIV вѣка. Люди болѣе расчетливые переселялись изъ ростовской области во владѣнія московскаго великаго князя или его удѣльныхъ князей, гдѣ жилось тише и вольготнѣе.

Въ 1328 году на великокняжескомъ володимірскомъ «столѣ» сѣлъ умный и хитрый московскій князь Иванъ Даниловичъ Калита. Онъ ловко пользовался невзгодами въ сосѣднихъ княжествахъ и разными средствами укрѣплялъ въ нихъ свою власть. Онъ входилъ съ князьями въ родственные союзы посредствомъ браковъ, платилъ за нихъ ордынскій выходъ, давалъ взаймы деньги и даже готовый пріютъ въ своемъ богатомъ «дворѣ»; князья, въ свою очередь, продавали ему свои вотчины или «отказывали» по «душевнымъ грамотамъ» (по завѣщанію). Точно также Иванъ Калита ласково

и льготно принималъ бояръ и другихъ вотчинниковъ изъ этихъ княжествъ, если они добровольно переселялись въ его владѣнія. Но бывали случаи, когда онъ дѣйствовалъ открыто и, такъ сказать, напрямки.

Одинъ изъ ростовскихъ князей, Константинъ Васильевичъ, былъ женатъ на дочери московскаго государя; это дало возможность великому князю вмѣшаться въ домашнія распри ростовскихъ родственниковъ и наложить на нихъ свою «сильную руку»: онъ прислалъ въ Ростовъ своего намѣстника, который «возложи на градъ великую пужу» — у всѣхъ жителей ростовскихъ поголовно началъ отнимать имущество, а городского посадника, старѣйшаго ростовскаго боярина Аверія предалъ истязанію и затѣмъ повѣсилъ. Всѣ эти подробности объ униженіи Ростова вошли въ древнѣйшее житіе преп. Сергія. «Увы, увы тогда граду Ростову—восклицаетъ составитель житія—паче же и княземъ его, яко отъяся отъ нихъ власть и имѣніе, и честь и слава, и потягнуша къ Москвѣ».

Во время этого разгрома Варѳоломею было лѣтъ десять. Его родители, со всѣмъ семействомъ и вмѣстѣ со многими другими ростовцами переселились въ московское княжество; бояринъ Кириллъ переѣхалъ въ городъ Радонежъ, въ Серпуховскомъ удѣлѣ, принадлежавшемъ одному изъ сыновей Калиты — Андрею Ивановичу. Варѳоломей тогда уже замышлялъ посвятить себя отшельнической жизни. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ житіе преп. Сергія:

Двое братьевъ Варѳоломея — старшій Степанъ и младшій Петръ, учились грамотѣ весьма успѣшно, но среднему она долго не давалась, и только по молитвамъ одного невѣдомаго старца монаха, встрѣченнаго имъ случайно въ полѣ, внезапно открылся у ребенка смыслъ къ пониманію грамоты. Тогда ему было всего одиннадцать лѣтъ отъ роду. Съ этой встрѣчи Варѳоломей получилъ необыкновенную охоту къ книгамъ и сталъ весьма усердно посѣщать церковныя службы, а вслѣдъ затѣмъ началъ проводить время въ постѣ и домашней молитвѣ по ночамъ.

Монашество принялъ Варѳоломей лишь по смерти своихъ родителей, погребенныхъ въ Хотьковомъ монастырѣ, имъ же основанномъ. Старшій братъ Степанъ овдовѣлъ и постригся въ Хотьковѣ. Варѳоломей, желая глубокаго уединенія, убѣдилъ Степана поискать другого мѣста, болѣе удобнаго для жизни подвижнической. Братья долго скитались по лѣсамъ и, наконецъ, нашли небольшую возвышенность, обильно орошенную рѣчками и поросшую густымъ лѣсомъ, въ десяти верстахъ отъ Хотькова, въ глуши, далекой не только отъ людскихъ жилищъ, но и отъ проѣзжихъ дорогъ. Здѣсь построили они келлію и небольшую церковь во имя

св. Троицы, припоминая «знаменіе», бывшее еще при крещеніи Варооломея, о томъ, что ему предназначено въ жизни прославить триедино поклоняемаго Бога. Вскорѣ послѣ того Варѳоломей принялъ постриженіе съ именемъ Сергія отъ одного игумена, посѣтившаго его уединенное жилище. Это произошло около 1340 г., когда преп. Сергію было съ небольшимъ 20 лѣтъ отъ роду.

Такъ возникла Троицкая лавра.

Степанъ, братъ Варѳоломея, недолго оставался въ новой обители: онъ тосковалъ по своимъ дѣтямъ и тяготился пустынной жизнью. Вскорѣ ему удалось перейти въ Москву, въ Богоявленскій монастырь, гдѣ онъ былъ сдѣланъ настоятелемъ, а затѣмъ получилъ вліятельную должность духовника великаго князя Симеона Гордаго, сына и преемника Ивана Даниловича Калиты.

III.

Подвиги св. Сергія и устроеніе Троицкой лавры.

По уходѣ брата, св. Сергій около двухъ лѣтъ прожилъ въ лѣсу совершенно одинъ. Но молва о новомъ отшельникѣ уже распространялась повсюду; къ нему стали приходить благочестивые люди и монахи съ разныхъ сторонъ; эти посѣщенія сначала были рѣдки, а затѣмъ все болѣе и болѣе участились. Келліи возникали близко одна подлѣ другой. Матеріалъ для ихъ постройки былъ подъ рукою въ вѣковомъ бору, покрывавшемъ всю мѣстность. Деревья падали подъ ударами топоровъ отшельниковъ и топоръ св. Сергія работалъ дѣятельнѣе прочихъ: онъ срубилъ четыре монашескихъ домика. Монастырь увеличивался, но монахи терпѣли большія лишенія во всемъ; у нихъ рѣдко бывало даже общественное богослуженіе: церковныя службы отправлялись или іеромонахами, приглашаемыми изъ другихъ монастырей, или священниками изъ какого-нибудь села, потому что св. Сергій считалъ себя недостойнымъ принять священный санъ. Игумена у монастырской общины также не было. Наконецъ, въ числѣ вновь прибывавшихъ отшельниковъ явился нѣкій уже престарѣлый игуменъ Митрофанъ; братія обрадовалась и избрала его своимъ игуменомъ; но дряхлый старецъ скоро скончался. Тогда монахи настойчиво потребовали отъ Сергія, чтобы онъ принялъ священство и вмѣстѣ съ тѣмъ игуменство. Это было около 1356 года, въ княженье московскаго великаго князя Ивана Ивановича, отца Дмитрія Донского.

Какъ жилъ преп. Сергій въ своемъ монастырѣ, какіе порядки завелъ въ немъ, чего требовалъ отъ своихъ учениковъ,—всего яснѣе указываетъ суровый монахъ, знаменитый обличитель ереси жидовствующихъ, волоцкій игуменъ Іосифъ: «Слышали мы о блаженномъ Сергіи и о прочихъ святыхъ отъ неложныхъ свидѣтелей, которые были въ тѣ времена, пишетъ Іосифъ—что они имѣли превеликое прилежаніе о паствѣ, и не допускали ни малѣйшаго небреженія или преслушанія: бывали они милостивы и снисходительны по нуждѣ, и обличали и побуждали къ благому согрѣшающихъ, не послушнымъ же не предоставляли слѣдовать своей волѣ, но всячески возбраняли, и отъ церкви и отъ трапезы ихъ отлучали. Такую нищету и нестяжаніе они имѣли, что въ обители блаженнаго Сергія и самыя книги не на хартіяхъ писали, но на берестѣ; самъ же блаженный Сергій носилъ столь худыя и заплатанныя одежды, что многіе изъ приходящихъ не узнавали его, но принимали за единаго отъ проситель».

Преп. Сергій дѣйствовалъ на всѣхъ примѣромъ своей жизни. Онъ, какъ нѣкогда преп. Ѳеодосій, самъ рубилъ дрова и разносилъ ихъ по кельямъ, мололъ жито въ жерновахъ, пекъ хлѣбы, варилъ пищу для братіи, шилъ обувь и одежду, и на своихъ плечахъ носилъ изъ источника на гору воду въ двухъ водоносахъ и поставлялъ у келліи каждаго, а ночи проводилъ безъ сна и въ молитвѣ, питался только хлѣбомъ и водою, ни одного часа не оставался праздными и, что бы ни дѣлалъ, на устахъ его всегда былъ псаломъ.

Сдѣлавшись настоятелемъ, преп. Сергій, несъ прежніе труды, нерѣдко поучалъ братію словомъ и еще болѣе продолжалъ поучать ее личнымъ примѣромъ.

Въ теченіи трехъ лѣтъ число иноковъ не превышало и не было меньше двѣнадцати, кромѣ игумена. Но слухъ о подвигахъ его привлекалъ все новыхъ отшельниковъ. Въ числѣ первыхъ пришелъ сюда архимандритъ Симонъ, который оставилъ свое настоятельство въ Смоленскѣ, чтобы подчиниться столь праведному руководителю. Онъ принесъ съ собой довольно имѣнія и далъ возможность построить болѣе пространную церковь для быстро умножавшейся братіи. Сергій не отвергалъ никого изъ приходившихъ къ нему и желавшихъ постриженія; напротивъ, всякаго онъ принималъ съ радостью, но только постригалъ не скоро.

При началѣ своемъ обитель св. Сергія нерѣдко терпѣла крайнюю нужду. Случалось, какъ нѣкогда и въ Печерскомъ монастырѣ, что братіи нечего было ѣсть, иноки переносили голодъ по два и по три дня, случалось, что въ обители не доставало вина для совершенія литургіи, ладану для кажденія, воску для свѣчъ, и тогда

въ монастырской церкви горѣла березовая или сосновая лучина.

Но во второй половинѣ XIV вѣка окрестности Троицкой лавры все болѣе заселяются; лѣсныя дебри расчищаются и распахиваются подъ пашню и на мѣстахъ, еще столь недавно безлюдныхъ, возникаютъ поселки и деревни; наконецъ близъ самаго монастыря прокладывается большая дорога изъ Москвы въ сѣверные города. Обитель становится все болѣе извѣстной. Къ благочестивому игумену приходятъ и князья, и бояре, и посадскіе, и крестьяне; своими приношеніями они обезпечиваютъ пропитаніе братіи. Слава о святомъ подвижникѣ разносится не только по Русской землѣ, но достигаетъ Константинополя. Патріархъ Филоѳей, узнавъ о подвигахъ Сергія, прислалъ ему въ даръ крестъ, парамандъ и схиму, и вмѣстѣ съ ними благословенную грамоту, въ которой давалъ преподобному совѣтъ—завести въ монастырѣ общежитіе. Св. Сергій, съ согласія своего митрополита, исполнилъ патріаршую волю, устроилъ общежитіе, распредѣлилъ между иноками послушаніе, учредилъ монастырскія должности и строго заповѣдалъ имѣть все общимъ, никому не пріобрѣтать себѣ ничего особо. Видя, что средства обители постоянно увеличивались отъ приношеній и вкладовъ, св. игуменъ установилъ въ ней странноприимство, такъ что нуждавшіеся въ помощи нищіе и больные, получали въ ней все необходимое, а иногда проживали многіе дни въ полномъ довольствѣ и успокоеніи.

Однако, первоначальное воодушевленіе стало покидать многочисленную братію—въ ея средѣ оказались недовольные общежительнымъ уставомъ, ихъ не трогалъ великій примѣръ святого настоятеля. Въ огорченіи онъ тайно скрылся изъ монастыря и удалился въ новое необитаемое мѣсто на р. Киржачѣ, въ нынѣшней Владимірской губерніи: здѣсь онъ также построилъ церковь и келліи и тѣмъ положилъ начало новой обители во имя Благовѣщенія Божіей Матери. Лишь уступая просьбамъ прежнихъ учениковъ и убѣжденіямъ митроп. Алексія, строгій подвижникъ вернулся въ Троицкій монастырь — здѣсь онъ оставался игуменомъ до мирной своей кончины, послѣдовавшей въ 1392 году.

IV.

Значеніе св. Сергія и его лавры.

Кромѣ Троицкой и Благовѣщенской обители, св. Сергій основалъ еще 8 монастырей и около 20 монастырей было построено его учениками: такъ, Троицкая лавра была средоточіемъ и разсад-

никомъ монастырей въ XIV и XV вѣкахъ; для всей сѣверной и сѣверовосточной Руси она получила еще большее значеніе, чѣмъ имѣла въ свое время для южной и югозападной Руси лавра Кіевопечерская. Но вліяніе св. Сергія и его обители не ограничилось тѣснымъ округомъ церковной жизни.

Со времени преп. Сергія монастырская жизнь получила новое направленіе. До половины XIV вѣка почти всѣ монастыри на Руси возникали въ городахъ или подъ ихъ стѣнами; съ этого времени рѣшительный численный перевѣсъ получаютъ монастыри, возникавшіе вдали отъ городовъ, въ лѣсной глубокой пустынѣ, ждавшей топора и сохи.

Колоніи Сергіевой обители, монастыри, основанные учениками преподобнаго или учениками его учениковъ, считались десятками, составляя почти четвертую часть всего числа новыхъ монастырей во второмъ вѣкѣ татарскаго ига, и почти всѣ эти колоніи были «пустынные» монастыри, подобно своей митрополіи. Но, убѣгая отъ соблазновъ міра, основатели этихъ монастырей служили насущнымъ его нуждамъ.

До половины XIV вѣка масса русскаго населенія, сбитая врагами въ междурѣчье Оки и верхней Волги робко жалась здѣсь по немногимъ расчисленнымъ среди лѣса и болотъ полосамъ удобной земли. Татары и Литва запирали выходъ изъ этого треугольника на западъ, югъ и юговостокъ. Оставался открытымъ путь на сѣверъ и сѣверовостокъ за Волгу; но то былъ глухой непроходимый край, кой-гдѣ занятый дикарями-финнами; русскому крестьянину съ семьей и бѣднымъ инвентаремъ страшно было пуститься въ эти бездорожныя дебри. «Мало было тогда крещеныхъ людей за Волгой», говоритъ старая лѣтопись одного заволжскаго монастыря о временахъ до Сергія. Монахъ пустынникъ и пошелъ туда смѣлымъ развѣдчикомъ. Огромное большинство новыхъ монастырей съ половины XIV до конца XV вѣка возникало среди лѣсовъ костромского, ярославскаго и вологодскаго Заволжья. Старинные памятники исторіи русской церкви разсказываютъ, сколько силы духа проявлено было русскимъ монашествомъ въ этомъ мирномъ завоеваніи финскаго языческаго Заволжья для христіанской церкви и русской народности. Многочисленные лѣсные монастыри становились здѣсь опорными пунктами крестьянской колонизаціи; монастырь служилъ для переселенца-хлѣбопашца и хозяйственнымъ руководителемъ, и ссудной казной, и приходской церковью, и наконецъ пріютомъ подъ старость. Вокругъ монастырей осѣдало бродячее населеніе, какъ корнями деревьевъ сцѣпляется зыбучая почва. Ради спасенія души монахъ бѣжалъ изъ міра въ заволжскій лѣсъ, а мірянинъ цѣплялся за него и съ его помощью

заводилъ въ этомъ лѣсу новый русскій міръ. Такъ создавалась верхневолжская Великороссія дружными усиліями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, какой вдохнулъ въ русское общество преп. Сергій.

Чувство нравственной бодрости, какое вдохнулъ преп. Сергій въ русское общество, съ особенной живостью было воспринято монашествомъ—но это чувство высказалось также въ нравственномъ, а затѣмъ и въ государственномъ возрожденіи русскаго народа. Народъ, сто лѣтъ привыкшій дрожать при одномъ имени татарина, собрался, наконецъ, съ духомъ, всталъ на поработителей и не только имѣлъ въ себѣ мужество встать, но и пошелъ искать татарскихъ полчищъ въ открытой степи и тамъ повалился на враговъ несокрушимой стѣной, похоронивъ ихъ подъ своими многочисленными костями. Какъ могло это случиться? Откуда взялись и какъ воспитались люди, отважившіеся на такое дѣло, о которомъ боялись и подумать ихъ дѣды? Трудно разглядѣть на разстояніи вѣковъ, какъ шла эта подготовка великихъ борцовъ на Куликовомъ полѣ; знаемъ только, что преп. Сергій благословилъ на этотъ подвигъ главнаго вождя русскаго ополченія, сказавъ: «иди на безбожниковъ смѣло, безъ колебанія, и побѣдишь». Чтобы сбросить варварское иго и построить прочное государство, самому русскому обществу необходимо было стать въ уровень столь высокихъ задачъ, приподнять и укрѣпить свои нравственныя силы, приниженныя вѣковымъ порабощеніемъ и унынiемъ. Этотъ подъемъ нравственныхъ силъ народа и связанъ съ именемъ преп. Сергія, осуществившаго въ своемъ лицѣ духовное возрожденіе всего русскаго общества.

Самый монастырь Сергія являлся для московскихъ государей и для всей Великороссіи олицетвореніемъ и оплотомъ государственнаго могущества. Московскіе государи не начинали никакого дѣла, не помолившись въ обители преп. Сергія, они крестили своихъ дѣтей, преимущественно старшихъ сыновей, у гроба св. подвижника, и не оскудѣвающей рукою жертвовали въ «домъ св. Троицы и чудотворца Сергія» драгоцѣнные предметы для богослуженія, денежные вклады и богатыя вотчины.

Самъ преп. Сергій былъ свидѣтелемъ этого «усердія» московскихъ государей къ его обители: они глубоко чтили троицкаго игумена за святость его жизни и были многимъ ему обязаны въ усиленіи своей власти.

Ему часто приходилось бывать въ Москвѣ. Здѣсь навѣщалъ онъ брата Степана, который былъ духовникомъ великаго князя. По смерти Степана сынъ его Ѳеодоръ сталъ настоятелемъ Симонова монастыря, основаннаго по благословенію св. Сергія, — этотъ Ѳеодоръ былъ также великокняжескимъ духовни-

комъ. Митроп. Алексій столь высоко чтилъ троицкаго игумена, что желалъ имѣть его своимъ преемникомъ. Въ Симоновомъ монастырѣ Сергій сблизился съ Кирилломъ, впослѣдствіи основателемъ извѣстной обители на Бѣломъ озерѣ. Многіе изъ московскихъ монастырей были построены или получили своихъ настоятелей по указанію св. Сергія. Наконецъ, московскій митрополитъ Кипріянъ былъ переведенъ изъ Кіева не безъ его участія. Все это ставило Сергія въ близкія отношенія и къ духовенству, и къ боярству, и къ великимъ князьямъ. Ихъ общей заботой было укрѣпленіе Московскаго государства, и въ этомъ дѣлѣ они не разъ обращались за совѣтомъ и помощью къ троицкому отшельнику. То онъ ѣдетъ «посломъ» великаго князя московскаго Димитрія Ивановича «затворить» въ Нижнемъ Новгородѣ всѣ церкви, чтобы прекратить междоусобную распрю нижегородскаго князя съ суздальскимъ, на сторону котораго стало московское правительство; то ему поручаютъ «склонить на миръ» съ Москвою ея исконнаго врага, рязанскаго князя Олега; ему же высказалъ свою предсмертную волю в. к. Дмитрій Ивановичъ и онъ былъ во главѣ свидѣтелей при составленіи духовнаго завѣщанія, по которому со времени Димитрія Донского укрѣплялось преобладаніе старшаго сына надъ младшими въ наслѣдованіи престола.

Память о преп. Сергіи свято чтилась съ самой его кончины не только въ созданномъ имъ монастырѣ, но и по всей Руси, переходя изъ устъ въ уста, въ видѣ разсказовъ объ его подвигахъ, и лишь одинъ изъ учениковъ его, Епифаній, усердно собиралъ письменные матеріалы для жизнеописанія св. Сергія. Двадцать лѣтъ онъ посвятилъ этому труду и написалъ первое, древнѣйшее житіе своего учителя въ 1417—1418 году. Замѣчательно, что трудъ Епифанія появился раньше открытія мощей преп. Сергія, между тѣмъ какъ обыкновенно въ древней Руси житіе святого составлялось по обрѣтеніи его мощей. Трудъ Епифанія легъ въ основу всѣхъ позднѣйшихъ житій, занесенныхъ и въ лѣтописи, и въ великія «Минеи-Четьи», и въ «Степенную книгу». Рукописныхъ житій Сергія, со службами и похвалами ему, исполненныхъ въ XV—XVII вѣкахъ, дошло до насъ около двухъ-сотъ; одно число ихъ ясно указываетъ, какое мѣсто занялъ преп. Сергій въ духовной жизни русскаго народа.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(По соч. *Н. Костомарова.* «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», т. I, изд. 3-е, Спб., 1888; *А. Пыпина* «Исторія русской литературы», т. I, изд. 2-е, Спб., 1903; *С. Соловьева* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. III, изд. 5-е, М., 1880.

I.

Вражда съ Мамаемъ.

Княженіе Дмитрія Ивановича московскаго ознаменовалось многочисленными войнами русскихъ съ татарами. Въ началѣ княженія Дмитрія Орда дѣлилась между двумя ханами, Мюридомъ и Абдуломъ. Именемъ Абдула правилъ Мамай. Кромѣ нихъ въ странѣ древнихъ болгаръ утвердился третій ханъ Пуладъ-Темиръ, а въ Мордовской землѣ князь Тогай. Тотъ и другой дѣлали частые и опустошительные набѣги на русскія земли.

Въ 1373 году татары изъ Мамаевой орды напали на Рязанское княжество и опустошили его, а въ 1374 году Мамай послалъ въ Нижній-Новгородъ пословъ и съ ними 1500 татаръ. Они начали грабить городъ и оскорблять жителей. Выведенный изъ терпѣнія народъ бросился на татаръ и перебилъ ихъ. Мамай, раздраженный явнымъ пренебреженіемъ русскихъ къ его власти, послалъ два отряда—одинъ въ Нижегородскую область, другой—въ землю Новосильскую. Оба княжества были опустошены и всѣ жители истреблены.

Такъ какъ Нижегородское княжество находилось подъ покровительствомъ великаго князя московскаго, то Мамай ждалъ только случая, чтобъ двинуть свои силы противъ Дмитрія Ивановича. Моровая язва, свирѣпствовавшая въ Ордѣ, мѣшала исполненію этого замысла. Мамай воспользовался случаемъ и послалъ одного изъ своихъ подручниковъ—татарскаго царевича Арапшу. Дмитрій тотчасъ собралъ большое войско и выступилъ противъ Арапши, но, не встрѣтивъ его нигдѣ, возвратился въ Москву, предоставивъ воеводамъ и союзнымъ князьямъ ждать врага. Вся рать двинулась за рѣку Пьяну, гдѣ русскіе получили вѣсть, что Арапша далеко.

Воеводы обрадовались и не обращали больше вниманія на другія приходившія къ нимъ вѣсти. Кто можетъ стать противъ насъ?— говорили они и стали ѣздить въ простомъ платьѣ, а доспѣхи свои поклали на телѣги и въ сумы; рогатины, сулицы и копья не были приготовлены; иныя не были еще насажены. Также не были приготовлены щиты и шлемы. Было время въ концѣ іюля, стояли сильные жары и ратники разъѣзжали, спустивши платья съ плечъ, разстегнувши петли, растрепавшись точно въ банѣ; если случалось гдѣ найти пиво и медъ, напивались допьяна и хвастались, что одинъ изъ нихъ выйдетъ на сто татаръ. Князья, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ѣздили на охоту, пировали, величались да ковы другъ противъ друга строили. Арапша неожиданно напалъ на русскихъ и привелъ ихъ въ страшное смятеніе. Русское войско побѣжало въ ужасѣ къ рѣкѣ Пьянѣ; многіе въ ней утонули. Преслѣдуя бѣглецовъ, Арапша явился передъ Нижнимъ-Новгородомъ, разграбилъ его, сжегъ, опустошилъ окрестности, забралъ добычу и плѣнныхъ и ушелъ назадъ въ степь.

Мордва, надѣясь, что Нижегородское княжество осталось безъ защиты, напала на него и пограбила все, что осталось отъ татаръ. Русскіе догнали враговъ, отняли добычу, а на слѣдующую зиму ворвались въ Мордовскую землю и «сотворили ее пусту».

Такъ какъ Мордовская земля принадлежала монголамъ, то татары, желая отмстить русскимъ, снова разграбили Нижній-Новгородъ. Покончивъ съ Нижнимъ-Новгородомъ, Мамай отправилъ князя Бегича съ большимъ войскомъ на Дмитрія. Послѣдній встрѣтилъ Бегича въ Рязанской землѣ на берегахъ рѣки Вожи. Здѣсь татары были разбиты на-голову. Мамай собралъ остатки своего войска и напалъ на Рязанскую землю—за то, что на ней произошло пораженіе татаръ, и вновь подвергъ ее страшному опустошенію. Но онъ не могъ ограничиться этой местью и мечталъ уничтожить великаго князя, который не хотѣлъ ему повиноваться.

Къ этому времени Мамаю удалось избавиться отъ хана Магомеда, именемъ котораго онъ правилъ, и провозгласить себя ханомъ. Получивъ возможность двинуть противъ Руси всю Орду, Мамай рѣшилъ сломить непокорность Дмитрія. Онъ собралъ всю силу Волжской орды, нанялъ еще хивинцевъ, буртасовъ, ясовъ и вошелъ въ союзъ съ генуэзцами. Ягайло литовскій, который издавна былъ врагомъ Москвы, вступилъ въ союзъ съ Мамаемъ. Изъ русскихъ князей только Олегъ рязанскій сталъ на сторону Мамая. Княжество Рязанское было очень близко къ татарскимъ кочевьямъ и, въ случаѣ сопротивленія, первое подверглось-бы опустошенію. Опасаясь этого и не надѣясь, чтобъ Дмитрій московскій дерзнулъ выйти противъ татаръ, Олегъ послалъ сказать ему о движеніяхъ

Мамая, а самъ спѣшилъ войти въ переговоры съ послѣднимъ и съ Ягайломъ литовскимъ. И Олегъ и Ягайло разсчитывали, что какъ только Дмитрій узнаетъ о нашествіи Мамая и ихъ союзѣ съ нимъ, то убѣжитъ куда-нибудь въ сѣверныя пустынныя земли; Мамай-же, взявъ съ нихъ большую подать, уйдетъ назадъ, а имъ отдастъ въ вѣчное, потомственное владѣніе Московское княжество, которое они раздѣлятъ между собою.

Разсчетъ оказался невѣрнымъ. Узнавъ о движеніи Мамая и его союзниковъ, Дмитрій московскій сталъ немедленно собирать войска и назначилъ всѣмъ полкамъ и князьямъ подручнымъ собираться въ Коломну.

Желаніе избавиться отъ татарскаго ига настолько уже созрѣло въ русскомъ народѣ, что московскому князю не пришлось ждать ратныхъ и принуждать къ скорѣйшему прибытію. Народъ, казалось, только и ждалъ подобнаго воззванія. Лѣтопись говоритъ, что у Дмитрія набралось 150,000 воиновъ. Вѣсть о такомъ сильномъ вооруженіи московскаго князя достигла Мамая, и онъ попытался было сначала кончить дѣло миромъ. Въ Коломну къ Дмитрію явились послы отъ Мамая съ требованіемъ дани въ томъ размѣрѣ, въ какомъ ее русскіе платили при Узбекѣ и Чанибекѣ. Дмитрій отвергъ это требованіе и отвѣчалъ, что онъ готовъ дать только такую дань, какую постановилъ въ свою послѣднюю поѣздку въ Орду.

II.

Битва на Куликовомъ полѣ.

20-го августа 1380-го года великій князь выступилъ изъ Коломны и направился къ устью Лопасны, освѣдомляясь о непріятельскихъ движеніяхъ. 6-го сентября русскіе подошли къ Дону. Мамай шелъ отъ Воронежа на встрѣчу русской рати.

Когда всѣ полки выстроились въ боевомъ порядкѣ, предводители стали совѣтоваться, переходить-ли имъ за Донъ, или нѣтъ? Одни говорили: «перейдемъ черезъ Донъ», другіе: «не ходи, князь, врагъ силенъ; съ татарами литва и рязанцы». Дмитрій принялъ первое предложеніе, чтобы въ случаѣ неудачи никто не думалъ о бѣгствѣ, но чтобы всѣ бились до послѣдней возможности; иначе, все равно, пришлось бы тонуть въ рѣкѣ. Дмитрій велѣлъ мостить мосты черезъ Донъ и искать броду, и 8-го на зарѣ русскіе были уже на другой сторонѣ рѣки и строились при устьѣ Непрядвы.

Вскорѣ на Куликовомъ полѣ показались татары. Дмитрій не хотѣлъ дожидаться ихъ нападенія и двинулся впередъ. Сторожевые полки русскихъ и татаръ сцѣпились между собою и началась битва, какой, говоритъ лѣтописецъ, еще никогда не бывало прежде на Руси. На десять верстъ огромное Куликово поле было покрыто трупами. Кровь лилась какъ вода, все смѣшалось, битва обратилась въ рукопашную схватку. Лошади не могли ступать по трупамъ, ратники гибли подъ конскими копытами, задыхались отъ тѣсноты. Татары начали одолѣвать. Въ московскомъ войскѣ было много молодыхъ ратниковъ, которые не выдержали натиска татаръ и обратились въ бѣгство. Казалось, дѣло русскихъ было проиграно.

Но въ засадѣ въ лѣсу стояли еще свѣжіе русскіе полки подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и московскаго воеводы Дмитрія Михайловича Волынскаго-Боброка. Когда русскіе бросились бѣжать, а татары, устремившіеся въ погоню за ними, повернулись къ засадному ополченію тыломъ, весь отрядъ бросился на враговъ, которые никакъ не ожидали нападенія сзади. Это нападеніе свѣжихъ русскихъ силъ рѣшило участь битвы. Бѣгущіе русскіе ободрились и бросились на татаръ. Тогда на полчище Мамая нашелъ паническій страхъ. Поражаемые съ двухъ сторонъ, татары бѣжали. Русскіе преслѣдовали ихъ до рѣки Красивой Мечи и овладѣли всѣмъ ихъ станомъ.

Эта побѣда надъ татарами стоила русскимъ огромныхъ жертвъ: много князей, бояръ и простыхъ воиновъ пало на полѣ битвы. Вотъ почему Мамаево побоище представлялось современникамъ, какъ событіе радостное и вмѣстѣ съ тѣмъ горестное. Была на Руси радость великая, говоритъ лѣтописецъ; но была и печаль большая по убитымъ отъ Мамая на Дону; оскудѣла совершенно вся земля Русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей землѣ Русской.

Куликовская битва имѣла, несомнѣнно, большое значеніе въ русской исторіи; она послужила какъ-бы освященіемъ факта объединенія Руси подъ властью московскаго князя; единодушіе русскихъ князей и подчиненіе ихъ волѣ общаго вождя дало возможность сломить силу татаръ. Она имѣетъ значеніе и во всемірной исторіи: на Куликовомъ полѣ произошло одно изъ столкновеній Европы съ Азіею, здѣсь рѣшался вопросъ о томъ, какая изъ двухъ частей выйдетъ торжествующей изъ вѣковой борьбы. Куликовская побѣда рѣшила вопросъ въ пользу Европы.

III.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ.

Борьба съ татарами ярко отразилась въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ, а также сдѣлалась предметомъ произведеній книжной словесности. До насъ дошелъ цѣлый рядъ полуисторическихъ, полупоэтическихъ повѣстей или сказаній, въ которыхъ воспѣвается Куликовская битва, какъ главный пунктъ этой борьбы. Изъ этихъ повѣстей наиболѣе замѣчательны «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ» и «Задонщина или Слово о великомъ князѣ Димитріи Ивановичѣ и братѣ его, князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего, царя Мамая».

«Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ» приписывается рязанцу Сафонію (или Софронію); оно носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды вліянія «Слова о полку Игоревѣ» и даже мѣстами является подражаніемъ ему, но отличается искусственностью языка и «умильнымъ» тономъ изложенія. Кромѣ того, все событіе въ «Сказаніи» освѣщается религіознымъ свѣтомъ: герой сказанія, Димитрій Донской, отличается набожностью и глубокимъ смиреніемъ; онъ самое нашествіе Мамая на Русскую землю считаетъ Божіимъ наказаніемъ за свои грѣхи, передъ походомъ отправляется за благословеніемъ къ преподобному Сергію, молится у гроба св. Петра, митр. Московскаго, также молится передъ самымъ началомъ битвы; даже прощальный плачъ супруги Димитрія княгини Евдокіи носитъ характеръ молитвы, хотя и является подражаніемъ плачу Ярославны въ «Словѣ о полку Игоревѣ».

Событія въ «Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ» излагаются вполнѣ согласно съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ, но украшены вымышленными подробностями и описаніями, которыя иногда достигаютъ высокой художественности.

«Сказаніе» повѣствуетъ о томъ, какъ «Божіимъ попущеніемъ, отъ наученія діавола, Мамай задумалъ плѣнить Русскую землю и разорить христіанскую вѣру». Собравъ всѣ свои силы, онъ переправился черезъ Волгу и сказалъ своимъ улусникамъ: «да не единъ изъ васъ пашетъ хлѣба, будьте готовы на Русскую землю, на хлѣбы». Узнавъ объ этомъ движеніи Мамая, врагъ московскаго князя Димитрія, Олегъ, князь рязанскій, написалъ «ярлыкъ» къ Мамаю, въ которомъ предлагалъ ему свою помощь; онъ уговорилъ сдѣлать тоже самое и литовскаго князя, Ольгерда. Но Мамай гордо принялъ пословъ Олега и Ольгерда и велѣлъ сказать имъ, что чужая помощь

ему не нужна, что онъ, если бы захотѣлъ, одинъ своею силою могъ бы завоевать и древній Іерусалимъ.

Далѣе описывается сборъ русскихъ князей въ Москву, приготовленіе войска и выступленіе Дмитрія въ походъ. Великій князь вступилъ въ златокованное стремя и сѣлъ на своего любимаго коня. Сѣли на коней и прочіе князья и воеводы. «Солнце со восхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ»... «Братія моя милая», говоритъ Димитрій князю Владиміру Андреевичу и другимъ князьямъ, «не пощадимъ живота своего за вѣру христіанскую и за святыя церкви, за землю Русскую»! — «Господине, князь Димитрій Ивановичъ», отвѣчаетъ ему Владиміръ Андреевичъ, «воеводы у насъ вельми крѣпки, а русскіе удальцы свѣдомы (искусны), имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ вельми тверды... щиты червленные, копья злаченныя, сабли булатныя; дороги имъ знакомы, берега по Окѣ расчищены; они готовы сложить головы за вѣру христіанскую и за государя великаго князя».

А великая княгиня Евдокія со снохою и съ другими княгинями и съ женами воеводъ взошла на златоверхій теремъ, сѣла у окна и сказала: «На тебя гляжу я, великій князь», — и слезы мѣшаютъ ей говорить дальше; текутъ слезы, словно рѣка льется. Но вздохнувъ печально и ударивъ рукою въ грудь, взмолилась княгиня: «Господи Боже великій, дай мнѣ еще увидѣть въ живыхъ князя. Подкрѣпи его, Господи, рукою Своею, да побѣдитъ врага своего»...

Двинулись князья, а за ними русскіе сыны—идутъ добыть себѣ чести, а великому князю славы... Трубы трубятъ, кони ржутъ. Звенитъ слава по всей землѣ Русской.

Переправившись черезъ Донъ, Димитрій началъ готовиться къ бою. Стража извѣщаетъ о приближеніи татаръ. Русскіе удальцы возрадовались; они предвидятъ желанный подвигъ.

Описаніе разныхъ предзнаменованій передъ битвою напоминаетъ «Слово о полку Игоревѣ»: задолго сбѣжались волки и воемъ воютъ всю ночь. Слышится страшная гроза, но она крѣпитъ сердца храбрыхъ воиновъ; вороны слетѣлись и каркаютъ неумолчно; галки кричатъ; орлы съ Дону прилетѣли, лисицы лаютъ на щиты, въ ожиданьи грознаго дня, Богомъ избраннаго, когда поляжетъ множество труповъ человѣческихъ,—и будетъ кровопролитіе, что волны морскія. Отъ ужаса деревья гнутся и трава стелется—много унынія въ виду грозной смерти.

Поганые омрачены, предвидя погибель свою, православные ликуютъ—чаютъ вѣнцовъ отъ Христа Бога Вседержителя.

Вечеромъ, наканунѣ битвы, Димитрій со всѣми князьями и

воеводами осмотрѣлъ свои полки и выѣхалъ на одно высокое мѣсто, съ котораго представилась ему чудная картина всего войска, готоваго къ битвѣ: образъ Спасителя, изображенный на знамени, свѣтился, какъ солнце; знамена вѣяли, какъ облака, тихо трепещущія; хоругви, какъ живыя, колыхались; доспѣхи русскіе, какъ воды, во всѣ вѣтры колеблются; шеломы на главахъ воиновъ золотомъ изукрашены и блещутъ, какъ утренняя багряная заря... Удивились литовскіе князья, Ольгердовичи, которые были на сторонѣ русскихъ, и промолвили: «Не быть такому воинству послѣ насъ, какъ нѣтъ его у насъ, какъ не было и прежде такого».

Великій князь возвеселился сердцемъ и, сошедши съ коня, палъ на колѣни передъ великимъ полкомъ и чернымъ знаменемъ, на которомъ сіялъ образъ Спасителя; онъ воскликнулъ изъ глубины сердца: «О, Владыко, Господи Вседержителю, взгляни своимъ всевидящимъ окомъ на людей своихъ, созданныхъ Твоею рукою, и внемли, Господи, голосу молитвы моей! Обрати лицо Свое съ яростью на нечестивыхъ, которые наносятъ зло рабамъ Твоимъ!» сѣлъ на коня и поѣхалъ на Куликово поле...

Ночью князь Димитрій и воевода Волынскій выѣхали на Куликово поле «брать примѣты». Волынскій сошелъ съ коня, припалъ къ землѣ правымъ ухомъ, пролежалъ долгій часъ, всталъ и опять поникъ. «Одна примѣта», сказалъ онъ князю, «тебѣ на пользу, а другая скорбная; я слышалъ, какъ земля плакалась на двѣ стороны: одна плакала какъ жена о дѣтяхъ, еллинскимъ языкомъ, а другая—какъ дѣвица, играющая на свирѣли. Будетъ побѣда на поганыхъ, но и христіанъ падетъ множество».—«Да будетъ воля Господня», сказалъ великій князь.

Далѣе описывается самая битва. При описаніи битвы многіе образы и самыя выраженія взяты изъ «Слова о полку Игоревѣ»: «Треснуша копья харалужныя (стальныя), звенятъ доспѣхи злаченые, стучатъ щиты червленые, гремятъ мечи булатные», молніей сверкаютъ сабли. Кровь текла ручьями. Страшно было видѣть этотъ грозный часъ смертный. Въ одинъ часъ, въ мгновенье ока, сколько тысячъ людей погибло!..

И возопилъ воевода Волынецъ громкимъ голосомъ: «Время пришло и часъ насталъ! Дерзайте, братья и други, сила Святаго Духа поможетъ намъ». И выскочили изъ дубравы его вѣрные дружинники, словно соколы вылетѣли, и бросились на врага... Поганые увидѣли—крикнули: «Увы намъ, насъ обманули русскіе: бились съ нами худшія силы, лучшія сбережены». И обратились поганые въ бѣгство. Сыны же русскіе били татаръ, а татары падали отъ ударовъ, что трава стелется отъ косы.

По окончаніи битвы Димитрія нашли израненнымъ подъ

срубленной березой. Когда сообщили ему радостную вѣсть о побѣдѣ, онъ всталъ и воскликнулъ: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь», и, сѣвъ на коня, поѣхалъ осматривать поле ратнаго побоища.

Разсказомъ о погребеніи павшихъ воиновъ заключается «Сказаніе». Въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣствуется, впрочемъ о возвращеніи Димитрія въ Москву: княгиня Евдокія встрѣчаетъ мужа у Фроловскихъ воротъ, и онъ приноситъ благодарственныя молитвы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ молился предъ выступленіемъ въ походъ.

Въ «Сказаніи» не мало темъ для поэтическихъ картинъ; но всѣ эти темы разработаны довольно сухо; кромѣ смиренной молитвы, авторъ не даетъ дѣйствующимъ лицамъ другой мысли и другого чувства; въ самомъ Димитріи изъ-за набожнаго князя не видно человѣка и героя битвы. Подражанія «Слову о полку Игоревѣ» не вполнѣ удачны, такъ какъ слогъ «Сказанія» болѣе тяжелый и книжный, чѣмъ въ «Словѣ».

Въ XV в. появляется другая повѣсть о Куликовской битвѣ, извѣстная подъ именемъ «Задонщины». Собираясь прославить подвиги Димитрія Донского, составитель «Задонщины» говоритъ: «Азъ же помяну рязанца Софонію и восхвалю пѣснеми, гусленными словесы великаго князя Димитрія Ивановича и брата его, князя Владиміра Андреевича»... О, жаворонокъ, весенняя птица, красныхъ дней утѣха! Подымись къ синимъ небесамъ, подлети къ сильной Москвѣ, воспой славу вел. кн. Димитрію...»

Разсказъ въ «Задонщинѣ» проще, чѣмъ въ «Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ»; языкъ легче и болѣе приближается къ складу народной рѣчи; но зато въ «Задонщинѣ» гораздо менѣе оригинальнаго, чѣмъ въ «Сказаніи». Составитель ея до такой степени подражалъ «Слову о полку Игоревѣ», что во многихъ мѣстахъ его повѣсть является просто передѣлкой «Слова»: то, что въ «Словѣ» говорится объ Игорѣ и его войскѣ, о половцахъ и его битвѣ съ ними, онъ приспособляетъ къ Димитрію и его войску, къ татарамъ и Куликовской битвѣ.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ.

По соч. *К. Бестужева-Рюмина* «Русская исторія», т. I, Спб., 1872, т. II, Спб., 1885. — *А. Турцевича* «Хрестоматія по исторіи Западной Россіи», Вильна, 1892.

I.

Литва и нѣмцы.

Исторія застаетъ литовское племя разселеннымъ на Балтійскомъ поморьѣ, между устьями Вислы и Западной Двины. Литовцы врѣзываются клиномъ въ область славянъ, занимая нижній бассейнъ Западной Двины, почти весь бассейнъ Нѣмана, доходятъ на западъ до устьевъ Вислы, а на югъ—до средняго теченія Западнаго Буга. Почти со всѣхъ сторонъ сосѣдями литовцевъ были славяне: съ юго-востока—русскіе (кривичи и дреговичи), съ юго-запада—поляки (мазовшане и поморяне). Такое географическое положеніе должно было связать историческую судьбу литовцевъ съ судьбою славянъ.

Литовцы распадались на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ: на сѣверѣ, по правой сторонѣ Западной Двины, жило племя летыгола (нынѣшніе латыши); по лѣвому берегу Двины обиталъ другой литовскій народъ—жемгала, извѣстный впослѣдствіи подъ названіемъ семигалловъ. Полуостровъ между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ занятъ былъ племенемъ корсь—по русскимъ лѣтописямъ, или куроновъ — по сказаніямъ западныхъ писателей. По бассейну Нѣмана обитали два племени: жмудь—на нижнемъ его теченіи, и собственно литва—на среднемъ; этимъ двумъ племенамъ, наиболѣе многочисленнымъ, и выпало на долю основать Литовское государство. Къ западу отъ жмуди, по берегу Балтійскаго моря, простиралось 10 колѣнъ прусскаго народа. Наконецъ, къ югу отъ собственно литвы жили ятвяги.

До XIII вѣка всѣ эти племена не знали общей политической власти, жили отдѣльно, разбившись на колѣна и роды; городовъ у нихъ не было и единственной связью, кромѣ племенного происхожденія, служилъ религіозный культъ съ общими для всѣхъ литовцевъ жрецами и святилищами. Только въ началѣ XIII вѣка литовцы почувствовали необходимость сплотиться противъ общаго

врага. Этимъ врагомъ были нѣмцы, которые, подъ предлогомъ обращенія язычниковъ-литовцевъ въ христіанство, стали тѣснить ихъ съ запада. Они образовали два рыцарскихъ ордена для борьбы съ литвой; первый изъ нихъ, основанный въ 1201 г., носилъ названіе «ордена меченосцевъ» или «ливонскаго»; онъ дѣйствовалъ въ Ливоніи по восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря. Другой орденъ «нѣмецкій» или «тевтонскій», покорилъ пруссовъ на Балтійскомъ поморьѣ и оттуда началъ тѣснить литовцевъ. Въ 1237 г. оба ордена соединились для совмѣстной борьбы.

Появленіе нѣмецкихъ рыцарей грозило опасностью не однимъ литовцамъ; съ ними вскорѣ пришли въ столкновеніе и польскія, и русскія племена. Отношенія литовцевъ къ послѣднимъ были враждебны: и польскимъ и русскимъ землямъ постоянно угрожали литовскіе набѣги; уже въ половинѣ XIII вѣка появляется первое литовское княженіе, подъ главенствомъ князя Миндовга; онъ укрѣпился въ Новгородкѣ Литовскомъ и оттуда успѣшно нападалъ на русскія земли. Довести дѣло до прочнаго установленія своей власти ему однако не удалось; онъ былъ убитъ въ 1263 г. однимъ изъ подвластныхъ ему князей, Довмонтомъ. Въ дѣятельности Миндовга сказалось стремленіе Литвы расшириться на счетъ русскихъ областей, чтобы создать прочный государственный организмъ и успѣшно бороться съ постоянно грозившими Литвѣ нападеніями нѣмецкихъ рыцарей, которые оттѣсняли литовцевъ къ востоку.

II.

Даніилъ Галицкій.

Незадолго до того времени, какъ создалось первое литовское княженіе, къ югу отъ него въ Галицкой землѣ образовалось русское княжество. Въ 1229 г. въ Галичѣ утвердился князь Даніилъ Романовичъ, сынъ Волынскаго князя Романа Мстиславича, присоединившаго Галицкую землю къ своему удѣлу. Даніилу пришлось прежде всего бороться съ внутренними смутами, которыя подняли бояре; едва удалось сломить ихъ, какъ пришли татары, опустошили и Волынь, и Галичъ, и Даніилъ принужденъ былъ на время бѣжать въ Венгрію. Вернувшись, онъ занялся устроеніемъ своихъ земель, вызывалъ колонистовъ для заселенія ихъ, строилъ города и укрѣплялъ ихъ, искалъ союза съ папой и даже затѣвалъ крестовый походъ. Въ его княженіе Галицко-Волынское княжество

достигло высшей точки своего процвѣтанія; оно сдѣлалось однимъ изъ центровъ древне-русской жизни, покинувшей послѣ татарскаго нашествія берега Днѣпра. Подобно Суздальско-Владимірской землѣ, сюда стекались всѣ, кто бѣжалъ изъ запустѣвшей южной Руси. Подъ державой Даніила объединялись юго-западныя княжества; казалось, что объединеніе Руси, по крайней мѣрѣ на юго-западѣ, было обезпечено, что новый центръ русской жизни, созданный галицкими князьями, притянетъ къ себѣ всѣ силы Руси для борьбы съ татарами. Но ожиданія эти не оправдались; могущество Галицкаго княжества оказалось очень непрочно. Съ одной стороны преемники Даніила, вмѣсто того, чтобъ продолжать дѣло объединенія Руси, тратили силы въ мелкихъ распряхъ между собой изъ-за личныхъ разсчетовъ. Но кромѣ того было еще одно обстоятельство, которое повлекло за собой преждевременную гибель Галицко-Владимірской земли. Она находилась въ центрѣ трехъ государствъ, которыя, усилившись, подѣлили ее между собою: съ запада она граничила съ Венгріей, съ сѣвера — съ Польшей, а съ сѣверо-запада къ ней примыкала все возраставшая Литва. Галицкая земля оказалась русскимъ островкомъ между сильными и враждебными ей народностями; только одна — польская — была единороднаго съ ней происхожденія.

Даніилъ Романовичъ умеръ въ 1264 г.; созданное имъ и отцомъ его княжество раздѣлилось между его преемниками. Одинъ изъ его сыновей, Шварнъ, былъ женатъ на дочери Литовскаго князя Миндовга; это обстоятельство поставило Галицкую землю въ близкія отношенія къ Литвѣ. Сынъ Миндовга, Войшелгъ, завѣщалъ Литву Шварну; но тогда другой сынъ Даніила, Левъ, убилъ Войшелга, а Шварнъ въ томъ же году умеръ. Левъ однако недолго удержался въ Литвѣ; въ 1270 г. выбранъ былъ великимъ княземъ литовскій князь Тройденъ, ревностно преданный язычеству и народнымъ литовскимъ началамъ. Онъ стремился отклонить притязанія галицко-волынскихъ князей на великое княжество Литовское и успѣшно защищалъ отъ нихъ свои границы. Менѣе удачна была борьба его съ иноплеменниками; Ливонскій орденъ, несмотря на нѣсколько пораженій, нанесенныхъ ему литовцами, успѣлъ подчинить себѣ жемгалу; нѣмецкіе крестоносцы со своей стороны подавили окончательно возстанія пруссовъ, а польскіе князья, несмотря на набѣги литовцевъ на Польшу и Мазовію, овладѣли частью земли ятвяговъ. Такимъ образомъ опасность, отвращенная на время Миндовгомъ, опять стала угрожать Литвѣ. Литовцы должны были сознать, что для спасенія своей родины имъ необходимо обратиться за помощью къ Руси, которая частью уже вошла въ со-

ставъ великаго княжества Литовскаго. Эту задачу выполнилъ новый родъ литовскихъ владѣтелей, вокняжившійся въ исходѣ XIII столѣтія, въ лицѣ Витена и Гедимина.

III.

Гедиминъ.

Начало и возвышеніе Гедиминовой династіи окружено густымъ туманомъ. Перваго значительнаго князя этой династіи, Лютувера, мы знаемъ только по имени. Онъ, повидимому, соединилъ подъ своей властью часть сѣверной Литвы и Жмуди; сынъ его, Витенъ, завладѣлъ и самимъ великимъ княженіемъ Литовскимъ. Онъ отличился въ борьбѣ съ западными сосѣдями Литвы, поляками и крестоносцами. По смерти Лютувера (около 1293 г.), Витенъ удачно продолжалъ эту борьбу и дѣло объединенія литовско-русскихъ племенъ. Истиннымъ же основателемъ новаго могущества Литвы почитается Гедиминъ, приходившійся Витену или братомъ, или сыномъ.

Къ тому времени, когда началъ свое дѣло объединенія Литвы Гедиминъ, во внутреннемъ устройствѣ страны замѣчается усиленіе вліянія русской гражданственности, въ особенности въ военномъ дѣлѣ. Безпорядочныя древне-литовскія ополченія смѣняются болѣе стройными полками, князья литовскіе ужъ не полагаются на одну естественную защиту своей земли, на болота и озера, а ограждаютъ свои границы рядомъ замковъ и укрѣпленныхъ городовъ; значительную часть литовскихъ войскъ составляютъ русскіе полки, во главѣ которыхъ нерѣдко стоятъ русскіе вожди.

Такимъ образомъ, Гедиминъ нашелъ въ началѣ своей дѣятельности готовыя силы для борьбы; значительная часть этихъ силъ пополнялась изъ русскихъ областей, входившихъ въ составъ Литвы. Гедиминъ продолжалъ присоединять къ Литвѣ другія русскія земли; такъ, онъ подчинилъ себѣ княжества Минское, Туровское, Пинское. Такимъ присоединеніямъ много помогало стремленіе русскихъ областей избавиться отъ татарскаго ига, которому онѣ предпочитали сравнительно болѣе легкое литовское господство. Свое политическое искусство Гедиминъ проявилъ и въ цѣломъ рядѣ родственныхъ связей, подготовляя посредствомъ ихъ присоединеніе къ Литвѣ новыхъ русскихъ областей, или пріобрѣтая важныхъ союзниковъ; такъ сына своего Ольгерда онъ женилъ на дочери Витебскаго

князя, по смерти котораго Ольгердъ наслѣдовалъ Витебскій удѣлъ; другого сына, Любарта, женилъ на дочери послѣдняго князя волынскаго, и Волынь по смерти его досталась Любарту. Четырехъ дочерей своихъ онъ выдалъ за сына Ивана Калиты, Симеона, за тверского князя Дмитрія Михайловича, за сына польскаго короля Владислава и за князя мазовецкаго Болеслава. Особенно оказались выгодны для Литвы два послѣдніе брака; благодаря имъ, Гедиминъ пріобрѣлъ въ полякахъ союзниковъ противъ общаго врага, нѣмецкихъ крестоносцевъ. Соединенныя ополченія Литвы и Польши нанесли Тевтонскому ордену цѣлый рядъ тяжелыхъ потерь.

Въ отношеніяхъ къ Ливонскому ордену Гедиминъ воспользовался той междоусобной борьбой, которая кипѣла между этимъ орденомъ и городомъ Ригой съ его архіепископомъ. Гедиминъ сблизился съ послѣднимъ и даже вступилъ чрезъ него въ сношенія съ папой, который обѣщалъ полную вѣротерпимость по отношенію къ христіанскимъ своимъ подданнымъ; самъ же Гедиминъ до конца жизни остался язычникомъ, хотя не препятствовалъ своимъ сыновьямъ принимать христіанство, въ особенности если того требовали политическія обстоятельства. Благодаря поддержкѣ Гедимина, Рижскій архіепископъ одержалъ верхъ надъ рыцарями и принудилъ ихъ къ заключенію невыгоднаго для нихъ мира.

Ограждая себя отъ враговъ съ запада, наиболѣе опасныхъ для самостоятельности Литвы, Гедиминъ обращалъ свои заботы и на восточныя границы своего княжества. Онъ принималъ постоянное участіе въ дѣлахъ Русской земли. Сынъ его Наримунтъ посаженъ былъ имъ княжить въ Новгородѣ; подручникъ его Давидъ защищалъ Псковъ отъ ливонскихъ нѣмцевъ; Александръ Михаиловичъ тверской нашелъ у него убѣжище отъ преслѣдованій московскаго князя.

Завоевывая земли и города, Гедиминъ не ломалъ въ нихъ исконнаго строя, не навязывалъ имъ новыхъ порядковъ и этимъ располагалъ къ себѣ покоренное населеніе.

Онъ заботился также о заселеніи пустынныхъ земель и развитіи промышленности, вызывалъ колонистовъ и давалъ имъ льготы; онъ основалъ также нѣсколько замковъ для защиты Литвы и Жмуди и построилъ два большихъ города. Троки—на озерѣ Гальве, и Вильну—на берегу Виліи, праваго притока Нѣмана. Столицу Литвы онъ сначала основалъ въ Трокахъ, а затѣмъ перенесъ въ Вильну, гдѣ существовало издавна святилище литовскаго бога Перкуна. Вильна обратилась въ передовой постъ противъ нѣмецкихъ рыцарей.

Въ борьбѣ съ Тевтонскимъ орденомъ Гедиминъ былъ убитъ. Нѣмцы осадили литовскій замокъ на правомъ берегу Нѣмана. Геди-

минъ явился съ войскомъ освободить осажденныхъ, оттѣснилъ враговъ, но во время нападенія на нѣмцевъ былъ пораженъ пулей. Тѣло Гедимина было отвезено въ Вильну, гдѣ его сожгли на кострѣ.

IV.

Ольгердъ и Кейстутъ.

Будучи великимъ княземъ Литвы и Жмуди, Гедининъ въ то же время носилъ титулъ великаго князя русскаго: русскія области, принадлежащія ему, занимали пространство вдвое больше, чѣмъ земли собственно литовскія. Неожиданная смерть Гедимина поставила вопросъ, кому изъ семи сыновей его достанется званіе великаго князя и главная доля въ богатомъ наслѣдствѣ. Въ первые годы по смерти Гедимина великимъ княземъ былъ младшій сынъ его, Явнутій, получившій въ удѣлъ стольный городъ Вильну. Но старшіе братья не могли долго сносить первенство младшаго, притомъ неспособнаго къ управленію. Два самыхъ даровитыхъ сына Гедимина, Ольгердъ и Кейстутъ, соединенными силами свергли Явнутія и подѣлили между собой Литву; ни одинъ изъ остальныхъ братьевъ не осмѣлился оспаривать у нихъ первенство. Удѣлъ Кейстута, со столицею Троки, составляли Жмудь и часть Черной Руси съ городами Гродно и Берестье. Ольгердъ владѣлъ частью собственной Литвы, городомъ Крево, Витебскимъ удѣломъ и Полоцкою областью. Въ 1345 г. Ольгердъ выгналъ Явнутія изъ Вильны, и вступилъ на великокняжескій престолъ. Съ этихъ поръ судьба Литвы была связана съ именами двухъ братьевъ, Ольгерда и Кейстута въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ. И по стремленіямъ, и по характеру они рѣзко отличались другъ отъ друга; но эта противоположность не мѣшала имъ вмѣстѣ вести дѣло устроенія и возвышенія Литвы, начатое Гединиомъ.

Ольгердъ былъ искусный политикъ; онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, выбирать время для выполненія своихъ замысловъ, заключать выгодные союзы. Скрытный и предусмотрительный, онъ держалъ въ глубокой тайнѣ свои замыслы. Русская лѣтопись, не расположенная къ нему, все же признаетъ, что онъ былъ «премудръ зѣло». «Превзыде саномъ и властью паче всѣхъ», говоритъ о немъ лѣтописецъ, «и воздержаніе имяше веліе, пьянства отвращащеся, и отъ сего великъ разумъ и смыслъ пріобрѣте, и таковымъ коварствомъ многи земли и страны повоева». Былъ у Оль-

герда обычай такой, читаемъ мы въ лѣтописи: никто не зналъ, куда онъ замыслилъ идти войною и на что собиралъ воинство; сама рать его не вѣдала, куда она шла; такою хитростью завоевывалъ онъ многія земли, воюя не столько силою, сколько мудростью.

По примѣру отца Ольгердъ обращалъ большое вниманіе на интересы русскаго населенія въ своемъ княжествѣ. Большую часть жизни онъ провелъ въ русскихъ областяхъ Литвы. Женатъ онъ былъ дважды, и оба раза на русскихъ княжнахъ. Жены и дѣти его были православными; самъ онъ также крестился, но повидимому не рѣшался гласно исповѣдовать свою вѣру, изъ опасенія передъ сильной еще тогда въ Литвѣ языческой партіей. Предоставивъ Кейстуту защиту Литвы съ запада отъ крестоносцевъ, онъ стремился собрать подъ своею властью возможно больше русскихъ земель, нападалъ на Псковъ, Новгородъ и Смоленскъ, велъ борьбу съ великими князьями московскими, поддерживалъ противъ нихъ князей тверскихъ, пріобрѣлъ Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Кіевъ, Подолію, вступилъ изъ-за этихъ областей во вражду съ татарами, съ Ордою и началъ многолѣтній споръ съ Польшей за обладаніе Волынью. Онъ увеличилъ вдвое количество русскихъ земель, принадлежавшихъ Литвѣ.

Во внутреннемъ строѣ онъ держался того-же очереднаго порядка владѣнія княжескими столами, который существовалъ и въ Кіевской Руси.

Насколько Ольгердъ былъ чуждъ коренной литвѣ и жмуди, настолько Кейстутъ былъ неразрывно съ ними связанъ. Всю жизнь провелъ онъ на рубежѣ Литвы, отстаивая ея независимость противъ нѣмцевъ. Въ борьбѣ съ ними рыцари истощали лучшія свои силы. До конца жизни Кейстутъ оставался вѣренъ язычеству; жена его, Барута, была по преданію жрицей въ Полангенѣ на берегу Балтійскаго моря; Кейстутъ силою увезъ ее въ Троки и женился на ней. Но, оставаясь язычникомъ, онъ усвоилъ себѣ многія привычки и понятія западнаго рыцарства. Нѣмецкія хроники превозносятъ его нравственныя качества.

Ольгердъ и Кейстутъ подѣлили между собой заботы о возвышеніи родной земли. Первый занимался устройствомъ восточныхъ русскихъ областей своего княжества; второй ограждалъ это княжество съ запада, отъ нашествія нѣмцевъ. Ольгердъ положилъ прочное основаніе господству своего дома въ Литвѣ; Кейстутъ былъ, по выраженію одного писателя, мечемъ Ольгерда. Насколько важна была для спокойствія Литвы дѣятельность Кейстута, видно изъ того, что въ теченіе 37 лѣтъ тевтонскіе рыцари 66 разъ нападали на литовскіе предѣлы, а ливонскіе рыцари 36 разъ; литовцы же со своей стороны 36 разъ вторгались въ Пруссію и

11 разъ—въ Ливонію. Отсюда ясно, въ какомъ напряженіи должна была находиться литовская пограничная военная сила. Набѣги крестоносцевъ, или «рейды», какъ ихъ называютъ западныя хроники, совершались иногда по нѣсколько разъ въ годъ; они сопровождались безпощадными насиліями и грабежами. Всю тяжесть этой борьбы вынесло на своихъ плечахъ исключительно населеніе литовскихъ областей великаго княжества, т. е. Жмуди и коренной Литвы. Героемъ этой борьбы и руководителемъ ея въ теченіе почти полустолѣтія былъ Кейстутъ. Не допуская крестоносцевъ утвердиться въ своей странѣ, литовцы тѣмъ самымъ сохранили свою самостоятельность и дали возможность Литвѣ вырости въ значительное государство. Этой борьбой и воспользовался Ольгердъ для устроенія великаго княжества.

V.

Ягайло и Ядвига. Унія Литвы и Польши.

Ольгердъ умеръ въ 1378 г., оставивъ 12 сыновей. Онъ распредѣлилъ между ними свои волости, причемъ одному изъ нихъ, Ягайлѣ, оставилъ столъ Виленскій. Сначала братья жили мирно между собой, а Кейстутъ не заявилъ своихъ притязаній на великое княженіе, которое принадлежало ему по праву старшаго родича. Но скоро старшій сынъ Ольгедра отъ первой жены, Андрей Полоцкій, предъявилъ свои права; не имѣя однако силъ бороться съ Ягайломъ, онъ уѣхалъ въ Москву. Первые годы своего княженія Ягайло оставался бездѣятельнымъ; онъ даже не выступалъ на помощь своему дядѣ Кейстуту, когда послѣдняго стали особенно тѣснить нѣмцы, а предпочелъ заключить съ ними договоръ. Съ этихъ поръ между дядей и племянникомъ начались несогласія. Ягайло съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на вмѣшательство Кейстута во внутреннее управленіе великимъ княжествомъ; Кейстутъ же съ своей стороны горячо осуждалъ слабую политику Ягайлы по отношенію къ ордену. Разрывъ между обоими не замедлилъ обнаружиться; видимою причиною неудовольствія Кейстута было пристрастіе Ягайла къ Войдыллѣ, бывшему холопу Ольгерда, за котораго Ягайло хотѣлъ выдать свою сестру. Но настоящая причина была глубже. Въ 1380 г. Ягайло заключилъ тайный договоръ съ Ливонскимъ орденомъ, вступилъ съ нимъ въ союзъ и взялъ на себя обязательство не вмѣшиваться въ борьбу ордена съ Кейсту-

томъ. Послѣ того орденъ предпринялъ рядъ нападеній на владѣнія Кейстута, который напрасно ждалъ помощи отъ племянника. Сношенія Ягайла съ орденомъ обнаружились, и Кейстутъ, защищая самого себя и оскорбленный стремленіемъ Ягайла разрушить язычество и старый порядокъ, двинулся на Вильну, захватилъ Ягайла и свергъ его, но вскорѣ отпустилъ на волю и даже далъ ему удѣлъ. Великодушіе это однако не пошло на пользу Кейстуту: Ягайло, воспользовавшись походомъ дяди своего на Новгородъ-Сѣверскъ, захватилъ снова Вильну, между тѣмъ какъ рыцари со своей стороны напали на владѣнія Кейстута. Послѣдній выступилъ противъ племянника къ Трокамъ, но Ягайло предложилъ кончить дѣло миромъ. Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ отправился въ его лагерь, но тутъ былъ измѣннически схваченъ, посаженъ въ замокъ Крево и удавленъ приближенными Ягайла. Такъ отплатилъ Ягайло за кроткое обращеніе съ нимъ Кейстута. Сынъ Кейстута, Витовтъ, успѣлъ бѣжать изъ заключенія къ Тевтонскимъ рыцарямъ и съ ними двинулся на Литву. Однако столкновенія между двоюродными братьями не произошло; Ягайло употребилъ всѣ средства, чтобъ примириться съ Витовтомъ, и ему, дѣйствительно, удалось заключить съ нимъ договоръ, по которому онъ уступалъ ему Гродно и Троки. Причиной такой быстрой перемѣны въ отношеніяхъ двухъ враждующихъ родственниковъ явились честолюбивые планы Ягайла по отношенію къ Польшѣ.

До 1370 года въ Польшѣ правила династія Пястовъ. Вся исторія Польши за время управленія Пястовъ представляетъ собою то подчиненіе нѣмецкому вліянію, то борьбу съ нимъ. Расположенная на границѣ между міромъ германскимъ и міромъ славянскимъ, Польша естественно сдѣлалась мѣстомъ враждебной встрѣчи двухъ народностей. Нѣмецкое вліяніе въ Польшѣ сказалось во многихъ чертахъ ея строя; нѣмецкое право, нѣмецкій языкъ, нѣмецкіе обычаи преобладали въ Польшѣ въ XIII вѣкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако Польшѣ приходилось бороться съ натискомъ тѣхъ же нѣмцевъ, отъ которыхъ она такъ много заимствовала: короли Польскіе вели безпрерывную борьбу съ рыцарями за обладаніе Поморьемъ. Вслѣдствіе постоянно угрожавшей со стороны ордена опасности, поляки старались всегда сохранить добрыя отношенія съ сосѣдней Литвой.

Въ 1333 г. вступилъ на польскій престолъ Казиміръ Великій. Онъ стремился къ мирнымъ отношеніямъ съ сосѣдями, къ внутреннимъ преобразованіямъ и улучшеніямъ, старался доставить Польшѣ выгодное положеніе среди другихъ государствъ; но онъ не оставилъ послѣ себя мужского потомства, и съ нимъ прекратилась династія Пястовъ. Престолъ наслѣдовалъ сынъ сестры его,

Людовикъ Венгерскій, а по смерти послѣдняго его дочь—Ядвига. Престолъ достался Ядвигѣ не безъ борьбы; мужъ старшей сестры ея, Маріи, Сигизмундъ, маркграфъ Бранденбургскій, заявилъ свои притязанія на корону. Но поляки не хотѣли видѣть у себя на престолѣ нѣмца и согласились принять Ядвигу. Однако вопросъ о престолонаслѣдіи не былъ еще рѣшенъ: нужно было избрать мужа молодой королевѣ. Ядвига въ дѣтствѣ была уже, по обычаю того времени, обручена съ Вильгельмомъ, сыномъ Австрійскаго герцога; но такой мужъ, какъ нѣмецъ, былъ также не желателенъ. Руки Ядвиги добивались кромѣ того Земовитъ, князь Мазовецкій, и Владиславъ Опольскій, оба родственники угасшей династіи Пястовъ. Однако, всѣмъ этимъ кандидатамъ былъ предпочтенъ Ягайло, великій князь литовскій. Полякамъ нуженъ былъ король, который могъ бы успѣшно преслѣдовать главную цѣль польской политики—борьбу съ орденомъ и отвоеваніе у него Балтійскаго поморья. Ягайло казался очень подходящимъ для такой цѣли: онъ владѣлъ одинъ всею Литвой и былъ во враждѣ съ орденомъ. Польскіе паны кромѣ того были увѣрены, что недальновидный, необразованный литвинъ Ягайло, обязанный имъ избраніемъ, расширитъ ихъ права и позволитъ имъ воспользоваться обширными его владѣніями въ юго-западной Руси. Наконецъ, за Ягайла стояло и высшее польское духовенство, которое надѣялось обращеніемъ его въ католичество обратить въ эту вѣру и все населеніе Литвы.

Надеждой на занятіе польскаго престола и объясняется желаніе Ягайла примириться скорѣе съ Витовтомъ: лучше было уступить часть Литвы, чѣмъ подвергать опустошенію всю Литву во время пребыванія въ Польшѣ. Получивъ желаемую часть литовской земли, Витовтъ изъ опаснаго врага долженъ былъ стать союзникомъ и защитникомъ Литвы противъ ордена. Уладивъ дѣло съ двоюроднымъ братомъ, Ягайло въ 1385 г. отправилъ посольство свататься за Ядвигу. Послы обѣщали, что Ягайло приметъ католичество, употребитъ всѣ богатства свои на пользу одинаково обоихъ государствъ—Литвы и Польши, выплатитъ 200 тысячъ флориновъ, возвратитъ земли, отнятыя у Польши, и плѣнныхъ поляковъ, и, наконецъ, присоединитъ литовскія и русскія земли навсегда къ польской коронѣ. Самъ Ягайло прибылъ въ Краковъ 12 Февраля 1386 года, былъ крещенъ и обвѣнчанъ съ Ядвигой, а 4 Марта коронованъ королемъ польскимъ. Управленіе Литвой онъ поручилъ своимъ братьямъ и Витовту.

Честолюбіе Ягайла было удовлетворено; но кромѣ того, корона польская имѣла для него то значеніе, что теперь орденъ становится безполезнымъ, ибо язычниковъ болѣе не будетъ. Дѣйствительно, годъ спустя послѣ брака съ Ядвигой, Ягайло выѣхалъ

въ Литву, чтобъ приступить къ крещенію ея по обряду римской церкви. Русскіе подданные Ягайла оставлены были при своей вѣрѣ, только литовцы, исповѣдовавшіе православіе, должны были принять католичество, но и то не всѣ, а лишь тѣ, которые жили въ удѣлахъ самого Ягайла и брата его Скригайла. Литовскому боярству дарованы были, за переходъ въ католичество, особыя права, приравнивавшія его къ польской шляхтѣ, а простому народу раздавали бѣлыя суконныя одежды, чѣмъ привлекали его къ крещенію; лѣтописцы говорятъ, что многіе крестились для того, чтобы получить такую хорошую одежду. Вообще католицизмъ не встрѣтилъ сопротивленія со стороны литовцевъ-язычниковъ; но православные литовцы не такъ охотно исполняли приказаніе Ягайла: до насъ дошло извѣстіе о двухъ знатныхъ литовцахъ, исповѣдовавшихъ православіе и предпочитавшихъ мученическую смерть переходу въ латинскую вѣру.

Бракъ Ядвиги съ Ягайломъ явился такимъ образомъ причиною важнаго перелома въ жизни литовскаго народа. Введеніе въ Литву католицизма положило навѣки отпечатокъ на ея внутренній бытъ, отдалило ее отъ Руси, къ которой она тяготѣла при Гедиминѣ и Ольгердѣ, и поставило въ тѣсную связь съ ея западной сосѣдкой, Польшей. Латинство получило въ Литовскомъ княжествѣ сразу большую силу. Полякамъ чрезъ то открывался доступъ къ вліянію на дѣла литовскія. Въ Литву стали вводиться польскіе суды, польское, т. е. нѣмецкое, городское устройство, литовскіе бояре получили одинаковыя права съ польскими шляхтичами. Но всѣ эти нововведнія и льготы касались только тѣхъ, кто принялъ католицизмъ; отсюда родилось недовольство со стороны тѣхъ, кто остался вѣренъ православію, и создалось въ самой Литвѣ то раздвоеніе, которое повлекло за собой ея полное подчиненіе польскому вліянію. Во главѣ недовольныхъ сталъ Витовтъ.

VI.

Витовтъ.

Витовтъ, послѣ брака Ягайла, надѣялся стать великимъ княземъ литовскимъ, но обманулся въ своей надеждѣ; великимъ княземъ былъ сдѣланъ Скригайло, братъ Ягайла. Витовтъ заключилъ союзъ съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ и съ крестоносцами, но не смогъ овладѣть Вильной. Между тѣмъ

Ягайло самъ предложилъ ему, видя грозившую съ его стороны опасность, занять великокняжескій престолъ. Витовтъ достигъ своей цѣли; съ этихъ поръ онъ постепенно сталъ освобождаться отъ подчиненія Ягайлу; онъ сознавалъ необходимость создать изъ Литвы великое государство; къ этой цѣли направлены были всѣ его дѣйствія. Но, мѣняя не разъ религію, онъ не могъ опереться съ достаточной увѣренностью на православное населеніе въ своемъ княжествѣ. Раздвоеніе, внесенное въ жизнь Литвы союзомъ съ Польшей, отразилось на всей его дѣятельности.

Уступивъ Жмудь крестоносцамъ, Витовтъ обратилъ свои силы противъ русскихъ земель, взялъ Смоленскъ, опустошилъ Псковскую землю, столкнулся съ Москвой, хотя дѣло не дошло до открытаго боя, вознамѣрился вмѣшаться въ дѣла Золотой Орды, но потерпѣлъ отъ татаръ сильное пораженіе. Во все это время отношенія его къ Польшѣ и къ слабому безхарактерному Ягайлу были колеблющіяся: правя совершенно самостоятельно въ Литвѣ, онъ то сближался съ Польшей, когда этого требовали обстоятельства, то отдалялся отъ нея. Только въ одномъ вопросѣ онъ сошелся вполнѣ съ Ягайломъ—въ стремленіи оградить себя отъ постояннаго врага Литвы и Польши, отъ нѣмецкихъ рыцарей. Уступленная ордену Жмудь изнемогала подъ тяжестью нѣмецкаго ига. Она возстала противъ поработителей, Витовтъ поддержалъ возстаніе и соединившись съ Ягайломъ, разбилъ рыцарей въ знаменитой битвѣ при Грюнвальденѣ (въ 1410 г.). Ордену нанесенъ былъ ударъ, отъ котораго онъ болѣе не вставалъ. Жмудь была возвращена Литвѣ.

Вслѣдъ за этой побѣдой, на Городельскомъ сеймѣ 1413-го г. была снова скрѣплена торжественнымъ актомъ унія (т. е. союзъ) Литвы и Польши. По этому акту оба государства соединяются въ одно тѣло, въ одинъ народъ; въ случаѣ смерти Витовта Литва признаетъ государемъ Ягайла и его дѣтей; въ случаѣ смерти Ягайла поляки выбираютъ королемъ Витовта; въ Литвѣ вводятся должности, подобныя польскимъ, учреждаются сеймы, дворянство литовское приписывается къ польскимъ гербамъ и получаетъ ихъ права; всѣ эти права доступны только католикамъ, а не еретикамъ и другимъ невѣрнымъ. Городельскій актъ довершилъ раздѣленіе между Литвой и Русью, начало которому было положено первымъ крещеніемъ Литвы. Литвины-латыняне поставлены въ положеніе господъ, русскіе православные—въ положеніе рабовъ.

Заключая унію съ Польшей, Витовтъ не оставлялъ однако мысли о полной самостоятельности Литвы. Онъ видѣлъ въ уніи только средство возвышенія Литвы до уровня польской образованности, надѣясь, что со временемъ Литва сама освободится изъ-подъ вліянія Польши. Но, посѣявъ расколъ между католиками и пра-

вославными въ своемъ княжествѣ, Витовтъ тѣмъ самымъ ослабилъ литовскую силу и преградилъ Литвѣ путь къ достиженію независимости. Въ этомъ заключалась роковая ошибка его. отразившаяся на всей послѣдующей судьбѣ Литвы. Католическая Литва не порывала связи съ Польшей, тогда какъ православное населеніе ея тяготѣло къ Московскому государству. Въ этихъ противорѣчивыхъ стремленіяхъ прошла исторія Литвы со времени ея уніи съ Польшей.

Великое княжество Литовское росло одновременно съ Московскимъ государствомъ. Главнымъ условіемъ ихъ развитія была внѣшняя опасность: восточная Русь сплотилась вокругъ Москвы противъ татаръ; борьба съ рыцарями привела къ объединенію западнорусскихъ областей Литвою. Но Московское государство создавалось на основѣ единаго народа; въ племенномъ составѣ Литвы была двойственность; Ольгердъ и Кейстутъ стремились къ уничтоженію этой двойственности. Ягайло и Витовтъ пошли инымъ путемъ: связавъ судьбу Литвы съ судьбою Польши, они расчитывали соединенными силами обоихъ государствъ избавиться отъ рыцарей, и достигли этого, но цѣною полнаго раздвоенія самой Литвы, причемъ племенная двойственность осложнилась различіемъ вѣроисповѣданій. Въ этомъ раздвоеніи заключалась основная причина полнаго подчиненія Литвы Польшѣ въ XVI вѣкѣ.

МОСКВА И ТВЕРЬ.

(По соч. *С. М. Соловьева.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. III, изд. 5-е. М., 1880; *К. Бестужева-Рюмина* «Русская исторія», т. I, Спб., 1872).

Въ борьбѣ Москвы съ Тверью ясно различаются три главныхъ періода: въ началѣ борьбы оба противника, князья Юрій Даниловичъ и Михаилъ Ярославичъ, дѣйствуютъ съ равными силами, и Тверь нерѣдко одолѣваетъ Москву; при Иванѣ Калитѣ роли мѣняются и — Москва пріобрѣтаетъ рѣшительное превосходство надъ Тверью; наконецъ, при Дмитріи Донскомъ Тверь въ послѣдній разъ пытается поколебать первенство Москвы; попытка эта кончается неудачей и Тверь нисходитъ на степень простого удѣльнаго княжества. Такое положеніе продолжаетъ она занимать въ теченіе ста лѣтъ, пока объединительная политика Ивана III не сокрушаетъ послѣдніе остатки тверской самостоятельности.

I.

Юрій Даниловичъ московскій и Михаилъ Ярославичъ тверской.

По смерти великаго князя Андрея Александровича старшинство между сѣверно-русскими князьями принадлежало Михаилу Ярославичу тверскому; онъ былъ внукомъ, а Юрій Даниловичъ московскій только правнукомъ Ярослава Всеволодовича.

Но Юрій считалъ себя уже достаточно сильнымъ, чтобъ соперничать съ Михаиломъ. Когда Михаилъ отправился въ Орду за ярлыкомъ, то и Юрій, несмотря на уговоры митрополита Максима, поѣхалъ туда же. Его отсутствіемъ хотѣли воспользоваться тверичи и осадили Переяславль. Князь Иванъ Даниловичъ московскій переѣхалъ туда изъ Москвы оборонять отцовское наслѣдіе. Тверичи три дня держали Ивана въ осадѣ, но на четвертый день изъ Москвы подоспѣла помощь, и тверскія войска были разбиты.

Между тѣмъ въ Ордѣ рѣшался споръ между князьями иначе: татарскіе ханы отдавали ярлыкъ тому изъ князей, кто дастъ больше дани. Михаилъ оказался щедрѣе Юрія или богаче его, и получилъ ярлыкъ. Одержавъ верхъ надъ московскимъ княземъ, онъ задумалъ и волость его присоединить къ ней; два раза ходилъ Михаилъ на Москву, но цѣли не достигъ. Юрій сталъ исподоволь готовиться къ борьбѣ со своимъ злѣйшимъ противникомъ, собирая вокругъ себя земли и людей, накопляя средства. Заботы его не пропали даромъ; когда Москва снова столкнулась съ Тверью въ Золотой Ордѣ, перевѣсъ оказался на сторонѣ первой. Московскій князь понималъ, что Тверь—главное препятствіе на пути возвышенія его княжества. Тверскіе князья были сильны и богаты, они не терпѣли соперниковъ, дѣйствовали всегда прямо и беззастѣнчиво. Нужно было противопоставить имъ такую же силу и богатство, бороться съ ними хитростью, пока не настанетъ время одолѣть ихъ въ открытой борьбѣ, на жестокости ихъ отвѣчать тѣмъ же.

Въ 1313 г. Михаилъ поѣхалъ въ Орду взять ярлыкъ у новаго хана Узбека. Новгородцы рѣшили воспользоваться его отсутствіемъ и съ помощью московскаго князя избавиться отъ притѣсненій Михаила. Они послали въ Москву звать къ себѣ князя Юрія. Юрій отправилъ къ нимъ сначала князя Ѳедора Ржевскаго, а потомъ поѣхалъ и самъ, но скоро былъ отозванъ ханомъ въ Орду. Въ Ордѣ онъ сумѣлъ оправдаться въ обвиненіяхъ Михаила, сблизился съ семьей хана, женившись на его сестрѣ, и вернулся съ сильными послами татарскими, изъ которыхъ главнымъ былъ Кавгадый. Предстояло вступить въ борьбу съ Михаиломъ, который собралъ большое войско и вышелъ къ Костромѣ навстрѣчу Юрію. До открытаго боя дѣло не дошло, и соперники заключили между собою договоръ. Но дѣло этимъ не кончилось; Михаилъ, возвратясь въ Тверь, сталъ укрѣплять городъ, а Юрій въ Костромѣ продолжалъ набирать отовсюду войска, съ которыми и вступилъ въ Тверскую область. Въ 40 верстахъ отъ Твери произошелъ сильный бой, Михаилъ остался побѣдителемъ. Юрій съ небольшой дружиной успѣлъ бѣжать въ Новгородъ, но жена его, сестра хана, братъ Борисъ, многіе князья и бояре остались плѣнными въ рукахъ побѣдителя. Жена Юрія вскорѣ умерла въ Твери, и Михаила обвинили въ томъ, что онъ ее отравилъ. Кавгадый, видя торжество Тверского князя, послалъ къ Михаилу съ мирными предложеніями и самъ поѣхалъ къ нему въ Тверь.

Между тѣмъ Юрій явился опять у Волги и съ нимъ весь Новгородъ и Псковъ. Тверской князь вышелъ къ нему навстрѣчу, но на этотъ разъ битвы не было; по взаимному уговору, оба соперника обязались идти въ Орду и тамъ рѣшить свои споры. Кав-

гадый успѣлъ въ это время оклеветать Михаила передъ ханомъ, который велѣлъ схватить сына Михаилова, Константина, и хотѣлъ уморить его голодомъ, но раздумалъ, боясь, что послѣ этого Михаилъ не явится вовсе въ Орду. Въ августѣ 1318 г. тверской князь собрался въ путь. Бояре и сыновья отговаривали его отъ этой поѣздки и убѣждали повременить, пока гнѣвъ хана не пройдетъ. Но Михаилъ, понимая, что своимъ отказомъ ѣхать въ Орду онъ навлечетъ гнѣвъ хана на всю свою вотчину, рѣшился пожертвовать собой. Раздѣливъ вотчину между сыновьями, онъ отправился въ Орду, засталъ хана на устьѣ Дона, по обычаю отнесъ подарки всѣмъ князьямъ, женамъ ханскимъ, самому хану, и полтора мѣсяца прожилъ спокойно. Наконецъ, Узбекъ вспомнилъ о немъ и велѣлъ своимъ князьямъ разсудить его съ московскимъ княземъ. Начался судъ; два раза приводили Михаила въ собраніе вельможъ ордынскихъ, гдѣ читали ему обвинительныя грамоты. Обвиняли его въ томъ, что онъ былъ гордъ и непокорливъ хану, позорилъ посла его Кавгадыя, бился съ нимъ и татаръ его побилъ, дани ханскія бралъ себѣ и отравилъ жену князя Юрія. Михаилъ защищался; но судьи явно стояли на сторонѣ Юрія и Кавгадыя. Во второй разъ Михаила привели въ судъ уже связаннымъ; потомъ отобрали у него платье, прогнали бояръ, слугъ и духовника, наложили на его шею тяжелую колоду и повели за ханомъ. На ночь его руки забивали въ колодки, и такъ какъ онъ постоянно читалъ псалтырь, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листы. Приближенные Михаила предлагали ему бѣжать, но онъ отказался. Михаилъ чувствовалъ, что участь его рѣшена. Однажды онъ велѣлъ отпѣть заутреню, часы, прочелъ со слезами правило причащенія и исповѣдался. Призвавъ сына своего Константина, онъ объявилъ ему свою послѣднюю волю и велѣлъ подать себѣ псалтырь. Въ то время какъ онъ читалъ псалтырь, въ вежу вбѣжалъ отрокъ съ вѣстью, что Кавгадый и князь Юрій со множествомъ народа приближаются къ ихъ вежѣ. Михаилъ, зная, что они идутъ его убить, послалъ сына своего Константина къ ханшѣ. Юрій и Кавгадый отрядили къ Михаилу въ вежу убійцъ, а сами сошли съ лошадей на торгу. Убійцы ворвались въ вежу, разогнали всѣхъ людей, схватили Михаила за колоду и ударили его объ стѣну, такъ что вежа проломилась, потомъ повалили на землю и били пятами нещадно. Наконецъ одинъ изъ убійцъ выхватилъ большой ножъ, ударилъ имъ Михаила въ ребро и вырѣзалъ сердце. Вежу разграбили и тѣло мученика бросили нагое. Юрій велѣлъ прикрыть его, положить на доску и перевезти на телѣгѣ въ городъ Маджары. Здѣсь купцы, знавшіе покойника, хотѣли закрыть тѣло его дорогими тканями и поставить въ церкви, но бояре москов-

скіе этому воспротивились и съ бранью поставили его въ хлѣву за сторожами. Изъ Маджаръ тѣло перевезли въ Москву и похоронили въ Спасскомъ монастырѣ. Расправившись со своимъ соперникомъ, Юрій возвратился въ Москву и привелъ съ собою изъ Орды молодого князя тверского Константина и бояръ его плѣнниками. Мать и братья Константина, узнавъ о кончинѣ Михаила и погребеніи его въ Москвѣ, прислали просить Юрія отпустить тѣло въ Тверь: Юрій исполнилъ ихъ просьбу не прежде, чѣмъ сынъ Михаила, Александръ, явился къ нему во Владиміръ и заключилъ миръ на условіяхъ, предписанныхъ московскимъ княземъ.

Такъ закончился первый актъ борьбы между Москвою и Тверью. Убійство Михаила Ярославича было первымъ кровавымъ событіемъ въ этой борьбѣ; оно показало, до какого ожесточенія дошли обѣ стороны въ своемъ соперничествѣ за преобладаніе надъ сѣверной Русью. Къ несчастью, это убійство не было послѣднимъ въ борьбѣ между Москвой и Тверью; оно положило начало цѣлому ряду такихъ же страшныхъ преступленіи, въ которыхъ проявился въ полной мѣрѣ духъ жестокаго своекорыстія, свойственный политикѣ московскихъ князей.

Въ 1321 г. Юрій снова собрался на тверскихъ князей, но войны не было. Тверской князь Дмитрій Михайловичъ, по прозванію Грозныя Очи, отправилъ къ Юрію въ Переяславль пословъ и заключилъ миръ, по которому заплатилъ московскому князю 2000 рублей серебра и обязался не искать великаго княженія. Двѣ тысячи рублей были взяты для хана, но Юрій не пошелъ съ ними на встрѣчу татарскому послу, а отправился въ Новгородъ. Этимъ воспользовался Дмитрій тверской, поѣхалъ въ Орду и выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе. Когда Юрій узналъ объ этомъ, то снова собрался въ Орду, но по дорогѣ былъ захваченъ братомъ Дмитріевымъ, Александромъ, казна его была отнята, и самъ онъ едва спасся. Будучи позванъ посломъ ханскимъ въ 1324 г., Юрій отправился въ Орду. Дмитрій тверской не хотѣлъ отпускать соперника одного въ Орду, поспѣшилъ туда самъ и, понадѣявшись на благоволеніе хана, убилъ Юрія. Узбекъ сильно разсердился на такое самоуправство, велѣлъ убить Дмитрія, а великое княженіе отдалъ его брату Александру. Въ третій разъ первенство перешло къ тверскому князю, но не надолго.

II.

Иванъ Калита и Александръ Михаиловичъ тверской.

Юрію наслѣдовалъ братъ его Иванъ Даниловичъ Калита. Борьба съ Тверью досталась ему также по наслѣдству отъ старшаго брата; ему предстояло рѣшить самый важный для него вопросъ—кому будетъ принадлежать первенство среди русскихъ князей. Одно событіе помогло Калитѣ завоевать себѣ это первенство, благодаря оплошности врага. Въ 1327 г. пріѣхалъ въ Тверь ханскій посолъ Шевкалъ (Чол-ханъ), или Щелканъ, какъ его называютъ наши лѣтописцы. Въ народѣ разнесся слухъ, что Шевкалъ хочетъ самъ княжить въ Твери, князей татарскихъ посадить по другимъ русскимъ городамъ, а христіанъ привести въ татарскую вѣру. Говорили, что татары хотятъ исполнить свой замыселъ въ Успеньевъ день, пользуясь большимъ стеченіемъ народа по случаю праздника; князь Александръ Михаиловичъ съ тверичами задумали предупредить ихъ намѣреніе, и рано утромъ, на солнечномъ восходѣ, напали на татаръ, бились цѣлый день и къ вечеру одолѣли ихъ. Шевкалъ бросился въ старый домъ князя Михаила, но Александръ велѣлъ зажечь отцовскій дворъ и татары погибли въ пламени. Узбекъ сильно разгнѣвался, узнавъ объ участи Шевкала и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, послалъ за московскимъ княземъ; по другимъ извѣстіямъ, Калита самъ поѣхалъ въ Орду, тотчасъ послѣ тверскихъ происшествій, и возвратился оттуда съ 50,000 татарскаго войска. Присоединивъ къ себѣ еще князя Суздальскаго, Калита по ханскому приказу вступилъ въ Тверскую область; татары пожгли города и села, множество людей увели въ плѣнъ и опустошили все княжество Тверское. Александръ, услыхавъ о приближеніи татаръ, намѣревался бѣжать въ Новгородъ, но новгородцы не захотѣли подвергать себя опасности и приняли намѣстниковъ Калиты, тогда Александръ бѣжалъ во Псковъ.

Въ слѣдующемъ 1328 г. Узбекъ отдалъ великое княженіе Калитѣ за успѣшное исполненіе имъ его порученія, а Константину Михаиловичу, брату Александра, далъ Тверь съ приказомъ искать князя Александра. Во Псковъ были отправлены послы отъ князей московскаго, тверского, суздальскаго и отъ новгородцевъ уговаривать Александра ѣхать въ Орду къ Узбеку. Александръ хотѣлъ ѣхать, но псковитяне, которымъ онъ добротою и любовью пришелся по сердцу, не пустили его, обѣщаясь за него умереть. Тогда Калита придумалъ другое средство: онъ уговорилъ митрополита Ѳеогноста проклясть и отлучить отъ церкви Александра и весь Псковъ, если они не исполнятъ требованія князей. Средство

подѣйствовало; Александръ, не желая навлекать проклятія на псковичей, рѣшился бѣжать въ Литву. Услыхавъ объ его бѣгствѣ, Калита заключилъ съ псковичами вѣчный миръ. Черезъ полтора года Александръ снова возвратился во Псковъ, жители котораго приняли его съ честію и посадили у себя на княженіе. Десять лѣтъ спокойно прокняжилъ здѣсь Александръ, но тосковалъ по своей родной Твери. Въ 1336 г. онъ послалъ въ Орду сына своего Ѳедора попытаться, нельзя ли какъ-нибудь умилостивить хана, и, узнавъ, что есть надежда на успѣхъ, самъ отправился къ Узбеку съ повинной. Узбекъ позволилъ ему снова занять Тверской столъ, и князь Константинъ Михайловичъ волей или неволей уступилъ княжество старшему брату. Казалось бы, что тверскому князю можно было надѣяться спокойно дожить свой вѣкъ въ родномъ городѣ. Но рядомъ съ Тверью находилась Москва, которая не могла примириться съ такимъ благопріятнымъ для Александра исходомъ дѣла и продолжала видѣть въ немъ самаго опаснаго своего соперника. Возвращеніе Александра въ Тверь послужило знакомъ къ возобновленію борьбы. Споръ могъ окончиться только гибелью одного изъ противниковъ, и Калита рѣшился предупредить врага. Въ 1339 г. онъ отправился въ Орду, и вслѣдъ за этимъ Александръ получилъ приказъ явиться туда же. Александръ зналъ, что его оклеветали передъ ханомъ и потому отправилъ передъ собою сына Ѳедора. По новому зову изъ Орды онъ поѣхалъ самъ, но не долго пришлось ему тамъ ждать развязки: по приказу Узбека онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ сыномъ. Тверской столъ перешелъ снова къ брату его Константину, который называется собирателемъ и возстановителемъ Тверской волости послѣ татарскаго опустошенія. По смерти Александра Тверь не избѣжала насилій московскихъ; Калита велѣлъ снять съ собора св. Спаса колоколъ и привезти въ Москву.

По смерти Калиты всѣ русскіе князья отправились въ Орду, но соперничество ихъ съ богатымъ и сильнымъ московскимъ княземъ было невозможно, и ханъ объявилъ старшаго сына Калиты, Семена, великимъ княземъ Владимірскимъ. Благодаря усиленію Москвы, это былъ теперь не одинъ только титулъ, а выраженіе дѣйствительной власти; князья перестали быть родичами, равноправными и стали подручниками великаго князя. «Всѣ князья русскіе даны были подъ руки Семена», говоритъ лѣтопись. Семенъ далъ имъ почувствовать эту перемѣну, за что получилъ отъ нихъ прозваніе Гордаго. Онъ не разъ напоминалъ имъ, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья безпрекословно повиновались старшему, и что только такимъ образомъ они могутъ освободиться отъ татарскаго ига. Въ числѣ прочихъ князей и твер-

скіе не думали болѣе о борьбѣ: преемникъ Константина Михайловича, князь Всеволодъ Александровичъ, отказался отъ мести за отца и въ 1346 г. отдалъ за Семена московскаго свою сестру Марію, а три года спустя Михаилъ, сынъ князя тверского, Василія Михайловича, женился на Семеновой дочери. Семенъ княжилъ недолго и оставилъ все своему брату Ивану. Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что два удѣла Московскаго княжества соединились теперь въ одинъ и такимъ образомъ сила великаго князя Ивана Ивановича увеличивалась вдвое.

Между тѣмъ въ Твери наступили усобицы въ самомъ княжескомъ семействѣ. Князь Василій Михайловичъ Кашинскій, дядя Всеволода Александровича, остался недоволенъ тѣмъ, что не онъ получилъ великое княженіе Тверское и поспѣшилъ въ Орду, взявъ предварительно дань съ Холмской волости своего племянника. Узнавъ о поступкѣ дяди, Всеволодъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу и ограбилъ его. Василій былъ принужденъ снова возвратиться въ свою вотчину. Въ 1349 г. епископу Ѳедору удалось помирить великихъ князей: Всеволодъ уступилъ Тверь дядѣ, и оба поклялись жить въ совѣтѣ и единствѣ. Но миръ продолжался недолго. Въ 1357 г., когда митрополитъ Алексій пріѣхалъ во Владиміръ, къ нему явился князь Всеволодъ Александровичъ съ жалобой на дядю, выхлопотавшаго себѣ въ Ордѣ ярлыкъ. Василій Михайловичъ, заключивъ договоръ съ великимъ княземъ московскимъ, также пріѣхалъ во Владиміръ судиться съ племянникомъ, съ нимъ вмѣстѣ прибылъ владыка тверской Ѳедоръ. Московскій князь былъ на сторонѣ дяди Василія, и когда Всеволодъ захотѣлъ пробраться въ Орду черезъ Переяславль, то намѣстники московскіе не пустили его, и онъ принужденъ былъ уѣхать въ Литву. Въ Ордѣ дѣло было рѣшено въ пользу Василія.

Эти внутреннія несогласія въ Твери давали Москвѣ поводъ вмѣшиваться въ дѣла сосѣдняго княжества и дѣлали московскаго князя посредникомъ въ рѣшеніи междукняжескихъ споровъ.

III.

Дмитрій Ивановичъ Донской и Михаилъ Александровичъ тверской.

Въ 1359 г. умеръ Иванъ московскій, оставивъ малолѣтняго сына Дмитрія. Этимъ воспользовался князь суздальскій Дмитрій Константиновичъ и добылъ у хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. Но Москва не хотѣла уступать первенства, ставшаго

ея достояніемъ со временъ Ивана Калиты. Бояре ея, привыкшіе быть боярами сильнѣйшихъ князей всея Руси, не хотѣли сойти на низшую степень. Малютка Дмитрій отправился въ Орду и благодаря стараніямъ бояръ и митрополита Алексія, получилъ ярлыкъ.

Ослабленная внутренними междоусобіями, Тверь не могла воспользоваться этимъ замѣшательствомъ въ преемствѣ великокняжеской власти, чтобы вернуть себѣ значеніе, утраченное въ прежнихъ столкновеніяхъ своихъ съ Москвою. Прошло нѣсколько лѣтъ въ мирѣ между обоими сосѣдями, но предстояла еще послѣдняя рѣшительная борьба. Этотъ моментъ наступилъ, когда на Тверскомъ княжескомъ столѣ сѣлъ князь Михаилъ, сынъ убитаго въ Ордѣ Александра Михайловича, послѣдній изъ тверскихъ князей, питавшій непримиримую ненависть къ Москвѣ за гибель отца, одушевленный желаніемъ вернуть Твери ея прежнее значеніе. Не имѣя возможности бороться съ Москвой собственными силами, Михаилъ обратился за помощью къ зятю своему Ольгерду литовскому и поѣхалъ въ Литву. Отсутствіемъ его воспользовался князь Василій Михайловичъ, который все продолжалъ враждовать съ племянниками, и пошелъ со всею силою кашинскою и полками московскими на Тверь, жегъ и грабилъ безъ милости. Михаилъ, вернувшись изъ Литвы со своею и литовскою ратью, направился къ Кашину. Но на дорогѣ его ждали послы отъ дяди и тверского епископа Василія. Богъ, по словамъ лѣтописца, утишилъ ярость Михаила и онъ помирился съ дядей.

Въ слѣдующемъ году великій князь Дмитрій и митрополитъ Алексій ласкою зазвали къ себѣ въ Москву князя Михаила на третейскій судъ. Но, вмѣсто того, тверского князя схватили вмѣстѣ со всѣми его боярами и посадили въ заключеніе. Неожиданный пріѣздъ трехъ князей ордынскихъ въ Москву напугалъ враговъ Михаила, и они выпустили его на свободу. Понятно, что Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы непримиримымъ врагомъ Дмитрія. Онъ снова отправился въ Литву просить помощи у Ольгерда, который рѣшился исполнить его просьбу и итти войною на Москву. Дмитрій московскій узналъ о намѣреніяхъ Ольгерда только тогда, когда тотъ уже стоялъ на границѣ. Великій князь разослалъ по всѣмъ городамъ грамоты для сбора войска, но ратники не успѣли притти изъ дальнихъ мѣстъ, и Дмитрій могъ выслать противъ Ольгерда только сторожевой полкъ. Между тѣмъ Ольгердъ уже грабилъ и жегъ порубежныя мѣста. Встрѣтивъ на рѣкѣ Троснѣ московскій сторожевой полкъ, онъ разбилъ его; всѣ князья, воеводы и бояре погибли. Узнавъ, что Дмитрій не успѣлъ собрать большого войска, Ольгердъ быстро пошелъ къ Москвѣ. Дмитрій велѣлъ пожечь всѣ посады, а самъ съ митрополитомъ, со всѣми боярами и людьми

затворился въ Кремлѣ. Три дня стоялъ подъ нимъ Ольгердъ, взять его не могъ, но страшно опустошилъ окрестности, увелъ въ плѣнъ безчисленное множество народа, угналъ съ собою и весь скотъ. Михаилъ тверской былъ отомщенъ; Дмитрій былъ принужденъ уступить ему Городокъ и всѣ части удѣла тверского князя Семена Константиновича.

Но московскому великому князю не хотѣлось долго сносить униженіе отъ тверского князя, котораго онъ считалъ «подручнымъ» себѣ. Борьба между Москвой и Тверью не замедлила возобновиться, какъ только Дмитрій собрался снова съ силами. Въ августѣ 1370 г. Дмитрій послалъ объявить войну Михаилу тверскому. Михаилъ въ третій разъ поспѣшилъ въ Литву просить помощи Во время его отсутствія московскія войска опустошили Тверскую землю. Вслѣдъ за московскими войсками явился въ тверскихъ владѣніяхъ самъ Дмитрій, пожегъ города, волости и села и увелъ съ собою большое количество людей. Михаилъ между тѣмъ въ эту минуту не могъ получить помощи отъ Ольгерда, такъ какъ послѣдній самъ былъ занятъ борьбою съ нѣмцами, и поэтому рѣшился на послѣднее средство—отправиться въ Орду; но изъ Москвы ему дали знать, что повсюду на дорогѣ разставлены заставы московскія, чтобы его перехватить. Михаилъ снова возвратился въ Литву и зимою, вмѣстѣ съ Ольгердомъ, который къ тому времени не былъ болѣе занятъ войною съ нѣмцами, и Святославомъ смоленскимъ двинулся на Москву. Они подошли къ Волоколамску, пожгли посадъ и окрестности, но, простоявъ три дня подъ городомъ, и не взявъ его, направились къ Москвѣ. Дмитрій и на этотъ разъ заперся въ Кремлѣ. Двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ стоялъ на Перемышлѣ, собирая силу; къ нему на помощь пришелъ князь пронскій и полки Олега рязанскаго. Ольгердъ испугался, услыхавъ о сборахъ въ Перемышлѣ и сталъ просить мира, предлагая выдать свою дочь за князя Владиміра Андреевича. Дмитрій согласился только на перемиріе. Ольгердъ съ большой осторожностью двинулся назадъ. Михаилъ тверской противъ воли возвратился въ Тверь, помирившись съ Дмитріемъ. Испугъ Ольгерда и желаніе его породниться съ московскимъ княземъ показали ему, что надо искать помощи въ другой сторонѣ, что на литовскаго князя ему расчитывать нечего. Весною слѣдующаго 1371 г. онъ отправился въ Орду и возвратился оттуда съ ярлыкомъ на великое княженіе и въ сопровожденіи ханскаго посла Сарыхожи. Дмитрій взялъ присягу со всѣхъ городовъ не передаваться тверскому князю и не пускать его на Владимірское княженіе, а самъ сталъ съ войсками въ Переяславлѣ. Онъ послалъ богатые дары ханскому послу, и тотъ, отдавъ ярлыкъ Михаилу,

уѣхалъ въ Москву. Михаилъ, недовольный такимъ оборотомъ дѣла, отправилъ въ Орду сына своего Ивана. Между тѣмъ Сарыхожа пировалъ въ Москвѣ у Дмитрія, набралъ у него много даровъ и, возвратясь въ Орду, началъ расхваливать московскаго князя. Обнадеженный имъ Дмитрій рѣшился самъ отправиться въ Орду, чтобы положить конецъ проискамъ Михаила. Въ Ордѣ московскій князь сумѣлъ всѣхъ задобрить, пожалованъ былъ опять великимъ княженіемъ Владимірскимъ и отпущенъ съ большою честью. Молодой тверской князь Иванъ задолжалъ въ Ордѣ 10,000 рублей. Дмитрій заплатилъ эти деньги и взялъ Ивана съ собою въ Москву, гдѣ держалъ его до тѣхъ поръ, пока его не выкупилъ отецъ. Въ Бѣжецкомъ Верхѣ тверской князь держалъ своего намѣстника. Дмитрій отправилъ туда войско, намѣстникъ былъ убитъ, и тверскія волости пограблены.

Война съ княземъ Олегомъ рязанскимъ помѣшала Дмитрію продолжать борьбу съ Тверью, но какъ скоро она кончилась, оба противника снова взялись за оружіе. Михаилу удалось заключить союзъ съ Литвою и, въ надеждѣ на него, онъ началъ наступательное движеніе. Онъ подвелъ тайно подъ Переяславль литовскую рать, взялъ его и Кашинъ, затѣмъ—Торжокъ, и соединился у Любутска съ Ольгердомъ. Дмитрій на этотъ разъ приготовился, встрѣтилъ Ольгерда съ сильнымъ войскомъ и разбилъ литовскій сторожевой полкъ. Войско литовское переполошилось, Ольгердъ бѣжалъ и остановился за крутымъ и глубокимъ оврагомъ, который не допустилъ непріятелей до битвы. Много дней литовцы и москвичи стояли въ бездѣйствіи другъ противъ друга, наконецъ заключили перемиріе. Ольгердъ поручился за Михаила тверского, что тотъ возвратитъ все пограбленное имъ въ волостяхъ московскихъ и выведетъ оттуда своихъ намѣстниковъ. Михаилъ Александровичъ не удовлетворился и на этотъ разъ такимъ исходомъ своихъ усилій, направленныхъ къ ниспроверженію первенства Москвы. Получивъ въ 1375 г. изъ Орды ярлыкъ на великое княженіе при содѣйствіи двухъ бѣглецовъ, Вельяминова и Некомата, онъ отправился въ Литву и возвратясь оттуда, послалъ объявить войну Дмитрію московскому, увѣренный въ помощи съ востока и запада. Дмитрій съ большой силой двинулся на Тверь, гдѣ заперся Михаилъ. Волость его была опустошена, города Зубовъ, Бѣлгородъ и Городокъ взяты. Михаилъ тщетно ждалъ помощи изъ Литвы и отъ хана. Литовскіе полки пришли, но услыхавъ, какая безчисленная рать стоитъ у Твери, испугались и ушли назадъ. Тогда Михаилъ, потерявъ послѣднюю надежду, отправилъ владыку тверского Евѳимія и бояръ своихъ къ Дмитрію просить мира, отдаваясь во всю волю московскаго князя. До насъ дошелъ мирный договоръ, заключен-

ный Дмитріемъ московскимъ съ Михаиломъ тверскимъ. По этому договору Михаилъ призналъ себя младшимъ братомъ Дмитрія, обязался не искать ни Москвы, ни великаго княженія московскаго, ни Новгорода, а также и великаго княженія Владимірскаго, и не принимать послѣднее отъ татаръ. Кромѣ того Михаилъ отказался отъ Кашинскаго удѣла и отъ союза своего съ Литвой, обѣщалъ даже биться съ Литвой и съ татарами, если они пойдутъ войной на Москву.

IV.

Паденіе Твери.

Такъ счастливо кончилась борьба съ Тверью, продолжавшаяся почти во все XIV столѣтіе. Тверь была сломлена, притязаніямъ князей ея положенъ былъ предѣлъ, и Москвѣ открытъ былъ путь къ окончательному торжеству надъ сосѣдними княжествами, къ утвержденію единовластія въ сѣверной Руси. На этомъ пути лежало еще одно препятствіе—татарское иго. Расправившись съ Тверью, Дмитрій Ивановичъ обращаетъ свои силы на борьбу съ татарами; пять лѣтъ спустя послѣ заключенія договора съ Михаиломъ тверскимъ, онъ вступаетъ съ ними въ открытый бой на Куликовомъ полѣ.

Судьба Твери послѣ побѣды надъ нею Москвы, представляетъ собой картину постепеннаго паденія и поглощенія ея сильнымъ сосѣдомъ. Михаилъ Александровичъ не возобновлялъ борьбы съ Москвою, примирившись съ необходимостью признанія главенства Москвы. Онъ занялся внутреннимъ устройствомъ своего княжества, потрясеннаго долгими годами кровавой борьбы, и умеръ въ 1399 г. въ преклонныхъ лѣтахъ, оставивъ по себѣ добрую память; лѣтопись говоритъ о немъ, что онъ былъ крѣпокъ, сановитъ и смышленъ, взоръ имѣлъ грозный и дивный. Сынъ его, Иванъ, всю жизнь провелъ въ борьбѣ со своими братьями и племянниками, у которыхъ пытался отнять ихъ удѣлы. По смерти его княжилъ недолго сынъ его Александръ, которому наслѣдовалъ его внукъ, Борисъ Александровичъ. Пользуясь смутами въ Москвѣ въ княженіе Василія Темнаго, онъ пытался вернуть своему княжеству прежнее значеніе, вступалъ въ союзъ съ Литвой, ходилъ войной на Новгородъ, но всѣ эти усилія не привели ни къ какимъ результатамъ. Наружно тверскіе князья въ теченіе всего XV вѣка сохраняли равенство положенія съ московскими и продолжали именоваться великими князьями; но сила была на сторонѣ Москвы, и когда послѣдній тверской князь Михаилъ Борисовичъ задумалъ вступить въ союзъ

съ Литвой противъ Москвы, великій князь Иванъ III принудилъ его къ постыдному миру. Но Михаилъ и послѣ этого не захотѣлъ смириться и снова завелъ тайныя сношенія съ Литвой; тогда Иванъ Васильевичъ выступилъ самъ противъ него съ бо́льшимъ войскомъ. 11 сентября 1485 г. Тверь сдалась Московскому государю, Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ въ Литву, откуда болѣе не возвращался, тверскіе князья и бояре перешли на службу къ Ивану. Такъ кончила свое самостоятельное существованіе нѣкогда грозная для Москвы Тверь.

Борьба Твери съ Москвою была послѣднею сильной, ожесточенной, кровавой борьбой двухъ княжествъ, стремившихся къ господству надъ Русью. Для Москвы средства къ этой борьбѣ были приготовлены еще при Даніилѣ. Началъ борьбу и неутомимо продолжалъ Юрій Даниловичъ. Калита умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, достигъ полнаго торжества для своего княжества и перешелъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя Русской земли. Иванъ III завершилъ дѣло, начатое Юріемъ Даниловичемъ и Иваномъ Калитой.

МОСКВА и НОВГОРОДЪ.

(По соч. *В. Ключевскаго* «Курсъ русской исторіи», ч. II, М., 1906;—*С. Соловьева* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. V, изд. 4, М., 1872;—*А. Никитскаго* «Очерки изъ жизни Великаго Новгорода», Журн. Мин. Нар. Просв., 1869, окт., 1870, авг.;—*Н. Костомарова* «Сѣверно-русскія народоправства во время удѣльно-вѣчевого уклада», т. I–II, Спб. 1863).

Куликовская битва нанесла господству татаръ надъ Русской землей тяжкое пораженіе: и татарскіе ханы почувствовали силу Московскаго великаго князя, и русскому народу открытъ былъ путь къ освобожденію отъ ига азіатовъ, этотъ путь—объединеніе и тѣсное сплоченіе вокругъ Москвы.

Къ половинѣ XV в. уже не грозила прежняя опасность со стороны востока. Московскіе князья обращаются на сѣверъ и прежде всего стремятся овладѣть Новгородомъ. Междоусобная борьба съ Димитріемъ Шемякой помѣшала Василію II Темному присоединить къ Москвѣ новгородскія земли—ихъ подчинилъ «всей своей волѣ» сынъ Василія II Иванъ III. Новгородъ не оказалъ и не могъ оказать большого сопротивленія Москвѣ: здѣсь была твердая политическая сила въ лицѣ великаго князя, собирателя и хозяина земли, и надежное, испытанное въ бояхъ войско; тамъ—къ XV вѣку рѣзко обозначились два враждебныхъ класса: бояре—крупные землевладѣльцы и капиталисты, и простой народъ—земледѣльцы и ремесленники; власть государственная раздѣлялась между княземъ, посадникомъ и вѣчемъ; ратной силы, привычной къ оружію, не было. Кромѣ того, по своему географическому положенію, Новгородъ находился въ зависимости отъ Москвы: малоплодородная почва не могла прокормить населенія и хлѣбъ подвозили съ юга, съ береговъ Волги; стоило московскимъ князьямъ прекратить подвозъ хлѣба, какъ въ Новгородѣ чувствовался голодъ, народъ волновался и приходилось уступать Москвѣ.

I.

Политическое устройство и общественный бытъ Новгорода.

Первоначально Новгородъ былъ поставленъ въ такія же условія, какъ и другія области Русской земли: съ тѣхъ поръ, какъ его покинули первые князья ради Кіева, онъ обязанъ былъ платить великому князю опредѣленную дань. Послѣ Ярослава Новгородская земля была присоединена къ великому княжеству Кіевскому, и великій князь посылалъ туда для управленія своего сына или ближайшаго родича; изъ Кіева былъ и посадникъ княжескій; въ Кіевѣ же митрополитъ съ соборомъ епископовъ выбиралъ и рукополагалъ епископа для Новгорода. Но по смерти Владиміра Мономаха въ бытѣ Новгорода развиваются такія особенности, которыя выдѣляютъ его изъ ряда другихъ областей. Этому содѣйствовало прежде всего отдаленное разстояніе Новгорода отъ Кіева и, значитъ, отъ великокняжеской власти. Во-вторыхъ, близость Новгородской земли къ морю и обиліе водныхъ путей содѣйствовали развитію иноземной и внутренней торговли, благодаря чему въ Новгородѣ образовался довольно многочисленный классъ капиталистовъ, купцовъ и вообще людей торговыхъ. Наконецъ, лѣсистый и болотистый характеръ края, съ неплодородной почвой, побуждалъ жителей къ ремесламъ, торговлѣ и къ заселенію отдаленныхъ, окраинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ борьба двухъ главныхъ линій племени Ярослава, Мономаховичей и Ольговичей, давала Новгородцамъ возможность дѣлать выборъ между князьями соперниками и налагать на избраннаго обязательства, стѣснявшія его власть. Новгородцы получаютъ право избирать посадника, и посадникъ изъ княжескаго слуги превращается въ представителя и защитника интересовъ новгородцевъ передъ княземъ; другая важная должность—тысяцкаго стала также выборной; затѣмъ новгородцы начинаютъ выбирать своего владыку», а митрополитъ кіевскій только утверждаетъ его въ санѣ, наконецъ, и отношенія къ князю стали опредѣляться точнѣе договорами—«рядами». Въ началѣ XIII в. князья крестнымъ цѣлованіемъ обязывались соблюдать права Новгорода, главное—не лишать посадника должности безъ вины. До насъ дошли три грамоты, данныхъ Ярославомъ Ярославичемъ тверскимъ въ подтвержденіе вольностей новгородскихъ и относящихся ко второй половинѣ XIII в. По нимъ можно представить политическое устройство Новгорода въ слѣдующихъ чертахъ:

Князь въ Новгородѣ былъ высшею правительственною и судебною властью, но онъ «судилъ и рядилъ» и назначалъ должностныхъ лицъ не единолично, а съ согласія выборнаго посадника:

«безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей (должностей) не раздавати, ни грамотъ ти даяти». Особенно дорожили новгородцы независимостью посадника отъ усмотрѣнія князя, и условіе не лишать посадника должности безъ суда вѣча служило главнымъ обезпеченіемъ новгородской вольности. Вершить дѣла князь могъ, только находясь въ Новгородѣ, а «изъ Суздальской ти земли города не рядить, ни волостей ти не раздавати». Князь обязанъ былъ оборонять границы Новгородской земли и охранять торговые пути, будучи какъ бы наемнымъ сторожемъ земли, онъ съ дружиной получалъ за это «кормленіе», которое также опредѣляется въ грамотахъ. Князь получалъ при въѣздѣ въ городъ «даръ» (но не дань); въ его пользованіе предоставлялись также разныя угодья, рыбныя ловли, звѣриные гоны и т. п.; онъ могъ участвовать въ торговлѣ города съ заморскими купцами, но только черезъ посредниковъ. Желая оградить себя отъ непосредственнаго соприкосновенія съ княжескимъ дворомъ, новгородцы перенесли мѣстопребываніе князя изъ самаго Новгорода, съ Ярославова двора, на Городище (верстахъ въ трехъ отъ Новгорода), помимо желанія князя. Замѣчается даже стремленіе ограничить число людей, которыхъ князь могъ помѣщать на своемъ дворѣ.

При такомъ ограниченіи власти князя, новгородское вѣче являлось главнымъ хозяиномъ страны. Вѣче созывалось княземъ, или посадникомъ и тысяцкимъ на Ярославскомъ дворѣ по звону вѣчевого колокола, звонъ котораго ухо новгородцевъ отличало отъ звона другихъ колоколовъ. На вѣче имѣли право собираться всѣ новгородцы; иногда приглашались граждане «пригородовъ»—Пскова и Ладоги. Вопросы, подлежавшіе обсужденію вѣча, предлагались посадникомъ «со степени» (съ помоста). Вѣче рѣшало вопросы о мирѣ и войнѣ, приглашало или изгоняло князя, избирало высшихъ сановниковъ, посадника и тысяцкаго, судило ихъ, разбирало споры князя съ посадникомъ и т. п. Правильнаго обсужденія дѣлъ не было: крикомъ, а въ крайности и кулаками рѣшался вопросъ, занимавшій вѣче.

Посадникъ и тысяцкій были исполнителями рѣшеній вѣча и вели текущія дѣла управленія и суда. Обязанности ихъ не были точно разграничены. Посадникъ, по преимуществу, вѣдалъ гражданскія дѣла, а тысяцкій, главнымъ образомъ, военныя и полицейскія; такъ, въ случаѣ войны, тысяцкій становился во главѣ городского полка—«тысячи». Но тотъ же тысяцкій разбиралъ и судебныя дѣла, торговыя, въ особенности дѣла новгородцевъ съ иностранцами. Торговый судъ передъ тысяцкимъ происходилъ у церкви св. Ивана на Опокахъ; въ этотъ судъ не могли вмѣшиваться ни князь, ни посадникъ. Посаднику и тысяцкому былъ подчиненъ цѣ-

лый штатъ низшихъ служащихъ: приставовъ, биричей, подвойскихъ и др., которые исполняли судебныя постановленія, объявляли рѣшеніе вѣча, призывали къ суду, производили обыски и т. д. На содержаніе посадника и тысяцкаго собирался поземельный налогъ—«поралье» (рало—плугъ). Наименѣе яснымъ по своему составу и по кругу дѣлъ является правительственный совѣтъ.

Въ этомъ «совѣтѣ господъ», какъ называли его нѣмцы, подъ предсѣдательствомъ владыки-архіепископа, въ палатахъ котораго онъ и собирался, засѣдали княжескій намѣстникъ, посадникъ, тысяцкій, пять кончанскихъ старостъ (Новгородъ дѣлился на пять «концовъ») и старые посадники и тысяцкіе. Совѣтъ разсматривалъ дѣла, которыя переносились на вѣче для окончательнаго рѣшенія. Но и на самомъ вѣчѣ теченіе дѣлъ находилось подъ сильнымъ вліяніемъ совѣта, такъ какъ, при поддержкѣ со стороны бояръ, совѣтъ составлялъ значительный противовѣсъ остальной массѣ. Отношенія совѣта къ князю и посаднику не были опредѣлены; иногда съ рѣшеніями совѣта долженъ былъ соглашаться князь; помощниковъ посаднику могъ назначать также совѣтъ, этимъ путемъ посадника можно было отстранять отъ дѣлъ, въ которыхъ онъ сталкивался съ совѣтомъ. Совѣтъ же велъ сношенія съ иностранцами, занимался постройками, участвовалъ въ выборахъ правительственныхъ лицъ, вмѣшивался въ судъ и даже въ военное начальствованіе; однимъ словомъ, совѣтъ игралъ въ управленіи Новгорода главнѣйшую роль, болѣе важную, чѣмъ князь и посадникъ съ тысяцкимъ; само вѣче было послушнымъ орудіемъ совѣта. Въ немъ засѣдали и всегда находили защиту своихъ интересовъ бояре; они и господствовали въ Новгородѣ. Богатые землевладѣльцы и рабовладѣльцы, бояре сосредоточивали въ своихъ рукахъ крупные капиталы; черезъ купцовъ они пускали эти капиталы въ оборотъ и вели торговлю. Кромѣ бояръ и купцовъ въ Новгородѣ существовалъ классъ житыхъ людей, повидимому, капиталистовъ средней руки, и наконецъ, классъ черныхъ людей; это были ремесленники и рабочіе, которые или работали у бояръ и житыхъ людей, или брали у нихъ деньги для работы. Сельскіе жители—смерды и холопы почти не принимали участія въ политической жизни Великаго Новгорода.

Таково было политическое устройство Новгорода. Въ противоположность Москвѣ, гдѣ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ великаго князя и вся сила была на его сторонѣ, въ Новгородѣ власть и сила была въ рукахъ бояръ; но власть бояръ не всегда признавали вольные новгородцы, и силу ихъ сдерживали буйныя шайки гулякъ и бражниковъ, которыми пользовались сами бояре во время партійныхъ раздоровъ. Впрочемъ эти «безумцы», «ребята

неразсудные», сослужили Новгороду большую службу; они собирались иногда большими ватагами, снаряжали лодки («ушкуи»; поэтому ихъ называли «ушкуйниками») и направлялись по Волгѣ до Камы, затѣмъ плыли вверхъ по Камѣ и Вяткѣ и заставляли финнскія племена вотяковъ, пермяковъ, зырянъ и др.—платить себѣ дань. По берегамъ рѣкъ устраивались впослѣдствіи маленькіе городки—крѣпостцы, гдѣ садилась кучка сторожей для охраны путей и проѣзжихъ купцовъ, которые являлись въ эти края вслѣдъ за ушкуйниками. За купцами приходили и поселенцы. Они селились по берегамъ рѣкъ, занимаясь рыболовствомъ, а въ окружающихъ лѣсахъ — звѣроловствомъ. Такимъ путемъ распространилось владычество новгородцевъ на сѣверъ и востокъ по рѣчнымъ системамъ. На востокѣ предѣлы ихъ владѣній переходили черезъ Уральскій хребетъ: тамъ была Югорская земля; на сѣверѣ они простирались до береговъ Ледовитаго океана.

II.

Былина о Василіи Буслаевѣ.

Въ былинѣ о Василіи Буслаевѣ весьма ярко рисуется вольная, буйная жизнь Великаго Новгорода и подвиги разудалыхъ добрыхъ молодцевъ.

Наслѣдникъ богатаго боярина, оставшійся подъ слабымъ надзоромъ матери, Васенька сталъ похаживать на улицу Рогатицу и съ толпой праздныхъ гулякъ шумѣть, буянить, драться со встрѣчными: въ рукахъ силы много, въ груди удали много; кровь молодецкая кипитъ, согрѣтая зеленымъ виномъ; словно сказочный Еруланъ Лазаревичъ, Василій тому руку вывихнетъ, этому ногу переломитъ. Мужики новгородскіе идутъ съ жалобой на него къ честной вдовѣ, Амелфѣ Тимоѳеевнѣ:

Уйми ты чадо свое милое!
Не хорошія шутки сталъ онъ пошучивать;
Вѣдь ему съ этою удалью молодецкою
Наквасити рѣка будетъ Волхова.

Мать стала журить сынка и указывала на примѣры отца его, Буслая, который жилъ въ Новгородѣ 90 лѣтъ и ни съ кѣмъ не спорилъ и не ссорился. Но Василій продолжалъ буйствовать, и чтобы защититься отъ мести побитыхъ и обиженныхъ имъ, онъ началъ набирать дружинушку хоробрую:

Садился онъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ скорописчаты ярлыки,
Въ ярлыкахъ Васенька припысывалъ:
«Зоветъ-жалуетъ на почестенъ пиръ»,
Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣлялъ по Новгороду.

Угощая приходившихъ чарой зелена вина, онъ ударялъ каждаго червленымъ вязомъ по спинѣ; если стоитъ молодцемъ—не шевельнется, и на буйной головѣ кудри у него не тряхнутся,—это значило: годится молодецъ въ дружинушку; тому Василій говоритъ:

А и будь мнѣ названный братъ,
И паче мнѣ брата родимаго!

Подобравъ себѣ дружину, Василій отправляется на храмовой праздникъ въ братчину Никольщину. Храмовой праздникъ справлялся въ складчину, и Василій, заплативъ за себя и за дружину «ссыпь», раздвигалъ братчиковъ, садился на переднее мѣсто, усаживалъ около себя товарищей. Когда «ссыпщики» попили, поѣли, начались забавы молодецкія, и «отъ того боя кулачнаго учинилась драка великая». Въ пылу похмѣлья и драки раззадорился Васильюшка и вызвалъ всѣхъ мужиковъ новгородскихъ на бой,—и ударили объ закладъ: побьетъ Василій съ дружиной своей новгородцевъ—тѣ ему платятъ дань «на всякій годъ по три тысячи», не устоитъ онъ на мосту—«срубить ему буйну голову». И выигралъ закладъ Василій Буслаевичъ: побилъ мужиковъ новгородскихъ на Волховскомъ мосту, побѣжали они къ матери его и просятъ «унять чадо милое, рожоное, молода Васильюшка Буслаева: хоть бы оставилъ народу на сѣмена».

Въ одномъ варіантѣ былины говорится, что сама Мать Пресвятая Богородица вышла изъ монастыря Смоленскаго и велѣла матери Васильевой унять своего сына. Эта подробность въ былинѣ совершенно согласна съ лѣтописями, которыя разсказываютъ, что во время междоусобныхъ кровопролитныхъ битвъ въ Новгородѣ духовенство часто выходило съ крестами и иконами для усмиренія враждующихъ.

III.

Экономическій бытъ Новгорода.

Экономическая жизнь Великаго Новгорода всецѣло зависѣла отъ географическаго положенія и устройства поверхности области. Сѣверный климатъ съ непостоянной погодой и болотистая, глини-

стая почва не давали возможности развиться земледѣлію, и населеніе должно было обратиться къ промысламъ и торговлѣ. Развитію торговли весьма благопріятствовали природныя условія страны. Изобиліе водъ въ Новгородской землѣ было такъ велико, что придавало странѣ какъ-бы островной характеръ и дѣлало ее мало доступной иначе, какъ на судахъ. Лѣтомъ, во время разлитія рѣкъ и озеръ, новгородцы жили «безъ опаси», какъ говоритъ лѣтописецъ. Если непріятель не останавливался передъ тѣми препятствіями, которыя создавала природа, и дерзалъ вступать съ ней въ борьбу, то его ожидала печальная участь: ему приходилось блуждать между озерами и рѣками, застрявать въ болотахъ, питаться кониной и сдирать кожу со щитовъ, и вмѣсто богатой добычи, возвращаться домой пѣшимъ и даже безъ доспѣховъ и вооруженія. Воды защитили Новгородъ и отъ нашествія Батыя.

Но съ другой стороны воды Новгородской земли представляютъ весьма удобный путь для торговли. Въ озерѣ Ильменѣ сходятся главнѣйшіе водные пути: въ него впадаетъ Мста, сближающаяся съ верхнимъ теченіемъ Волги, Ловать, начинающаяся вблизи верховьевъ Западной Двины, а вытекаетъ Волховъ, который черезъ озеро Нево (Ладожское) и рѣку Неву образуетъ путь въ Финскій заливъ. Изъ Ладожскаго озера черезъ рѣку Свирь и Онежское озеро открывается водный путь на сѣверо-востокъ до Бѣлаго моря. Такое обиліе водъ, представляя удобный путь лѣтомъ—на судахъ, а зимой—на саняхъ, въ тоже время служитъ источникомъ пропитанія: рыба водилась въ рѣкахъ и озерахъ въ такомъ изобиліи, что ея хватало на собственное продовольствіе и для сбыта нѣмцамъ, которые закупали осетровъ и лососей. Иногда рыба появлялась въ такомъ множествѣ, что можно было буквально ловить ее прямо руками. Такъ было, напримѣръ въ Новгородѣ въ 1354 г., о чемъ сообщаетъ лѣтописецъ: «а люди емляху рыбы у берега руками». Впрочемъ новгороды не могли извлекать большихъ выгодъ отъ рыбнаго промысла, такъ какъ не умѣли заготовлять рыбу въ прокъ, по недостатку соли, даже самимъ новгородцамъ приходилось покупать соленую рыбу, именно норвежскую сельдь.

Воды Новгородской земли изобиловали и разнаго рода дичью. Гуси и утки ловились перевѣсищами-сѣтями, которыя развѣшивались надъ самою водой въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ водилась птица. Птицы, вѣроятно, въ сумерки, путались въ этихъ сѣтяхъ и, такимъ образомъ, попадались въ руки охотниковъ. Перевѣсища устраивались иногда и на нарочно устроенныхъ просѣкахъ. Пухъ водной птицы, а въ особенности гагачій, продавался иноземцамъ. На отдаленныхъ берегахъ Ледовитаго океана добывалась ворвань, или вытопленный жиръ морскихъ звѣрей: тюленей, моржей и китовъ.

Лѣса скрывали въ своихъ дебряхъ множество пушныхъ звѣрей. Особенно Югорская и Печорская земля славились обиліемъ дорогихъ породъ, а именно: соболей, горностаевъ, песцовъ и лисицъ. Двинская земля была богата бобрами, куницами и бѣлками. Бѣлокъ было такъ много во всемъ Двинскомъ краю, что ими платили дань и онѣ долгое время служили деньгами, на ряду съ куницами. Звѣрье ловили силками, разпаго рода западнями и ямами. Пушной товаръ служилъ главнымъ предметомъ торговли новгородцевъ съ иноземцами. Шкуры обращались въ торговлѣ обыкновенно не въ обдѣланномъ видѣ связками и кипами, менѣе цѣнные — въ количествѣ тысячи, полутысячи, четверти (250 штукъ), болѣе цѣнные—въ сорокахъ, дюжинахъ, десяткахъ и пяткахъ. Впрочемъ въ Новгородѣ были и скорняки, которые выдѣлывали шкурки, сшивали мѣха, а также и изготовляли шубы и шапки.

Кромѣ звѣриныхъ шкуръ, лѣсъ доставлялъ новгородцамъ и другой продуктъ, весьма важный въ ихъ торговлѣ—воскъ и медъ. Въ древнѣйшее время медъ добывался отъ дикихъ пчелъ, жившихъ въ лѣсу въ особо приготовленныхъ для ихъ помѣщенія лубяныхъ кузовахъ, такъ наз. бортяхъ, или въ дуплахъ деревьевъ, и лишь съ XV столѣтія начинаютъ приручать пчелъ и держать ихъ въ ульяхъ. Бортничествомъ и пчеловодствомъ занимались болѣе всего около Ладоги, а также около Пскова и Новгорода. Спросъ на воскъ, котораго такъ много потреблялось въ католическихъ церквахъ Западной Европы, былъ на столько великъ, что новгородцы скупали его изъ другихъ краевъ Русской земли и перепродавали нѣмцамъ.

Продукты сельскаго хозяйства добывались въ количествѣ, котораго не всегда хватало на удовлетвореніе собственныхъ потребностей жителей Новгородской земли. Въ хлѣбѣ всегда чувствовался недостатокъ и нерѣдки бывали голодовки. Подспорьемъ хлѣбу служили корнеплодныя и стручковыя растенія. Въ Двинскомъ краю цѣлыя поля засѣвались рѣпой («рѣпище»). Въ большомъ количествѣ производились промышленныя растенія, именно: ленъ, конопля и хмель. Масло льняное и конопляное потреблялось на мѣстѣ, а волокно и хмель, кромѣ того, служили предметомъ вывоза въ нѣмецкія земли. Рогатаго скота было немного, болѣе былъ распространенъ мелкій скотъ: овцы и свиньи. Хорошихъ лошадей своихъ не было; ихъ пріобрѣтали въ иныхъ странахъ.

Обрабатывающая промышленность была развита слабо. Болѣе другихъ выдѣлялись ремесла: кузнечное, гончарное и плотничье. Новгородскіе плотники славились издревле: еще воевода Святополка бранилъ новгородцевъ, пришедшихъ съ Ярославомъ: «Эй вы, плотники! Зачѣмъ пришли сюда съ хромымъ своимъ княземъ? Вотъ мы

васъ заставимъ рубить намъ хоромы». Новгородцевъ брали московскіе князья для постройки теремовъ и церквей. Многіе сельчане занимались скорнячествомъ, главнымъ образомъ выдѣлкой овчинъ. Зиму, какъ и теперь, женщины проводили за прялкой и ткацкимъ станкомъ. Въ городахъ подлѣ кузнецовъ являются котельники, мѣдники, оружейныхъ дѣлъ мастера, а также серебряники, которые были въ то же время и монетчиками; повсемѣстно въ городахъ встрѣчались мясники, калачники и корчмиты, варившіе пиво и медъ.

Главнымъ источникомъ богатства служила торговля. Центромъ ея былъ самъ Великій Новгородъ, даже въ пригородахъ, Псковѣ, Торжкѣ и Русѣ, торговля была въ рукахъ новгородскихъ-же купцовъ. Они забирались и на отдаленныя окраины, въ земли Печорскую и Югорскую. Новгородъ велъ оживленную торговлю съ Поволжьемъ: отсюда привозили хлѣбъ, воскъ и восточные товары, напримѣръ, персидскія шелковыя ткани, пряности и т. п. Бо́льшее значеніе для Новгорода имѣла торговля съ Западомъ. Съ глубокой древности до нашествія татаръ и разоренія Кіевской Руси черезъ Новгородъ проходилъ, по словамъ лѣтописца, «великій водный путь изъ Варягъ въ Греки». Кіевъ и Новгородъ стояли на концахъ этого пути въ предѣлахъ Русской земли; здѣсь были главные склады «гостей заморскихъ». Съ XII вѣка у Новгорода устанавливаются торговыя сношенія съ «Готскимъ берегомъ», т. е. съ островомъ Готландомъ, въ Балтійскомъ морѣ, на перекресткѣ путей между всѣми землями сѣверо-восточной Европы. Вмѣстѣ съ готландцами, которые прежде всѣхъ завели въ Новгородѣ свой дворъ и заключили торговый договоръ съ новгородцами, появились и другіе иноземцы, въ томъ числѣ и нѣмцы, которые впослѣдствіи пріобрѣли наибольшее значеніе въ Новгородѣ. Оба двора, готскій и нѣмецкій, служили не только мѣстомъ склада товаровъ, но и безопаснымъ убѣжищемъ для «гостей»; они были огорожены высокимъ тыномъ съ крѣпкими воротами. Въ торговлѣ съ иноземцами новгородскіе купцы проявляли большую энергію: они и сами очень часто возили товары на Готландъ, доѣзжали до Любека и Данцига; завели сношенія со Швеціей, ѣздили въ Стокгольмъ («Стекольный городъ»), Выборгъ и Або. Уступая все-таки нѣмцамъ въ торговой дѣятельности на морѣ, новгородцы не щадили усилій, чтобы сохранить за собой торговое преобладаніе въ предѣлахъ своей области; напримѣръ, извозъ сухопутный и рѣчной, перегрузка и переноска товаровъ разрѣшалась исключительно русскимъ людямъ. Такимъ образомъ, зимняя торговля по сухопутью — такая дорога шла черезъ Псковъ на Ригу—приносила особенно большой заработокъ новгородцамъ.

Черезъ западную границу ввозились въ Новгородскую землю

по преимуществу продукты обрабатывающей промышленности, а изъ сырыхъ лишь соль, разные металлы и иногда хлѣбъ. Изъ металловъ, кромѣ золота и серебра, привозилась мѣдь изъ Швеціи; въ мѣди новгородцы нуждались для литья колоколовъ, англійское олово и испанскій свинецъ употреблялись, между прочимъ, на церковныя крыши; желѣзо получалось изъ Нидерландовъ. Впрочемъ нѣмцы всячески старались препятствовать ввозу желѣза и мѣди въ Новгородъ, такъ какъ видѣли въ этомъ средство усиленія русскихъ. По той-же причинѣ строжайше запрещалось нѣмецкимъ купцамъ ввозить въ Новгородъ оружіе, и добывалось оно изъ-за границы только путемъ контрабанды, причемъ виновный не только подвергался опасности лишиться имущества и жизни, но ему угрожала вѣчная мука на томъ свѣтѣ, такъ какъ запрещеніе исходило отъ папы римскаго. Самое первое мѣсто изъ предметовъ ввоза занимали сукна. Лучшіе сорта сукна привозились изъ Англіи и Фландріи; изъ нихъ такъ называемое «ипское» (изъ Фландріи) очень часто упоминается въ древнихъ памятникахъ письменности; куски ипскаго сукна служили обычнымъ подаркомъ высоко-поставленнымъ лицамъ отъ купцовъ въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Ввозились также изъ-за границы полотна и пряжа. Въ большомъ количествѣ, цѣлыми бочками доставлялось заграничное вино, которое черезъ Новгородъ направлялось и въ московскія земли. Было въ ходу сладкое вино и романея, пиво и медъ; привозились и сласти—фрукты и конфекты.

Вся торговля съ иноземными гостями была оптовая и по преимуществу мѣновая. Такъ какъ новгородская кунная денежная система, т. е. шкуры куницы, мордки, ногаты и рѣзаны не могли служить для торговли заграничной, то постепенно въ Новгородѣ входятъ въ употребленіе металлическія деньги, сначала нѣмецкія марки, шиллинги и пфениги, а затѣмъ и собственнаго чекана—рубли, полтины, гривны, алтыны и «деньги».

VI.

Былина о Садкѣ богатомъ гостѣ.

Картина жизни Великаго Новгорода, громадные склады заморскихъ и русскихъ товаровъ, торговые ряды, нѣмецкіе дворы—крѣпости, суета многотысячнаго люда, иноземные «гости» въ диковинныхъ богатыхъ костюмахъ,—все это поражало современниковъ и казалось какимъ-то чудомъ; богатства Великаго Новгорода представлялись баснословными. Народная фантазія въ былинѣ о Садкѣ,

богатомъ гостѣ, въ яркихъ краскахъ изобразила фигуру заморскаго купца и богатства Великаго Новгорода.

Садко чудеснымъ образомъ получаетъ свое богатство: царь морской за его игру на гуселькахъ яровчатыхъ, совѣтуетъ ему побиться объ закладъ съ купцами новгородскими, что въ Ильмень-озерѣ живетъ рыба-золоты перья. Побился объ закладъ Садко, заложилъ свою буйну голову, а новгородцы три лавки краснаго товару, и выигралъ Садко закладъ.

Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе—

и такъ разбогатѣлъ, что на одномъ пиру, когда пировали у него всѣ гости новгородскіе и похвалялись, кто силой богатырской, кто старымъ зятюшкой, кто молодой женой, онъ порасхвастался своимъ богатствомъ и побился объ закладъ, что «повыкупитъ на свою безсчетну золоту казну всѣ товары новгородскіе, и худые и добрые»! И повыкупилъ всѣ товары новгородскіе въ первый день, но на второй день «вдвойнѣ товаровъ принавезено»; скупилъ Садко и эти товары, но на третій день опять увидѣлъ:

Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
На ту на велику на славу новгородскую.

Тутъ Садко призадумался и сказалъ таковы слова:

Не выкупить товара со всего бѣла свѣта.
Аще выкуплю товары московскіе.
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,—
Побогаче меня славный Новгородъ.

Далѣе въ былинѣ описывается, какъ Садко снарядилъ 30 кораблей и отправился за море добывать новыхъ богатствъ. Поѣхалъ Садко «по Волхову, со Волхова во Ладожско, а со Ладожска во Неву рѣку, а со Невы рѣки во сине море». Вотъ плывутъ корабли назадъ изъ-за моря, нагруженные товарами драгоцѣнными, яствами и питіями заморскими, подгоняетъ ихъ вѣтерокъ попутный, только корабль Садка на мѣстѣ стоитъ: не пускаетъ его морской царь, разсердился, что дани ему Садко не платитъ. Бросили на жертву морскому царю «бочку сороковку чиста серебра, потомъ красна золота»—а корабль ни съ мѣста. «Видно, говоритъ Садко, морской царь живой головы требуетъ». Стали метать жеребій, кого бросить въ море, жеребій палъ на самого Садка,—и Садко началъ готовиться къ смерти:

Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братьи,
Иное имѣнье молодой женѣ,
Остатнее имѣнье дружинѣ хороброй.

Взялъ Садко гуселькн яровчаты и спустился въ море на «шахматницѣ золотой». Скоро онъ очутился въ бѣлокаменныхъ палатахъ морского царя, который тотчасъ же заставилъ его играть на гусляхъ. Садко игралъ трои сутки, а царь морской все это время плясалъ такъ сильно, что отъ пляски его

Въ синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ,
Какъ сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому.

Спасаетъ Садко изъ подводнаго царства св. Никола чудотворецъ, заступникъ всѣхъ мореплавателей. Возвратившись благополучно въ Новгородъ, Садко выстроилъ церковь во имя Николая чудотворца, въ благодарность за свое спасеніе, и уже не сталъ больше ѣздить за сине море, а остался жить въ Новгородѣ.

V.

Покореніе Новгорода.

Уже Иванъ Калита неоднократно опустошалъ новгородскія области и бралъ дань съ Новгорода не только для татарскаго хана («черный боръ»), но и для себя. Также велъ себя по отношенію къ Новгороду и Семенъ Гордый. Дмитрій Донской былъ отвлеченъ борьбой съ Мамаемъ, а потомъ съ Тохтамышемъ; но подъ конецъ его княженія новгородцы поссорились съ москвичами и великій князь пошелъ походомъ противъ Новгорода. Новгородцы поспѣшили уладить дѣло миромъ, уплативъ 8000 рублей. Василій Дмитріевичъ тоже притѣснялъ новгородцевъ, разорилъ Двинскую область, отнялъ нѣсколько городовъ и томилъ въ заключеніи именитыхъ бояръ и владыку.

Смутами, наступившими въ Московскомъ княжествѣ по смерти Василія Дмитріевича, новгородцы не сумѣли воспользоваться. Попытки найти поддержку у великаго князя Литовскаго, тоже не увѣнчались успѣхомъ: новгородцы заключили съ нимъ договоръ на

невыгодныхъ для себя условіяхъ и за то еще поплатились опустошеніемъ своей земли и платежомъ 8000 руб. московскому князю Василію Темному. Между тѣмъ плохо шли дѣла въ самомъ Новгородѣ. Бояре преслѣдовали личные интересы и не заботились о благѣ простого народа. Московскій митрополитъ Іона въ своемъ посланіи къ новгородцамъ въ такихъ словахъ описываетъ «богомерзкое злое дѣло», которое сотворяется въ православномъ христіанствѣ: «за всякую большую и малую вещь зачинается гнѣвъ и оттого ярость, и свары, и прекословія, и многонародное собираніе съ обѣихъ сторонъ; мало этого, нанимаютъ сбродней пьянчивыхъ и кровопролитныхъ человѣковъ, и бои замышляютъ, и души христіанскія губятъ». Отсюда ясно, что Новгородъ оставался безпомощнымъ въ борьбѣ съ Москвою; ему не оказали поддержки даже его собственныя области, такъ какъ онѣ не были соединены ни съ центромъ, ни между собою. Псковъ уже въ XIV в. откололся отъ Новгорода и пріобрѣлъ себѣ полную самостоятельность; отдаленная колонія — Вятка съ первыхъ шаговъ своей жизни стала въ независимое отношеніе къ метрополіи, и Двинская земля старалась оторваться отъ Новгорода. Всѣ эти области, наоборотъ, даже оказали помощь Москвѣ противъ Новгорода. Населеніе Московской Руси весьма недружелюбно относилось къ новгородцамъ; ихъ называли крамольниками, вѣроотступниками и разбойниками за то, что они не признавали власти княжеской, вели сношенія съ нѣмцами, а «ушкуйники» ихъ дѣлали набѣги на низовые города. Вотъ чѣмъ объясняется радость, съ которою Московская Русь встрѣтила разгромъ Новгорода при Иванѣ III. Во время походовъ Ивана III, москвичи добровольно собирались большими дружинами, ходили въ землю Новгородскую и опустошали ее «до самаго моря», по словамъ лѣтописца.

Дни свободной жизни Новгорода были уже сочтены. Еще часть боярства, во главѣ съ Борецкими, надѣялась на помощь со стороны Литовскаго князя и даже склонила на свою сторону вѣче новгородское. Вѣче рѣшило: «не хотимъ за великаго князя Московскаго, не хотимъ называться его отчиной! Мы люди вольные, не хотимъ обиды терпѣть отъ Москвы, хотимъ за короля Казимира!» Былъ заключенъ и договоръ съ королемъ. Но скоро всѣ надежды рушились: король Казимиръ помощи не прислалъ, а Иванъ III немедленно выступилъ въ походъ. Литовская партія въ Новгородѣ, затѣявшая войну, силою выгнала въ походъ плотниковъ, кузнецовъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ, которые отъ роду и на лошадь не саживались; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ грабили, били, бросали въ Волховъ. Такимъ образомъ набралось тысячъ 40 войска. Этотъ сбродъ вызвалъ дружный смѣхъ въ мо-

сковскихъ полкахъ при первой встрѣчѣ съ ними на р. Шелони. Четырехъ тысячъ съ небольшимъ московской рати достаточно было для того, чтобы разбить на голову новгородцевъ и положить на мѣстѣ тысячъ двѣнадцать. Новгородцы еще не пали духомъ; они заперлись въ городѣ, но скоро увидѣли, что сопротивленіе не можетъ быть продолжительно: хлѣбъ вздорожалъ, рожь исчезла на торгу; можно было найти пшеничный хлѣбъ, да и того мало. Тогда потребители ржаного хлѣба поднялись на потребителей пшеничнаго, укоряя ихъ за то, что они привели великаго князя на Новгородъ. И вотъ владыка новгородскій еп. Ѳеофилъ со старыми посадниками и именитыми людьми поѣхалъ бить челомъ великому князю. Тотъ принялъ новгородское челобитье, велѣлъ перестать жечь и плѣнить, и далъ миръ новгородцамъ «по старинѣ», заставивъ ихъ заплатить за свою «проступку» 15,500 рублей и обѣщаться—«за короля Литовскаго не отдаться никакою хитростью, быть съ Москвою неотступными и неразлучными». Новгородцы приняли къ себѣ намѣстника великаго князя, и все, повидимому, уладилось.

Но не долго жилъ Новгородъ въ мирѣ съ великимъ княземъ Московскимъ. Дѣло покоренія вольнаго города быстро шло къ развязкѣ. Достаточно было незначительнаго предлога, чтобы уничтожить остатки новгородской вольности—посадника и вѣче. Однажды послы новгородскіе назвали въ своемъ челобитьѣ вел. кн. Ивана «государемъ», чего, говоритъ лѣтописецъ, не бывало съ тѣхъ поръ, какъ земля ихъ стала—а великаго князя называли только «господиномъ». Великій князь воспользовался случаемъ и поспѣшилъ признать въ этомъ желаніе новгородцевъ подчиниться «всей его государевой волѣ». И хотя новгородцы объясняли, что послы назвали Ивана государемъ самовольно, Иванъ настаивалъ на своемъ и сталъ готовиться къ походу, чтобы наказать «клятвопреступниковъ»: «Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами прислали, а теперь запираются, и на насъ ложь наложили».

Напрасно новгородское посольство, во главѣ съ еп. Ѳеофиломъ, умоляло вел. кн. Ивана «преложить гнѣвъ на милость», «утолить огонь и унять мечъ, чтобы кровь христіанская не лилась»,—онъ былъ непреклоненъ и осадилъ Новгородъ, требуя «такого-же государства и въ Новгородѣ, какое въ Москвѣ», т. е. полнаго, безусловнаго подчиненія. Шесть дней думали новгородцы объ этомъ государствѣ, но, видя, что сопротивленіе безполезно, сдались. Владыка съ посадниками явился и объявилъ, что вѣчевой колоколъ и посадника новгородцы «отложили». Великому князю вручена была «присяжная запись», за подписью владыки и за

его печатью; приложены были печати и пяти кончанскихъ старостъ. 13 января 1478 г. крестъ цѣловали на этой записи многіе бояре, житые люди и купцы новгородскіе передъ боярами великокняжескими. Когда тронулся великій князь обратно въ Москву, за нимъ повезли и вѣчевой колоколъ новгородскій; его повѣсили въ Москвѣ на площади Кремлевской звонить вмѣстѣ съ другими колоколами.

МОСКВА И ТАТАРЫ.

По соч. *А. Барсукова* «Родъ Шереметевыхъ», кн. 1-я, Спб., 1881;—*Н. Костомарова* «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей» т. I, изд. 3-е, Спб., 1888;—*С. Соловьева* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. IV, изд. 4-е, М., 1871, т. V, изд. 4-е, М., 1872.

I.

Нашествіе Эдигея на Москву.

Въ концѣ XIV вѣка въ Азіи появился новый завоеватель, напомнившій собой Чингисхана. То былъ сынъ одного небогатаго князька Тимуръ или Тамерланъ, быстро завладѣвшій огромнымъ пространствомъ отъ Каспійскаго моря до Манчжуріи и наложившій свою руку на Золотую Орду. Ему былъ обязанъ престоломъ китайскій ханъ Тахтамышъ, такъ неудачно боровшійся съ Русью при Дмитріи Донскомъ. Тахтамышъ вскорѣ возмутился противъ грознаго завоевателя, вступилъ въ неравную борьбу и понесъ тяжкое пораженіе. Онъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ лѣсахъ болгарскихъ, а Тамерланъ вошелъ въ русскіе предѣлы, взялъ Елецъ, плѣнилъ его князя и опустошилъ окрестную страну. Нападеніе не было нечаянное и великій князь Василій Дмитріевичъ имѣлъ время приготовиться: онъ собралъ большое войско и сталъ на границѣ своего княжества, на берегу Оки. Но онъ не дождался врага. Простоявши 15 дней въ землѣ Рязанской и опустошивъ оба берега Дона, Тамерланъ вышелъ изъ русскихъ предѣловъ въ тотъ самый день, когда москвичи встрѣтили образъ Богородицы, принесенный изъ Владиміра.

Послѣ разгрома тамерланова Золотая Орда долго не была опасна московскому князю. Въ продоженіе 12 лѣтъ раза три упоминаетъ лѣтопись о пограничныхъ сшибкахъ татаръ съ рязанцами, причемъ успѣхъ большей частью остается на сторонѣ послѣднихъ. Нѣсколько хановъ перемѣнилось въ Ордѣ, а великій князь московскій и самъ не ѣздилъ къ нимъ на поклонъ и никого не посылалъ; на требованіе дани онъ отвѣчалъ, что княжество обѣднѣло

людьми и не на комъ взять «выхода», а между тѣмъ татарская дань поступала на самомъ дѣлѣ въ великокняжескую казну. Наконецъ, перемѣнилось и обращеніе съ татарами: въ московскихъ областяхъ начали смѣяться надъ послами и гостями ордынскими и стали мстить имъ за прежнія обиды разными притѣсненіями.

Въ то время всѣми дѣлами въ Ордѣ завѣдывалъ князь Эдигей; долго терпѣлъ онъ презрительное обращеніе московскаго князя съ бывшими повелителями; наконецъ, рѣшился напомнить ему о себѣ. Но, подобно Тахтамышу, Эдигей не осмѣлился явно напасть на Москву, встрѣтиться въ чистомъ полѣ съ ея полками; только отъ хитрости и тайны ждалъ онъ успѣха: давши знать великому князю, что ханъ со всей Ордою идетъ на Литву, онъ съ необыкновенной скоростью устремился къ Москвѣ. Василій Дмитріевичъ, застигнутый врасплохъ, оставилъ защищать Москву дядю да братьевъ своихъ, а самъ съ княгинею и дѣтьми уѣхалъ въ Кострому. Жители Москвы смутились, отъ страха побѣжали въ разныя стороны, не заботясь объ имѣніи, чѣмъ воспользовались разбойники и воры. Посады были уже выжжены, когда явились татары и облегли городъ со всѣхъ сторонъ. Остановившись у Москвы, Эдигей разослалъ въ разныя стороны отряды, которые опустошили Переяславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верею, Нижній-Новгородъ, Городецъ, Клинъ. Много народу погибло отъ татаръ, много и отъ жестокаго голоду и вьюгъ. Тысячи татаръ бросились въ погоню за великимъ княземъ, но не успѣли его настигнуть. Эдигей спокойно стоялъ подъ Кремлемъ: онъ рѣшилъ зимовать и принудить москвичей къ сдачѣ голодомъ. Уже мѣсяцъ стоялъ Эдигей подъ Москвой, какъ пришла вѣсть изъ Орды, чтобы онъ шелъ немедленно домой, потому что какой-то царевичъ напалъ на хана. Осажденные ничего не знали объ этомъ и, когда Эдигей пришелъ къ нимъ съ мирными предложеніями, то они съ радостью заплатили ему три тысячи рублей за отступленіе. Эдигей поспѣшно поднялся и вышелъ изъ русскихъ предѣловъ, взявши по дорогѣ Рязань.

Въ пространной грамотѣ объяснилъ онъ великому князю Василію причины, вызвавшія этотъ походъ на Москву. «Неправо у тебя чинится въ городахъ», выговаривалъ Эдигей князю: «послы Царевы и гости изъ Орды къ вамъ пріѣдутъ, а вы пословъ и гостей на смѣхъ подымаете, да еще великая обида, истома имъ отъ васъ чинится... Прежде такъ не дѣлалось... пословъ Царевыхъ чтили и гостей держали безъ истомы и безъ обиды. И ты бы спросилъ стариковъ старыхъ, какъ это дѣлалось прежде... Ты нынѣ того не дѣлаешь и со стариками не совѣтуешься — ино то коли добро, какъ ты чинишь? Какъ Царь Темиръ Котлуй сѣлъ на Царство, а ты улусу Государемъ сталъ, съ тѣхъ поръ ты у Царя въ

Ордѣ не бывалъ. Царя ты и въ глаза не видалъ, ни князей его. Бояръ своихъ старшихъ и младшихъ, да и никого другого ты не присылалъ, ни сына, ни брата, ни съ какимъ словомъ. Потомъ Шадибекъ восемь лѣтъ царствовалъ, и у того ты также не бывалъ и никого ни съ какимъ словомъ не присылалъ. И Шадибеково царствованіе миновало—нынѣ Булатъ Салтанъ сѣлъ на царство и ужъ третій годъ царствуетъ; опять ты ни самъ не бывалъ, ни сына, ни брата не присылалъ, ни старѣйшаго боярина; а надъ столь великимъ улусомъ ты старшій, великій князь, всѣ твои дѣла не добрыя и не правыя. Добрые правы и добрая дума и добрыя дѣла были въ Ордѣ отъ Ѳедора отъ Кошки—добрый былъ человѣкъ—какія добрыя дѣла ордынскія, то и тебѣ напоминалъ, и то миновало, а нынѣ у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой и любовникъ, и ты нынѣ изъ его думы, изъ его слова не выступаешь. Вотъ его думой учинилась твоему улусу пакость и крестьяне изгибли, и ты бы опять такъ не дѣлалъ, а молодыхъ не слушалъ и собралъ бы старѣйшихъ своихъ бояръ Илью Иваныча, Петра Константиновича, Ивана Никитича; хочешь на своемъ улусѣ княжить, ты бы тѣхъ бояръ, да иныхъ многихъ старцевъ земскихъ собралъ, да думалъ бы съ нимъ добрую думу, которая пошла бы въ прокъ; да изъ тѣхъ бы своихъ бояръ одного прислалъ къ намъ со старыми оброками, какъ давалъ Царю Джанибеку, дабы твоему улусу шкоды не было и чтобы твоимъ крестьянамъ малымъ и великимъ было добро, дабы не погибъ отъ твоей гордости въ твоей державѣ до конца никто». Далѣе, упрекнувъ великаго князя въ непокорности, Эдигей укоряетъ его и въ томъ, что Ордѣ наскучили ежегодныя жалобы на обиды и просьбы о защитѣ московскаго царя отъ другихъ князей русскихъ и отъ Литвы. «А что свои приказы и грамоты ты къ намъ въ Орду посылалъ—говоритъ Эдигей въ концѣ грамоты—то все ты лгалъ; а что бралъ въ своей державѣ со всего улуса съ двухъ сохъ рубль, то деньги эти куда дѣваются? Вотъ бы добро было, какъ бы ты сознался, да какъ бы отдалъ по старинѣ, по правдѣ, вотъ бы того зла улусу и не учинилось, а крестьяне бы не погибли до конца, а ярости и брани нашей на тебя не было бы ни въ чемъ».

Всѣ эти упреки и угрозы уже не имѣли того значенія, какъ въ былыя времена: Куликовская битва оказала свое вліяніе, и послѣ нашествія Эдигеева московскій князь три года не ѣздилъ въ Орду самъ и не посылалъ туда ни родственниковъ своихъ, ни бояръ большихъ. Лишь когда новый ханъ, сынъ Тахтамыша, далъ изгнаннымъ нижегородскимъ князьямъ ярлыкъ на ихъ отчину, Василій Дмитріевичъ поѣхалъ въ Орду съ большимъ богатствомъ и со всѣми своими вельможами.

II.

Борьба съ татарами при Василіи II.

Лѣтъ черезъ десять, уже по смерти великаго князя Василія Дмитріевича, въ Ордѣ рѣшался споръ за великое княженіе между дядей и племянникомъ, князьями Юріемъ Дмитріевичемъ и Василіемъ Васильевичемъ. Юрій ссылался на кривотолкуемое завѣщаніе Донского, доказывалъ свои права лѣтописями и основывался на древнемъ родовомъ обычаѣ. За Василія говорилъ его бояринъ Всеволожскій: «князь Юрій ищетъ великаго княженія по завѣщанію отца своего, а князь Василій по твоей милости; ты далъ улусъ свой отцу его Василію Дмитріевичу: тотъ, основываясь на твоей милости, передалъ его сыну своему, который уже столько лѣтъ княжитъ и не свергнутъ тобою, слѣдовательно, княжитъ по твоей же милости».

Ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу Василія, но вражда между Москвой и татарами не прекратилась: лѣтопись изъ года въ годъ отмѣчала и набѣги татаръ на русскія области, пограничныя со степью, и походы московскихъ полковъ въ погоню за татарами.

Прошло всего пять лѣтъ послѣ того, какъ Всеволожскій отстоялъ въ Ордѣ права великаго князя Василія, и его полки уже бились съ ханомъ Улу-Махметомъ, котораго изгналъ изъ Золотой Орды его братъ.

Василій опять отправилъ противъ Улу-Махмета сильные полки подъ начальствомъ двухъ сыновей Юрія. Они, по словамъ лѣтописи, грабили по дорогѣ своихъ русскихъ, мучили людей, допытываясь у нихъ имѣнія, били скотъ и позволяли себѣ всякаго рода безчинства. Когда они пришли къ Бѣлеву, то ханъ, засѣвшій было тамъ, испугался, прислалъ просить мира, отдаваясь на всю волю князей русскихъ, но тѣ не послушали его рѣчей, двинулись къ городу, нанесли татарамъ сильное пораженіе. На другой день татарскіе мурзы опять пріѣхали для переговоровъ съ великокняжескими воеводами: ханъ давалъ сына и мурзъ своихъ въ заложники, обязывался, пока живъ, стеречь русскую землю и не требовать никакихъ выходовъ. Но воеводы не соглашались и на такія условія; тогда мурзы сказали имъ: «не хотите мира, такъ оглянитесь назадъ!»—и воеводы увидѣли, что все русское войско бѣжитъ назадъ передъ татарами. Причиной этого бѣгства былъ литовскій мценскій воевода Протасьевъ, присланный своимъ княземъ на помощь москвичамъ; онъ передался на сторону хана и началъ говорить московскимъ воеводамъ: «великій князь мой прислалъ ко мнѣ приказъ, чтобы я не бился съ ханомъ, а заключилъ съ нимъ

миръ и распустилъ полки». Когда московскіе воеводы пріуныли отъ этого объявленія, Протасьевъ послалъ ночью къ хану, чтобы тотъ утромъ напалъ на московскую рать. Утро, какъ нарочно, было мглистое, и русскіе сторожа не видали, какъ татары вышли изъ города и напали на московскіе полки; Протасьевъ побѣжалъ прежде всѣхъ, крича: «бѣги! бѣги!» — и всѣ въ ужасѣ побѣжали за нимъ.

Послѣ этой побѣды Улу-Махметъ пошелъ степью мимо русскихъ границъ, переправился черезъ Волгу и засѣлъ въ опустѣлой отъ русскихъ набѣговъ Казани, гдѣ поставилъ себѣ деревянный городъ на новомъ мѣстѣ, а въ іюлѣ 1439 года явился подъ Москвою. Великій князь не успѣлъ собраться съ силами и уѣхалъ за Волгу, оставивъ защищать Москву воеводу своего, князя Юрія Патрикѣевича: ханъ стоялъ 10 дней подъ городомъ, взять его не могъ, но надѣлалъ много зла Русской землѣ; на возвратномъ пути сжегъ Коломну и погубилъ множество людей.

Такъ шла напряженная борьба со степью, не только державшая въ постоянной тревогѣ окраины, примыкавшія къ ней, но грозившая черезъ короткіе промежутки и самой Москвѣ. Обыкновенно татарамъ удавалось уйти отъ русскихъ полковъ, иногда они терпѣли пораженія, затѣмъ снова пользовались княжескими распрями и появлялись даже подъ стѣнами Москвы, хотя чаще всего ограничивались берегами Оки и Волги.

Черезъ 5 лѣтъ послѣ нападенія Улу-Махмета на Москву, султанъ Мустафа пришелъ на Рязань со множествомъ татаръ, повоевалъ волости и села рязанскія и остановился въ степи для продажи плѣнниковъ, которыхъ выкупали рязанцы. Когда плѣнные были всѣ выкуплены, Мустафа пришелъ опять въ Рязань, на этотъ разъ уже съ миромъ; хотѣлось ему зимовать въ городѣ, потому что въ степи не было никакой возможности оставаться: осенью вся степь погорѣла пожаромъ, а зима была лютая, съ большими снѣгами и сильными вьюгами: отъ безкормицы лошади у татаръ перемерли. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то великій князь отправилъ на Мустафу двоихъ воеводъ своихъ—князя Василія Оболенскаго и Андрея Голтяева, съ дворомъ своимъ, да мордву на лыжахъ. Московскіе воеводы нашли Мустафу подъ Переяславлемъ, потому что рязанцы выслали его изъ своего города. Несчастные татары, полузамерзшіе, безконные, не могшіе владѣть луками по причинѣ сильнаго вихря, должны были выдержать нападеніе съ трехъ сторонъ: отъ воеводъ московскихъ, отъ мордвы и казаковъ рязанскихъ; несмотря на безпомощное состояніе свое, татары рѣзались крѣпко, по выраженію лѣтописца, живыми въ руки не давались и были сломлены только превосходнымъ числомъ непріятелей,

причемъ самъ Мустафа былъ убитъ. Другіе татары въ томъ же году отплатили за Мустафу нападеніемъ на рязанскую украйну и на землю мордовскую; а въ слѣдующемъ году Улу-Махметъ засѣлъ въ старомъ Нижнемъ-Новгородѣ и оттуда пришелъ къ Мурому. Великій князь вышелъ противъ него со всѣми своими силами; ханъ испугался и убѣжалъ назадъ въ Нижній-Новгородъ, только передовымъ полкамъ удалось побить татаръ подъ Муромомъ, Гороховцемъ и въ другихъ мѣстахъ. Но въ іюлѣ того же года встрѣча русскихъ съ татарами въ Суздальской землѣ кончилась иначе: у великаго князя войска было всего тысячи съ полторы, потому что полки союзныхъ князей не успѣли собраться, да не успѣли придти и союзные татары; русскіе потерпѣли полное пораженіе. Великій князь отбивался храбро, получилъ много ранъ и былъ наконецъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ.

Этотъ плѣнъ великаго князя вызвалъ въ Москвѣ страшный переполохъ. Великія княгини съ дѣтьми и боярами уѣхали въ Ростовъ, а въ городѣ послѣ ихъ отъѣзда поднялось волненіе: тѣ, которые могли бѣжать, хотѣли оставить Москву; но чернь, собравшись, прежде всего начала строить городовыя ворота, хотѣвшихъ бѣжать хватали, били, ковали, и тѣмъ прекращали волненіе: всѣ вмѣстѣ начали укрѣплять городъ и готовить лѣсъ для постройки домовъ послѣ пожара, который былъ не меньшей бѣдою, чѣмъ гроза татарская. Гроза прошла мимо: ханъ вступилъ въ переговоры со своимъ плѣнникомъ и согласился отпустить его въ Москву за большой выкупъ. Лѣтописи единогласно говорятъ, что съ великимъ княземъ выѣхали изъ Орды многіе князья татарскіе со многими людьми.

III.

Казанскіе походы при Иванѣ III.

Московскіе князья охотно принимали на службу татаръ, чтобы пользоваться ими въ борьбѣ противъ татаръ-же; князь Василій Васильевичъ подвергался обвиненіямъ за то, что любилъ татаръ, кормилъ ихъ и довѣрялся имъ; часто однако эти татарскіе царевичи оказывали большія услуги въ борьбѣ противъ своихъ же соплеменниковъ; одинъ изъ нихъ, Касимъ, получившій въ удѣлъ отъ князя Василія мещерскій городокъ на Окѣ, названный впослѣдствіи по его имени Касимовымъ, вызвалъ при великомъ князѣ Иванѣ III усиленные набѣги казанскаго царя Ибрагима на восточныя окраины Московскаго государства.

Въ 1467 году Касимъ получилъ вѣсть изъ Казани, что тамъ хотятъ видѣть его ханомъ и чтобъ онъ поспѣшилъ туда съ войскомъ; Касимъ обрадовался, далъ знать объ этомъ великому князю и тотъ послалъ къ нему сильную рать подъ начальствомъ кн. Оболенскаго-Стриги. Но когда Касимъ подошелъ къ Волгѣ, то на другомъ берегу уже стоялъ казанскій ханъ Ибрагимъ со всѣми князьями и не допустилъ его до перевоза. Обманутый Касимъ въ холодную и дождливую осень долженъ былъ возвращаться назадъ; оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что многіе изъ ратниковъ Оболенскаго въ постные дни принуждены были ѣсть мясо, а лошади мерли съ голоду; много доспѣховъ было побросано на дорогѣ, но люди всѣ возвратились домой благополучно.

Казанцы спѣшили отомстить и немедленно явились подъ Галичемъ, но получили скудную добычу, ибо всѣ окружные жители сидѣли запершись въ городѣ; городовъ же брать не могли, потому что великій князь успѣлъ разослать заставы на Муромъ, Нижній, Кострому и Галичъ. Борьба продолжалась и въ слѣдующемъ году; брали верхъ то москвичи, то казанцы; наконецъ, въ 1469 году Иванъ III рѣшился однимъ сильнымъ ударомъ остановить дальнѣйшіе успѣхи Ибрагима. Весною, на второй недѣлѣ послѣ Пасхи, отправлена была на судахъ большая рать на казанскія мѣста подъ начальствомъ воеводы Константина Беззубцова (внукъ боярина Ѳедора Кошки). Великій князь отпустилъ съ нимъ «многіе дѣти боярскіе, дворъ свой, также и отъ всея земли своея дѣти боярскіе изъ всѣхъ градовъ своихъ и изъ всѣхъ отчинъ братіи своея по тому же». Нижній-Новгородъ назначенъ былъ сборнымъ пунктомъ, куда должны были сойтись въ одинъ и тотъ же срокъ всѣ суда съ отдѣльными отрядами. Коломничи, муромцы и «всѣ, которые выше ихъ по Окѣ», поплыли Окою; московскіе сурожане (торговцы шелковыми тканями), суконники, купцы и прочіе москвичи, подъ начальствомъ воеводы кн. Оболенскаго, поплыли Москвою рѣкою и Клязьмою; владимірцы и суздальцы—Клязьмой-же; дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи и прочіе поволжане поплыли Волгою. Кромѣ того, великій князь послалъ войско въ Устюгъ подъ начальствомъ воеводы кн. Данила Ярославскаго, поручивъ ему дождаться тамъ вологжанъ съ воеводою Сабуровымъ, и вмѣстѣ съ ними и устюжанами, сѣвъ на суда же, идти прямо на Вятку и поднять вятчанъ противъ казанскаго царя, который незадолго передъ тѣмъ подчинилъ ихъ своей власти.

Впервые на сѣверо-восточной окраинѣ задуманъ былъ походъ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ.

Къ назначенному сроку всѣ войска соединились въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ вдругъ главный воевода Беззубцовъ получилъ

приказаніе остановиться въ дальнѣйшемъ движеніи и отпустить на казанскія мѣста только охотниковъ. Беззубцовъ, по прочтеніи великокняжеской грамоты, оповѣстилъ ее въ войскахъ, а собравшимся къ нему подначальнымъ князьямъ и воеводамъ сказалъ: «прислалъ ко мнѣ князь великій грамоту, а велѣлъ вамъ, кто пожелаетъ, идти воевать казанскія мѣста по обѣ стороны Волги, а мнѣ велѣлъ быть здѣсь въ Новгородѣ, а вы пойдите, а къ городу Казани не ходите. Охотниками оказалось все войско. Князья и воеводы единогласно отвѣтили Беззубцову: «всѣ хотимъ идти на окаянныхъ татаръ за святыя церкви и за своего государя великаго князя Ивана, и за православное христіанство». Лѣтописецъ, со словъ котораго передается этотъ случай, присовокупляетъ: «и пойдоша вси, а Константинъ (Беззубцовъ) остался въ Новгородѣ».

Трудно сказать, какія причины заставили Ивана III отказаться отъ предпріятія, но ратники, собранные въ Нижнемъ-Новгородѣ, одни, безъ большого воеводы, двинулись въ дальнѣйшій походъ. Отплывъ по Окѣ къ Нижнему-Новгороду старому, онѣ пристали къ берегу у церкви Николы на Бичевѣ. Здѣсь ратники слушали молебенъ и, раздавъ милостыню, собрались на сходку подумать о томъ, кого поставить себѣ главнымъ воеводою. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что, по словамъ лѣтописца, «воеводы судовой рати нелюбъ держали между собой, другъ подъ другомъ идти не желая». По долгомъ совѣщаніи, ратники по своей волѣ избрали себѣ вождя изъ «сердитыхъ бояръ» Ивана Дмитріевича Руно. Затѣмъ, въ тотъ же день суда казанской рати, снявшись съ якорей, пустились внизъ по Волгѣ и 21 мая, на ранней зарѣ, увидѣли столицу Казанскаго царства. Казанцы еще спали, когда русскія войска съ трубнымъ звукомъ бросились на посады. Обложенная кругомъ ханская столица была почти уже въ нашихъ рукахъ, но, къ удивленію, ратники, дойдя до самыхъ городскихъ стѣнъ, отошли къ острову Коровничу, а черезъ недѣлю часть рати съ большими судами отошла къ острову Ирихову. Здѣсь русскіе отбивались отъ татаръ, пока не прибылъ къ нимъ Беззубцовъ.

Въ Москвѣ не могло не быть вѣстей о подвигахъ судовой рати подъ Казанью. Очень можетъ быть, что подвиги ихъ произвели перемѣну въ образѣ мыслей великаго князя. Иначе нельзя объяснить появленіе Беззубцова на островѣ Ириховѣ. Беззубцовъ прежде всего послалъ къ вятчанамъ гонца, приказывая имъ словомъ великаго князя немедленно идти къ нему подъ Казань. Посылая къ вятчанамъ судовую рать съ воеводой княземъ Данилой Ярославскимъ, великій князь надѣялся поднять ихъ противъ Казани, но тѣ отвѣчали воеводѣ: «изневолилъ насъ царь Ибрагимъ

и мы обѣщались не помогать ни царю противъ великаго князя, ни великому князю противъ царя».

Гонцу Беззубцова вятчане отказали подъ другимъ предлогомъ: «коли пойдутъ подъ Казань братья великаго князя, тогда пойдемъ и мы». Положеніе Беззубцова часъ отъ часу становилось труднѣе. Уже шла четвертая недѣля, какъ отправленъ былъ гонецъ на Вятку, но ни отъ него, ни отъ князя Ярославскаго не приходило никакихъ извѣстій. А между тѣмъ въ войскѣ «начало недоставать корму, ибо немного запаса съ собой взяли, потому что шли изгономъ». Дѣло дошло до такой крайности, что Беззубцовъ принужденъ былъ, не дождавшись гонца, отплыть со своей ратью назадъ, къ Нижнему. На другой день судовая рать встрѣтилась съ поѣздомъ царицы Казанской, матери Ибрагима, плывшей изъ Москвы въ Казань. Царица остановилась и сказала: «князь великій отпустилъ меня къ моему сыну со всѣмъ добромъ и съ честію; уже не будетъ никакого лиха между ними, но все добро будетъ». Сказавши это, царица поплыла дальше внизъ по Волгѣ; а ратники, успокоенные доброй вѣстью, продолжали путь къ Нижнему. У островка Звенича суда остановились для ночлега. На другой день случилось воскресенье и воины «въ полъ-утра велѣли служить обѣдню, такъ какъ съ ними были священники».

Послѣ обѣдни, только что расположились обѣдать на берегу, «а у иныхъ церквей еще не успѣли обѣдней отслужить», какъ вдругъ снизу показались многочисленныя суда казанскихъ татаръ, сопровождаемыя конной ратью. Русскіе тотчасъ же сѣли на суда и устремились на судовую рать татарскую. «И начали биться съ ними и одолѣли христіане татаръ, тѣ бѣжали къ берегу, гдѣ была ихъ конная рать, конные же татары начали съ берега нашихъ стрѣлять и они отступили отъ нихъ къ своему берегу, а судовые татары опять воротились за ними, тѣ въ свою очередь оборотились и прогнали ихъ къ своимъ; такъ бились весь день и до самой ночи, и разошлись каждый на свой берегъ ночевать». Какъ на другой день они разошлись, лѣтописи не говорятъ; но сохранилось извѣстіе о судьбѣ другого отряда, подъ начальствомъ князя Ярославскаго.

Получивши вѣсть отъ одного татарина, что войско Беззубцова было подъ Казанью и ушло, заключивши миръ съ ханомъ, князь Ярославскій рѣшился выйти изъ Камы въ Волгу и мимо Казани плыть къ Нижнему; но когда онъ поровнялся съ Казанью, то нашелъ, что Волга загорожена татарскими судами; несмотря на неравенство силъ, русскіе должны были вступить въ битву, чтобы проложить себѣ дорогу; битва была ожесточенная, сѣклись, схватываясь руками; нѣсколько воеводъ полегло на мѣстѣ; особенное

мужество выказалъ князь Василій Ухтомскій, который скакалъ по связаннымъ судамъ татарскимъ и билъ ослопомъ непріятеля; русскіе потеряли 430 человѣкъ убитыми и взятыми въ плѣнъ, много было побито, потоплено и татаръ, наконецъ князю Ухтомскому и устюжанамъ удалось пробиться и проплыть къ Нижнему, откуда послали къ великому князю бить челомъ о жалованьѣ: тотъ дважды посылалъ къ нимъ по золотой деньгѣ; но они обѣ эти деньги отдали священнику, который былъ подъ Казанью, пусть Бога молитъ о государѣ и о всемъ его воинствѣ; въ третій разъ государь послалъ имъ запасъ: 700 четвертей муки, 300 пудовъ масла, 300 луковъ, 6000 стрѣлъ, 300 шубъ бараньихъ, 300 однорядокъ изъ иностраннаго сукна и 300 сермягъ, съ приказомъ идти въ новый походъ на Казань.

Въ результатѣ ничего не было сдѣлано: весь успѣхъ ограничивался опустошеніемъ непріятельскихъ областей, за что казанцы тоже не оставались въ долгу; неуспѣхъ главнымъ образомъ зависѣлъ отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненныхъ; одинъ воевода не могъ ничего сдѣлать, потому что не могъ дождаться другого; приказъ великокняжескій и воеводскій не былъ исполненъ: Руно пошелъ на Казань, когда ему прямо было сказано не ходить; подъ Казанью молодые не слушались старшихъ.

Лѣтъ черезъ 20 въ Казани наступили внутреннія смуты и онѣ дали московскому князю возможность утвердить здѣсь рѣшительно свое вліяніе, впервые привести въ зависимость татарское царство.

По смерти Ибрагима осталось двое сыновей отъ разныхъ женъ—старшій Алегамъ и младшій Магметъ-Аминь; около каждаго изъ нихъ образовалась своя сторона. Магметъ-Аминь самъ явился въ Москву бить челомъ великому князю, назвалъ его себѣ отцомъ и просилъ у него силы на брата Алегама. Великій князь исполнилъ эту просьбу и помогъ Магметъ-Аминю утвердиться въ Казани, но тотъ вскорѣ возбудилъ противъ себя негодованіе вельможъ казанскихъ разными насиліями; произошла усобица и казанцы просили Ивана III прислать имъ вмѣсто Магметъ-Аминя младшаго брата его Абдылъ-Летифа, недавно пріѣхавшаго на службу въ Москву изъ Крыма и получившаго въ кормленіе Звенигородъ. Воеводы московскіе посадили Летифа на царство и привели къ «шерти» (присягѣ) за великаго князя всѣхъ князей казанскихъ, улановъ и темныхъ людей, по ихъ вѣрѣ. Магметъ-Аминю, вмѣсто Казани, дали Каширу, Серпуховъ, Хотунь со всѣми пошлинами; но онъ и здѣсь права своего не перемѣнилъ, «жилъ съ насильствомъ и алчно во многомъ», по словамъ лѣтописца. Да и Летифъ не долго царствовалъ. По жалобамъ изъ Казани онъ былъ схваченъ, привезенъ въ

Москву и сосланъ въ заточенье на Бѣлоозеро. На его мѣсто отправленъ былъ въ Казань снова Магметъ-Аминь. Эта помощь не помѣшала ему воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы отложиться отъ Москвы: незадолго до смерти Ивана III онъ схватилъ великокняжескаго посла съ русскими купцами, проѣзжавшими на ярмарку (24 іюня 1505 года); нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе ограблены и отосланы къ ногаямъ, послѣ чего Магметъ-Аминь подходилъ къ Нижнему-Новгороду, который былъ спасенъ искусствомъ и храбростью плѣнныхъ стрѣльцовъ литовскихъ, сосланныхъ въ Нижній.

VI.

Походъ Ахмата и паденіе Золотой Орды.

Около пятидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ еще держалось Казанское царство, пока не положилъ ему конецъ Иванъ Грозный (въ 1552 г.). Гораздо благопріятнѣе для в. к. Ивана III завершилась его борьба съ послѣднимъ ханомъ Золотой Орды—Ахматомъ.

Большая держава Батыя, распавшись на многія царства, была постоянно раздираема междоусобіями, и если одно татарское царство угрожало Москвѣ, то другое мѣшало ему поработить Москву; ханъ Золотой Орды досадовалъ, что рабъ его предковъ, московскій государь, не повинуется ему; но Иванъ Васильевичъ нашелъ себѣ союзника въ крымскомъ ханѣ Менгли-Гиреѣ, врагѣ Золотой Орды.

Иванъ Васильевичъ, при вѣсти о походѣ Ахмата, принялъ свои мѣры—помирился съ братьями, вступилъ въ союзъ съ Крымомъ, отправилъ по Волгѣ судовую рать подъ начальствомъ звенигородскаго воеводы Василія Кудреватаго и крымскаго царевича Нордоулата, брата Менгли-Гирея, чтобы потревожить Сарай, оставшійся безъ обороны. Несмотря на эти мѣры, нашествіе Ахмата сильно безпокоило великаго князя: онъ по природѣ не былъ храбръ память о посѣщеніи Москвы Тахтамышемъ и Эдигеемъ сохранялась въ потомствѣ. Народъ былъ въ тревогѣ: носились слухи о разныхъ зловѣщихъ предзнаменованіяхъ: въ Алексинѣ, куда направлялись татары, люди видѣли, какъ звѣзды, словно дождь, падали на землю и разсыпались искрами, а въ Москвѣ всю ночь колокола звонили сами собою; въ церкви Рождества Богородицы упалъ верхъ и сокрушилъ много иконъ—все это сочтено было предвѣстіемъ бѣды, наступавшей отъ татаръ. Иванъ Васильевичъ отправилъ впередъ войско съ сыномъ Иваномъ, а самъ оставался шесть недѣль въ Москвѣ, между тѣмъ супруга его выѣхала изъ Москвы въ Дмитровъ и оттуда водянымъ путемъ отправилась на Бѣлоозеро. Вмѣстѣ

съ нею великій князь отправилъ свою казну. Народъ съ недовольствомъ узналъ объ этомъ: народъ не терпѣлъ Софьи, называлъ ее «римлянкой»; тогда говорили, что отъ сопровождавшихъ ее людей и боярскихъ холоповъ, «кровопійцъ христіанскихъ», хуже было русскимъ жителямъ, чѣмъ могло быть отъ татаръ. Напротивъ того, мать великаго князя, инокиня Марѳа изъявила рѣшимость остаться съ народомъ въ осадѣ, и за то пріобрѣла общія похвалы отъ народа, который видѣлъ въ ней русскую женщину, въ противуположность чужеземкѣ. Побуждаемый матерью и духовенствомъ, Иванъ Васильевичъ самъ поѣхалъ къ войску въ Коломну; но тамъ окружили его, какъ выражается лѣтописецъ, «богатые сребролюбцы, брюхатые предатели»; они говорили ему: «не становись на бой, великій государь, лучше бѣги!» Иванъ Васильевичъ поддался ихъ убѣжденіямъ, уѣхалъ обратно въ Москву и встрѣтилъ тамъ народное волненіе; въ ожиданіи татаръ толпы перебирались въ Кремль; народъ съ ужасомъ увидѣлъ нежданно своего государя въ столицѣ, въ то время, когда всѣ думали, что онъ долженъ былъ находиться въ войскѣ. Народъ не любилъ Ивана и только боялся его; теперь этотъ народъ далъ волю долго сдержаннымъ чувствамъ и завопилъ: «ты, государь, княжишь надъ нами такъ, что пока тихо и спокойно, ты обижаешь насъ понапрасну, а какъ придетъ бѣда, такъ ты въ бѣдѣ покидаешь насъ. Самъ разгнѣвалъ царя, не платилъ ему выходу, а теперь насъ всѣхъ отдаешь царю и татарамъ».

Духовенство со своей стороны подняло голосъ; всѣхъ смѣлѣе заявилъ себя ростовскій архіепископъ Вассіанъ Рыло. «Ты боишься смерти,—говорилъ онъ Ивану, — но вѣдь ты не безсмертенъ! ни человѣкъ, ни птица, ни звѣрь не избѣгнутъ смертнаго приговора. Если боишься, то передай своихъ воиновъ мнѣ. Я хотя и старъ, но не пощажу себя, не отверну лика своего, когда придется стать противъ татаръ». Нестерпимы были эти слова великому князю; онъ уѣхалъ въ Красное село и послалъ къ сыну Ивану приказаніе немедленно пріѣхать къ нему. Сынъ былъ храбрѣе отца и не послушался его. Иванъ Васильевичъ, раздраженный этимъ непослушаніемъ, приказалъ князю Холмскому силой привезти къ нему сына; но и Холмскій не послушался его и не рѣшился употребить насилія, тогда сынъ великаго князя сказалъ ему: «лучше здѣсь погибну, чѣмъ поѣду къ отцу». Видя, что опаснѣе было оставаться или куда-нибудь бѣжать, чтобы скрыться отъ татаръ, Иванъ рѣшилъ вернуться къ войску.

Между тѣмъ Ахматъ шелъ медленно по окраинѣ Литовской земли, поджидая помощи отъ Казимира; но литовская помощь не пришла къ нему—союзникъ Ивана, Менгли-Гирей, своимъ нападеніемъ отвлекъ литовскія силы. Великій князь московскій пришелъ

съ войскомъ въ Кременецъ, гдѣ соединился съ братьями. Ахматъ двинулся къ рѣкѣ Угрѣ; начались стычки съ передовыми русскими отрядами; между тѣмъ рѣка стала замерзать. Великій князь перешелъ отъ Кременца къ Боровску, объявляя, что здѣсь на пространномъ полѣ намѣренъ вступить въ бой; но тутъ на него опять нашла боязнь. Были у него приближенные совѣтники, которые побуждали великаго князя вмѣсто битвы просить милости у хана. Иванъ Васильевичъ отправилъ къ Ахмату Ивана Товаркова съ челобитьемъ и дарами, просилъ пожаловать его и не разорять своего «улуса». Ханъ отвѣчалъ: «я пожалую его, если онъ пріѣдетъ ко мнѣ бить челомъ, какъ отцы его ѣздили къ нашимъ отцамъ съ поклономъ въ Орду». Въ это-то время пришло къ Ивану посланіе отъ ростовскаго архіепископа Вассіана: пастырь ободрялъ великаго князя примѣрами изъ св. Писанія и изъ русской исторіи, убѣждалъ не поддаваться коварнымъ совѣтамъ трусовъ, которые покроютъ его срамомъ. «Какой пророкъ, какой апостолъ, какой святитель—писалъ, между прочимъ, Вассіанъ—научилъ тебя, христіанскаго царя великихъ русскихъ странъ, повиноваться этому богостудному, сквернному и самозванному царю? Не только за наше согрѣшеніе, но и за нашу трусость и ненадѣяніе на Бога попустилъ Богъ на твоихъ прародителей и на всю землю Русскую окаяннаго Батыя, который пришелъ, разбойнически поплѣнилъ нашу землю, поработилъ насъ и воцарился надъ нами: тогда мы прогнѣвали Бога и Богъ наказалъ насъ, но Богъ, потопившій фараона и избавившій Израиля, все тотъ же Богъ во вѣки! Если ты, государь, покаешься отъ всего сердца и прибѣгнешь подъ крѣпкую руку Его и дашь обѣтъ всѣмъ умомъ и всей душой своей перестать дѣлать то, что ты прежде дѣлалъ, будешь творить судъ и правду посреди земли, любить ближнихъ своихъ, нынѣ не будешь насиловать и станешь оказывать милость согрѣшающимъ, то и Богъ будетъ милостивъ къ тебѣ въ злое время, только кайся не одними только словами, совсѣмъ иное помышляя въ своемъ сердцѣ. Такого покаянія Богъ не принимаетъ: истинное покаяніе состоитъ въ томъ, чтобы перестать дѣлать дурное».

Подъ вліяніемъ-ли этихъ обличеній, или по другимъ причинамъ, трудно сказать, потому что преданія лѣтописей не согласны между собою, да и въ «посланіи» Вассіана было много «пристрастія», но Иванъ не дошелъ до послѣдняго униженія и не поѣхалъ къ хану. Ахматъ прислалъ къ нему тогда съ такимъ словомъ: «если не пріѣдешь самъ, то пришли сына или брата». Иванъ не сдѣлалъ этого. Ахматъ прислалъ еще разъ: «если ни пришлешь ни сына, ни брата, пришли Никифора Басенкова». Этотъ Никифоръ бывалъ въ Ордѣ и ханъ зналъ его. Великій князь не послалъ

и Басенкова, а между тѣмъ пришла нежданная вѣсть: ханъ бѣжалъ со всѣми татарами отъ Угры. Сами татары боялись русскихъ. Ахматъ рѣшился предпринять походъ потому, что надѣялся на помощь Казимира; но Казимиръ не приходилъ, наступали морозы: татары—по выраженію современниковъ—были и босы и ободраны. Челобитье великаго князя сначала ободрило Ахмата, но когда послѣ того московскій князь не исполнилъ его требованія, Ахматъ понялъ дѣло такъ, что русскіе не боятся его, и между тѣмъ посланный внизъ по Волгѣ отрядъ подъ начальствомъ Ноздреватаго и Нордоулата напалъ на Сарай, разграбилъ его, и до Ахмата, быть можетъ, дошли объ этомъ слухи. Ахматъ, повернувши назадъ, пошелъ по Литовской землѣ и съ досады разорилъ ее за то, что Казимиръ не помогъ ему во время.

Иванъ Васильевичъ съ торжествомъ вернулся въ Москву. Москвичи радовались, но говорили: «не человѣкъ спасъ насъ, не оружіемъ избавили мы Руссую землю, а Богъ и Пречистая Богородица». Тогда возвратилась и Софья съ Бѣлоозера со своей толпою. «Воздай имъ, Господи, по дѣламъ ихъ и по лукавству ихъ», говоритъ по этому поводу лѣтописецъ.

Къ большему торжеству Москвы скоро пришла вѣсть, что у рѣки Донца на Ахмата напалъ Иванъ, ханъ Шибанской или Тюменской Орды, соединившись съ ногайскими мурзами; онъ собственноручно убилъ соннаго Ахмата 6 января 1481 года и извѣстилъ объ этомъ великаго князя Московскаго, который за то послалъ ему дары.

Преемники Ахмата были уже совершенно ничтожны. Владычество Золотой Орды прекратилось окончательно. Казимиръ, подвигнувшій ея послѣднія силы, не только не достигъ своего желанія—оставить возрастающее могущество Москвы, но еще навлекъ на собственныя области двойное разореніе: и отъ Менгли-Гирея и отъ самого Ахмата, а тѣмъ самымъ способствовалъ усиленію враждебнаго Московскаго государства.

ИВАНЪ III и СОФІЯ ПАЛЕОЛОГЪ.

По соч. *И. Забѣлина*, «Исторія города Москвы», ч. I-я, изд. 2, М., 1905;—*P. Pierling* «La Russie et le Saint Siège», Tome I. Paris, 1896.—*С. Соловьева* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. V, изд. 4, М.. 1872.

I.

Вопросъ о замужествѣ Зои Палеологъ.

Въ 1453-мъ году турки взяли Константинополь и утвердились на развалинахъ Византійской имперіи. Братъ императора Константина, павшаго на стѣнахъ Царьграда, Ѳома Палеологъ, принужденъ былъ удалиться въ добровольное изгнаніе. Онъ оставилъ на островѣ Корфу свою дочь Зою и двухъ сыновей, Андрея и Мануила, и поспѣшилъ въ Римъ. Здѣсь ему удалось склонить папу Пія II на крестовый походъ противъ турокъ. Но этотъ успѣхъ былъ минутнымъ. Папа умеръ въ Анконѣ раньше, чѣмъ подоспѣли запоздавшія венеціанскія суда; а со смертью его все предпріятіе пало, крестоносцы разбѣжались отъ голода и безденежья. Послѣднія надежды Ѳомы Палеолога на возвращеніе престола рухнули. Его главной заботой стала его семья; онъ выписалъ изъ Корфу своихъ дѣтей; но мѣсяцы проходили безо всякихъ вѣстей о нихъ, и несчастный отецъ уже готовъ былъ считать ихъ погибшими. Ему такъ и не пришлось свидѣться съ дѣтьми; онъ внезапно заболѣлъ и умеръ за день до ихъ пріѣзда. Передъ смертью Ѳома поручилъ своихъ дѣтей кардиналу Виссаріону, одному изъ греческихъ митрополитовъ, подписавшихъ Флорентійское соединеніе церквей. Трудно было выбрать лучшаго опекуна; Виссаріонъ имѣлъ въ Римѣ большое политическое вліяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ считался замѣчательнымъ ученымъ. Какъ жили и воспитывались молодые Палеологи въ Италіи, объ этомъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній; единственнымъ источникомъ можетъ служить письмо Виссаріона къ одному изъ ихъ наставниковъ съ изложеніемъ программы ихъ занятій. Особенно заботила Виссаріона судьба Зои Палеологъ; онъ находилъ ее по уму и красотѣ достойною ея знаменитыхъ пред-

ковъ и мечталъ для нея о королевской коронѣ. Съ этой цѣлью онъ не разъ принимался за ея сватовство; но отсутствіе у нея приданаго, а можетъ быть и другія неизвѣстныя причины, затрудняли дѣло; такъ разстроилось сватовство ея съ маркизомъ Гонзага и Кипрскимъ королемъ Іаковомъ II. Эти неудачи заставили Виссаріона искать женіховъ для Зои въ другихъ странахъ и взоры его остановились на далекомъ, мало кому вѣдомомъ Московскомъ государствѣ. Цѣлый новый планъ возникъ у него; Московскій государь отказался отъ Флорентійскаго соединенія церквей; Зоя, воспитанная въ правилахъ католицизма, должна была послужить этому дѣлу, привлечь русскую церковь къ соединенію съ церковью римской и подчинить ее владычеству папы; достигнувъ этого, можно будетъ легко внушить Московскому государю мысль о крестовомъ походѣ противъ турокъ, ибо кому же, какъ не супругу Византійской царевны, было стать на защиту наслѣдія Византійскихъ императоровъ? Таковъ былъ замыселъ Виссаріона — посмотримъ, какъ онъ осуществился.

II.

Переговоры съ Москвою.

До половины XV-го вѣка Россія не имѣла никакихъ сношеній съ иностранными державами. Но при в. к. Иванѣ III уже появились въ Москвѣ нѣкоторые иноземцы; среди нихъ выдавались два итальянца, Вольпе и Гизларди, извѣстные въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Ивана и Антона Фрязиныхъ. Въ 1468 г. одинъ изъ нихъ прибылъ въ Римъ въ сопровожденіи грека Юрія. Дѣло не малой важности, очевидно привело ихъ сюда, заставивъ преодолѣть всѣ затрудненія, съ какими связанъ былъ выѣздъ изъ Россіи за-границу. И дѣйствительно, въ февралѣ 1469 г. грекъ Юрій вернулся въ Москву съ письмомъ къ в. к. Ивану Васильевичу отъ Виссаріона. Въ этомъ письмѣ кардиналъ предлагалъ Московскому государю руку греческой царевны Зои; по его словамъ, она будто бы отказала изъ преданности къ отцовской вѣрѣ двумъ женихамъ—королю Французскому и герцогу Миланскому, и соглашалась выйти замужъ только за православнаго государя.

Предложеніе Виссаріона встрѣтило откликъ въ Московскомъ великомъ князѣ. Давно уже Иванъ III мечталъ вступить въ сношенія съ Западомъ; онъ недовольствовался дѣятельностью своихъ предшественниковъ. Вся забота Московскихъ князей состояла до сихъ поръ въ собираніи вокругъ Москвы вотчинъ и удѣловъ другихъ князей силою или хитростью; изъ вождей дружины, какими

князья были на югѣ, они на сѣверѣ обратились въ князей-собственниковъ, въ государей-хозяевъ; въ XV в. Московскій великій князь считался сильнѣйшимъ изъ князей сѣверной Руси, но онъ продолжалъ еще носить званіе великаго князя, что означало лишь старшаго въ родѣ княжескомъ; при дворѣ Московскомъ толпились служилые князья, которые помнили свое происхожденіе отъ одного корня съ Московскимъ великимъ княземъ; его вольные слуги пользовались правомъ отъѣзда; отъ стараго порядка сохранялись еще многіе обычаи и преданія, которые стѣсняли свободу дѣйствій Московскаго государя. Иванъ III получилъ отъ своихъ предшественниковъ уже сильное государство; но ему тѣсно было въ тѣхъ рамкахъ, которыя налагалъ на него устарѣвшій строй жизни; изъ хозяина-собственника онъ мечталъ превратиться въ единовластнаго государя всея Руси. Въ половинѣ XV вѣка все клонилось къ тому, чтобы этотъ государь сталъ не только единовластнымъ, но и самодержавнымъ. Въ союзѣ съ церковью Иванъ III сталъ усиленно стремиться къ самодержавной власти; но для полнаго успѣха ему нужна была помощь такого преданія, которое придавало бы его власти новый блескъ, выводило бы ее изъ другого источника, чѣмъ власть остальныхъ князей, его сородичей. Предложеніе кардинала Виссаріона потому и было встрѣчено имъ съ такимъ сочувствіемъ, что оно отвѣчало его личнымъ требованіямъ и желаніямъ; съ одной стороны Ивану Васильевичу представлялась возможность завязать сношенія съ Западной Европой, войти въ семью Европейскихъ государей; а съ другой—бракъ съ греческой царевной дѣлалъ его какъ бы наслѣдникомъ власти Византійскихъ императоровъ.

III.

Пріѣздъ Софьи Палеологъ въ Россію.

Прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ на письмо Виссаріона, Иванъ III, вѣрный обычаямъ старины, пожелалъ узнать мнѣніе своей матери, митрополита и бояръ. Бракъ его съ Зоей Палеологъ не могъ встрѣтить сопротивленія среди нихъ; первый христіанскій князь на Руси, св. Владиміръ, былъ женатъ на греческой царевнѣ; кромѣ того, знатность происхожденія Зои и слава Византійской имперіи были достаточно вѣскими доводами въ пользу этого брака. Снаряжено было посольство въ Римъ, во главѣ его находился Иванъ Фрязинъ. Онъ привезъ великому князю портретъ царевны и пропускныя грамоты отъ папы для проѣзда московскихъ пословъ по всѣмъ землямъ католическимъ. Тотъ же Фрязинъ вскорѣ снова отправился въ Римъ, для того чтобы представлять лицо жениха

при обрученіи. Такъ уладилось дѣло, и въ іюнѣ 1472 г. Зоя выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи кардинала Антонія, многихъ итальянцевъ и грековъ. Папа проявилъ свою щедрость и заботливость по отношенію къ ней; онъ далъ ей въ приданое шесть тысячъ дукатовъ, кромѣ другихъ подарковъ, окружилъ ее подходящею свитою и обратился съ грамотами ко всѣмъ государямъ тѣхъ земель, черезъ которыя лежалъ ея путь, прося ихъ встрѣтить ее съ подобающей честью. 10-го іюля Зоя прибыла въ Болонью; здѣсь устроены ей были торжественный пріемъ и различныя празднества. Она не разъ показывалась народу, и лѣтописцы Болоньи, имѣвшіе случай ее видѣть, съ восторгомъ отзываются объ ея наружности: средняго роста, съ горящими какъ уголь черными глазами, съ кожей поразительной бѣлизны, она имѣла, по словамъ очевидцевъ, не болѣе 24 лѣтъ на видъ и была обворожительна и прекрасна. 19-го іюля въ Винченцѣ Зоя навсегда простилась съ Италіей: трудно сказать, съ какими чувствами покидала она пріютившій ее край для далекой страны, гдѣ ждало ее неизвѣстное будущее. Торжественные пріемы ожидали Зою на всемъ пути ея по Германіи; наконецъ она достигла Любека, откуда моремъ проѣхала въ Ревель. Здѣсь ее ждали, и немедленно по ея прибытіи отправленъ былъ гонецъ во Псковъ, Новгородъ и далѣе въ Москву съ извѣстіемъ объ ея пріѣздѣ; по пути всюду оповѣщенъ былъ наказъ, чтобы будущую государыню встрѣчали и принимали честно. Псковскіе бояре выѣхали навстрѣчу царевнѣ; они сошлись съ ея поѣздомъ въ устьѣ Эмбаха, вышли изъ судовъ, налили кубки и позолоченные роги виномъ и медомъ и били ей челомъ; Зоя приняла ихъ челобитье «въ честь и любовь великую» и объявила, что сейчасъ же хочетъ ѣхать съ ними дальше, чтобы поскорѣе покинуть нѣмцевъ. Посадникъ пригласилъ ее вмѣстѣ со свитой въ свои посады и перевезъ на русскій берегъ. Передъ Псковымъ была также оказана Зоѣ «честь большая»; вышли къ ней навстрѣчу священники съ крестами и посадники; принявъ благословеніе отъ духовенства и челобитье отъ посадниковъ, Зоя пошла въ Троицкій соборъ. Не мало удивлялся народъ псковскій кардиналу Антонію, его красной мантіи, перчаткамъ и латинскому распятію, которое несли передъ нимъ. Едва вступивъ на русскую землю, Зоя или Софья, какъ переименовали ее въ Россіи, совершенно отрѣшилась отъ католичества: быть можетъ, окружавшіе ее греки внушили ей это, быть можетъ, она совершила это добровольно. Кардиналъ Антоній долженъ былъ очень удивиться, когда она велѣла ему приложиться къ иконамъ по православному обычаю; она видѣла, что поведеніе его въ церкви вызываетъ недоумѣніе народа. Такъ порвала Софья съ прошедшимъ и съ Римскою церковью; рѣшительное исповѣданіе

ею православной вѣры положило конецъ мечтамъ папы и Виссаріона о соединеніи церквей при ея посредствѣ.

Такія же почести, какъ во Псковѣ, оказаны были Софьѣ и въ Новгородѣ. Но она спѣшила въ Москву и потому не останавливалась на пути. Между тѣмъ въ Москвѣ происходило не маловажное совѣщаніе; дѣло шло о папскомъ легатѣ, кардиналѣ Антоніи; обсуждался вопросъ, можно-ли допустить его въ Москву съ латинскимъ распятіемъ, которое передъ нимъ несли. Митрополитъ Филиппъ рѣшительно этому воспротивился; поэтому великій князь долженъ былъ приказать отобрать у него крестъ и спрятать въ саняхъ. Кардиналъ выказалъ мало сопротивленія, а больше противился московскій посолъ Иванъ Фрязинъ; ему хотѣлось оказать папѣ, послу его и всей землѣ ихъ честь въ отвѣтъ на ту, которую ему самому оказывали въ Римѣ; находясь тамъ, онъ скрылъ, что принялъ въ Москвѣ православную вѣру, и исполнялъ всѣ латинскіе обряды.

IV.

Украшеніе Москвы.

12 ноября 1472 г. Софья въѣхала торжественно въ Москву; въ тотъ же день она была обвѣнчана съ великимъ княземъ. На слѣдующій день кардиналъ Антоній былъ принятъ Иваномъ и поднесъ ему дары отъ папы. Разумѣется, онъ долженъ былъ немедленно же обратиться къ дѣлу о соединеніи церквей; на споръ съ нимъ митрополитъ выставилъ Никиту Поповича; но кардиналъ не нашелся, что отвѣчать на доводы противника, и, по словамъ лѣтописца, кончилъ споръ, сказавъ: «нѣтъ книгъ со мною». Кардиналъ уѣхалъ изъ Москвы, ничего не добившись. Такимъ образомъ, попытка Римскаго двора возобновить Флорентійское соединеніе церквей посредствомъ брака великаго князя Московскаго съ Софьей Палеологъ окончилась полной неудачей; Софья не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагали въ Римѣ. Но бракъ этотъ имѣлъ другія важныя послѣдствія; вліяніе Софьи на разныя стороны русской жизни XV вѣка сказалось вскорѣ послѣ того, какъ она стала Московской великой княгиней.

Прежде всего это вліяніе выразились въ наружномъ украшеніи Москвы. Для глазъ, привыкшихъ къ великолѣпію римскихъ построекъ, Москва, занесенная снѣгомъ, съ ея скромнымъ Кремлемъ и деревянными домами, должна была казаться странною, неприглядною; поэтому у Софьи естественно должно было явиться желаніе способствовать украшенію города, ставшаго ей роднымъ. До сихъ поръ Кремль былъ весь построенъ изъ дерева, и даже ветхія ка-

менныя стѣны его не отличались своимъ видомъ отъ остальныхъ деревянныхъ построекъ, а маленькія каменныя церкви исчезали въ общей массѣ деревянныхъ хоромъ великокняжескихъ и боярскихъ. Вообще каменныя строенія были большою рѣдкостью въ древней Москвѣ, и лѣтописцы старательно заносили въ свои временники извѣстія о всякой подобной постройкѣ. Внѣ Кремля, на посадѣ, каменныхъ церквей былъ такъ мало, что онѣ обозначались какъ особое урочище. О жилыхъ каменныхъ зданіяхъ никто и не помышлялъ, даже въ самомъ Кремлѣ. Древняя Москва со всѣми ея постройками и многочисленными храмами, была деревянной, поэтому, когда случались пожары, она выгорала изъ конца въ конецъ. Казалось бы, что именно непрестанные пожары должны были научить горожанъ борьбѣ съ огнемъ, заставить ихъ строиться изъ несгораемаго матеріала; однако съ Ивана Калиты до второй половины XV вѣка все оставалось по старому; послѣ каждаго пожара москвичи снова строились изъ дерева, чтобъ снова погорѣть до тла при новомъ пожарѣ. Это странное обстоятельство объясняется дешевизной въ то время строительнаго матеріала и необыкновенной скоростью постройки. Но оно же очень мѣшало развитію строительнаго каменнаго дѣла; русскіе мастера кое-какъ справлялись еще съ небольшими храмами, но терпѣли полную неудачу при постройкѣ большихъ. Такъ, года черезъ полтора по пріѣздѣ Софьи Палеологъ въ Москву, здѣсь обрушился начатый недавно постройкой Успенскій соборъ. Главною причиной такого несчастія было плохое искусство московскихъ мастеровъ. Побуждаемый Софьей великій князь рѣшилъ послать за мастерами въ Италію; онъ не жалѣлъ на нихъ денегъ, но итальянскіе художники неохотно шли въ Москву, опасаясь дальности разстоянія и жизни среди незнакомаго народа. Проходили годы, пока наконецъ въ Москвѣ, вслѣдъ за строителемъ Успенскаго собора, Фіоравенти, стали появляться эти желанные мастера. Въ 1485 г. прибыли въ Москву итальянскіе архитекторы Антонъ и Марко Фрезины; они занялись не постройкою храмовъ, а сооруженіемъ новыхъ Кремлевскихъ стѣнъ. Два года спустя, въ 1487 г., великій князь велѣлъ Венеціанскому мастеру Марку заложить большую палату на своемъ дворѣ, гдѣ стоялъ теремъ; въ 1491 г. она была готова. Это была такъ называемая Грановитая палата, предназначавшаяся для торжественныхъ пріемовъ и собраній.

V.

Споръ о престолонаслѣдіи.

Такъ понемногу обновлялась Москва снаружи подъ вліяніемъ тѣхъ вкусовъ и потребностей, которыя принесла съ собою съ Запада супруга великаго князя. Въ то же время въ самомъ дворцѣ Ивана III происходили значительныя внутреннія перемѣны и смуты; виновницей ихъ современники не колеблясь признали ту же Софью Палеологъ. 26 марта 1479 г. родился у нея сынъ Василій-Гавріилъ. Но у великаго князя былъ уже старшій сынъ Иванъ, носившій въ отличіе отъ отца прозваніе Молодого и наименованный великимъ княземъ. Въ 1490 г. онъ заболѣлъ ломотою въ ногахъ; лѣкарь-еврей, вывезенный русскими послами изъ Венеціи, взялся его лѣчить, поручившись жизнью за его выздоровленіе; но отъ лѣченія его Ивану Молодому не стало лучше, и онъ умеръ. Великій князь велѣлъ казнить лѣкаря; но бояре, недовольные имъ и особенно Софьей за новые порядки при великокняжескомъ дворѣ, упрекали ихъ въ отравленіи Ивана Молодого. Послѣ него остался малолѣтній сынъ Димитрій, отъ брака его съ Еленой, дочерью Молдавскаго господаря. Рождался вопросъ, кому наслѣдовать великое княженіе: внуку-ли Димитрію, или сыну Софьи—Василію? Послѣдній имѣлъ за собою важныя преимущества; какъ сыну Византійской царевны, ему, разумѣется, а ужъ никакъ не Димитрію принадлежалъ гербъ Римской имперіи; кромѣ того, и сама Софья была способна внушить мужу и сыну высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи, своихъ правахъ, была способна поддержать эти права. Начались происки, дворъ раздѣлился на двѣ стороны. Недовольные Софьей бояре поддерживали противницу ея Елену, вдову Ивана Молодого, и сына ея Димитрія. Напротивъ того, на сторону Софьи и сына ея Василія стали дѣти боярскіе и дьяки. Одинъ изъ нихъ, дьякъ Ѳедоръ Стромиловъ, извѣстилъ Василія, что отецъ его склоняется на сторону Димитрія и хочетъ его пожаловать великимъ княженіемъ; Стромиловъ совѣтовалъ поэтому Василію, вмѣстѣ съ другими дѣтьми боярскими, выѣхать изъ Москвы, захватить казну въ Вологдѣ и на Бѣло-озерѣ и погубить Димитрія. Но заговоръ былъ открытъ въ декабрѣ 1497 года: великій князь посадилъ сына подъ стражу на его же дворѣ, а приверженцевъ его велѣлъ казнить. Гнѣвъ Ивана не миновалъ и жены его, великой княгини Софьи; кромѣ того, онъ обвинялъ ее въ томъ, что къ ней приходили ворожеи съ зельемъ, неизвѣстно для какихъ цѣлей, и сталъ ея остерегаться. Такимъ образомъ исполнилось желаніе бояръ: Софья, казалось, навсегда утратила свое вліяніе на великаго князя. Но удалившись отъ нея, Иванъ не удалился отъ мыслей, внушенныхъ

ею. Онъ поспѣшилъ совершить надъ внукомъ своимъ Димитріемъ царское вѣнчаніе, которое состоялось въ Успенскомъ соборѣ 5 февраля 1498 г. Новыхъ привычекъ и обращенія съ подданными своими онъ не измѣнилъ. Уже вскорѣ послѣ брака своего съ Софьей Иванъ, по замѣчанію лѣтописцевъ, явился грознымъ государемъ на Московскомъ великокняжескомъ столѣ; отъ князей и дружины своей онъ сталъ требовать безпрекословнаго повиновенія и строго карать за ослушаніе; онъ возвысился до царственной недосягаемой высоты, передъ которою бояринъ. князь, потомокъ Рюрика и Гедимина, должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Современники и потомство приписали эту перемѣну внушеніямъ Софьи, и нѣтъ основанія отвергать ихъ свидѣтельство. Вмѣстѣ съ тѣмъ при Московскомъ дворѣ появился пышный этикетъ, напоминавшій Византію, создались новыя должности, утратились прежняя простота и непринужденность; великій князь становился все менѣе и менѣе доступенъ: о преемникѣ Ивана III, Василіи, опальный бояринъ Берсень выразился, что онъ «запершись самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлалъ»; тѣ же рѣчи шли и къ отцу Василія. Во всѣхъ этихъ новшествахъ бояре обвиняли Софью, и потому не могли относиться къ ней доброжелательно. Понятно, что они радовались торжеству Димитрія надъ сыномъ Софьи, Василіемъ, и надѣялись вернуть свое прежнее вліяніе. Но радость эта не была продолжительна. Не прошло еще года послѣ царскаго вѣнчанія Димитрія, какъ въ январѣ 1499 г. страшная опала постигла два знатнѣйшихъ боярскихъ семейства, князей Патрикѣевыхъ и князей Ряполовскихъ. Не взирая на значеніе, родство и заслуги, Иванъ приговорилъ къ смертной казни кн. Патрикѣева съ двумя сыновьями и зятя его кн. Ряполовскаго. Просьбы духовенства спасли жизнь Патрикѣевымъ; они насильно были пострижены въ монахи.

Неизвѣстно, въ чемъ именно состояла измѣна Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ; но нѣтъ сомнѣнія, что она стояла въ связи съ дѣйствіями боярской партіи противъ Софьи и ея сына, въ пользу Елены и Димитрія—внука. Это ясно изъ того, что за опалою крамольныхъ бояръ немедленно послѣдовала опала Елены и Димитрія, торжество Софьи и Василія. 14 апрѣля 1499 г. Иванъ III посадилъ сына своего на великое княженіе Владимирское, Московское и всея Руси самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита. Софья заняла прежнее мѣсто при великомъ князѣ; но кровавыя распри семьи, лишенія и несчастія оставили на ней свой слѣдъ, озлобили ее и заглушили ея добрыя сердечныя наклонности. Какъ до опалы она не сумѣла пріобрѣсти любви русскихъ людей, такъ и, вернувшись къ власти, не привлекла къ себѣ ихъ сердецъ; умерла она 7 апрѣля 1503 г., за два года до смерти мужа.

VI.

Москва—третій Римъ.

Кромѣ вліянія на наружное украшеніе Москвы, на вопросъ о престолонаслѣдіи и на внутренній порядокъ при великокняжескомъ дворѣ, Софья оказала воздѣйствіе и на внѣшнее положеніе Московскаго государства. Гордой Византійской царевнѣ трудно было помириться съ мыслью, что татарское иго все еще тяготѣетъ надъ Русью. Она требовала отъ Ивана, чтобы онъ порвалъ свои отношенія съ Ордой и пересталъ платить дань хану; по словамъ лѣтописцевъ, Иванъ склонился на ея внушенія.

Когда-то новая и гордая столица Римской имперіи, мѣстопребываніе императора, центръ управленія обширнымъ государствомъ, Византія—мечтала сдѣлаться также и центромъ религіознымъ; Византія хотѣла стать вторымъ Римомъ. Нѣчто подобное происходило теперь и въ Москвѣ, подъ впечатлѣніемъ паденія Византіи и тѣхъ перемѣнъ, которыя внесла въ жизнь Московскаго государства византійская царевна, ставшая супругою Московскаго великаго князя. Оба эти событія сильно подѣйствовали на умы современниковъ. Взятіе Константинополя «безбожными агарянами» въ сердцахъ русскихъ людей отозвалось болѣзненно; пала твердыня православія, откуда просвѣтилась христіанствомъ Русская земля и въ которой она искони привыкла видѣть верховную руководительницу своей духовной жизни; изъ Царьграда приходили на Русь ученые пастыри церкви, византійскій патріархъ благословлялъ русскихъ митрополитовъ, и сами великіе князья московскіе подчинялись духовной власти Византіи. Съ паденіемъ ея рождался вопросъ: откуда будетъ Русь получать впредь это духовное руководство? Къ кому обращаться за разрѣшеніемъ религіозныхъ споровъ и кто будетъ рукополагать русскихъ митрополитовъ? Небывалый еще на Руси ростъ могущества Московскаго великаго князя, подчиненіе имъ непокорныхъ окрестныхъ князей и вольныхъ городовъ, освобожденіе отъ татарскаго ига и внѣшній блескъ, приданный двору Ивана III и столицѣ его новыми порядками, сношеніями съ иностранными государями, наружнымъ украшеніемъ Москвы—всѣ эти явленія невольно навели умы современниковъ на новую мысль, которая не только льстила народной гордости, но и находила оправданіе во всѣхъ предшествующихъ событіяхъ. Если пала Византія, то это еще не значитъ, что пало и православіе; перемѣстился только центръ православной жизни; Московскій великій князь—самый могущественный и единственный самостоятельный изъ православныхъ государей, слѣдовательно ему принадлежитъ духовное наслѣдіе Византіи, онъ—оплотъ православія и защитникъ православной церкви.

Такъ поняли русскіе люди совершившуюся на ихъ глазахъ перемѣну. Но это впечатлѣніе не было бы такъ сильно, если бы самъ Иванъ III своимъ бракомъ съ Софьей Палеологъ не подтвердилъ торжественно этого взгляда на свое новое значеніе. Свое преемство отъ Византіи Иванъ наглядным образомъ выразилъ, присвоивъ себѣ гербъ византійскихъ императоровъ, двуглавый орелъ, и принявъ въ сношеніяхъ съ иноземными государями ихъ титулъ кесаря-царя.

Бракъ Ивана III съ Софьей встрѣтилъ осужденіе среди нѣкоторой части русскаго общества, а именно—среди князей и бояръ, не хотѣвшихъ помириться съ новыми порядками и съ потерей прежняго своего значенія при дворѣ. Но съ другой стороны, большинство современниковъ увидѣло въ этомъ бракѣ доказательство новаго значенія, пріобрѣтеннаго Московскимъ государемъ, и привѣтствовало его, какъ окончательное признаніе за Москвой первенства во всемъ православномъ мірѣ. Во главѣ этихъ современниковъ стояло духовенство, единственная образованная часть общества, и оно поспѣшило признать Ивана III оплотомъ православной церкви. Это признаніе выразилось въ ученіи, что Москва—третій Римъ; Царьградъ былъ вторымъ Римомъ; но онъ палъ, и центръ православія перенесся на сѣверъ, въ Россію, а вмѣстѣ съ тѣмъ перешло къ ней и все значеніе сокрушеннаго турками «второго Рима». По мнѣнію русскихъ церковныхъ книжниковъ, паденіе Царьграда было Божіимъ наказаніемъ за отступленіе грековъ отъ православія и присоединеніе Константинопольской церкви къ Флорентійской уніи; въ Византіи, по словамъ ихъ, «померкло солнце благочестія». Кому же какъ не Руси было сохранить это благочестіе чистымъ и неприкосновеннымъ? И вотъ, въ концѣ XV вѣка псковскій игуменъ Филоѳей въ посланіи къ великому князю Ивану III даетъ ясное выраженіе ученію о томъ, что Москва есть третій Римъ. «Церковь стараго Рима пала невѣріемъ аполлинаріевой ереси», пишетъ онъ, «второго же Рима—Константинопольскую церковь—изсѣкли сѣкирами агаряне. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима—державнаго твоего царствія—святая соборная апостольская церковь, во всей поднебесной паче солнца свѣтится. И да вѣдаетъ твоя держава, благочестивый царь, что всѣ царства православной христіанской вѣры сошлись въ твое единое царство; одинъ ты во всей поднебесной христіанамъ царь. Два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быть; твое христіанское царство уже инымъ не достанется». Въ этихъ строкахъ Филоѳей явился выразителемъ вѣры русскихъ людей въ великое назначеніе Русской земли какъ хранительницы истиннаго православія. Съ этой вѣрой перешла Русь и въ новый наступавшій XVI вѣкъ,

УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ МОСКВѢ.

По соч. *И. Забѣлина* «Исторія города Москвы», ч. 1-я—изд. 2-е, 1905 г. и *его же* «Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ», Древн. и Нов. Россія, 1878 г., т. I.

I.

Постройка собора.

Въ 1326 г. митрополитъ Петръ, незадолго до своей кончины, заложилъ въ Кремлѣ каменную соборную церковь во имя Успенія Божіей Матери; онъ завѣщалъ похоронить себя въ этомъ храмѣ, но умеръ до его окончанія и былъ погребенъ въ указанномъ имъ самимъ мѣстѣ въ недостроенной еще церкви. Гробница святителя стала предметомъ почитанія всей Москвы и какъ бы духовнымъ средоточіемъ московской жизни. Преемникъ Петра, митрополитъ Ѳеогностъ, окончательно основался въ Москвѣ, не желая покинуть, какъ онъ говорилъ, «чудотворцева гроба». Такъ, уже первый небольшой Успенскій соборъ привлекалъ къ себѣ вниманіе русскихъ людей, приписывавшихъ пребыванію въ немъ мощей святителя Петра чудесное возвышеніе Москвы. Прошло 146 лѣтъ со времени основанія Успенскаго собора; много боролась за это время Москва за свое первенство, много несчастій постигло ее, но она вышла крѣпче прежняго изъ борьбы и соединила вокругъ себя громадную территорію; духовнымъ средоточіемъ всей этой территоріи остался скромный храмъ Успенія съ мощами святителя.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ XV-го столѣтія заложенный митр. Петромъ соборъ сталъ грозить разрушеніемъ; своды его нужно было подкрѣплять толстыми деревянными столбами. Митр. Филиппъ въ 1471 г. сталъ помышлять о постройкѣ новаго собора; съ этой цѣлью онъ велѣлъ всѣмъ церквамъ и монастырямъ по всему государству вносить «серебро на церковное созданіе»; бояре и гости также начали жертвовать. Какъ образецъ для новаго храма, митрополитъ взялъ Успенскій соборъ во Владимірѣ, построен-

ный Андреемъ Боголюбскимъ. Начали готовить камень для постройки, выкопали рвы, набили въ нихъ сваи и стали воздвигать фундаментъ. 30 Апрѣля 1472 г. совершена была торжественная закладка собора въ присутствіи великаго князя Ивана III съ сыномъ и братьями. Во главѣ работъ поставленъ былъ Иванъ Влад. Голова-Ховринъ. Когда зданіе выведено было въ ростъ человѣка, приступили къ разборкѣ древняго храма, оказавшагося по срединѣ между стѣнами новаго. Мощи митрополитовъ, находившіяся въ немъ, были торжественно перенесены на предназначенныя имъ мѣста въ новомъ соборѣ, въ стѣнахъ котораго сдѣланы были для нихъ «кіоты» (впадины). Особенно торжественно перенесены были мощи митр. Петра; митр. Филиппъ переложилъ ихъ изъ истлѣвшей во время пожара деревянной раки въ новую каменную и вынесъ ихъ изъ стараго собора. Когда послѣдній былъ сломанъ, мощи были снова перенесены на то же мѣсто, гдѣ онѣ раньше находились, а надъ ними и надъ будущимъ алтаремъ построена была временная деревянная, небольшая церковь, гдѣ впослѣдствіи совершилось бракосочетаніе Ивана III съ Софьей Палеологъ. Весь слѣдующій 1473-й годъ постройка собора шла успѣшно; въ апрѣлѣ въ Кремлѣ случился большой пожаръ, но онъ не повредилъ строющемуся храму; въ это же время скончался митр. Филиппъ. Къ веснѣ 1474-го года церковь, по словамъ лѣтописца, была уже «чудна вельми и превысока зѣло»; она уже была доведена до сводовъ, которые оставалось только замкнуть, чтобъ на нихъ соорудить среднюю главу. И вдругъ, вечеромъ 20 мая церковь внезапно разрушилась, упала вся сѣверная стѣна ея и наполовину обвалилась западная съ устроенными при ней хорами; упали также столбы и своды. Остальныя стѣны были настолько повреждены, что страшно было войти и въ деревянную церковь, почему великій князь вскорѣ велѣлъ и ихъ разрушить. Главною причиной такого несчастія и такой печали для всего города послужило плохое искусство мастеровъ или, вѣрнѣе сказать, полная несостоятельность тогдашняго строительнаго художества. Старый способъ постройки заключался въ обычаѣ класть стѣны съ обѣихъ сторонъ, наружной и внутренней, изъ тесанаго камня въ одинъ рядъ, оставляя между ними значительный промежутокъ, который заполнялся бутомъ, булыжникомъ и известью; самое существенное въ этомъ дѣлѣ былъ добрый растворъ извести, которая въ древней кладкѣ оказывалась столь же крѣпкой, какъ булыжникъ; но въ XV в. разучились готовить известь по старому способу. Кромѣ того, причиной паденія храма считали лѣстницу, которую возводили на хоры, находившіеся надъ западной стѣной; стѣна не выдержала тяжести сводовъ и разрушила все зданіе. При паденіи храма никто не постра-

далъ, такъ какъ всѣ работавшіе уже разошлись, но этотъ случай опечалилъ всю Москву. Великій князь рѣшилъ призвать для постройки мастеровъ изъ Пскова, но они не взялись за это дѣло. Оставался одинъ выходъ—послать за мастерами за-границу; весьма возможно, что эта мысль была подсказана великому князю его супругой Софьей Ѳоминишной. Въ іюлѣ 1474 г. посланъ былъ въ Венецію посолъ Семенъ Толбузинъ; ему много труда стоило склонить мастеровъ ѣхать въ Россію; наконецъ одинъ изъ нихъ, Альберти Фіоравенти котораго въ Москвѣ назвали Аристотелемъ, согласился поѣхать съ жалованьемъ въ 10 руб. въ мѣсяцъ. Аристотель привезъ съ собой сына своего Андрея и ученика Петра. Осмотрѣвъ разрушенную церковь, онъ нашелъ, что известь плоха и что камень не твердъ, и предпочелъ строить изъ кирпича. Къ работѣ Аристотель приступилъ въ апрѣлѣ 1475 г., сломавъ оставшіяся стѣны собора; онъ устроилъ подъ Москвой особый кирпичный заводъ и сталъ копать новые рвы для фундамента. Въ первое лѣто онъ вывелъ постройку до уровня земли; при этомъ онъ особымъ способомъ готовилъ известь и ею обмазывалъ стѣны. Лѣтомъ 1476 г. стѣны были готовы до половины своей высоты, на слѣдующій годъ онѣ достигли уже подсводной части зданія, причемъ скрѣплены были желѣзными связями. Въ 1478 г. постройка была окончена вчернѣ; своды были сведены и кромѣ средней большой главы сдѣланы были четыре малыя; вокругъ шеи большой главы Аристотель устроилъ потаенную «казну», т. е. хранилище для опасныхъ случаевъ; хоры онъ построилъ возлѣ алтаря и тутъ же вывелъ лѣстницу, чтобы всходить на верхъ храма. Полъ былъ сдѣланъ изъ мелкаго камня (мозаики), а крышу настилали новгородскіе мастера. Постройка была совсѣмъ окончена въ 1479 г. «Была та церковь», пишетъ лѣтописецъ, «чудна вельми величествомъ и высотою и свѣтлостью и звонкостью и пространствомъ, таковой прежде не бывало на Руси, кромѣ Владимірской».

12 августа 1479 г. соборъ былъ торжественно освященъ митрополитомъ Геронтіемъ. Радость въ этотъ день всей Москвы была неописуема, минуло уже 7 лѣтъ и 4 мѣсяца, какъ древній Успенскій соборъ былъ разобранъ и не было въ городѣ соборнаго храма. Великій князь велѣлъ раздать милостыню на весь городъ и на окружные монастыри, и задалъ торжественный пиръ духовенству и боярамъ. Черезъ нѣсколько дней совершилось и перенесеніе мощей митрополитовъ, которыя были вынесены, когда Аристотель приступилъ къ постройкѣ, обратно въ соборъ. Въ 1482 г. соборъ былъ украшенъ иконописью. По окончаніи постройки его Аристотель продолжалъ оставаться въ Москвѣ, занятый литьемъ колоколовъ и пушекъ; великій князь, не смотря на его просьбы, не

хотѣлъ его отпускать на родину и даже однажды велѣлъ его посадить въ тюрьму за намѣреніе уѣхать въ Италію. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

II.

Черты древне-русскаго зодчества

Постройка Успенскаго собора совпала съ окончательнымъ объединеніемъ Руси подъ властью Московскаго великаго князя; вмѣстѣ съ тѣмъ она знаменательна и въ другомъ отношеніи: при созданіи его московскіе люди впервые познакомились съ Западомъ, съ его искусствомъ и техникой; древне-русская техника оказалась несостоятельной, нужно было прибѣгнуть къ новому источнику знанія и умѣнія, чтобы достигнуть желаемаго результата—построить небывалыхъ еще размѣровъ соборъ, достойный столицы великаго государства. Совершенство западно-европейской техники было блестяще доказано Аристотелемъ, и съ этихъ поръ Москва стала вызывать къ себѣ цѣлый рядъ итальянскихъ мастеровъ для всякаго рода художествъ. Это первое соприкосновеніе съ Западной Европой не осталось безъ послѣдствій для русскихъ людей, научивъ ихъ многому, и давъ имъ понятіе о западно-европейской цивилизаціи.

Но если русскіе люди соглашались уступать иноземцамъ выполненіе такихъ работъ, какъ постройка церквей, дворцовъ и стѣнъ Кремля, то съ другой стороны они не хотѣли, чтобъ эти иноземцы вносили въ художественную отдѣлку зданій черты, которыя противорѣчили бы художественному вкусу, воспитанному на древне-русскихъ образцахъ. Аристотель Фіоравенти могъ строить Успенскій соборъ по тому болѣе совершенному способу, который онъ привезъ съ собою съ Запада, но измѣнять планъ собора на итальянскій образецъ ему бы не позволили; образцомъ былъ взятъ древній Владимірскій соборъ, и отступать отъ этого образца считалось бы преступленіемъ не только противъ благочестія, но и противъ вкуса русскаго человѣка. Въ чемъ же заключались характерныя черты древне-русской архитектуры, какъ выразительницы національныхъ вкусовъ и взглядовъ?

Первые образцы церковнаго зодчества явились на Русь изъ Византіи, вмѣстѣ съ христіанской вѣрой. Въ большинствѣ случаевъ прежде всего строились церкви деревянныя, какъ первый Новгородскій Софійскій соборъ, притомъ небольшого размѣра, на подобіе тѣхъ, какія до сихъ поръ сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ Россіи, въ Суздальской и Новгородской области. Византійскія формы сохранились въ общихъ чертахъ неподвиж-

ными цѣлые вѣка, по той простой причинѣ, что это была, какъ и весь церковный обрядъ, нерушимая святыня, которая не могла подвергаться измѣненіямъ свободнаго творчества. Въ планѣ и устройствѣ храма русскіе люди видѣли символъ высшихъ предметовъ христіанскаго почитанія; глава церкви знаменовала Христа, шея церковнаго купола—апостоловъ, пазухи (т. е. паруса сводовъ, на которыхъ держалась шея купола)—евангелистовъ, поясъ зданія—праздники. Поэтому изображеніе Спасителя всегда помѣщалось въ сводѣ главы, иконы апостоловъ—въ стѣнахъ шеи, евангелистовъ—въ сводахъ, поддерживавшихъ шею въ четырехъ углахъ храма, а праздники изображались въ средней части зданія (поясѣ). Въ этой внутренней символикѣ храма обрисовывалась и его наружная форма. Ученіе о томъ, что верхъ храма не есть простой верхъ зданія, но что онъ есть «глава», изображающая главенство Господне надъ христіанскимъ обществомъ, заставляло русскихъ строителей вырабатывать знакомую намъ теперь форму главы, не плоской—по византійскому образцу, а съ «пучиной», т. е. выпуклую, въ формѣ луковицы или «маковицы», выдающейся надъ болѣе тонкой и длинной шеей. Установленный типъ храма былъ одноглавый, какъ и въ Византіи; но уже въ самомъ началѣ церковнаго строительства на Руси появляется на храмахъ по нѣскольку главъ, сначала на однихъ соборныхъ церквахъ, потомъ и на приходскихъ. На Кіево-Софійскомъ соборѣ было тринадцать главъ (изображеніе Христа и 12 апостоловъ), столько же—на Новгородской Софіи, а на Кіевской Десятинной церкви было 25 главъ. До нынѣ типъ такихъ многоглавыхъ церквей сохранился въ нѣкоторыхъ деревянныхъ церквахъ русскаго сѣвера. Но это количество главъ нисколько не мѣняло существа установленной формы, ни въ планѣ, ни въ фасадѣ. Къ основнымъ линіямъ плана присоединялись придѣлы, притворы или боковые ходы; основной планъ представлялъ собою квадратъ съ тремя округлостями съ восточной стороны для алтаря; стѣны дѣлились горизонтально широкимъ поясомъ на два яруса, а вертикально—на три части, каждая изъ которыхъ вверху обдѣлывалась въ «кружало» въ видѣ арки. Къ этому основному плану и стали присоединять придѣлы; кромѣ того, для увеличенія размѣровъ храма, къ основному дѣленію каждой стѣны на три доли прибавляли новыя такія же доли увѣнчанныя такими же кружалами. Одна средняя глава церкви размножалась нѣсколькими сторонними, причемъ одновременно умножалось и количество внутреннихъ подпоръ-столбовъ, и число стѣнныхъ долей и алтарныхъ округлостей. Такъ создавался обширный соборъ, представлявшій собою какъ бы собраніе или группу храмовъ, выросшихъ изъ одного. Для соборнаго храма установился со временемъ пятиглавый типъ, какъ наи-

болѣе употребительный; пятиглавымъ является и Московскій Успенскій соборъ.

Сооруженіе каменныхъ церквей въ нашей по преимуществу лѣсной странѣ было довольно рѣдкимъ случаемъ и требовало большихъ расходовъ; лѣтописцы новгородскіе, псковскіе, московскіе никогда не пропускаютъ случая упомянуть, что тогда-то была построена такая-то каменная церковь. Въ небольшихъ городахъ, въ селахъ и деревняхъ довольствовались деревомъ для постройки храмовъ. Естественно, что этотъ матеріалъ не могъ воспроизвести византійскую каменную форму во всей ея полнотѣ. Кромѣ того, по разнымъ далекимъ и мало извѣстнымъ угламъ страны установленный образецъ никогда не могъ соблюдаться такъ строго, какъ въ большихъ городахъ, гдѣ находились знающіе и образованные представители духовной власти. Деревянное зодчество было въ рукахъ самого народа, и поэтому оно приняло своеобразное развитіе, далеко отступавшее отъ византійской формы. Первоначально церковь строилась въ видѣ жилого дома, на подобіе клѣти съ двускатной крышей, по срединѣ которой ставилась небольшая глава съ крестомъ; съ восточной стороны къ ней придѣлывалось помѣщеніе для алтаря. Но потомъ стали всячески украшать внѣшній видъ церкви; вмѣсто крыши ставили другъ на друга двѣ или три клѣтки, одна другой меньше, пирамидою, отчего внутри выходило нѣчто въ родѣ квадратныхъ сводовъ; въ каждой клѣткѣ прорубались оконца, а сверху ставилась глава съ крестомъ. Кромѣ того, стали строить церкви не квадратныя, а многоугольныя на 6, 8, 12 и болѣе угловъ; такая форма сруба требовала «шатроваго» прикрытія (въ видѣ шатра). Иногда храмъ строился въ видѣ креста, четырехконечнаго или многоконечнаго, и тогда вокругъ одной центральной клѣти воздвигались такія же клѣти крестообразно. Для обширныхъ соборныхъ церквей типическими формами были какъ постройка крестомъ («кресчатая»), составлявшая группу болѣе или менѣе высокихъ четыреугольныхъ клѣтей, такъ и «круглая», т. е. состоявшая изъ группы многогранниковъ. Для каждой формы былъ особый видъ покрытія: въ кресчатой церкви каждый изъ квадратовъ, соединенныхъ въ крестъ, покрывался на четыре ската, а продольные четыреугольники крылись «бочкою», т. е. заостреннымъ къ верху полукружіемъ; многогранники же сводились въ «шатеръ», причемъ каждый отдѣльный шатеръ завершался небольшою маковицей. По сторонамъ средней большой главы ставились иногда двѣ меньшія, не съ цѣлью обозначить количество придѣловъ, которые всегда имѣли особыя главы, но съ тѣмъ, чтобы придать зданію больше красоты, а также съ мыслью о знаменованіи св. Троицы. Это триглавіе, какъ впослѣдствіи пятиглавіе,

составляло тоже типическую форму, особенно для сельскихъ храмовъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что выработка въ древне-русскомъ зодчествѣ обширнаго храма основана была не на развитіи его пространства въ особое художественное цѣлое, по свободному замыслу, но ограничивалась наслоеніемъ однородной формы съ сохраненіемъ главныхъ особенностей первоначальнаго образца. Храмовая группа, состоявшая изъ большаго главнаго храма и меньшихъ побочныхъ храмовъ, сдѣлалась любимымъ типомъ обширности и красоты Божьяго храма. Въ деревянномъ зодчествѣ обработка круглой, т. е. многогранной шатровой формы, съ теченіемъ времени достигла того, что эта форма, какъ красивѣйшая по народнымъ понятіямъ, была усвоена и каменнымъ зодчествомъ и особенно распространилась въ первой половинѣ XVI-го столѣтія, именно въ Москвѣ, гдѣ въ то время работали уже итальянскіе художники. Въ исторіи русскаго искусства это было время очень замѣчательное, вполнѣ выразившее, какимъ самобытнымъ характеромъ и самостоятельною мыслью отличалась древне-русская архитектура. Казалось бы, что призванные итальянцы своими нововведеніями должны были совсѣмъ измѣнить обликъ нашего древняго зодчества и водворить въ немъ новыя, западно-европейскія формы. Между тѣмъ, именно только при ихъ помощи, воскресаетъ далекая старина во всей полнотѣ, возсоздаются древніе образцы, и все дѣло итальянцевъ ограничивается одной технической стороной. Они научаютъ русскихъ людей дѣлать и класть кирпичи, растворять известь, поднимать на блокахъ строительные матеріалы и т. д. Это пріобрѣтенное русскими архитектурное мастерство тотчасъ развертываетъ крылья у русскаго замысла, который стремится увѣковѣчить въ кирпичѣ тѣ формы чисто русскихъ сооруженій, какія въ деревянномъ зодчествѣ переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію, съ первыхъ дней распространенія христіанства на Руси. Самымъ типичнымъ и яркимъ представителемъ этого расцвѣта старыхъ формъ, заимствованныхъ каменнымъ зодчествомъ у деревяннаго, является построенный Иваномъ Грознымъ въ 1560 г. соборъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Онъ можетъ считаться характернымъ образцомъ тѣхъ кресчатыхъ и круглыхъ (многогранныхъ) соборныхъ церквей, форма которыхъ въ видѣ группы храмовъ была выработана самимъ народомъ, его религіозными потребностями и понятіями о красотѣ Божьяго храма, безъ всякаго посредства иноземныхъ вліяній.

III.

Иноземное вліяніе въ русскомъ искусствѣ.

Итальянцы прибыли въ Россію въ такое время, когда въ Италіи созидалось величіе возрождающагося искусства. Всѣ они—Аристотель Фіоравенти, Петръ Антоній, Петрокъ Малый, Маркъ, Алевизъ, Бонъ и другіе, несомнѣнно, были не только учениками своихъ великихъ мастеровъ, но и носителями новыхъ идей искусства, которыми ознаменована эпоха Возрожденія. Но чѣмъ же ознаменовалось это достопамятное нашествіе итальянскихъ художниковъ на деревенскую и деревянную Москву? Оказывается, что Успенскій соборъ построенъ Аристотелемъ по образцу Владимірскаго; по тому же образцу построенъ Алевизомъ Новымъ въ 1508 г. Архангельскій соборъ; имъ же по типу новгородскихъ церквей построена была церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ; Бонъ Фрязинъ соорудилъ колокольницу, стоящую рядомъ съ Иваномъ Великимъ, по образцу колоколенъ Новгорода и Пскова; въ 1514 г. Алевизъ Фрязинъ поставилъ на государевыхъ сѣняхъ церковь Рождества Богородицы съ одной главой, по типу древнихъ одноглавыхъ храмовъ, и по тому же образцу выстроилъ церковь Благовѣщенія на Старомъ Ваганьковѣ. Во всѣ эти работы итальянцы вкладывали принесенное ими съ Запада мастерство, техническіе пріемы, они положили начало кирпичной кладкѣ вмѣсто употреблявшейся раньше византійской кладки — ставить стѣну на половину изъ кирпича, на половину изъ бута (что послужило, какъ мы видѣли, причиной паденія построенныхъ русскими мастерами стѣнъ Успенскаго собора). Но Русь крѣпко держалась своего ума и обычая и не была способна отворять широкія двери такимъ нововведеніямъ, которыя могли бы измѣнить черты ея старинныхъ вкусовъ, нравовъ и понятій. Поэтому все дѣло призванныхъ итальянцевъ ограничилось техническою стороной, исполненіемъ стараго русскаго замысла съ новыми техническими пріемами. Эти пріемы оказали громадную услугу развитію русской архитектуры: благодаря новому способу кладки кирпичей усвоены были многіе итальянскіе пріемы въ обдѣлкѣ различныхъ «обломовъ», т. е. выдающихся и впадающихъ частей зданія, способствовавшихъ развитію той характерной черты русскаго зодчества, которую можно назвать «узорочностью». Овладѣвъ кирпичемъ, какъ деревяннымъ брусомъ, русскій мастеръ въ мелочной уборкѣ зданія придерживался формъ деревяннаго зодчества. Любимыми формами были треугольникъ («клинъ») и полукругъ («кружало»). Стѣны первоначальныхъ одноглавыхъ церквей обдѣлывались въ своей вершинѣ или въ клинъ или въ три

кружала. Стѣнной «подзоръ» (фризъ) убирался въ большинствѣ случаевъ кружальными фигурами («закомарами»); надъ окнами и дверьми устраивались также или кружало въ видѣ «бочки», т. е. заостренное кверху, или треугольникъ. Напротивъ того, гдѣ требовалось показать устойчивость подпоры зданія, особенно въ обдѣлкѣ нижнихъ частей его, тамъ употреблялась въ видѣ орнамента «ширинка», т. е. четыреугольникъ. По идеямъ клина и кружала, шатра и бочки, русское кирпичное зодчество выработало двѣ особыя формы для церквей. Восьмигранные храмы оно выводило шатромъ, причемъ фризъ его украшался «закомарами» въ одинъ, два или три яруса. Въ четыреугольныхъ церквахъ вся верхняя сводная часть покрывалась «бочками», положенными одна надъ другой пирамидой, надъ которой возвышалась шея или столбъ церковной главы. Для устройства пятиглавой церкви главы ставились по угламъ пирамиды. Въ этомъ отношеніи русская церковная архитектура очень напоминаетъ архитектуру Индіи, гдѣ часто встрѣчаются пирамидально возвышающіеся ряды покрытій бочками. Самая группа пятиглавія и многоглавія, хотя и выработана по христіанскимъ идеямъ, однако обличаетъ сходство съ художествомъ Индіи. Не можетъ быть, конечно, здѣсь рѣчи о заимствованіи русскихъ строительныхъ формъ изъ Индіи; дѣло объясняется сходствомъ вкусовъ и представленій о строительной красотѣ.

Самостоятельность развитія русскаго зодчества проявилась и въ томъ, что приходившіе на Русь и до появленія итальянскихъ художниковъ иноземцы не вносили своихъ идей и формъ въ русское искуство; такъ, уже въ XII-мъ вѣкѣ въ Новгородѣ и Псковѣ часто работали нѣмецкіе мастера, въ ту эпоху, когда германство создавало свой готическій стиль. Между тѣмъ именно готическаго стиля нѣтъ слѣда въ нашихъ памятникахъ. Татары точно также не оказали никакого вліянія на русскій архитектурный стиль. Художественные вкусы русскихъ людей не подчинялись какимъ-либо вліяніямъ извнѣ, кромѣ одного старозавѣтнаго вліянія Византіи. Съ приходомъ итальянцевъ русскіе взяли у нихъ лишь такія формы, которыя согласовались съ ихъ вкусами и преданіями и на которыхъ они воспитывались уже цѣлые вѣка. При помощи итальянцевъ русское зодчество успѣло тотчасъ встать на собственныя свои ноги и обѣщало блестящее развитіе. Но въ XVII вѣкѣ московскіе патріархи въ своихъ предписаніяхъ стали воспрещать строить церкви шатромъ и требовали, чтобы главы были круглыя, а не острыя, и чтобъ ихъ было не болѣе пяти. Эти запрещенія оказали дурную услугу русской церковной архитектурѣ, положивъ предѣлъ самобытному творчеству, противъ котораго возстало правительство въ защиту древнихъ византійскихъ формъ. Съ этого времени шатровая форма устано-

вилась только для постройки колоколенъ, взамѣнъ древней ихъ постройки въ видѣ стѣны съ пролетами, въ которыхъ помѣщались колокола. Освященный типъ, который рекомендовали патріархи для сооруженія церквей, былъ Владимірскій соборъ и его возсозданіе— Успенскій соборъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ, Успенскій соборъ сталъ своего рода оффиціальнымъ образцомъ для церковнаго строительства, и въ этомъ заключается его значеніе въ развитіи русской церковной архитектуры.

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

(По соч. *Н. Павлова-Сильванскаго* «Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства». Спб. 1898).

I.

Закрѣпощеніе вольныхъ слугъ.

Бояре удѣльнаго времени были вольными слугами князей. Бояринъ во всякое время могъ «отказаться» отъ службы одному князю и перейти на службу, «приказаться» другому князю. Эта свобода службы постоянно обезпечивалась особой статьей княжескихъ договоровъ: «а боярамъ и слугамъ между нами вольнымъ воля». Великіе князья долгое время видѣли въ правѣ отъѣзда, въ правѣ перемѣны государя неотъемлемое право бояръ и даже взаимно обязывались въ договорахъ «не держать нелюбья» на отъѣзжавшихъ слугъ. И вольные слуги нерѣдко пользовались своимъ правомъ отъѣзда. При этомъ, по общему правилу, бояре сохраняли всѣ права на свои вотчины, хотя бы даже они переходили на службу къ врагу своего прежняго князя. «Боярамъ и слугамъ вольнымъ воля,—обязывались взаимно князья въ договорныхъ грамотахъ,—а села, домы имъ свои вѣдати, а намъ въ нихъ не вступатися».

Съ усиленіемъ своей власти московскіе государи начинаютъ въ пятнадцатомъ столѣтіи энергичную борьбу съ противо-государственнымъ правомъ отъѣзда бояръ и слугъ и затѣмъ достигаютъ полнаго его упраздненія. Новгородское правительство еще въ четырнадцатомъ столѣтіи запретило боярамъ, отъѣзжавшимъ изъ Новгорода на службу къ великимъ князьямъ, удерживать за собою вотчины въ предѣлахъ Новгородскихъ владѣній. «Села, земли и воды бояръ, въ случаѣ ихъ отъѣзда, вѣдаетъ Великій Новгородъ, а тѣмъ боярамъ и слугамъ ненадобѣ», — сказано въ договорѣ 1368 года. Великіе князья, не обладая тою властью, какую имѣлъ Новгородъ на своей землѣ, долго не могли рѣшиться на эту мѣру

по отношенію къ боярамъ и слугамъ-вотчинникамъ. Но право отъѣзда бояръ, естественно, вызывало крайнее раздраженіе въ князьяхъ. Случалось, что князья вымещали свое неудовольствіе на имуществѣ отъѣзжавшихъ, грабили села ихъ и дома, вопреки договорамъ о неприкосновенности имущества лицъ, пользовавшихся правомъ отъѣзда. Когда многіе бояре и дѣти боярскія, служившіе князю Дмитрію Юрьевичу Шемякѣ, въ 1447 году били челомъ служити великому князю Василію Васильевичу Темному, то Шемяка, нарушая договоръ и крестное цѣлованіе, «тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и домы поотымалъ, и животы и станки всѣ и животину у нихъ поималъ». Также опалялись и другіе князья на отъѣзжавшихъ бояръ, особенно когда въ XV вѣкѣ они сдѣлались болѣе самовластными государями.

Духовная литература оказываетъ важную помощь князьямъ въ ихъ борьбѣ съ правомъ отъѣзда. Начиная съ XIV столѣтія, церковные книжники проводятъ новый взглядъ на отъѣздъ, какъ на измѣну. «Поученіе ко всѣхъ христіанамъ», получившее широрое распространеніе въ спискахъ XIV и XV вѣковъ, сравниваетъ съ Іудой слугу, отъѣхавшаго отъ князя: «и се паки и еще вамъ глаголю, чада моя, аще кто отъ своего князя ко иному отъѣдетъ, а достойну честь пріемля отъ него, то подобенъ Іудѣ, иже, любимъ Господомъ, умысли предати его ко княземъ жидовскимъ». Позднѣйшіе лѣтописцы называютъ бояръ, переходившихъ на службу къ другому князю, крамольниками, льстивыми. Объ отъѣздѣ старшаго боярина Нижегородскаго княжества Василія Румянца лѣтописецъ отозвался такъ: «и отъиде Румянецъ, Іюдинъ образъ вземъ, помрачися злобою, и другъ діаволу нарекся».

Московское правительство въ XV вѣкѣ было уже настолько сильно, что могло бы открыто объявить себя сторонникомъ этого новаго взгляда и отмѣнить право отъѣзда. Но оно не только не дѣлаетъ этого, но даже настаиваетъ на его сохраненіи, обязывая къ тому союзныхъ князей; въ договорахъ московскихъ великихъ князей съ другими великими и удѣльными князьями повторяется древнее правило: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля». Право отъѣзда было болѣе невыгодно для слабыхъ князей, чѣмъ для Московскаго великаго князя. Богатый московскій великокняжескій дворъ во множествѣ привлекалъ бояръ и слугъ изъ другихъ удѣловъ. Благодаря боярскому праву отъѣзда, московскіе князья пріобрѣтали болѣе новыхъ чужихъ слугъ, чѣмъ теряли своихъ. Опираясь на договоры, они привлекали къ себѣ на службу бояръ изъ другихъ княжествъ. Но въ то же время силой не дозволяли своимъ слугамъ переходить къ другимъ князьямъ, карали ихъ за это, какъ измѣнниковъ. Въ 1476 году много тверскихъ бояръ и дѣтей

боярскихъ перешли изъ Твери въ Москву служить великому князю Ивану Васильевичу; онъ принялъ ихъ съ честью, но былъ недоволенъ тѣмъ, что въ Твери оставалось еще много бояръ и слугъ, вѣрныхъ тверскому князю. Противъ нихъ предпринимается рядъ притѣсненій и обидъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Въ концѣ концовъ, тверскіе бояре, «не терпяше обиды отъ великаго князя», вынуждены были перейти на службу въ Москву. За своими боярами и слугами Иванъ III на дѣлѣ не признаетъ права отъѣзда. Князь Оболенскій-Лыко, обиженный его несправедливымъ судомъ, уѣхалъ къ брату великаго князя, удѣльному князю Борису Васильевичу Волоцкому. Иванъ потребовалъ отъ своего брата выдать Оболенскаго головою; получивъ отказъ, онъ поручилъ боровскому намѣстнику поймать бѣглеца тайно, и какъ только Оболенскій пріѣхалъ въ свое село на Боровцѣ, то былъ схваченъ и въ оковахъ отвезенъ въ Москву. Между тѣмъ у Ивана былъ незадолго передъ тѣмъ заключенъ съ княземъ Борисомъ Волоцкимъ договоръ, которымъ взаимно обезпечивалась свобода боярскаго перехода.

При Иванѣ III бояре и слуги Московскаго великаго княжества фактически уже не пользовались правомъ отъѣзда. По отношенію къ боярамъ бывшаго Ярославскаго княжества Иванъ открыто узаконилъ отмѣну этого права въ своемъ завѣщаніи 1504 года: «боярамъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ, сказано въ этомъ завѣщаніи, — со своими вотчинами и съ куплями отъ сына моего Василія не отъѣхати никому никуда; а кто отъѣдетъ, земля ихъ сыну моему». Новое правило о неотъѣздѣ служилыхъ людей было утверждено въ малолѣтство Ивана Грознаго митрополитомъ и боярами.

Отмѣна права отъѣзда произвела глубокую перемѣну въ положеніи высшаго класса населенія. Изъ вольныхъ слугъ они превратились въ невольныхъ служилыхъ людей.

Такая же глубокая перемѣна произошла въ теченіе XV—XVI столѣтій въ положеніи служебныхъ князей. Сначала закрѣплены были за государствомъ территоріи ихъ удѣловъ; затѣмъ закрѣпощены были и сами владѣтельные князья.

Всѣ болѣе значительныя княжества, которыя одно за другимъ переходили въ руки московскихъ великихъ князей, въ XIV и особенно въ XV столѣтіи, раздробились на множество мелкихъ удѣловъ, подчиненныхъ великому князю, владѣвшему стольнымъ городомъ области. Тѣмъ или другимъ путемъ, завоеваніемъ или покупкой, московскіе государи присоединяли постепенно къ своимъ владѣніямъ такія великія княжества. При этомъ они непосредственно овладѣвали городами и нѣкоторыми селами, но дозволяли мелкимъ владѣтельнымъ князьямъ по прежнему владѣть своими землями, на

положеніи служебныхъ князей московскаго князя. Служебные князья самостоятельно владѣли своими вотчинами, дѣлили ихъ между своими дѣтьми и передавали имъ свои владѣтельныя права. Ярославское великое княжество было присоединено къ Москвѣ въ 1463 году; городъ Ярославль перешелъ въ непосредственное обладаніе московскаго государя. Но московское правительство дѣйствовало очень осторожно въ дѣлѣ собиранія Руси; многочисленные ярославскіе князья сохранили за собою свои мелкіе удѣлы. Сыновья и внуки великаго князя ярославскаго, князья Пенковы, управляютъ своими обширными вотчинами даже въ первой половинѣ XVI вѣка, съ пріемами владѣтельныхъ князей; монастыри имъ бьютъ челомъ, они даютъ имъ жалованныя грамоты, у нихъ свои тіуны и дьяки. Весьма много служебныхъ князей, сохранившихъ владѣтельныя права на удѣлы, было на юго-западѣ тогдашней Россіи, въ пограничныхъ съ Литвою Смоленской и Черниговской областяхъ. Въ концѣ XV вѣка князья этихъ областей—Воротынскіе, Одоевскіе, Тарусскіе, одинъ за другимъ переходили на службу со своими отчинами къ Московскому князю, передавая въ его обладаніе важные пограничные города, Одоевъ, Тарусу и другіе. Московское правительство, естественно, довольствовалось политическою властью надъ удѣлами этихъ князей и оставляло имъ права на ихъ наслѣдственныя княжества. Въ концѣ XV вѣка служилые князья Одоевскій, Воротынскій, Бѣльскій ходили въ походъ со своими особыми удѣльными полками. Князья Оболенскіе, какъ и другіе, пользуются въ своемъ удѣлѣ полными правами суда.

Оставляя служилымъ князьямъ почти въ прежнемъ объемѣ власть надъ удѣлами, московское правительство стремилось къ тому, чтобы эти князья не порвали своей служебной связи съ московскимъ государемъ и не выводили своихъ земель изъ его верховнаго обладанія. Первоначально великіе князья московскіе не лишаютъ служебныхъ князей свободы личной службы; эти князья являются такими же вольными слугами, какъ и бояре. Но, въ противоположность боярамъ, служебные князья рано лишаются права сохранять въ своемъ владѣніи вотчины при переходѣ на службу къ другому государю. Великій князь Василій Васильевичъ Темный обязалъ своего дядю Юрія въ 1458 году не принимать къ себѣ въ службу съ вотчинами московскихъ служебныхъ князей. Великій князь Иванъ Васильевичъ III идетъ еще далѣе отца своего Василія Васильевича по пути закрѣпощенія служилыхъ князей. Эти князья теперь не только не имѣютъ права передать кому либо своихъ удѣловъ, но и сами не могутъ перейти къ другому государю на службу, становятся лично несвободными. Для достиженія этой цѣли Иванъ Васильевичъ беретъ со служилыхъ князей клятвенныя

записи о вѣрной службѣ и неотъѣздѣ. Такія записи брались съ конца XV вѣка, преимущественно отъ южно-русскихъ князей, выходцевъ изъ Литвы, Мстиславскихъ, Воротынскихъ, Бѣльскихъ, которыхъ московское правительство подозрѣвало въ желаніи отъѣхать въ Литву. Въ 1474 г. князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій далъ слѣдующее обязательство: «Мнѣ, князю Даніилу, своему осподарю, великому князю Ивану Васильевичу и его дѣтямъ служити до своего живота, а не отъѣхати ми отъ своего осподаря, ни отъ его дѣтей, къ иному ни къ кому. А добра ми ему и его дѣтямъ хотѣти всегда во всемъ, а лиха ни мыслити, ни хотѣти никакого. А гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о лихѣ государя своего и великаго князя, и мнѣ то сказати государю своему и его дѣтямъ вправду, по сей моей укрѣпленой грамотѣ безъ хитрости. А крѣпости дѣля, князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій осподарю своему, великому князю, Ивану Васильевичу, цѣловалъ есми честный и животворящій крестъ и далъ есми на себя сію свою грамоту за подписью и за печатью осподина своего Геронтія, митрополита всея Руси». При этомъ еще за князя Холмскаго поручилось восемь служилыхъ людей—всего на сумму 8000 рублей.

Дѣло, начатое Иваномъ Васильевичемъ, продолжается сыномъ его Василіемъ III и внукомъ Иваномъ IV. При малѣйшемъ подозрѣніи въ желаніи отъѣхать, служебный князь берется подъ стражу, а затѣмъ даетъ запись и представляетъ за себя поручителей. Эти послѣдніе въ свою очередь должны были представить за себя поручителей «подручниковъ». Въ неотъѣздѣ того или другого князя оказывались, такимъ образомъ, заинтересованными сотни служилыхъ людей.

II.

Приниженіе служебныхъ князей.

Служилые князья, держась прежняго удѣльнаго разъединенія, не составили особаго сплоченнаго круга лицъ, проникнутыхъ общими интересами; они вступили въ ряды московской придворной и служилой знати и, служа при дворѣ или на воеводствахъ, ослабляли свои связи съ родовыми вотчинами и теряли свое значеніе самостоятельныхъ державныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ разъединенныя княжескія владѣнія, ничтожныя въ сравненіи съ обширными дворцовыми землями, все болѣе дробились между размножавшимися княжескими родами и сравнивались съ рядовыми боярскими вотчинами. Удѣльные князья, по присоединеніи ихъ владѣній къ Москвѣ, обыкновенно не оставались жить обособленно въ своихъ княжествахъ, но являлись къ блестящему двору своего го-

сударя и входили въ составъ московской придворной и служилой аристократіи; служба московскому князю равняла ихъ съ московскою знатью.

Нѣкоторые владѣтельные князья, пріѣхавшіе въ Москву изъ Литвы или съ великокняжескихъ удѣльныхъ столовъ, образовали высшій разрядъ московской знати, оттѣснивъ на второй планъ большую часть старыхъ боярскихъ родовъ. Таковы были потомки литовскаго князя Юрія Патрикѣевича, южно-русскіе князья Мстиславскіе, Бѣльскіе и сѣверные князья Рюриковичи: Ростовскіе, Пенковы (ярославскіе), Шуйскіе (суздальскіе) и другіе. Среди нихъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ держался родъ Кошкиныхъ изъ первостепеннаго московскаго боярства. Это боярство (Воронцовы, Давыдовы, Челяднины) стояли по службѣ наравнѣ съ менѣе значительными княжескими родами, владѣвшими удѣлами въ бывшихъ княженіяхъ Тверскомъ, Ярославскомъ и на южной границѣ, а именно: съ князьями Микулиными, Курбскими, Воротынскими, старшими Оболенскими. Потомки мелкихъ князей удѣльныхъ, сохранившіе свои владѣнія или лишившіеся ихъ до прихода въ Москву, князья Ушатые, Симскіе, Прозоровскіе и многіе другіе не только вообще сравнялись съ нетитулованнымъ боярствомъ, но даже стали по служебной знатности въ одинъ рядъ со второстепенными боярскими родами, Колычевыхъ, Сабуровыхъ, Салтыковыхъ и другихъ.

Независимый удѣльный князь, дѣлаясь слугою московскаго государя, естественно, становился выше стариннаго московскаго боярина, потому что ранѣе, въ то время, какъ бояринъ служилъ, князь самъ былъ государемъ, имѣвшимъ такихъ же своихъ слугъ-бояръ. Но къ началу XVI вѣка исчезали послѣднія самостоятельныя княжества, въ Москвѣ явилось много такихъ служебныхъ князей, которые перешли въ ряды придворныхъ слугъ московскаго государя не прямо съ удѣльныхъ столовъ, но послуживши ранѣе другимъ удѣльнымъ князьямъ. Такой князь, служившій ранѣе въ боярахъ у князя Тверского или Воротынскаго, становился, при переходѣ въ Москву, въ качествѣ тверского боярина, ниже родовитаго московскаго боярина. Московскіе государи охотно принимали къ себѣ слугъ, бояръ и князей изъ другихъ княжествъ. Но дворъ ихъ былъ полонъ знатными родами; здѣсь встрѣчались не только потомки великихъ князей, но и сами великіе князья, лишившіеся своихъ княженій. Вступая въ среду этой знати, не только удѣльные, тверскіе и другіе бояре, но и мелкіе владѣтельные князья сразу принижались въ своемъ значеніи. Князь В. В. Ромодановскій, — потомокъ утратившихъ удѣльную самостоятельность князей стародубскихъ, служилъ бояриномъ у удѣльнаго князя Михаила

Андреевича. Впослѣдствіи, въ 1501 году онъ служитъ въ Москвѣ уже въ болѣе низкомъ чинѣ окольничаго и умираетъ, не дослужившись до чина московскаго боярина.

Издавна, въ дѣлѣ государственнаго управленія, рядомъ съ московскимъ княземъ стояла боярская дума, члены которой были вліятельными совѣтниками государя. Когда въ Москву собрались представители владѣтельныхъ княжескихъ родовъ, они вошли въ составъ боярской думы и здѣсь пытались проявить часть своей прежней политической независимости, теперь уже въ качествѣ самостоятельныхъ совѣтниковъ—думцевъ.

Между тѣмъ московскіе государи, съ объединеніемъ Руси, оказались достаточно могущественными, чтобы противопоставить этимъ притязаніямъ свою сильную власть государя-самодержца и умалить значеніе боярской думы. Личная власть государя быстро усиливалась. Иванъ III утверждаетъ самодержавіе. Послѣ брака съ племянницей послѣдняго императора византійскаго, Софьей Палеологъ (1472), Иванъ III, по словамъ историка Соловьева, «явился грознымъ государемъ на московскомъ великокняжескомъ столѣ; онъ первый возвысился до царственной недосягаемой высоты, передъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина долженъ былъ благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ; по первому мановенію грознаго Іоанна головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ». Такъ былъ казненъ знатный князь Семенъ Ряполовскій-Стародубскій, который прогнѣвилъ Ивана III тѣмъ, что слишкомъ «высокоумничалъ». Вельможи, подвергавшіеся такимъ опаламъ, трепетали передъ государемъ и уже не могли имѣть прежняго значенія въ качествѣ независимыхъ, свободныхъ совѣтниковъ. Преемникъ Ивана, Василій III, не допускалъ даже возраженій со стороны думцевъ. Когда въ думѣ обсуждался вопросъ о Смоленскѣ, бояринъ Берсень-Беклемишевъ попробовалъ возражать государю, «и князь великій того не полюбилъ, да молвилъ: пойди смердъ прочь, не надобенъ ми еси».

Упадку значенія служебныхъ князей способствовало чрезмѣрное дробленіе ихъ удѣловъ между наслѣдниками. Ни одно значительное княжеское владѣніе не сохранялось въ цѣлости долгое время. Удѣлы дѣлились на дробныя вотчины. А потомки владѣтельныхъ князей становились мелкими вотчинниками, забывали объ удѣльныхъ преданіяхъ. Да и земли, вслѣдствіе отлива крестьянскаго населенія къ юго-восточнымъ окраинамъ, во многихъ областяхъ потеряли свою цѣну, и вотчинники принуждены бывали закладывать и продавать ихъ въ монастыри.

Другою силою, ослаблявшею значеніе владѣтельныхъ князей, была ихъ служба. Вступая въ ряды государевыхъ служилыхъ лю-

дей, они должны были разставаться на долгое время съ родовыми владѣніями и расходиться во всѣ концы обширнаго московскаго государства далеко отъ своихъ родныхъ мѣстъ. Служа постоянно въ Москвѣ или въ провинціи, въ должностяхъ намѣстниковъ, воеводъ, осадныхъ головъ и другихъ, князья ослабляли прежнюю тѣсную связь съ наслѣдственнымъ удѣльнымъ владѣніемъ, теряли свое значеніе въ качествѣ мѣстныхъ державныхъ землевладѣльцевъ.

Къ числу мѣръ, ослаблявшихъ самостоятельность князей, долженъ быть отнесенъ и указъ Ивана III, которымъ было ограничено ихъ право собственности на землю. Именно, княжескимъ родамъ Ярославскимъ, Суздальскимъ и Стародубскимъ запрещено было продавать свои вотчины кому бы то ни было безъ вѣдома великаго князя, а также отдавать ихъ «по душѣ» въ монастыри. Такимъ путемъ великій князь могъ наблюдать, чтобы вотчины, переходя изъ рукъ въ руки, не сосредоточивались въ большомъ количествѣ въ рукахъ одного какого либо владѣтельнаго князя, которому правительство не довѣряло. Ради уничтоженія остатковъ удѣльнаго порядка и для полнаго торжества новыхъ государственныхъ началъ, Иванъ III не останавливался и передъ такимъ рѣшительнымъ средствомъ, какъ лишеніе многихъ князей ихъ наслѣдственныхъ владѣній.

III.

Мѣстничество.

Служебные князья вошли въ составъ московскаго боярства, стали служилыми вотчинниками и помѣщиками. Взамѣнъ утраченнаго политическаго значенія лучшіе княжескіе роды заняли привилегированное положеніе избранной правительственной знати. Княжата оттѣснили отъ первыхъ мѣстъ большую часть старинныхъ боярскихъ родовъ. По разрядамъ со времени Ивана III высшія должности государственнаго управленія занимаютъ служилые князья, съ двумя-тремя первостепенными фамиліями московскихъ бояръ, Кошкиныхъ или Вельяминовыхъ-Воронцовыхъ. Нѣсколько ниже ихъ стоятъ другіе старинные московскіе боярскіе роды съ второстепенными служилыми князьями. Княжата разстанавливаются въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ по старшинству столовъ, на которыхъ сидѣли ихъ владѣтельные предки: потомки князей, занимавшихъ старшіе столы удѣльныхъ княжествъ Ростовскаго, Ярославскаго или Тверского, становились выше своихъ родичей, предки которыхъ пришли въ Москву съ младшихъ удѣльныхъ столовъ. Боярскіе роды размѣщаются на іерархической лѣстницѣ по древности службы рода московскимъ государямъ. Такъ сложился къ началу

XVI в. аристократическій распорядокъ фамилій. Княжата и бояре затѣмъ настойчиво стремятся сохранить его. Поддерживая этотъ распорядокъ, они сохраняютъ за собою высшія правительственныя мѣста, свое привилегированное положеніе, не допуская въ свою среду новыхъ людей. Для охраны этого положенія въ рукахъ московскаго боярства было надежное средство — *мѣстничество*, которое ко времени Ивана Грознаго складывается въ извѣстную систему и регулируется законодательными опредѣленіями.

Высокое аристократическое положеніе извѣстнаго рода среди другихъ родовъ совершенно не зависѣло отъ власти государя. Онъ не могъ возвысить какой либо родъ пожалованіемъ княжескаго титула или другимъ наслѣдственнымъ отличіемъ. Назначеніе лица на высшую должность, полученіе имъ званія ближняго боярина, не измѣняло мѣстническія отношенія сановника и его родичей къ другимъ знатнымъ фамиліямъ. Высокая должность и высокій чинъ не дѣлали болѣе родовитыми ни лица, пожалованнаго этимъ чиномъ, ни его потомковъ и родственниковъ. Большая или меньшая честь отца не давала никакихъ положительныхъ правъ сыну. «За службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, но не отечествомъ». Должность и чинъ, пожалованныя государемъ, сами по себѣ ничего не значили въ мѣстническомъ спорѣ. Опираясь на свое отечество, боярскіе роды основывали свои притязанія не на заслуженности отцовъ, не на ихъ высокихъ чинахъ или должностяхъ, но на ихъ, признанномъ ранѣе, мѣстническомъ отношеніи къ другимъ родамъ. Служилый человѣкъ довольно равнодушно относился къ должности самой по себѣ: онъ ревниво слѣдилъ только за своими отношеніями къ другимъ по должности. Бояринъ согласенъ былъ ѣхать товарищемъ воеводы во второстепенный городъ, если только воеводою назначался человѣкъ, ниже котораго онъ могъ быть по установившемуся взаимному отношенію ихъ родовъ; но онъ не принялъ бы назначенія товарищемъ воеводы даже въ главнѣйшій городъ, если только первый воевода былъ ниже его однимъ или двумя мѣстами. Личныя заслуги не вліяли на мѣстническій распорядокъ, какъ и заслуги предковъ. Этотъ порядокъ, изстари установленный, могъ однако измѣниться вслѣдствіе измѣнившагося взаимнаго отношенія лицъ по службѣ. Однажды князь Долгорукій, служа въ г. Юрьевѣ вмѣстѣ съ княземъ Пріимковымъ, занималъ тамъ должность выше, чѣмъ Пріимковъ, этотъ послѣдній мѣстническаго протеста тогда не заявилъ. Позднѣе Долгорукій считалъ себя въ правѣ быть выше Пріимкова и въ другихъ службахъ: «я хочу быть тебя больше, потому что полтретья года (два съ половиною года) былъ я въ Юрьевѣ у большихъ воротъ, а ты не билъ челомъ, бывши у меньшихъ (воротъ)». Отсюда возникъ споръ о мѣстахъ, и князь

Долгорукій выигралъ его. Іерархія, установившаяся между двумя лицами, передавалась по наслѣдству ихъ писходящему потомству и боковымъ родственникамъ. Простѣйшій случай мѣстническаго спора представляетъ древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ мѣстническихъ дѣлъ,—споръ В. Ѳ. Сабурова съ Г. П. Заболоцкимъ на великокняжескомъ пиру Ивана III. Заболоцкій не согласился сѣсть за столомъ ниже Сабурова. Тогда Сабуровъ билъ челомъ государю, основывая свое старшинство на томъ, что отецъ его, Ѳедоръ Сабуровъ, былъ выше отца Заболоцкаго. Притязанія Сабурова на старшинство было признано основательнымъ и ему выдана была боярами правая грамота на Заболоцкаго.

Но мѣстническіе споры и счеты до крайности осложнялись, когда сталкивались второстепенные и младшіе представители разныхъ родовъ. Если Волынскій, напр., былъ признанъ равнымъ Колычеву, то отсюда не слѣдовало, что всѣ члены рода Волынскаго были безразлично равны родичамъ Колычева; члены этихъ двухъ родовъ были равны только соотвѣтственно своему старшинству среди родичей. Старшій сынъ Волынскаго былъ равенъ старшему сыну Колычева; но такъ какъ въ своемъ родѣ онъ былъ меньше своего отца, то онъ былъ также меньше лица, равнаго его отцу. Младшій братъ Волынскаго былъ равенъ младшему брату Колычева, но онъ былъ меньше на одно мѣсто старшаго представителя рода Колычевыхъ. При строгомъ примѣненіи началъ мѣстничества младшій родичъ виднѣйшей фамиліи могъ стоять ниже старшаго члена болѣе низкаго рода.

IV.

Дворяне и дѣти боярскія.

Сливаясь съ боярами и дѣтьми боярскими, служилые князья входятъ въ составъ новаго класса служебныхъ людей. Начало образованію этого класса положено было Иваномъ III; завершеніе его организаціи принадлежитъ царствованію Ивана Грознаго. Вольныхъ бояръ и слугъ вотчинниковъ смѣняютъ невольные служилые люди, владѣющіе землею преимущественно на помѣстномъ правѣ.

Составъ служилыхъ людей образовался, главнымъ образомъ, изъ потомковъ княжескихъ слугъ удѣльнаго времени и изъ размножившихся и обѣднѣвшихъ потомковъ старинныхъ бояръ. Многіе упавшіе боярскіе роды вошли еще въ періодъ удѣловъ во второй разрядъ княжескихъ слугъ. Вслѣдствіе господствовавшаго въ древней Руси обычая дѣлить имѣнья между всѣми сыновьями, наслѣдниками, многія дѣти бояръ не могли сохранить того положенія, какое имѣли ихъ отцы. Обѣднѣвшій сынъ боярина оставался на

всю жизнь извѣстенъ въ качествѣ сына знатнаго отца, боярскаго сына. Наименованія «сынъ боярскій», «дѣти боярскія» присвоивались всѣмъ членамъ упавшихъ боярскихъ родовъ; со времени Василія Темнаго эти названія получаютъ широкое распространеніе; первоначально они присвоялись по преимуществу потомкамъ бояръ, затѣмъ распространились на всѣхъ слугъ второго разряда. Удѣльное наименованіе слуги, съ упадкомъ удѣльнаго порядка, постепенно выходитъ изъ употребленія. Василій III въ 1509 г. пишетъ указъ не боярамъ и слугамъ, но «боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и всѣмъ служилымъ людямъ».

Служилые люди, дѣти боярскія отличались отъ удѣльныхъ слугъ не однимъ лишь наименованіемъ. Они не имѣли права отъѣзда, несли обязательную службу, незнакомую прежнимъ вольнымъ слугамъ. Въ противоположность слугамъ, владѣвшимъ вотчинами, дѣти боярскія по преимуществу были помѣщиками, владѣвшими землей, данной имъ въ условное, помѣстное владѣніе. Въ древнѣйшее время помѣстьями, служними землями, владѣлъ лишь немногочисленный разрядъ дворныхъ слугъ, подчиненныхъ дворецкому. Большая же часть слугъ владѣла землею на полномъ правѣ собственности. Надѣленіе служилыхъ людей участками дворцовой земли въ помѣстье принимаетъ широкіе размѣры лишь при Иванѣ III, когда въ рукахъ московскихъ государей сосредоточились большія пространства земли, благодаря присоединенію большинства удѣловъ и обширныхъ владѣній Великаго Новгорода. Въ княженіе Ивана III входитъ въ употребленіе и новый терминъ — помѣстье, обозначающій особую форму землевладѣнія, обусловленнаго службою, а не наслѣдованіемъ. Въ Судебникѣ Великокняжескомъ 1497 г. находимъ также выраженія: «помѣстникъ (помѣсчикъ), за которымъ земля великаго князя».

Въ составъ помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ, входятъ при Иванѣ III дворные люди или дворяне, составлявшіе дворъ великаго князя. Паденіе великокняжескихъ столовъ сопровождалось обыкновенно переходомъ всѣхъ придворныхъ людей изъ удѣловъ къ великому князю Московскому. Въ рукахъ Ивана III соединилось уже столько княжескихъ дворовъ и дворовыхъ людей, что надо было подумать о новой организаціи придворныхъ слугъ. Онъ даетъ имъ помѣстья съ обязательствомъ нести военную службу и такимъ образомъ выводитъ ихъ изъ тѣсной сферы дворового быта на болѣе широкую арену помѣстной жизни и службы. Первоначально, однако, эти дворяне-помѣщики, вышедшіе изъ среды несвободныхъ и безземельныхъ дворныхъ людей, занимали низшее положеніе сравнительно съ дѣтьми боярскими, потомками свободныхъ бояръ, и слугъ, старинныхъ землевладѣльцевъ. Впослѣдствіи, при Иванѣ

Грозномъ, роли дворянъ и дѣтей боярскихъ перемѣнились. Въ классъ государевыхъ служилыхъ людей зачислялись со времени Ивана III не одни дворовые люди бояръ и князей, но и тѣ вотчинники и помѣщики, которые служили боярамъ и князьямъ, не принадлежа къ ихъ дворамъ. Въ предѣлахъ бывшаго Тверского княжества до временъ Ивана Грознаго сохранились такія дѣти боярскія, которыя не входили въ составъ государевыхъ служилыхъ людей, но служили князьямъ Микулинскому, Мстиславскому, боярину Морозову и другимъ. Большая часть такихъ дѣтей боярскихъ, съ истребленіемъ и ослабленіемъ владѣтельныхъ княжатъ, переводилась въ разрядъ государевыхъ служилыхъ людей и сливалась съ царскими дворянами и дѣтьми боярскими.

Въ высшій разрядъ московскаго дворянства вошло также много родовъ иноземнаго происхожденія. Сюда вошли литовскіе князья Гедиминовичи: Патрикѣевы, Трубецкіе, Бѣльскіе, Мстиславскіе и другіе, отъ которыхъ ведутъ свое происхожденіе многіе русскіе дворянскіе роды. Многіе княжескіе и дворянскіе роды происходятъ отъ татарскихъ царевичей, князей и мурзъ, ордынскихъ, крымскихъ, нагайскихъ, сибирскихъ. Напр., родъ князей Мещерскихъ ведетъ свое начало отъ владѣвшаго гор. Мещерой выходца изъ орды Бахмета Усейнова. Кромѣ литовско-польскаго и восточнаго элементовъ, въ составъ древняго дворянскаго класса вошло также нѣсколько западно-европейскихъ выходцевъ. Родоначальниками дворянскихъ фамилій сдѣлались нѣкоторые знатные греки и итальянцы, итальянскіе и нѣмецкіе мастера и художники, взятые въ плѣнъ ливонскіе рыцари. Прибывшій въ Москву въ 1496 г. грекъ Ѳедоръ Ласкарисъ сталъ родоначальникомъ Ласкиревыхъ. Фонъ-Визины происходятъ отъ взятаго въ плѣнъ въ Ливонскую войну рыцаря ордена меченосцевъ фонъ-Визина.

Служилый классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ получаетъ болѣе стройную организацію впервые при Иванѣ IV.

КРЕСТЬЯНЕ И ХОЛОПЫ ДО XV ВѢКА.

По соч. *Н. Рожкова* «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія», ч. 1-я, Спб., 1903; ч. 2-я, Спб., 1905; — *М. Ясинскаго* «Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права», Въ Сборн. статей, посвящ. М. Ф. Владимірскому-Буданову, Кіевъ, 1904 — *Б. Чичерина* «Опыты по исторіи русскаго права», М. 1858.

Основными занятіями населенія въ древней Руси были земледѣліе, скотоводство и охота; поэтому самымъ многочисленнымъ классомъ населенія были простые земледѣльцы, крестьяне. Это были люди свободные, не находившіеся ни въ чьей зависимости. Но наряду съ ними тѣмъ же сельско-хозяйственнымъ трудомъ занимался другой довольно обширный классъ—лицъ несвободнаго состоянія, носившихъ общее названіе холоповъ. Крестьяне и холопы—двѣ основныя группы населенія, трудомъ котораго преимущественно созидалось благосостояніе древней Руси.

I.

Холопы.

Несвободныя состоянія у нашихъ предковъ существовали съ самыхъ древнихъ временъ. Какъ и у всѣхъ народовъ, плѣнъ былъ главнѣйшимъ источникомъ рабства. Однако славяне относились къ плѣннымъ съ большою кротостью. У нихъ по свидѣтельству византійскаго писателя Маврикія, плѣнные держались въ неволѣ только временно; послѣ извѣстнаго срока имъ предоставлялось на выборъ заплатить выкупъ и возвратиться на родину или остаться у хозяевъ на свободѣ и какъ друзья. Настоящее рабство развилось у насъ и окрѣпло около времени появленія на Руси варяжской дружины, по Русской же Правдѣ оно является установленіемъ уже вполнѣ сложившимся. Здѣсь различается нѣсколько разрядовъ лицъ несвободнаго состоянія. Наиболѣе тяжелымъ было положеніе полнаго холопа или обельнаго (отъ «облый»—круглый), который не имѣлъ никакихъ правъ, ни личныхъ, ни имущественныхъ.

Кто же попадалъ въ такое положеніе? Въ Русской Правдѣ и въ лѣтописяхъ точно указаны рядъ случаевъ, при которыхъ люди разныхъ состояній обращались въ полное рабство или холопство. Такими источниками полнаго холопства были: 1) купля передъ свидѣтелями стараго холопа, 2) женитьба на рабѣ безъ ряду (договору); но если женихъ заключалъ особый договоръ съ хозяиномъ, то онъ оставался свободнымъ; однако это ограниченіе впослѣдствіи не удержалось; разъ свободный человѣкъ бракомъ связывалъ себя съ лицомъ, составляющимъ частную собственность, то онъ тѣмъ самымъ ставилъ себя въ такое же подневольное положеніе, отсюда возникло правило: по рабѣ холопъ и по холопу—раба; 3) поступленіе въ тіуны (или приказчики) и въ ключники тоже безъ договора; 4) рожденіе отъ рабыни: по Русской Правдѣ, плодъ отъ челяди, какъ и плодъ отъ скота, составляетъ полную собственность хозяина; 5) неоплатный долгъ: если купецъ, взявшій въ долгъ деньги или товаръ, пропьетъ ихъ или потеряетъ по своей волѣ, то заимодавцу представлялось право въ погашеніе занятаго капитала продать купца въ холопство; 6) незаконное бѣгство «закупа» (человѣка полузависимаго) отъ господина безъ расплаты съ нимъ или кража, совершенная закупомъ, обращало послѣдняго въ полнаго холопа; 7) плѣнъ: во время частыхъ войнъ и междоусобій жители противной стороны захватывались и обращались въ рабство, въ лѣтописяхъ нерѣдко разсказывается, какъ князья, послѣ удачнаго похода, возвращались съ дружиной домой, «ополонившись челядью»; 8) къ этому еще нужно присоединить добровольную продажу себя въ рабство, которая могла произойти или ради уплаты долга или для того, чтобы избавиться отъ необезпеченнаго полуголоднаго существованія.

Положеніе холоповъ было весьма тяжелымъ, законъ не обезпечивалъ имъ никакихъ правъ. Холопъ, какъ и всякое другое имущество, былъ полной собственностью хозяина, который и распоряжался имъ по своей личной волѣ. Хозяинъ могъ подарить, продать своего холопа, онъ неограниченно распоряжался холопскимъ трудомъ; за провинность могъ наказывать, увѣчить и даже, если убивалъ холопа, то не подлежалъ суду и оставался безнаказаннымъ. У холопа не признавалось никакой собственности: все, что онъ имѣлъ и пріобрѣталъ, то становилось имуществомъ хозяина.

Благодаря тому, что холопъ считался вещью, онъ былъ неотвѣтственъ за свои дѣйствія, за него отвѣчалъ его хозяинъ. Такъ, если холопъ что-либо кралъ, то за него отвѣчалъ хозяинъ, уплачивая частное вознагражденіе потерпѣвшему, причемъ эта кража не считалась уголовнымъ преступленіемъ, а разсматривалась, какъ имущественный ущербъ. Съ другими лицами холопъ самостоятельно

не могъ заключать долговыхъ обязательствъ; если ему давали въ долгъ, зная, что онъ холопъ, то кредиторъ лишался денегъ; дѣйствительнымъ считался только долгъ, сдѣланный холопомъ отъ имени господина, если послѣдній поручилъ холопу веденіе своихъ торговыхъ дѣлъ. Честь и жизнь холопа тоже весьма мало были ограждены закономъ отъ посягательства со стороны другихъ лицъ. Холопъ могъ быть убитъ безнаказанно за всякую вину; это суровое правило было смягчено лишь впослѣдствіи. Если же холопа убивали безо всякой вины съ его стороны, то убившій обязанъ былъ заплатить за него хозяину 5 гривенъ, за рабу—6 (за свободнаго человѣка—40 гривенъ). По сравненію съ убійствомъ свободнаго человѣка здѣсь была существенная разница: за убійство свободнаго виновный, кромѣ того, платилъ виру, особый штрафъ за уголовный проступокъ, при убійствѣ же холопа вира не взималась: «въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть»; въ убійствѣ раба видѣли такимъ образомъ лишь имущественный ущербъ и взыскивали только пеню подобно тому, какъ за убійство лошади или другой скотины.

Холопы въ общественныхъ дѣлахъ не имѣли никакого значенія. Они не допускались даже къ свидѣтельству на судъ, за исключеніемъ, однако, самыхъ довѣренныхъ и близкихъ къ господину слугъ-тіуновъ, но и свидѣтельство тіуновъ принималось только въ крайней нуждѣ, за отсутствіемъ свободныхъ свидѣтелей. Холопы стояли какъ бы внѣ общества и разсматривались, какъ вещи, какъ живой хозяйственный инвентарь господскаго имѣнія.

Холопы, однако, не представляли собою сплошь безгласной и безправной массы; среди нихъ различались большіе и меньшіе люди. Это различіе основывалось на довѣріи господъ и на родѣ занятій. Рядовые холопы занимались черной работой, служили въ домахъ своихъ хозяевъ, а также исполняли различныя сельско-хозяйственныя работы. Между ними были и лица, сидѣвшія на боярской землѣ и обрабатывавшія при помощи хозяйскаго инвентаря землю въ пользу своего господина; такія лица назывались страдниками и страдными людьми. Но высшій слой холопства составляли лица, завѣдывавшія господскимъ хозяйствомъ, повѣренные въ ихъ торговыхъ дѣлахъ, люди, близкіе къ семейству господина—дядьки-воспитатели и рабыни кормилицы. Такъ, къ высшему слою холоповъ нужно отнести тіуновъ, ключниковъ, посельскихъ, старостъ, главныхъ конюховъ, сокольниковъ и др. Эти холопы находились уже въ значительно лучшемъ положеніи, чѣмъ обыкновенные рядовые. За убійство боярскаго тіуна взыскивалась плата въ 40 гривенъ, какъ и за убійство свободнаго человѣка. У многихъ холоповъ было свое имущество, которымъ они распоряжались са-

мостоятельно: дарили, продавали, давали деньги въ заемъ и пр. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что появленіе собственности у холоповъ обусловливалось, конечно, доброй волей ихъ господъ, они могли и отобрать это имущество.

Среди высшаго слоя холоповъ наибольшее значеніе имѣли княжескіе и боярскіе тіуны или ключники. Они вѣдали не только княжеское и боярское хозяйство, но и принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ управленія страной. Имъ по преимуществу поручался судъ надъ населеніемъ, главнымъ образомъ потому, что въ древнее время судъ былъ соединенъ съ доходомъ въ видѣ судебныхъ пошлинъ. Такъ, напр., въ XI в., вмѣсто князя, въ Кіевѣ и Вышгородѣ судили народъ его тіуны, Ратша и Тудоръ; судъ тіунскій народу былъ въ большую тягость, вѣроятно, потому, что тіуны, собирая доходъ въ пользу князя, не забывали и себя, а потому чинили населенію обиды и неправды. Неудивительно, что подобные холопы, стоявшіе у власти, даже возвышались надъ простыми свободными людьми; имѣли свои дворы, движимое имущество, а иногда и села, пахотныя поля и угодья. За убійство лучшихъ княжескихъ холоповъ полагалась высшая мѣра наказанія— 80 гривенъ.

Съ теченіемъ времени положеніе рабовъ начинаетъ смягчаться. Въ этомъ дѣлѣ главнѣйшая роль принадлежала церкви. Она рѣзко осуждала рабство и непрестанно твердила, что холопъ такой же человѣкъ, какъ и всякій другой; въ церковныхъ поученіяхъ находимъ такія слова: слугъ своихъ милуй, давай имъ все необходимое, наставляй ихъ на путь добродѣтели не гнѣвомъ, но какъ «дѣтей своихъ». Подобныя слова кротости и милосердія по отношенію къ холопамъ можно встрѣтить въ цѣломъ рядѣ поученій, дошедшихъ до насъ, начиная съ XII вѣка. Призывъ церкви, конечно, не оставался безрезультатнымъ: начала, смягчавшія рабство, проникали въ жизнь и отчасти въ законодательство. Возникъ и укрѣпился благочестивый обычай освобождать рабовъ по духовной, передъ смертью, когда своекорыстные разсчеты и стремленіе къ наживѣ исчезали и когда умирающій хотѣлъ добрымъ дѣломъ загладить свои грѣхи и тѣмъ уготовать себѣ блаженную жизнь въ загробной жизни. Почти во всякомъ духовномъ завѣщаніи того времени встрѣчаются распоряженія относительно отпущенія холоповъ на волю. Люди бездѣтные обыкновенно освобождали всѣхъ рабовъ безъ исключенія; другіе же оставляли часть своимъ дѣтямъ, а остальныхъ освобождали. Преимущественно передъ другими отпускались люди приказные, тѣ, которые пользовались наибольшею довѣренностью и оказали господамъ наиболѣе услугъ; иногда

случалось, что холоповъ отпускали не только лично, но и съ землей.

Однако, несмотря на нѣкоторыя улучшенія въ участи холоповъ, положеніе ихъ въ общемъ оставалось до XVI вѣка почти такимъ же, какимъ оно было при первыхъ рюриковичахъ, холопы рѣзко отличались отъ свободныхъ людей, не имѣли почти никакихъ правъ и находились въ полномъ распоряженіи своихъ господъ.

II.

Закупы.

Въ среднемъ положеніи между рабствомъ и свободой находились лица полузависимыя, такъ называемые «закупы». Закупничество возникало такимъ путемъ. Свободный человѣкъ бралъ у другого извѣстную сумму денегъ и обязывался ихъ отработать; получивъ деньги и взявъ на себя подобное обязательство, онъ попадалъ въ состояніе, близкое къ холопству, но тѣмъ не менѣе существенно отъ него отличное. Нѣкоторыми сторонами закупъ сближался съ холопами, другими со свободными людьми. Закупъ находился въ зависимомъ положеніи, но зависимость была только временная и онъ сохранялъ возможность уплатою долга освободиться отъ нея. У закупа могла быть своя собственность, движимое имущество, своя лошадь. Среди закуповъ наиболѣе близкимъ къ крестьянину былъ закупъ ролейный, т. е. земледѣльческій, который сидѣлъ на землѣ своего хозяина и обрабатывалъ ее при помощи хозяйскаго инвентаря.

Благодаря тому положенію, въ которое попадалъ закупъ, онъ уже лишался нѣкоторыхъ правъ свободнаго человѣка. Такъ онъ не могъ участвовать въ общественной жизни, не допускался къ свидѣтельству на судѣ наравнѣ съ свободными людьми; его призывали въ свидѣтели лишь «по нуждѣ», за полнымъ отсутствіемъ другихъ свидѣтелей, такъ что въ этомъ случаѣ закупъ приравнивался къ лицамъ несвободнымъ, именно къ холопамъ высшаго разряда. Еще въ большей степени стѣсняли свободу закупа права хозяина, у котораго онъ бралъ деньги. Хозяинъ могъ подвергнуть закупа и при томъ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго суда, тѣлесному наказанію въ случаѣ, если закупъ въ чемъ либо провинится. Господинъ могъ обратить закупа въ полнаго холопа, если тотъ отъ него убѣгалъ; такой же участи—обращенія въ полнаго раба—подвергался закупъ въ случаѣ кражи, совершенной имъ у третьяго лица, причемъ господинъ имѣлъ право, не оставляя закупа у себя, продать въ рабство другимъ и вырученную сумму заплатить за кражу. Наконецъ, господинъ имѣлъ право привлекать за-

купа къ судебной отвѣтственности за причиненные имъ убытки: за потерю плуга, бороны, скота, если то случиться по винѣ закупа.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ на господинѣ въ отношеніяхъ его къ закупу лежали извѣстныя обязанности, нарушеніе которыхъ влекло за собой уголовную кару и даже прекращеніе закупническихъ отношеній. Первая обязанность господина состояла въ томъ, чтобы заплатить закупу сполна условленную сумму, даваемую ему въ долгъ для отработки, равно какъ и снабдить его опредѣленнымъ земельнымъ участкомъ. Затѣмъ господинъ обязанъ былъ не лишать закупа личной свободы и ничѣмъ ея не стѣснять: онъ не могъ ни передавать другому лицу свои права на закупа, ни продавать его въ холопы безъ законныхъ основаній; если же господинъ продавалъ закупа, то послѣдній могъ жаловаться установленнымъ властямъ и на суду получалъ свободу отъ всякихъ прежнихъ обязательствъ, съ господина же кромѣ того въ наказаніе взыскивалось штрафу 12 гривенъ. Господинъ обязанъ былъ не оскорблять честь закупа, онъ не могъ его бить безъ вины, а если же билъ во хмелю или безъ вины, то за оскорбленіе долженъ заплатить такой же штрафъ, какъ за свободнаго. Наконецъ господинъ не долженъ былъ посягать на имущество закупа. Вообще, говоря положеніе закупа въ спльной степени было зависимымъ и шаткимъ, фактически легко сближалось съ положеніемъ холопа, но все же оно до нѣкоторой степени ограждалось закономъ, въ случаѣ обиды со стороны господина, закупъ могъ бѣжать къ судьямъ и у нихъ находилъ покровительство и защиту.

III.

Крестьяне.

Самымъ значительнымъ классомъ населенія съ давнихъ временъ было крестьянство. Слово «крестьянинъ» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова означаетъ земледѣльца, занимающаго опредѣленный участокъ земли и живущаго своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ. Это слово входитъ въ употребленіе лишь съ XIV в., а раньше сельское населеніе называлось «смердами». Смерды-крестьяне принадлежали къ свободному населенію. Они пользовались всѣми личными и имущественными правами, соотвѣтствующими состоянію тогдашняго общества.

Жизнь ихъ кромѣ вознагражденія семьѣ убитаго еще ограждалась вирой въ 40 гривенъ, которая шла въ пользу князя. Такъже ограждались закономъ здоровье и честь свободнаго человѣка. Не менѣе строго охранялось его имущество, такъ, напр., за истребле-

ніе чужого скота, за уничтоженіе межи, какъ за нарушеніе границъ чужого владѣнія, взыскивалось штрафу 12 гривенъ.

Свободные земледѣльцы, какъ и другіе свободные люди, имѣли право участія на вѣчахъ, въ народныхъ собраніяхъ. Здѣсь они, рѣшая вопросы о войнѣ и мирѣ, выбирая и контролируя правителей, стояли на стражѣ народныхъ интересовъ, и старались противодѣйствовать своекорыстнымъ расчетамъ богатыхъ и сильныхъ.

Въ первое время приблизительно до конца XII вѣка, когда населеніе было еще сравнительно рѣдко, земли было въ волю и хлѣбопашество не было единственнымъ занятіемъ сельскаго населенія, у насъ на Руси господствовало вольное землепользованіе т. е. каждый селился тамъ, гдѣ хотѣлъ и обрабатывалъ земли столько, сколько могъ. Но съ теченіемъ времени князья и бояре разными способами забрали большую часть земли въ свои руки. Такимъ путемъ образовались земли двухъ родовъ: 1) земли черныя, крестьянскія и 2) земли частновладѣльческія. На тѣхъ и другихъ земляхъ сидѣли крестьяне, они пахали и сѣяли и занимались хозяйствомъ одинаково, но права и обязанности и дальнѣйшая судьба ихъ была разная. Различіе происходило отъ того, что въ первомъ случаѣ крестьяне, обрабатывая черныя земли, не знали между собой и государствомъ никакихъ посредствующихъ лицъ, они были болѣе свободны въ своихъ дѣйствіяхъ и должны были платить одни только государственныя подати, во второмъ же—между крестьянами и государствомъ стояли землевладѣльцы, которые старались подчинить крестьянъ своей волѣ, и брали съ нихъ кромѣ государственныхъ податей, еще извѣстную плату себѣ за пользованіе землей. Разсмотримъ подробнѣе положеніе тѣхъ и другихъ.

Крестьяне, сидѣвшіе на земляхъ черныхъ, волостныхъ, называли эти земли «своими» или «нашими»; они распоряжались ими по своему усмотрѣнію: передавали дѣтямъ, дарили, закладывали и продавали. Правительство въ лицѣ князя обложило эти земли извѣстными податями и повинностями и не вмѣшивалось во внутреннюю жизнь и самоуправленіе крестьянъ. Но затѣмъ вслѣдствіе роста населенія и развитія частновладѣльческой собственности земельные участки стали дробиться и мельчать, а также часто переходить изъ рукъ въ руки. Неустойчивость въ землепользованіи и смѣна владѣльцевъ вполнѣ благопріятствовали тому, что князья стали чаще вмѣшиваться въ земельныя дѣла крестьянъ и облагать ихъ все большими налогами. Наиболѣе явственно такая политика проявилась у великихъ князей московскихъ, которые усвоили себѣ взглядъ на черныя земли, какъ на свою собственность и какъ на постоянный источникъ доходовъ. Для правильности сборовъ и для надзора за ними былъ созданъ правительствомъ особый порядокъ (тягловый),

благодаря которому самоуправлявшаяся мірская община (волость) обязана была строго слѣдить и отвѣчать за то, чтобы всякій крестьянинъ, сидѣвшій на черной землѣ, исправно платилъ падавшія на него подати. Привыкнувъ платить въ княжескую казну подати, черносошные крестьяне и землю стали считать принадлежащей великому князю. Изъ устъ крестьянъ слышутся такія рѣчи: «земля великаго князя, а нашего владѣнія«, или «земля Божья да государева, а роспаши и ржи наши». Такъ какъ московскіе князья получали доходъ съ черныхъ земель только тогда, когда на нихъ сидѣли крестьяне, то они, со временъ Ивана Калиты, стали прибѣгать къ частнымъ мѣрамъ, чтобы удержать крестьянъ на черныхъ земляхъ. Такъ великіе князья, заключая договоры съ удѣльными или давая какую либо жалованную грамоту, настаивали на томъ, чтобы тѣ не перезывали и не принимали къ себѣ черныхъ тяглецовъ, крестьянъ, сидѣвшихъ на черныхъ земляхъ. Однако, не смотря на подобныя ограничительныя мѣры, свобода крестьянскаго перехода считалась общимъ правиломъ до конца XV вѣка.

Въ древнее время крестьянъ, сидѣвшихъ на черныхъ земляхъ, повидимому, было очень много, но потомъ, когда великіе князья стали накладывать на черныя земли свою руку, то количество черносошныхъ крестьянъ стало значительно сокращаться: одни изъ нихъ соблазнялись временными льготами на частновладѣльческихъ земляхъ и уходили къ частнымъ собственникамъ, другихъ государь своею властью обращалъ въ иное состояніе, а именно, то переводилъ въ разряцъ дворцовыхъ, то промѣнивалъ, то раздавалъ боярамъ и служилымъ людямъ въ видѣ вотчинъ или помѣстій. Въ общемъ съ теченіемъ времени положеніе черносошныхъ крестьянъ ухудшалось, они попадали въ большую зависимость отъ правителей, на нихъ налагались болѣе тяжелыя подати и повинности.

Вторую группу крестьянскаго населенія составляли крестьяне, сидѣвшіе на земляхъ частныхъ лицъ. Крестьянинъ при поселеніи, а иногда за долго до этого, заключалъ съ землевладѣльцемъ договоръ и писалъ запись, рядную или порядную, въ которой подробно перечислялись условія найма земли. Договаривался обычно каждый крестьянинъ съ владѣльцемъ особо и селился на свой надѣльный участокъ, иногда одинъ, иногда съ дѣтьми и съ братьями; но случалось, что и не родственники, двое или трое, сообща брали одинъ участокъ, вмѣстѣ заключали договоръ и несли обязанности. Величина земельнаго участка была различна, бралъ каждый столько, сколько ему было подъ силу обработать, напр. цѣлую обжу (около 15 десятинъ), $^1/_2$ и даже $^1/_6$, или выть (участокъ разной величины, отъ 7 до 10 десятинъ), $^1/_2$ и $^1/_4$. Къ пахатной землѣ присоединялись всѣ угодья, все, «что изстари потягло къ тѣмъ же-

ребьямъ», или, какъ въ другомъ мѣстѣ опредѣляется, «куда соха и топоръ ходили».

Договоръ могъ заключаться или на безсрочное время, или на извѣстный срокъ. Обыкновенно при заключеніи условія выговаривались льготные годы, въ продолженіе которыхъ крестьянинъ освобождался отъ всякихъ податей и повинностей. Это время давалось ему на обзаведеніе хозяйствомъ, кромѣ того это былъ способъ переманить крестьянина съ чужой земли. Обычно льготныхъ лѣтъ давалось отъ одного года до четырехъ. Кромѣ льготы поселяющійся крестьянинъ получалъ еще подмогу на обзаведеніе; она могла быть различна: иногда давалась деньгами, иногда хлѣбомъ. За подмогу крестьянинъ обязывался привести участокъ въ порядокъ, почему она возвращалась хозяину только въ томъ случаѣ, если крестьянинъ уходилъ съ участка, не исполнивъ принятыхъ на себя обязательствъ. Отъ подмоги слѣдуетъ отличать крестьянскіе займы или ссуды, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Крестьянинъ селился либо на жилой участокъ, либо на пустой. Въ первомъ случаѣ онъ обязывался только поддерживать строеніе, чинить его, дѣлать крыши, а иногда вмѣсто старой поставить новую избу. Во второмъ, онъ долженъ обстроиться, поставить избу съ разными постройками, какъ-то: клѣтями, хлѣвами, сѣнниками, банями, сараями, овиномъ. Свои поля крестьянинъ обязывался пахать, унавоживать и городить изгородью, луга—чистить. Если же онъ этого не исполнялъ, и уходилъ съ участка до истеченія льготныхъ лѣтъ, то долженъ былъ кромѣ подмоги уплатить еще неустойку въ нѣсколько рублей.

За пользованіе землей крестьянинъ обязывался, во первыхъ, платить государевы подати и повинности, если земля ими была обложена, а во вторыхъ, давать оброкъ и исполнять разныя повинности на землевладѣльца. Оброкъ былъ хлѣбный или денежный, смотря по уговору. Размѣръ оброка и поборовъ, а также количество повинностей — были весьма различны и измѣнчивы. Такъ оброку крестьяне платили иногда деньгами рубль или два, или хлѣбомъ «семь мѣръ ржи, да семь мѣръ овса, да жита мѣру»... или четвертый, пятый, шестой снопъ. Конечно, оброкъ зависѣлъ отъ величины участка и отъ количества другихъ поборовъ и повинностей. Другіе поборы составляли «мелкій доходъ», который образовывался изъ доставки владѣльцу сельскохозяйственныхъ продуктовъ, чаще всего, сыра, масла, яицъ, куръ, мяса, меда, рыбы и т. п. Въ порядныхъ обыкновенно точно пересчитывалось, какихъ продуктовъ и сколько долженъ платить крестьянинъ. Иногда вмѣсто мелкаго доходу крестьянинъ обязывался давать извѣстный денежный взносъ. Кромѣ оброка и дохода крестьянинъ обязывался еще

производить издѣльныя работы. Сюда относилось: 1) дѣло на господскомъ дворѣ, поправка хоромъ и работа во дворѣ землевладѣльца. 2) полевая страда, помощь на пашнѣ и на сѣнокосѣ хозяина, 3) разныя мелкія работы для пополненія барскаго «запаса», 4) повозъ, т. е. обязанность доставлять на своихъ подводахъ всякіе сборы и продукты хозяйства на барскій дворъ, иногда на очень значительное разстояніе.

Наряду съ подобной системой расплаты была довольно распространена и другая форма хозяйства, именно половничество: крестьянинъ обязывался отдавать извѣстную часть добываемыхъ имъ полевыхъ произведеній, иногда половину (отсюда половникъ, половничество), но чаще треть или четверть; такъ, напр., «четвертый снопъ во всякомъ хлѣбѣ, четвертую копну изъ сѣнокоса».

Такимъ образомъ обязанности по отношенію къ землевладѣльцу были разнообразны и многочисленны. Хотя онѣ и опредѣлялись договоромъ, но все предусмотрѣть и опредѣлить было невозможно, напр., очень трудно опредѣлить количество работы на барскомъ дворѣ. Эта нѣкоторая неясность договоровъ чаще всего сказывалась къ невыгодѣ крестьянъ, какъ слабѣйшей стороны. Землевладѣльцы старались использовать свое положеніе; они налагали на крестьянъ или новыя обязанности, или же усиливали старыя. Однако притязанія вотчинниковъ и помѣщиковъ не могли чрезмѣрно расширяться: крестьянинъ могъ отъ него уйти, переселиться на другое мѣсто.

Свободный переходъ крестьянъ—явленіе повсемѣстное въ древней Россіи. Всѣ дошедшія до насъ жалованныя грамоты какъ духовнымъ учрежденіямъ, такъ и частымъ лицамъ, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что крестьяне свободно переходятъ изъ княженія въ княженія, изъ волости въ волость и отъ одного землевладѣльца къ другому. О вольномъ переходѣ крестьянъ говорятъ и междукняжескіе договоры: «а хрестіанамъ межи насъ вольнымъ воля».

По мѣрѣ приближенія къ XVI вѣку начали мало по малу стѣснять свободу крестьянъ. Самыя условія полевого хозяйства вызывали необходимость ограниченія въ правѣ перехода: для землевладѣльца и крестьянина неудобнымъ представлялось нарушеніе условій договора въ любое время, потому что въ такомъ случаѣ хозяйство разрушалось безъ всякой выгоды для обѣихъ сторонъ. Отсюда вытекала необходимость установленія однообразнаго и постояннаго срока перехода. Такой срокъ и устанавливался въ порядныхъ, но онъ былъ для разныхъ мѣстностей различенъ. Однако преобладающимъ срокомъ былъ Юрьевъ день осенній (24 ноября), когда всѣ полевыя работы заканчивались. Вотъ почему сначала

въ видѣ частной мѣры, а потомъ, въ Судебникѣ 1497 г. и какъ общее правило, было установлено, чтобы крестьяне «отказывались» только одинъ разъ въ году, въ двухнедѣльный срокъ, за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю послѣ него.

Затѣмъ за пользованіе дворомъ и постройками крестьянинъ при уходѣ долженъ былъ платить особую плату «пожилое». Такъ какъ часто изъ за этой платы бывали споры между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, то Судебникъ Ивана III точно опредѣлилъ размѣръ «пожилого» или «похоромнаго»: въ мѣстахъ полевыхъ за 4 года проживанія платился 1 рубль (на наши деньги около 94 руб.), а въ мѣстностяхъ лѣсныхъ—полтина. Конечно, если крестьянинъ садился на пустой участокъ и самъ обзаводился постройками, то онъ пожилого не платилъ, но за то всѣ постройки переходили въ собственность землевладѣльца.

Свобода крестьянскаго перехода въ значительной мѣрѣ стѣснялась ихъ долгами. Дѣло въ томъ, что крестьянинъ, порядившись на участокъ, очень часто не имѣлъ силъ и средствъ вести самостоятельно полевое хозяйство, ему необходима была экономическая помощь для возведенія построекъ, для покупки хозяйственнаго инвентаря. Тогда онъ прибѣгалъ къ займамъ того землевладѣльца, на землю котораго онъ порядился. Такой заемъ носилъ разныя названія: «серебро», «серебро ростовое», «издѣльное», «ссуда». Крестьянинъ, занявъ деньги, принималъ на себя обязательство уплатить долгъ въ извѣстный срокъ, чаще всего съ процентами. Но нерѣдко случалось, что онъ, обремененный многими поборами, заплатить займа въ срокъ не могъ, а наоборотъ нуждался въ новомъ займѣ. Такимъ путемъ задолженность крестьянъ росла. Задолжавшій крестьянинъ хотя по праву оставался свободнымъ, однако на дѣлѣ не могъ уйти отъ своего хозяина, такъ какъ не имѣлъ возможности заплатить своего долга. Задолженность крестьянъ, слагавшаяся въ XIV—XV вѣкахъ, позднѣе въ XVI—XVII самымъ существеннымъ образомъ отразилась на участи крестьянъ, она преимущественно подготовила и утвердила крѣпостную зависимость земледѣльцевъ отъ землевладѣльцевъ.

Если крестьяне вслѣдствіе задолженности или по другой какой либо причинѣ долго сидѣли на одномъ и томъ же участкѣ и становились «старожильцами», то мало по малу устанавливалась мысль, что крестьяне составляютъ необходимую принадлежность имѣнія и что они обязаны сидѣть на своихъ старыхъ участкахъ. Послѣдствія такого взгляда сказались позднѣе—въ установленіи крѣпостной зависимости для всего крестьянскаго населенія.

Таково было въ общемъ положеніе крестьянъ въ XIV—XV вѣкахъ. Чаще всего они сидѣли на владѣльческихъ земляхъ, двор-

цовыхъ, монастырскихъ, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ, и должны были, кромѣ государевыхъ податей платить оброки въ пользу землевладѣльцевъ и исполнять разныя повинности. Съ теченіемъ времени положеніе ихъ начинаетъ ухудшаться: они впадаютъ въ большую зависимость отъ землевладѣльческаго класса, въ особенности благодаря задолженности, ставшей почти общимъ удѣломъ крестьянъ. Плохую услугу свободѣ крестьянъ оказало состояніе полузависимое, въ которое попадали вслѣдствіе займовъ въ древнее время закупы, позднѣе кабальные холопы. Примыкая одной стороной къ свободнымъ, лица полузависимыя вліяли на крестьянъ и впослѣдствіи увлекли ихъ за собой, сообщивъ имъ черты несвободнаго состоянія.

МѢСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

По соч. *И. Андреевскаго* «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», Спб., 1864;—*Н. Загоскина* «Уставныя граматы XIV—XV в., вып. 1—2, Казань, 1875—6.

I.

Намѣстники и волостели.

Въ древнѣйшее время мѣстными правителями, которымъ поручалось вѣдать отдѣльныя волости, были посадники. Ихъ назначалъ князь. Еще при первыхъ князьяхъ посадники встрѣчаются по всей Руси. Какъ въ лицѣ князя судъ не былъ отдѣленъ отъ управленія, а управленіе военное отъ гражданскаго, точно также управленіе и судъ были слиты и въ лицѣ мѣстныхъ представителей княжеской власти. Главнѣйшая обязанность посадника заключалась въ томъ, чтобы охранять власть своего князя надъ ввѣренной ему волостью, для чего онъ ставилъ «городы», т. е. укрѣпленныя мѣста, и былъ готовъ въ каждую минуту дать отпоръ врагамъ въ случаѣ нападенія. Наряду съ охраной внѣшней безопасности посадникъ отправлялъ и судъ. Въ отправленіи судебной дѣятельности посадникъ былъ заинтересованъ живѣйшимъ образомъ, такъ какъ при всякомъ судебномъ процессѣ взимались пошлины, которыя шли въ его пользу.

Названіе мѣстныхъ правителей посадниками въ послѣдующее время не удержалось. Начиная съ XIII вѣка, первоначально въ Новгородѣ, а потомъ и повсюду, они стали называться намѣстниками. Съ XIV же вѣка назначаемые княземъ органы мѣстнаго управленія носятъ исключительно наименованіе намѣстниковъ и волостелей. Одновременное существованіе двухъ разныхъ властей, намѣстниковъ и волостелей, объясняется тѣмъ, что къ этому времени городъ и волость обособились, какъ отдѣльныя территоріальныя единицы княженія. А потому лица, управлявшія городомъ съ уѣздомъ, назывались намѣстниками, а волостью—волостелями.

Но города и волости не составляли правильнаго, единообразнаго дѣленія русской земли; уѣзды городовъ и волостей нерѣдко увеличивались или уменьшались, смотря по требованіямъ минуты. Напримѣръ, для доставленія большаго дохода намѣстникамъ и волостелямъ приписывались къ городу и отдавались въ завѣдываніе намѣстника нѣсколько волостей, причемъ, теряя самостоятельное значеніе правительственныхъ округовъ, онѣ продолжали называться волостями, или нѣсколько волостей соединялись въ одну, куда назначался одинъ волостель. Не всякая волость управлялась волостелемъ, ею могъ завѣдывать и намѣстникъ, и не всякая волость имѣла своего отдѣльнаго правителя.

Какъ города и волости, составляя подраздѣленіе княжества, не зависѣли другъ отъ друга, точно также не были подчинены другъ другу и управлявшіе ими чиновники. Волостель пользовался совершенно независимымъ положеніемъ отъ намѣстника и наряду съ нимъ состоялъ въ непосредственномъ подчиненіи у князя. Впрочемъ, онъ не пользовался такою же властью, какая предоставлена была намѣстникамъ. Такъ управленіе военное исключительно сосредоточивалось въ рукахъ намѣстниковъ, волостель же къ нему не имѣлъ никакого отношенія. Случалось также, что иногда высшій уголовный судъ, судъ въ душегубствѣ, разбоѣ и пр. былъ изъятъ изъ вѣдѣнія волостеля и переданъ намѣстнику. Но это изъятіе не устанавливало никакого подчиненія волостеля намѣстнику, оно лишь ограничивало объемъ дѣятельности перваго въ пользу послѣдняго.

Въ московское время намѣстники и волостели такъ же, какъ и въ древнее время посадники, назначались княземъ. Князья мѣстное управленіе обратили въ средство содержать или кормить служилыхъ людей, состоявшихъ у нихъ на придворной и военной службѣ. Намѣстники и волостели были «кормленщики». Главной задачей ихъ было не столько управленіе данной мѣстностью, сколько сборъ доходовъ съ мѣстнаго населенія. Дѣло въ томъ, что служба князю требовала извѣстной степени достатка, такъ какъ она обычно отправлялась безвозмездно и требовала довольно значительныхъ расходовъ на одежду, вооруженіе и на содержаніе. Поистратившись на службѣ, служилый человѣкъ нуждался въ томъ, чтобы восполнить свои достатки, а иногда просто отдохнуть и покормиться на вольномъ мѣстѣ, такъ какъ управленіе городомъ или волостью считалось дѣломъ легкимъ и выгоднымъ. Въ такомъ случаѣ служилый человѣкъ ждалъ, чтобы князь его «пожаловалъ», назначилъ намѣстникомъ или волостелемъ. А иногда онъ и самъ билъ челомъ князю, прося назначить ему какой-либо городъ въ кормленіе. Князья жаловали своихъ слугъ, отпуская «покормиться».

Знатнымъ служилымъ людямъ или боярамъ обычно давались въ кормленіе города съ уѣздами — намѣстничества, лицамъ же, менѣе родовитымъ — волостельства. Иногда бывало, что при недостаткѣ свободныхъ мѣсть и при большомъ количествѣ желающихъ, одно намѣстничество отдавалось двоимъ служилымъ людямъ и даже троимъ. Если же доходы въ такомъ случаѣ оказывались очень незначительными, то служилый человѣкъ снова билъ челомъ князю, что ему «кормиться не съ чего», и просилъ или перевести его на другое болѣе доходное кормленіе, или же присоединить къ его округу другой. Въ одной грамотѣ XV вѣка, данной боярину Ивану Судимонту Кондратьевичу, говорится: «Билъ мнѣ челомъ Яковъ Захарьевичъ, что вамъ обоимъ на Костромѣ сытымъ быть не съ чего, и я князь великій Якова пожаловалъ городомъ Владиміромъ, а тебѣ придалъ другую половину Костромы, съ правдою (т. е. съ судомъ)».

II.

Кормленія.

Кормленія обычно давались на годъ, два, рѣдко больше. Покормится служилый человѣкъ, пополнитъ свои «животы» (имущество) и снова возвращается въ столицу для службы при дворѣ или войскѣ; здѣсь онъ ждетъ новой очереди, когда будетъ пожалованъ новымъ кормленіемъ. Конечно, въ болѣе древнее время, когда число кормленщиковъ не превышало числа административныхъ округовъ (городовъ и волостей), кормленія давались на болѣе продолжительное время. Извѣстно даже, что должности намѣстниковъ и волостелей по смерти отцовъ, передавались иногда ихъ сыновьямъ, но такое замѣщеніе должностей, однако, не принимало у насъ характера наслѣдственности, происходило не въ силу установившагося правила, а единственно по личной волѣ князя. Но по мѣрѣ того, какъ усиливалась Москва, ростъ высшаго разряда служилыхъ людей — боярства, изъ котораго преимущественно вербовались мѣстные правители, опережалъ земельныя пріобрѣтенія: намѣстничествъ и волостельствъ не стало хватать, чтобы удовлетворить всѣхъ желающихъ покормиться. Отсюда и развилась система кормленій краткосрочныхъ (годъ, два) и совмѣстныхъ (двое или больше въ одномъ намѣстничествѣ).

При назначеніи намѣстниковъ и волостелей писались двѣ грамоты: одна (жалованная) на имя назначаемаго правителя съ указаніемъ объема правъ и доходовъ, жалуемыхъ служилому человѣку, другая (вводная или послужная) на имя мѣстнаго населенія. Въ

послѣдней грамотѣ приказывалось жителямъ, чтобы они слушали и чтили посылаемаго на кормленіе и доходъ ему давали, а онъ ихъ будетъ вѣдать и судить по старинѣ, «по старой пошлинѣ (обычаю), какъ было прежъ сего».

Получивъ грамоты, намѣстникъ или волостель отправлялся вмѣстѣ со своей семьей, слугами и скарбомъ къ мѣсту своего назначенія. Здѣсь его встрѣчали съ почетомъ мѣстныя низшія власти, выборные и именитые люди. Каждый приносилъ съ собой какой-либо подарокъ. Приносили хлѣбъ, медъ, пиво, барана, а то и просто гуся или курицу, или нѣсколько цыплятъ, короче, кто былъ чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Поклонами и подарками мѣстные жители старались расположить къ себѣ новаго правителя. Подарки, вначалѣ добровольные, впослѣдствіи стали обязательными, подъ названіемъ «взъѣзжаго корму». Вѣроятно, въ древнее время намѣстники и волостели, живя въ своемъ округѣ, собирали кормъ для себя и своихъ людей сами, объѣзжая подвѣдомственную имъ мѣстность на подобіе того, какъ наши князья совершали «полюдье»; собирали они хлѣбъ, мясо, шкуры и другіе сельскохозяйственные продукты. Намѣстники и волостели, а также ихъ люди любили являться на пиры и, пользуясь своимъ начальственнымъ положеніемъ, вымогали себѣ различные подарки.

Населеніе, страдая отъ многочисленныхъ поборовъ, сначала добилось того, чтобы намѣстники и волостели съ ихъ слугами были устранены отъ объѣздовъ и сборовъ, и оно само, разложивъ намѣстничій кормъ между собою, собирало и доставляло его правителямъ. Однако оставалась еще одна возможность разорять мѣстное населеніе поборами: правитель могъ по своему произволу увеличивать размѣръ своего корма и облагать населеніе большими штрафами. Что именно такъ и бывало, показываютъ челобитныя на имя великихъ князей. Жители Пермской земли, напр., жаловались на должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія, что они отправляютъ судъ безъ участія земскихъ цѣловальниковъ, ихъ доводчики взимаютъ ѣздовыя пошлины (за призывъ на судъ) безъ всякой мѣры, что, вообще, они, управители, установили непомѣрно высокіе сборы и пошлины. И такіе случаи были далеко не единичны; произволъ мѣстныхъ властей былъ явленіемъ довольно обычнымъ. Какъ на крайній случай, можно указать на то, что иногда намѣстникъ или волостель буквально разорялъ подвѣдомственную ему область, жители разбѣгались, а самыя волости пустѣли.

Чтобъ оградить свои интересы отъ посягательства правителей, мѣстное населеніе старается выхлопотать у центральнаго правительства «уставную грамоту», т. е. такую грамоту, въ которой бы отношенія населенія къ намѣстникамъ и кормы, слѣдуемые послѣд-

нимъ, точно опредѣлялись. Получивъ такую грамоту, населеніе хранило её, какъ зѣницу ока. Напр., пермяки, потерявъ старую уставную грамоту во время пожара и испытавъ на себѣ всю тяжесть положенія безъ подобной грамоты, въ челобитной на имя великаго князя писали: «и они де отъ намѣстниковъ и отъ ихъ людей и отъ тіуновъ и отъ доводчиковъ охудали и опустѣли и впредь имъ прожити безъ грамоты уставныя не можно», а потому и просили великаго князя выдать имъ новую уставную грамоту.

Изъ уставныхъ грамотъ мы знаемъ, что намѣстничій кормъ слагался изъ слѣдующихъ сборовъ: въѣзжаго, который собирался одинъ разъ за все время управленія, рождественскаго, петровскаго и пасхальнаго, сбираемыхъ ежегодно. Размѣръ «въѣзжаго корму» предоставлялся доброй волѣ населенія: «кто что принесетъ». Самый главный сборъ былъ рождественскій: съ каждой сохи (опредѣленной податной единицы) взималась полоть мяса, 10 хлѣбовъ, бочка овса и возъ сѣна; «на Великъ день» должно приносить съ сохи — полоть мяса и 10 хлѣбовъ, на Петровъ день — баранъ и 10 хлѣбовъ. Этотъ кормъ можно было платить и деньгами по такому разсчету: за полоть мяса—2 алтына, за хлѣбъ—одну деньгу, за овесъ—10 денегъ, за сѣно—2 алтына, за барана—8 денегъ, значитъ, въ общей суммѣ ежегодный сборъ съ сохи простирался бы до 14 алтынъ, но такая замѣна могла бы происходить лишь по желанію самого намѣстника или волостеля.

Кромѣ перечисленныхъ сборовъ, которые взимались всегда въ постоянномъ опредѣленномъ размѣрѣ, въ пользу кормленщиковъ, шелъ еще рядъ другихъ сборовъ: 1) пошлины судебныя, которыя составляли или «противень противо истцова» т. е. штрафъ—съ виновнаго, равняющійся суммѣ иска или извѣстную часть иска (напр., $^1/_{10}$); 2) таможенныя съ привозимыхъ и продаваемыхъ товаровъ и 3) свадебныя: убрусъ (платокъ), или 2 деньги, если невѣста выдавалась въ предѣлахъ того же намѣстничества или волостельства, выводную куницу (мѣхъ) или 2 алтына, если невѣста выходила замужъ за предѣлы своей мѣстности.

Въ уставной грамотѣ князь грозитъ наказаніемъ всякому мѣстному правителю, если тотъ осмѣлится нарушать постановленія грамоты. Ущерба населенію не должны наносить не только сами правители, но и ихъ помощники и люди. Такъ тіунамъ, намѣстничимъ и волостелинымъ людямъ запрещается приходить на пиръ или на братчину незваными. А если вопреки запрещенію тѣ придутъ, то хозяевамъ дома давалось право выгнать ихъ вонъ изъ хоромъ и за то съ нихъ не взыскивалось никакой пени. Однимъ словомъ, уставныя грамоты, точно опредѣляя намѣстничій кормъ и пошлины, слѣдуемые въ пользу правителей съ населенія, служили для послѣдняго защитой отъ притѣсненія первыхъ.

III.

Управленіе и судъ.

Въ дѣятельности мѣстныхъ правителей нужно различать двѣ стороны: дѣятельность въ интересахъ князя и дѣятельность въ интересахъ населенія.

Что касается первой, то прежде всего нужно отмѣтить военную дѣятельность—волостели отъ нея были отстранены. Главнымъ военнымъ начальникомъ края былъ намѣстникъ; подъ его руководствомъ собирались и разсылались войска, онъ иногда и самъ предводительствовалъ ими; онъ дѣлалъ смотры боярскимъ дѣтямъ и наблюдалъ за ихъ боевой готовностью; слѣдилъ за исправностью старыхъ крѣпостей, строилъ новыя; вообще безопасность края была на его попеченіи. Кромѣ того, намѣстникъ исполнялъ различныя порученія князя, то дипломатическія, то частныя, касавшіяся, напр., домашнихъ, семейныхъ дѣлъ князя.

Самой существенной стороной дѣятельности правителей по отношенію къ населенію былъ судъ. Судебникъ Ивана III различаетъ намѣстниковъ и волостелей «съ судомъ боярскимъ» и «безъ боярскаго суда»: первые вѣдали болѣе широкій кругъ дѣлъ, чѣмъ вторые.

Въ виду того, что интересъ намѣстника или волостеля заключался не столько въ отправленіи правосудія, сколько въ сборѣ судебныхъ пошлинъ, въ судахъ развилась неправда и волокита, столь ярко изображенная въ извѣстной сказкѣ о Шемякинѣ судѣ. Московское правительство боролось съ этимъ зломъ. Сначала частными грамотами, а потомъ и въ Судебникѣ 1497 г., въ видѣ общей мѣры, было постановлено, чтобы намѣстники, назначаемые съ судомъ боярскимъ, не отправляли суда одни, но чтобы при нихъ находился дворскій и избранные отъ мѣстныхъ жителей старосты и лучшіе люди. Принимались и другія мѣры, но трудно было искоренить все возраставшія злоупотребленія.

При исполненіи судебныхъ обязанностей намѣстникамъ и волостелямъ помогали тіуны, доводчики и праветчики. Тіуны выступали отъ имени управителей и собственно они были настоящими судьями, такъ какъ сами управители въ это дѣло обычно не вмѣшивались. Доводчики призывали истцовъ, отвѣтчиковъ и свидѣтелей на судъ, а праветчики приводили приговоръ въ исполненіе. Этимъ лицамъ тоже шелъ свой кормъ: тіуну—половина того, что получалъ намѣстникъ или волостель; доходъ послѣднихъ былъ сравнительно не великъ и различался глядя по мѣстности; напр., по

одной уставной грамотѣ (1506 г.) доводчику платилось съ деревни ежегодно 8 денегъ, праветчику—16.

Эти мелкія сошки вызывали въ народѣ наибольшее озлобленіе. Съ ними чаще приходилось населенію сталкиваться при веденіи дѣлъ и имъ приходилось платить многочисленныя пошлины и пени. Кромѣ того, они были менѣе разборчивы къ посуламъ и поминкамъ и готовы были брать съ праваго и съ виноватаго.

Неудивительно поэтому, что мѣстное населеніе, тяготясь произволомъ своихъ правителей, изыскивало средства, какъ бы избавиться отъ ихъ власти. Средство было найдено въ полученіи отъ князей привилегій или жалованныхъ грамотъ, освобождавшихъ получателей отъ власти мѣстнаго начальства. Если къ этому присоединить еще и то, что съ самыхъ давнихъ временъ этими льготами пользовались церковнослужители, люди церковные и богадѣльные, а также въ силу пожалованій и люди, селившіеся на монастырскихъ и церковныхъ земляхъ, то станетъ понятно, какъ часто населеніе могло ускользать изъ подъ вѣдомства намѣстниковъ и волостелей и какъ сокращался кругъ ихъ дѣятельности.

Къ концу XV вѣка, а въ особенности въ началѣ XVI, должность намѣстниковъ и волостелей стала клониться къ упадку. Само населеніе, указывая въ челобитныхъ на крупные недостатки мѣстнаго управленія и суда, просило, чтобы намѣстники и волостели были упразднены, а дѣла, рѣшавшіяся ими, были переданы въ руки выборныхъ отъ волостныхъ общинъ. Земскія учрежденія на выборномъ началѣ были созданы въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго.

СУДЕБНИКЪ ИВАНА III.

По соч. *М. Владимірскаго-Буданова* «Христоматія по исторіи русскаго права», вып. 2, Кіевъ 1901, и *В. Сергѣевича* «Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права», Спб., 1894.

Въ сентябрѣ 1497 года великій князь Иванъ III «уложилъ съ дѣтьми своими и съ бояры о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ». Этими словами начинается сборникъ законовъ, носящій названіе «Судебника». Сборникъ этотъ дошелъ до насъ въ единственномъ, найденномъ въ 1817 году спискѣ начала XVI вѣка; до того времени только изъ описанія Московскаго государства Герберштейна были извѣстны нѣкоторыя его статьи.

Судебникъ 1497 г. появился въ такое время, когда вокругъ Москвы собрались значительныя земли, когда свободный отъ татарскаго ига Московскій великій князь сталъ независимымъ, «самодержавнымъ» властителемъ Руси и могъ самъ предписывать законы своимъ подданнымъ, не считаясь съ волей хана. Такое положеніе Московскаго государя требовало, чтобы въ управленіе и судъ введено было единство и однообразіе; нужно было издать законы равно обязательные для всего подвластнаго населенія, которое до сихъ поръ управлялось и судилось въ мелкихъ удѣльныхъ княженіяхъ по усмотрѣнію мѣстныхъ князей или татарскихъ чиновниковъ. Вольные города, Новгородъ и Псковъ, менѣе всѣхъ другихъ зависѣвшіе отъ татаръ и составлявшіе особыя государственныя единицы, въ теченіе XV вѣка уже выработали для себя своды законовъ судебныхъ и административныхъ (Псковская судная грамота, составленная до 1467 г., и Новгородская судная грамота 1471 г.). Какъ только Московское княжество выросло въ государство «всея Руси», для него понадобился такой же сводъ; этимъ сводомъ и явился Судебникъ 1497 г., называемый также «великокняжескимъ» въ отличіе отъ замѣнившаго его «царскаго» Судебника 1550 г., составленнаго по повелѣнію Ивана Грознаго.

Намъ ничего неизвѣстно о томъ, какъ создался Судебникъ и кто участвовалъ въ его составленіи; изъ одного лѣтописнаго указанія мы знаемъ только, что одинъ изъ дьяковъ Ивана III, Владиміръ Елизаровъ-Гусевъ, казненный въ 1498 г. за участіе въ заговорѣ противъ внука вел. князя Димитрія, написалъ какой-то Судебникъ, который легъ въ основу Судебника 1497 г. Изъ содержанія послѣдняго можно видѣть, что источниками, которыми пользовались составители его, были: Русская Правда, Псковская судная грамота и такъ называемыя «уставныя грамоты», опредѣлявшія для извѣстныхъ областей порядокъ намѣстничьяго суда и управленія; нѣкоторыя статьи наконецъ почерпнуты изъ обычнаго права Московскаго государства. Изъ Русской Правды заимствована статья о «займахъ», въ которой опредѣлены послѣдствія торговой несостоятельности, какъ происшедшей по винѣ должника, такъ и вызванной не зависѣвшими отъ него обстоятельствами. Нѣсколько статей взято изъ Псковской судной грамоты, но при этомъ составители Судебника не поняли нѣкоторыхъ мѣстныхъ выраженій грамоты, и смыслъ заимствованнаго изъ нея закона былъ поэтому извращенъ. Уставныя грамоты послужили важнымъ источникомъ Судебника, но такъ какъ онъ не исчерпывалъ всего ихъ содержанія, то онѣ не потеряли послѣ него своей силы.

Судебникъ можетъ быть подраздѣленъ на 68 статей, хотя не всѣ онѣ имѣютъ особые заголовки. По содержанію его можно раздѣлить на три части: въ 1-й говорится о судѣ великаго князя, бояръ и окольничихъ, но въ нее же вставлено нѣсколько статей объ уголовныхъ дѣлахъ; 2-я часть посвящена суду намѣстниковъ въ городахъ, въ 3-ю включены постановленія по гражданскому праву и процессу; двѣ послѣднія статьи, 67-я и 68-я, представляютъ собой дополнительныя постановленія—«о посулѣхъ и послушествѣ», т. е. о подкупѣ судей и о ложномъ свидѣтельствѣ, и «о полевыхъ пошлинахъ», т. е. о штрафахъ съ лицъ, присутствующихъ сверхъ указанныхъ сторонами на судебномъ поединкѣ или «полѣ».

Судебникъ задается цѣлью установить, «какъ судить боярамъ и окольничимъ». Въ 1-й его статьѣ и говорится объ этомъ судѣ: «судить судъ боярамъ и окольничимъ, а на судѣ быть у бояръ и окольничихъ дьякамъ; за судъ и за жалобу не брать посула (т. е. взятокъ), такъ же какъ и всякому (другому) судьѣ, и судомъ не мстить и не дружить никому». Ст. 2-я гласитъ: «а когда жалобщикъ придетъ къ боярину, то боярину его отъ себя не отсылать, а давать всѣмъ жалобщикамъ управу во всемъ». Въ этихъ статьяхъ выражены два требованія: не дѣлать судъ средствомъ обогащенія

пли орудіемъ личнаго разсчета и сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ. Не брать посуловъ — это требованіе повторяется еще нѣсколько разъ въ Судебникѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ за мздоимство въ немъ не положено никакого наказанія, и такимъ образомъ требованіе Судебника имѣетъ лишь нравственную силу, а не получаетъ юридической основы. Повторяя нѣсколько разъ о необходимости воздерживаться отъ «посуловъ», законодатель очевидно имѣлъ въ виду распространенность этого зла на Руси; съ другой стороны въ Судебникѣ опредѣлены были точно тѣ судебныя пошлины, которыя взимали судьи въ разныхъ случаяхъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ: такъ, за искъ въ 1 рубль боярину платилось 2 алтына, а дьяку—8 денегъ съ рубля (ст. 3); при искахъ на болѣе крупныя суммы пошлина возрастала въ указанномъ соотвѣтствіи. Особая пошлина установлена была для тѣхъ случаевъ, когда разбирательство дѣла на судѣ боярина не могло быть приведено къ благопріятному концу и нужно было прибѣгнуть къ «полю», т. е. судебному поединку; при этомъ различались два случая: если истецъ и отвѣтчикъ, «у поля стоявъ» или еще не выйдя на «поле», помирятся, то платилась пошлина боярину, дьяку, окольничему и недѣльщику (т. е. судебному приставу) въ одномъ размѣрѣ; если же поединокъ происходилъ, то размѣры пошлины увеличивались вдвое и взимались съ побѣжденнаго (ст. 5—7). Къ «полю» прибѣгали не только въ уголовныхъ дѣлахъ, но и въ гражданскихъ. Русская Правда ничего не говоритъ о «полѣ»; впервые упоминается о немъ въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава съ нѣмцами въ началѣ XIII вѣка. Какъ мѣра исключительная, судебный поединокъ не могъ примѣняться очень часто; стороны, вѣроятно, предпочитали въ большинствѣ случаевъ не доводить дѣло до суда Божія, который долженъ былъ проявиться въ результатѣ поединка, даровавъ побѣду правому надъ виновнымъ. Поэтому Судебникъ и предвидитъ тѣ случаи, когда тяжущіеся помирятся, еще не выйдя на «поле», или находясь уже на «полѣ», (ст. 4 и 5). Поединокъ происходилъ въ присутствіи окольничаго и дьяка; посторонніе люди, кромѣ «стряпчихъ» и «поручниковъ» тяжущихся, не допускались (ст. 68); но это постановленіе Судебника плохо соблюдалось. Герберштейнъ такъ описывалъ «поле»: «Каждый (изъ тяжущихся) можетъ взять себѣ какое угодно оружіе, исключая пищали и лука. Обыкновенно же они имѣютъ продолговатые панцыри, латы, поручи, шлемъ, пику, топоръ и въ рукѣ какое-то желѣзо, въ родѣ кинжала, но острое съ обоихъ концовъ. Обѣ стороны имѣютъ много друзей и доброжелателей, которые смотрятъ на поединокъ, не имѣя при себѣ никакого оружія, кромѣ дубинъ. Если доброжелатели одного изъ бойцовъ увидятъ, что ему

дѣлается какая-нибудь обида, то тотчасъ бѣгутъ для отраженія обиды; тоже дѣлаетъ и другая сторона, и такимъ образомъ между ними происходитъ схватка, интересная для зрителей, потому что дерутся въ потасовку, кулаками, батогами и дубинами съ обожженнымъ концомъ». Побѣжденная сторона должна была уплатить искъ и всѣ судебныя пошлины. Варварскій обычай «поля» возбуждалъ справедливыя нареканія со стороны духовенства, и къ концу XVI вѣка онъ почти вышелъ изъ употребленія.

Кромѣ судебнаго поединка, въ числѣ доказательствъ преступности Судебникъ упоминаетъ еще объ оговорѣ уголовнаго преступника въ кражѣ пятью или шестью «добрыми» людьми, готовыми подъ присягой подтвердить его виновность. При этомъ Судебникъ упоминаетъ о «вѣдомомъ лихомъ человѣкѣ», т. е. такомъ, чья дурная репутація извѣстна его сосѣдямъ, и на этой репутаціи строитъ обвиненіе. Наконецъ, судебнымъ доказательствомъ служила поимка преступника съ поличнымъ.

За большинство преступленій Судебникъ налагаетъ смертную казнь. Единственный упоминаемый въ Судебникѣ случай уголовнаго преступленія, который не казнится смертью, заключается въ «татьбѣ» (воровствѣ), совершенной въ первый разъ; въ этомъ случаѣ она наказывается «торговою казнью», т. е. кнутомъ, и съ виновнаго взыскивается въ пользу пострадавшаго стоимость украденнаго и отбирается его имущество (ст. 10); но при вторичномъ воровствѣ примѣняется смертная казнь. Главные виды преступленій, упоминаемыхъ въ Судебникѣ, слѣдующіе: татьба, разбой, убійство, ябедничество, убійство господина холопомъ, крамола, святотатство, кража людей, подметъ (подбрасываніе краденаго другому лицу съ цѣлью свалить на него вину) и поджогъ. За всѣ эти преступленія виновные подвергаются смертной казни, которую приводятъ въ исполненіе тіунъ великаго князя и дворскій.

Кромѣ чисто судебныхъ обязанностей на судѣ центральномъ и мѣстномъ лежалъ цѣлый рядъ обязанностей по выдачѣ разнаго рода документовъ, за которые взималась опредѣленная на каждый случай пошлина. Сюда относятся «правыя грамоты», т. е. письменные приговоры, состоявшіеся по судебному рѣшенію (это указываетъ и на то, что приговоръ записывался не всегда, а лишь по особой просьбѣ стороны, для предотвращенія возможности вновь начать дѣло о томъ же), «безсудныя грамоты», т. е. приговоры, состоявшіеся безъ судебнаго разбирательства, «докладные списки», т. е. протоколы низшаго суда съ подписью, сдѣланной въ высшемъ судѣ о томъ, какъ рѣшить дѣло, «отпускныя грамоты» объ отпускѣ

на волю холопа, которыя должны были предъявляться судебной власти, чтобъ имѣть законную силу.

Отъ боярскаго суда стороны могли аппелировать къ суду великаго князя и дѣтей его, причемъ вел. князь могъ поручать судъ своимъ приближеннымъ лицамъ. Къ суду вел. князя обращались тѣ учрежденія и лица, которымъ особыми жалованными грамотами дано было право судиться только у вел. князя, а также всѣ тѣ, которые подавали ему челобитныя, оставшись недовольны рѣшеніемъ суда боярина или намѣстника. Были опредѣлены судебныя пошлины, взимавшіяся на судѣ вел. князя, какъ и на боярскомъ, и плата за выдававшіеся этимъ судомъ документы, «правыя» и «безсудныя» грамоты, «докладные списки» и проч.; при этомъ къ нимъ прилагалась печать вел. князя, и «печатникъ» за приложеніе ея взималъ пошлину, особую для каждаго рода документовъ. Упоминаніе, рядомъ съ судомъ вел. князя, суда «дѣтей» его, не указываетъ на то, что было два отдѣльныхъ суда; это же упоминаніе встрѣчается и въ Судебникѣ 1550 г.; это былъ одинъ и тотъ же судъ вел. князя, который производился имъ лично вмѣстѣ съ его дѣтьми или поручался имъ кому-либо изъ его приближенныхъ.

Важную роль въ отправленіи правосудія играли судебные пристава — «недѣльщики», называвшіеся такъ, потому что они исправляли свои обязанности по-очереди, по недѣлямъ. Обязанности ихъ заключались, во-первыхъ, въ вызовѣ обвиняемыхъ на судъ; недѣльщикъ получалъ отъ судьи «приставную память», т. е. предписаніе представить на судъ такого-то обвиняемаго; если обвиняемый жилъ въ Москвѣ, то недѣльщикъ за вызовъ его и доставку на судъ получалъ съ него извѣстную плату, «хоженое»; если же онъ находился не въ Москвѣ, то недѣльщикъ ѣхалъ за нимъ и за это получалъ «ѣздъ» по извѣстной таксѣ: такъ, отъ Москвы до Ростова положено было 1 рубль, до Ярославля—1 р. 25 коп., до Вологды—2 р. 50 к., до Устюга—5 р., до Холмогоръ—8 р. Въ Судебникѣ перечислены всѣ главные города Московскаго государства съ указаніемъ размѣровъ «ѣзда» для каждаго изъ нихъ. Въ свою очередь судъ самъ взимаетъ съ недѣльщика извѣстный процентъ съ «хоженаго» и съ «ѣзда», который онъ получаетъ съ тяжущихся. Герберштейнъ такъ описываетъ процедуру вызова на судъ: «Кто хочетъ обвинить другого человѣка въ воровствѣ, грабежѣ или человѣкоубійствѣ, тотъ пріѣзжаетъ въ Москву и требуетъ, чтобъ такой-то былъ призванъ въ судъ; ему дается недѣльщикъ, который назначаетъ срокъ обвиняемому и приводитъ его въ Москву». При этомъ недѣльщикъ могъ посылать вмѣсто себя своихъ холо-

повъ или родственниковъ («племянниковъ», по выраженію Судебника).

Другою обязанностью недѣльщика являлось производство пытки и поимка татей: «Если недѣльщику дадутъ татя и велятъ ему пытать, то пытать ему татя безхитростно; если тать на кого что взведетъ, то сказать ему о томъ великому князю или судьѣ, который ему далъ татя, а самому не принуждать татя клепать на кого-либо. А если недѣльщика пошлютъ за татями, то брать ему татей безхитростно, а не давать кому либо поблажки; взявъ же татя, не отпускать его и не брать посуловъ; а опришныхъ (т. е. посторонних, непричастныхъ къ дѣлу) людей не брать». Третьей обязанностью недѣльщика было содержаніе преступниковъ подъ стражею, причемъ Судебникъ воспрещаетъ ему отдавать ихъ на поруки безъ доклада судьѣ или продавать ихъ (въ холопство).

Статьи Судебника, относящіяся къ мѣстному, провинціальному суду, во многихъ случаяхъ почти буквально повторяютъ статьи его о судѣ боярскомъ, центральномъ. Различіе заключается въ самихъ судьяхъ: мѣстный судъ вѣдали намѣстники и волостели; судебная власть намѣстника, вѣдавшаго цѣлый уѣздъ, простиралась на весь этотъ уѣздъ, волостели же управляли и судили въ части уѣзда—волости; кромѣ того, и тѣ и другіе могли поручать дѣла своимъ «тіунамъ», которые обыкновенно были ихъ холопами и собственной судебной власти не имѣли. Судебникъ различаетъ намѣстниковъ и волостелей «съ боярскимъ судомъ» и безъ него; это различіе основано на разницѣ въ привилегіяхъ, дарованныхъ уставными грамотами тому или другому округу; намѣстники Новгорода и Пскова стояли выше даже намѣстниковъ «съ боярскимъ судомъ» и имѣли право окончательнаго суда въ дѣлахъ уголовныхъ. На судѣ намѣстниковъ и волостелей обязательно должны были присутствовать представители мѣстнаго населенія въ лицѣ «дворскаго», т. е. смотрителя за казенными строеніями въ городѣ, «старосты»— выборнаго чиновника, на которомъ лежали дѣла по управленію волостью, и «лучшихъ людей» волости. Судебныя пошлины въ мѣстномъ судѣ въ денежныхъ искахъ взимались не во всѣхъ случаяхъ, какъ въ боярскомъ судѣ, а только тогда, когда истецъ окажется неправымъ. Въ остальныхъ своихъ постановленіяхъ о мѣстномъ судѣ Судебникъ повторяетъ постановленія о судѣ центральномъ; на немъ также допускается «поле», также часто примѣняется смертная казнь, такія же пошлины взимаются за выдачу документовъ; въ распоряженіи намѣстниковъ и волостелей имѣются также собственные пристава, которымъ «ѣздъ» опредѣленъ по одной деньгѣ съ версты, а «хоженое» (въ городѣ) по 4 деньги. Относительно

права казнить преступниковъ смертью постановлено, что намѣстники и волостели «безъ боярскаго суда» не могутъ приводить казни въ исполненіе безъ доклада о томъ въ высшую инстанцію.

Статьи Судебника съ 46-й по 66-ую посвящены постановленіямъ по гражданскому праву. Въ статьяхъ «о торговцѣхъ» предусматривается случай, когда покупщикъ заподозрѣвается въ неправильномъ пріобрѣтеніи вещи; если найдутся двое или трое «добрыхъ людей», которые скажутъ, что видѣли, какъ онъ этотъ предметъ покупалъ, то покупщикъ долженъ быть оправданъ. Рядъ статей посвященъ постановленіямъ о «послухахъ», т. е. свидѣтеляхъ. Ст. 48-я: «если послухъ свидѣтельствуетъ противъ кого въ бою, или въ грабежѣ, или въ займахъ, то судить ихъ по волѣ отвѣтчика: хочетъ онъ, пусть выходитъ съ послухомъ на поле, или ставъ у поля, пусть положитъ у креста то, что на немъ ищутъ; тогда истецъ беретъ свое безъ цѣлованія (т. е. клятвы), а отвѣтчикъ платитъ полевыя пошлины, но штрафа въ пользу судьи на немъ нѣтъ». Ст. 49-я: «А если отвѣтчикъ будетъ старъ или малъ, или чѣмъ увѣченъ, или будетъ попомъ, чернецомъ, черницей или женщиной, то онъ можетъ нанять наймита противъ послуха» (чтобы выставить его за себя на поединокъ); но послухъ не имѣетъ права нанимать наймита. Между тѣмъ Судебникъ въ ст. 52-й допускаетъ противорѣчіе въ томъ, что позволяетъ женщинѣ или старому, увѣчному, попу, чернецу и т. д., когда они сами являются послухами, нанимать наймитовъ, чтобъ они бились на поединкѣ за нихъ. За неявку послуха на судъ Судебникъ налагаетъ на него строгое взысканіе: онъ обязанъ уплатить всѣ судебныя издержки и пошлины.

Въ 54-й статьѣ опредѣлены послѣдствія нарушенія договора личнаго найма: «если наймитъ не дослужитъ своего урока и пойдетъ прочь, то онъ лишается найма».

Особенную важность имѣетъ статья 57-я, въ которой опредѣляется право перехода крестьянъ; она носитъ названіе: «о христьянскомъ (т. е. крестьянскомъ) отказѣ». Въ этой статьѣ Судебникъ закрѣпилъ то, что уже практиковалось давно, а именно право крестьянъ переходить отъ одного землевладѣльца къ другому «изъ волости въ волость, изъ села въ село» въ извѣстный срокъ, а именно—за недѣлю до Юрьева дня осенняго (24 ноября) и въ недѣлю послѣ Юрьева дня. Вмѣстѣ съ тѣмъ Судебникъ опредѣляетъ, сколько долженъ уплачивать крестьянинъ владѣльцу за «пожилое», т. е. за прожитое имъ у него время; за дворъ «въ поляхъ» платится рубль, а «въ лѣсахъ»—полтина. «Если крестьянинъ проживетъ за кѣмъ годъ, онъ платитъ за четверть двора;

если два года поживетъ и уйдетъ, то платитъ за полъ-двора»; за три года — три четверти, а за четыре—то платитъ за весь дворъ.

Судебникъ признаетъ крестьянъ свободными и въ предыдущей статьѣ только опредѣляетъ точно ихъ обязательства къ владѣльцу и срокъ пользованія правомъ перехода. Что же касается до несвободнаго населенія—холоповъ, то относительно ихъ Судебникъ допускаетъ лишь въ одномъ исключительномъ случаѣ ихъ возвращеніе въ число свободныхъ людей: «если холопа возьметъ въ плѣнъ рать татарская», гласитъ 56-я статья, «а онъ выбѣжитъ изъ плѣна, то онъ свободенъ и старому своему господину болѣе не холопъ». Въ этой статьѣ отразилось христіанское воззрѣніе на плѣнъ, который считался страданіемъ за вѣру Христову и за отечество. Судебникъ перечисляетъ всѣ виды холопства: холопство полное, «по тіунству и по ключу сельскому, съ докладомъ и безъ доклада», по приданому и по духовной; онъ же вводитъ суровое правило, выражаемое словами: «по рабѣ холопъ и по холопѣ раба», согласно которому свободный человѣкъ, женившійся на рабѣ, становился холопомъ ея господина, и обратно.

Наслѣдственнаго права касается только одна статья Судебника, 60-я: «Если человѣкъ умретъ безъ духовной грамоты, а сына у него не будетъ, то все движимое и земли переходятъ дочери; если же и дочери у него не будетъ, то все взять ближайшему въ его родѣ».

Въ 59-й статьѣ говорится о судѣ надъ духовными лицами; для нихъ былъ особый церковный судъ, но въ дѣлахъ уголовныхъ они судились въ гражданскомъ судѣ; искъ мірянина къ духовному лицу разбирался въ «судѣ вопчемъ», т. е. общемъ, состоявшемъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ.

Двѣ статьи Судебника посвящены вопросу о нарушеніяхъ границъ между землями разныхъ владѣльцевъ; границами служили изгороди или межи, на которыхъ ставились столбы («грани»); за запашку межи или срубку грани положено битье кнутомъ и рубль штрафа въ пользу потерпѣвшаго.

Въ концѣ Судебника прибавлена статья (67-я) «о посулѣхъ и послушествѣ», повторяющая уже не разъ выраженное въ Судебникѣ запрещеніе давать взятки судьямъ: «Велѣть прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской земли, и по всѣмъ волостямъ заповѣдать, чтобы истецъ и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ посуловъ не сулили на судѣ,

и чтобъ послухи, не видя, не свидѣтельствовали, а, видѣвъ, говорили правду; а если послухъ свидѣтельствуетъ лживо, не видѣвъ, и это послѣ откроется, то на него возлагаются всѣ издержки истца и убытки».

Судебникъ 1497 года является памятникомъ законодательной дѣятельности Московскаго государства, сходнымъ съ послѣдующими сводами законовъ, изданными въ Москвѣ, Судебникомъ 1550-го года и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича 1649 г. Сходство это заключается въ томъ, что всѣ эти своды почти не вводятъ новыхъ постановленій въ практику суда и управленія, а преимущественно собираютъ въ одно цѣлое отдѣльные законы и обычаи, выработанные до ихъ появленія самою жизнью. Потребность въ составленіи такого сборника законовъ явилась, какъ только вокругъ Москвы собралась значительная территорія, требовавшая однообразныхъ пріемовъ въ управленіи и судѣ. Но вслѣдствіе того, что этотъ сборникъ составился изъ самыхъ разнородныхъ частей, отчасти изъ заимствованій изъ Русской Правды и Псковской судной грамоты, отчасти изъ выработавшихся на практикѣ обычаевъ и законовъ, составъ его оказался очень неравномѣрнымъ и неполнымъ; нѣкоторыя постановленія развиты въ нѣсколькихъ статьяхъ съ достаточной подробностью и точностью, другія же, какъ напр. о личномъ наймѣ и о наслѣдованіи, ограничиваются одною краткою статьей, тогда какъ можно было бы ожидать, что такія важныя постановленія потребуютъ гораздо болѣе полнаго опредѣленія. То же слѣдуетъ сказать и о распредѣленіи статей по содержанію; хотя Судебникъ, какъ выше указано, и можетъ быть раздѣленъ на три части, но строго разграничить эти части трудно, ибо нерѣдко статьи, помѣщенныя во второй или третьей имѣютъ отношеніе къ статьямъ первой части, и обратно. Кромѣ того Судебникъ не передаетъ всего дѣйствовавшаго въ его время права; въ жизни былъ еще цѣлый рядъ юридическихъ обычаевъ, которые не занесены въ Судебникъ, а для нѣкоторыхъ преступленій, напр. государственныхъ, правительство предпочитало назначать наказанія по своему усмотрѣнію, не упоминая вовсе о нихъ въ Судебникѣ, чтобы не стѣснять этимъ своей свободы; такъ въ 1497 г., въ годъ изданія Судебника, Иванъ III казнилъ мучительными казнями, о которыхъ Судебникъ ничего не упоминаетъ, сторонниковъ сына своего Василія, а въ 1499 г. приговорилъ сторонниковъ другого сына, Дмитрія, къ смертной казни, и заключилъ въ тюрьму самого Дмитрія. Въ обоихъ случаяхъ вел. князь руководился не закономъ и не рѣшеніемъ какого-либо суда, а исключительно своимъ усмотрѣніемъ.

Несовершенство Судебника 1497-го года, неполнота его и неравномѣрность въ распредѣленіи его частей вскорѣ заставили правительство пересмотрѣть его, «исправить Судебникъ по старинѣ», по выраженію Ивана Грознаго. Новый Судебникъ значительно болѣе подробный, изданъ былъ въ 1550 г. Но жизнь шла все впередъ, выдвигая новыя правовыя отношенія, и потребность въ сведеніи ихъ въ одинъ сборникъ не прекратилась послѣ изданія второго Судебника. При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ сдѣлана была попытка составить новый сводъ законовъ, восполнявшій Судебникъ Ивана Грознаго, но этотъ сводъ остался только въ проектѣ, рукопись котораго была найдена въ 1899 г. Наконецъ, въ 1649 г. обнародовано было соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

ІОСИФЪ САНИНЪ И ВОЛОКОЛАМСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

По соч. *А. Пыпина* «Исторія русской литературы», т. II, изд. 2-е, Спб., 1902; *И. Хрущова* «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, прен. игумена Волоцкаго», Спб., 1868.

I.

Основатели монастырей XIV—XV в.

Со второй половины XIV вѣка число монастырей на Руси замѣтно возрастаетъ. Ученики и почитатели преподобнаго Серг создаютъ новыя обители, которыя сами становятся очагами монастырской колонизаціи сѣвера и сѣверо-востока. Вмѣстѣ съ тѣмъ братія скромныхъ и даже убогихъ прежде обителей—становится все многочисленнѣе, а площадь монастырскаго владѣнія все шире: постепенно изъ тихаго пристанища для суровыхъ отшельниковъ монастырь превращается въ шумное средоточіе хозяйственной и даже политической жизни.

Игуменъ, основатель монастыря своею строгою жизнью и учительствомъ пріобрѣталъ себѣ многочисленныхъ почитателей; слава его достигала Москвы и великокняжеской семьи: монастырь получалъ вклады селами и деньгами, а великій князь искалъ отъ мудраго старца поученія и совѣта въ своихъ мірскихъ начинаніяхъ. Святой подвижникъ оказывался усерднымъ молитвенникомъ за великаго князя и приходилъ къ нему на помощь со своимъ вліятельнымъ словомъ въ рѣшительныя минуты исторической жизни.

Основатели монастырей въ XIV, XV вѣкѣ и даже позже, составляютъ особый типъ людей, отличавшихся могучею силою воли, безстрашіемъ и кромѣ того настойчивостью въ преодолѣніи трудностей для достиженія высшей цѣли. При постриженіи—онъ разрываетъ съ семьею и родиной всѣ связи и идетъ на подвигъ. Выдержавъ строгій, долголѣтній искусъ въ монастырѣ, укрѣпленный въ борьбѣ со страстями и всякаго рода трудностями, онъ удаляется въ глубь лѣсовъ и тамъ собираетъ своего рода дружину—иноковъ.

Типъ этотъ—подвижника основателя монастыря—проходитъ

черезъ всю русскую исторію съ бо́льшимъ или меньшимъ значеніемъ; но его золотымъ вѣкомъ былъ XV вѣкъ, представляющій сорокъ именъ, извѣстныхъ своею святостью основателей и устроителей монастырей.

Создалась типическая біографія этихъ подвижниковъ, какъ передаютъ ее многочисленныя житія.

Семья, воспитавшая святого, отличается обыкновенно благочестіемъ; иногда въ ней замѣтна склонность къ монашеству. Это— семья грамотная, гдѣ въ обычаѣ обучать дѣтей чтенію и письму, преимущественно дворянская, иногда купеческая, или крестьянская зажиточная семья.

О родителяхъ святого, по постриженіи его, сохраняется память въ томъ случаѣ, когда оба они, отецъ и мать, приняли постриженіе.

Въ дѣтствѣ будущій основатель монастыря чуждается игръ и общества сверстниковъ. Церковная служба замѣняетъ ему всѣ удовольствія; онъ прежде всѣхъ является во храмъ и послѣднимъ выходитъ оттуда. Отрока отдаютъ для обученія грамотѣ въ сосѣдній монастырь, рѣдко въ училище. Способный къ ученью и впечатлительный, онъ вчитывается въ книги и встрѣчается въ нихъ съ монашескимъ идеаломъ. Кругомъ себя онъ видитъ много зла, которое, по его понятію, усвоенному изъ прочитанныхъ имъ книгъ, происходитъ отъ вліянія бѣсовъ. Созрѣваетъ наконецъ сильное, непреодолимое желаніе постричься въ честный ангельскій образъ и тѣмъ спасти душу и побѣдить діавола. Родители, удерживая юношу отъ постриженія, уговариваютъ его вступить въ бракъ съ пріисканною ими невѣстою. Тутъ-то дѣлаетъ онъ первый рѣшительный шагъ: тайно уходитъ отъ родителей въ отдаленный монастырь, куда влечетъ его слава обители или имя подвижника-старца и гдѣ не могутъ скоро найти его.

Въ монастырѣ новый постриженникъ безропотно несетъ тяжесть молитвенныхъ подвиговъ, со рвеніемъ исполняетъ самыя трудныя работы и тѣмъ заслуживаетъ любовь игумена и братіи. Потомъ въ инокѣ является желаніе покинуть мѣсто своего постриженія. И вотъ онъ тайно оставляетъ монастырь для пустыни, подобно тому какъ въ юности покинулъ домъ родительскій для монастыря.

Долго странствуетъ онъ по монастырямъ русскимъ, наконецъ поселяется въ пустынѣ и тамъ начинаетъ вести жизнь отшельника. Иной, покинувъ мѣсто своего постриженія, идетъ прямо въ лѣса пріискивать себѣ мѣсто для подвиговъ вдали отъ людей. По большей части странникъ направляется на сѣверъ отъ мѣста своего постриженія. Это стремленіе къ сѣверу объясняется тѣмъ, что

нашъ сѣверъ былъ мало населенъ; отсутствіе же гражданскихъ элементовъ и дѣвственная природа болѣе всего могли привлечь жаждущаго пустынной жизни.

Мѣсто, избранное основателемъ будущей обители всегда отличается красотою. Оно выбирается или на высокой горѣ, откуда видно необъятное пространство, покрытое озерами и лугами, или на берегу небольшой рѣчки, большею частью у устья ея, гдѣ она впадаетъ въ большую рѣку. Въ озерныхъ странахъ преподобные селились на берегу большого озера въ средоточіи малыхъ озеръ, часто на острову.

Живя въ одиночествѣ, отшельникъ съ любовью относится къ природѣ, его окружающей; онъ приручаетъ звѣрей и птицъ, дѣлитъ съ ними пищу. Змѣи и гады, по молитвамъ угодниковъ Божіихъ, оставляютъ мѣста жительства святыхъ и укрываются въ иныхъ дебряхъ.

Слухъ о новомъ поселенцѣ доходитъ до другихъ ищущихъ спасенія. Пустынникъ принимаетъ только тѣхъ, кто въ силахъ нести подвиги и лишенія пустынножительства, и съ помощью новой братіи пустынникъ сооружаетъ церковь, по большей части во имя Богородицы. Князья удѣльные даютъ возникшему монастырю тѣ лѣса и луга, среди которыхъ онъ находится. Личность основателей привлекаетъ посѣтителей, являются богатые и даютъ вклады, записываютъ за монастыремъ села, князья освобождаютъ эти села отъ пошлинъ, даютъ монастырю льготы для тѣхъ людей, которые будутъ селиться на пустопорожнихъ монастырскихъ земляхъ. Основатель ведетъ монастырь по своему. Строгій подвижникъ дѣлается строгимъ игуменомъ, самъ подаетъ примѣръ братіи во всемъ. Самъ онъ носитъ худыя ризы; неутомимо надзираетъ за братіей; ночью ходитъ по кельямъ и, заслышавъ разговоръ, стучитъ въ окно.

Слухъ о подвигахъ игумена доходитъ до Москвы, вклады увеличиваются, хозяйство расширяется.

И такъ, въ основателѣ монастыря выразились двѣ стороны: любовь къ святому подвигу одинокаго пребыванія въ пустынѣ, благоразуміе и умѣнье вести хозяйство въ имъ же устроенномъ монастырѣ.

Съ одной стороны основатель представляется какъ пустынно-любецъ, къ которому случайно собралась братія; съ другой—онъ является какъ заботливый хозяинъ обители съ умѣньемъ вести въ ней и нравственный и матеріальный порядокъ.

Объ эти стороны мы замѣчаемъ въ первообразѣ основателей-игуменовъ сѣверо-восточной Руси—въ преподобномъ Сергіи. Сергій долго живетъ одинъ и не охотно соглашается разстаться со своимъ

одиночествомъ. По устроеніи монастыря онъ удаляется на Киржачъ на безмолвное одиночество. Часто странствуетъ и въ своемъ странствованіи основываетъ монастыри. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподобный Сергій не охладѣваетъ къ своей первой и главной обители и болѣе всего пребываетъ у Троицы, причемъ заботится о монастырѣ, какъ начальникъ его и хозяинъ.

Вникая въ жизнь учениковъ преподобнаго Сергія, мы замѣчаемъ, что типъ основателя распадается на двое, соотвѣтственно тѣмъ двумъ сторонамъ, которыя сполна выразились въ преподобномъ Сергіи.

Съ половины XV вѣка эти два типа опредѣляются все рѣзче, и въ началѣ XVI вѣка находятъ себѣ яркихъ и полныхъ выразителей въ лицѣ Нила Сорскаго—съ одной стороны, Іосифа Волоцкаго—съ другой.

II.

Преп. Пафнутій Боровскій и Іосифъ Волоцкій.

Іосифъ происходилъ изъ добраго рода, былъ сыномъ вотчинника въ томъ же волоколамскомъ краѣ, гдѣ былъ впослѣдствіи основанъ имъ монастырь, и правнукомъ литовскаго выходца. На восьмомъ году онъ отданъ былъ учиться грамотѣ въ монастырь. Съ годами отрокъ научился читать и пѣть такъ, что люди дивились. Онъ прежде всѣхъ являлся въ церковь; церковь замѣняла ему всѣ удовольствія. Съ возрастомъ у Іосифа явилось рѣшительное желаніе быть инокомъ и онъ сталъ разспрашивать, кого только могъ, объ обителяхъ и живущихъ въ нихъ старцахъ. Услышавъ о святомъ старцѣ Варсонофіи Неумоѣ, юноша покинулъ родительскій домъ для обители св. Саввы (въ Тверской землѣ), гдѣ жилъ и подвизался этотъ старецъ. Юноша искалъ въ монастырѣ ангельской жизни, но едва пришелъ въ обитель, какъ услышалъ ругательства, неподобныя слова въ самой трапезѣ монастырской. Іосифъ бѣжалъ изъ трапезы. Варсонофій понялъ юношу и сказалъ ему такое слово: «не удобно ти, чадо, въ здѣшнихъ монастырѣхъ жити, но иди къ преподобному Пафнутію въ Боровскъ».

Іосифъ отправился, по слову старца Варсонофія въ обитель Пафнутія. Онъ засталъ престарѣлаго игумена за дѣломъ: Пафнутій рубилъ дрова и складывалъ ихъ. Пришлецъ съ благоговѣніемъ выжидалъ окончанія работы. Когда-же Пафнутій подозвалъ его къ себѣ,—юноша бросился къ ногамъ старца съ крѣпкою мольбою о постриженіи. Іосифу въ то время было двадцать лѣтъ.

Боровская обитель была основана во время борьбы великаго

князя Василья Васильевича съ Шемякою, и находилась къ югу отъ Москвы, въ двухъ мѣстахъ отъ города Боровска; но она входила въ составъ Суходола, вотчины князя Дмитрія Шемяки; а когда Василій Темный одолѣлъ Шемяку, Суходолъ отошелъ къ къ князю Василію Ярославичу Боровскому вмѣстѣ съ монастыремъ Пафнутія; по изгнаніи же Боровскаго князя изъ его удѣла, Суходолъ вошелъ въ составъ Московскаго великаго княжества. Такимъ образомъ, съ 1456 года монастырь Пафнутія сталъ принадлежать Москвѣ. Великій князь и вся его семья очень чтили основателя новаго монастыря и содѣйствовали расширенію послѣдняго богатыми вкладами. Отношенія Пафнутія къ великимъ князьямъ Московскимъ и къ другимъ удѣльнымъ князьямъ его времени производили впечатлѣніе на современниковъ.

Тридцать три года игуменствовалъ Пафнутій въ устроенной имъ обители. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ основателей монастырей нашихъ, которые отличались дѣятельнымъ характеромъ и способностями къ хозяйству. Первые годы по основаніи обители, Пафнутій, въ работѣ всякаго рода, былъ примѣромъ для братіи: онъ таскалъ на себѣ бревна, рубилъ дрова, копалъ землю, носилъ воду для орошенія грядъ, плелъ мрежи. Онъ самъ велъ монастырское хозяйство, его заботила ловля и соленье рыбы и прочій домашній обиходъ, самъ лично принималъ вклады и помянки, и распоряжался выдачей денегъ на хозяйственныя потребности.

Характеръ его былъ скорѣе общительный, чѣмъ строго аскетическій. Онъ иногда ходилъ въ другіе монастыри для духовной бесѣды со старцами. Дома любилъ отдыхать у окна своей кельи, откуда былъ виденъ весь монастырь. Часто собиралъ къ себѣ въ келью иноковъ и поучалъ ихъ; на бесѣдахъ его присутствовали и міряне.

Подъ руководствомъ Пафнутія Іосифъ сталъ вести строгую жизнь въ его обители. Благодаря своей физической силѣ, онъ, обыкновенно, исполнялъ самыя тяжелыя работы. Но не одинъ физическій трудъ и молитвенный подвигъ были удѣломъ Іосифа при жизни Пафнутія. Онъ, какъ видно изъ житія Пафнутія, былъ также дѣятеленъ по управленію монастыря: наблюдалъ за порядкомъ, смотрѣлъ за больными, а иногда предпринималъ путешествія по монастырскимъ дѣламъ. Подвиги Іосифа доставили ему почетное положеніе среди монастырской братіи. Современники говорятъ, что своей красотой онъ «уподобился древнему Іосифу»; онъ отличался необыкновеннымъ искусствомъ читать въ церкви и пѣть псалмы, былъ чрезвычайно начитанъ и обладалъ такою памятью, что рѣдко обращался къ книгѣ, когда говорилъ «отъ писанія»; по выраженію одного жизнеописателя, онъ держалъ св. писа-

ніе «памятью на краю языка»; въ довершеніе былъ строгій подвижникъ и отличался «крѣпкимъ» умомъ и сильнымъ практическимъ смысломъ. По смерти Пафнутія Іосифъ, которому не было еще сорока лѣтъ, былъ поставленъ на игуменство въ Москвѣ, гдѣ былъ обласканъ самимъ великимъ княземъ, — хотя въ монастырѣ были болѣе старые братья, которые имѣли бы право стать во главѣ монастыря.

Пріѣхавъ изъ Москвы съ честію, Іосифъ сказалъ братіи поученіе. Вскорѣ братія почувствовала крѣпкую руку новаго игумена. Іосифъ захотѣлъ ввести преобразованія и измѣнить уставъ монастырскій. Онъ хотѣлъ ограничить частную жизнь монаха въ келіи, и ввести строгое общежитіе по образцу монастырей востока и святой горы Аѳонской.. Жизнь этихъ послѣднихъ была извѣстна Іосифу по житіямъ святыхъ отцовъ, по повѣстямъ и разсказамъ отъ «старчества».

Среди братіи явились несогласія, ропотъ. Тогда Іосифъ, сообщивъ свою мысль немногимъ старцамъ, рѣшилъ уйти изъ монастыря, чтобы осмотрѣть другія русскія обители. Онъ былъ въ монастыряхъ тверскихъ, заволжскихъ, въ Кирилловѣ, возвратился послѣ почти годового отсутствія въ свой монастырь, но уже скоро окончательно покинулъ его: «возгорѣся бо сердце его огнемъ Святого Духа»,—у него созрѣлъ планъ основать новый монастырь по собственной мысли и уставу.

III.

Обитель Іосифа Волоцкаго.

Покинувъ Боровскую обитель, Іосифъ ушелъ на родину въ предѣлы Волоколамскіе, въ лѣса непроходимые. Но не для созерцательнаго пустынножительства пошелъ въ пустыню Іосифъ. Въ пустынѣ ему нужно было одно—найти удобное мѣсто для будущей обители. Но прежде чѣмъ выбрать самое мѣсто, онъ рѣшилъ удалить препятствія, возможныя со стороны людей. Съ этой цѣлью онъ отправляется къ князю Волоцкому за разрѣшеніемъ поселиться на его землѣ. Князь оказалъ ему большое расположеніе, и не только разрѣшилъ поселиться, но далъ ему своихъ работниковъ для расчистки лѣса и плотниковъ для постройки келій и содѣйсвовалъ всячески облегченію труда при устройствѣ обители. Ко времени закладки церкви самъ князь пріѣхалъ со своей свитой и въ его присутствіи начали деревянный первоначальный храмъ въ честь Успенія Богородицы. Князь, его бояре и отроки сами таскали бревна.

Работы шли поспѣшно, но не смотря на содѣйствіе князя, трудна была жизнь братіи въ первое время, пока за монастыремъ не было селъ. Однако это продолжалось не долго. Въ годъ основанія монастыря (1479) князь подарилъ ему деревню съ обычными льготами отъ податей, отъ постоя княжескихъ людей, отъ суда княжескихъ намѣстниковъ. Средства монастыря стали быстро увеличиваться. Черезъ шесть лѣтъ на мѣстѣ деревянной церкви стояла уже большая каменная, на которую потрачены были большія деньги. Главными жертвователями было семейство князя Волоцкаго: вскорѣ послѣ основанія монастыря Іосифъ креститъ второго сына князя; онъ двадцати лѣтъ умеръ въ монастырѣ, завѣщавъ ему село и сорокъ три деревни.

Въ 1485 году новый архіепископъ Новгородскій—Геннадій, къ епархіи котораго принадлежалъ Волоколамскій монастырь, жертвуетъ село, двѣ деревни и колоколъ во сто рублей.

Но особенно выгодно было для монастыря, когда стали постригаться «добрые люди отъ князей и бояръ, и отъ дѣтей боярскихъ и отъ торговыхъ людей». Эти богатые и знатные люди при постриженіи своемъ дѣлали значительные денежные вклады, иные жертвовали хлѣбомъ и мукою, другіе давали скотъ, въ особенности лошадей; изъ вещей—преимущественно шубы. Иногда же вмѣстѣ съ денежными вкладами, вносили въ монастырь богатую рухлядь, какъ-то: оружіе, сбруи, сѣдла, сосуды. Всё это находило свое мѣсто въ хозяйственныхъ и распорядительныхъ рукахъ игумена.

Кромѣ чисто практическихъ выгодъ, знатные постриженики придавали особое значеніе монастырю.

Въ одномъ изъ жизнеописаній Іосифа говорится, что многіе бояре отъ палатъ княжескихъ, многіе воеводы и честные воины приходили къ Іосифу слушать его бесѣды отъ святого писанія. Часто бесѣдуя съ нимъ, они принимали слово его къ сердцу и измѣняли порочную жизнь на благочестивую. Іосифъ пишетъ много посланій: въ одномъ поучаетъ мірянина, какъ ему слѣдуетъ молиться; въ другомъ совѣтуетъ вельможѣ милостиво обходиться съ рабами; въ третьемъ бесѣдуетъ духовно съ начитаннымъ міряниномъ; въ четвертомъ убѣждаетъ княгиню вдову въ несправедливости ея требованій. «Вся-же тогда Волоцкая страна къ доброй жизни прелагашеся», говоритъ неизвѣстный авторъ житія. Другой авторъ повѣствуетъ о матеріальной помощи, которую доставлялъ Іосифъ окрестному населенію: когда кто терялъ лошадь или корову—кормилицу семьи, то Іосифъ покупалъ ему вновь таковую.

Особенно же велико было значеніе монастыря Іосифова для окрестныхъ жителей во время голода.... Неурожай продолжался нѣсколько лѣтъ, хлѣбъ весьма поднялся въ цѣнѣ. Люди ѣли одну

пищу со скотомъ: листья, кору и сѣно; подъ конецъ-же употребляли въ пищу и то, чего не ѣстъ скотъ: толченыя гнилушки и горькій корень ужовникъ. Тогда-то Іосифъ отворилъ монастырскія житницы: къ монастырю стеклось до семи тысячъ народа, кромѣ малыхъ дѣтей; ежедневно прокармливалось въ монастырѣ по 400 и 500 человѣкъ. Многіе изъ землевладѣльцевъ приводили голодныхъ дѣтей своихъ къ стѣнамъ монастыря и тамъ оставляли ихъ, изнемогающихъ отъ голода. Узнавъ объ этомъ, Іосифъ повелѣлъ разыскивать родителей; но когда ни одинъ изъ нихъ не явился, Іосифъ собралъ всѣхъ дѣтей и построилъ для нихъ особый домъ, гдѣ и содержалъ ихъ до возраста. Когда голодающіе съѣли весь монастырскій хлѣбъ, преподобный приказалъ продавать скотъ и одежду, когда и этого не хватило, преподобный Іосифъ приказалъ брать всюду деньги взаймы подъ монастырскія росписки и сократилъ всѣ расходы по монастырю. Монахамъ пришлось ѣсть одно варево и пить воду.

Начался ропотъ. Но Іосифъ сказалъ ропташимъ, что они обѣщались терпѣть всякую скорбь ради небеснаго царства, почему и не должны лишать помощи тѣхъ, которые съ женами и дѣтьми скитаются по чужимъ мѣстамъ изъ за куска хлѣба.

Слухи о подвигахъ милосердія Волоколамскаго игумена распространились всюду, и богатые и властные, видя уменьшеніе средствъ монастыря, поспѣшили помочь ему.

Устраивая монастырь, Іосифъ хотѣлъ ввести имъ составленный строгій уставъ общежитія. Но практическій характеръ монастыря не позволялъ ему стать тою строгою общиной, о которой помышлялъ Іосифъ. Несмотря на строгости въ уставѣ, приходилось допускать нѣкоторыя вольности. Монастырь владѣлъ селами, въ нихъ игуменъ и его приказчикъ-монахъ творили судъ и расправу, собирали оброки и подати. И такъ игумену нужны были подобные приказчики. Одни управляли селами, другіе жили на мельницахъ монастырскихъ, третьи смотрѣли за скотомъ монастырскимъ, за монастырскими табунами. Села и вклады деньгами и скотомъ монастырь получалъ за поминаніе умершихъ: слѣдовательно, требовались служилые монахи другого рода, которые-бы исполняли эти поминовенія, совершая урочныя панихиды. Постройки, возводимыя въ монастырѣ, требовали отъ иныхъ монаховъ чисто практическаго достоинства, не говоря уже объ обширномъ домоводствѣ, распоряженіяхъ на счетъ съѣстныхъ припасовъ, работы на кухнѣ, въ пекарнѣ, въ больницѣ.

Чины монастырскіе слѣдовали въ такой постепенности: келарь, казначей, большой чашникъ, подкелярникъ, большой хлѣбникъ, уставщикъ.

Такимъ образомъ Іосифу невозможно было и требовать, чтобы многочисленная братія его, подобно небольшому числу подвижниковъ, была всецѣло отдана созерцательной жизни.

Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ дисциплина была необходима для сохраненія благочинія и поддержанія устава. Самъ Іосифъ ставилъ въ примѣръ строгости Савву, который жезломъ смирялъ непокорство и сажалъ безчинныхъ монаховъ въ затворъ. Въ своемъ уставѣ онъ приводилъ также въ примѣръ св. Венедикта, который билъ жезломъ брата, бесѣдовавшаго во время пѣнія. За неисполненіе устава Іосифъ повелѣваетъ налагать на иноковъ запрещенія (100 поклоновъ; сухо да ястъ два-три дня или недѣлю), за большіе грѣхи отлучать ихъ на время отъ причастія; при повтореніи преступленія связывать узами желѣзными.

Въ церкви и на молитвѣ уставомъ запрещалось «ноги о ноги переставляти, преходити отъ мѣста и осланятися спиною». Строгость обычаевъ поддерживали поставленные Іосифомъ надзиратели изъ опытныхъ старцевъ. Они становились у дверей во время богослуженія, наблюдали, чтобы монахи безъ особенной крайней нужды не выходили изъ церкви, и будили дремавшихъ отъ утомленія. За трапезой они сидѣли въ серединѣ стола и по концамъ, слѣдили за точнымъ исполненіемъ устава, чтобы кто-либо изъ братій не съѣлъ того, чего не доѣлъ сосѣдъ; чтобы не было произнесено лишняго слова и глубокое молчаніе соблюдалось бы во время обычнаго за обѣдомъ чтенія.

Ворота монастырскія крѣпко затворялись на ночь. Сторожа должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы кто-либо посторонній не заночевалъ въ стѣнахъ обители.

Самъ Іосифъ строго смотрѣлъ за братіею; въ глубокій вечеръ тайно ходилъ по кельямъ и около келій и, когда слышалъ бесѣду, которая была запрещена послѣ вечерни, то ударялъ по окну, назначая приходъ свой. Инокамъ строго запрещалось ходить по монастырю безъ клобука и «манатьи». Прогуливаться за монастыремъ монахи могли только разъ въ недѣлю, въ воскресный день, да и то не иначе, какъ съ настоятелемъ или съ однимъ изъ старѣйшей братіи. Для общихъ мірскихъ дѣлъ былъ назначенъ одинъ день въ недѣлю — суббота. Строгость устава Іосифова касалась и самаго устройства келій: запрещалось имѣть при келіяхъ погребъ и заднія воротца; не дозволялось устраивать большихъ оконъ, чтобы монахъ не могъ черезъ нихъ тайно уйти изъ кельи. На дворѣ около кельи не дозволялось садить вишневыхъ деревьевъ, яблонь, ни другой какой либо овощи.

Разсказывая о дѣятельности Іосифа въ стѣнахъ монастыря, списатель житія его не забылъ упомянуть о томъ, какъ онъ забо-

тился о больныхъ, покоилъ ихъ; училъ братію ихъ покоить, самъ иногда устраивалъ имъ постели и хорошо кормилъ ихъ.

Возводя большія церковныя постройки, Іосифъ особенно заботился о порядкѣ и благолѣпіи богослуженія. Владѣя даромъ отлично читать и пѣть, онъ всегда читалъ и пѣлъ въ церкви; грамотныхъ обучалъ пѣть церковныя пѣсни по гранямъ. Ризы священническія украшалъ жемчугомъ и церковь лучшею утварью. Крестные ходы совершались въ монасырѣ съ особеннымъ благолѣпіемъ и кромѣ обычныхъ для нихъ повсюду дней, они бывали еще въ Благовѣщеніе, въ Срѣтеніе и въ вербное воскресеніе, по московскому обычаю. Одною изъ главныхъ заботъ Іосифа было пріобрѣтеніе книгъ, нужныхъ для богослуженія и назиданія.

При немъ положено начало богатой библіотеки Волоколамскаго монастыря, которая отчасти сохранилась, въ послѣднее время раздѣленная на 3 части.

IV.

Сочиненія и воззрѣнія Іосифа. Борьба съ ересью.

Въ монастырской библіотекѣ было не мало книгъ, списанныхъ Іосифомъ и также составленныхъ имъ самимъ.

Іосифъ, какъ писатель, шелъ одной дорогой съ людьми своего вѣка. Мысль была настроена тогда въ исключительно церковномъ направленіи; церковная книга была единственнымъ источникомъ не только религіознаго и нравственнаго поученія, но поученія политическаго, и даже мірского знанія; всякое другое знаніе было суетное, а если оно въ чемъ нибудь расходилось съ церковной книгой, то оно было превратное, еретическое, гибельное, исходившее отъ самого дьявола.

Вся наша древняя письменность проникнута глубочайшимъ уваженіемъ къ церковной книгѣ. Древніе русскіе богословы всѣ свои умственныя силы и способности направляли къ тому, чтобы выучиться говорить «отъ книгъ», «отъ писаній» или даже ихъ языкомъ, но прочитанное и изученное они принимали на вѣру и плохо въ немъ разбирались. Трудъ автора сосредоточивался по преимуществу на томъ, чтобы сдѣлать больше выписокъ изъ книгъ. Самыя поученія составлялись часто изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ произведеній.

Другой особенностью древне-русской письменности было то, что благоговѣніе предъ книгами простиралось на все, въ нихъ заключающееся. Всякое мнѣніе считалось несомнѣнно истиннымъ, коль скоро оно находило себѣ мѣсто въ книгахъ. Древне-русскіе

богословы не умѣли и не могли всегда строго отличать истинное отъ подложнаго и апокрифическаго (отвергнутаго церковью); тому и другому, ложному и отреченному придавали смыслъ и важность, какіе заключались въ произведеніяхъ подлинныхъ и достойныхъ уваженія.

Отъ просвѣщенія зависѣло и міровоззрѣніе древне-русскаго общества. Внѣшняя, церковная обрядность была самой яркой чертою религіозной жизни того времени. За отсутствіемъ школъ церковь сдѣлалась единственнымъ мѣстомъ, гдѣ народъ могъ учиться вѣрѣ и благочестію, но въ церкви все состояло изъ исполненія тѣхъ или другихъ священныхъ обрядовъ, съ которыми сживался народъ и въ исполненіи которыхъ онъ пріучался видѣть существенную сторону религіозной жизни.

Къ XV вѣку обряды получили значеніе, почти равносильное съ догматами. Русскимъ людямъ казалось верхомъ человѣческой мудрости и въ то же время величайшей смѣлостью прибавить хотя-бы одну букву къ обряду сверхъ установившагося вѣками его порядка.

Особенно обострились споры относительно церковныхъ обрядовъ въ XV и XVI вѣкѣ; начались они на сѣверѣ, во Псковѣ, въ Новгородѣ, оттуда перешли и въ Москву.

Среди споривших встрѣчались, конечно, люди даровитые, убѣжденные; къ числу ревностныхъ борцовъ за достоинство церкви и государства принадлежалъ и преподобный Іосифъ, но, по объему понятій и по средствамъ борьбы, онъ былъ всё-же сыномъ своего вѣка.

Всякое знаніе онъ понимаетъ только съ церковной точки зрѣнія: началомъ всей жизни человѣка, источникомъ и мѣркой истинности религіозной мысли Іосифъ ставитъ «божественное писаніе», разумѣя не только божественное писаніе въ собственномъ смыслѣ, но вообще всю письменность церковнаго содержанія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ слѣдуетъ какъ источникамъ подлиннымъ, такъ и сомнительнымъ; не разбираясь строго въ памятникахъ церковной письменности, онъ черпаетъ одновременно доказательства изъ книгъ истинныхъ и ложныхъ или отреченныхъ.

Такъ составилось у Іосифа странное представленіе о полной истинности и обязательности всего, что онъ вычитывалъ въ книгахъ: онъ не различалъ между книгами ветхаго и новаго завѣта, между суровымъ закономъ Моисея и религіею любви и прощенія; все, взятое изъ церковныхъ книгъ, хотя бы и сомнительныхъ, становится готовымъ приговоромъ. Іосифъ Волоцкій ярче, чѣмъ кто-либо изъ старыхъ писателей своего времени высказалъ господствовавшіе тогда политическіе, церковные и общественные взгляды.

Смыслъ ихъ очевиденъ: это—полное подчиненіе общества и личности извѣстному преданію. Въ основу этого преданія полагались частью истинные, частью ложные церковные источники. Подчиненіе это не допускало никакой новой формы жизни и новой мысли; оно отрицало новизну съ полною нетерпимостью; проклятія и казни были главной его угрозой; оно поставляло нравственную жизнь въ обрядовомъ благочестіи, и просвѣщеніе—въ послушномъ усвоеніи преданія, въ упорномъ застоѣ.

Присоединившись къ Геннадію въ борьбѣ противъ новгородскихъ еретиковъ, Іосифъ написалъ противъ нихъ въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI-го рядъ обличительныхъ словъ, собранныхъ потомъ въ «Просвѣтитель». Эти посланія сдѣлали ересь предметомъ общаго вниманія и остались въ литературной исторіи главнымъ памятникомъ всей борьбы.

Для защиты православія волоцкій игуменъ былъ, какъ и его архіепископъ, сторонникомъ самыхъ крутыхъ мѣръ, безпощаднаго истребленія. Геннадій, по словамъ Іосифа, показалъ въ преслѣдованіи еретиковъ великую ревность: «изъ чащи божественныхъ писаній онъ устремился, какъ левъ, чтобы ногтями растерзать внутренности скверныхъ еретиковъ, напившихся жидовскаго яда». Іосифъ Волоцкій очень похваляетъ поступокъ Геннадія съ еретиками, когда они послѣ осужденія на московскомъ соборѣ 1491 года посланы были въ распоряженіе архіепископа. Геннадій «за четырнадцать поприщъ» приказалъ посадить ихъ на коней, «въ сѣдла ючные», хребтомъ обративъ къ конскимъ головамъ, «яко да зрятъ на западъ въ уготованный имъ огнь», на головы повелѣлъ возложить имъ «шлемы берестяны остры, а еловцы мочальны, яко бѣсовскыя, и вѣнцы соломены съ сѣномъ смѣшаны, а на шлемѣхъ мишени писаны чернилами: се есть сатанино воинство». И велѣлъ ихъ водить по городу и встрѣчнымъ плевать на нихъ со словами: вотъ божіи враги и христіанскіе хульники! Потомъ велѣлъ пожечь шлемы на головахъ ихъ. «Сія сотвори,—продолжаетъ Іосифъ,—добрый пастырь, хотя устрашити нечестивые и безбожные еретики», и онъ сдѣлалъ это не только для нихъ, но и для прочихъ, чтобы они уцѣломудрились, видя это «ужаса и страха исполненное позорище». Самъ Іосифъ видимо готовъ былъ-бы сдѣлать то же самое, еслибы власть была въ его рукахъ.

Онъ относится къ ереси, какъ непримиримый врагъ. Онъ опровергаетъ ее отъ писанія, собирая доказательства догматическія, каноническія и историческія, и вызываетъ къ борьбѣ противъ нея другихъ іерарховъ. Обязанность казнить еретиковъ лежитъ по его мнѣнію также и на гражданской власти, потому что ересь есть такое же преступленіе, какъ разбой, душегубство или еще хуже.

Свѣтская власть обязана преслѣдовать еретиковъ не только для охраны вѣры, но и для цѣлости государства, потому что распространеніе ереси бываетъ, по мнѣнію Іосифа, одной изъ главныхъ причинъ паденія царствъ.

Обязанность не только служителей церкви, но и каждаго вѣрующаго состоитъ въ томъ, чтобы разыскивать еретиковъ, «испытывать» ихъ и даже вымогать отъ нихъ признаніе въ ереси. Іосифъ собираетъ «отъ писанія», наставленія о томъ, какъ это нужно дѣлать: для цѣлей розыска и потомъ доноса не только позволительно, но и благоразумно употреблять самый обманъ.

Оба, Іосифъ и Геннадій, были вполнѣ дѣтьми своего вѣка и своего образованія: всѣ обличенія Геннадія, весь «Просвѣтитель» Іосифа переполнены заимствованіями изъ той литературы, на которой они воспитались и которую высоко чтили: въ писаніяхъ, на которыя они ссылаются, они находили готовые доводы, а также находили и примѣры суровой нетерпимости.

Іосифъ создалъ свою школу, которая еще нѣсколько десятилѣтій по его смерти занимала вліятельное мѣсто въ средѣ духовенства и политическихъ партій: это были тѣ «іосифляне», которые играли роль въ теченіе трехъ царствованій, какъ вѣрные послѣдователи Іосифа Волоцкаго, какъ ревнители православія, враги всякаго религіознаго вольномыслія, приверженцы великокняжескаго и царскаго самодержавія противъ боярской партіи, наконецъ, какъ защитники права монастырей владѣть селами.

V.

Преп. Нилъ Сорскій и его ученики. Борьба «старцевъ» съ «іосифлянами».

Таковъ былъ порядокъ вещей, и онъ производилъ-бы удручающее впечатлѣніе, если бы въ самой древне-русской жизни эта крайность не вызвала энергическаго и убѣжденнаго противодѣйствія со стороны людей иного нравственнаго и религіознаго склада, которые разошлись съ Іосифомъ Волоцкимъ въ самыхъ существенныхъ пунктахъ его ученія и смѣло противъ нихъ выступили. Во главѣ этихъ людей стоялъ достопамятный Нилъ Сорскій, «великій отецъ церкви русской», по слову архіеп. Филарета.

Нилъ сумѣлъ возвыситься до настоящаго пониманія сущности христіанства. По монастырскому уставу Нила Сорскаго, главная задача инока: «мысленное дѣланіе, сердечное и умное храненіе». Главное—не аскетизмъ, въ этомъ отношеніи нужна только умѣ-

ренность въ пищѣ и воздержность,—а внутреннее, духовное самоусовершенствованіе человѣка.

Въ противоположность Іосифу Волоцкому, онъ, какъ подобало истинному аскету, удалялся отъ міра, мало принималъ участія въ современныхъ дѣлахъ и броженіи умовъ, старался удалить также своихъ учениковъ отъ мірскихъ дѣлъ и «безсловесныхъ (неразумныхъ) попеченій». «Ты, человѣче божій,—пишетъ онъ одному другу,—таковымъ не пріобщайся, не подобаетъ же на таковыхъ и рѣчьми наскакати, ни поношати, ни укорити, по Богови оставляти сія: «силенъ бо есть Богъ исправити ихъ!» И дѣйствительно, не видно особенно дѣятельнаго участія Нила въ тогдашнихъ церковныхъ дѣлахъ.

Нилъ иначе относился и къ «божественнымъ писаніямъ». Онъ дѣлалъ между писаніями различіе по церковному значенію, и затѣмъ, вмѣсто слѣпой вѣры во все писанное, давалъ мѣсто разуму. Онъ отрицаетъ слѣпое довѣрчивое отношеніе къ каждой буквѣ писанія и рабское благоговѣніе предъ каждой отдѣльной фразой. Напротивъ, онъ рекомендуетъ разумное самодѣятельное изученіе божественныхъ писаній. Онъ прямо говоритъ, что «писанія многа, но не вся божественна суть».

Черезъ всѣ воззрѣнія Нила Сорскаго проходитъ одна общая идея—идея свободы.

На соборѣ 1503 года, когда дѣла приходили къ концу и нѣкоторые члены собора уже разъѣхались (между прочимъ Іосифъ Волоцкій), Нилъ поднялъ вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ. «И нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ. А съ нимъ—пустынники бѣлозерскіе».

Вопросъ, поднятый Ниломъ, былъ для тогдашнихъ монастырей такой жгучій, что онъ произвелъ на соборѣ крайній переполохъ: высшіе члены собора рѣшительно отвергали предложеніе Нила и послали за Іосифомъ Волоцкимъ, надѣясь конечно найти въ немъ самаго настойчиваго союзника, въ чемъ и не ошиблись. Нилъ утверждалъ, что монахи даютъ обѣтъ нестяжательности, а имѣнія опять влекутъ ихъ въ міръ; монахамъ слѣдуетъ питаться отъ своего рукодѣлія и жить по пустынямъ. Ему отвѣчали, что имѣнія нужны для содержанія монастырей, храмовъ и священнослужителей; люди спасались и въ вотчинныхъ монастыряхъ; наконецъ, монастыри приготовляютъ для церкви іерарховъ: «аще,—говорилъ Іосифъ,—у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному (т. е. именно родовитому) человѣку постричься? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію, или архіепископа или епископа, и на всякія честныя власти? А

коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе». Такимъ образомъ нужно было своего рода монастырское боярство.

Нилъ Сорскій и его ученики разошлись съ Іосифомъ и въ другомъ вопросѣ. Отъ Нила ученики его получили совсѣмъ иное понятіе о томъ, какъ церковь должна относиться къ еретикамъ,— чѣмъ то, какое проповѣдовали Геннадій и Іосифъ. Нилъ стоялъ за полное прощеніе еретиковъ, и во всякомъ случаѣ былъ противъ ихъ казни.

Настаивая на мукахъ и казняхъ, Іосифъ Волоцкій по обычаю старался подкрѣпить свое мнѣніе божественными писаніями: онъ пишетъ цѣлыя посланія о необходимости казней, сначала къ духовнику великаго князя Ивана Васильевича, архимандриту Митрофану, потомъ къ великому князю Василію Ивановичу, наслѣднику московскаго престола. Іосифъ подобралъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта исторіи о томъ, какъ святые люди карали еретиковъ, какъ благочестивые цари отсѣкали имъ головы.—Старцы же, ученики Нила, отвѣчаютъ на это посланіемъ, гдѣ указываютъ на то, что примѣры Ветхаго Завѣта не обязательны для насъ, а важно ученіе Христа: «не судите и не осуждены будете, но единому Богу судити согрѣшенія человѣческая».

Но по всѣмъ вопросамъ побѣда осталась за противниками Нила Сорскаго, іосифлянами. Побѣдой своей они въ значительной степени обязаны были правительству; Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи вступили какъ-бы въ союзъ съ правительствомъ и потому долго служили ему поддержкой.

Знаменательно, что Геннадій, Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій выступаютъ въ тотъ моментъ русской жизни, когда заканчивалось московское объединеніе—государственное, церковное, общественное и книжное, когда, послѣ паденія Византійской имперіи и окончательнаго сверженія татарскаго ига, слагалось новое міровоззрѣніе московской великорусской народности, съ высокимъ представленіемъ о русскомъ православіи, о могуществѣ русскаго царя.

Нилъ Сорскій стоялъ въ ряду великихъ иноковъ, предпринимавшихъ дѣло личнаго спасенія въ тяжелой борьбѣ пустынножительства, особливо въ суровыхъ дебряхъ сѣвера, и завоевывавшихъ себѣ широкое нравственное вліяніе до самыхъ центровъ власти. Какъ древніе богатыри защищали Русскую землю отъ нашествій поганой орды, такъ эти иноки искали душевнаго спасенія, создавали святыни для русскаго народа. Идеалъ, воодушевлявшій Сергія Радонежскаго, Нила Сорскаго и ихъ учениковъ, былъ залогомъ великихъ нравственныхъ стремленій среди политической и бытовой дикости. Но, какъ богатыри съ одной первобытной силой своей

не въ состояніи были отразить наиболѣе страшной опасности— татарскаго нашествія, такъ и здѣсь, въ иноческомъ подвижничествѣ, недоставало еще одной силы—силы просвѣщенія. Оставалась неудовлетворенной глубокая потребность человѣческой и народной природы — необходимость знанія, которое одно можетъ сдѣлать жизнь лица и народа сознательной. Владѣя только одностороннимъ и небогатымъ запасомъ книжности чужого происхожденія, старая русская образованность была ограничена тѣснымъ кругомъ понятій, изъ котораго не было выхода. Привыкши къ слѣпой вѣрѣ въ письменный источникъ, для испытанія котораго не имѣла средствъ, она впадала въ то преувеличеніе внѣшней обрядности, за которымъ забывалось самое содержаніе.

Отсюда вытекало то ожесточенное преслѣдованіе еретиковъ, на которомъ настаивали Геннадій съ Іосифомъ. Заботы о защитѣ и укрѣпленіи сложившагося церковнаго порядка и обряда приводили ихъ къ мысли о необходимости поддержать и укрѣпить порядокъ государственный. Политическіе взгляды Іосифа Волоцкаго усвоилъ впослѣдствіи Иванъ Грозный, а «горячая ревность о вѣрѣ», какую проявилъ игуменъ Волоколамскаго монастыря въ борьбѣ съ еретиками, отличала позднѣйшихъ противниковъ всякой новизны гражданской и церковной, когда выступили другъ противъ друга протопопъ Аввакумъ и патріархъ Никонъ.

МОСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ ВЪ НАЧАЛѢ XVI ВѢКА.

По соч. бар. *Герберштейна:* «Записки о Московіи». Пер. Анонимова. Спб. 1866.

I.

Гор. Москва—главный городъ и столица Россіи; и самая область, и рѣка, которая протекаетъ черезъ нее,—носятъ одно и то же имя. Москва-рѣка имѣетъ свой истокъ въ Тверской области, почти 70 в. выше Можайска; протекши пространство въ 90 в., она входитъ въ гор. Москву и, принявъ въ себя нѣсколько рѣкъ, съ востока впадаетъ въ р. Оку. Впрочемъ только немного выше Можайска она становится судоходною; въ этомъ мѣстѣ складываются на плоты матеріалы для постройки домовъ и для другого употребленія и привозятся въ Москву; а ниже города доставка товаровъ и всего, ввозимаго иностранцами, производится на судахъ. Плаваніе по рѣкѣ медленно и трудно, по причинѣ многочисленныхъ изгибовъ или извилинъ, преимущественно между Москвою и Коломною. Рѣка не слишкомъ рыбна; кромѣ дешевой и обыкновенной рыбы въ ней нѣтъ ничего другого. Московская область также не слишкомъ пространна и плодоносна; ея плодородію препятствуетъ песчаная повсюду почва, губящая посѣвы то излишней сухостью, то слишкомъ большою влажностью. Къ этому присоединяется неумѣренная и черезчуръ жестокая суровость климата, отъ которой при перевѣсѣ зимняго холода надъ солнечной теплотой посѣвы иногда не доходятъ до зрѣлости. Ибо случаются такіе сильные холода, что отъ ужаснаго мороза растрескивается земля, подобно тому, какъ у насъ въ лѣтнее время это бываетъ отъ чрезвычайнаго жара: тогда даже вода, вылитая на воздухѣ, или слюна, выплюнутая изо рта, замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ наземь. Мы сами видѣли, когда были тамъ въ 1526 г., что вѣтви плодовыхъ деревьевъ совершенно погибли отъ суровой зимы предшествовавшаго года. Въ тотъ годъ зима была такъ же-

стока, что весьма многихъ гонцовъ находили замерзшими въ повозкахъ. Нѣкоторые мужики изъ окрестныхъ деревень, гнавшіе въ Москву скотъ, связанный веревками, отъ сильнаго холода погибли тогда вмѣстѣ со скотомъ. Кромѣ того, многіе бродяги, которые въ тѣхъ странахъ имѣютъ обыкновеніе блуждать съ медвѣдями, пріученными къ пляскѣ, найдены были мертвыми на дорогахъ. Да и самые медвѣди, подстрекаемые голодомъ, оставивъ лѣса, рыскали по сосѣднимъ деревнямъ и врывались въ дома; когда испуганные крестьяне убѣгали отъ нихъ, то за воротами погибали отъ стужи. Такому холоду иногда также соотвѣтствуетъ чрезвычайный жаръ, какъ напримѣръ въ 1525 г., когда отъ чрезмѣрнаго солнечнаго жара почти всѣ посѣвы были выжжены, и за этой засухой послѣдовала такая дороговизна хлѣба, что за стоившее прежде три деньги платили потомъ 20 или 30. Отъ чрезвычайнаго жара загорѣлись многія деревни, лѣса и хлѣба. Дымъ отъ нихъ до того наполнялъ окрестность, что у проходящихъ мимо людей сильно ѣло глаза, и отъ дыма находилъ какой-то мракъ, который многихъ сдѣлалъ слѣпыми.

По пнямъ большихъ деревьевъ, которые существуютъ даже и нынѣ, можно заключить, что вся эта область не такъ давно была очень лѣсиста. Хотя старательнымъ трудомъ земледѣльцевъ она довольно обработана, однако за исключеніемъ того, что производятъ поля, все остальное привозится туда изъ окружныхъ областей. Ибо хотя она изобилуетъ хлѣбомъ и обыкновенными овощами, однако во всей области нѣтъ сладкихъ вишенъ и орѣховъ, кромѣ лѣсныхъ. У нихъ есть и другія фруктовыя деревья, но ихъ плоды не вкусны.

Меду и дикихъ звѣрей (исключая однако зайцевъ) въ московской области нѣтъ.

II.

Городъ Москва между другими сѣверными городами далеко выдается на востокъ, если не въ Азіи, то на краю Европы, тамъ, гдѣ она очень близко находится отъ Азіи. Самый городъ—деревянный и довольно обширенъ; издали онъ кажется еще обширнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ибо пространные сады и огороды при каждомъ домѣ дѣлаютъ городъ больше; еще болѣе увеличиваютъ его дома ремесленниковъ, употребляющихъ (при своемъ мастерствѣ) огонь; эти дома тянутся длиннымъ рядомъ на концѣ города, а между ними находятся поля и луга. Недалеко отъ города показываются домики и зарѣчныя слободы, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali, что на ихъ языкѣ значитъ Налей, потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ другимъ рус-

скимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщества съ остальными, чтобы прочіе не соблазнялись, живя вмѣстѣ съ ними. Недалеко отъ города есть нѣсколько монастырей, которые, если смотрѣть издали, кажутся однимъ городомъ. Далѣе, обширность города дѣлаетъ то, что онъ не имѣетъ опредѣленной черты и не укрѣпленъ какъ слѣдуетъ стѣною, рвомъ и башнями. Однакожъ улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загораживаются бревнами, положенными поперекъ и съ самыхъ сумерокъ оберегаются приставленными стражами, такъ что ночью никому нельзя пройти туда послѣ установленнаго часу. Кто же будетъ взятъ стражами послѣ этого часа, тѣхъ бьютъ и обираютъ или сажаютъ въ темницу, если только это не будутъ люди извѣстные и почтенные: тѣхъ обыкновенно стражи отводятъ домой. Таковые стражи обыкновенно помѣщаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ открытъ свободный доступъ въ городъ. Ибо остальную часть города омываетъ р. Москва, въ которую подъ самымъ городомъ впадаетъ р. Яуза,—а ее, по причинѣ высокихъ береговъ, рѣдко можно переходить въ бродъ. На ней выстроено много мельницъ для общаго пользованія всѣхъ горожанъ. Этими рѣками нѣсколько укрѣпленъ городъ, который, кромѣ немногихъ каменныхъ зданій, храмовъ и монастырей, выстроенъ изъ одного дерева. Число домовъ въ этомъ городѣ показываютъ едва вѣроятное, ибо намъ говорили, что за шесть лѣтъ до нашего пріѣзда въ Москву, всѣ дома были переписаны по повелѣнію князя, и что ихъ число превосходило 41.500. Этотъ городъ, столь обширный и пространный, очень грязенъ, почему на улицахъ и площадяхъ и въ лучшихъ его частяхъ подѣланы мостки. Въ этомъ городѣ есть крѣпость, построенная изъ кирпичей и омываемая съ одной стороны р. Москвою, съ другой—р. Неглинной. Неглинная же течетъ изъ какихъ-то болотъ, передъ городомъ; она такъ заперта около верхней части крѣпости, что образуетъ озеро и, вытекая оттуда, наполняетъ рвы крѣпости, на которыхъ стоятъ мельницы, и, наконецъ, подъ самой крѣпостью, какъ я сказалъ, сливается съ р. Москвой. Крѣпость же такъ велика, что кромѣ обширныхъ палатъ князя, великолѣпно выстроенныхъ изъ камня, митрополитъ, также братья князя, вельможи и весьма многіе другіе имѣютъ въ ней большія деревянныя палаты. Кромѣ того, въ крѣпости находится много церквей, и эта обширность даетъ ей видъ настоящаго города. Сначала эта крѣпость была окружена только дубовыми стѣнами и была мала и незначительна до временъ великаго князя Іоанна Даніиловича; онъ первый, по внушенію митрополита Петра перенесъ сюда столицу государства. Ибо Петръ еще прежде избралъ этотъ городъ своимъ мѣстопребываніемъ; по смерти, онъ

былъ погребенъ здѣсь же. Когда на его могилѣ стали совершаться чудеса, это мѣсто сдѣлалось такъ славно молвою о своей святости, что послѣдующіе князья, наслѣдники Іоанна, положили сдѣлать его своею столицею. Іоаннъ, отецъ того князя, у котораго я былъ посломъ, первый началъ обводить крѣпость стѣною; это дѣло, почти 30 лѣтъ спустя, довершили его потомки. Крѣпостныя укрѣпленія и дворецъ князя выстроены изъ кирпича на итальянскій манеръ тѣми итальянцами, которыхъ князь вызвалъ къ себѣ обѣщаніемъ большихъ наградъ. Въ этой крѣпости много церквей; всѣ онѣ деревянныя, исключая двухъ знаменитѣйшихъ, которыя выстроены изъ кирпичей: одна изъ нихъ посвящена св. Дѣвѣ, другая св. Михаилу. Въ нашу бытность строились весьма многіе храмы изъ камня.

III.

Климатъ этой страны такъ здоровъ, что за истоками Танаиса (Дона), въ особенности на сѣверъ, а также и далѣе на востокъ, не запомнятъ, чтобы когда-нибудь была какая зараза. Однакожъ у нихъ есть одна болѣзнь, поражающая голову и внутренности, и весьма похожая на заразу и отъ нея умираютъ въ нѣсколько дней. Эта болѣзнь свирѣпствовала въ нашу бытность въ Москвѣ и похитила одного изъ нашей свиты. Живя въ такой здоровой странѣ, они боятся заразы, и когда она свирѣпствуетъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ, или Псковѣ, то они не впускаютъ въ свою область никого, кто приходитъ оттуда.

Въ 36 герм. миляхъ на востокъ отъ Москвы встрѣчается намъ Владиміръ, большой городъ съ деревянною крѣпостью. Онъ стоитъ между Волгою и Окою въ такой плодоносной странѣ, что изъ одной мѣры пшеницы родится 20, а иногда и 30 мѣръ. Рѣка Клязьма омываетъ его съ одной стороны, а съ прочихъ окружаютъ большіе и пространные лѣса.

Нижній-Новгородъ — обширный деревянный городъ съ каменною крѣпостью, построенною нынѣшнимъ государемъ Василіемъ на скалѣ, при сліяніи р. Волги и Оки. Страна плодородіемъ и обиліемъ произведеній не уступаетъ владимірской области. Здѣсь предѣлъ христіанской религіи съ этой стороны.

Рѣка Сура раздѣляетъ владѣнія царей Московскаго и Казанскаго; впадаетъ въ Волгу. На ихъ сліяніи князь московскій воздвигнулъ крѣпость и назвалъ по своему имени Василь-городомъ. Недалеко оттуда есть р. Мокша. На востокъ и на югъ отъ р. Мокши встрѣчаются огромные лѣса, въ которыхъ живетъ народъ Мордва,

который имѣетъ свой собственный языкъ и состоитъ подъ властью московскаго князя. Изъ нихъ нѣкоторые пребываютъ въ идолопоклонствѣ, другіе— магометане. Они живутъ разсѣянно по деревнямъ, обрабатываютъ поля, питаются дичиной и медомъ, имѣютъ въ изобиліи драгоцѣнные мѣха; это люди въ высшей степени свирѣпые, потому что не разъ храбро отражали даже татарскихъ разбойниковъ. Почти всѣ они — пѣшіе, отличаются продолговатыми луками и искусствомъ метать стрѣлы.

Рязанская область лежитъ между Окою и р. Танаисомъ. На юго-востокъ отъ Москвы находится гор. Коломна, потомъ Рязань. Эта область плодоноснѣе всѣхъ прочихъ областей московскихъ; въ ней, какъ говорятъ, одно зерно пшеницы приноситъ иногда по два колоса и больше: ихъ стебли ростутъ такъ густо, что лошади не могутъ свободно переходить черезъ поле, ни перепелы свободно вылетать оттуда. Меду, рыбы, птицъ и дикихъ звѣрей тамъ множество, а древесные плоды гораздо нѣжнѣе московскихъ; народъ— самый смѣлый и воинственный.

Изъ Московіи къ этой крѣпости и далѣе течетъ Танаисъ: тамъ купцы, отправляющіеся въ Азовъ, Кафу и Константинополь, нагружаютъ свои корабли. Это по большей части дѣлается осенью, въ дождливую пору года, потому что въ другія времена года Танаисъ въ этомъ мѣстѣ не такъ обиленъ водою, чтобы по немъ могли ходить корабли съ грузомъ.

Гор. Тула находится почти въ 40 германскихъ миляхъ отъ Рязани, а отъ Москвы лежитъ къ югу въ 36 миляхъ. Это—послѣдній городъ къ степямъ. Въ немъ Василій Іоанновичъ построилъ каменную крѣпость, черезъ которую протекаетъ рѣка того же имени; другая же рѣка—Упа сначала течетъ подъ стѣнами крѣпости и соединившись съ р. Тулою, впадаетъ въ Оку. Не такъ далеко отъ ея устья стоитъ крѣпость Одоевъ. Гор. Тула даже во времена Василія имѣлъ собственнаго князя.

Славнѣйшая рѣка Танаисъ, разграничивающая Европу и Азію, беретъ свое начало изъ Иванова озера. Ближайшій къ его истокамъ городъ есть Тула, а близъ устья, на берегу, стоитъ Азовъ. Этой рѣкѣ расточаютъ всевозможныя похвалы за необыкновенное множество превосходной рыбы и за пріятность ея береговъ, представляющихся тщательно воздѣланнымъ садомъ,—въ такомъ изобиліи ростутъ на нихъ различныя травы, сладкія овощи и самыя разнообразныя плодовыя деревья. Дичи тамъ такое множество, и ее такъ легко добывать стрѣлами, что путешествующіе по тѣмъ мѣстамъ для своего пропитанія нуждаются только въ огнѣ и соли. Подвластный туркамъ Азовъ отстоитъ, какъ сказываютъ, на пять дней отъ Таврическаго перешейка, иначе называемаго Перекопомъ. Это—

знаменитый рынокъ многихъ народовъ изъ различныхъ странъ земного шара. Доступъ туда свободенъ всякому, какой бы онъ націи ни былъ; всѣмъ дается позволеніе продавать и покупать.

Мценскъ — мѣсто болотистое, гдѣ въ древности была крѣпость, слѣды которой существуютъ и нынѣ. Около этого мѣста до сихъ поръ нѣкоторые живутъ въ палаткахъ и, при наступленіи опасности, прячутся въ эти болота, какъ за стѣны крѣпости. Влѣво отъ Мценска беретъ начало р. Ока, окружаетъ Мценскъ въ видѣ дуги и потомъ течетъ черезъ многіе города, именно: Воротынскъ, Калугу, Серпуховъ, Каширу, Рязань, Касимовъ-городъ и Муромъ, и наконецъ за Нижнимъ Новгородомъ впадаетъ въ Волгу, по обоимъ берегамъ ея тянутся лѣса, которые изобилуютъ медомъ, бѣлками, горностаями и куницами. Всѣ поля, которыя она орошаетъ, очень плодоносны. Эта рѣка преимущественно славится множествомъ рыбы. Въ ней водятся какія-то особенныя рыбы, которыя на ихъ языкѣ называются бѣлугами, удивительной величины, безъ костей, съ большой головой и широкой пастью, — стерляди, севрюги, осетры, бѣлорыбицы, т. е. бѣлая рыбка, весьма нѣжная вкусомъ; полагаютъ, что большая часть этой рыбы заходитъ сюда изъ Волги. Говорятъ, что около истоковъ Оки берутъ начало двѣ другія рѣки, Сеймъ и Сосна; Сеймъ течетъ по Сѣверскому княжеству, черезъ Путивль, и изливается въ р. Десну, протекающую черезъ гор. Черниговъ и впадающую ниже Кіева въ Борисѳенъ (Днѣпръ). Сосна же течетъ прямо въ Танаисъ.

На берегу рѣки Оки стоитъ городъ Каширa. Василій овладѣлъ городомъ Серпуховымъ, лежащимъ невдалекѣ отъ Каширы, гдѣ, даже на ровномъ мѣстѣ, добывается желѣзная руда.

Гор. Калуга—на Окѣ. Тамъ искусно дѣлаютъ рѣзныя деревянныя чашки и другія вещи изъ дерева для домашняго обихода; онѣ вывозятся оттуда въ Московію, Литву и другія окрестныя страны. Князь ежегодно ставитъ тамъ стражу противъ татарскихъ набѣговъ.

Княжество Воротынское, съ городомъ и крѣпостью того же имени, находится выше Калуги, недалеко отъ берега Оки.

Сѣвера—большое княжество, крѣпость котораго, Новгородъ, еще не такъ давно была столицею сѣверскихъ князей, до того времени, какъ они были лишены княжества Василіемъ. Оно заключаетъ въ себѣ обширныя и частію пустынныя поля, а около Брянска—огромный лѣсъ. Въ немъ много крѣпостей и городовъ, между которыми славнѣйшіе: Стародубъ, Путивль, Черниговъ. Почва плодоносна тамъ, гдѣ воздѣлывается. Въ лѣсахъ водится множество горностаевъ, бѣлокъ, куницъ и меду. Народъ, вслѣдствіе постоянной борьбы съ татарами, весьма воинственъ.

На пути изъ Путивля въ Тавриду, въ степи встрѣчаются рѣки

Сна, Самара и Орелъ; двѣ послѣднія весьма широки и глубоки. Переправа черезъ нихъ иногда очень долго задерживаетъ путниковъ и при этомъ ихъ часто окружаютъ татары и берутъ въ плѣнъ. За ними попадаются на пути рѣки Конскія воды и Молочная, черезъ которыя переправляются новымъ способомъ: разсѣченныя маленькія деревья соединяютъ въ связки, на которыя кладутъ свое добро и садятся сами, гребутъ,—и теченіе рѣки выноситъ ихъ на другой берегъ. Другіе привязываютъ такого рода связки къ хвостамъ лошадей, которыя, будучи понуждаемы бичами, переплывая на другой берегъ, тащутъ за собой людей и такимъ образомъ перевозятъ ихъ.

Угра, глубокая и илистая рѣка, беретъ свое начало въ одномъ лѣсу недалеко отъ Дорогобужа и изливается въ Оку между Калугою и Воротынскомъ. Эта рѣка нѣкогда отдѣляла Литву отъ Московіи.

Смоленскъ, резиденція епископа, стоитъ на р. Борисѳенѣ и имѣетъ крѣпость на другомъ, восточномъ берегу рѣки. Крѣпость выстроена изъ дуба, и въ ней находится много домовъ, какъ въ городѣ. Съ той стороны, которая выдается на холмъ (другая сторона омывается Борисѳеномъ), она укрѣплена рвами и острымъ тыномъ, которые препятствуютъ нападенію непріятеля. Городъ, лежащій въ долинѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ плодоносными холмами и опоясанъ весьма обширными лѣсами, въ которыхъ добывается много различныхъ мѣховъ. Въ крѣпости одна каменная церковь, посвященная Св. Дѣвѣ, другія же зданія деревянныя; въ городскомъ предмѣстьѣ виднѣются многія развалины каменныхъ монастырей. Если идти изъ Москвы къ Смоленску въ югозападномъ направленіи, то встрѣтятся Можайскъ, Вязьма, Дорогобужъ. Я проѣзжалъ только эти три города и другихъ тамъ не замѣтилъ.

Дорогобужъ и Вязьма, города съ крѣпостями, выстроены изъ дерева и стоятъ на Борисѳенѣ; нѣкогда они были подъ властью князей литовскихъ. Подъ городомъ Вязьмой находится рѣка того же имени, которая недалеко оттуда, именно въ двухъ верстахъ, впадаетъ въ Борисѳенъ; обыкновенно корабли, нагруженные товарами, идутъ изъ Вязьми въ Борисѳенъ и наоборотъ вверхъ по Борисѳену ходятъ до Вязьмы.

Можайскъ—городъ и крѣпость деревянные. Около него большое множество зайцевъ. Князь обыкновенно каждый годъ охотится тамъ и иногда выслушиваетъ пословъ различныхъ государей.

Ржевъ Дмитровскій, городъ съ крѣпостью, находится на западъ отъ Москвы. Крѣпость, отъ которой князь заимствуетъ титулъ, лежитъ на рѣкѣ Волгѣ и господствуетъ надъ весьма обширной областью. Есть и другой Ржевъ—онъ называется пустымъ. За

Ржевомъ Дмитровскимъ въ нѣсколькихъ миляхъ на западъ есть лѣсъ, называемый Волконскимъ, изъ котораго берутъ начало четыре рѣки. Въ этомъ лѣсу есть болото, изъ него течетъ не такъ большая рѣка и впадаетъ въ какое-то озеро Волго. Она снова вытекаетъ оттуда, сдѣлавшись гораздо обильнѣе водою, и называется Волгой по имени этого озера. Протекши черезъ многія болота и принявъ въ себя много рѣкъ, она изливается въ Каспійской море, называемое русскими Хвалынскимъ моремъ. Въ томъ же лѣсу есть деревня, въ окрестностяхъ которой беретъ начало Борисѳенъ, который у туземцевъ называется Днѣпромъ. Недалеко отъ этого мѣста есть монастырь св. Троицы, гдѣ беретъ начало другая рѣка, больше первой, имѣющая уменьшительное имя—Днѣпрецъ. Обѣ эти рѣки сливаются между болотомъ и истоками Борисѳена; на этомъ мѣстѣ товары нагружаются на суда и вывозятся въ Литву, и купцы обыкновенно заѣзжаютъ въ этотъ монастырь, какъ на постоялый дворъ. Двина начинается невдалекѣ отъ истоковъ Борисѳена и впадаетъ въ Германское море (которое русскіе называютъ Варяжскимъ моремъ), орошаетъ Витебскъ, Полоцкъ, Динабургъ.

Ловать—четвертая рѣка, которую никакъ нельзя сравнивать съ прочими тремя, беретъ начало между озеромъ Двиною и болотомъ или изъ самаго болота. Я не могъ узнать положительно объ ея истокахъ, хотя они находятся недалеко отъ истоковъ Борисѳена. Она орошаетъ Великіе Луки и изливается въ озеро Ильмень.

Волокъ—городъ и крѣпость. Князь титулуется по имени этого мѣста и ежегодно отдыхаетъ здѣсь отъ трудовъ, травя зайцевъ собаками и охотясь на птицъ съ соколами.

Великіе Луки—крѣпость и городъ. Черезъ это мѣсто лежитъ путь изъ Москвы въ Литву.

Торопецъ—крѣпость съ городомъ между Великими Луками и Смоленскомъ у границъ Литвы.

Тверь или Отверь, нѣкогда весьма обширная область, одно изъ великихъ княжествъ русскихъ, лежитъ на р. Волгѣ и имѣетъ обширный городъ, черезъ который протекаетъ Волга. На другомъ берегу, со стороны Москвы, стоитъ крѣпость, напротивъ которой изливается въ Волгу р. Тверца. По этой рѣкѣ я прибылъ на суднѣ въ Отверь и на другой день поплылъ по р. Волгѣ.

Новгородъ Великій есть самое обширное княжество во всей Россіи и на ихъ языкѣ называется Novuigorod, т. е. новый городъ или новая крѣпость, ибо они называютъ городомъ все, что окружено стѣною, укрѣплено тыномъ или загорожено другимъ способомъ. Этотъ городъ обширенъ, черезъ него протекаетъ судоходная р. Волховъ, вытекающая почти въ двухъ верстахъ выше города изъ озера Ильменя и впадающая въ озеро Нево, нынѣ называемое

Ладогой отъ города, который при немъ стоитъ. Нѣкогда, во время своего процвѣтанія и независимости, этотъ городъ имѣлъ весьма обширную область, раздѣленную на пять частей. Каждая часть не только имѣла своихъ начальниковъ, вѣдѣнію которыхъ подлежали всѣ общественныя и частныя дѣла, но и заключеніе сдѣлокъ между согражданами могло быть совершаемо только въ своей части города, и никому не позволено было обращаться съ какимъ бы то ни было дѣломъ къ другому начальнику того же города. И въ это время здѣсь былъ самый большой рынокъ во всей Россіи, потому что туда стекалось огромное число купцовъ отовсюду, изъ Литвы, Польши, Швеціи, Даніи и самой Германіи, и граждане богатѣли отъ такого многочисленнаго стеченія разныхъ племенъ. И въ наше время германцамъ позволено имѣть тамъ своихъ квесторовъ или раціонаріевъ. Владѣнія Новгорода простирались большею частію на востокъ и сѣверъ. Они доходили до Ливоніи, Финляндіи и почти до Норвегіи. Когда я прибылъ туда въ томъ же экипажѣ, въ которомъ выѣхалъ изъ Аугсбурга, тамошніе купцы усильно просили меня, чтобы я оставилъ, для вѣчной памяти, въ ихъ храмѣ повозку, въ которой совершилъ такой длинный путь. На востокѣ Новгородъ владѣлъ княжествами Двиной и Вологдой, а на югъ— половиной города Торжка, недалеко отъ Твери. И хотя эти провинціи безплодны, потому что наполнены рѣками и болотами, и въ нихъ жить неудобно, но тѣмъ не менѣе онѣ получаютъ большую прибыль отъ мѣховъ дикихъ звѣрей, меду, воску и отъ множества рыбы. Эта страна гораздо холоднѣе, чѣмъ самая Московія. Народъ былъ здѣсь весьма образованный и честный, а теперь сталъ самый испорченный, заразившись безъ сомнѣнія московскою порчею, которую принесли съ собою приходящіе сюда московиты.

Озеро Ильмень, которое въ древнихъ русскихъ писаніяхъ называется Ильмеръ, находится въ двухъ верстахъ ниже Новгорода. Оно принимаетъ, въ числѣ другихъ, двѣ знаменитыя рѣки, Ловать и Шелонь. Ловать вытекаетъ изъ какого-то озера. Выпускаетъ же оно (озеро Ильмень) одну рѣку, Волховъ, который течетъ черезъ Новгородъ и впадаетъ въ озеро Ладогу. Это озеро выпускаетъ большую рѣку Неву, которая течетъ на западъ въ Германское море. У ея устьевъ, по срединѣ рѣки, въ московскомъ владѣніи лежитъ крѣпость Орѣшекъ, которую германцы называютъ Нутембургомъ.

Руса, называвшаяся прежде старою Руссіею,—старый городокъ во владѣніяхъ Новгорода. Она имѣетъ соленый источникъ, который граждане запираютъ въ широкій бассейнъ на подобіе озера, а оттуда каждый для себя проводитъ воду въ свой домъ каналами и вываривaетъ изъ нея соль.

Крѣпость Иваньгородъ выстроена изъ камня у берега р. Нарвы Іоанномъ Васильевичемъ, отъ котораго она и получила свое имя. Тамъ же на противоположномъ берегу стоитъ ливонская крѣпость, получившая названіе отъ р. Наровы. Между этими двумя крѣпостями протекаетъ рѣчка Нарова и новгородскія владѣнія отдѣляетъ отъ ливонскихъ. Судоходная рѣка Нарова вытекаетъ изъ того озера, которое русскіе называютъ Чудскимъ. Она принимаетъ въ себя двѣ рѣки Плесковію и Велпкую, которая идетъ съ юга и протекаетъ черезъ городъ Опочку, оставивъ Псковъ вправѣ. Плаваніе между Псковомъ и Балтійскимъ моремъ было бы легко, если бы не были тому препятствіемъ пороги недалеко отъ Иваньгорода и Нарвы.

Городъ Псковъ стоитъ при озерѣ, изъ котораго выходитъ рѣка того же имени, течетъ по срединѣ города и изливается въ озеро, которое русскіе называютъ Чудскимъ. Одинъ только Псковъ во всемъ владѣніи московскаго государя окруженъ каменною стѣною; онъ раздѣленъ на четыре части, изъ которыхъ каждая заключается въ своихъ стѣнахъ. Встарину Псковъ былъ весьма обширенъ и независимъ. Черезъ этотъ городъ лежитъ путь изъ Москвы и Новгорода въ Ригу, столицу Ливоніи.

Водская область лежитъ на сѣверозападѣ отъ Новгорода, и крѣпость Иваньгородъ остается отъ нея влѣво.

Островъ Соловки лежитъ въ морѣ, на сѣверѣ, между областями Двиною и Корелою, по причинѣ частыхъ болотъ, лѣсовъ и пространныхъ пустынь; нельзя точно исчислить разстояніе его отъ Москвы. На этомъ островѣ въ большомъ количествѣ вываривается соль. Тамъ же есть монастырь. Тамъ же богатый ловъ рыбъ, называемыхъ туземцами Selgi; по моему мнѣнію это сельди.

Дмитровъ, городъ съ крѣпостью, стоитъ отъ Москвы почти на западо-сѣверо-западъ. Въ то время имъ владѣлъ Георгій, братъ великаго князя. Черезъ него протекаетъ рѣка Яхрома, которая впадаетъ въ руку Сестру. Кромѣ того, Сестра принимаетъ Дубну и сама изливается въ Волгу. Такое удобное расположеніе рѣкъ представляетъ большія выгоды купцамъ, которые безъ большого труда ввозятъ товары изъ Каспійскаго моря по Волгѣ въ различныя страны и даже въ самую Москву.

Бѣлоозеро, городъ съ крѣпостью, лежитъ при озерѣ того же имени; у русскихъ Бѣлоозеро значитъ albus lacus. Городъ находится не на самомъ озерѣ, однако онъ со всѣхъ сторонъ такъ окруженъ болотами, что кажется неприступнымъ. По этой причинѣ московскіе князья обыкновенно прячутъ тамъ свои сокровища. Двѣ дороги идутъ изъ Москвы въ Бѣлоозеро: одна ближайшая, черезъ Угличъ, въ зимнее время, а лѣтомъ другая—черезъ Ярославль. Та

и другая дорога неудобна для ѣзды по причинѣ множества болотъ, лѣсовъ и рѣкъ,—если только не настланы мосты, дѣлающіеся крѣпкими отъ льду. Къ затруднительности пути присоединяется еще и то, что вслѣдствіе большого количества болотъ, лѣсовъ и отовсюду стекающихся рѣкъ эти мѣста не обработаны, города въ нихъ черезчуръ рѣдки. Вытекаетъ изъ этого озера одна только Шексна, которая впадаетъ въ Волгу выше Ярославля и ниже города Мологи. Рыба, которая приходитъ изъ Волги въ эту рѣку и озеро, дѣлается лучше; она становится тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ дольше остается въ немъ. Опытность рыбаковъ въ распознаваніи такова, что, поймавъ рыбу, возвратившуюся въ Волгу, они узнаютъ, сколько времени она пробыла въ озерѣ. Туземцы имѣютъ свой собственный языкъ, хотя нынѣ почти всѣ говорятъ по-русски. Хотя зима тамъ бываетъ дольше, однако плоды поспѣваютъ и собираются въ тоже время, какъ и въ Москвѣ.

Угличъ, городъ съ крѣпостью, лежитъ на берегу Волги.

Мѣстечко Холопій-городъ стоитъ недалеко отъ Углича. На этомъ мѣстѣ бываетъ ярмарка, наиболѣе посѣщаемая во всемъ владѣніи московскаго государя; сюда стекаются кромѣ шведовъ, ливонцевъ и московитовъ, еще татары и весьма многіе другіе изъ восточныхъ и сѣверныхъ странъ. Они ведутъ только мѣновую торговлю, потому что эти народы рѣдко или почти совсѣмъ не употребляютъ золота и серебра. Готовыя платья, иглы, ножики, кострюли, топоры и т. п. они обмѣниваютъ большею частью на мѣха.

Переяславль, городъ и крѣпость, на сѣверо-востокѣ, лежитъ при озерѣ, въ которомъ ловятся, какъ на островѣ Соловкахъ, рыбки сельги: о нихъ я упомянулъ выше. Поля довольно плодоносны и обильны; послѣ жатвы князь тѣшится на нихъ охотой. На тѣхъ же поляхъ есть озеро, изъ воды котораго вываривается соль. Черезъ этотъ городъ отправляются тѣ, которые должны ѣхать въ Нижній Новгородъ, Кострому, Ярославль и Угличъ. Въ этихъ странахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго исчисленія пути, по причинѣ частыхъ болотъ и лѣсовъ. Тамъ же есть рѣчка Нерль, вытекающая изъ какого-то озера и впадающая въ Волгу выше Углича.

Ростовъ, городъ и крѣпость, мѣстопребываніе архіепископа, вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ и Муромомъ считается послѣ Великаго Новгорода въ числѣ главныхъ и древнѣйшихъ княжествъ Руссіи. Дорога изъ Москвы въ Ростовъ идетъ прямо черезъ Переяславль. Лежитъ онъ при озерѣ, изъ котораго выходитъ рѣка Которость, протекающая черезъ Ярославль и впадающая въ Волгу. Страна имѣетъ плодоносную почву и преимущественно изобилуетъ рыбою и солью.

Ярославль, городъ и крѣпость на берегу Волги. Страна до-

вольно плодоносна, особенно въ той части, которая прилежитъ къ Волгѣ.

Вологда, область, городъ и крѣпость, получившіе одно общее имя отъ рѣки; епископы пермскіе имѣютъ здѣсь свое мѣстопребываніе, дорога изъ Москвы въ нее идетъ черезъ Ярославль. Вся страна болотиста и лѣсиста, отъ чего также и въ этомъ краю путешественники не могутъ въ точности опредѣлять разстоянія по причинѣ частыхъ болотъ и извилистыхъ рѣкъ. Ибо чѣмъ дальше идешь, тѣмъ больше встрѣчается непроходимыхъ болотъ, рѣкъ и лѣсовъ. Ниже города съ р. Вологдой соединяется р. Сухона, вытекающая изъ озера, которое называется Кубинскимъ. Рѣка удерживаетъ имя Сухоны и течетъ на сѣверо-востокъ. Вологодская область была прежде подвластна Великому Новгороду. Такъ какъ ея крѣпость занимаетъ отъ природы крѣпкую позицію, то князь, какъ слышно, хранитъ тамъ часть своихъ сокровищъ. Въ годъ нашей поѣздки въ Московію была тамъ такая дороговизна хлѣба, что одна мѣра, употребляющаяся у нихъ, продавалась по 14 денегъ, тогда какъ въ другое время въ Московіи она обыкновенно продается по 4, 5 и 6 денегъ.

Рѣка Вага, изобилующая рыбой, беретъ начало между Бѣлоозеромъ и Вологдой въ болотахъ и дремучихъ лѣсахъ и изливается въ р. Двину. Жители ея окрестностей снискиваютъ себѣ пропитаніе охотой, потому что у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ хлѣба. Оттуда идетъ кратчайшій путь къ рѣкѣ Двинѣ.

Область Устюгъ получила имя отъ города и крѣпости, лежащихъ на р. Сухонѣ. Городъ прежде стоялъ у устьевъ р. Юга, которая течетъ съ юга на сѣверъ: потомъ онъ былъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто, выше устья, но до сихъ поръ удерживаетъ древнее названіе. Эта область была прежде подвластна Великому Новгороду. Хлѣба въ ней очень мало или почти и совсѣмъ нѣтъ: пищею служитъ рыба и дичь. Соль получается изъ области Двины. У жителей свой языкъ, хоть они больше говорятъ по-русски. Соболей тамъ немного, да и тѣ не изъ отличныхъ; однако другіе мѣха находятся въ изобиліи, особенно мѣха черныхъ лисицъ.

Область и рѣка Двина получили свое имя отъ стеченія р. Юга и Сухоны, эта рѣка впадаетъ въ Сѣверный океанъ, который омываетъ Швецію и Норвегію. Въ этой области нѣтъ городовъ и крѣпостей, кромѣ крѣпости Холмогоръ, города Двины, стоящаго почти посрединѣ между истокомъ и устьемъ рѣки, и крѣпости Пинеги, лежащей у самаго устья Двины. Однако, по разсказамъ, въ ней много деревень, которыя по причинѣ неплодородія земли разъединены большими разстояніями. Жители питаются рыбой и дичиной и въ изобиліи имѣютъ всякаго рода мѣха. Говорятъ, что въ

приморскихъ мѣстахъ этой страны водятся бѣлые медвѣди, живущіе по большей части въ морѣ. Ихъ мѣха весьма часто привозятся въ Москву. Въ первое мое посольство въ Московію я привезъ съ собою два такихъ мѣха. Эта страна изобилуетъ солью.

Владѣнія московскаго князя простираются далеко на востокъ и нѣсколько на сѣверъ.

Княжество Суздаль, съ крѣпостью и городомъ того же имени, а въ нихъ мѣстопребываніе епископа,—лежитъ между Ростовомъ и Владиміромъ. Между всѣми княжествами и областями государя Московскаго по плодородію почвы и обилію произведеній первое мѣсто занимаетъ Рязань; послѣ нея Ярославль, Ростовъ, Переяславль, Суздаль, Владиміръ, которые по плодородію почвы немногимъ уступаютъ Рязани.

Кострома, городъ съ крѣпостью, на берегу Волги; рѣка, отъ которой заимствуетъ имя городъ, впадаетъ тутъ въ Волгу.

Галичъ, другое княжество съ городомъ и крѣпостью, находится на востокъ отъ Москвы, за Костромою.

Область Вятки—за рѣкою Камою; кратчайшая дорога къ ней идетъ черезъ Кострому и Галичъ, но она трудна, ибо, кромѣ болотъ и лѣсовъ, которые затрудняютъ путь, между Галичемъ и Вяткою еще разбойничаютъ бродящіе тамъ черемисы. Поэтому ѣдутъ въ Вятку черезъ Вологду и Устюгъ путемъ болѣе долгимъ, но за то болѣе легкимъ и безопаснымъ. Страна получила свое названіе отъ рѣки, на берегу которой находятся Хлыновъ, Орловъ и Слободской. Орловъ стоитъ на четыре мили ниже Хлынова. Потомъ въ шести миляхъ ниже, къ западу, стоитъ Слободской. Котельничъ же находится въ восьми миляхъ отъ Хлынова на р. Рѣчицѣ, которая течетъ съ востока между Хлыновымъ и Орловымъ и впадаетъ въ Вятку. Страна болотиста и безплодна и служитъ какъ бы убѣжищемъ бѣглыхъ рабовъ; изобилуетъ медомъ, дикими звѣрями, рыбой и бѣлками. Прежде она была подвластна татарамъ, да и теперь по сю и по ту сторону Вятки, въ особенности при впаденіи ея въ Каму, властвуютъ татары. Р. Кама изливается въ Волгу ниже Казани; за этой рѣкой лежитъ область Сибирь.

Пермія, большая и обширная область, отстоитъ отъ Москвы прямо на сѣверо-востокъ. Въ ней находится городъ того же имени, стоящій на рѣкѣ Вышерѣ, которая впадаетъ въ Каму. По причинѣ множества болотъ и рѣкъ туда едва можно доѣхать сухимъ путемъ, развѣ только зимою, лѣтомъ же легче совершить этотъ путь на судахъ, черезъ Вологду, Устюгъ и рѣкою Вычегдою, которая впадаетъ въ Двину. Ѣдущимъ изъ Перми въ Устюгъ надобно плыть по Вышерѣ; пройдя нѣсколько рѣкъ и въ иныхъ мѣстахъ перетаскивая суда землею въ другія рѣки, она приходитъ къ Устюгу. Въ

этой области хлѣбъ составляетъ рѣдкость; подать князю жители Перміи ежегодно платятъ лошадьми и мѣхами. У нихъ свой языкъ, а также и свои письмена, изобрѣтенныя епископомъ Стефаномъ, который окончательно утвердилъ ихъ въ христіанской вѣрѣ. До сихъ поръ многіе изъ нихъ остаются идолопоклонниками, живя разсѣянно въ лѣсахъ; монахи и отшельники, отправляющіеся туда, не перестаютъ обращать ихъ отъ заблужденій и суетнаго служенія идоламъ. Зимою они ходятъ на «артахъ», что дѣлается въ весьма многихъ мѣстахъ Руссіи,—а «арты» суть деревянныя продолговатыя подошвы почти въ шесть ладоней длиною, они держатся на нихъ, подвязывая ихъ къ ногамъ, и ходятъ очень быстро. Они употребляютъ вмѣсто вьючнаго скота большихъ собакъ, на которыхъ перевозятъ тяжести въ повозкахъ.

Положеніе области Югры явствуетъ изъ вышесказаннаго. Русскіе произносятъ слово Iuhra съ придыханіемъ и называютъ народъ югричами. Они также платятъ дань князю мѣхами. Хотя оттуда привозятся въ Москву жемчугъ и драгоцѣнные камни, однако они собираются не на ихъ океанѣ, а въ другомъ мѣстѣ, преимущественно же привозятся съ морского берега близъ устьевъ Двины.

Область Сибирь граничитъ съ Пермью и Вяткой, но имѣетъ ли какія-нибудь крѣпости и города.—навѣрное не знаю. Въ ней беретъ начало рѣка Яикъ, которая впадаетъ въ Каспійское море. Говорятъ, что эта страна пустынна по причинѣ близкаго сосѣдства съ татарами. Жители ея имѣютъ собственный языкъ, ихъ главный промыселъ—бѣличьи мѣха, которые больше и красивѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Черемисы живутъ въ лѣсахъ около Нижняго Новгорода. Они имѣютъ собственный языкъ и исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Они подвластны теперь Казанскому царю, хотя большая ихъ часть прежде платила дань князю Московскому. Это племя обитаетъ на обширномъ пространствѣ отъ Вятки и Вологды до рѣки Камы, не имѣя постоянныхъ жилищъ. Всѣ они, какъ мужчины, такъ и женщины, весьма быстры на бѣгу, всѣ весьма искусны въ метаніи стрѣлъ, потому что никогда не выпускаютъ изъ рукъ лука.

Мордва живетъ по Волгѣ, на южномъ ея берегу, за Нижнимъ Новгородомъ. Здѣсь конецъ московскихъ владѣній.

Цѣна 1 руб.

Изданія Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Сборникъ «Старина и Новизна». 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11 книги. Цѣна 2 р. каждой книги, для членовъ Общества 1 р. *).

Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. Валерія Лясковскаго. Цѣна 80 коп., для членовъ Общества 40 к.

Біографія генерала Котляревскаго. Соч. гр. Соллогуба. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.

Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева. Цѣна 40 к., для членовъ Общества 25 коп.

С. А. Рачинскій, съ портретомъ. Н. М. Горбова. Цѣна 30 коп.

Памяти С. А. Рачинскаго † 2 мая 1902 г. Валерія Лясковскаго. Цѣна 20 к.

Татевскій Сборникъ. С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Цѣна 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 р.

Бесѣды о древней русской литературѣ. И. П. Хрущова. Цѣна 1 р. 25 к., для членовъ Общества 65 к.

«Константинополь». Соч. Ф. Маріона Крауфордъ. Переводъ съ англ. гр. Е. В. Шереметевой, подъ ред. проф. Помяловскаго. Цѣна 50 коп., для членовъ Общества 25 к.

Меншиковъ. Историч. драма въ 5 дѣйств., въ стихахъ. Соч. В. Л. Величко. Съ портр. Меншикова. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.

Война и Миръ (1805—1812). Съ историч. точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. По поводу соч. гр. Л. Н. Толстого «Война и Миръ» А. С. Норова. Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.

Собраніе народныхъ разсказовъ А. П. Каленкампъ-Сѣтковой. Цѣна 75 к.

Панихида 26 февраля 1904 г. На темы изъ древнихъ роспѣвовъ для хора мужскихъ голосовъ. Ст. В. Смоленскаго. Цѣна 1 р.

Сборникъ разсказовъ изъ русской и чужеземной жизни. Часы досуга. Составленъ подъ ред. И. П. Хрущова. Цѣна 75 коп.

Въ защиту просвѣщенія восточно-русскихъ инородцевъ по системѣ Ник. Ив. Ильминскаго. Ст. В. Смоленскаго. Цѣна 40 коп.

Сборникъ документовъ музея графа М. Н. Мураньева. Т. I. Составилъ Б. Бѣлецкій. Цѣна 3 р., для членовъ Общества 2 р.

Инородцы въ Россіи. Современные вопросы. А. Е. Алекторова. Съ предисловіемъ и добавленіемъ А. С. Будиловича. Цѣна 50 коп.

Складъ изданій Общества: *С.-Петербургъ*, Фонтанка, 34. *Москва*, Воздвиженка, д. 8.

*) Гг. Члены Общества могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ лишь по одному экземпляру каждой книги, требуемые же сверхъ сего экземпляры оплачиваются по цѣнѣ, установленной для посторонннихъ лицъ.